

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Дорожину
Росичуру Захарову
Лукичеву
на добрую память

28/11/1969.

Ю. Соловьев

М.С СТРОГОВИЧ

КУРС
СОВЕТСКОГО
УГОЛОВНОГО
ПРОЦЕССА

ТОМ I:
ОСНОВНЫЕ
ПОЛОЖЕНИЯ
НАУКИ
СОВЕТСКОГО
УГОЛОВНОГО
ПРОЦЕССА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1968

И I АВТОРА

Двухтомный «Курс советского уголовного процесса» — итог многолетних исследований видного советского ученого-юриста, члена-корреспондента Академии наук СССР М. С. Строговича, автора ряда монографий и статей, посвященных проблемам права, законности, уголовного процесса.

В первом томе с учетом нового законодательства рассмотрены сущность и основные положения советского уголовно-процессуального права. Подробно изложена теория судебных доказательств — общие положения доказательственного права и отдельные виды доказательств.

Настоящий «Курс советского уголовного процесса», первый юм которого предлагается вниманию читателей, — это переработанный и дополненный «Курс советского уголовного процесса», вышедший в свет в 1958 г.

На истекшее время в области советского уголовного процесса произошли существенные изменения. Произведена новая кодификация уголовно-процессуального законодательства: приняты **тиротим** уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 25 декабря 1958 г. и в соответствии с ними — новые уголовно-процессуальные кодексы во всех союзных республиках; принят ряд законов, вносящих изменения в Основы и кодексы. Накоплен большой опыт практической деятельности суда, прокуратуры и органов следствия на основе нового законодательства.

Советской юридической наукой в целом и наукой уголовного процесса в частности достигнуты значительные успехи. Вышел ряд научных трудов, представляющих теоретическую и практическую ценность.

Все это и побудило автора заняться подготовкой «Курса советского уголовного процесса», в котором нашло бы отражение то новое, что есть в уголовно-процессуальном законодательстве, к науке уголовного процесса и в судебной и следственной практике.

При выполнении этой большой и сложной работы исходным явилось то положение, что в ныне действующем советском уголовно-процессуальном законодательстве развиты, обогащены и усовершенствованы те правовые принципы, формы и институты, которые были выработаны и утвердились в ранее действовавшем законодательстве, начиная с законов, создававшихся под руководством В. И. Ленина. А потому и научная разработка проблем уголовного процесса на основе нового, в настоящее время действующего уголовно-процессуального законодательства ни в какой мере не означает отбрасывания, зачеркивания того, что было сделано в науке уголовного процесса при действии прежнего законодательства. Разумеется, в связи с развитием науки уголовного процесса, постановкой новых проблем и их научным

исследованием возникает необходимость прибегнуть к соответствующим изменениям при освещении ряда вопросов.

Работая над настоящим «Курсом советского уголовного процесса» и изучая то новое, что достигнуто в законодательстве, теории уголовного процесса и в судебной и следственной практике после 1958 г., а также учитывая критические замечания, которые были сделаны в адрес тех или иных положений Курса 1958 г. в юридической печати, в дискуссиях и обсуждениях различных вопросов уголовного процесса, автор переработал Курс 1958 г., но сохранил при этом научную концепцию, которая лежала в основе ранее изданного Курса.

Возможно, что некоторые положения нового Курса спорны, что данные в нем решения различных процессуальных вопросов, которые уже раньше вызывали возражения со стороны ряда авторов, теперь снова вызовут возражения. Но существование различных точек зрения, различных трактовок, различных решений юридических вопросов — явление вполне правомерное, содействующее развитию юридической науки.

Публикуемый теперь Курс — плод и итог более чем 35-летней работы автора. Первый шаг в этом направлении был сделан в виде «Учебника уголовного процесса» 1931 г., предназначенного для юридических курсов и впоследствии неоднократно переиздававшегося в переработанном и расширенном виде. В 1940 г. был написан учебник по уголовному процессу для юридических вузов, вновь изданный в измененном и дополненном виде в 1946 г. В 1958 г. — это уже большой «Курс советского уголовного процесса», выпущенный в свет Издательством Академии наук СССР.

Так длительно, непрерывно и напряженно шла работа над тем, что сейчас вылилось в предлагаемый вниманию читателей «Курс советского уголовного процесса».

Том I Курса охватывает *общую часть* советского уголовного процесса; в книге изложены основные положения науки уголовного процесса, включая теорию доказательств. Рассмотрение уголовного процесса по его стадиям — *особенная часть* уголовного процесса — составит содержание II тома Курса.

Изложение в Курсе ведется на основе уголовно-процессуального законодательства СССР и всех союзных республик, с сопоставлением содержащихся в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик различных решений процессуальных вопросов. При этом не преследуется цель выявить и изложить все различия между уголовно-процессуальными кодексами союзных республик, а рассматриваются лишь те из них, которые имеют наиболее существенное значение в теоретическом и практическом отношении,

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

Предмет и основные положений Советского уголовного процесса

М. СТРОГОВИЧ

Советское социалистическое правосудие

§ 1. Сущность советского социалистического правосудия

Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 25 декабря 1958 г. определяют советский уголовный процесс как установленный советскими законами «порядок производства по уголовным делам» (ст. 1). Порядок производства по уголовным делам — это порядок возбуждения и расследования уголовных дел, порядок рассмотрения и разрешения уголовных дел судами.

Рассмотрение и разрешение судами уголовных дел, т. е. дел о преступлениях, есть необходимый способ, обязательный порядок осуществления судом социалистического правосудия по уголовным делам.

Закон устанавливает, что правосудие в СССР осуществляется по уголовным делам путем «рассмотрения в судебных заседаниях уголовных дел и применения установленных законом мер наказания к лицам, виновным в совершении преступления, либо оправдания невиновных» (п. «б» ст. 4 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик 25 декабря 1958 г.).

Таким образом, советский уголовный процесс в той его части, которая относится к деятельности суда при рассмотрении и разрешении уголовных дел, есть обязательный, необходимый порядок осуществления судом правосудия по уголовным делам. Это значит, что правосудие по уголовным делам осуществляется только в порядке уголовного процесса, и ни в каком другом порядке правосудие по уголовным делам осуществляться не может.

Уголовный процесс в той его части, которая относится к возбуждению и расследованию уголовных дел, не есть осуществление правосудия, так как правосудие осуществляет только суд; никакой другой орган государства осуществлять правосудие не может. Но возбуждение и расследование уголовных дел производится для того, чтобы выяснить наличие оснований для рас-

*

смотрения дела судом и представить в распоряжение суда все данные, необходимые для того, чтобы суд мог рассмотреть и разрешить уголовное дело.

Поэтому главная, решающая часть уголовного процесса — та, которая относится к рассмотрению и разрешению уголовных дел судом, т. е. к осуществлению судом социалистического правосудия по уголовным делам. Именно поэтому уголовный процесс иначе называется *уголовным судопроизводством*, т. е. буквально — производством в суде, хотя уголовный процесс охватывает и досудебную деятельность, которую проводят органы дознания, предварительного следствия и прокуратуры.

Так, общесоюзный уголовно-процессуальный закон именуется: *Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик*, однако его нормы устанавливают основные положения, относящиеся не только к деятельности суда, но и к расследованию уголовных дел до суда.

Из этого вытекает неразрывная связь уголовного процесса с правосудием и основополагающее и определяющее значение правосудия для уголовного процесса.

Основа правосудия — *социалистическая законность*. Правосудие связано с законностью, опирается на законность. Так и сказано в законодательстве о судостроительстве: «Правосудие в СССР осуществляется в точном соответствии с законодательством Союза ССР и законодательством союзных и автономных республик» (ст. 6 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик). Эта связь социалистического правосудия с социалистической законностью ясно и отчетливо указана в Программе КПСС: «Правосудие в СССР осуществляется в полном соответствии с законом. Оно строится на подлинно демократических основах. . . при строжайшем соблюдении судом, органами следствия и дознания законности, всех процессуальных норм»^{*}.

Таким образом, правосудие и законность — определяющие начала для уголовного процесса. Ввиду этого в настоящем «Курсе советского уголовного процесса» прежде чем рассмотреть сущность советского уголовного процесса и дать его определение мы кратко, в основных чертах, рассмотрим сущность правосудия и законности.

Советское социалистическое правосудие — это государственная деятельность, выполняемая советским судом, направленная на осуществление функций Советского социалистического государства, на разрешение стоящих перед ним задач.

Советское социалистическое правосудие, как и все другие отрасли деятельности Советского государства, охраняет социали-

стические общественные отношения и порядки, содействует их укреплению и развитию.

И (место с тем правосудие отличается от других отраслей деятельности Советского государства — от законодательства, от исполнительно-распорядительной деятельности, от деятельности местных органов государственной власти непосредственными методами и формами, в которых эти задачи решаются.

Правосудие в СССР обладает рядом признаков, характеризующих его как отрасль государственной деятельности^{*}, специфичных именно для него;

Рассмотрим эти признаки правосудия;

1. *Правосудие осуществляется только судом*^{*}

Ст. 1 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР союзных и автономных республик устанавливает: «В соответствии со статьей 102 Конституции СССР правосудие в СССР осуществляется Верховным Судом СССР, Верховными судами союзных республик, Верховными судами автономных республик, областными, краевыми, городскими судами, судами автономных областей и национальных округов, районными (городскими) народными судами, а также военными трибуналами».

В этой статье закона содержится перечень звеньев советской Судебной системы, но она имеет и более общее значение: только суды и именно те, которые указаны в Конституции СССР и в Основах законодательства о судостроительстве, уполномочены осуществлять *правосудие*; никаким другим органам Советского государства полномочия осуществлять правосудие не принадлежат.

2. *Правосудие имеет свои цели*, которые закон ставит перед судом. Ст. 2 Основ законодательства о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик так определяет цели советского социалистического правосудия:

«Правосудие в СССР призвано охранять от всяких посягательств: .

а) закрепленный Конституцией СССР и конституциями союзных и автономных республик общественный и государственный строй СССР, социалистическую систему хозяйства и социалистическую собственность;

б) политические, трудовые, жилищные и другие личные и имущественные права и интересы граждан СССР, гарантированные Конституцией СССР и конституциями союзных и автономных республик;

в) права и охраняемые законом интересы государственных учреждений, предприятий, колхозов, кооперативных и иных общественных организаций.

Правосудие в СССР имеет своей задачей обеспечение точного и неуклонного исполнения законов всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами СССР».

^{*} «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стеногр. отчет, т. III. Госполитиздат, 1962, стр. 307,

В ст. 3 Основ законодательства о судостроительстве о задачах суда сказано: «Всею своею деятельностью суд воспитывает граждан СССР в духе преданности Родине и делу коммунизма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, соблюдения дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правам, чести и достоинству граждан, к правилам социалистического общежития».

Эти задачи, возложенные законом на суд, выполняются, разумеемся, не только судом, но всеми органами Советского государства. Но эти задачи специфичны для суда в том отношении, что суд организован и действует именно и только для их осуществления, они определяют все содержание деятельности суда, тогда как другие органы Советского государства выполняют эти задачи в процессе своей непосредственной административной, хозяйственной и иной деятельности.

В отношении деятельности суда по уголовным делам ст. 3 Основ законодательства о судостроительстве специально указывает: «Применяя меры уголовного наказания, суд не только карает преступников, но также имеет своей целью их исправление и перевоспитание»².

3. *Правосудие осуществляется путем разбирательства и разрешения судом гражданских и уголовных дел.*

Ст. 4 Основ законодательства о судостроительстве гласит: «Правосудие в СССР осуществляется путем:

а) рассмотрения и разрешения в судебных заседаниях гражданских дел по спорам, затрагивающим права и интересы граждан, государственных предприятий, учреждений, колхозов, кооперативных и иных общественных организаций;

б) рассмотрения в судебных заседаниях уголовных дел и применения установленных законом мер наказания к лицам, виновным в совершении преступления, либо оправдания невиновных».

Разрешение судом дела (уголовного или гражданского) состоит в том, что суд: устанавливает факты, составляющие предмет исследования по делу, т. е. деяние, вменяемое лицу по уголовному делу, взаимоотношения сторон по гражданскому делу; дает этим фактам юридическую оценку, применяет закон, предусматривающий эти факты, т. е. соответствующую статью уголовного или гражданского кодекса (или иную норму права); определяет юридические последствия, вытекающие из применения закона

В приведенных выше положениях закона говорится и о целях правосудия, и о его задачах. Понятия цели и задачи тесно связаны друг с другом, иногда они применяются как тождественные, одно вместо другого. Различие между этими понятиями состоит в том, что цель — это то, на достижение чего направлены те или иные действия, а задача — это необходимость решения того или иного вопроса в соответствующей области деятельности.

и фактам, т. е. осуждает и наказывает преступника, оправдывает невиновного человека, удовлетворяет иск, обязывает ответчика выполнить требования истца, или отказывает в иске, освобождая ответчика от ответственности.

и Разбирательство и разрешение уголовных и гражданских дел производится судом в определенных, установленных законом формах, в определенном правовом, процессуальном порядке. Наполняет детально регламентированные формы, в которых протекает деятельность суда.

Разбирательство и разрешение уголовных дел производится в судебном заседании в форме проведения по этим делам судебного процесса, в

Разбирательство и разрешение гражданских дел производится в судебном заседании в форме проведения по этим делам гражданского процесса.

(удобное разбирательство уголовных и гражданских дел проводится в особых, специфических правовых формах, в особом порядке, который свойствен только суду.

Эти формы судебного разбирательства, этот порядок судебного процесса характеризуются тем, что в деятельности суда, разрешающего и разрешаемого дело, принимает участие ряд лиц по уголовному делу — обвинитель, потерпевший, обвиняемый, защитник; по гражданскому делу — истец и ответчик и их представители, наделенные определенными правами и несущие определенные обязанности; само разбирательство дела протекает в виде последовательных действий суда и других участников процесса. Эти действия производятся в особом, законом установленном порядке и облакаются в особые, законом предписанные формы.

Таким образом, правосудие осуществляется в формах, в порядке проведения уголовного процесса или гражданского процесса по подсудным суду делам.

Таковы четыре основных признака, которыми характеризуется правосудие и которые его отличают от других отраслей Советского социалистического государства.

Следует иметь в виду, что только совокупность всех указанных признаков образует научное понятие советского правосудия, отдельные же признаки могут и не ограничивать правосудие от других отраслей государственной деятельности (например, от применения взысканий в административном или дис-

Здесь мы не касаемся дел, рассматриваемых судом не в порядке уголовного процесса или гражданского процесса, а в особом порядке, который можно было бы условно назвать «административным судопроизводством» — «о дела о мелком хулиганстве и мелкой спекуляции, о лицах, ведущих и (тактический образ жизни, и некоторые другие дела (об этом подробнее будет сказано дальше, на стр. 62. См. также: «Демократические основы ШИПСКОГО социалистического правосудия». Изд-во «Наука», 1965, стр. 80).

Циплинарном порядке, от деятельности государственного или ведомственного арбитража и т. д.)⁴.

Исходя из этого, можно дать следующее определение советского социалистического правосудия: *советское социалистическое правосудие есть государственная деятельность, осуществляемая советским судом, заключающаяся в том, что суд путем разбирательства и разрешения уголовных и гражданских дел в установленных законом правовых (процессуальных) формах защищает от всяких посягательств Советское государство, права и законные интересы граждан СССР, учреждений и организаций, обеспечивает законность в деятельности учреждений, организаций, должностных лиц, в поведении граждан.*

т

Правосудие в СССР проникнуто социалистическим демократизмом и основано на строгом соблюдении законности.

В ст. 5 Основ законодательства о судостроительстве сказано: «Правосудие в СССР осуществляется на началах равенства граждан перед законом и судом, независимо от их социального, имущественного и служебного положения, национальной и расовой принадлежности и вероисповедания». Это значит, что в советском суде для участников процесса нет и не может быть каких-либо привилегий или, наоборот, ограничений прав в зависимости от их социального, имущественного и служебного положения, национальной и расовой принадлежности и вероисповедания.

В СССР существует единая судебная система, все звенья которой (народный суд, областной суд и т. д.) организованы на одних и тех же судостроительных началах (выборность судей, участие народных заседателей) и действуют в одинаковом порядке, в одних и тех же правовых, процессуальных формах. Порядок судостроительства в народном суде, в областном суде, в Верховном суде союзной республики и т. д. — один и тот же; различной является лишь компетенция каждого из этих судов (т. е. круг подведомственных им уголовных и гражданских дел). Какой бы суд ни рассматривал подсудное ему уголовное или гражданское дело, принципы, порядок и формы судостроительства в нем являются одинаковыми со всеми другими судами, так что участник процесса в любом суде находится в одинаковом положении с участниками процесса в других судах.

Для всех судов действует *единое и обязательное уголовное, гражданское и процессуальное законодательство*: все суды при-

0 сущности правосудия см.: С. А. Г о л у н с к и й. Основные положения учения о суде и правосудии. «Труды Военно-юридической Академии». Ашхабад, 1943; Н. Н. П о л я н с к и й. Вопросы теории советского уголовного процесса. Изд-во МГУ, 1956, гл. III, IV; Т. Н. Д о б р о в о л ь с к а я. Понятие советского социалистического правосудия. «Ученые записки Всесоюзного института юридических наук», 1963, вып. 16.

меняют общие уголовные и гражданские законы и руководствуются при рассмотрении уголовных и гражданских дел общими уголовно-процессуальными и гражданскими процессуальными законами.

Для разбирательства уголовных и гражданских дел во всех судах существуют единые уголовно-процессуальные и гражданские процессуальные кодексы, правилам которых подчиняются все суды — от народного суда до Верховного Суда СССР включительно⁶.

Порядок осуществления правосудия по уголовным делам и порядок осуществления правосудия по гражданским делам различаются в ряде форм и институтов, но опираются на общие, единые начала, выраженные в главе IX Конституции СССР и в Основах законодательства о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик. Поэтому в СССР нет *уголовного правосудия и гражданского правосудия*, а есть *единое советское социалистическое правосудие*, осуществляемое по уголовным и по гражданским делам.

Советское социалистическое правосудие коренным образом отличается от буржуазного правосудия, противоположно ему в своем социально-политическом существе. Буржуазное правосудие есть способ, средство охраны капиталистических общественных отношений, защиты интересов класса капиталистов, подавления трудящихся, эксплуатируемых народных масс.

В. И. Ленин говорил про буржуазный суд, что он «изображал собою защиту порядка, а на самом деле был слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка»⁶.

Советское правосудие является способом, средством охраны и укрепления социалистических общественных отношений и порядков, содействия социалистическому строительству, защиты интересов народа.

О советском суде, созданном Великой Октябрьской социалистической революцией, В. И. Ленин писал: «Новый суд нужен был прежде всего для борьбы против эксплуататоров, пытающихся восстановить свое господство или отстаивать свои привилегии, или тайком протаскать, обманом заполучить ту или иную частичку этих привилегий. Но, кроме того, на суды, если они организованы

⁶ В дальнейшем будет сказано о соотношении уголовно-процессуального законодательства союзных республик и уголовно-процессуального законодательства СССР. Все суды руководствуются единым уголовно-процессуальным законодательством, хотя в различных союзных республиках действуют свои уголовно-процессуальные кодексы. Это значит, что все суды каждой союзной республики руководствуются в равной степени уголовно-процессуальным кодексом данной республики и процессуальными законами СССР; равно и суды СССР руководствуются УПК соответствующей союзной республики и процессуальными законами СССР.

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 370,

действительно на принципе советских учреждений, ложится , другая, еще более важная задача. Это — задача обеспечить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся»⁷.

Советское социалистическое правосудие как определенная отрасль деятельности советского государства развивалось вместе с советским государством, в нем находили свое отражение те изменения, которые происходили в организации и деятельности советского социалистического государства на различных этапах его развития. Это выражалось прежде всего в совершенствовании законодательства о правосудии, в развитии демократических принципов, институтов, форм социалистического правосудия, в укреплении законности в осуществлении правосудия, в расширении правовых гарантий для граждан и организаций, которых касается деятельность суда.

Программа Коммунистической партии Советского Союза следующим образом характеризует советское социалистическое правосудие: «Правосудие в СССР осуществляется в полном соответствии с законом. Оно строится на подлинно демократических основах: выборности и отчетности судей и народных заседателей, праве их досрочного отзыва, гласности рассмотрения судебных дел, участии в судах общественных обвинителей и защитников при строжайшем соблюдении судом, органами следствия и дознания законности, всех процессуальных норм. Демократические основы правосудия будут развиваться и совершенствоваться»⁸.

В этих положениях Программы КПСС указываются важнейшие организационные (судоустроительные) и процессуальные (судопроизводственные) черты, свойства советского правосудия. Эти демократические принципы, достигшие сейчас нового, высокого уровня развития, на этом уровне не остановятся, будут и впредь развиваться и совершенствоваться⁹.

§ 2. Советская социалистическая законность и советское социалистическое правосудие

Великая Октябрьская социалистическая революция, установив диктатуру рабочего класса, подвергла слому, упразднила старый буржуазный государственный аппарат, старое буржуазное право, старую буржуазную законность и создала новое советское социалистическое государство, новое советское социалистическое право, новую советскую социалистическую законность.

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 163.

⁸ «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стеногр. отчет, т. III, стр. 307.

⁹ Подробнее см.: «Демократические основы советского социалистического правосудия»,

*Гиттская социалистическая законность есть твердое и не-
iih-'oituое соблюдение и исполнение советских законов всеми орга-
нами Советского государства, учреждениями, общественными ор-
чин.ициями, должностными лицами и гражданами СССР.*

Коммунистическая партия и Советское государство всегда иорашали огромное внимание на укрепление советской законности и принимали решительные меры к тому, чтобы советская социалистическая законность соблюдалась неуклонно, чтобы все и искние нарушения советских законов пресекались и устранялись.

В трудных условиях начавшейся гражданской войны и иностранной интервенции 8 ноября 1918 г. Чрезвычайный VI Всероссийский съезд Советов принял Постановление «О точном соблюдении законов», в котором было сказано: «За год революционной борьбы рабочий класс России выработал основы законов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, точное соблюдение которых необходимо для дальнейшего развития и укрепления власти рабочих и крестьян в России». Съезд постановил «призвать всех граждан Республики, все органы и всех должностных лиц Советской власти к строжайшему соблюдению законов РСФСР, изданных и издаваемых центральной властью постановлений, положений и распоряжений»¹⁰.

24 августа 1919 г. в своем «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» В. И. Ленин указывал, что «необходимо соблюдать строжайший революционный порядок, необходимо соблюдать свято законы и предписания Советской власти и следить за их исполнением всеми»¹¹. «Малейшее беззаконие, — писал Ленин, — малейшее нарушение советского порядка, есть уже дыра, которую немедленно используют враги трудящихся. . .»¹²

После победоносного завершения гражданской войны Коммунистическая партия и Советская ВЛРСТЬ вновь обратили внимание на необходимость укрепления законности и борьбы с ее нарушениями. Так, XI Всероссийская конференция РКП (б) (19—22 декабря 1921 г.) в резолюции «Очередные задачи партии в связи с восстановлением хозяйства» указала: «Поскольку победа трудящихся обеспечила Советской России хотя бы временный и неустойчивый мир и позволила перейти от военного напряжения на внешних и внутренних фронтах к мирному хозяйственному строительству, очередной задачей является водворение во всех областях жизни строгих начал революционной законности. Строгая ответственность органов и агентов власти и граждан за нарушение созданных Советской властью законов и защищаемого

¹⁰ СУ РСФСР, 1918, № 90, стр. 908.

¹¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 155.

¹² Там же, стр. 156.

ею порядка должна идти рядом с усилением гарантии личности и имущества граждан»¹³.

Таким образом, уже в первые годы существования Советского государства было ясно и отчетливо установлено положение, что советская социалистическая законность необходима в Советском государстве во время войны и в мирное время — для победы над врагом и для хозяйственного и культурного строительства. Она необходима всегда и везде, она органически присуща советскому общественному и государственному строю.

Проблема советской социалистической законности в ее принципиальных политических основах была глубоко разработана В. И. Лениным в письме для Политбюро 20 мая 1922 г. «О «двойном» подчинении и законности». Это письмо было написано Лениным в связи с обсуждением Положения о прокуратуре на III сессии ВЦИК девятого созыва. Ряд участников сессии отстаивал «двойное» подчинение прокуроров — местным исполкомам и вышестоящему прокурору. Ленин же высказался за независимость прокуратуры от местных органов власти и за ее подчинение только центру, так как именно такая организация прокуратуры обеспечивает эффективность надзора за законностью.

В. И. Ленин прежде всего установил положение о *единстве* советской законности: законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей федерации Советских республик¹⁴. Принцип единства советской законности нашел свое дальнейшее развитие и осуществление с образованием Союза Советских Социалистических Республик.

Единство законности в СССР не исключает того, что союзные и автономные республики в пределах своей компетенции издают свои законы. Ни в малейшей мере не противоречит ленинскому положению о единстве законности то расширение законодательной компетенции союзных республик, которое в соответствии с решениями XX съезда КПСС произвела VI сессия Верховного Совета СССР четвертого созыва (февраль 1957). Законы СССР обязательны на всей территории СССР, в случае противоречия закона союзной республики закону СССР применяется закон СССР, во всех союзных республиках в равной степени обеспечивается соблюдение законов и охрана прав граждан.

В том же письме Ленин указывал на связь *законности и культурности*: без единообразного понимания и применения законности не может быть культурности. Говоря о местных влияниях, т. е. о всяких отступлениях от общегосударственных интересов под предлогом учета местных условий, Ленин писал, что «местное

Олияние является одним из величайших, если не величайшим противником установления законности и культурности»¹⁵.

Все последующее развитие Советского государства подтвердило мысль В. И. Ленина. Развитие социалистической культуры и качестве своего необходимого условия всегда требовало укрепления законности, а, с другой стороны, повышение культурного уровня советских людей всегда содействовало укреплению законности.

В. И. Ленин поставил и разрешил важнейший вопрос о *соотношении законности и целесообразности*. Сопоставляя функции прокуратуры и Рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрина), он писал: «Рабкрин судит не только с точки зрения законности, но и с точки зрения целесообразности. Прокурор отвечает за то, чтобы ни одно решение ни одной местной власти не расходилось с законом, и только с этой точки зрения прокурор обязан опротестовывать всякое незаконное решение, причем прокурор не вправе приостанавливать решения, а обязан только принять меры к тому, чтобы понимание законности установилось абсолютно одинаковое во всей республике»¹⁶.

Таким образом, законность обязательна в полной мере и для Рабкрина и для прокурора. Но Рабкрин проверяет как соблюдение законов в деятельности того или иного органа, учреждения и т. д., так и целесообразность проводимых в пределах, разрешаемых законом, соответствующих хозяйственных, административных и иных мероприятий; для прокуратуры же единственным критерием является законность, прокуратура не может вмешиваться в хозяйственную и иную деятельность различных органов и учреждений с точки зрения целесообразности или нецелесообразности тех или иных мероприятий. Но целесообразность означает всегда целесообразность той или иной меры в рамках закона, на основе закона, в соответствии с законом, а не вопреки закону, не в отступление от закона.

Этот же вопрос о законности и целесообразности В. И. Ленин рассматривает применительно к взаимоотношениям прокуратуры и суда. Указав, что обязанность прокурора состоит в том, чтобы следить за установлением единообразного понимания законности в Советском государстве, и что прокурор сам административной власти не имеет, Ленин писал дальше: «Единственное право и обязанность прокурора передать дело на решение суда. Каковы же эти суды? Суды у нас местные. Судьи выбираются местными Советами. Поэтому та власть, которой прокурор передает решение возбужденного им дела о нарушении закона, является властью местной, которая обязана, с одной стороны, абсолютно соблюдать единые, установленные для всей федерации законы,

¹³ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. Госполитиздат, 1954, стр. 593.
¹⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4.5, стр. 198.

¹⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4.5, стр. 199.

¹⁶ Там же.

а с другой стороны, обязана при определении меры наказания учитывать все местные обстоятельства, имеющая при этом право сказать, что хотя закон несомненно был нарушен в таком-то случае, но такие-то близко известные местным людям обстоятельства, выяснившиеся на местном суде, заставляют суд признать необходимым смягчить наказание по отношению к таким-то лицам или даже признать таких-то лиц по суду оправданными»¹⁷.

Отсюда следует, что учет судом местных условий относится только к определению степени ответственности за допущенное нарушение закона, но не к установлению самого нарушения: *соблюдение законов самим судом является абсолютно обязательным для него, и он не может по соображениям целесообразности признать законным то, что является незаконным*. В. И. Ленин никогда не допускал возможности нарушения закона, какими бы соображениями целесообразности ни прикрывались эти нарушения. Когда одно ответственное должностное лицо обратилось к нему с предложением, противоречащим действующему декрету, спрашивая при этом, нельзя ли обойти этот декрет, В. И. Ленин ответил: «*Обойти* декретов нельзя: за одно такое предложение отдают под суд»¹⁸.

Основные положения о законности в Советском социалистическом государстве, установленные В. И. Лениным, выражаются в следующем:

1) законность является единой. Какие-либо отступления от законов, обход их, нарушение их по любым соображениям местных условий, под каким бы то ни было давлением местных влияний недопустимы;

2) законы являются обязательными для всех. Целесообразность не может противопоставляться законности. Законность не может нарушаться по соображениям целесообразности отступления от закона и нецелесообразности его применения;

3) суд обязан абсолютно соблюдать законы, учитывая конкретные обстоятельства каждого рассматриваемого им случая при определении ответственности за допущенное нарушение закона;

4) прокурор следит за точным соблюдением и единообразным пониманием законов, осуществляет надзор за законностью.

Как указывалось выше, законность означает соблюдение и исполнение законов, действующих норм советского права. Соответственно демократической природе советского социалистического права, нормы права закрепляют широкую систему прав граждан и обеспечивают эти права действительными гарантиями. Охрана прав и свобод личности, обеспечение прав советских граждан является важнейшим требованием социалисти-

В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 198—199.
«Ленинский сборник» XXXV, стр. 60.

мог ко й законности. Любое нарушение прав граждан всегда есть н«рушение законности и как всякое нарушение законности оно должно решительно пресекаться. Гражданам обеспечивается возможность в рамках закона беспрепятственно осуществлять свои крана и тем самым активно участвовать в государственной и общественной жизни, пользоваться всеми благами социалистического общества, развивать и совершенствовать свои силы и способности. На страже прав советских граждан стоит вся мощь (оиотского государства, вся советская общественность.

Охране прав граждан придавал очень большое значение И. И. Ленин. В письме к профессору Адоратскому он указывал на важность юридической помощи гражданам, состоящей в том, чтобы *таучить* их (и помочь им) *воевать за свое право* но всем правилам законной в РСФСР *войны за права*»¹⁹.

Ленинские положения о социалистической законности лежат и основе всех мероприятий Коммунистической партии и Советского государства, направленных на укрепление законности и пресечение ее нарушений.

Советская социалистическая законность всегда была и является сейчас необходимым средством укрепления советского общественного и государственного строя, необходимым условием строительства социализма и коммунизма. Нарушения советской законности приносят огромный вред Советскому государству, советским людям, поэтому эти нарушения делаются все более и более нетерпимыми и с ними велась и ведется решительная борьба.

Распространявшиеся под влиянием культа личности Сталина нарушения законности причинили серьезный ущерб Советскому государству, советскому обществу, советским людям. Коммунистическая партия осудила культ личности, восстановила ленинские нормы партийной и государственной жизни, устранила имевшие место в обстановке культа личности беззакония.

На XX съезде КПСС твердо и решительно был поставлен вопрос об укреплении законности, о последовательном ее осуществлении, о неуклонной борьбе с ее нарушениями.

В резолюции XX съезда Коммунистической партии Советского Союза по отчетному докладу Центрального Комитета КПСС сказано: «*Съезд полностью одобряет осуществленные ЦК КПСС меры по укреплению советской законности, по строгому соблюдению прав граждан, гарантированных Советской Конституцией, и обязывает все партийные и советские органы бдительно стоять на страже законности, решительно и сурово пресекать всякие*

В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 53, стр. 149.

проявления беззакония, произвола, нарушения социалистического правопорядка»²⁰.

Исторический XXII съезд КПСС, принявший новую Программу КПСС, еще раз указал на важность всемерного укрепления социалистической законности.

В качестве одной из важнейших задач советского общенародного государства в Программе КПСС указана задача охраны прав и свобод советских граждан, социалистического правопорядка и социалистической собственности²¹. Далее в Программе КПСС говорится: «Большое значение приобретает дальнейшее укрепление социалистического правопорядка, совершенствование правовых норм, регулирующих хозяйственно-организаторскую и культурно-воспитательную работу, содействующих решению задач коммунистического строительства и всестороннему расцвету личности.

Переход к коммунизму означает всемерное развитие свободы личности и нрав советских граждан. Социализм предоставил и гарантировал трудящимся самые широкие права и свободы. Коммунизм несет трудящимся новые великие права и возможности.

Партия ставит задачу обеспечить строгое соблюдение социалистической законности, искоренение всяких нарушений правопорядка, ликвидацию преступности, устранение всех причин, ее порождающих»²².

«Программе особо указано: «С ленинскими принципами партийной жизни несовместим культ личности и связанные с ним нарушения коллективности руководства, внутрипартийной демократии и социалистической законности»²³.

XXIII съезд КПСС, рассмотревший важнейшие вопросы политической, экономической и организаторской деятельности партии, вновь поставил задачу дальнейшего укрепления социалистической законности.

В отчетном докладе ЦК КПСС съезду, сделанном товарищем Л. И. Брежневым, говорится: «Развивая демократические принципы государственного строительства, партия исходит из того, что вся деятельность советских органов и широкое творческое участие граждан в управлении делами страны должны основываться на строжайшем соблюдении социалистической законности. Советские законы, воплощая в себе проверенные жизнью нормы социалистического правопорядка, являются выражением воли

²⁰ «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стеногр. отчет, т. II. Госполитиздат, 1956, стр. 423.

²¹ «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стеногр. отчет, т. III, стр. 303—304.

²² Там же, стр. 307.

²³ Там же, стр. 331.

и трудящихся. Они проникнуты заботой о народе и надежно обеспечивают наш общественный строй, интересы и права советских граждан. В борьбе за дальнейшее упрочение социалистической (многого делают органы милиции, прокуратуры и суда. Бдительно несут службу по разоблачению и пресечению происков империалистических разведок и их агентуры органы государственной безопасности, наши славные пограничники»²⁴.

В своем выступлении на съезде Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный говорил: «Партия провела большую работу по укреплению социалистического правопорядка, устранению вредных наслоений, связанных с культурности, по совершенствованию советского законодательства. Развитие экономики и культуры ставит новые вопросы, требующие законодательного регулирования. Ведь законность — одно из эффективных средств руководства хозяйством, внедрения хозрасчета, укрепления государственной дисциплины, борьбы с правонарушениями»²⁵.

В резолюции XXIII съезда КПСС по отчетному докладу ЦК указано: «Съезд подчеркивает важность дальнейшего укрепления Советского государства, всемерного развития социалистической демократии»²⁶.

Социалистическая законность — необходимое условие для выполнения этой задачи. Претворение в жизнь указаний XXIII съезда КПСС требует всемерного укрепления социалистической законности, неуклонного пресечения ее нарушений.

Социалистическая законность, обеспечиваемая и осуществляемая в Советском общенародном государстве в период перехода от социализма к коммунизму, есть *ленинская законность*, — та революционная законность, основы которой заложил и разработал В. И. Ленин. Эта законность на данном этапе ее развития обогащена, поднята на новый высокий уровень, но она опирается на те же ленинские основы, в ней реализуются те же ленинские указания. Все то, что говорил В. И. Ленин о революционной законности многие годы тому назад, сохраняет полную свою силу для социалистической законности в настоящий период развития Советского государства и именно сейчас получает возможность более полного и последовательного претворения в жизнь, чем это могло быть сделано в прошлом.

По мере развития социалистического строительства в нашей стране и ее продвижения к коммунизму все более и более возрастает значение советской социалистической законности, все бо-

²⁴ «XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стеногр. отчет, т. I. Политиздат, 1966, стр. 92.

²⁵ Там же, стр. 242.

²⁶ «XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стеногр. отчет, т. II. Политиздат, 1966, стр. 314.

лее и более настоятельной делается необходимость ее укрепления, все более и более нетерпимыми становятся ее нарушения. Неуклонное возрастание значения и роли законности и ее укрепление в советском обществе в ходе строительства социализма и коммунизма является *объективной закономерностью развития Советского государства и права*. Социалистическая законность органически присуща советскому общественному и государственному строю, она развивается и укрепляется по мере развития и укрепления общественного и государственного строя СССР. Это не значит, что укрепление законности происходит автоматически, самотеком, стихийно — наоборот, для укрепления законности требуются настойчивые усилия, проведение эффективных мер, неуклонная борьба с нарушениями законности.

Вообще закономерности общественного развития в социалистическом обществе проявляются и реализуются не автоматически, не стихийно, а в результате сознательной, целенаправленной деятельности людей. Тем более это относится к реализации такой объективной закономерности общественного развития, как возрастание роли и укрепление социалистической законности.

Если законность не охранять и не укреплять, получают распространение нарушения законности, и это причинит вред государству, обществу, гражданам. Но в условиях советского строя законность всегда победит беззаконие, а беззаконие всегда будет разоблачено, и нарушители законности понесут заслуженное наказание — в этом находит выражение объективная закономерность развития и укрепления законности в СССР.

Для того, чтобы социалистическая законность постоянно и неуклонно осуществлялась в деятельности органов государства, учреждений и предприятий, общественных организаций, должностных лиц и граждан, должна быть обеспечена ее охрана, должна действовать система мер, устраняющих, пресекающих и предотвращающих нарушения законов.

Основная гарантия советской законности — забота, которую Коммунистическая партия Советского Союза проявляет об охране законности, о воспитании советских людей в духе строжайшего соблюдения законности.

В Уставе Коммунистической партии Советского Союза, принятом XIX съездом партии, в качестве одной из основных обязанностей члена партии указана обязанность «соблюдать партийную и государственную дисциплину, одинаково обязательную для всех членов партии. Партия имеет одну дисциплину, один закон для всех коммунистов, независимо от заслуг и занимаемых ими постов» (§ 2, п. «и»),

^/ТЗажной гарантией социалистической законности служит растущая *сознательность и культурность граждан, советских людей*, которые понимают значение советских законов и иных актов государственной власти, уважают законы, охотно и добровольно

И, соблюдают и исполняют/Воспитание советских людей в духе иш/мншая советской законности — залог неуклонного укрепления и роста значения законности в СССР.

По для охраны законности необходимы и особые, специальные меры, обеспечивающие немедленное реагирование на каждое нарушение закона и предотвращение возможных нарушений в будущем. Обязанность охранять законность, обеспечивать соблюдение законов, преследовать нарушителей законности лежит на *ислх* органах Советского государства и общественных организациях в пределах их компетенции.

Согласно ст. 97 Конституции СССР обеспечение соблюдения законов в пределах края, области, автономной области, округа, района, села составляет специальную обязанность соответствующего Совета депутатов трудящихся, который отвечает за состояние законности в районе его деятельности.

Органы народного контроля, выполняя свои многообразные функции, проверяют соблюдение и исполнение законов учреждениями и организациями.

Особым органом охраны законности является созданная в 1922 г. по указанию В. И. Ленина *прокуратура*. В Конституции СССР закреплены следующие основные положения об организации прокуратуры.

Ст. 113 Конституции СССР устанавливает: «Высший надзор за точным исполнением законов всеми министерствами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР возлагается на Генерального Прокурора СССР». Высший надзор — это значит надзор от имени и по уполномочию государства, надзор за исполнением законов во всех сферах государственной и общественной жизни, взаимоотношений и поведения граждан. Этот надзор на законность Генеральный Прокурор СССР осуществляет как непосредственно, так и через подчиненные ему органы прокуратуры в союзных и автономных республиках, краях, округах, районах. Согласно ст. 117 Конституции СССР органы прокуратуры осуществляют свои функции независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только Генеральному Прокурору СССР.

Организация прокуратуры и принципы и методы осуществления прокурорского надзора регламентированы «Положением о прокурорском надзоре в СССР», утвержденным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1955 г.

В полном соответствии с ленинскими принципами в Положении о прокурорском надзоре в СССР сказано: «Генеральный Прокурор СССР и подчиненные ему прокуроры обязаны следить за правильным и единообразным применением законов СССР, союзных и автономных республик, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям»

(ст. 2). «Генеральный Прокурор СССР и подчинённые ему Прокуроры, осуществляя от имени государства надзор за законностью, обязаны своевременно принимать меры к устранению всяких нарушений законов, от кого бы эти нарушения ни исходили» (ст. 4).

Согласно ст. 20 Основ уголовного судопроизводства и ст. 14 Основ гражданского судопроизводства надзор за точным исполнением законов Союза ССР, союзных и автономных республик в уголовном и гражданском судопроизводстве осуществляется Генеральным Прокурором СССР как непосредственно, так и через подчиненных ему прокуроров.

Прокурор обязан во всех стадиях уголовного и гражданского судопроизводства своевременно принимать предусмотренные законом меры к устранению всяких нарушений законов, от кого бы эти нарушения ни исходили. Свои полномочия в уголовном и гражданском судопроизводстве прокурор осуществляет независимо от каких бы то ни было органов и должностных лиц, подчиняясь только закону и руководствуясь указаниями Генерального Прокурора СССР.

В деле укрепления законности громадная роль принадлежит *советскому суду*. Лица, повинные в нарушении советских законов, несут ответственность за свои действия. В случаях, когда нарушением закона причинен имущественный ущерб государству, организации или гражданину, нарушитель закона отвечает по суду в гражданском порядке и присуждается к возмещению причиненного ущерба. В тех же случаях, когда нарушение закона ввиду общественной опасности совершенных действий расценивается законом как преступление, виновный несет уголовную ответственность и присуждается судом к заслуженному наказанию.

Будучи предметом заботы и охраны со стороны суда, советская социалистическая законность в то же время является *руководящим принципом, незыблемой основой* для самого советского социалистического правосудия, для всей деятельности советского суда. *Правосудие — деятельность подзаконная*, т. е. основанная на законе и протекающая в соответствии с законом.

Во всей своей деятельности советские суды руководствуются законом, подчиняются закону, соблюдают и исполняют его.

Как уже говорилось, ст. 6 Основ законодательства о судопроизводстве устанавливает: «Правосудие в СССР осуществляется в точном соответствии с законодательством Союза ССР и законодательством союзных и автономных республик». Согласно ст. 9 этого закона «при осуществлении правосудия судьи и народные заседатели независимы и подчиняются только закону».

Принцип социалистической законности — основной и руководящий для всей деятельности судебных органов.

Соблюдение законности обязательно и необходимо для всех органов государства и всех общественных организаций. Но особое

значение это требование имеет для тех органов государства, на которых специально возложена обязанность блюсти законы, и хранить законность.

Суд, нарушающий законы, не выполняет своих задач, его решения и приговоры лишаются авторитета в глазах советского народа. Отсюда — задача всемерного укрепления законности и деятельности самого суда, решительного устранения всяких нарушений закона при разрешении судом подведомственных ему дел, повышения качества судебной деятельности, недопущения ошибок в разрешении судом дел и своевременного исправления допущенных ошибок.

Законность в осуществлении правосудия проявляется:

— в организации суда на основе закона и в соответствии с ним, в выборах судей и народных заседателей согласно закону, и надлежащей организации каждого судебного органа, правильной постановке его работы и т. д.;

— в рассмотрении судом уголовных и гражданских дел в пределах законной компетенции суда и в точном соответствии с процессуальными законами, строгое соблюдение судом процессуальных норм в судебном разбирательстве;

— в правильном применении судом в судебных приговорах к решениям закона, на основе которого разрешается уголовное или гражданское дело.

Таким образом, законность в области правосудия выражается в точном исполнении и соблюдении судопроизводственных норм, процессуальных норм (уголовно-процессуальных и гражданских процессуальных) и материально-правовых норм (уголовных, гражданских и иных законов),

с деятельностью суда в уголовным делам связана деятельность органов дознания и предварительного следствия, на которых законом возложена обязанность раскрытия преступлений, изобличение совершивших преступления лиц, собирание доказательств, необходимых для того, чтобы суд мог правильно разрешить дело, вынести правильный, справедливый приговор.

Деятельность органов дознания и предварительного следствия имеет большое значение для укрепления социалистической законности и пресечения ее нарушений. Вместе с тем, сама эта деятельность опирается на закон, проводится в точном соответствии с законом, при строжайшем соблюдении закона.

Выше мы говорили об охране законности органами государства. В деле соблюдения законности во всех областях государственной и общественной жизни очень важную роль играют общественные организации, как участвующие в работе государственных органов, и самостоятельно выполняющие возложенные на них законом обязанности охраны законности (товарищеские суды, народные дружины и др.). Суд, прокуратура, органы дознания и предварительного следствия особо эффективно действуют тогда, когда

они опираются на общественность и пользуются ее помощью. Лишь соединенные силы государственности и общественности, государственных органов и общественных организаций могут, обеспечить выполнение поставленной Программой КПСС задачи — ликвидировать нарушения законности и правопорядка, особенно такие серьезные и опасные, какими являются преступления²⁷.

Для борьбы с нарушениями законности, в том числе с преступлениями, очень большое значение имеют принятые в июле 1966 г. решения ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, в которых установлена развернутая система мероприятий, направленных на усиление борьбы с нарушениями общественного порядка, с преступлениями, с хулиганством и иными антиобщественными явлениями. В этих решениях указаны меры организационного, административного, воспитательного и судебного порядка.

Этими решениями перед органами прокуратуры поставлена задача усиления надзора за точным и неуклонным соблюдением социалистической законности государственными органами, должностными лицами и отдельными гражданами. Намечены меры по дальнейшему улучшению деятельности судов. Особо обращается внимание судебных органов на то, что правосудие должно осуществляться в строгом соответствии с законом с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был осужден. В решениях ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР подчеркивается, что проведение в жизнь намеченных мероприятий по усилению борьбы с преступностью должно осуществляться на основе строжайшего соблюдения социалистической законности²⁸.

²⁷ О социалистической законности, ее охране, борьбе с ее нарушениями см.: В. М. Ч х и к и а д з е. Вопросы социалистического права и законности в трудах В. И. Ленина. Госюриздат, 1960; он же. Государство, демократия, законность. Изд-во «Юридическая литература», 1967; «Правовые гарантии законности в СССР». Изд-во АН СССР, 1962; «Демократические основы советского социалистического правосудия»; М. С. Строго в и ч. Основные вопросы советской социалистической законности. Изд-во «Наука», 1966; он же. Развитие прав личности в период развернутого строительства коммунизма. В кн.: «Развитие прав граждан СССР и усиление их охраны на современном этапе коммунистического строительства». Саратов, 1962.

²⁸ «Социалистическая законность», 1966, № 8, стр. 1—4; «Ведомости Верховного Совета СССР», 1966, № 30, ст. 545 (Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении ответственности за хулиганство»).

Советский уголовный процесс, его сущность

1. Понятие о советском уголовном процессе

Необходимая и существенная черта, свойство правосудия — это *порядок деятельности суда*, регламентированные законом формы осуществления судом правосудия. Порядок деятельности «суда, установленный законом, есть *процессуальный порядок*, который по уголовным делам является *уголовно-процессуальным порядком*, а по гражданским делам — *гражданско-процессуальным порядком*.

Правосудие по уголовным делам осуществляется именно и только в порядке уголовного процесса, в формах процесса; ни в каком другом порядке, ни в каких иных формах правосудие по уголовным делам не осуществляется и осуществляться не может.

Точно таким же образом правосудие по гражданским делам осуществляется только в порядке гражданского процесса.

Для того, чтобы суд мог успешно осуществлять правосудие по уголовным делам, необходима по этим делам предварительная деятельность некоторых других органов — органов предварительного следствия и дознания и прокуратуры, на которых лежит обязанность возбуждения и расследования уголовных дел, собирания и проверки по ним доказательств. Следовательно, уголовный процесс, представляя собой порядок осуществления судом правосудия по уголовным делам, в то же время включает в себя и расследование уголовных дел органами следствия и дознания и прокуратурой.

Таким образом, содержание уголовного процесса составляет деятельность органов следствия, прокуратуры и суда, которые выполняют свои обязанности в области борьбы с преступлениями. Эта деятельность следственных, прокурорских и судебных органов, регулируемая уголовно-процессуальным законом, имеет активный, целенаправленный характер. Она служит защите советского государства и советского правопорядка, обнаружению, изобличению и наказанию совершивших преступления лиц. Именно таким путем в сфере борьбы с преступлениями ре-

шается задача, стоящая перед советским социалистическим правосудием — задача охраны от всяких посягательств советского государства, прав и законных интересов граждан и государственных и общественных учреждений и организаций.

Органы следствия, прокуратура и суд — это органы Советского государства, государственные органы; их деятельность носит государственный характер, а их задачи имеют государственное значение. Советские органы следствия, прокуратура и суд охраняют, укрепляют социалистические общественные отношения и содействуют их развитию. Быстрое и решительное раскрытие преступлений, настойчивое и неуклонное изобличение преступников, всестороннее и тщательное исследование всех обстоятельств уголовных дел судом, применение к преступникам заслуженного наказания, ограждение невиновных лиц от необоснованного обвинения — таковы функции органов следствия, прокуратуры и суда, составляющие основное содержание советского уголовного процесса.

Деятельность органов следствия, прокуратуры и суда при расследовании и разрешении уголовного дела не есть механическое соединение отдельных разрозненных действий: все эти действия регламентированы законом и направлены на выявление всех обстоятельств дела, на установление по делу *истины*. Поэтому уголовный процесс представляет собой *систему действий* органов следствия, прокуратуры и суда, расследующих и разрешающих уголовные дела.

Но уголовный процесс не исчерпывается системой действий органов следствия, прокуратуры и суда: он включает в себя также правовые отношения этих органов с гражданами, на которых распространяется деятельность органов следствия, прокуратуры и суда, с учреждениями и организациями, в отношении которых органы следствия (и дознания), прокуратура и суд осуществляют свои полномочия и выполняют свои обязанности и которые через своих представителей участвуют в производстве по уголовным делам. Равно включаются в уголовный процесс правовые отношения между самими органами следствия, прокуратурой и судом при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел.

Правовые нормы, к какой бы отрасли права они ни относились, регулируют действия, поведение людей, устанавливая их права и возлагая на них обязанности. Это относится и к уголовному процессу: уголовно-процессуальные нормы регулируют деятельность следственных органов, прокуратуры и суда, устанавливая их права (полномочия) и определяя их обязанности в области борьбы с преступлениями. Свои действия при расследовании и разрешении уголовных дел органы следствия, прокуратура и суд совершают в отношении определенных лиц, граждан. Так, следователь привлекает к уголовной ответствен-

йбетей в качестве обвиняемого то лиц, на виновность которого в совершении преступления указывают собранные по делу доказательства, и избирает в отношении его меру пресечения; суд вызывает в судебное заседание подсудимого и свидетелей и допрашивает их. Эти действия в отношении различных лиц органы следствия, прокуратура и суд совершают на основе закона, в силу предоставленных им законом полномочий. Лица, на которых распространяется деятельность органов следствия, прокуратуры и суда, также в силу закона получают определенные права. Так, лицо, привлеченное к уголовной ответственности, т. е. обвиняемый, приобретает в силу процессуального закона ряд прав, используя которые он защищается против предъявленного ему обвинения, оспаривает это обвинение, приводит доводы и доказательства в свою защиту. Ряд прав имеет потерпевшее от преступления лицо или учреждение, которому преступными действиями обвиняемого причинен материальный ущерб и которое при производстве по уголовному делу стремится получить возмещение ущерба.

Органы следствия, прокуратура и суд, осуществляя свои полномочия, вместе с тем несут определенные обязанности в отношении лиц, на которых распространяется их деятельность. Так, следователь *обязан* сообщить обвиняемому сущность обвинения и заслушать его объяснения, суд *обязан* предоставить подсудимому возможность участвовать в проверке каждого доказательства и давать свои объяснения по поводу каждого обстоятельства дела. Участвующие в производстве по делу лица обладают предоставленными им законом правами и в то же время несут обязанности. Например, обвиняемый *обязан* подчиняться распоряжениям председателя суда, свидетели *обязаны* являться по вызову и давать правдивые показания.

Таким образом, между органами следствия, прокуратуры, суда и гражданами, на которых распространяется деятельность этих органов, складываются определенные отношения; ввиду того, что эти отношения регулируются процессуальным законом, нормами уголовно-процессуального права, они являются *уголовно-процессуальными отношениями*.

Уголовно-процессуальные отношения — это вид правоотношений.

Правоотношения принадлежат к идеологически общественным отношениям, которые, по определению В. И. Ленина, прежде чем им сложиться, проходят через сознание людей¹. Ленин указывал, что все общественные отношения делятся на материальные, т. е. производственные отношения, и идеологические. «Последние представляют собой лишь надстройку над первыми. . .»²

В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 1, Стр. 137. Там же, стр. 149.

Особенность правоотношений, отличающая их от других идеологических общественных отношений (например, моральных), состоит в том, что они предусмотрены нормами права, урегулированными ПМ11.

Уголовно-процессуальные отношения — это правоотношения между органами прокуратуры, прокурорскими и судебными органами и гражданами, на которых распространяется деятельность этих органов.

Сюда же входят правоотношения между следственными, прокурорскими и судебными органами и учреждениями и общественными организациями, в отношении которых органы следствия, прокуратуры и суда осуществляют свои полномочия (например, истребуют или производят выемку необходимых для производства по делу материалов) или которые участвуют в производстве по уголовному делу через своих представителей (общественные обвинители и общественные защитники, представители гражданского истца).

Далее, к уголовно-процессуальным отношениям принадлежат предусмотренные и регулируемые нормами уголовно-процессуального права взаимоотношения следственных, прокурорских и судебных органов, например отношения суда, разбирающего уголовное дело, и прокурора, поддерживающего государственное обвинение в заседании суда.

Определенное место в системе уголовно-процессуальных отношений занимают правоотношения между самими участвующими в производстве по уголовному делу гражданами или между гражданами и представителями учреждений и организаций, участвующими в производстве по делу, например, между потерпевшим и обвиняемым, между общественным обвинителем и подсудимым или допрашиваемым на суде свидетелем³.

Как и всякое правоотношение, уголовно-процессуальное отношение складывается из четырех элементов: субъектов правоотношения; объекта правоотношения; права (правомочия) и обязанности.

Субъектами уголовно-процессуального отношения являются: орган следствия, прокурор или суд и то лицо, которое участвует в деятельности этого органа государства — обвиняемый и его защитник, потерпевший и его представитель, также свидетель, эксперт и др.

³ Вопрос о наличии таких правоотношений представляет некоторую спорность: есть известные аргументы в пользу того положения, что эти лица связаны непосредственно правоотношениями не друг с другом, а с соответствующими следственными и судебными органами. Все же мы думаем, что нельзя отрицать, например, наличия процессуального отношения между потерпевшим, допрашиваемым на суде свидетелем, и свидетелем, обязанным отвечать на вопросы потерпевшего. Тем более очевидно и несомненно процессуальное отношение между обвиняемым и его защитником,

К объекту уголовно-процессуального правоотношения относится все то, по поводу или ради чего возникает данное отношение, например предотвращение уклонения обвиняемого от следствия и суда при избрании меры пресечения, показания о существенном для дела факте при допросе свидетеля и т. д.⁴

Права и обязанности в уголовно-процессуальном отношении — это права и обязанности следователя, прокурора и суда и того лица, которое участвует в данном уголовно-процессуальном отношении (обвиняемый, свидетель и др.).

Каждый субъект процессуального отношения имеет права и несет обязанности. Так, обвиняемый может представлять объяснения по предъявленному ему обвинению и обжаловать действия следователя и в то же время обязан явиться по вызову следователя и не нарушать подписку о невыезде.

В отношении же прав и обязанностей суда, прокурора, органа следствия вопрос решается следующим образом:

В любом уголовно-процессуальном отношении орган государства (следственный орган, прокуратура, суд) выполняет свои государственные обязанности, возложенные на него законом. Для выполнения своих государственных обязанностей, т. е. обязанностей перед государством, следователь, прокурор и суд наделяются соответствующим правом, которое они осуществляют в данном конкретном процессуальном отношении. Так, государственная обязанность следователя — избирать меру пресечения, например заключение под стражу в определенных случаях, при наличии законных оснований. Но в процессуальном отношении следователя с обвиняемым избрание данной меры пресечения выступает как право следователя, и обвиняемый может обжаловать действия следователя, доказывать, что в данном случае следователь в силу закона (ст. 96 УПК РСФСР) не имел права избрать эту меру.

Поэтому в процессуальных отношениях с участвующими в процессе гражданами органы следствия, прокуратура и суд выступают как субъекты прав и в качестве таковых осуществляют свои права.

То же самое характеризует обязанности следователя, прокурора и суда. Эти обязанности возложены на них законом, и поэтому являются их обязанностями перед государством; но в том или ином уголовно-процессуальном отношении эта их государ-

⁴ Понятие объекта уголовно-процессуального правоотношения, данное здесь, выражено очень широко — «все то, по поводу или ради чего. . .» и т. д. Но таково понятие объекта правоотношения вообще, охватывающее объекты правоотношений различных отраслей права. Это понятие было бы более конкретным, если бы под объектом понимались только действия или вещи. Мы же понимаем под объектом любого правоотношения всегда какое-то, как говорят, «благо», т. е. что-то нужное, ценное, из-за чего субъекты прав и обязанностей вступают в правоотношения.

етиошми обязанность ость также и обяанность в отношении обвиняемого, свидетеля или иного участника процесса.

Например, суд должен допустить избранного обвиняемым защитника или назначить обвиняемому защитника в указанных в законе случаях (ст. 48 и 49 УПК РСФСР). Это — государственная обязанность суда, но в то же время и обязанность суда по отношению к обвиняемому, который вправе настаивать, чтобы суд эту обязанность выполнил и допустил или назначил ему защитника.

Участники (субъекты) процессуальных отношений осуществляют свои права и выполняют свои обязанности посредством совершения определенных действий. Например, обвиняемый, осуществляя свои права, дает объяснения по предъявленному ему обвинению, представляет доказательства, возбуждает ходатайства, приносит жалобы на действия следователя и суда; свидетель выполняет свои обязанности таким образом, что дает на допросе правдивые показания об известных ему обстоятельствах дела⁵.

Рассматривая уголовный процесс, мы видим в нем два основных элемента: основанную на законе *деятельность* органов следствия, прокуратуры и суда и *правоотношения* этих органов как друг с другом, так и с лицами и организациями, на которых распространяется их деятельность. Какова связь этих элементов уголовного процесса? Это — связь содержания и формы: уголовно-процессуальные отношения представляют собой *правовую форму* деятельности органов следствия, прокуратуры и суда, осуществляющих возложенные на них законом задачи в области борьбы с преступлениями, а сама эта деятельность есть *содержание* уголовно-процессуальных отношений.

Следует признать неправильной точку зрения Б. А. Галкина, который считает, что «понятие правоотношения как идеологического отношения между людьми, характеризующегося наличием взаимно корреспондирующих прав и обязанностей его участников, только в самом общем виде применимо к уголовно-процессуальному праву» и что «абсолютно неприемлемой представляется попытка строить процессуальное правоотношение по типу гражданского: «обвиняемый вправе... поэтому следователь обязан», и наоборот» (Б. А. Г а л к и н. Советский уголовно-процессуальный закон. Госюриздат, 1962, стр. 72—73). Общее понятие правоотношения не «в самом общем виде», а полностью применимо к уголовно-процессуальным отношениям, которые, конечно, отличаются от гражданско-правовых отношений, но сохраняют все черты правоотношений. То, что в уголовно-процессуальном отношении праву одного субъекта соответствует обязанность другого — бесспорно, ибо иначе здесь не было бы правоотношения, — не «гражданского», а вообще правоотношения, какого бы то ни было правоотношения. И если «обвиняемый вправе», например, знать, в чем он обвиняется, то «следователь обязан» предъявить ему обвинение. А если лицо, вызванное в качестве свидетеля, обязано дать показания, то следователь вправе вызвать и допросить свидетеля.

Правильную трактовку уголовно-процессуальных отношений см.: П. С. Э л ь к и н д. Сущность советского уголовно-процессуального права. Изд-во ЛГУ, 1963, гл. I.

Конкретно связь этих двух основных элементов уголовного процесса выражается в следующем: каждое действие следователя, прокурора, суда в производстве по уголовному делу либо порождает процессуальное отношение, являясь для него юридическим фактом (например, привлечение лица в качестве обвиняемого, предание обвиняемого суду и т. п.), либо представляет собой выполнение следователем, прокурором и судом своей обязанности и осуществление ими своего права в уже возникшем, имеющемся процессуальном отношении (допрос обвиняемого, избрание меры пресечения, допрос подсудимого в судебном заседании и т. д.).

Это же относится и к действиям лиц, граждан, организаций, участвующих в производстве по делу: их действия порождают соответствующие процессуальные отношения (например, принесение кассационной жалобы на приговор) и являются средством осуществления своих прав и выполнения своих обязанностей в возникшем процессуальном отношении (возбуждение обвиняемым ходатайства о вызове свидетеля, дача свидетелем показаний и т. д.)⁶.

Из сказанного вытекает, что отношения следователя, прокурора и суда с участвующими в производстве по уголовному делу лицами всегда облекаются в форму правоотношений (уголовно-процессуальных отношений), потому что эти отношения всегда основываются на процессуальном законе, всегда предусматриваются процессуальными законами, и не может быть между органами суда, прокуратуры и следствия и лицами отношений, которые не предусматривались бы процессуальным законом, не облекались бы в форму уголовно-процессуальных отношений. Поэтому любое действие любого участника уголовного процесса, как государственного органа (следователя, прокурора, суда), так и лица, гражданина (обвиняемого, потерпевшего), всегда производится ими в качестве участников, субъектов уголовно-процессуальных отношений. Например, если следователь производит обыск у какого-либо лица, между следователем и этим лицом возникает уголовно-процессуальное отношение, и оба они являются субъектами правоотношения, в соответствии с которым они осуществляют свои права и выполняют свои обязанности.

Таким образом, деятельность государственных органов — следователя, прокурора, суда при расследовании и разрешении уголовных дел, состоящая в выполнении ими возложенных на

⁶ О процессуальной деятельности и процессуальных отношениях подробно см.: Н. Н. П о л я с к и й. Вопросы теории советского уголовного процесса. Изд-во МГУ, 1956, гл. II; «Правовые гарантии законности в СССР». Изд-во АН СССР, 1962, гл. IV; «Демократические основы советского социалистического правосудия». Изд-во «Наука», 1965, гл. III; П. С. Э л ь к и н д. Сущность советского уголовно-процессуального права, гл. I, II.

них законом обязанностей и в осуществлении предоставленных законом полномочий, протекает в форме уголовно-процессуальных отношений, и именно в этой форме распространяется на лиц, граждан, наделенных в силу закона правами и несущих по закону обязанности.

Изложенное выше позволяет нам дать общее определение советского уголовного процесса.

Советский уголовный процесс есть установленная законами Советского государства система действий органов следствия (дознания), прокуратуры и суда и правовых отношений этих органов с гражданами и организациями, на которых распространяется их деятельность и которые участвуют в этой деятельности, а равно отношений этих органов друг с другом, при расследовании и разрешении уголовных дел. Эта система действий и правоотношений обеспечивает осуществление задач социалистического правосудия по уголовным делам: охрану Советского государства и советского правопорядка от преступных посягательств путем изобличения, осуждения и наказания совершивших преступления лиц и выполнение судом его воспитательной задачи.

С понятием уголовного процесса тесно связано понятие уголовно-процессуального права. В чем разница между этими понятиями? *Уголовно-процессуальное право* — это отрасль права, т. е. совокупность правовых норм, регулирующих деятельность суда, прокуратуры и следственных органов и их отношения друг с другом и с гражданами и организациями при расследовании и разрешении уголовных дел. *Уголовный процесс* — это деятельность (система действий) суда, прокуратуры и органов следствия и их отношения друг с другом и с гражданами и организациями, регулируемые нормами уголовно-процессуального права. Иными словами, уголовный процесс — это движение уголовного дела, развитие действий и отношений при расследовании и разрешении уголовного дела. Сам термин «процесс» означает движение, развитие (от латинского слова *procedere* — двигаться вперед). А уголовно-процессуальное право — это правовые нормы, регулирующие уголовный процесс. Это положение можно выразить и так: уголовно-процессуальное право *регулирует* уголовный процесс, уголовный процесс *регулируется* уголовно-процессуальным правом.

Часто термин «уголовный процесс» применяется как сокращенное обозначение уголовно-процессуального права. Так, когда говорят об источниках уголовного процесса, о нормах уголовного процесса, имеется в виду уголовно-процессуальное право. Поэтому и в дальнейшем изложении мы иногда будем применять понятие уголовного процесса не только для обозначения процессуальной деятельности и процессуальных отношений, но и для обозначения процессуальных норм, регулирующих эту деятельность и отношения, т. е. будем говорить об уголовном процессе в смысле уголовно-процессуального права.

• Понятие уголовного процесса тождественно понятию *уголовного судопроизводства*. Так, общесоюзный уголовно-процессуальный закон называется «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик». Судопроизводство означает производство в суде, но Основы уголовного, судопроизводства устанавливают основные процессуальные нормы для деятельности не только суда, но и органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры. В данном случае наименование судопроизводства подчеркивает то, что основным в уголовном процессе является отправление *правосудия* по уголовным делам, осуществляемого только *судом*, причем никто не может быть признан виновным и подвергнут уголовному наказанию иначе, как по приговору суда (ст. 7 Основ уголовного судопроизводства). Процессуальная же деятельность органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры, не будучи отправлением правосудия, связана с деятельностью суда, содействует суду, создает ему необходимые условия для осуществления задач социалистического правосудия.

Республиканские уголовно-процессуальные законы именуются уголовно-процессуальными кодексами ⁷.

® Определение уголовного процесса устанавливает в нем, как было сказано, два элемента: уголовно-процессуальную деятельность государственных органов и уголовно-процессуальные отношения этих органов с гражданами и организациями, а также между собой.

В некоторых научных работах по уголовному процессу к этим двум элементам добавляется третий — уголовно-процессуальные действия граждан, лиц, участвующих в производстве по уголовному делу (потерпевшего, обвиняемого и др.) ⁸.

Никакого расхождения по существу здесь нет: действия обвиняемого, потерпевшего и других лиц, несомненно, не лежат вне процесса, а включаются в него. Мы не указали, однако, на эти действия в определении уголовного процесса только потому, что основу уголовного процесса составляет деятельность государственных органов — следствия, прокуратуры и суда; действия обвиняемого и других лиц в уголовном процессе совершаются ими как субъектами правоотношений, что и имеется в виду, когда в определении уголовного процесса указываются правоотношения

⁷ Вопрос о соотношении уголовно-процессуального законодательства СССР и уголовно-процессуального законодательства союзных республик будет рассмотрен особо в гл. II.

⁸ См.: Н. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса, стр. 50.

органов следствия, прокуратуры и суда с гражданами, участвующими в производстве по уголовному делу.

В этом и есть смысл включения в определение уголовного процесса правоотношений (процессуальных отношений) органов следствия, прокуратуры и суда с гражданами (и организациями): тем самым подчеркивается, что граждане, на которых распространяется деятельность государственных органов, не являются простыми объектами власти, а выступают в уголовном процессе как субъекты прав, своими действиями осуществляющие свои права и выполняющие обязанности. При этом действия участвующих в производстве по уголовному делу граждан совершаются ими в рамках правоотношений (уголовно-процессуальных отношений), в которых они выступают как субъекты права, а не вне правоотношений, не помимо правоотношений.

В нашей уголовно-процессуальной литературе иногда дается иное определение уголовного процесса. Он рассматривается только как регулируемая законом деятельность органов прокуратуры, следствия и суда, процессуальные же отношения в само содержание понятия уголовного процесса не включаются.

-~" Именно такое определение уголовного процесса дано в учебнике профессора М. А. Чельцова (1962 г.). В этом учебнике советский уголовный процесс определяется только как деятельность суда, органов прокуратуры, следствия и дознания⁹. Процессуальные отношения не только не включаются в определение уголовного процесса, но прямо утверждается, что в уголовном процессе они не играют существенной роли¹⁰. Сама деятельность суда, органов прокуратуры, следствия и дознания изображается как осуществление ими своих «односторонних властных полномочий»¹¹.

При такой трактовке советского уголовного процесса процессуальные действия государственных органов, ведущие борьбу с преступлениями, направленные на раскрытие преступлений, изболечение преступников совершаются *вне правоотношений* государственных органов с лицами, на которых распространяется деятельность этих органов и к которым применяются принудительные меры. Эти лица, граждане выступают в уголовном процессе в качестве объектов властных полномочий органов государства, а не в качестве субъектов права, осуществляющих свои права и выполняющих свои обязанности. Действительно, если бы участвующие в процессе лица выступали как субъекты права, полномочия суда, органов следствия и дознания не были бы односторонними. В этом и суть концепции «односторонних власт-

⁹ М. А. Ч е л ь ц о в. Советский уголовный процесс. Госюриздат, 1962, стр. 14.

¹⁰ Там же, стр. 16.

¹¹ Там же, стр. 16, 17 и 231.

ных Полномочий». Концепция эта Неправильна в своей Основе, так как она противоречит демократической природе социалистического права и правосудия.

В советском уголовном процессе суд, прокуратура и органы следствия действительно наделены полномочиями, в том числе полномочиями применять принуждение, необходимыми для того, чтобы выяснить обстоятельства дела, установить истину по делу, изболечить в совершении преступления виновных лиц. Но эти полномочия государственные органы применяют на основе закона, в соответствии с законом. Те лица, граждане, в отношении которых органы государства осуществляют свои полномочия, никогда не являются просто объектами исследования, а всегда выступают как субъекты права, осуществляющие предоставленные им законом права и выполняющие возложенные на них законом обязанности. А потому полномочия органов власти в отношении граждан никогда не являются односторонними.

Из этого следует, что правоотношения в уголовном процессе (уголовно-процессуальные отношения) всегда есть существенный и необходимый элемент советского уголовного процесса и они не могут быть исключены из самого понятия уголовного процесса, а должны войти в его определение в качестве органической составной части¹².

§ 2. Цель советского уголовного процесса

Поскольку уголовный процесс представляет собой систему действий суда, прокуратуры, органов следствия и отношений этих государственных органов с гражданами, естественно возник-

¹² Именно эта, правильная точка зрения нашла выражение в исследовании профессора П. Н. Полянского «Вопросы теории советского уголовного процесса», в монографиях П. С. Элькинд («Сущность советского уголовно-процессуального права») и Р. Д. Рахунова («Участники уголовно-процессуальной деятельности»). Госюриздат, 1961) и в других научных работах по уголовному процессу.

В учебнике «Советский уголовный процесс» под редакцией Д. С. Карева (изд-во «Высшая школа», 1968) дано определение уголовного процесса как деятельности суда, прокуратуры и органов расследования (стр. 14, 15), правоотношения же этих органов с гражданами в определение уголовного процесса не включены. Вместе с тем авторы признают, что в своей деятельности суд, прокурор и следователь вступают друг с другом и другими участниками процесса в определенные, регулируемые законом юридические отношения. Из этого авторы делают вывод, что «включение этого элемента в определение (уголовного процесса. — М. С.) возможно. . .» (стр. 15). Такое непоследовательное и противоречивое решение вопроса об определении уголовного процесса, конечно, не может быть принято. Но следует все же отметить, что данная в этом учебнике трактовка советского уголовного процесса существенно отличается от трактовки М. А. Чельцова.

Каждый вопрос о цели уголовного процесса, на достижение которой направлена деятельность суда, прокуратуры и органов следствия.

Ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик следующим образом определяет задачи уголовного судопроизводства: «Задачами советского уголовного судопроизводства является быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден».

Уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития».

Рассмотрим, в чем же состоит цель уголовного процесса, исходя из определения его задач, данных в ст. 2 Основ уголовного судопроизводства.

Цель уголовного процесса — это прежде всего установление фактических обстоятельств дела в полном и точном соответствии с действительностью, т. е. установление по делу *истины*.

Уголовный процесс начинается по конкретному уголовному делу тогда, когда есть данные о совершенном преступлении. Уголовный процесс ведется для того, чтобы установить само событие преступления и совершившее его лицо. Обстоятельства, при которых произошло преступление, и виновность привлеченного к ответственности лица должны быть установлены в полном и точном соответствии с действительностью. Установление преступления и его совершителя производится для того, чтобы преступника подвергнуть по суду заслуженному наказанию.

Осуждению и наказанию должно подлежать лишь то лицо, которое действительно совершило преступление, и лишь в меру его действительной вины. Поэтому в случаях, когда обвинение было неосновательно предъявлено невиновному человеку, последнему следует освободить от ответственности, реабилитировать, т. е. прекратить в отношении него уголовное преследование или оправдать его по суду.

Таким образом, цель советского уголовного процесса — установление истины по уголовному делу, изобличение и наказание совершившего преступление лица и ограждение невиновного человека от неосновательного обвинения и осуждения¹³.

См. у Н. Н. Полянского: «процесс прежде всего — средство для наказания преступника, но вместе с тем он — защита от ошибочного наказания того, кто не совершил преступления, или от наказания несправедливого, свыше меры содеянного» (Н. Н. П о л я н с к и й. Вопросы теории советского уголовного процесса, стр. 68).

Если преступление в действительности было совершено, истина заключается в установлении события преступления в том виде, как оно произошло, и обнаружение, изобличение с полной достоверностью того лица, которое совершило это преступление.

Если преступление в действительности не было совершено и поводом к возбуждению дела послужили недостоверные данные, истина состоит в установлении отсутствия события преступления, невиновности привлеченного лица.

Если преступление было совершено, но к уголовной ответственности был привлечен не тот, кто его совершил, а другой, невиновный человек, на которого неосновательно пало подозрение, — истина заключается в реабилитации невиновного, в снятии с него незаслуженного обвинения. В этом случае остается открытым вопрос о том, кто же действительно совершил преступление (в отношении чего истина осталась необнаруженной)¹⁴.

Цель уголовного процесса по каждому делу не исчерпывается установлением истины и осуждением и наказанием конкретного виновника данного преступления, освобождением от ответственности невиновного человека: она состоит и в воспитательном воздействии на граждан, присутствующих на процессе, следящих за ним.

Итак, может быть дано следующее определение цели советского уголовного процесса: *целью советского уголовного процесса является обнаружение истины по уголовному делу, установление виновности и справедливое наказание лица, совершившего преступление, ограждение от неосновательного обвинения невиновного человека и оказание воспитательного воздействия на граждан*.

В. И. Ленин придавал уголовному процессу громадное значение именно как средству борьбы с преступлениями и средству воспитательного воздействия на людей.

Еще задолго до Октябрьской революции, в 1901 г., В. И. Ленин писал: «Давно уже сказано, что предупредительное значение наказания обуславливается вовсе не его жестокостью, а его не-

¹⁴ Ошибочной представляется высказанная в юридической литературе точка зрения, что цель уголовного процесса — только изобличение, осуждение совершившего преступление лица, но не ограждение от необоснованного обвинения, не оправдание лица, на которого неосновательно было возведено обвинение. Такая концепция была выдвинута М. Л. Якубом (М. Л. Я к у б. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. Изд-во МГУ, 1960, стр. 16). Автор утверждает: «В случае, когда к уголовной ответственности привлекается невиновный, задачи процесса не достигаются, несмотря на вынесение оправдательного приговора» (стр. 17). Конечно, это неверно. Истина в правосудии торжествует и тогда, когда лицо, совершившее преступление, изобличено и осуждено, и тогда, когда невиновный человек реабилитирован, восстановлен в своем добром имени. Правильно вынесенный оправдательный приговор укрепляет законность, возвращает человеку его честь и достоинство и имеет большое общественное, воспитательное значение. Таким образом, цели процесса и здесь достигнуты.

отвратимостью. Важно не то, чтобы за преступление было назначено тяжкое наказание, а то, чтобы *ни один* случай преступления не проходил нераскрытым»¹⁶.

Значит, в каждом случае совершения преступления главное — обнаружить истину, изобличить и осудить преступника; именно таким способом обеспечивается успешность борьбы с преступностью, именно это, а не суровость назначенного наказания имеет решающее значение.

Эту мысль В. И. Ленин неоднократно высказывал и позднее, касаясь деятельности советского суда.

В письме от 13 декабря 1921 г. по поводу борьбы с волокитой В. И. Ленин писал: «. . . с точки зрения принципа необходимо такие дела не оставлять в пределах бюрократических учреждений, а выносить на публичный суд, не столько ради строгого наказания (может быть, достаточно будет выговора), но ради публичной огласки и разрушения всеобщего убеждения в ненаказуемости виновных»¹⁶.

В другом своем письме (от 23 декабря 1921 г.), настаивая на предании суду виновных в волоките и высмеивая тех, кто пытался смазать, притушить дело, не дать довести его до суда под тем предлогом, что обвиняемые могут подвергнуться незаслуженно строгому наказанию, В. И. Ленин писал: «Ежели Вы думаете, что в РСФСР не найдется *одного* умного обвинителя и трех умных судей, действительно умных (не торопыг, не крикунов, не фразеров), то я Вас обвиняю еще в пессимизме насчет Советской власти. Копию сего письма (вместе с Вашим письмом) посылаю тов. Курскому с специальной просьбой, чтобы он прочел и пошире дал юристам прочесть и чтобы специально на его, Курского, ответственности считал лежащим приискание для *сего* процесса непременно *умного* обвинителя и *умных* судей. И чтобы Курский лично отвечал (1) за максимальное ускорение суда и (2) за представление мне *стенографического* отчета о сем процессе (для вывода: начинает ли наконец наш *слабенький* Наркомюст *учиться* ставить и вести гласные дела о волоките). Пора начать учиться.

Не понимаю, почему умный обвинитель не может перед *всеми*, разнести вдрызг, осмеять и опозорить «богдановскую» и «осинскую» защиту бюрократической волокиты и вместе с тем поставить обвинение разумно, правильно, в меру?»¹⁷

В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 412. «Давно уже сказано. . .» — В. И. Ленин имел в виду мнение, высказанное выдающимся итальянским писателем-просветителем XVIII в. Чезаре Беккариа, автором замечательного труда «О преступлениях и наказаниях».

В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 54, стр. 71.

В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 54, стр. 87—88. Слова в кавычках образованы от фамилии тех лиц, которые противились преданию суду волокитчиков (Богданов, Осинский).

Ленин потребовал стенограмму бтмечённого процесса, чтобы ознакомиться не только с приговором суда, но и с самим проведением судебного процесса.

Высказывания Ленина о советском суде — подлинное руководство для работников суда и прокуратуры, так как эти высказывания помогают понять, как надлежит на практике проводить уголовный процесс, чтобы он обеспечил максимальный общественный эффект и правильное по существу разрешение уголовных дел.

Вместе с тем В. И. Ленин никогда не упускал из виду и другую сторону, другое значение уголовного процесса — ограждение невиновного человека от неосновательного обвинения, реабилитации его, восстановление его доброго имени. Так, в заключительном слове на X съезде РКП (б) 15 марта 1921 г. В. И. Ленин говорил о делах некоторых продовольственных работников, осужденных за различные злоупотребления и превышение власти. По поводу суда над одним сибирским продовольственным работником, Дрожжиным, оказавшимся невиновным, В. И. Ленин сказал: «Если Дрожжин предан суду, то это сделано именно для того, чтобы показать, что он не виновен. Я слышу тут замечания скептические, но во всяком случае надо сказать, что это — точка зрения правильная. Нарекания и сплетни бывают нередко, и показать таким путем их лживость — прием вполне правильный»¹⁸

Указание В. И. Ленина, что уголовный процесс по делу может вестись не только для того, чтобы изобличить преступника, но и для того, чтобы снять несправедливое обвинение с честного человека, имеет громадное значение для теории и практики советского уголовного процесса.

22|Ученик и соратник В. И. Ленина М. И. Калинин высоко ценил правильное ведение уголовного процесса в суде. В речи на торжественном заседании, посвященном 10-летию Верховного Суда Союза ССР (в 1934 г.), он говорил: «Судья должен не только уметь; правильно политически разобратся в данном конкретном деле, в той обстановке, в которой это дело произошло, правильно оценить, распознать людей, участвовавших в этом деле, выявить все пружины каждого данного дела, его классовую подоплеку и сущность, но он должен еще, кроме того, суметь это сделать, так убедительно, так показательно, чтобы не только он сам и народные заседатели, но и все присутствующие на суде разобрались в том деле и поняли правильность вынесенного судом решения.

Щ Можно совершенно уверенно сказать, что когда народный суд так разберет дело, то и осужденный запомнит его решение на всю жизнь, как бы он этим решением ни был недоволен».

И далее: «. . . народный суд, выполняя каждый раз конкретную задачу выявления и соответствующего наказания в отношении

¹⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 74.

лиц, виновных в том или ином преступлении, одновременно проводит огромную массово-разъяснительную работу, мобилизует присутствующих на самопроверку, на улучшение своей собственной работы, на лучшее исполнение своих обязанностей, на соблюдение социалистической дисциплины»¹⁰.

Одновременно М. И. Калинин подчеркивал важность гарантий для невиновных лиц от неосновательного обвинения. Он говорил: «Мы требуем и вправе требовать от прокурора, чтобы ни один невинный не был привлечен к суду. Мы требуем от него такой постановки и такого обоснования обвинения, которые действительно помогли бы судье разобраться в деле»²⁰.

§ 3. Уголовно-процессуальный закон

Порядок расследования и разрешения уголовных дел, деятельность органов следствия, прокуратуры и суда и их отношения с гражданами и организациями, участвующими в производстве по уголовным делам, регламентируются и регулируются *нормами уголовно-процессуального права*, которые выражены в *уголовно-процессуальном законе*,

Нормы уголовно-процессуального права (иначе — уголовно-процессуальные нормы) регламентируют весь ход расследования и разрешения уголовных дел, все полномочия и обязанности органов следствия и дознания, прокуратуры и суда в производстве по уголовным делам, все права и обязанности лиц и организаций, на которых распространяется деятельность этих государственных органов и которые принимают то или иное участие в этой деятельности. Уголовно-процессуальные нормы — это правовые нормы, обладающие свойствами, присущими всем правовым нормам, и в то же время имеющие и особые свойства, характеризующие именно уголовно-процессуальные нормы и отличающие их от других правовых норм.

Уголовно-процессуальные нормы регламентируют порядок деятельности государственных органов (суда, прокуратуры, органов следствия и дознания) и их взаимоотношения с гражданами и организациями, возникающие при выполнении этими государственными органами возложенных на них законом задач, и этим отличаются от норм материального уголовного права, устанавливающих, какие действия людей являются преступлениями и какие наказания влечет совершение этих действий¹⁹.

Следовательно, процессуальное право — это всегда право, устанавливающее определенную *процедуру*, которой подчиняется

¹⁹ «Советская прокуратура в важнейших документах». Госюриздат, 1956, стр. 393.

²⁰ Там же, стр. 395.

²¹ О соотношении уголовно-процессуального права и уголовного права будет сказано дальше в этой же главе.

деятельность государственных органов и их взаимоотношения с лицами, гражданами, организациями; это право, определяющее *процесс*, т. е. движение, развитие (*processus* — движение вперед) деятельности органов и лиц.

Соответственно уголовно-процессуальное право, выраженное в уголовно-процессуальных законах, — это нормы, так сказать, процедурного характера: они определяют порядок расследования уголовных дел следователем, порядок разбирательства этих дел в суде. Но этот порядок — процессуальный порядок — неразрывно связан с содержанием деятельности следственных и судебных органов, это такой порядок, который обеспечивает успешность деятельности органов следствия и суда, правильность осуществления возложенных на них законом задач. Поэтому *уголовно-процессуальный закон* есть такой закон, предписания которого обязательны для следственных органов, расследующих уголовные дела, для прокуратуры, осуществляющей надзор за расследованием уголовных дел и поддерживающей государственное обвинение в суде, для суда, разрешающего уголовные дела и выносящего приговоры о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц и о применении наказания к лицам, признанным виновными.

Уголовно-процессуальный закон — это закон, обязательный к исполнению, как всякий советский закон; это закон, подлежащий точному и неуклонному соблюдению; только при условии строгого следования этому закону возможно достигнуть цели уголовного процесса, выполнить задачи советского уголовного судопроизводства²².

Уголовно-процессуальный закон регулирует деятельность следственных, прокурорских и судебных органов при расследовании и разрешении уголовных дел и их отношения с участвующими в производстве по уголовным делам гражданами и организациями; регулирующая его роль выражается в том, что он предоставляет этим органам и лицам определенные права и возлагает на них определенные обязанности. Это значит, что *устанавливаемые уголовно-процессуальным законом правовые нормы реализуются через посредство уголовно-процессуальных отношений, которые являются общей и обязательной формой осуществления уголовно-процессуальных норм*²³.

²² Обстоятельное исследование проблем уголовно-процессуального права содержится в гл. II п. III книги «Демократические основы советского социалистического правосудия» и в монографии П. С. Элькинд «Толкование и применение норм уголовно-процессуального права» (Изд-во «Юридическая литература», 1967); см. также: Б. А. Галкип. Советский уголовно-процессуальный закон.

²³ Все правовые нормы, правовые нормы всех отраслей права претворяются в жизнь через правоотношения, в форме правоотношений (см.: М. С. Строгович. Вопросы теории правоотношений. «Советское государство и право», 1964, № 6, стр. 54).

Действительно, любое процессуальное действие любого участвующего в производстве по уголовному делу государственного органа, общественной организации, гражданина всегда является либо юридическим фактом, порождающим уголовно-процессуальное отношение, либо таким действием, которым субъект уголовно-процессуального отношения осуществляет свое право или выполняет свою обязанность²⁴.

Как и все правовые нормы, уголовно-процессуальные нормы имеют определенную структуру, они состоят из гипотезы, указывающей те обстоятельства, при наличии которых данная процессуальная норма подлежит применению, диспозиции, формулирующей само содержащееся в процессуальной норме предписание, и санкции — тех последствий, которые наступают при неисполнении данной нормы.

Например, в ст. 309 УПК РСФСР содержится уголовно-процессуальная норма: «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана».

Эту норму можно изложить таким образом: если суд при постановлении приговора обсуждает вопрос о виновности или невиновности подсудимого (гипотеза), то обвинительный приговор суд не может основать на предположениях, а может постановить такой приговор лишь тогда, когда данными судебного разбирательства доказана вина подсудимого (диспозиция). Санкция здесь — указание в ст. 342 и 344 УПК РСФСР на несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела, являющееся основанием для отмены приговора в кассационном порядке.

Обычно в виде санкции уголовно-процессуальных норм выступает признание недействительности произведенного с нарушением уголовно-процессуальных норм следственного и судеб-

Мы уже говорили о несостоятельности трактовки уголовного процесса как системы «односторонних властных полномочий» органов следствия (и дознания), прокуратуры и суда, через которые, а не через уголовно-процессуальные отношения, по мнению М. А. Чельцова, реализуются уголовно-процессуальные нормы. Но нельзя считать правильной и более осторожную трактовку этого вопроса, данную Б. А. Галкиным, который признает, что уголовно-процессуальное отношение «представляет собой основной метод регулирования общественных отношений нормами уголовно-процессуального права», и в то же время утверждает, что «правотно-отношением далеко не исчерпываются все способы воздействия процессуальной нормы на конкретное волевое поведение людей в уголовном процессе». Согласно точке зрения Галкина, «имеются и другие способы воздействия нормы на поведение участников процесса, обеспечения определенного результата деятельности» (Б. А. Галкин. Советский уголовно-процессуальный закон, стр. 87). Однако автор не указывает этих других способов осуществления уголовно-процессуальных норм. Вероятнее всего их п нет.

ного акта. Например, если то или иное доказательство получено с нарушением процессуальных норм, определяющих порядок получения доказательств и пользования ими, соответствующие фактические данные (показания, предметы и т. п.) лишаются доказательственной силы²⁵.

Могут быть и иные санкции уголовно-процессуальных норм — меры, принимаемые прокуратурой к устранению нарушений законов в уголовном судопроизводстве (ст. 20 Основ уголовного судопроизводства), возвращение судом дела к доследованию, вынесение судом частного определения (ст. 321 и 355 УПК РСФСР) и др.

Большинство уголовно-процессуальных норм — это обязывающие и императивные нормы: они предписывают определенный обязательный порядок, обязательную форму совершения следственных и судебных действий. Значительное место занимают нормы, управомочивающие, предоставляющие определенные права участникам процесса. Когда нормы уголовно-процессуального права предоставляют и гарантируют права лицам, гражданам, участвующим в процессе, обязанность суда, прокуратуры и органов следствия — обеспечить этим лицам возможности для полного и беспрепятственного осуществления этих прав. Но от самих участвующих в деле лиц — обвиняемого, потерпевшего — зависит, воспользоваться ли теми или другими правами или не воспользоваться ими, например, возбудить или не возбудить ходатайство, подать или не подать жалобу и т. д. В этом смысле соответствующие управомочивающие процессуальные нормы диспозитивны (в отличие от остальных — императивных).

В отношении уголовно-процессуальных законов, как и в отношении других законов, возникает вопрос о действии закона *в пространстве и времени*.

При расследовании и судебном разбирательстве уголовного дела применяется уголовно-процессуальный кодекс той союзной республики, на территории которой происходит расследование и разбирательство, независимо от места совершения преступления. Это положение зафиксировано в уголовно-процессуальных кодексах всех союзных-республик (ст. 1 УПК РСФСР; ст. 3 УПК УССР и соответствующие статьи УПК других союзных республик). Поэтому и суды СССР (Верховный Суд СССР, военные трибуналы) рассматривают подсудные им дела по уголовно-процессуальному кодексу той союзной республики, на территории которой происходит разбирательство дела. Равно следователи Прокуратуры

Утверждение В. И. Каминской, что «нарушения законности при допросах обвиняемого лишают его показания доказательственной силы», относится и к любому иному виду доказательств (В. И. Каминская. Показания обвиняемого в советском уголовном процессе. Изд-во АН СССР, 1960, стр. 47).

СССР и военные следователи Главной военной прокуратуры и соотнотствующих военных прокуратур (округа, гарнизона и др.) ведут предварительное следствие по УПК той союзной республики, на территории которой расследуется дело.

Если дело расследуется на территории одной союзной республики, а слушается в суде другой союзной республики, расследование дела происходит по УПК одной союзной республики, а судебное разбирательство — по УПК другой союзной республики.

Относительно действия уголовно-процессуального закона во времени все УПК союзных республик устанавливают такое правило: «При производстве по уголовному делу применяется уголовно-процессуальный закон, действующий соответственно во время дознания, предварительного следствия, либо рассмотрения дела судом» (ст. 1 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

В данном случае действует принцип: уголовно-процессуальный закон обратной силы не имеет, любое процессуальное действие совершается на основании того процессуального закона, который действует в настоящий момент.

Проблема действия уголовно-процессуального закона во времени не возникает в том аспекте, в каком она возникает в отношении материального уголовного закона.

Материальный уголовный закон, устраняющий наказуемость деяния или смягчающий наказание, имеет обратную силу, а закон, устанавливающий наказуемость деяния или усиливающий наказание, обратной силы не имеет (ст. 6 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик).

Но проблема действия уголовно-процессуального закона во времени может возникнуть в иной плоскости: если последующим законом устранено или ограничено то или иное процессуальное право участника процесса по делам, находящимся в производстве органов следствия и суда, это право сохраняется за участником процесса без внесенных ограничений, пока не закончится производство. Так, когда Указом Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. для производства в военных трибуналах, в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий было отменено кассационное обжалование приговоров, это ограничение не распространялось на дела, по которым был уже вынесен приговор и принесена кассационная жалоба или по которым еще не истек срок на кассационное обжалование.

Другой пример. Согласно ч. 2 ст. 10 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении уголовной ответственности за хулиганство» по делам о злостном хулиганстве, совершенном без применения огнестрельного или холодного оружия или предметов, приспособленных специально для нанесения телесных повреждений, расследование производится в форме

дознания, тогда как до введения в действие Указа по этим делам производилось предварительное следствие. При производстве дознания защитник не участвует; на предварительном же следствии он допускается к участию. Поэтому, если по делу о таком хулиганстве уже началось предварительное следствие, оно должно быть закончено и защитника следует допустить к участию в нем, хотя бы окончание предварительного следствия происходило уже при действии Указа об усилении уголовной ответственности за хулиганство.

Возможно ли применение уголовно-процессуального закона по аналогии? Вопрос этот спорный. Есть точка зрения, что применение уголовно-процессуального закона по аналогии не допускается, подобно тому как не допускается сейчас применение по аналогии материального уголовного закона²⁰; есть и противоположная точка зрения, допускающая применение уголовно-процессуального закона по аналогии²⁷.

Мы полагаем, что применение уголовно-процессуального закона по аналогии допустимо.

Вообще применение закона по аналогии в случаях пробела в действующем законодательстве — прием вполне правомерный. Запрещение применения материального уголовного закона по аналогии, введенное действующим сейчас уголовным законодательством, исходит из особенностей уголовного права и уголовно-правового регулирования: устанавливается принципиальное положение, что гражданин не должен нести уголовную ответственность за действия, которые в момент их совершения не были предусмотрены уголовным законом как преступление. Иначе стоит вопрос о применении по аналогии уголовно-процессуального закона. Этот закон регулирует производство следственных и судебных действий, и вопрос о его применении возникает тогда, когда должно быть произведено соответствующее процессуальное действие участником процесса. Поэтому то основание, которое повлекло отказ от аналогии в уголовном праве, отсутствует в уголовном процессе. Если какой-либо возникший в следственной и судебной деятельности вопрос не получает прямого разрешения в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, а разрешение его необходимо, то вполне возможно применить тот процессуальный закон, который предусматривает наиболее сходный случай.

См., например: «Демократические основы советского социалистического правосудия», стр. 89.

М. М. Гродзинский. Аналогия в советском уголовно-процессуальном праве. «Ученые записки Харьковского юридического института», 1948, вып. III; П. С. Элькин допускает применение уголовно-процессуального закона по аналогии только «в качестве исключительного и притом временного средства» («Сущность советского уголовно-процессуального права», стр. 162).

Например, ст. 158 УПК РСФСР устанавливает, что при допросе свидетеля на предварительном следствии наводящие вопросы не допускаются²⁸. Ст. 283 УПК РСФСР, определяющая порядок допроса свидетеля судом и сторонами на судебном следствии, такого правила не содержит. Было бы неправильно из этого сделать вывод, что на судебном следствии свидетелю могут задаваться наводящие вопросы. К допросу свидетеля на судебном следствии надлежит применить норму ст. 158 УПК РСФСР по аналогии. Согласно ст. 337 УПК РСФСР лицо, принесшее на приговор кассационную жалобу или протест, вправе представить в кассационную инстанцию дополнительные материалы. При рассмотрении же дела в порядке судебного надзора (по протесту на вступивший в законную силу приговор) уголовно-процессуальный кодекс не содержит нормы о представлении в надзорную инстанцию суда новых материалов. Это, конечно, не есть запрещение представлять новые материалы в надзорную инстанцию, так как для него нет оснований, и в судебно-надзорной практике новые материалы представляются и принимаются к рассмотрению, что и означает применение ст. 337 УПК РСФСР по аналогии.

Основанием для применения уголовно-процессуального закона по аналогии является тот или иной пробел в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. Если этот пробел восполнен путем изменения, дополнения действующего закона, естественно отпадает надобность в применении в соответствующих случаях закона по аналогии. Но пока пробел в законе не устранен в законодательном порядке, такая надобность всегда может возникнуть.

Применение уголовно-процессуального закона по аналогии предполагает строгое соблюдение следующих ограничительных условий:

1) предусмотренный процессуальным законом случай должен быть однороден с тем, к которому закон применяется по аналогии;

2) применение процессуального закона по аналогии ни в какой мере не может вести к ограничению процессуальных прав участвующих в процессе лиц или к возложению на них непредусмотренных законом обязанностей;

3) применение процессуального закона по аналогии не допускает совершения органами следствия и дознания, прокуратурой и судом процессуальных действий, не предусмотренных нормами процессуального закона²⁹.

²⁸ Наводящий вопрос — это вопрос, сформулированный таким образом, что в самом вопросе уже содержится желательный, ожидаемый ответ.

²⁹ Указание на возможность применения уголовно-процессуального закона по аналогии можно усмотреть в Постановлении № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. «О применении судами Указа Президиума Верховного Совета СССР от 20 марта 1964 г. Об условном освобождении из мест лишения свободы осужденных, вставших на путь исправления,

§ 4. Процессуальная форма и ее значение

Вся деятельность органов следствия, прокуратуры и суда при расследовании и разрешении уголовных дел детально регламентируется уголовно-процессуальным законом, который устанавливает определенную *процессуальную форму* для совершения всех действий этих органов.

Процессуальной формой называется совокупность условий, установленных процессуальным законом для совершения органами следствия, прокуратуры и суда тех действий, которыми они осуществляют свои функции в области расследования и разрешения уголовных дел, а также для совершения гражданами, участвующими в производстве по уголовному делу, тех действий, которыми они осуществляют свои права и выполняют свои обязанности}. Например, привлечение лица к уголовной ответственности производится с соблюдением определенных, установленных законом условий: вынесение следователем постановления о привлечении данного лица в качестве обвиняемого, предъявление ему обвинения, т. е. ознакомление его с сущностью и основаниями его обвинения.

Разбирательство дела в судебном заседании ведется в определенном порядке: подсудимому разъясняются его права, при допросе свидетелей им задаются вопросы сторонами и судом, при заявлении ходатайства одной стороной суд выслушивает мнение другой стороны, а затем выносит определение об удовлетворении или отклонении ходатайства и т. д.

Вынесение судом приговора производится после того, как уголовное дело рассмотрено в судебном заседании; приговор постановляется судьями в совещательной комнате, где не может быть никого, кроме самих судей; в приговоре должны быть приведены мотивы, по которым суд пришел к выводу о виновности или невиновности подсудимого, и т. д.

В определенную форму облакаются и действия, совершаемые гражданами, участвующими в производстве по уголовному делу.

для работы на строительстве предприятий народного хозяйства» («Бюллетень Верховного суда СССР», 1964, № 4, стр. 6—8).

В этом постановлении есть такое указание: «Рассмотрение ходатайства администрации и профсоюзной организации предприятия или стройки о досрочном снятии ограничений, устанавливаемых Указом для условно освобожденных, производится судом по месту их работы в порядке, предусмотренном законодательством для решения вопросов, связанных с исполнением приговоров (ст. 369 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик)». Это и есть применение ст. 369 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других республик по аналогии: данного случая ст. 369 УПК РСФСР не предусматривает, но она предусматривает однородные, сходные случаи, а потому и применяется к данному случаю.

Например, при возбуждении на суде какой-либо стороной ходатайства о лизоле новых свидетелей и экспертов и об истребовании вещественных доказательств и документов, лицо, заявившее ходатайство, обязано указать, для установления каких именно обстоятельств необходимы дополнительные доказательства (ст. 276 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

Процессуальная форма тесно и неразрывно связана с существом, с политическим содержанием деятельности следственных, прокурорских и судебных органов и с гарантиями прав и законных интересов участников процесса. Процессуальная форма — это не пустая формальность, это — абсолютно необходимое условие правильности расследования и разрешения уголовных дел. Процессуальная форма содействует меткости и безошибочности применения уголовной репрессии, успешности борьбы с преступлениями. Точность, четкость, организованность, планомерность расследования и разрешения уголовного дела требуют строжайшего соблюдения всех установленных процессуальным законом правил производства следственных и судебных действий, т. е. соблюдения процессуальной формы.

Форму в уголовном процессе ни в коем случае нельзя смешивать, отождествлять с формализмом. Формализм — это бездушное, бюрократическое отношение к рассматриваемому делу, игнорирование живого существа дела и интересов лиц, которых это дело касается. Формализм в уголовном процессе заключается вовсе не в строгом и неуклонном соблюдении установленных законом процессуальных форм, а в игнорировании сути рассматриваемого судом дела, в неправильных по существу решениях, прикрываемых ссылками на формальные основания. Например, проявлением формализма будет отклонение судом ходатайства обвиняемого лишь по тем мотивам, что обвиняемый не смог это ходатайство должным образом аргументировать, хотя из обстоятельств дела видно, что это ходатайство по существу правильно; или оставление судом без проверки того или иного факта только потому, что стороны не просили суд этот факт проверить, хотя он мог иметь значение для правильного разрешения дела. Во всех такого рода случаях формализм означает искажение процессуального закона, а не следование ему.

В отличие от формализма строгое и неуклонное соблюдение процессуальной формы есть необходимая гарантия социалистического правосудия.

Нарушение процессуальной формы, пренебрежение ею, иногда встречающееся в следственной и судебной практике и прикрываемое ссылкой на то, что значение имеет не форма, а существо, в действительности есть не что иное, как процессуальное упрощенчество. Процессуальное упрощенчество — это вреднейшее явление в следственной и судебной практике, выражающееся в воль-

ном обращении с процессуальным законом, в нарушении его, во всяких попытках обойти установленные законом процессуальные формы под тем предлогом, что суть не в процессуальных формальностях, а в том, чтобы правильно разрешить дело по существу. Ничего, кроме вреда для правосудия и законности, процессуальное упрощенчество принести не может. Если при расследовании и разрешении уголовного дела допущено нарушение процессуальной формы, нет никакой гарантии, что дело по существу разрешено правильно; наоборот, нарушение процессуальной формы не может не отразиться самым отрицательным образом на правильности разрешения дела по существу³⁰.

Значение процессуальной формы в советском уголовном процессе определяется ее задачами. Эти задачи следующие:

1. *Осуществление социалистической законности в судебной и следственной деятельности.*

Уголовно-процессуальный кодекс устанавливает твердый, детально регламентированный порядок расследования и разрешения уголовных дел.

Согласно ст. 6 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик «Правосудие в СССР осуществляется в точном соответствии с законодательством Союза ССР и законодательством союзных и автономных республик». Ст. 1 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик устанавливает: «Порядок производства по уголовным делам определяется настоящими ОсЕювами и издаваемыми в соответствии с ними другими законами Союза ССР и уголовно-процессуальными кодексами союзных республик». В ст. 4 Основ уголовного судопроизводства содержится норма: «Никто не может быть привлечен в качестве обвиняемого иначе, как на основаниях и в порядке, установленных законом».

Вся деятельность суда, прокуратуры и органов следствия, все совершаемые ими действия при расследовании и разрешении уголовных дел основываются на процессуальных законах, производятся в тех формах, которые установлены этими законами.

Процессуальная форма есть способ осуществления и проведения социалистической законности в деятельности самих органов /следствия, прокуратуры и суда. Наоборот, несоблюдение этой формы, неисполнение установленных законом процессуальных правил есть нарушение законности теми органами, на обязанности у которых лежит охрана законности и борьба с ее нарушениями, /

О процессуальной форме подробно и правильно говорит П. П. Полянский в своей работе «Вопросы теории советского уголовного процесса» (стр. 134—143); см. также: Р. Д. Р а х у н о в. Уголовно-процессуальная форма и социалистическая законность. «Советское государство и право», 1955, № 4.

Т. е. неисполнение органами следствия, прокуратуры и суда Своих прямых и непосредственных задач.

2. Обеспечение правильности расследования и разрешения уголовных дел по существу, установление по ним истины.

Цель всех норм уголовно-процессуального кодекса — обеспечить правильность разрешения уголовного дела по существу. Строгое и неуклонное следование тем процессуальным формам, которые устанавливает закон, есть необходимое условие правильного расследования и разрешения дела по существу, обнаружения по нему *истины*.

Наоборот, нарушение процессуальной формы, несоблюдение процессуального порядка неизбежно отражается на правильности расследования и разрешения дела, приводит следствие и суд к неверным, не соответствующим действительности выводам, к ошибкам в разрешении дела, к вынесению неправильных, неоснованных приговоров.

3. Обеспечение общественно-воспитательного результата деятельности советского суда.

Воспитательную роль играет как применение наказания к совершившим преступление лицам, так и вся деятельность суда, прокуратуры и органов следствия. Главное воспитательное значение процессуальной формы проявляется в судебном разбирательстве уголовных дел. Судебное разбирательство, на котором присутствуют граждане и за которым они следят, вскрывает все корни совершенного преступления, показывает наглядно, к чему приводят нарушения советских законов, какой вред приносят преступления нашему государству и обществу. Этим судебное разбирательство оказывает серьезнейшее воспитательное воздействие на граждан, повышает их бдительность, мобилизует их активность на борьбу с антиобщественными, преступными деяниями.

Поэтому судебный процесс по делу должен быть проведен четко, организованно, с неуклонным соблюдением процессуальной формы. Неорганизованность, беспорядочность судебного разбирательства, нарушение процессуальной формы неизбежно ослабляют воспитательный результат судебного процесса.

4. Обеспечение прав и законных интересов граждан.

Уголовный процесс включает определенную систему гарантий для граждан. Эти гарантии обеспечивают им возможность осуществлять свои права и защищать свои интересы. Так, привлеченным к ответственности гражданам закон предоставляет реальную возможность оспаривать обвинение, защищаться от обвинения. Это положение выражено в ст. 111 Конституции СССР и в ст. 13 Основ уголовного судопроизводства, обеспечивающих обвиняемому право на защиту.

Гарантии предоставляются также лицам, потерпевшим от преступлений: потерпевшие имеют реальную возможность в уго-

ловном процессе защищать свои интересы, отстаивать свои права. Обеспечение прав и интересов участников процесса требует строжайшего соблюдения всех процессуальных форм. Малейшее нарушение этих форм всегда влечет в той или иной мере стеснение прав обвиняемого и других лиц, участвующих в производстве по уголовному делу (о процессуальных гарантиях в дальнейшем будет сказано особо).

На необходимость строжайшего соблюдения уголовно-процессуальных законов, установленных ими процессуальных форм указывается всем судам в руководящих разъяснениях Верховного Суда СССР.

Так, в Постановлении № 15 Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1962 г. сказано: «Судебные работники должны всегда помнить, что они при рассмотрении дел решают судьбу человека и на них лежит особая ответственность за законность принимаемых решений, что случаи даже малейших нарушений закона подрывают авторитет судебных органов, воспитательное и предупредительное значение выносимых приговоров и решений. Отправление социалистического правосудия несовместимо с нарушением законности»³¹.

В Постановлении № 2 Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» содержится указание на то, что «среди некоторой части судебных работников до конца не преодолена недооценка значения закона, как незыблемого основания для отправления правосудия». И далее: «Некоторые судьи считают допустимыми так называемые незначительные отступления от требований процессуального закона, забывая о том, что неукоснительное соблюдение предусмотренной законом процессуальной формы является непременным условием установления истины по делу и принятия правильного решения»³².

Пленум Верховного Суда СССР в этом постановлении принял такое решение: «Обратить внимание судов на то, что выполнение задачи, поставленной Программой Коммунистической партии Советского Союза о ликвидации преступности в стране, может быть достигнуто при условии строгого и неуклонного соблюдения законов. Никакие нарушения законности не могут быть оправдываемы ссылками на то, что это необходимо якобы в целях усиления борьбы с преступностью. Каждое уголовное дело, независимо от характера и тяжести совершенного преступления, служебного и общественного положения обвиняемого должно разрешаться в точном соответствии с требованиями норм уголовного и процессуального права»³³.

³¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1962, № 6, стр. 7.

³² «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1963, № 3, стр. 3—6.

³³ Там же, стр. 7г

/Значение процессуальных форм высоко ценил М. И. Калинин. В выступлении при обсуждении проектов Основ судостроительства и уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1924 г. он указывал, что «форма, процессуальность в судебном деле имеет огромное, исключительное значение»³⁴.

Позднее М. И. Калинин говорил: «Суд по существу есть третье лицо между двумя сторонами и, разумеется, что для того, чтобы к третьему лицу было уважение, чтобы человек, который был обвинен или оправдан, имел это уважение, несомненно, внешние процессуальные формы должны быть так поставлены, чтобы в них была возможность этим сторонам защищать свои интересы»³⁵.

§ 5. Процессуальные гарантии

Чтобы уголовное дело было правильно расследовано и разрешено и по нему была установлена истина, необходимы процессуальные гарантии. *Процессуальные гарантии — это установленные процессуальным законом средства, которые обеспечивают правильное осуществление по каждому уголовному делу задач социалистического правосудия.*

Система процессуальных норм и процессуальных отношений в советском уголовном процессе построена так, что для органов следствия, прокуратуры и суда создаются все условия, обеспечивающие правильное расследование и разрешение уголовных дел, выяснение по ним всех существенных обстоятельств, соответствие действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах дела.

Поэтому процессуальные гарантии — это гарантии социалистического правосудия; весь советский уголовный процесс есть система таких процессуальных гарантий.

В этом смысле любой институт советского уголовного процесса, любой процессуальный принцип выступает как процессуальная гарантия — гарантия правильного расследования уголовного дела, гарантия справедливого его разрешения.

Особый вид процессуальных гарантий правосудия — те процессуальные гарантии, прямое и непосредственное назначение которых заключается в охране прав и законных интересов участвующих в производстве по уголовному делу лиц, граждан: обвиняемого, потерпевшего и др. В таком аспекте *процессуальные гарантии — это те установленные законом средства, которыми охраняются и обеспечиваются права и законные интересы участвующих в уголовном процессе лиц.*

³⁴ «2 сессия ЦИК СССР 2 созыва». Стеногр. отчет. М., 1924, стр. 432.

³⁵ М. И. Калинин. О социалистической законности. Изд-во «Известия», 1958, стр. 58.

Так, обвиняемому в уголовном процессе закон предоставляет ряд процессуальных прав, используя которые обвиняемый может защищаться от предъявленного ему обвинения: право обвиняемого знать, в чем он обвиняется, представлять доказательства в свою защиту, давать объяснения по предъявленному обвинению, иметь защитника и т. д. Чтобы обвиняемый мог реально использовать свои права, действительно их осуществлять для своей защиты, закон устанавливает ряд процессуальных гарантий. Такими гарантиями служат, например, обязательное сообщение следователем обвиняемому сущности его обвинения (ст. 148 УПК РСФСР); обязательный допрос следователем обвиняемого немедленно после предъявления обвинения; вручение обвиняемому копии обвинительного заключения не позднее, чем за трое суток до судебного разбирательства дела (ст. 237 УПК РСФСР); допущение судом избранного подсудимым защитника или назначение судом защитника, если подсудимый не смог им обеспечить себя (ст. 47—49 УПК РСФСР) и т. д.

Потерпевшему, т. е. лицу, которому в результате преступления причинен моральный, физический или имущественный вред, законом предоставляются права, используя которые потерпевший может отстаивать свои интересы: право представлять доказательства, заявлять ходатайства, знакомиться с материалами законченного предварительного следствия, участвовать в исследовании доказательств на судебном следствии и др. (ст. 53 УПК РСФСР). Чтобы потерпевший мог реализовать эти права, закон устанавливает определенные процессуальные гарантии: разъяснение потерпевшему его прав следователем и судом (ст. 58, 136, 274 УПК РСФСР), опрос председательствующим в судебном заседании потерпевшего об имеющихся у него ходатайствах (ст. 276 УПК РСФСР) и т. д.

Отсюда вытекает, что процессуальные права и гарантии тесно взаимосвязаны, но их нельзя отождествлять. Процессуальные права участников процесса являются их *субъективными правами*, т. е. правомочиями требовать от других лиц и органов совершения определенных действий или воздержания от них, а процессуальные гарантии — средствами *обеспечения процессуальных прав*, их охраны. Существует различие между процессуальными правами и процессуальными гарантиями этих прав. Так, обвиняемому принадлежит право до суда получить копию обвинительного заключения, чтобы подготовиться к своей защите на суде. Это — процессуальное право обвиняемого. Процессуальная гарантия его — установленный законом порядок, согласно которому обвиняемому не позднее, чем за трое суток до судебного заседания, должна быть вручена копия обвинительного заключения; в судебном заседании председательствующий обязан проверить, вручена ли обвиняемому своевременно копия обвинитель-

итоfo заключения, без чего делб не мо?Кет слушаться (ст. 23? и 271 УПК РСФСР).

Процессуальные гарантии для участвующих в процессе лиц представляют собой вид процессуальных гарантий правосудия. Между гарантиями для участников процесса и гарантиями правосудия нет противоречия, гарантии для участников процесса — в то же время и гарантии правосудия. Действительно, процессуальные гарантии для участников процесса не противоречат задачам правильного разрешения уголовных дел, а всемерно содействуют правильному их разрешению. Например, чтобы установить по делу истину, изобличить и наказать действительного преступника, необходимо полно и всесторонне выявить и исследовать все существенные обстоятельства дела, устранить все возникающие по делу сомнения. А для этого необходимо предоставить привлеченному к уголовной ответственности лицу реальную возможность оспаривать обвинение, представлять доводы и доказательства в свою защиту. Как бы ни были сильны улики, подтверждающие обвинение, до тех пор нет полной уверенности в правильности обвинения, пока не проверены все данные, могущие опровергнуть это обвинение или видоизменить его, и прежде всего те данные, которые обвиняемый может представить или указать в свою защиту.

Итак, процессуальные гарантии для участвующих в уголовном процессе лиц есть средства охраны прав и интересов этих лиц и одновременно — гарантии правосудия, т. е. средства, обеспечивающие правильное по существу расследование и разрешение уголовного дела, изобличение лиц, действительно совершивших преступление, и наказание их в соответствии с их виной.

По этим же основаниям несоблюдение процессуальных гарантий для участвующих в деле лиц также нарушает интересы социалистического правосудия, влечет за собой неправильность расследования и разрешения уголовного дела по существу. Система процессуальных гарантий для участвующих в уголовном деле лиц — одно из выражений в советском уголовном процессе принципа советского социалистического демократизма, который пронизывает весь советский государственный аппарат и его деятельность. Советское социалистическое правосудие характеризуется подлинным демократизмом и гуманизмом; подвергая заслуженным наказаниям тех, кто действительно совершил преступления, оно обеспечивает обвиняемым в совершении преступления лицам, как и иным участникам процесса, реальную охрану их прав и законных интересов.

В советском уголовном процессе процессуальные гарантии широки по объему и действены по существу.

Процессуальные гарантии — это отдельный вид тех правовых гарантий, которыми советские законы снабжают и обеспечивают права граждан СССР.

Ст. 127 Конституции СССР гласит: «Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора».

Ст. 6 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, воспроизводя норму ст. 127 Конституции СССР, дополняет ее следующим положением: «Прокурор обязан немедленно освободить всякого незаконно лишеного свободы или содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного законом или судебным приговором».

Неприкосновенность личности — это право граждан СССР. Для охраны этого нрава устанавливается правовая гарантия: не допускается арест без постановления о том суда или санкции прокурора.

Аналогичное положение выражено в ст. 128 Конституции СССР, которая гласит: «Неприкосновенность жилища и тайна переписки охраняются законом». Неприкосновенность жилища и тайна переписки — это права граждан. Для охраны этих прав устанавливаются в законе правовые гарантии: уголовно-процессуальный кодекс предусматривает определенный, строго регламентированный порядок и условия, лишь с соблюдением которых возможны обыск в жилище и изъятие почтово-телеграфной корреспонденции в связи с производством по уголовному делу; уголовный кодекс карает как за превышение власти производство обыска и изъятие корреспонденции без законных оснований и без соблюдения законных условий.

Правовые гарантии неприкосновенности личности, неприкосновенности жилища и тайны переписки, как мы видим, имеют по своему существу процессуальный характер.

Правовые гарантии предоставляются советскими законами всем гражданам, и действие этих гарантий не прекращается в случаях привлечения гражданина к уголовной ответственности, они лишь приобретают специфическую форму уголовно-процессуальных гарантий.

Для обвиняемого, т. е. для лица, привлеченного к уголовной ответственности, законом устанавливаются процессуальные гарантии, при помощи которых охраняются его права и ему дается реальная возможность эти права осуществлять.

Ст. 111 Конституции СССР устанавливает, что обвиняемому обеспечивается право на защиту.

Ст. 13 Основ уголовного судопроизводства специально указывает: «Следователь, прокурор и суд обязаны обеспечить обвиняемому возможность защищаться установленными законом средствами и способами от предъявленного ему обвинения и обеспечить охрану его личных и имущественных прав».

Право на защиту — широкое, многостороннее право обвиняемого, включающее в себя все те процессуальные права, которые

по закону принадлежат обвиняемому и используя которые обвиняемый может защищаться от предъявленного ему обвинения. Одним из таких важнейших прав обвиняемого является его право иметь на суде защитника. Права обвиняемого охраняются и обеспечиваются с помощью тех средств, которые устанавливает процессуальный закон: это ознакомление обвиняемого с сущностью его обвинения, истребование и проверка следствием и судом доказательств, на которые указывает обвиняемый, допущение судом защитника, избранного обвиняемым, или назначение защитника судом, если обвиняемый сам себе защитника не избрал, и т. д.

Процессуальные гарантии в советском уголовном процессе тесно и неразрывно связаны с советской социалистической законностью как основой деятельности советского суда, прокуратуры, органов следствия и всех органов Советского государства. Социалистическая законность требует строжайшего соблюдения гарантий для граждан от неосновательного, незаконного их привлечения к уголовной ответственности, от неправильного их предания суду и осуждения. Важнейшая задача суда, прокуратуры и органов следствия состоит в обеспечении такого ведения уголовного процесса, чтобы в нем неуклонно соблюдались все требования закона, охранялись права и законные интересы участвующих в деле лиц, не допускалось ни малейшего отклонения от установленных законами процессуальных гарантий. Ст. 27 Основ уголовного судопроизводства устанавливает: «Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны разъяснить участвующим в деле лицам их права и обеспечить возможность осуществления этих прав».

На твердых, незыблемых устоях советской социалистической законности основывается вся система правовых гарантий, установленных советским законом для граждан во всех областях государственной и общественной деятельности, в том числе и в уголовно-процессуальные гарантии для участвующих в производстве по уголовным делам граждан.

Как уже было указано, процессуальные гарантии для обвиняемого, потерпевшего и других участников процесса — это вид процессуальных гарантий социалистического правосудия; они не противоречат задачам правосудия, а содействуют их осуществлению. Ни в коем случае нельзя рассматривать процессуальные гарантии для обвиняемого как препятствие к обнаружению и изобличению преступников, как поблажку им. Наоборот, строжайшее соблюдение всех процессуальных гарантий для обвиняемого — необходимое условие того, чтобы привлечен к уголовной ответственности и наказан был действительный преступник, а невиновный человек не подвергся незаслуженному обвинению и осуждению.

§ 6. Единство советского уголовного процесса

Порядок производства по уголовным делам в советском уголовном процессе един для всех судов. В одном и том же процессуальном порядке, в одних и тех же процессуальных формах, на основе одних и тех же процессуальных законов проводится судебное разбирательство во всех судах первой инстанции — от народного суда до Верховного Суда СССР включительно. Это означает, что объем и характер процессуальных гарантий одинаковы во всех судах, и обвиняемый не ставится в худшее или лучшее положение в зависимости от того, какой суд рассматривает его дело.

До новой кодификации уголовно-процессуального законодательства в соответствии с Основами уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 25 декабря 1958 г. в уголовно-процессуальном законодательстве имелись процессуальные нормы, устанавливавшие для областных (краевых) судов некоторые изъятия из общего порядка судопроизводства. Такие нормы содержались в УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. и в УПК других союзных республик. Так, областной суд в отличие от народного суда был вправе не допускать участия в судебном разбирательстве обвинителя и защитника (ст. 381 УПК РСФСР 1923 г.), не вызывать в судебное заседание свидетелей, показания которых, данные на предварительном следствии или на дознании, не вызывают сомнений в их достоверности (ст. 391 УПК РСФСР), прекращать допрос вызванных свидетелей (ст. 394 УПК РСФСР), при вынесении приговора принимать в соображение те имеющиеся в деле документы и показания, которые в судебном заседании не оглашались (ст. 396 УПК РСФСР), устранять прения сторон (ст. 397 УПК РСФСР).

Эти положения в УПК 1922 и 1923 гг. были перенесены из законодательства о революционных трибуналах периода гражданской войны и иностранной интервенции; некоторые особенности судопроизводства в революционных трибуналах после реорганизации судебной системы в 1922 г. были введены в судопроизводство в губернских судах, позднее — в областных (краевых) судах. В практической деятельности областных (краевых) судов эти особенности постепенно сглаживались главным образом потому, что разбирательство подсудных областным судам сложных дел о наиболее серьезных преступлениях требовало особо полного и всестороннего исследования обстоятельств дела, что затруднялось при ограничении судебного следствия и прений сторон.

Действующее в настоящее время уголовно-процессуальное законодательство устранило какие бы то ни было изъятия из общего порядка судопроизводства для отдельных звеньев судебной

системы. Согласно Основам уголовного судопроизводства 1958 г. и принятым в соответствии с ними УПК союзных республик порядок рассмотрения и разрешения уголовных дел одинаков во всех судах, включая и военные трибуналы.

Прежнее уголовно-процессуальное законодательство устанавливало некоторые упрощенные порядки производства, так называемые особые производства: заочное производство (ст. 351—359 УПК РСФСР 1923 г.), рассмотрение дел в дежурных камерах народного суда (ст. 360—365), разрешение дела в порядке судебного приказа, т. е. без проведения разбирательства в судебном заседании (ст. 366—372 УПК).

Особые производства потеряли силу еще при действии прежнего уголовно-процессуального законодательства (например, заочное производство было отменено законом 4 мая 1933 г.).

Теперь в уголовно-процессуальном законодательстве никаких особых производств не существует.

В 1934 г. были введены изъятия из общего порядка судопроизводства по делам о террористических актах и террористических организациях (Постановление ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г.) и в 1937 г. — по делам о вредительстве и диверсиях (Постановление ЦИК СССР от 14 сентября 1937 г.). Эти законы, в которых отразилось влияние культа личности, упразднили процессуальные гарантии по делам о государственных преступлениях и сами стали служить источником распространения нарушений социалистической законности. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1956 г. эти акты были отменены.

Одно время существовал особый порядок судебного рассмотрения дел о прогулах, которые разрешались народным судьей единолично (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г.), но затем этот порядок был отменен (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1951 г.), а впоследствии вообще была устранена уголовная ответственность за прогул³⁶.

³⁶ В настоящее время действуют указы, которыми устанавливаются особые порядки рассмотрения в судах дел о мелком хулиганстве и мелкой спекуляции, о лицах, уклоняющихся от общественно полезного труда и ведущих паразитический образ жизни, и некоторых других. Но рассмотрение таких дел судами не есть уголовный процесс, это не уголовное судопроизводство, а судебное рассмотрение дел об административных правонарушениях, и применяемые за них судом меры воздействия не являются уголовным наказанием. Производство по этим делам — не уголовный процесс, а то, что условно можно было бы назвать «административным судопроизводством», не предусмотренным ст. 4 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик: она устанавливает только два порядка осуществления правосудия — рассмотрение и разрешение в судебных заседаниях гражданских и уголовных дел.

Думается, что подобный — третий порядок осуществления правосудия, не предусмотренный общесоюзным законом о судостроительстве, не имеет перспектив и не сможет укорениться в советском законодатель-

В УПК Украинской ССР 1927 г. существовал особый порядок признания лиц социально опасными (ст. 393—403): по предложению прокурора лицо могло быть предано суду не по обвинению его в совершении преступления, а для признания его социально опасным и применения к нему мер социальной защиты. Этот порядок потерял силу с принятием Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик 1938 г.

В действующем сейчас уголовно-процессуальном законодательстве предусмотрены нормы, регламентирующие производство по делам о несовершеннолетних и производство по применению принудительных мер медицинского характера (гл. 32 и 33 УПК РСФСР 1960 г.). Эти производства имеют совершенно иной характер, чем ранее существовавшие и ныне упраздненные особые производства — изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства. Особые производства характеризовались упрощением порядка судебного разбирательства, ограничением процессуальных гарантий. Вопрос же о производстве по делам о несовершеннолетних и о производстве по применению мер медицинского характера ставится совсем в ином аспекте. Для несовершеннолетних, когда они несут уголовную ответственность за свои преступления, закон устанавливает дополнительные гарантии и дополнительные меры к охране их интересов. При применении принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние в состоянии невменяемости или заболевших психической болезнью после совершения преступления — разрешается вопрос не об уголовной ответственности этих лиц, которая для них не наступает, содеянное не вменяется им в вину, уголовное наказание к ним не применяется.

По обеим категориям дел процессуальные гарантии не сокращаются, а расширяются, усиливаются. Поэтому принятые формы производства по этим делам ни в какой степени не означают отступления от общего порядка судопроизводства.

Указом образом, в развитии советского уголовного процесса отчетливо проявляется определенная тенденция, получающая характер закономерности: развитие уголовного процесса идет в направлении установления единства форм, порядка судопроизводства во всех судах и по делам о всех преступлениях с устранением каких-либо изъятий, ограничений в тех или иных звеньях судебной системы или для тех или иных преступлений. Эта закономерность есть выражение развития социалистического демократизма в советском правосудии, укрепления в нем социалистической законности³⁷.

стве и судебной практике (подробнее об этом см.: «Демократические основы советского социалистического правосудия», стр. 75—78)»

³⁷ Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1960 г. «Об усилении ответственности за хулиганство» установлено, что по делам о ху-

Особо стоит вопрос об уголовном процессе в органах военной прокуратуры и в военных трибуналах. Уголовный процесс по делам, подсудным военным трибуналам, проводится на основе тех же процессуальных законов и в тех же процессуальных формах, что и по делам, подсудным общим судам. Порядок судопроизводства в военных трибуналах тот же, что и в общих судах, военные трибуналы разбирают и разрешают подсудные им дела по общим правилам, установленным Основами уголовного судопроизводства и уголовно-процессуальными кодексами союзных республик (ст. 7 Положения о военных трибуналах от 25 декабря 1958 г.; ст. 1 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

Во время Великой Отечественной войны Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. по делам, рассматриваемым военными трибуналами в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий, был сокращен срок вручения обвиняемому до суда обвинительного заключения (до одних суток) и устранено кассационное обжалование приговоров. С окончанием войны эти изъятия из общего порядка процесса потеряли силу.

Наличие некоторых особенностей в производстве по делам, подсудным военным трибуналам, послужило поводом к тому, что в уголовно-процессуальной литературе иногда делалась попытка сконструировать особую отрасль права и правовой науки — «военное право» и, как его часть, «военно-уголовный процесс». Хотя при этом подчеркивалось, что военно-уголовный процесс основывается на тех же принципах, что и весь советский уголовный процесс, и представляет собой как бы ответвление последнего, все же военно-уголовный процесс рассматривался как отдельная отрасль права³⁸.

Следует признать, что нет никаких научных и практических оснований для конструирования ни военного права как отрасли права, ни военно-уголовного процесса, хотя бы и как части общего уголовного процесса. Нет оснований даже для приме-

лиганстве без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 9) не производится предварительное следствие или дознание, а уголовное дело возбуждается непосредственно судом на основании составленного органом дознания протокола (ч. 1 ст. 10). Это изъятие из общего порядка относится только к досудебной стадии процесса, рассмотрение же дела судом ничем не отличается от обычного судебного разбирательства по всем делам, от общего порядка, так что единый порядок рассмотрения дела судом сохраняется полностью и по этим делам («Ведомости Верховного Совета СССР», 1966, № 30, ст. 595). Такая процессуальная особенность по делам о хулиганстве — явление временное; мы думаем, что по этим делам будет восстановлен общин порядок дознания и предварительного следствия.

³⁸ См., например: С. А. Голунский. Принципы и особенности советского военно-уголовного процесса. «Ученые труды ВИЮН», вып. VIII. Юрнздат, 1946.

нения самого термина «военно-уголовный процесс». В советском праве нет никакого «военно-уголовного процесса» по той причине, что в военных трибуналах ведется тот же уголовный процесс, что и в общих судах. Дела, подсудные военным трибуналам, разбираются и разрешаются военными трибуналами на основе общих процессуальных законов и в общих для всех судов процессуальных формах. Некоторые особенности судопроизводства, существовавшие в военное время, не дают основания для конструирования «военно-уголовного процесса». Советский уголовный процесс един в той же степени, в какой едины советская законность и советское правосудие.

Из всего изложенного можно сделать следующий вывод: *советский уголовный процесс представляет собой единый во всех судах и по всем делам порядок производства, который обуславливается едиными принципами советского правосудия и едиными задачами обнаружения по всем уголовным делам истины, справедливости и обеспечения прав и законных интересов участников процесса.*

В историческом развитии Советского уголовного процесса иногда допускались некоторые отступления от общего и единого порядка уголовного процесса, но развитие все время шло в направлении сужения и устранения этих изъятий, упразднения особых процессуальных форм для отдельных звеньев судебной системы и для отдельных категорий уголовных дел, пока не установилось в настоящее время полное единство уголовного процесса.

Такое развитие советского уголовного процесса — одно из выражений развития его демократических основ, укрепления социалистической законности в осуществлении правосудия.

Единство уголовного процесса означает единство порядка судопроизводства во всех звеньях судебной системы и для всех уголовных дел, единство процессуальных форм. Единство уголовного процесса не нарушается тем, что во всех союзных республиках существуют свои уголовно-процессуальные кодексы, в которых те или иные процессуальные вопросы иногда получают неодинаковое разрешение.

Единство уголовного процесса при наличии УПК в каждой союзной республике обеспечивается тем, что: УПК всех союзных республик согласуются с общесоюзным уголовно-процессуальным законом — Основами уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., а когда та или иная норма УПК союзной республики противоречит Основам, она теряет силу и не подлежит применению; УПК всех союзных республик опираются на единые демократические принципы процесса и в равной мере устанавливают развернутую систему процессуальных гарантий; во всех звеньях судебной системы каждой союзной республики и для дел о всех преступлениях существует единый порядок судопроизводства.

§ 7. Система советского уголовного процесса

Советский уголовный процесс представляет собой сложную систему действий следственных, прокурорских и судебных органов и их отношений с участвующими в этой деятельности лицами. Эти действия и отношения, регулируемые нормами уголовно-процессуального права, изменяются и развиваются по ходу расследования и разрешения уголовного дела.

Все действия участников процесса протекают в определенном порядке, в определенной последовательности, вследствие чего совокупность процессуальных действий и процессуальных отношений выражается в стройной, согласованной во всех частях *системе уголовного процесса*.

Эта система строится таким образом, чтобы проведение уголовного процесса по каждому уголовному делу обеспечивало установление по делу истины, осуждение и наказание действительного преступника, ограждение гражданина от неосновательного обвинения. Соответственно этому все производство по уголовному делу проходит ряд последовательных этапов или *стадий уголовного процесса*.

Стадиями уголовного процесса называются те части, на которые делится уголовный процесс и которые характеризуются свойственными им непосредственными задачами, процессуальными действиями и процессуальными отношениями. Производство по делу переходит в следующую стадию лишь после того, как были выполнены задачи предыдущей стадии. Последовательность стадий уголовного процесса в их связи друг с другом и образует систему уголовного процесса.

Уголовный процесс делится на следующие стадии: возбуждение уголовного дела; дознание и предварительное следствие; предание суду; судебное разбирательство и постановление приговора; кассационное производство; исполнение приговора.

Первая стадия — возбуждение уголовного дела. Уголовный процесс начинается лишь в силу определенного юридического, процессуального акта уполномоченного на то органа. Этот акт констатирует, что имеются необходимые условия для того, чтобы по данному конкретному случаю органы следствия, прокуратуры и суда могли приступить к производству процессуальных действий, направленных на расследование и разрешение уголовного дела. Таким образом, в этой стадии возникает уголовное дело, начинается по нему производство.

Для начала производства по уголовному делу необходимо, чтобы компетентный орган (следственный, прокурорский или судебный) решил, что в данном случае имеется основание для такого производства. Это — стадия возбуждения уголовного дела.

Вторая стадия — дознание и предварительное следствие. После того как состоялось возбуждение уголовного дела, оно должно быть расследовано. Расследование состоит в том, что органы дознания и предварительного следствия производят процессуальные действия, направленные на выяснение обстоятельств дела, соби́рание и проверку доказательств, изобличение лиц, виновных в совершении преступления.

Существуют два порядка расследования: дознание и предварительное следствие.

Дознание — это первоначальные, неотложные действия, направленные на то, чтобы сразу же по возбуждении уголовного дела собрать и закрепить необходимые доказательства, обнаружить преступника. Дознание производится органами милиции и некоторыми другими органами, а в армии по распоряжению командира части — выделенными для этого лицами офицерского состава (дознателями).

По делам, не отличающимся особой сложностью и серьезным характером, орган дознания производит расследование полностью, а по делам более сложным и серьезным, указанным в законе (ст. 126 УПК РСФСР), по выполнении неотложных действий передает дело следователю для производства предварительного следствия.

Предварительное следствие заключается в детальном исследовании всех обстоятельств дела, соби́рании и проверке всех доказательств, как изобличающих обвиняемого, так и оправдывающих его. Предварительное следствие производится следователями прокуратуры, органов охраны общественного порядка и органов государственной безопасности.

Если результаты предварительного следствия привели следователя и прокурора к выводу, что виновность обвиняемого доказана, дело с обвинительным заключением, составленным следователем и утвержденным прокурором, передается в суд.

Третья стадия — предание суду. После того, как закончилось расследование дела, последнее с обвинительным заключением передается прокурором в суд. До назначения дела к слушанию в судебном заседании судья при наличии достаточных оснований для рассмотрения дела в судебном заседании выносит постановление о предании обвиняемого суду, не предпринимая вопрос о виновности (который решается в следующей стадии — в судебном разбирательстве). В случае несогласия судьи с выводами обвинительного заключения, а также при необходимости изменить меру пресечения, избранную обвиняемому, дело ставится на рассмотрение распорядительного заседания (судья и два народных заседателя). Обвиняемый после предания его суду становится подсудимым. Решив вопрос о предании суду, судья обязан

решить вопросы, относящиеся к организации предстоящего судебного разбирательства (о вызове свидетелей, о допущении обвинителя и защитника и т. п.). Если суд не находит оснований для предания обвиняемого суду, он либо возвращает дело в прокуратуру для дополнительного расследования, либо прекращает дело при наличии к тому оснований.

Четвертая стадия — судебное разбирательство, заканчивающееся постановлением *приговора*, — главная, решающая стадия процесса, занимающая центральное место в системе всех процессуальных действий и отношений. Все предшествующее этой стадии процесса подготавливает ее, создает для нее необходимые условия, все следующее за ней сводится к контролю за правильностью проведения судебного разбирательства и законностью и обоснованностью приговора, а также к реализации приговора, когда он вступил в законную силу. Но самое решение дела по существу, т. е. установление виновности или невиновности привлеченных и преданных суду лиц и назначение наказания лицу, признанному виновным, производится именно в этой стадии процесса. Эта стадия характеризуется тем, что в ней участвуют процессуальные субъекты, осуществляющие свои права и выполняющие свои обязанности: суд, т. е. состав суда, разбирающий дело, и стороны — прокурор, поддерживающий обвинение; обвиняемый (подсудимый), защищающийся от предъявленного ему обвинения; защитник, представляющий законные интересы обвиняемого (подсудимого) и помогающий ему использовать его процессуальные права; часто — потерпевший и его представитель, гражданский истец, отыскивающий возмещение ущерба, причиненного ему преступлением, или его представитель; гражданский ответчик, или его представитель, если материальную ответственность за ущерб, причиненный преступными действиями обвиняемого, несут другие лица. Стороны, участвуя в судебном разбирательстве, выполняют свои функции, отстаивают свои точки зрения, защищают свои позиции. Все судебное разбирательство завершается в основных чертах в виде борьбы, состязания сторон при активном участии в исследовании доказательств самого суда, которому принадлежит руководящая и решающая роль. Завершается эта стадия процесса вынесением судом приговора, т. е. решением суда о виновности или невиновности подсудимого и о применении наказания к подсудимому, признанному виновным.

Пятая стадия — кассационное производство — состоит в том, что сторона, несогласная с приговором, обжалует его (а прокурор — опротестовывает) в вышестоящий суд, который проверяет приговор с точки зрения его законности и обоснованности и в зависимости от результатов этой проверки оставляет приговор в силе, или отменяет его, или вносит в него необходимые изменения.

Шестая стадия — исполнение приговора заключается в реализации приговора, вступившего в законную силу, в осуществлении тех решений, которые в нем содержатся.

Кроме указанных шести обычных стадий процесса имеются еще две особые, исключительные стадии, которые уголовное дело проходит лишь в особых случаях: *пересмотр дела в порядке судебного надзора и возобновление дела по вновь открывшимся обстоятельствам*. Эти стадии представляют собой особые порядки проверки и пересмотра вступивших в законную силу приговоров.

§ 8. Источники советского уголовного процесса

Источниками советского уголовного процесса (уголовно-процессуального права) называются те советские законы, которыми устанавливаются правовые нормы, регулирующие деятельность судебных, прокурорских и следственных органов и их отношения с гражданами, на которых распространяется деятельность этих органов при расследовании и разрешении уголовных дел. Источниками советского уголовного процесса являются следующие акты.

1. *Конституция СССР 1936 года* — основной закон Советского социалистического государства, юридическая база для текущего законодательства. Конституция СССР содержит ряд важнейших положений процессуального порядка, которые тем самым получают силу конституционных принципов: осуществление правосудия только судом, участие народных заседателей, гласность процесса и обеспечение права обвиняемого на защиту, независимость судей и их подчинение только закону, национальный язык судопроизводства (гл. IX Конституции СССР). Эти положения Конституции СССР включены в конституции союзных и автономных республик.

2. *Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик*. Это общесоюзный уголовно-процессуальный закон, принятый Верховным Советом СССР 25 декабря 1958 г. на II сессии пятого созыва.

Основы уголовного судопроизводства содержат главные и руководящие положения советского уголовно-процессуального права, формулируют основные принципы уголовного процесса и определяют основные уголовно-процессуальные институты. Детальная же регламентация уголовно-процессуальной деятельности и уголовно-процессуальных отношений производится в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик. Ст. 1 Основ уголовного судопроизводства гласит: «Порядок производства по уголовным делам определяется настоящими Основами и издаваемыми»

мыми в соответствии с ними другими законами Союза ССР и уголовно-процессуальными кодексами союзных республик».

3. *Уголовно-процессуальные кодексы союзных республик.* В соответствии с Основами уголовного судопроизводства каждая союзная республика принимает свой уголовно-процессуальный кодекс, который содержит развернутую систему уголовно-процессуальных норм, детально регламентирующих весь порядок производства по уголовным делам.

В настоящее время действуют следующие уголовно-процессуальные кодексы:

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, принятый Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г. и введенный в действие с 1 января 1961 г.

Уголовно-процессуальный кодекс Украинской Советской Социалистической Республики, принятый Верховным Советом УССР 28 декабря 1960 г. и введенный в действие с 1 апреля 1961 г.

Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской Советской Социалистической Республики, принятый Верховным Советом БССР 29 декабря 1960 г. и введенный в действие с 1 апреля 1961 г.

Уголовно-процессуальный кодекс Молдавской Советской Социалистической Республики, принятый Верховным Советом Молдавской ССР 24 марта 1961 г. и введенный в действие с 1 июля 1961 г.

Уголовно-процессуальный кодекс Литовской Советской Социалистической Республики, принятый Верховным Советом Литовской ССР 26 июня 1961 г. и введенный в действие с 1 сентября 1961 г.

Уголовно-процессуальный кодекс Латвийской Советской Социалистической Республики, принятый Верховным Советом Латвийской ССР 6 января 1961 г. и введенный в действие с 1 апреля 1961 г.

Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Советской Социалистической Республики, принятый Верховным Советом Эстонской ССР 6 января 1961 г. и введенный в действие с 1 апреля 1961 г.

Уголовно-процессуальный кодекс Армянской Советской Социалистической Республики, принятый Верховным Советом Армянской ССР 7 марта 1961 г. и введенный в действие с 1 июня 1961 г.

Уголовно-процессуальный кодекс Грузинской Советской Социалистической Республики, принятый Верховным Советом Грузинской ССР 30 декабря 1960 г. и введенный в действие с 1 марта 1961 г.

Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Советской Социалистической Республики, принятый Верховным Советом

Азербайджанской ССР 8 декабря 1960 г. и введенный в действие с 1 марта 1961 г.

Уголовно-процессуальный кодекс Казахской Советской Социалистической Республики, принятый Верховным Советом Казахской ССР 22 июля 1959 г. и введенный в действие с 1 января 1960 г.

Уголовно-процессуальный кодекс Узбекской Советской Социалистической Республики, принятый Верховным Советом Узбекской ССР 21 мая 1959 г. и введенный в действие с 1 января 1960 г.

Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской Советской Социалистической Республики, принятый Верховным Советом Таджикской ССР 17 августа 1961 г. и введенный в действие с 1 декабря 1961 г.

Уголовно-процессуальный кодекс Туркменской Советской Социалистической Республики, принятый Верховным Советом Туркменской ССР 22 декабря 1961 г. и введенный в действие с 1 мая 1962 г.

Уголовно-процессуальный кодекс Киргизской Советской Социалистической Республики, принятый Верховным Советом Киргизской ССР 29 декабря 1960 г. и введенный в действие с 1 мая 1961 г.

4. *Отдельные законы и указы по вопросам уголовного процесса.* Отдельными законами — законами СССР и законами союзных республик — вносятся изменения соответственно в те или иные статьи Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и в уголовно-процессуальные кодексы союзных республик. Обычно такие изменения в уголовно-процессуальное законодательство вносятся путем издания Указов Президиума Верховного Совета СССР и Президиума Верховного Совета союзной республики с последующим утверждением Указа на сессии Верховного Совета³⁹.

Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 г. был расширен круг дел, по которым обязательно проведение предварительного следствия, чем была изменена ст. 28 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик⁴⁰. В эту же статью Основ внес изменения Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1963 г.⁴¹

³⁹ Думается, что такой порядок изменения уголовно-процессуального законодательства нуждается в усовершенствовании. Изменения закона должны производиться в том же порядке, в каком был принят этот закон, т. е. путем принятия нового закона на сессии Верховного Совета по правилам установленной Конституцией развернутой законодательной* процедуры. у"

⁴⁰ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1961, № 26, ст. 270. у

⁴¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1963, № 16, ст. 181.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 декабря 1965 г. в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР внесены изменения и дополнения, касающиеся проведения предварительного следствия.

В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство» содержатся некоторые положения, изменяющие порядок производства по делам о хулиганстве. В соответствии с этим Указом Президиумами Верховных Советов союзных республик внесены изменения в УПК этих республик⁴².

Соотношение общесоюзного и республиканского уголовно-процессуального законодательства определяется тем, что общесоюзные законы устанавливают наиболее важные, принципиальные положения, обязательные для законодательства союзных республик, а республиканские законы воспроизводят эти положения, развивают, конкретизируют и детализируют их.

Законодательство союзных республик не может вступить в противоречие с общесоюзным законодательством: в случае расхождения закона союзной республики с общесоюзным законом действует общесоюзный закон (ст. 20 Конституции СССР). В тех же пределах, в каких уголовно-процессуальные нормы, устанавливаемые законодательством союзных республик, не противоречат общесоюзным уголовно-процессуальным нормам, законодательные органы союзных республик как суверенных государств вправе свободно регламентировать уголовно-процессуальную деятельность органов дознания, следствия и судов этих республик.

Общие и обязательные основные положения уголовного процесса определены в общесоюзном уголовно-процессуальном законодательстве, все же остальное относится к законодательной компетенции союзных республик, вследствие чего уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по некоторым положениям различаются. Эти различия обуславливаются в известной мере национальными особенностями отдельных республик (национальный язык судопроизводства, соотношение между звеньями судебной системы в зависимости от административно-территориального деления республик), но в основном эти различия вытекают из возможности выбора каждой республикой наиболее правильных, оправданных жизнью решений, проверенных опытом судебной и следственной практики, выдвигаемых уголовно-процессуальной наукой. Существование различий между уголовно-процессуальными кодексами союзных республик (при общей основе, при единстве в главном) несомненно положитель-

⁴² «Ведомости Верховного Совета СССР», 1966, № 30, ст. 595, 596 и 597.

ный факт, дающий союзным республикам возможность обмениваться опытом в области уголовно-процессуального законодательства^{*3}.

В

Особо стоит вопрос о том, являются ли источником уголовно-процессуального права (и вообще права) постановления Пленума Верховного Суда СССР, дающие судам руководящие разъяснения по вопросам применения законодательства при рассмотрении судебных дел.

В утратившем силу Законе о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик от 16 августа 1938 г. содержалось положение, что Пленум Верховного Суда СССР «дает руководящие указания по вопросам судебной практики на основании решений, принятых по рассмотренным Верховным Судом СССР судебным делам» (ст. 75).

Основываясь на этом положении, некоторые авторы рассматривали такие постановления Пленума Верховного Суда СССР как источники права вообще, следовательно и процессуального права^{4*}. К этому выводу их подводила и практика Верховного Суда СССР, Пленум которого в ряде случаев давал судам указания, фактически содержащие новые нормы права, причем указания Пленума иногда отступали от действующих законов, изменяли эти законы.

Следует признать, что и тогда, при точном следовании Закону о судостроительстве 1938 г., постановления Пленума Верховного Суда СССР не могли быть источником права, т. е. не могли создавать новые правовые нормы, несмотря на некоторую неопределенность формулировки закона (ст. 75). Равно и практика Пленума Верховного Суда СССР в тех случаях, когда он в своих указаниях судам выходил за рамки действующих законов, не имела достаточных оснований⁴⁶.

Сейчас этот вопрос совершенно ясно решен в Положении о Верховном Суде СССР, утвержденном 12 февраля 1957 г. VI сессией Верховного Совета СССР четвертого созыва. Согласно этому Положению Пленум Верховного Суда СССР «дает руководящие разъяснения судам по вопросам применения законодательства при рассмотрении судебных дел» (ст. 9 п. «в»), т. е. *разъясняет*

⁴³ Об этом подробно см. в гл. III книги «Демократические основы советского социалистического правосудия».

⁴⁴ См., например: А. И. Денисов. Теория государства и права. Юриздат, 1948, стр. 447, 448, а также редакционную статью «О юридической природе руководящих указаний Пленума Верховного Суда СССР» («Советское государство и право», 1956, № 8).

⁴⁵ В течение ряда лет такая практика в известной мере обуславливалась замедленными темпами законодательной деятельности, вследствие чего Верховный Суд СССР в целях регулирования деятельности судов иногда делал то, что должно было быть сделано законодателем,

судам, как они должны применять существующие правовые нормы, содержащиеся в действующих законах, но сам новых норм права не создает^{4в}.

Именно такое решение правильно, причем оно было по сути дела правильным и до принятия Положения о Верховном Суде СССР 1957 г.

Все суды подчинены закону, и только закону. Любой суд — от народного суда до Верховного Суда СССР включительно — применяет действующие нормы права, обеспечивает их соблюдение и исполнение, но не может создавать новых норм права. Источником же права является лишь такой акт, который создает, формулирует, устанавливает новые нормы права. В постановлениях Пленума Верховного Суда СССР содержатся очень важные принципиальные указания о том, как следует применять тот или иной закон, какие ошибки необходимо устранить и т. д. Но установление, создание новых правовых норм, правотворчество в компетенцию Верховного Суда СССР, как и всякого другого суда, не входит. Следовательно, постановления Пленума Верховного Суда СССР, содержащие руководящие разъяснения судам по вопросам применения законов, источником права, включая и процессуальное право, быть не могут.

Согласно действующим законам о судоустройстве союзных республик Пленум Верховного суда союзной республики дает судам руководящие разъяснения по вопросам применения законодательства этой республики (ст. 57 Закона о судоустройстве РСФСР 27 октября 1960 г. и соответствующие статьи законов⁰ о судоустройстве других союзных республик). Такие постановления Пленумов Верховных судов союзных республик также не создают новых правовых норм и, следовательно, не являются источником права, в частности уголовно-процессуального права.

§ 9. Наука советского уголовного процесса, ее предмет и задачи

Наука советского уголовного процесса есть отрасль советской юридической науки. Как и вся советская юридическая наука, советский уголовный процесс опирается на марксистско-ленинскую теорию, на учение марксизма-ленинизма об обществе, государстве и праве.

После принятия Положения о Верховном Суде СССР 1957 г. Пленум Верховного Суда СССР отменил ряд своих прежних постановлений именно ввиду того, что в них были превышены его полномочия и либо решались вопросы, которые подлежали разрешению в законодательном порядке, либо давались указания, находившиеся в несоответствии с действующими законами (см. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1957, № 5, стр. 15—17).

Советская наука уголовного процесса рассматривает уголовный процесс как реальное общественное явление надстроечного порядка, как часть надстройки в обществе. Соответственно этому советский уголовный процесс изучается как средство охраны социалистических общественных отношений.

Советская наука уголовного процесса — партийная наука, она проводит принцип партийности при исследовании вопросов процессуальной теории и практической работы советского суда, советской прокуратуры и органов следствия.

Исследуя проблемы уголовно-процессуального права, эта наука способствует укреплению социалистической законности и социалистического правосудия, она содействует советскому суду, прокуратуре и органам следствия в их решительной и успешной борьбе с преступлениями, с деяниями, посягающими на Советское государство и советский правопорядок.

В Программе КПСС сказано: «Демократические основы правосудия будут развиваться и совершенствоваться».

Забота о всемерном укреплении законности, об охране прав участников процесса и об усилении гарантий для них красной нитью проходит через всю советскую процессуальную науку. Особое внимание она уделяет обоснованию и развитию демократических процессуальных принципов и институтов.

Предметом советской науки уголовного процесса являются:

— нормы действующего советского уголовно-процессуального права, регулирующие производство по уголовным делам в органах суда, прокуратуры и следствия;

— сама деятельность суда, прокуратуры и органов следствия, основанная на процессуальном законе, при расследовании и разрешении уголовных дел;

— уголовно-процессуальные отношения, возникающие между участниками уголовного процесса в связи с выполнением судом, прокуратурой и органами следствия своих функций.

В соответствии с этим наука советского уголовного процесса изучает принципы и задачи деятельности суда, прокуратуры и органов следствия по уголовным делам, порядок этой деятельности, правовые нормы, в которые облекаются действия суда, прокуратуры и органов следствия, их отношения со всеми участниками процесса, права и обязанности граждан, на которых распространяется деятельность суда, прокуратуры и органов следствия при производстве по уголовным делам.

Наука советского уголовного процесса опирается на обобщение практики работы суда, прокуратуры и органов следствия в области расследования и разрешения уголовных дел с тем, чтобы содействовать улучшению этой практики развивать ее достижения и устранять ошибки и недостатки и в то же время, выявляя назревшие потребности практики, помогать совершенст-

Ёваншо уголовно-процессуального законодательства. Научное обобщение практики предполагает исследование ее при помощи специальных научных методов, в частности, метода конкретно-социологических исследований. Его использование в сфере уголовного процесса дает возможность делать выводы об эффективности применения тех или иных уголовно-процессуальных норм в практической деятельности следствия и суда, обнаруживать недостатки отдельных норм и тем содействовать их отмене или изменению, выявлять достижения и недостатки следственной и судебной практики и тем содействовать улучшению этой практики, развитию и распространению ее достижений и устранению ее недостатков⁴⁷.

К сожалению, приходится признать, что в применении метода конкретно-социологических исследований в уголовном процессе делаются еще первые шаги. А его надо применять широко, на подлинно научной основе.

Наука советского уголовного процесса изучает развитие советского уголовного процесса в неразрывной связи с развитием Советского социалистического государства и советского социалистического права, что дает возможность обнаруживать известные закономерности развития уголовно-процессуальных принципов, форм и институтов, что очень важно для совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Эти закономерности проявляются по-разному, развитие уголовного процесса, как и иных отраслей советского права, происходит не всегда равномерно и гладко, подчас обнаруживаются противоречия, иногда решение уголовно-процессуальных вопросов оказывается недостаточно продуманным, неоправдавшимся. Но общее развитие уголовного процесса идет в направлении демократизации, совершенствования демократических процессуальных принципов, форм и институтов. Именно такому развитию советского уголовного процесса содействует наука уголовного процесса, подвергая научному исследованию демократические процессуальные принципы, формы и институты, разрабатывая их гарантии и способы осуществления, давая научно обоснованные рекомендации для совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Наука советского уголовного процесса изучает также уголовный процесс других социалистических государств, содействуя обмену опытом с ними в области правосудия, уголовно-процессуального законодательства и судебной и следственной практике, сотрудничеству процессуалистов социалистических стран в овладении всеми достижениями процессуальной науки и в их

Об этом см.: В. П. К а з и м и р ч у к. Право и методы его изучения. Изд-во «Юридическая литература», 1965, стр. 123—157.

дальнейшей разработке. Здесь находит применение метод сравнительно-правового изучения⁴⁸.

История уголовного процесса эксплуататорских государств и уголовный процесс современных империалистических государств изучается наукой советского уголовного процесса для того, чтобы показать коренное, принципиальное отличие советского уголовного процесса от уголовного процесса эксплуататорских государств, для разоблачения реакционной, антинародной, угнетательской сущности уголовного процесса современных империалистических государств как надстройки в буржуазном обществе, как острого орудия осуществления реакционной политики правящих империалистических кругов, как средства расправы с трудящимися, с народом, с прогрессивными, демократическими элементами.

Вместе с тем советская наука уголовного процесса изучает все прогрессивные, культурные, демократические достижения в области правосудия и процессуального права, которые выработало человечество усилиями народных масс, прогрессивных демократических общественных кругов и что было искажено, изуродовано правящими эксплуататорскими классами в своих своеобразных интересах.

Известно указание В. И. Ленина, данное им Д. И. Курскому в связи с подготовкой гражданского кодекса: «Все, что есть в литературе и опыте западноевропейских стран *в защиту* трудящихся, взять непременно»⁴⁹. В то же время В. И. Ленин предупреждал против некритического следования буржуазным образцам, подчеркивал необходимость всегда исходить из интересов Советского государства и общества.

Ленинская установка имеет значение не только для гражданского права, но и для всех отраслей советского права, в том числе и уголовного процесса. Ни в коем случае не следует понимать вопрос таким образом, что это указание Ленина было важно лишь в то время, когда проводилась первая кодификация советского права, а сейчас, когда имеется большой опыт развития социалистического права, изучение буржуазного права ничего дать не может. Изучение культурных достижений, выработанных человечеством в области права, судопроизводства, законности, может и в современную эпоху принести пользу для совершенствования советского законодательства.

Но, разумеется, такое использование не должно приводить к проникновению буржуазной правовой идеологии в советскую науку уголовного процесса и в советское уголовно-процессуальное законодательство.

В. П. К а з и м и р ч у к. Указ. соч., стр. 91—122; см. также: «Уголовный процесс зарубежных социалистических государств Европы». Под ред. проф. В. Е. Чугунова (Изд-во «Юридическая литература», 1967).
В. И. Л е н и н. Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 412.

Применительно к советскому уголовному процессу эту мысль выразил П. И. Стучка: «Такие начала, как неприкосновенность личности, непосредственность, гласность и устность в процессе и право на защиту, являются по существу *культурными завоеваниями*, которые мы должны признать в числе других культурных завоеваний и в классовом государстве пролетариата, т. е. в пролетарской демократии, как демократии высшего порядка, конечно *отбрасывая все, что в нем лишнего, вредного* и противоречащего интересам трудящихся»⁵⁰.

Одновременно советская наука уголовного процесса отвергает буржуазные процессуальные теории и концепции, в которых выражается буржуазная правовая идеология со свойственным ей формализмом и догматизмом, с реакционными чертами антидемократизма, пренебрежением к процессуальным гарантиям, оправданием произвола и беззаконий в следственной и судебной деятельности. Всегда была и сохраняет свою актуальность задача пресечения попыток перенесения буржуазных процессуальных концепций в советскую науку уголовного процесса. Основное в развитии советской науки уголовного процесса — это разработка проблем советского уголовного процесса, исходя из свойств, принципов, задач и объективных закономерностей развития Советского социалистического государства и права.

Научная разработка вопросов советского уголовного процесса (уголовного судопроизводства) началась с первых же дней Советской власти, в непосредственной связи с выполнением задачи организации новой, советской юстиции и с практической деятельностью последней.

Те законодательные положения процессуального характера, которые были выражены в первых декретах Советской власти о суде, а позднее развиты в законодательстве о народных судах и революционных трибуналах 1918—1920 гг., опирались на определенные теоретические положения, выражали определенные воззрения в вопросах права вообще, процессуального права в частности.

Решающее значение для научной разработки вопросов уголовного процесса имели выступления В. И. Ленина о советском суде, о его организации и его задачах⁶¹.

В первые годы Советской власти в специальной юридической литературе еще не было той систематической разработки процессуальных проблем, без которой нам сейчас трудно представить себе науку, не было еще монографий и курсов, отражающих результаты научных исследований. Все это обуславливалось обстановкой того времени. Но марксистская юридическая мысль

⁵⁰ «Революция права», 1928, № 1, стр. 121.

⁵¹ Обстоятельное и серьезное исследование в этом направлении — работа Н. В. Крыленко «Ленин о суде и уголовной политике. К десятилетию со дня смерти. 1924—1934» (М., 1934).

и в то время настойчиво работала над разрешением актуальных процессуальных проблем, возникавших в связи с практикой законодательства и судебной деятельности.

Отчетливо сознавалось и утверждалось положение о том, что новое, советское судопроизводство должно обеспечивать выполнение задач, стоящих перед новым, советским судом, что должен быть простой и целесообразный процесс, освобожденный от чрезмерного формализма, обеспечивающий обнаружение материальной истины.

В исследованиях П. И. Стучки и Д. И. Курского давалось теоретическое обоснование новых процессуальных порядков, процессуальных форм деятельности советского суда первых лет революции, хотя основное внимание уделялось тогда вопросам преимущественно судостроительного, а не процессуального характера⁵².

В области уголовного процесса (как и гражданского процесса) необходимо было упростить судопроизводство, сделать его понятным и доступным как для самих судей-пролетариев, так и для граждан, советской общественности.

Значительное оживление и усиление научной разработки проблем уголовного процесса началось по окончании иностранной интервенции и гражданской войны в связи с проведением кодификации советского уголовно-процессуального права.

После принятия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 г. (новая редакция 1923 г.) было сделано немало для теоретического уяснения и обоснования принципов и институтов советского уголовного процесса, для их осуществления в практической следственной и судебной деятельности в соответствии с требованиями революционной законности, решительно выдвинутыми В. И. Лениным, Коммунистической партией.

Для советской науки уголовного процесса с самого ее возникновения и в последующие годы, особенно после кодификации 1922 г., было характерно признание обязательности неуклонного соблюдения революционной законности при расследовании и разрешении уголовных дел. На укрепление законности в уголовном процессе были направлены усилия советских юристов — практиков и теоретиков.

Большое внимание привлекали к себе демократические принципы уголовного процесса и процессуальные гарантии для участвующих в процессе лиц.

⁵² См. работы Д. И. Курского «Основы революционного суда», «Гарантии правосудия и правосудие без гарантии», «О едином народном суде» (1918 г.) (Д. И. Курский. Избранные статьи и речи. Госюриздат, 1958) и П. И. Стучки «Старый и новый суд», «Пролетарская революция и суд» (1918) (П. И. Стучка. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. Юриздат, 1931).

Значительная заслуга в борьбе с буржуазными влияниями в советской науке уголовного процесса и в освещении ряда ее важных проблем принадлежит Н. В. Крыленко⁸³.

В 1927—1928 гг. в советскую науку уголовного процесса проникли воззрения упрощенческого характера, принижавшие значение процессуальной формы и демократических принципов советского уголовного процесса. Упрощенческие взгляды, хотя и получили некоторое распространение, однако не возобладали в советской процессуальной науке. В связи с этим следует отметить заслуги П. И. Стучки, его решительные выступления в защиту законности и демократических принципов в области уголовного процесса.

В дальнейшем продолжалась положительная научная разработка процессуальных проблем на базе марксистско-ленинского учения о государстве и праве, хотя в работах процессуалистов и были серьезные недостатки, допускались ошибки иногда формалистического, иногда упрощенческого характера.

Во время Великой Отечественной войны научной разработке подвергались главным образом вопросы уголовного процесса в органах военной юстиции. После окончания войны научная проблематика по уголовному процессу значительно расширилась.

На развитие науки уголовного процесса отрицательное влияние оказывало распространение культа личности и связанных с ним нарушений законности. В тот период в науку уголовного процесса иногда проникали антидемократические взгляды и концепции, несовместимые с подлинными задачами социалистического правосудия, извращавшие природу социалистического судопроизводства. Ряд ошибочных положений этого рода содержался в работах А. Я. Вышинского⁸⁴.

После того как партия осудила и отвергла культ личности и восстановила ленинскую законность, были устранены преграды для развития науки уголовного процесса и для нее был открыт ясный и плодотворный путь.

Научная проблематика по уголовному процессу довольно широка, и в науке уголовного процесса имеются серьезные достижения. Однако состояние научно-исследовательской работы по этой дисциплине нельзя признать вполне удовлетворительным.

⁸³ См., например, доклад Н. В. Крыленко о проекте УПК на III сессии ВЦИК девятого созыва в мае 1922 г. и книги: «Судоустройство РСФСР» (М., 1924); «Ленин о суде и уголовной политике. К десятилетию со дня смерти. 1924—1934».

⁸⁴ Об этом см. Р. Д. Рахунов. Об извращениях А. Я. Вышинским советской теории доказательств. («Ученые записки ВИНУ», вып. 14, 1962); М. С. Строгович. Основные вопросы советской социалистической законности. Изд-во «Наука», 1966, стр. 138—146.

Не всегда научные работы по уголовному процессу ориентировали суды, органы следствия и прокуратуры на точное и неуклонное соблюдение законности в практической судебной и следственной деятельности, подчас в этих работах содержались положения, способные содействовать нарушениям законности.

Известное распространение имело ошибочное представление, что некоторые демократические процессуальные принципы и институты в советском уголовном процессе должны быть отвергнуты только на том основании, что они имеют внешнее, формальное сходство с аналогичными или одноименными положениями буржуазного уголовного процесса, хотя существо их совершенно различно.

Подчас в процессуальной литературе проявлялась недооценка демократических процессуальных положений, процессуальных гарантий.

В 1964 г. на страницах теоретического и политического журнала ЦК КПСС «Коммунист» в редакционной статье «Насущные задачи юридической науки» указывалось: «В работах некоторых юристов до сих пор высказываются взгляды, противоречащие демократической сущности советского законодательства и социалистического правосудия, игнорируется роль процессуальных гарантий, переоценивается признание обвиняемым своей вины»⁸⁵.

Не все научные работы по уголовному процессу удовлетворяют запросы и потребности практических работников юстиции, хотя в последнее время в этом отношении заметно улучшение. Ряд важных теоретических и практических проблем уголовного процесса не подвергся еще должной научной разработке.

За последние годы в науке уголовного процесса была проделана большая работа для устранения указанных недостатков, но предстоит еще многое сделать. Основное внимание должно быть обращено на то, чтобы имеющиеся действительные достижения науки уголовного процесса оказывали эффективное влияние на практическую деятельность судов, прокуратуры и следственных органов, внедрялись в судебную и следственную практику.

Для развития советской науки уголовного процесса большое значение имеют указания, содержащиеся в Постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» (1964 г.).

Важные задачи стоят перед советской наукой уголовного процесса в свете материалов и решений XXIII съезда КПСС.

В Отчетном докладе ЦК КПСС съезду и в Резолюции XXIII съезда по Отчетному докладу ЦК указывалось на важность научной разработки проблем общественных наук, в том

⁸⁵ «Коммунист», 1964, № 12, стр. 72.

числе проблем права, в тесной связи с практикой коммунистического строительства⁵⁶.

Среди этих проблем права существенное значение имеют проблемы социалистического правосудия и такой формы его осуществления, как уголовное судопроизводство, уголовный процесс, служащий действенным средством укрепления социалистической законности, борьбы с наиболее опасными ее нарушениями — преступлениями.

В принятом в августе 1967 г. Постановлении ЦК КПСС «Обмерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве»⁶⁷ в числе направлений, в которых должны развиваться научные исследования в области правовых наук, указаны исследования актуальных проблем социалистической демократии, разработка мер по предотвращению и ликвидации преступности и других правонарушений, укреплению законности и правопорядка в стране, подготовка научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию советского законодательства. Эти указания прямо и непосредственно относятся к проблематике научных исследований в области советского уголовного процесса.

В Постановлении ЦК КПСС указывается на недостаточность развертывания конкретных социальных исследований и на весьма эмпирический характер их научно-методической основы. Это относится и к исследованиям в области уголовного процесса.

Дальнейшее развитие науки уголовного процесса требует включения различных данных и достижений других наук в сферу научной разработки процессуальных проблем. Так, все большие успехи технического прогресса дают возможность научно оснастить следственную и судебную деятельность, например, при производстве осмотра места преступления, следственном эксперименте, криминалистической экспертизе, при исследовании вещественных доказательств. Привлечение достижений научной психологии имеет большое значение для проверки показаний свидетелей, потерпевших, обвиняемых. Положения науки логики важны для правильного осуществления процесса доказывания фактов, фактических обстоятельств уголовных дел.

Научная разработка вопросов, связанных с применением достижений технических и естественных наук в области уголовного процесса, дает определенные положительные результаты. Однако для развития науки уголовного процесса необходимо соблюдение следующих условий:

— применение в следственной и судебной деятельности достижений технических и естественных наук может производиться

только в рамках процессуального закона, на основе процессуального закона, без малейшего отступления от установленных законом процессуальных форм;

— применение в следственной и судебной практике тех или иных приемов, разработанных в технических и естественных науках, может быть допущено только в тех случаях, когда эти приемы получили всестороннюю проверку и способны давать вполне достоверные результаты. Всякого рода экспериментирование в этой области возможно только вне уголовного процесса, не в связи с конкретными уголовными делами; от решения этих дел зависит судьба привлекаемых к уголовной ответственности лиц, и на них, конечно, экспериментировать с теми или иными приемами естественнонаучного или технического характера нельзя.

Велико значение научной разработки *этических основ* уголовного процесса, *нравственных начал* в деятельности суда, прокуратуры, следственных органов, адвокатуры — то, что может быть названо *судебной этикой*. В этой области сделано еще очень мало. Вопросы этики в судопроизводстве рассматриваются преимущественно в деятельности адвокатов, тогда как эти вопросы имеют громадное значение во всем уголовном судопроизводстве, в деятельности судей, прокуроров и следователей.

Научные основы уголовного судопроизводства — не только правовые и научно-технические основы, но и основы этические, так как этика — это наука, философская наука громадного и все возрастающего значения. Ряд проблем уголовного процесса имеет ярко выраженный этический аспект. Таковы, например, проблема взаимоотношений суда и сторон, проблема процессуальных гарантий личности в судопроизводстве, проблема внутреннего судейского убеждения при разрешении уголовных дел, проблема независимости судей и их подчинения только закону.

Жизнь, практика отправления правосудия настоятельно выдвигают необходимость научной разработки этических основ судопроизводства. Так, Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25 февраля 1967 г. «Об улучшении организации судебных процессов, повышении культуры их проведения и усилении воспитательного воздействия судебной деятельности»⁵⁸ посвящено в значительной части вопросам этического характера (хотя в нем и не применяется термин этика).

«Бюллетень Верховного Суда СССР», 1967, № 2.

⁶⁶ «XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стеногр. отчет, т. I. Политиздат, 1966, стр. 100, 101; т. II, стр. 311, 312,

⁵⁷ «Коммунист», 1967, Я» 13,

Советский уголовный процесс в системе советского социалистического права

§ 1. Уголовный процесс и уголовное право

Понятие уголовного процесса, о чем уже указывалось в гл. II, может означать как уголовный процесс в собственном смысле слова, т. е. систему процессуальных действий и процессуальных отношений, так и уголовно-процессуальное право, т. е. совокупность правовых норм, регулирующих деятельность суда, прокуратуры и органов следствия по уголовным делам и их отношения с гражданами, участвующими в производстве по этим делам.

Советский уголовный процесс в смысле уголовно-процессуального права, представляющего собой систему процессуальных норм, определенным образом связан с другими отраслями советского права, нормы которых находят свое применение в деятельности суда. Разбирая в порядке уголовного процесса уголовное дело, суд применяет к установленным по делу фактам нормы уголовного права. Поэтому прежде всего следует определить соотношение уголовного процесса и уголовного права.

Уголовный процесс тесно связан с материальным уголовным правом. Нормы уголовного права определяют деяния (в форме действия или бездействия), являющиеся преступлениями, и наказания, подлежащие применению за совершение этих преступлений. Нормы уголовно-процессуального права определяют те средства, способы, которыми устанавливаются факты совершенных преступлений и виновность совершивших их лиц.

Состав преступления — совокупность существенных признаков, характеризующих тот или иной вид преступления, — определяется нормами уголовного права, именно: соответствующей статьей уголовного кодекса, предусматривающей данный вид преступления. Установление же состава преступления в каждом отдельном случае, по каждому делу производится путем применения тех мер и способов расследования и судебного разбирательства дела, которые определяются нормами уголовно-процессуального права, именно: статьями уголовно-процессуаль-

ного кодекса, предусматривающими совершение соответствующих следственных и судебных действий (допросы обвиняемого и свидетелей, соби́рание иных доказательств и т. д.). Таким образом, уголовный процесс есть совокупность способов, приемов, средств, при помощи которых в каждом отдельном случае осуществляются предписания норм материального уголовного права.]

Связь и взаимная обусловленность уголовного процесса и уголовного права настолько тесна и неразрывна, что уголовный процесс немислим без уголовного права, равно как уголовное право немисливо без уголовного процесса.

Уголовный процесс без уголовного права был бы беспредметен, так как только уголовное право определяет, что именно является преступлением, ради установления которого ведется уголовный процесс. Уголовное право без уголовного процесса было бы бессильным, так как только уголовный процесс определяет тот порядок, в котором производится установление совершенных преступлений и лиц, несущих за них ответственность.

Конечно, соблюдение норм уголовного права обеспечивается не только посредством уголовного процесса, т. е. путем привлечения к уголовной ответственности и осуждения совершивших преступления лиц. В Советском социалистическом государстве подавляющее большинство граждан соблюдает нормы советского права, в том числе и уголовного права, добровольно, в силу своей сознательности воздерживаясь от совершения запрещенных законом действий.

Само существование уголовных законов оказывает предупредительное воздействие на неустойчивых лиц, заранее указывая им, какое поведение советские законы признают преступным и какие последствия наступают для всякого лица, которое совершит предусмотренное нормой уголовного права деяние.

Но во всех случаях, когда нормы уголовного права применяются к конкретному факту преступного деяния, именно уголовный процесс, и только он, представляет собой тот путь, тот способ, тот порядок, в каком происходит применение норм уголовного права, в котором устанавливается виновность лица в совершении преступления и назначается мера наказания.

Вопрос о соотношении уголовно-материального и уголовно-процессуального права освещен К. Марксом в его ранней работе «Дебаты по поводу закона о краже леса». Маркс дал замечательный анализ соотношения уголовного процесса и уголовного материального права, установив их органическую связь и взаимозависимость и категорически отвергнув всякие попытки оторвать их друг от друга.

К. Маркс резко высмеивает воззрение реакционных правящих кругов на процессуальные формы. «Судебные формы представляются алчному, беспокойному частному интересу тягостными

и излишними препятствиями, которые Ставит перед ним педантичный правовой этикет. Судебный процесс — это только надежный конвой, который должен препроводить противника в тюрьму, простое приготовление к экзекуции, а где процесс желает быть чем-то большим, там его заставляют молчать»¹.

Такое воззрение на процесс коренится в отношении частного интереса (т. е. интереса частного собственника) к праву. «При этом наталкиваются на самое право, как на препятствие необузданному проявлению частных интересов, и право расценивается как препятствие. . . . Интересу права предоставляется слово лишь постольку, поскольку он — право интереса, но интерес права должен умолкнуть, как только он вступает в коллизию с этой священной особой»².

К. Маркс решительно отвергает воззрение, согласно которому уголовный процесс есть только форма, не имеющая своего содержания и не опирающаяся на смысл, на содержание всего права. «Если судебный процесс сводится к одной только бессодержательной форме, то такая пустая формальность не имеет никакой самостоятельной ценности. С этой точки зрения китайское право стало бы французским, если бы его втиснули в форму французской процедуры; *материальное право*, однако, имеет свои *необходимые, присущие ему процессуальные формы*. Как в китайском праве обязательно фигурирует палка; как с содержанием средневекового уголовного уложения, в качестве процессуальной формы, неразрывно связана пытка, — подобно этому гласный, свободный судебный процесс составляет необходимую принадлежность гласного по своей природе содержания, продиктованного свободой, а не частным интересом. Судебный процесс и право так же тесно связаны друг с другом, как, например, формы растений связаны с растениями, а формы животных — с мясом и кровью животных. *Один и тот же дух должен одушевлять судебный процесс и законы, ибо процесс есть только форма жизни закона, следовательно, проявление его внутренней жизни*»³.

Эта яркая и выразительная характеристика очень хорошо показывает роль и значение процессуальных форм и их связь с материальным правом. Они неотделимы друг от друга, так как через уголовный процесс находит свое осуществление и применение в жизни уголовное материальное право.

Не следует понимать приведенные высказывания К. Маркса таким образом, что уголовный процесс носит производный характер от уголовного права и по отношению к нему имеет второстепенное значение или что уголовный процесс не имеет своего содер-

жания и оно дается ему только уголовным правом. Маркс ни в какой мере не утверждает этого, он утверждает совершенно иное.

Подвергая резкой критике реакционный закон, карающий за кражу леса, т. е. материальный уголовный закон, в качестве одного из аргументов против него Маркс выдвигает несоответствие его как материального уголовного закона системе «гласного, свободного судебного процесса», так что в данном случае процессуальная форма служит критерием оценки материального уголовного закона, а не наоборот. Смысл приведенных положений К. Маркса состоит в том, что уголовный процесс и уголовное право органически связаны между собой, проникнуты «одним и тем же духом», общими принципами, которые являются определяющими для обеих отраслей права, поэтому не может и не должно быть несоответствия между уголовным процессом и уголовным правом, противоречия между их принципами.

В юридической литературе иногда делалась попытка истолковать приведенные выше слова К. Маркса в том смысле, что отношение уголовного процесса и уголовного права есть отношение формы и содержания: уголовный процесс лишь форма уголовного права, уголовное право есть содержание уголовного процесса⁴. Такая точка зрения неправильна и вовсе не вытекает из приведенного выше положения К. Маркса. В широком смысле всякое право есть форма общественных отношений, опосредствуемых правом, и именно общественные отношения являются содержанием права. Поэтому не может быть такого положения, что одни нормы права были бы только формой других норм права, а последние — только содержанием первых.

⁴ В учебнике «Советский уголовный процесс» М. А. Чельцова (Госюриздат, 1951) прямо утверждалось, что в приведенном высказывании К. Маркса «весьма отчетливо проведена мысль о единстве процессуального и материального права — *единстве формы и содержания*» (стр. 18). В позднейшем учебнике «Советский уголовный процесс» того же автора (Госюриздат, 1962) такого категорического утверждения нет, но та же мысль выражена в иной форме: «Принципы уголовного права, его отношение к личности, к характеру и целям наказания определяют и те процессуальные формы, в которых происходит расследование и судебное рассмотрение уголовных дел» (стр. 18). В действительности же не уголовное право определяет уголовный процесс, а оба они определяются существующим общественным и государственным строем, господствующей системой общественных отношений.

В монографии Б. А. Галкина «Советский уголовно-процессуальный закон» (Госюриздат, 1962) относительно приведенного высказывания Маркса утверждается: «В этом высказывании Маркса достаточно ярко подчеркнута мысль о таком единстве материального и процессуального права, которое «проявляется в единстве формы и содержания» (стр. 121). Следует, однако, отметить, что в дальнейшем изложении В. А. Галкин не проводит трактовки уголовного процесса только как формы уголовного права.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 157.

² Там же.

³ Там же, стр. 158.

Как указано выше, Маркс в качестве возражения против материального уголовного права выдвинул его несоответствие действующему уголовно-процессуальному закону. Этого нельзя было бы сделать, если бы уголовно-процессуальный закон был только формой уголовного права.

Каково же действительное соотношение уголовного процесса и уголовного права? Как уголовный процесс, так и уголовное право имеет свою форму (способ регулирования общественных отношений) и свое содержание (регулируемые общественные отношения). Уголовный процесс и уголовное право различаются по тем общественным отношениям, которые регулируются той и другой отраслью права.

То или иное общественное отношение, будучи урегулировано нормой права, приобретает форму правоотношения. В каждой отрасли права правовым нормам соответствуют определенные правоотношения и именно через эти правоотношения реализуются, находят свое применение нормы права. Уголовно-процессуальным нормам соответствуют уголовно-процессуальные отношения, а нормам уголовного права — уголовноправовые отношения. В различиях между теми и другими правоотношениями и коренится различие между уголовным процессом и уголовным правом.

Наличие уголовно-процессуальных отношений в уголовном процессе несомненно и общепризнано. Иначе обстоит дело с уголовноправовыми отношениями. В нашей уголовноправовой литературе этот вопрос разработан слабо, само понятие уголовноправового отношения подчас оспаривается. А между тем уголовноправовые отношения существуют и не могут не существовать, так как правовым нормам всегда, во всех отраслях права соответствуют правовые отношения, и уголовное право не может, разумеется, составлять исключения⁵.

⁵ Характерно, что в нашей юридической литературе само понятие уголовноправового отношения первоначально было выдвинуто представителями науки уголовного процесса, а не науки материального уголовного права (см.: М. С. Строгович. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. Юриздат, 1939, стр. 77 и сл.; Н. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса. Изд-во МГУ, 1956, стр. 248 и сл.).

На это обстоятельство указывает В. Г. Смирнов в своей монографии «Функции советского уголовного права» (Изд-во МГУ, 1965, стр. 154).

Проблема уголовноправовых отношений разрешается в положительном смысле в ряде работ, хотя этим отношениям иногда дается различная интерпретация (см. А. А. Пионтковский. Правоотношения в уголовном праве. «Правоведение», 1962, № 2; М. С. Строгович. Уголовно-процессуальное право в системе советского права. «Советское государство и право», 1957, № 4; А. Л. Ривлин. Об уголовноправовых отношениях. «Правоведение», 1959, № 2; Н. И. Загородников. В содержании уголовноправовых отношений. «Советское государство и право», 1963, № 11; В. Г. Смирнов. Правоотношение в уголовном праве. «Правоведение», 1961, № 3; он же. Функции советского уголовного права, стр. 153—174).

Уголовноправовое отношение есть выраженное в законе отношение государственной власти к лицу, совершившему деяние, предусмотренное законом как уголовное преступление.

В цитированной выше работе К. Маркса содержится такое положение: «Может ли отношение между государством и обвиняемым изменяться вследствие недостатка средств у частного лица — у лесовладельца? У государства есть определенное право по отношению к обвиняемому, так как государство по отношению к данному индивиду выступает как государство. Отсюда для него непосредственно вытекает обязанность относиться к преступнику именно как государство и согласно с духом государства»⁶.

Здесь К. Маркс говорит об уголовноправовом отношении государства к преступнику (термин «обвиняемый» применен не в процессуальном смысле).

Уголовноправовые отношения необходимо присущи уголовному праву, подобно тому как любой отрасли права присущи соответствующие правоотношения. Так, в каждой статье Особенной части Уголовного кодекса, предусматривающей тот или иной состав преступления и соответствующую меру наказания, выражено отношение Советского государства к тому лицу, которое совершит данное преступление.

Юридическим фактом, порождающим уголовноправовое отношение, является совершение преступления: совершая деяние, предусмотренное уголовным законом как преступление, данное лицо ставит себя в определенное отношение к государству и по этому несет ответственность, возлагаемую уголовным законом на совершителя преступления.

Существует точка зрения, согласно которой юридическим фактом для возникновения уголовноправового отношения считается не факт совершения преступления определенным лицом, а вступление обвинительного приговора в законную силу, вследствие чего только с этого последнего момента возникает уголовноправовое отношение, а до этого его нет⁷.

Согласиться с этим нельзя. Обвинительный приговор суда не порождает уголовноправовое отношение, а устанавливает, удостоверяет, констатирует его. Ведь приговор суда не делает человека преступником, а признает преступником того, кто уже есть преступник, кто стал им в момент совершения преступления (если, разумеется, обвинительный приговор вынесен правильно). Если же суд признает подсудимого невиновным и выносит оправдательный приговор, — это значит, что подсудимый преступления

Однако некоторые авторы прямо отрицают само существование уголовноправовых отношений (см. например: А. В. Мицкевич. Субъекты советского права. Госюриздат, 1962, стр. 100, 101).

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 137.

⁷ В. Г. Смирнов. Функции советского уголовного права, стр. 156—159.

tie Совершил И, следовательно, уголовно правового Отношения не было, не существовало⁸.

В данном вопросе имеется полная аналогия с гражданскоправовыми отношениями, возникающими из причинения вреда. Юридический факт, порождающий такое правоотношение, — конечно, факт причинения вреда, и именно в момент причинения вреда на причинившего вред ложится обязанность возместить вред. Так же обстоит дело и с совершением преступления. Различия здесь в том, что для констатирования гражданскоправового {отношения из причинения вреда вовсе не- обязательно судебное решение, так как стороны могут прийти к соглашению и гражданское судопроизводство начнется лишь в случае недостижения соглашения, спора. Для констатирования же уголовноправового (отношения необходим приговор суда, иным способом установить (уголовноправовое отношение нельзя/

Уголовноправовое отношение — это отношение власти, властеотношение, в нем государство осуществляет власть и применяет принуждение к нарушившему закон лицу. Поскольку это отношение выражено в законе, закреплено в норме права — это отношение есть тем самым правовое отношение, правоотношение⁹.

Изложенное указывает на различие, существующее между уголовноправовыми и уголовно-процессуальными отношениями, и в то же время на связь между ними.

Уголовноправовое отношение как отношение государственной власти к совершившему преступление лицу возникает тогда же, когда совершено преступление, о чем мы говорили. Уголовно-процессуальное отношение, например отношение соответствующего государственного органа — суда, прокурора, следователя —

⁸ В интересной работе — монографии болгарского юриста Петко Бояджиева «Правоотношения в наказательном праве» (София, 1967) правильно указывается, что уголовноправовое отношение, именуемое автором «санкционным уголовным правоотношением», возникает в момент совершения преступления, являющегося юридическим фактом для этого правоотношения (стр. 190, 191). Вместе с тем автор утверждает, что в таком уголовном правоотношении совершившее преступление лицо несет только обязанности и не имеет никаких прав (стр. 170, 171), права этого лица он рассматривает как элемент не уголовного правоотношения, а других правоотношений (стр. 167—172). С этим согласиться нельзя: именно в уголовноправовом отношении из уголовноправовой нормы для совершившего преступление лица вытекают не только обязанности, но и известные права (например, право на учет судом смягчающих вину обстоятельств, право на применение позднейшего более мягкого закона с обратной силой, и, наоборот, право на неприменение позднейшего закона, усиливающего ответственность).

⁹ Не следует противопоставлять властеотношение и правоотношение, как это часто делают буржуазные юристы. Одно не исключает другого. Если властеотношение выражено и закреплено в нормах права, урегулировано ими — оно есть тем самым и правоотношение. Везде, где закон устанавливает обязанности граждан по отношению к государству, есть властеотношение, которое в то же время является правоотношением.

к лицу, привлекаемому к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, возникает в силу процессуального акта суда, прокурора, следователя (например, постановления следователя о привлечении данного лица в качестве обвиняемого в порядке ст. 143 УПК РСФСР) или соответствующего процессуального действия иного участника процесса (например, принесения осужденным кассационной жалобы на приговор суда в установленный законом срок согласно ст. 325 и 328 УПК РСФСР).

Производство по уголовному делу возбуждается и ведется для того, чтобы установить, имеется ли в данном случае действительно уголовноправовое отношение и какое именно, совершено ли преступление, кто его совершил и какую ответственность преступник должен нести. В начале производства по делу это уголовноправовое отношение может быть (и обычно бывает) еще неясно: чтобы установить все обстоятельства дела, необходимо провести предварительное следствие и судебное разбирательство. В ходе расследования и разбирательства дела возникают и развиваются различные уголовно-процессуальные отношения, в которых участвует обвиняемый. По мере возникновения и развития уголовно-процессуальных отношений все более и более рельефно выступает и делается определенным уголовноправовое отношение, так как устанавливаются все обстоятельства совершенного преступления, выясняется, что преступление не было совершено, обвиняемый не виновен, — тем самым устанавливается отсутствие уголовно-правового отношения, наличие которого ранее предполагалось. При вынесении судом обвинительного приговора и вступлении этого приговора в законную силу окончательно устанавливается и делается вполне определенным уголовноправовое отношение. При вынесении же судом и вступлении в законную силу оправдательного приговора окончательно устанавливается и делается вполне определенным отсутствие уголовноправового отношения (этот же результат наступает и при прекращении дела следователем, прокурором или судом).

Уголовноправовое отношение есть отношение государства к лицу, совершившему преступление.

Нельзя согласиться с высказываемым иногда мнением, что; уголовноправовое отношение есть отношение не между государством и совершившим преступление лицом, а между соответствующим органом государства (судом, прокуратурой и др.) и этим лицом¹⁰.

В действительности дело обстоит иначе. В уголовном законе всегда выражается отношение именно государства, а не отдельных его органов к совершившему то или иное преступление лицу.

¹⁰ См., например: Н. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса, стр. 256.

[Тот человек, который совершает преступление, т. е. предусмотревшее уголовным законом общественноопасное деяние, тем самым ставит себя в определенное отношение именно к Советскому государству, а не к суду, которому подсудно его дело, и не к следователю, которому это дело подсудственно. Между следователем и обвиняемым, между судом и подсудимым существует не уголовноправовое отношение, а уголовно-процессуальное отношение.

/То обстоятельство, что уголовноправовое отношение есть отношение именно государства к совершившему преступление лицу, а не только отдельного государственного органа, находит свое выражение в общеизвестной формуле, которой начинается приговор суда — «Именем Союза Советских Социалистических Республик», или «Именем (соответствующей. — М. С.) Советской Социалистической Республики». Такое начало приговора — не простая обрядность, стандартная фраза, в ней есть глубокий принципиальный смысл, она означает, что если вступившим в законную силу приговором суда человек признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию — это сделало само государство по принадлежащему ему, и только ему, праву признать человека преступником и наказать его за совершенное преступление¹¹.

. Разумеется, государство здесь, как и везде, действует через свои органы, каждый из которых выполняет свои функции в пределах своей законной компетенции/Как известно, особенность уголовноправового отношения состоит в том, что оно может быть признано, констатировано, удостоверено только приговором суда, но не каким-либо иным актом государства. Это положение ясно выражено в ст. 7 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда». Значит, уголовноправовое отношение может быть установлено, констатировано, удостоверено только приговором суда, вступившим в законную силу¹², в чем и состоит одно из отличий уголовноправового от-

ношения от правоотношений в иных отраслях права, например от гражданскоправового отношения, которое устанавливается, удостоверяется, как правило, без суда и независимо от суда (например, письменный договор, нотариальное засвидетельствование), а в суде рассматривается лишь в случае возникшего спора, невыполнения одной из сторон своей обязанности и т. Ку¹³»

Из изложенного видно, что различие между уголовным процессом и уголовным правом заключается в том, что они регулируют различные правоотношения, а связь между ними — в том, что уголовно-процессуальное отношение служит средством установления уголовноправового отношения. Через различные уголовно-процессуальные отношения, возникающие при производстве по делу между судом, прокурором, следователем и обвиняемым, свидетелями, экспертом и другими лицами, устанавливается уголовноправовое отношение, т. е. отношение государства к совершившему преступление лицу./-^{*}

Различение уголовноправового и уголовно-процессуальных отношений имеет не только большое теоретическое, но и немаловажное практическое значение. Наличие уголовно-процессуального отношения или ряда уголовно-процессуальных отношений еще не означает и не предвещает наличия уголовноправового отношения, пока суд не вынес своего приговора и этот приговор не вступил в законную силу. Так, если следователь привлек данное лицо в качестве обвиняемого, между следователем и этим лицом возникло уголовно-процессуальное отношение. Если судья вынес постановление о предании обвиняемого суду, — между судом и подсудимым возникло уголовно-процессуальное отношение. Но ни в том, ни в другом случае уголовноправовое отношение еще не установлено, не удостоверено, и, следовательно, обвиняемый еще не признается виновным, еще не считается в силу закона преступником, как бы тяжелы и убедительны ни были улики против него: это может иметь место лишь тогда, когда суд вынесет приговор и этот приговор вступит в законную силу.

В практике бывают случаи, когда следователь, прокурор или суд рассматривают обвиняемого как преступника и отвергают его объяснения и доказательства именно на том основании, что его виновность вполне установлена. В этом случае несомненно смешение уголовно-процессуального отношения, существующего во время производства по делу между следственным органом или судом и обвиняемым в совершении преступления лицом, с уголовно правовым отношением государства и преступника, которое пока еще не установлено и будет установлено лишь с вступлением приговора суда в законную силу.

Таково соотношение уголовного процесса и уголовного права. Это соотношение советского уголовного процесса (уголовно-процессуального права) и советского уголовного права характеризуется соответствием их содержания, их принципов, их свойств.

¹¹ Совершенно неверно утверждение М. Л. Чельцова, что «в уголовном праве нормы устанавливают одностороннюю правовую обязанность граждан не нарушать запретов уголовного закона; этой обязанности не соответствует право какого-либо субъекта» (М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. Госюриздат, 1962, стр. 16). Обязанности граждан не нарушать запретов уголовного закона соответствует право государства поступить с нарушителем уголовного закона как с преступником.

Кроме того, совершивший преступление человек в уголовноправовом отношении также имеет право: нести уголовную ответственность только за содеянное и в меру своей вины. Так что здесь тоже нельзя говорить только об односторонней обязанности.

¹² Это обстоятельство иногда используется как повод для неверного утверждения, что уголовноправовое отношение возникает, порождается приговором суда.

В советском уголовно-процессуальном праве, как и в советском уголовном праве, выражается воля всего советского народа. Уголовный процесс и уголовное право одинаково направлены на осуществление борьбы с преступлениями, с деяниями, посягающими на Советское государство, на советский правопорядок. Советский уголовный процесс представляет собой тот установленный законом порядок, в котором происходит применение нормы советского уголовного права на началах законности и правовых гарантий для участников процесса.

«*» § 2. Уголовный процесс и гражданский процесс

Уголовный процесс есть форма осуществления правосудия по уголовным делам. Таким же образом гражданский процесс — * форма осуществления правосудия по гражданским делам.

Это положение прямо выражено в ст. 4 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик: «Правосудие в СССР осуществляется путем:

а) рассмотрения и разрешения в судебных заседаниях гражданских дел по спорам, затрагивающим права и интересы граждан, государственных предприятий, учреждений, колхозов, кооперативных и иных общественных организаций;

б) рассмотрения в судебных заседаниях уголовных дел и применения установленных законом мер наказания к лицам, виновным в совершении преступления, либо оправдания невиновных».

Поскольку оба процесса суть способы, методы осуществления единого советского социалистического правосудия в двух разных сферах правовых отношений, между уголовным процессом и гражданским процессом устанавливается тесная связь, выражающаяся в том, что оба они опираются на единые и общие⁴ для них основы правосудия и суда¹³.

* * Единство правосудия и суда в СССР означает и единство уголовного и гражданского процессов. Советский суд, как орган Советского государства, выполняет свои задачи как по уголовным, так и по гражданским делам. Советский суд охраняет Советское государство, советский правопорядок и принуждает нарушителей закона повиноваться закону — в гражданском процессе не в меньшей мере, чем в уголовном. В гражданском про-

цессе, как и в уголовном процессе, суд ищет и устанавливает истину, в обоих процессах участники процесса наделяются процессуальными правами для отстаивания защищаемых ими интересов, и эти права охраняются процессуальными гарантиями.

Записанные в Конституции СССР принципы процессуального содержания — национальный язык судопроизводства (ст. 110), гласность судебного разбирательства (ст. 111), независимость судей и их подчинение только закону (ст. 112) — в равной мере относятся как к уголовному, так и к гражданскому процессу.

Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик содержат ряд руководящих принципиальных положений, в равной степени находящихся применение и в уголовном процессе, и в гражданском процессе: цели правосудия (ст. 2); задачи суда (ст. 3); равенство граждан перед законом и судом (ст. 5); осуществление правосудия в точном соответствии с законом (ст. 6); коллегиальное рассмотрение дел во всех судах (ст. 8); независимость судей и их подчинение только закону (ст. 9); язык, на котором ведется судопроизводство (ст. 10); открытое разбирательство дел во всех судах (ст. 11).

Суд в СССР один — для уголовных и гражданских дел. Все суды в СССР — от народного суда до Верховного Суда СССР включительно — являются судами и по уголовным, и по гражданским делам (за исключением военных трибуналов — судов только по уголовным делам). Единство суда по уголовным и по гражданским делам обуславливает единство уголовного и гражданского процессов: единство правосудия и единство суда обуславливают единство процессуального права.

В действующем теперь законодательстве об уголовном судопроизводстве и о гражданском судопроизводстве отчетливо выразилась тенденция к сближению процессуальных норм и институтов — в гораздо большей степени, чем это было в прежнем законодательстве, до новой кодификации.

В Основах гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1961 г. учтены и в ряде случаев воспроизведены соответствующие положения и формулировки, содержащиеся в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. Так, ст. 17 Основ гражданского судопроизводства, определяющая понятие доказательств и перечисляющая средства доказывания, текстуально воспроизводит ст. 16 Основ уголовного судопроизводства, лишь с некоторыми изменениями применительно к особенностям гражданского процесса (например, вместо показаний потерпевшего и обвиняемого указаны объяснения сторон и др.). Ст. 19 Основ гражданского судопроизводства об оценке доказательств текстуально воспроизводит ст. 17 Основ уголовного судопроизводства, исключив лишь указание на прокурора, следователя и лицо, производящее дознание, и определяя оценку доказательств только судом.

¹³ Правильно утверждается в учебнике советского гражданского процесса: «Гражданское процессуальное право тесно связано с уголовно-процессуальным правом. Указанные отрасли советского права объединяет то, что они регулируют общественные отношения, связанные с осуществлением социалистического правосудия в СССР» («Советский гражданский процесс». Под ред. проф. А. Ф. Клейнмана. Изд-во МГУ, 1964, стр. 9). Этот вопрос обстоятельно рассмотрен и освещен профессором Б. Н. Полянским (см.: «Вопросы теории советского уголовного процесса», стр. 220—229).

Можно было бы привести и другие подобные примеры, в которых гражданские процессуальные и уголовно-процессуальные формы и институты сближаются, подчас унифицируются.

Однако единство уголовного и гражданского процессов не означает их тождества. Процессуальные отношения в уголовном и в гражданском процессах различны по своему содержанию: в первом случае речь идет об уголовном преследовании совершивших преступление лиц, во втором — о разрешении спора о праве гражданском.

Порядок уголовного преследования совершивших преступление лиц отличен от порядка разрешения споров о праве гражданском. Борьба с преступностью путем применения наказания отличается от регулирования гражданскоправовых отношений и связей. Уголовный процесс связан с уголовным правом таким же образом, как гражданский процесс — с гражданским правом; в этом и есть различие между ними. Но единство суда по уголовным и по гражданским делам, единство задач правосудия по тем и другим делам определяет единство основных начал, на которых строятся уголовный и гражданский процессы, родство, сходство их важнейших принципов и институтов. Такие основные процессуальные принципы, как материальная истина, гласность, устность, непосредственность и состязательность, являются основными принципами как уголовного, так и гражданского процесса, хотя выражение этих принципов в том и в другом процессе имеет свои особенности, специфичные черты. Порядок и формы судебного разбирательства по уголовным и по гражданским делам имеют много общего, но есть и существенные различия. Это же относится и к другим институтам — кассации, судебному надзору.

Таким образом, единство уголовного и гражданского процессов — это единство их основных принципов и институтов, которые, однако, в обоих процессах получают выражение в различных формах. Поэтому признание единства уголовного и гражданского процессов вовсе не означает необходимости создания единого процессуального кодекса для разбирательства уголовных и гражданских дел или единого учебного курса по обоим процессам.

¶1

Существуют и будут существовать отдельные кодексы — уголовно-процессуальный и гражданский процессуальный, отдельные учебные курсы и отдельные учебники по уголовному процессу и по гражданскому процессу. Но понимание основных принципов и институтов обоих процессов в кодексах, в научной разработке и в преподавании должно быть таково, чтобы эти принципы и институты трактовались в их единстве, соответственно единству задач и принципов советского социалистического правосудия.

§ 3. Уголовный процесс и СудостройстЕб

Судостройство — это совокупность правовых норм, определяющих организацию правосудия в СССР: функции и компетенцию советских судов, задачи и принципы правосудия, построение судебной системы и устройство каждого звена судебной системы. Советское судостройство нашло свое законодательное выражение в главе IX Конституции СССР 1936 года, в Основах законодательства о судостройстве СССР, союзных и автономных республик 25 декабря 1958 г. и в законах республик о судостройстве этих республик.

Как мы указывали выше, уголовный процесс может быть также назван *уголовным судопроизводством*, как это сделано в Основах уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1958 г. Таким образом, судопроизводство и судостройство связаны между собой: судостройство — организация суда, уголовное судопроизводство — деятельность суда по уголовным делам. Точно такая же связь существует и между судостройством и гражданским процессом, или гражданским судопроизводством, так как последнее — это деятельность суда по гражданским делам.

Уголовный процесс представляет собой продолжение судостройства в том смысле, что судостройство охватывает организационные принципы судебной системы, тогда как уголовный процесс определяет деятельность суда, порядок, в котором протекает эта деятельность при разрешении уголовных дел. Вопросы организации и деятельности суда по существу тесно связаны между собой и часто переплетаются. Основы законодательства о судостройстве Союза ССР, союзных и автономных республик 1958 г. устанавливают не только структуру судебной системы, но определяют и основные, важнейшие процессуальные принципы судебной деятельности.

Таковыми процессуальными принципами (включенными в Основы законодательства о судостройстве) являются, например, определение национального языка, на котором ведется судопроизводство (ст. 10), гласность процесса (ст. 11), обеспечение права обвиняемого на защиту (ст. 12) и ряд других.

Такое соединение в одном законе судостройственных и процессуальных норм наглядно показывает тесную связь судостройства с процессуальным правом¹⁴.

¹⁴ В последнее время «судостройство», как отрасль права и как научная и учебная дисциплина, было переименовано в «организацию суда и прокуратуры в СССР». Именно так названа эта дисциплина в действующей учебной программе и в учебнике (см. «Организация суда и прокуратуры в СССР». Учебник для студентов юридических институтов и факультетов под ред. Б. А. Галкина. Изд-во «Юридическая литература», 1967). Аргументируется это тем, что понятие «судостройство» не охватывает

§ 4. Уголовный процесс и судебное право

Как видно из рассмотренного выше соотношения уголовного процесса, гражданского процесса и судостройства, все эти три отрасли права имеют то общее, что составляющие их правовые нормы регламентируют организацию и осуществление советского социалистического правосудия. В этом суть всех трех отраслей действующего советского права и, соответственно, трех научных правовых (юридических) дисциплин. Судостройство, уголовный и гражданский процессы определяют и указывают, как организуется советский суд и как он действует при разбирательстве уголовных и гражданских дел. Судостройство содержит положения, общие для уголовного и гражданского процессов, а оба процесса опираются на общие принципы и имеют родственные, сходные порядки и институты.

устройства прокуратуры и следственных органов. Но новое наименование не охватывает устройства адвокатуры и нотариата. Поэтому подобную чисто терминологическую реформу следует признать неудачной. Наименование «организация суда и прокуратуры» не указывает даже того, что это — *юридическая*, дисциплина, тем более что отрасли права, которая могла бы быть так названа, вообще не существует.

Вполне возможно и целесообразно в науке судостройства рассматривать вопросы не только суда, но и тех органов, которые в деятельности суда участвуют — прокуратуры, адвокатуры. Хотя деятельность прокуратуры протекает не только в суде, но имеет и иные области (например, общий надзор), основным в работе прокуратуры остается участие в суде и предшествующая судебному процессу деятельность в области следствия. То же самое относится и к адвокатуре, функции которой не ограничиваются ведением судебных дел, но основной ее задачей все же остается выступление в судах. Поэтому о судостройстве следует говорить как о науке, как это и было в течение десятков лет (до 1954 г.). Что касается введенного в учебные планы курса «Прокурорский надзор в СССР», то это не что иное, как учебный курс, а не самостоятельная отрасль юридической науки и, конечно, не отдельная отрасль права.

Иногда высказывается точка зрения, что прокурорский надзор — отдельная, самостоятельная отрасль права. Так, В. С. Тадевосян говорит именно о такой отрасли права, как «прокурорско-надзорное право» (см. В. Тадевосян. Прокурорский надзор в системе советского права. «Социалистическая законность», 1958, № 1, стр. 43). Эта же точка зрения выражена в кн. «Прокурорский надзор в СССР» (изд-во «Юридическая литература», 1966, Учебник для юридических институтов и факультетов). В этой книге прямо упоминается о «нормах прокурорского надзора», регламентирующих определенные правовые отношения и имеющих, таким образом, определенный предмет правового регулирования. Там сказано: «Будучи частью советского права, нормы прокурорского надзора связаны с нормами других отраслей права» (стр. 29, 30).

Согласиться с приведенными утверждениями нельзя. По существу отрасль права здесь выделяется не по признаку регулируемых нормами права общественных отношений (хотя ссылка делается на них), а по признаку ведомства, содержания деятельности того или иного государственного органа. Если стать на такую точку зрения, пришлось бы признать в системе права такие отрасли права, как «милиейское право», «медицинское право» и т. п.

Все это ставит вопрос об объединении судостройства, уголовного и гражданского процессов в одну, более широкую и сложную отрасль советского права — советское *судебное право*, под которым понимается совокупность правовых норм, определяющих организацию советского социалистического правосудия и его осуществление по уголовным и по гражданским делам.

Если принять эту конструкцию, то судостройство, уголовный процесс и гражданский процесс сохраняют свое положение и значение отдельных отраслей права (равно как и отдельных отраслей юридической науки и отдельных учебных юридических дисциплин), но они включаются в более широкую, комплексную отрасль судебного права.

В пользу такой конструкции говорят следующие аргументы.

Во-первых, правосудие в социалистическом государстве, его принципы и организационные формы, равно как и связанные с его осуществлением правовые отношения, выделяются в самостоятельную область правового регулирования. По существу так и есть в действительности, независимо от того, принять конструкцию судебного права или не принимать ее, но в судебном праве это существующее положение получает более четкое выражение.

Во-вторых, вопросы организации правосудия (судостройство) и вопросы его осуществления (судопроизводство — гражданский процесс и уголовный процесс) получают выражение в действующем праве и в правовой науке в их взаимной связи. Такая связь существует в действительности, речь идет лишь о том, чтобы ее выразить более ясно и определенно.

В-третьих, единство уголовного и гражданского процессов в их основных принципах и институтах получает выражение в системе советского права и в системе правовой науки при сохранении всех различий, существующих между уголовным процессом и гражданским процессом. Нет сомнений в том, что между уголовно-процессуальным правом и гражданским процессуальным правом имеются существенные различия, обусловливаемые связью этих отраслей *процессуального* права с соответствующими отраслями *материального* права (уголовным правом и гражданским правом). Но нет сомнений и в том, что уголовно-процессуальное право и гражданское процессуальное право в равной степени являются процессуальным правом, объединяются более широким понятием *процессуального* права.

Это и получает выражение в конструкции судебного права, которая не означает ничего большего, как соединение *судостройства* и *судопроизводства* в обоих его видах (уголовное и гражданское) в более широкую, комплексную отрасль права, которую условно можно назвать *судебным правом* (или *судебно-процессуальным правом*).

Речь здесь не идет и не может идти о соединении уголовно-процессуального кодекса и гражданского процессуального ко-

декса в один кодекс — оба кодекса остаются отдельными, как и сейчас.

Речь здесь не идет и не может идти о соединении законов о судостроительстве с законами о судопроизводстве в общий законодательный акт — и здесь все остается, как есть.

И, наконец, речь не идет об объединении всех трех учебных дисциплин в один общий курс.

Иными словами, признание, принятие конструкции судебного права, самой идеи судебного права не ведет ни к каким структурным изменениям в законодательстве и в учебном процессе.

Значение идеи судебного права относится не к структуре законодательства, а к направлению развития и совершенствования законодательства о судостроительстве и судопроизводстве и к направлению научного исследования судостроительственных и процессуальных проблем, которые должны исследоваться на основе общих руководящих принципов социалистического правосудия. Все это происходит и сейчас и в законодательстве, и в науке права.

Наиболее отчетливо это выразилось в новой кодификации уголовно-процессуального и гражданского процессуального законодательства, в котором происходит сближение ряда процессуальных форм и институтов, вплоть до введения одинаковых или близких друг к другу формулировок отдельных правовых норм. Выразилось это же и в том, что судостроительство находится в совершенно одинаковом отношении к уголовному процессу и к гражданскому процессу. Речь идет, следовательно, только о том, чтобы этому существующему положению дать научное выражение и тем самым содействовать проявлению существующей тенденции развития права и правовой науки¹⁵.

¹⁵ Идея, концепция судебного права в нашей юридической литературе спорна в очень высокой степени. Приходится признать, что эта идея оспаривается значительно чаще, чем защищается.

В течение десятков лет конструкцию судебного права в советской юридической науке развивали и защищали покойный профессор И. Н. Полянский и автор настоящего Курса (см.: И. Н. Полянский. Вопросы систематики в уголовном процессе. «Советское государство и право», 1939, № 3; он же. Вопросы теории советского уголовного процесса, гл. IX; М. С. Отрогович. О системе науки судебного права. «Советское государство и право», 1939, № 3; он же. Уголовно-процессуальное право в системе советского права. «Советское государство и право», 1957, № 4).

Против конструкции судебного права высказываются: П. С. Элькин и др. («Сущность советского уголовно-процессуального права». Изд-во ЛГУ, 1963, стр. 92 и сл.); Б. А. Галкин («Советский уголовно-процессуальный закон». Гоеюриздат, 1962, стр. 141—142) и некоторые другие авторы.

Может возникнуть вопрос: если принять конструкцию судебного права, почему же нельзя принять конструкцию «прокурорского права», против которой выше мы возражали? Разъясняется этот вопрос таким

§ 5. Уголовный процесс и криминалистика

С уголовным процессом тесно связана особая научная дисциплина — криминалистика, изучающая методы расследования преступлений.

При расследовании уголовных дел большое значение имеют способы собирания и исследования доказательств, основанные на достижениях естественных и технических наук. Эти научные методы все более и более широко применяются в следственной работе и содействуют научному оснащению следствия и повышению качества следственной работы. Физика, химия, технические науки, а также ряд других наук содержат крайне ценные данные, которые могут быть использованы в уголовном процессе для обнаружения и исследования следов преступления и иных вещественных доказательств. Совокупность этих научных данных, разработанных и приспособленных для расследования преступлений, составляет основное содержание криминалистики.

Трасология (учение о вещественных следах преступления), дактилоскопия (исследование пальцевых отпечатков на различных предметах в целях идентификации личности и регистрации преступников), судебная фотография (т. е. применение фотографии для фиксирования и исследования вещественных доказательств), исследование документов и почерка для установления подлогов и обнаружения автора письма составляют основные разделы криминалистики (научно-уголовной техники).

В своем конкретном содержании криминалистика строилась до сих пор применительно к условиям расследования преступлений и сводилась к сумме методов следствия (самый термин «криминалистика» происходит от латинского слова «сгипен» — преступление). Но несомненно, что многие криминалистические приемы и методы применяются и в сфере гражданского процесса, так как и по гражданским делам подчас возникает необходимость в научно-техническом исследовании вещественных доказательств.

Непосредственная сфера применения криминалистики в уголовном процессе — это расследование уголовных дел, т. е. деятельность органов дознания и следователей. Но криминалистика имеет значение и для суда при судебном разбирательстве дела,

образом. «Судебное право» — это условное объединяющее наименование трех совершенно очевидно существующих отраслей права — судостроительства, уголовного судопроизводства и гражданского судопроизводства. Эту сложную, комплексную отрасль права можно было бы назвать и иначе, например: процессуальным правом, — от этого ничего не изменилось бы. Наоборот, конструкция «прокурорского права» означает выделение в самостоятельную отрасль права совокупности правовых норм, отнюдь не составляющих отрасли права, а относящихся к различным, уже существующим отраслям права (административному праву, уголовно-процессуальному праву, гражданскому процессуальному праву, исправительно-трудовому праву).

поскольку окончательное разрешение дела принадлежит суду, который делает выводы из заключений криминалистической экспертизы¹⁶.

Содержание криминалистики не исчерпывается приспособлением данных естественных и технических наук к задачам следствия — криминалистика изучает и разрабатывает также те приемы, методы следствия, которые основаны не на положениях из области естествознания (физики, химии и т. д.) и техники, а на обобщении следственной практики. Сюда относятся вопросы планирования расследования и построения и проверки версий, методы производства различных следственных действий, а равно методы расследования отдельных видов преступлений.

Криминалистика в отличие от уголовного процесса — это только научная дисциплина, а не отрасль права. Криминалистика является научной юридической дисциплиной постольку, поскольку она изучает способы наиболее успешного, правильного совершения процессуальных действий. В этой своей части криминалистика представляет собой уголовно-процессуальную дисциплину, продолжение или специальный курс уголовного процесса. Но криминалистика в то же время и научно-техническая дисциплина в той ее части, в какой она разрабатывает приемы технических и естественных наук (технологии, физики, биологии и т. д.) с целью их применения к задачам расследования преступлений. Когда криминалистика выступает как юридическая дисциплина, она входит в состав науки уголовного процесса.

Все выработанные криминалистикой методы расследования, как основанные на данных естественных и технических наук, так и опирающиеся на обобщение следственного опыта, применяются только в рамках норм уголовного процесса, в соответствии с этими нормами и направлены на правильное применение этих норм в следственной практике. Ни один криминалистический прием расследования (при исследовании вещественного доказательства, при производстве осмотра или обыска и т. д.) не монрн ни в какой мере противоречить действующим нормам уголовного процесса, не может отступать от них, а всегда должен опираться на нормы уголовного процесса¹⁷.

¹⁶ Л. Е. Ароцкер. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. Изд-во «Юридическая литература», 1967.

¹⁷ Об этом см. правильные соображения в учебнике криминалистики для юридических факультетов и юридических институтов («Криминалистика». Под ред. С. П. Митричева и М. П. Шаламова. Изд-во «Юридическая литература», 1966, стр. 15—17).

Возникновение и развитие советского уголовного процесса

§ 1. Возникновение советского уголовного процесса

Возникновение и развитие советского уголовного процесса, как и всего советского права в целом, связано с возникновением и развитием Советского социалистического государства — государства нового, высшего типа.

Великая Октябрьская социалистическая революция, свергнув власть помещиков и капиталистов, установила новую государственную власть — диктатуру пролетариата. Старая государственная машина — орудие эксплуататорских классов — была подвергнута слому и вместе с ней было уничтожено старое право, бывшее выражением воли эксплуататорских классов, средством подавления и угнетения рабочего класса и всех трудящихся. Вместе со всем старым, буржуазным государственным аппаратом и буржуазным правом был уничтожен, ликвидирован и старый, дореволюционный буржуазный суд и буржуазный уголовный процесс.

Был упразднен старый суд как часть буржуазного государственного аппарата, старый дореволюционный уголовный процесс как отрасль буржуазного права.

В Советском государстве нашло свое полное применение и оправдание в практике революционной борьбы и революционного строительства положение марксистско-ленинской науки об обществе: пролетариат, взяв в свои руки власть, не может приспособить к своим нуждам старый буржуазный государственный аппарат, а должен подвергнуть его слому и создать свое новое государство — государство пролетарской диктатуры.

С возникновением нового, Советского социалистического государства было создано и новое, социалистическое право, был создан и суд как орган Советского социалистического государства и новый, советский уголовный процесс как отрасль советского социалистического права.

В. И. Ленин говорил в январе 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов: «Пусть кричат, что мы, не реформируя старый суд, сразу отдали его на слом. Мы расчистили этим дорогу для настоящего народного суда и не столько силой репрессий, сколько примером масс, авторитетом трудящихся, без формальностей, из суда, как орудия эксплуатации, сделали орудие воспитания на прочных основах социалистического общества» *.

Советский уголовный процесс, как и все советское право, не оформился сразу и окончательно: он развивался с развитием Советского государства, менялись, вырабатывались и совершенствовались его система, формы и институты.

При создании советского уголовного процесса и в ходе его дальнейшего развития был учтен и продолжает учитываться сейчас опыт зарубежного процессуального законодательства, те его принципы и институты, которые носили прогрессивный характер. Это вовсе не заимствование буржуазных процессуальных принципов и институтов, а использование всего лучшего, прогрессивного, культурного, что было выработано человечеством, народными массами в процессе исторического развития общества и что в буржуазном законодательстве подверглось искажению, извращению либо было отвергнуто, отброшено реакционными правящими кругами.

Преемственности с буржуазным уголовным процессом у советского уголовного процесса нет и быть не может ввиду коренного различия, противоположности классовой природы, политической сущности советского уголовного процесса как отрасли социалистического права и буржуазного уголовного процесса (как и всех иных процессуальных систем эксплуататорских государств).

В самом же советском уголовном процессе в ходе его исторического развития постоянно сохраняется преемственность новых форм и институтов с более ранними его формами и институтами. Совершенно ясна и определена прямая преемственность ныне действующего советского уголовного процесса с теми процессуальными положениями, которые были установлены первыми декретами Советской власти о суде в конце 1917 — начале 1918 г. Изменение социально-политической обстановки, новые задачи, которые ставились перед органами юстиции, не влекли упразднения старых процессуальных форм; эти формы использовались с необходимыми изменениями в новых условиях, развивались, совершенствовались.

Рассмотрим возникновение и развитие советского уголовного процесса в его основных чертах.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 270.

² Подробно осветить историю советского уголовного процесса здесь невозможно, так как нельзя излагать полную историю советского уголовного

С победой Великой Октябрьской социалистической революции началось упразднение, слом дореволюционного суда. Непосредственным правотворчеством народных масс с первых же дней Октябрьской революции стали создаваться новые советские суды и простые, демократические процессуальные формы их деятельности. Место старого, буржуазного уголовного процесса занял новый, советский уголовный процесс, опирающийся на принципы диктатуры пролетариата и социалистической демократии.

Первым законом Советской власти, касающимся уголовного процесса, был Декрет о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. Этот исторический декрет упразднил старые дореволюционные буржуазно-помещичьи суды и заложил прочные основы нового, советского народного суда. Именно в этом состоит историческое значение Декрета о суде № 1, именно поэтому Декрет о суде № 1 всегда останется в истории советского суда ее первой блестящей страницей.

Декрет о суде № 1 окончательно уничтожил старые суды и установил принципы организации советского суда, суда государства пролетарской диктатуры, суда, организация и деятельность которого опирались на основы пролетарского демократизма, т. е. подлинно народного суда.

Декрет установил в качестве основных судов местные суды, т. е. народные суды. Кроме того, декретом предусматривалась организация революционных трибуналов для борьбы с контрреволюционными преступлениями, мародерством, хищениями, саботажем и другими наиболее опасными преступлениями.

Декрет о суде № 1 провозгласил принцип выборности местных (народных) судей путем всеобщих прямых выборов — принцип, который по ряду исторически обусловленных причин (гражданской войны, сопротивления кулачества мероприятиям советской власти и др.) получил осуществление значительно позднее — на основе Конституции СССР 1936 года.

В основном Декрет о суде № 1 был посвящен вопросам организации суда; определение же процессуальных форм деятельности суда относится к последующим декретам. Декретом № 1 была определена подсудность гражданских и уголовных дел местным

процесса отдельно от истории советского суда, что является задачей Курса судостроительства и отдельных монографий. Именно поэтому в данной работе излагается не история советского уголовного процесса в собственном смысле, а лишь основные моменты возникновения и развития советского уголовного процесса, основные тенденции этого развития и указываются лишь главные вехи, показывающие путь развития советского уголовно-процессуального законодательства. (Подробнее об этом см.: Р. Д. Рахун о в. Общие тенденции развития советского уголовно-процессуального права. «Вопросы борьбы с преступностью», вып. 6, изд-во «Юридическая литература», 1967; «История Советского государства и права», т. I и II. Изд-во «Наука», 1968).

судам, отменена апелляция и установлен кассационный порядок обжалования приговоров и решений (ст. 2). Производство предварительного следствия по делам, подсудным местным судам, возлагалось на местных судей единолично, причем их постановления о личном задержании и о предании суду должны были быть подтверждены постановлением всего местного суда.

Предварительное следствие по делам, подсудным революционным трибуналам, производилось следственными комиссиями при Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

В качестве обвинителей и защитников допускались все неопрошенные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами, причем защитник допускался к участию в деле также в стадии предварительного следствия (ст. 3).

Ст. 5 Декрета о суде № 1 устанавливала: «Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию.

Примечание. Отмененными признаются все законы, противоречащие декретам ЦИК Советов Р. С. и Кр. Деп. и Рабочего и Крестьянского Правительства, а также программам-минимум Р. С. Д. Р. Партии и Партии С. Р.»

Таким образом, Декрет о суде № 1 допускал в известных пределах пользование старыми, дореволюционными процессуальными формами. Это, однако, вовсе не означало сохранения дореволюционного уголовного процесса, а представляло собой определенную ступень в деле упразднения дореволюционного уголовного процесса.

Суть и смысл указанного положения заключались вовсе не в том, что Декрет о суде № 1 сохранял старые процессуальные формы, а в том, что в качестве руководящих принципов деятельности советского суда он выдвинул декреты Советской власти, судейскую совесть и революционное правосознание. Пользование старыми законами, допускалось согласно Декрету № 1 лишь постольку, поскольку эти законы не отменены советскими законами и не противоречат революционному правосознанию рабочего класса и всех трудящихся; в той мере, в какой старые законы, в том числе процессуальные, противоречили советским законам и революционному правосознанию, они теряли силу, упразднялись.

Это было не чем иным, как одним из методов, одним из путей революционного слома старого суда и его процессуальных форм.

Следующим декретом о суде был Декрет о суде № 2 от 22 февраля 1918 г. Этот декрет был издан в развитие и дополнение Декрета № 1. В нем уже давалось развернутое изложение прин-

ципов процесса и ряда процессуальных форм в окружном народном суде.

Декрет устанавливал гласность уголовного процесса и его состязательность, обеспечивая обвиняемому право на защиту, предусматривая участие обвинения и защиты на судебном следствии, проводя в известной мере принцип состязательности и на предварительном следствии, на котором допускалось участие защитников. Особо важным было установление Декретом о суде № 2 положения о том, что судопроизводство может производиться на всех местных языках, т. е. обеспечивались права национальностей в области процесса (тогда как до революции в царской России общегосударственным языком в судах был русский).

Интересно и другое положение Декрета о суде № 2: кроме основных обвинителя и защитника, по делу могли выступать дополнительно один обвинитель и один защитник из публики. Рассматривались дела судьей с участием народных заседателей, но вопросы о виновности и мере наказания решали только народные заседатели (в числе двенадцати); судья же участвовал в обсуждении вопросов о виновности и наказании только с совещательным голосом, давая народным заседателям свое заключение о мере наказания.

Этим же декретом были установлены принципы кассационного производства, причем указывалось, что основаниями к отмене приговоров и решений являются не только формальные нарушения закона, но и несправедливость приговора или решения.

В отношении дореволюционного процессуального законодательства Декрет о суде № 2 в основном сохранял положение, установленное Декретом о суде № 1, лишь несколько его конкретизируя: судопроизводство ведется по судебным уставам 1864 г., поскольку таковые не отменены декретами ЦИК Советов и Совета Народных Комиссаров и не противоречат правосознанию трудящихся классов.

Значение этого декрета в создании форм советского уголовного процесса очень велико. Проект декрета проверял и исправлял В. И. Ленин. Некоторые положения этого декрета впоследствии отпали, но такие процессуальные принципы, установленные Декретом о суде № 2, как устность и состязательность процесса, право обвиняемого на защиту и обжалование и пересмотр приговоров по мотивам их несправедливости, есть прочное достояние советского уголовного процесса на всех дальнейших этапах его развития.

Третий исторический акт о суде — Декрет о суде № 3 (опубликован 20 июля 1918 г.) существенно расширил подсудность дел народному суду, усилив тем самым значение низового звена судебной системы.

Таковы основные процессуальные положения, установленные первыми декретами Советской власти о суде. Так с первых дней Советской власти создавался новый уголовный процесс — советский процесс, простой, гибкий и демократичный, отвечавший задачам и условиям работы советских судов.

В. И. Ленин, говоря о задачах советского суда, писал: «Лишь подобные суды, при условии участия в них самых широких масс трудящегося и эксплуатируемого населения, сумеют в демократических формах сообразно с принципами Советской власти добиться того, чтобы пожелания дисциплины и самодисциплины не остались голыми пожеланиями»³. Эти указанные В. И. Лениным демократические формы деятельности советского суда и являются процессуальными формами, основные черты которых были установлены в первых же декретах Советской власти о суде.

§ 2. Уголовный процесс в народных судах и в революционных трибуналах

Декрет о суде № 1 предусматривал создание, кроме местных (народных) судов, также революционных трибуналов для борьбы с наиболее опасными для Советской республики преступлениями. Революционные трибуналы широко развернули свою деятельность в период иностранной интервенции и гражданской войны, когда на них легла основная задача решительной борьбы с контрреволюционными выступлениями, с бандитизмом, с расхищением народного достояния и другими тяжкими преступлениями.

В этот же период происходило дальнейшее развитие народного суда как основного звена советской судебной системы, наиболее близкого и населению, выработка и законодательное закрепление процессуального порядка деятельности народных судов.

Процессуальные формы в народных судах и в революционных трибуналах имели некоторые различия соответственно характеру деятельности тех и других. Деятельность народных судов и революционных трибуналов регламентировалась различными законами. Основное отличие уголовного процесса в революционных трибуналах от уголовного процесса в народных судах заключалось в предоставлении революционным трибуналам больших полномочий при исследовании обстоятельств дела, в большей скорости процесса и в ограничении процессуальных гарантий.

Это отнюдь не означало, что в тот период у нас было два уголовных процесса — «нарсудовский» уголовный процесс и «трибунальский» уголовный процесс⁴. Уголовный процесс был еди-

³ В. И. Ленин и н. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 163.

⁴ Выражение «трибунальский процесс» употребляет М. А. Чельцов (М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. Госюриздат, 1951, стр. 46).

ным для всех судов, для Народных судов и для революционных трибуналов, и он опирался на единые для всех судов процессуальные принципы. Но для революционных трибуналов были установлены некоторые особые процессуальные формы, обусловленные обстановкой, в которой действовали революционные трибуналы, и особым характером подсудных им дел о наиболее опасных преступлениях.

Рассмотрим сначала развитие уголовного процесса в народном суде.

Ввиду того, что декреты о суде № 1, № 2 и № 3 не разрешали всех вопросов процессуальной деятельности народных судов, Народный комиссариат юстиции РСФСР 23 июля 1918 г. издал инструкцию для народных судов, в которой в основных чертах был регламентирован ход судопроизводства.

Законодательным актом, определявшим как организацию, так и процесс в народных судах, являлось Положение о народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 30 ноября 1918 г. Основные процессуальные нормы этого закона сводились к следующему.

Ссылки на законы свергнутых правительств запрещаются, суд применяет декреты рабоче-крестьянского правительства и руководствуется своим социалистическим правосознанием (ст. 22). При рассмотрении дел суд не стеснен формальными доказательствами, и от него зависит, допустить ли те или иные доказательства, исходя из обстоятельства дела (ст. 24). Процесс — состязательный, на суде допускается широкое участие обвинения и защиты.

У; Предварительное следствие ведется коллегиально следственной комиссией⁵.

Защитники допускаются как в судебном заседании, так и на предварительном следствии, хотя их участие по постановлению следственной комиссии может быть ограничено, если этого требуют интересы раскрытия истины (ст. 34).

Положение подробно регламентировало порядок предварительного следствия, судебного разбирательства, кассационного обжалования.

Запрещением ссылок на законы свергнутых правительств в Положении о народном суде 1918 г. закреплено то, что фактически установилось раньше.

Выдающийся государственный деятель, активный участник строительства советского суда Д. И. Курский в ноябре 1918 г.

⁵ Согласно Декрету о суде № 1 предварительное следствие по делам, подсудным местному суду, производилось местным судьей единолично. Декрет о суде № 2 установил, что по делам, превышающим компетенцию народного суда, предварительное следствие ведется следственной комиссией. Положение о народном суде 1918 г., таким образом, распространило этот последний порядок и на дела, подсудные народному суду.

говорил на заседании ВЦИК при рассмотрении проекта этого Положения: «По Декрету № 2 суды могли руководствоваться законами свергнутых правительств, поскольку эти законы не противоречат социалистическому правосознанию. Теперь этот период изжит. Теперь необходимо дать народным судам следующее указание: вы должны руководствоваться декретами Рабоче-крестьянского правительства и вашим социалистическим правосознанием»⁶.

Относительно участия защитников Д. И. Курский говорил: «Человек, который попадает на суд, нуждается в защите, и для всех ясно, что это особенно необходимо в крупном деле, когда предъявляется обвинение со стороны государственной власти и когда обвиняемый лишен возможности сказать что-нибудь потому, что не имеет защитника. Если существует официальный обвинитель, то нужно быть и защитнику»⁷.

Положение о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г. действовало до октября 1920 г. 21 октября 1920 г. было принято и введено в действие новое Положение о народном суде. Основные изменения, внесенные этим Положением, относятся к области судостроительства, процессуальные институты и формы были изменены лишь в отдельных вопросах. Так, проведение предварительного следствия было возложено на единолично действующих народных следователей вместо ранее действовавших коллегиальных следственных комиссий, участие защиты на предварительном следствии не допускалось⁸. Судебное рассмотрение основывалось на состязательном принципе, но суду предоставлялись большие полномочия, чем по Положению 1918 г., при разрешении вопроса об обязательности участия на суде обвинителя и защитника. В этом отношении на Положении о народном суде 1920 г. в известной степени сказались условия гражданской войны и иностранной интервенции.

Таковы основные черты уголовного процесса в народных судах по законодательству 1918—1920 гг.

Уголовный процесс в революционных трибуналах характеризовался в этот же период следующим.

⁶ Д. И. Курский. Избранные статьи и речи. Госюриздат, 1958, стр. 56.

⁷ Д. И. Курский. Указ. соч., стр. 57.

⁸ Д. И. Курский по этому вопросу писал, что коллегиальность следствия в форме следственных комиссий «была вполне уместна и неизбежна в период, когда еще не было подготовленных технических сил из среды пролетариата. При поголовном саботаже следственных органов со стороны следователей упраздненного суда... коллегиальность в организации следствия до известной степени помогала разобраться в сложных вопросах следствия и в то же время в лице более способных, имевших некоторую подготовку членов комиссий формировала будущих самостоятельных следователей... Таким образом, безболезненно и постепенно разрешался вопрос о переходе к институту единоличных следователей...» (там же, стр. 92).

Декрет Совета Народных Комиссаров от 4 мая 1918 г. установил организационные принципы революционных трибуналов, а также важнейшие процессуальные принципы их деятельности: гласность и состязательность процесса.

Подробный порядок уголовного процесса в революционных трибуналах был установлен позднее — в Положении о революционных трибуналах от 12 апреля 1919 г. Этот закон устанавливал гласность процесса (ст. 19) и формулировал положение: «Подсудимый при рассмотрении дела пользуется всеми правами стороны. Подсудимому принадлежит последнее слово» (ст. 21). Таким образом, процесс в революционных трибуналах строился на принципе состязательности. Вместе с тем, исходя из характера подсудных революционным трибуналам дел, Положение о революционных трибуналах от 12 апреля 1919 г. ограничивало права обвиняемого, устранив участие защиты на предварительном следствии и предоставив самому трибуналу полномочия решать вопрос о допущении или недопущении участия обвинителя и защитника на суде (ст. 17).

Эти процессуальные полномочия революционных трибуналов были еще более расширены и усилены в Положении о революционных трибуналах от 18 марта 1920 г. Положение уточняло подсудность уголовных дел революционным трибуналам (из их рассмотрения изымались дела общеуголовного характера), была реорганизована система предварительного следствия по подсудным трибуналам делам: расследование этих дел передавалось органам Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. Вопросы о свидетелях, подлежащих вызову в суд, о допущении обвинителя и защитника решались самим революционным трибуналом в зависимости от ясности дела, от доказанности преступления и других подобных обстоятельств. Трибуналу принадлежало право на судебном следствии прекратить допрос вызванных свидетелей, если обстоятельства дела были достаточно выяснены показаниями допрошенных свидетелей (ст. 19).

Следовательно, по этому закону революционный трибунал обладал рядом процессуальных полномочий, которые не были предоставлены народному суду. В деятельности революционных трибуналов допускалось ограничение процессуальных гарантий, что обуславливалось тем, что революционные трибуналы рассматривали в обстановке иностранной интервенции и гражданской войны дела о наиболее серьезных и опасных преступлениях⁹.

⁹ По поводу организации революционного трибунала при ВЦИК Д. И. Курский говорил на сессии ВЦИК в 1920 г.: «В то время, которое мы переживаем, необходима мобилизация для борьбы с контрреволюцией всех сил, необходимо усилить революционную репрессию там, где речь идет не о том, чтобы карать, а чтобы защищать завоевания революции, которые рабочие и крестьяне оплатили своей кровью. Необходимо поэтому, чтобы был создан орган, который будет бороться, несмотря на лица,

Тем не менее принципы, на которых строился процесс в революционных трибуналах, были в основном те же, что и в народном суде. Гласность процесса оставалась руководящим принципом процесса в революционных трибуналах (ст. 18); обвиняемый на суде пользовался всеми правами стороны и мог задавать вопросы свидетелям и давать свои объяснения в любой момент судебного следствия (ст. 21).

Положение о революционных трибуналах от 18 марта 1920 г. было издано во исполнение постановления I сессии ВЦИК седьмого созыва 2—7 февраля 1920 г. Это постановление гласило: «В целях установления единообразной практики Революционных Трибуналов и предоставления подсудимым возможных и необходимых гарантий, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет выработать и опубликовать новое положение о Революционных Трибуналах»¹⁰.

Отсюда видно, что даже в трудных условиях гражданской войны и иностранной интервенции процессуальным гарантиям придавалось большое значение в советском уголовном процессе, и не только в народном суде, но и в революционном трибунале.

Наряду с революционными трибуналами (губернскими) в период гражданской войны действовали революционные военные трибуналы в Красной Армии для борьбы с преступлениями, посягающими на обороноспособность страны, и другими особо опасными преступлениями — контрреволюционными, бандитизмом и др. Первоначально деятельность военных трибуналов регулировалась в ведомственном порядке (по линии Революционного Военного Совета Республики). В РСФСР первым законодательным актом, определившим процессуальный порядок деятельности революционных военных трибуналов, был Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета — Положение о революционных военных трибуналах от 20 ноября 1919 г. В Украинской Советской Социалистической Республике такой акт появился раньше — это был Декрет Временного рабоче-крестьянского правительства Украины «О введении в Украинской Советской Армии Особых воинских трибуналов» от 11 декабря 1918 г.

4 мая 1920 г. было введено в действие новое Положение «О революционных военных трибуналах», согласованное с основным Положением о революционных трибуналах от 18 марта 1920 г.

Уголовный процесс в революционных военных трибуналах в своих существенных чертах был сходен с уголовным процессом в губернских революционных трибуналах. Революционным воен-

носмотря на то, кто будет стоять против наших товарищей, которые завоевали нам Советскую республику» (см. «Избранные статьи и речи», стр. 90).

«Постановления и резолюции сессий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 7-го созыва». Госиздат, 1920, стр. 30,

ным трибуналам принадлежали полномочия по своему усмотрению решать вопросы о допущении обвинения и защиты, а равно о вызове и невызове в судебное заседание свидетелей. Вместе с тем обвиняемому предоставлялись процессуальные права для защиты от предъявленного ему обвинения. Так, ст. 24 Положения от 4 мая 1920 г. гласила: «Подсудимый имеет право задавать вопросы свидетелям и давать объяснения как по существу всего дела, так и по поводу каждого документа или показания в любой момент судебного следствия; Трибунал может, однако, устранить вопрос, если признает его не относящимся к делу. Подсудимый имеет право не отвечать на задаваемые ему вопросы. Подсудимому всегда принадлежит последнее слово».

Приговоры революционных военных трибуналов в период гражданской войны не подлежали кассационному обжалованию.

§ 3. Кодификация советского уголовно-процессуального права

Когда гражданская война закончилась победой Советской власти, разгромившей интервентов и белогвардейцев, и страна перешла к мирному хозяйственному строительству, существенным изменениям подверглось действующее законодательство, включая законодательство о суде и процессе. Эти изменения производились в соответствии с новыми условиями деятельности Советского государства и стоящими перед ними задачами. В. И. Ленин в своем письме «О «двойном» подчинении и законности» указывал на необходимость всемерно укреплять революционную законность¹¹. Действенным средством укрепления законности являлась кодификация советского законодательства, создание кодексов по основным отраслям советского права.

В докладе на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции в 1922 г. Д. И. Курский подробно говорил о задачах выработки нового законодательства, указав при этом: «Если мы будем только говорить о революционной законности, а закон не будет, то это будет весьма эффектное слово, но не больше.

Необходимо иметь твердую и в достаточной степени разработанную систему норм, чтобы не только говорить о революционной законности, но и проводить ее в жизнь»¹².

В 1922 г. была проделана громадная работа по кодификации советского права и созданы кодексы по различным отраслям права. В числе других 25 мая 1922 г. был принят Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР.

Этот первый советский уголовно-процессуальный кодекс представлял собой развернутую и детализированную систему про-

В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 197—201.
Д. И. Курский. Указ. соч., стр. 111.

цессуальных норм, подробно регламентирующих всю деятельность следственных и судебных органов в области расследования и разрешения уголовных дел. Уголовно-процессуальный кодекс 1922 г. был создан как единый процессуальный закон для всех судов — для народных судов и для революционных трибуналов, лишь с некоторыми процессуальными изъятиями для последних. Этот УПК явился действенным средством укрепления законности в работе следственных и судебных органов.

31 октября 1922 г. IV сессия ВЦИК девятого созыва приняла Положение о судостроительстве РСФСР. Этим Положением были объединены система народных судов и система революционных трибуналов в единую судебную систему (народный суд, губернский суд, Верховный суд РСФСР). Наряду с общими судами продолжали действовать военные трибуналы.

В связи с принятием Положения о судостроительстве возникла необходимость привести в соответствие с ним уголовно-процессуальный кодекс, и 15 февраля 1923 г. была принята новая редакция Уголовно-процессуального кодекса РСФСР.

В течение последующих лет в него вносились изменения, но основной его текст и основное содержание сохранялись.

Вслед за Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР и по его образцу были приняты уголовно-процессуальные кодексы и других советских республик: УПК УССР 13 сентября 1922 г., УПК Белорусской ССР — 30 марта 1923 г., УПК Грузинской ССР — 17 августа 1923 г., УПК Азербайджанской ССР — 21 июля 1923 г. и другие.

На V Всероссийском съезде деятелей советской юстиции (1924 г.) было принято решение о внесении в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР некоторых изменений, которые 16 октября 1924 г. были приняты в законодательном порядке II сессией ВЦИК одиннадцатого созыва¹³. Эти изменения заключались главным образом в расширении круга дел, подсудных народному суду, в сближении дознания и предварительного следствия как форм расследования преступлений, в большем подчинении следователя прокурору в процессе ведения предварительного следствия, в предоставлении кассационной коллегии губернского суда права снижать наказание, определенное народным судом, без отмены приговора.

29 октября 1924 г. ЦИК СССР принял общесоюзный процессуальный закон — Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик, установивший руководящие процессуальные принципы, которые должны быть положены в основу уголовно-процессуальных кодексов союзных республик.

Принятие этого закона имело очень большое значение. В Основах уголовного судопроизводства нашли свое отчетливое выраже-

¹³ СУ РСФСР, 1924, № 78, ст. 784.

ние демократические принципы и институты советского уголовного процесса, было гарантировано право обвиняемого на защиту, свобода обжалования судебного приговора и т. д. Эти положения сохранили в полной мере свою силу и сейчас.

20 августа 1927 г. Постановлением ЦИК и СНК СССР было утверждено «Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре».

В 1927 г. был принят новый УПК Украинской ССР, разработанный в соответствии с Основами уголовного судопроизводства.

§ 4. Последующие изменения уголовного процесса (до Конституции СССР 1936 года)

Уголовно-процессуальные кодексы союзных республик и Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1924 г. продолжали действовать и в дальнейшем. Вместе с тем в уголовно-процессуальное законодательство вносились различные изменения.

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 3 сентября 1928 г. была произведена передача следователей из подчинения суду в ведение прокуратуры¹⁴. Эта реформа преследовала цель устранить существовавшее до этого «двойное подчинение» следователя: в административном отношении — суду, в процессуальном — прокурору. Следователи во всех отношениях стали подчиняться только прокуратуре.

В конце 20-х годов в теории и практике уголовного процесса получили некоторое распространение упрощенческие взгляды на процессуальные формы, преуменьшение их значения, трактовка их как внешних стеснительных формальностей. Отсюда появилось стремление к максимальному упрощению процессуальных форм, нашедшее свое выражение в ряде ведомственных актов (по линии Народного комиссариата юстиции РСФСР).

Влияние упрощенчества в некоторой мере сказалось и на уголовно-процессуальном законодательстве. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 октября 1920 г.¹⁵ был расширен круг дел, по которым дознание могло заменять предварительное следствие.

Закон упразднил распорядительные заседания как обязательную форму предания суду, и полномочия предавать обвиняемых суду были возложены на прокуратуру: прокурор, утверждая обвинительное заключение следователя, тем самым предавал обвиняемого суду.

¹⁴ СУ РСФСР, 1928, № 117, ст. 733.
¹⁵ СУ РСФСР, 1929, № 78, ст. 756.

Этот закон имел Отрицательные Последствия, ибо допускал подмену предварительного следствия дознанием и ослаблял контроль за преданием суду.

Влияние упрощенчества сказалось и на принятых в это время УПК Узбекской ССР 1929 г. и УПК Туркменской ССР 1932 г. Эти кодексы — меньше по объему и менее детализированы, чем кодексы 1923 г. В основе их лежали проекты УПК, разрабатывавшиеся и опубликованные Народным комиссариатом юстиции РСФСР, но в РСФСР не ставшие законом. В предисловии Наркомюста Туркменской ССР к официальному изданию УПК в. 1938 г. отмечены недостатки кодекса 1932 г., вытекавшие главным образом из его чрезмерной краткости, объясняемой устранением из его текста всего, что ранее считалось «процессуальной техникой».

Важным актом, имевшим процессуальное значение, было изданное в связи с ликвидацией округов и изменением административно-территориального деления Постановление ЦИК и СНК СССР «Об изменении Основ судостройства Союза ССР и союзных республик ввиду ликвидации округов» от 3 декабря 1930 г., которым реорганизовывались органы юстиции. Вместе с тем были произведены некоторые процессуальные изменения: значительно расширен круг дел, подсудных народному суду (за счет большей части дел, ранее подсудных окружному суду); краевому суду предоставлялось право изымать из народного суда любое подсудное последнему дело и принимать его к своему производству; устранялось кассационное обжалование по некоторым незначительным уголовным делам (это правило также отражало проявление уже отмеченного упрощенчества и позднее было отменено).

Положительное значение этого закона состояло в укреплении народного суда как основного звена советской судебной системы, наиболее близкого к населению.

Процессуальное упрощенчество причинило вред следственной и судебной практике, но оно не было определяющей чертой уголовного процесса того времени. И в то время процессуальное упрощенчество встречало противодействие, принимались меры к укреплению законности в деятельности следственных и судебных органов. Обостренная классовая борьба в 1929—1930 гг. требовала максимальной быстроты и решительности в деятельности органов юстиции при подавлении классового врага, на что иногда делались ссылки для оправдания процессуального упрощенчества. Но это было, конечно, неправильно. Как и всегда, нарушения законности только вредили успешному осуществлению мероприятий Коммунистической партии и Советской власти.

В 1930 г. П. И. Стучка, говоря о вреде, причиненном нарушениями законности, писал: «Но как быть в будущем с самой революционной законностью? Куда мы идем? В сторону ли ее ос-

лабления, или ее усиления? Я определенно отвечаю: в сторону ее усиления»¹⁶.

В деле устранения процессуального упрощенчества большое значение имело проведенное в апреле 1934 г. первое всесоюзное совещание судебно-прокурорских работников, на котором был обсужден вопрос об улучшении качества следственной, прокурорской и судебной работы. Совещанием были приняты меры к улучшению расследования и разрешения уголовных дел, к решительному устранению из следственной и судебной практики нарушений процессуального закона. Совещание указало на необходимость строжайшего соблюдения норм уголовного процесса и установленных ими процессуальных гарантий.

Во исполнение решений совещания 47-й Пленум Верховного Суда СССР 7 июня 1934 г. дал судам руководящее указание «О необходимости строжайшего соблюдения судами уголовно-процессуальных норм». По линии прокуратуры были даны аналогичные указания директивным письмом Прокуратуры СССР от 13 августа 1934 г. «О качестве расследования»¹⁷.

Постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. был организован Народный комиссариат внутренних дел СССР, в составе которого было создано «Особое совещание при НКВД», заменившее ранее существовавшую так называемую судебную коллегия ОГПУ и получившее полномочия применять внесудебную репрессию по уголовным делам. В последующее время деятельность Особого совещания приобретала все больший объем и влекла распространение грубых беззаконий, связанных с культом личности.

На развитие уголовного процесса оказала отрицательное влияние ошибочная концепция, заключавшаяся в утверждении, что по мере успехов и побед социализма и продвижения страны к коммунизму усиливается и обостряется классовая борьба внутри страны.

Влияние этой концепции выразилось, в частности, в Постановлении ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г., которым был установлен исключительный порядок судопроизводства по делам о террористических актах.

По этим делам срок предварительного следствия был сокращен до 10 дней, а срок вручения обвиняемому обвинительного заключения — до одних суток до рассмотрения дела в суде, устранено участие обвинителя и защитника в суде и не допущено кассационное обжалование и подача ходатайств о помиловании¹⁸.

Под несомненным влиянием этой же концепции Постановлением ЦИК СССР от 14 сентября 1937 г. был установлен исключи-

¹⁶ См.: П. И. Стучка. Революционная законность (итоги и перспективы). «Советская юстиция», 1930, № 10; П. Стучка. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. Юриздат, 1931, стр. 218.

¹⁷ «Сборник приказов Прокуратуры СССР». Юриздат, 1939, стр. 150.

тельный порядок судопроизводства по делам о контрреволюционном вредительстве и диверсиях. По этим делам срок вручения обвиняемому обвинительного заключения был сокращен до одних суток до суда и отменено кассационное обжалование (но в отличие от закона 1 декабря 1934 г. сохранены участие обвинения и защиты на суде и подача ходатайств о помиловании)¹⁸.

§ 5. Конституция СССР и вопросы уголовного процесса

Созданный в СССР социалистический строй был законодательно закреплен в Конституции 1936 года, важнейшая особенность которой — ее последовательный и до конца выдержанный социалистический демократизм.

Конституция СССР формулирует ряд положений, имеющих процессуальный характер: осуществление правосудия только судом (ст. 102); ведение судопроизводства на языке союзной или автономной республики или автономной области с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также право выступать на суде на своем родном языке (ст. 110); гласность судебного разбирательства и обеспечение обвиняемому права на защиту (ст. 111); независимость судей и их подчинение только закону (ст. 112); установление процессуальной гарантии неприкосновенности личности советского гражданина: никто не может быть подвергнут аресту иначе, как с санкции прокурора или по постановлению суда (ст. 127).

Эти положения, присущие советскому уголовному процессу с самого его возникновения, получили в Конституции СССР свое дальнейшее развитие.

Принятый на основе Конституции СССР Закон о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик 16 августа 1938 г. воспроизвел все положения о суде и процессе, содержащиеся в Конституции СССР, и исходя из них сформулировал ряд процессуальных положений: о единстве процессуального законодательства для всех судов в СССР (ст. 5), о праве обжалования приговоров суда сторонами (ст. 15), о подсудности уголовных дел отдельным звеньям судебной системы (ст. 21, 32, 40, 59, 80), о полномочиях суда, к которому поступило дело с утвержденным прокурором обвинительным заключением, разрешать вопрос о наличии или отсутствии оснований для предания обвиняемому суду (ст. 27).

¹⁸Эти законы, применение которых причинило большой вред советскому правосудию, были отменены в 1956 г.

§ 6. Уголовный процесс в период Великой Отечественной войны Советского Союза против немецко-фашистских захватчиков

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз прервало мирную созидательную работу нашей страны. Все силы советского народа были мобилизованы на то, чтобы организовать отпор агрессору, изгнать его из пределов СССР и окончательно разгромить.

Задача советского суда в этот период состояла в том, чтобы беспощадно карать вражескую агентуру, засылаемую в Советский Союз, вести решительную борьбу с теми преступлениями, которые мешали делу победы над врагом, ослабляли воинскую дисциплину в армии, нарушали правопорядок и дисциплину в тылу.

22 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал два Указа: «О военном положении» и «Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий»¹⁹. Этими указами в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий была расширена подсудность уголовных дел военным трибуналам, к ведению которых были отнесены все дела о государственных преступлениях, о хищениях социалистической собственности и других тяжких преступлениях, причем военному командованию было предоставлено право передавать на рассмотрение военных трибуналов и дела о других преступлениях, если они представляли угрозу общественному порядку. Срок вручения обвинительного заключения подсудимому был сокращен до 24 часов (вместо трех суток). Приговоры военных трибуналов в местностях, объявленных на военном положении, не подлежали кассационному обжалованию и вступали в силу немедленно по их провозглашении, кроме приговоров к высшей мере наказания — расстрелу, для которых устанавливался определенный порядок надзора со стороны Военной коллегии Верховного Суда СССР и Главной военной прокуратуры. Право приостановления приговоров к расстрелу было предоставлено также военным советам округов, фронтов, которые могли ставить перед председателем Военной коллегии Верховного Суда СССР и Главным военным прокурором вопрос об опротестовании приговора.

Согласно Указу от 22 июня 1941 г., утвердившему «Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий», военные трибуналы рассматривали подсудные им дела в составе трех постоянных членов трибунала. Позднее к участию в заседании военного трибунала были допущены заседатели.

«Ведомости Верховного Совета СССР», 1941, № 29.

В 1942 г. право пересмотра приговоров военных трибуналов в порядке надзора было предоставлено помимо Военной коллегии Верховного Суда СССР также военным трибуналам фронтов (округов) по протестам председателей военных трибуналов и военных прокуроров фронтов (округов).

За этими изъятиями, обусловленными военным временем, военные трибуналы действовали на основании общих процессуальных законов.

Задачи всемерного содействия победе над врагом, укреплению тыла и охране правопорядка в условиях войны возлагались на все органы юстиции — как военные, так и общие. Крайне важно и существенно то обстоятельство, что общие процессуальные принципы и порядки, установленные уголовно-процессуальными кодексами союзных республик, оказались в полной мере сохранившими свою силу и пригодность в условиях военного времени. За время войны суды, прокуратура и органы следствия проделали громадную работу по укреплению советской социалистической законности, по борьбе со всеми деяниями, которые нарушали законы военного времени,

§ 7. Уголовный процесс в послевоенный период

После победоносного завершения Великой Отечественной войны и разгрома фашистской Германии и империалистической Японии советский народ вновь вернулся к мирному, созидательному труду, ликвидируя причиненные врагом разрушения, развивая промышленность, сельское хозяйство и культуру. Те законы, которые были вызваны условиями военного времени, отменялись, издавались новые законы, соответствующие условиям мирного времени.

С отменой военного положения утратили силу установленные указами 22 июня 1941 г. изъятия из общего процессуального порядка для военных трибуналов, в которых снова стал применяться общий, утвержденный уголовно-процессуальными кодексами порядок судопроизводства.

В области практической деятельности судов и следственных органов проводилась напряженная, все возрастающая работа, направленная на укрепление законности.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1954 г. «Об образовании Президиумов в составе Верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей» усилена роль местных судебных органов в осуществлении судебного надзора и облегчена возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных приговоров, оказавшихся незаконными и необоснованными.

Для укрепления законности в следственной и судебной деятельности имеет большое значение утвержденное Указом Президиума

Диума Верховного Совета СССР от 24 мая 1955 г. Положение о прокурорском надзоре в СССР, в котором детально определены обязанности прокуратуры в области надзора за исполнением законов в деятельности органов дознания и предварительного следствия (гл. III) и в области надзора за законностью и обоснованностью приговоров, решений, определений и постановлений судебных органд» (гл. IV).

1953 г. было ликвидировано «Особое совещание при НКВД», в связи с чем разрешение уголовных дел и применение уголовных наказаний полностью и без изъятий отнесены к компетенции только судов. Компетенция военных трибуналов была ограничена делами о преступлениях военнослужащих и о шпионаже, с отнесением дел о всех других преступлениях, включая и контрреволюционные, к компетенции общих судов»

XX съезд КПСС принял решение о* всемерном укреплении законности в деятельности всех звеньев государственного аппарата и о решительной борьбе со всякими нарушениями законности. Эти указания нашли свое выражение и осуществление как в практической деятельности органов Советского государства, так и в дальнейшем развитии законодательства вообще, уголовно-процессуального законодательства в частности.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1956 г. были отменены Постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. и 14 сентября 1937 г., которыми устанавливался исключительный порядок судопроизводства по делам о террористических актах, диверсиях и вредительств²⁰. Для всех уголовных дел без изъятия был установлен единый порядок судопроизводства" со всеми присущими ему процессуальными гарантиямиУ

Для развития уголовно-процессуального законодательства громадное значение имеет VI сессия Верховного Совета СССР четвертого созыва (февраль 1957 г.).

Исходя из ленинских принципов демократического централизма и национальной политики Советского государства, VI сессия расширила законодательную компетенцию союзных республик как суверенных государств.

Сессия изменила содержащееся в ст. 14 Конституции СССР 1936 г. положение о едином уголовно-процессуальном кодексе СССР, установив, что каждая союзная республика должна иметь свой уголовно-процессуальный кодекс (равно как и уголовный, гражданский и гражданский процессуальный кодексы и закон о судостроительстве), а в ведении СССР сохраняется лишь принятие основ уголовного судопроизводства (равно как и основ судостроительства, гражданского судопроизводства и основных начал уголовного и гражданского законодательства).

«Ведомости Верховного Совета СССР», 1950, Кч 9, ст. 193. Фактически применение этих актов прекратилось раньше.

Эти решения VI сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва укрепляли суверенитет союзных республик, которым давалась возможность в своем законодательстве в еще большей степени, чем раньше, учитывать специфические условия республики и отражать опыт деятельности ее государственных органов. Вместе с тем создавались условия, благоприятные для более быстрого и гибкого развития законодательства, в частности уголовно-процессуального законодательства, так как каждая союзная республика может самостоятельно, по своей инициативе свободно искать наиболее удачные решения правовых вопросов и между республиками происходит постоянный обмен опытом законодательной работы.

Материалы и решения VI сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва указывали направление развития уголовно-процессуального законодательства в сторону расширения демократических принципов и институтов уголовного процесса, усиления процессуальных гарантий, укрепления законности в деятельности суда, прокуратуры и органов следствия. На этой сессии Верховного Совета СССР депутат А. М. Румянцев говорил: «Особого внимания требуют гарантии прав граждан и укрепление дисциплины трудящихся в труде и в общежитии. Все знают, что забота о благе народа — это основа основ деятельности Коммунистической партии и Советского правительства. Эта забота находит свое выражение в совершенствовании норм права. В частности./кодификация уголовно-процессуального законодательства разрешит ряд назревших вопросов, таких, например, как законодательное закрепление презумпции невиновности человека, согласно которой лицо считается невиновным, пока его вина не доказана по суду; усиление гарантии независимости судей; увеличение числа народных заседателей; допущение к судебному разбирательству общественных обвинителей и защитников; участие адвокатов в уголовном деле в стадии предварительного следствия и тому подобные вопросы. Все это подействует дальнейшей демократизации судопроизводства»²¹.

§ 8. Новая кодификация уголовно-процессуального права

То направление развития советского уголовно-процессуального законодательства, которое определялось решениями XX съезда КПСС и вытекало из материалов и решений VI сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва 1957 г., нашло свое законодательное выражение и закрепление в проведенной с конца

1958 по 1961 г. новой кодификаций уголовно-процессуального законодательства СССР и союзных республик.

Вопросы новой кодификации уголовно-процессуального законодательства уже раньше, в течение многих лет обсуждавшиеся в юридической литературе, к этому времени стали дискутироваться особенно оживленно и остро. Выявлялись и высказывались различные, подчас противоположные точки зрения по поводу отдельных принципов и институтов уголовного процесса.

В результате большой, проведенной с участием юристов-ученых и юристов-практиков работы, был подготовлен проект Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, который и был рассмотрен и утвержден 25 декабря 1958 г. на II сессии Верховного Совета СССР пятого созыва.

После принятия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик развернулась работа по подготовке уголовно-процессуальных кодексов во всех союзных республиках, которые и были приняты в период 1959—1961 гг.

После проведения кодификации уголовно-процессуального законодательства 1958—1961 гг., развитие этой отрасли законодательства, разумеется, не приостановилось, а продолжалось. Последующие изменения вносились в Основы уголовного судопроизводства и в УПК союзных республик по различным вопросам, главным образом по вопросам предварительного следствия.

Изменения будут производиться и в дальнейшем, по мере накопления и научного обобщения практической работы по судебной и следственной работы, развития советского государственного аппарата, выявления необходимости совершенствования тех или иных принципов и институтов советского уголовного процесса.

Изменения могут касаться различных норм уголовно-процессуального права и могут иметь различный характер, но общее направление развития уголовно-процессуального законодательства всегда будет именно то, которое указано в Программе КПСС: «Правосудие в СССР осуществляется в полном соответствии с законом. Оно строится на подлинно демократических основах. . . при строжайшем соблюдении судом, органами следствия и дознания законности, всех процессуальных норм. Демократические основы правосудия будут развиваться и совершенствоваться»²².

«XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стеногр. отчет, т. III. Госполитиздат, 1962, стр. 307.

²¹ «Заседание Верховного Совета СССР четвертого созыва. Шестая сессия». Стеногр. отчет. Изд. Верховного Совета СССР, 1957, стр. 511—512.

Основные принципы советского уголовного процесса

§ 1. Понятие основных принципов советского уголовного процесса

Основными принципами советского уголовного процесса называются такие важнейшие и определяющие правовые положения, на которых построен советский уголовный процесс, которые характеризуют советский уголовный процесс как действенное средство активной борьбы с преступными посягательствами на Советское государство и советский правопорядок и которые выражают осуществление в советском уголовном процессе социалистического демократизма и социалистической законности.

Основные принципы советского уголовного процесса имеют определяющее значение для всей системы процессуальных форм и институтов и отражают наиболее существенные черты и свойства советского уголовного процесса как *социалистического* уголовного процесса.

Принципы советского уголовного процесса — это уголовно-процессуальные нормы общего и определяющего характера в отношении других уголовно-процессуальных норм; они получают конкретизацию и детализацию в более частных процессуальных нормах, относящихся к отдельным институтам уголовного процесса и к отдельным его стадиям.

Принципы советского уголовного процесса представляют собой выражение в области уголовно-процессуального права, в области осуществления социалистического правосудия по уголовным делам основных свойств и черт советского общественного и государственного строя, закономерностей развития советского государства и права.

В принципах советского уголовного процесса, в их системе и в содержании каждого принципа находят свое осуществление социалистический демократизм и социалистическая законность, являющиеся основой советского социалистического правосудия.!" В принципах советского уголовного процесса отражаются социалистическое правосознание советского народа, те правовые

идеи, взгляды, воззрения, убеждения, которые характеризуют отношение советских людей к деятельности советского суда, требования, предъявляемые ими к суду при осуществлении им социалистического правосудия по уголовным делам.

Принципы советского уголовного процесса — это *принципы советского социалистического правосудия*; не все принципы правосудия, а те из них, которые имеют непосредственно процессуальный характер, относятся к порядку производства по уголовным делам.

У Принципы правосудия делятся на судостроительные и процессуальные принципы. Эти принципы тесно взаимосвязаны, что ясно выражено в Программе КПСС, которая, говоря о подлинно демократических основах правосудия, называет принципы судостроительства — выборность и отчетность судей и народных заседателей, право их досрочного отзыва — и принципы процесса, судопроизводства — гласность рассмотрения судебных дел и участие в судах общественных обвинителей и защитников¹.

Разумеется, в Программе КПСС не дается исчерпывающего перечня принципов правосудия — как принципов судостроительства, так и принципов судопроизводства, а называются только некоторые — те, которые наиболее ярко характеризуют социалистическое правосудие, указывают его наиболее специфические, отличительные черты.

Связь принципов судостроительства и принципов уголовного процесса не исключает, а предполагает их различие. Принципы /процесса — это принципы *деятельности* суда, прокуратуры, органов следствия и дознания, они определяют характер и направление расследования и разбирательства уголовных дел. Принципы же судостроительства — это принципы организационные, они определяют *построение* судебной системы, взаимосвязь всех звеньев судебной системы. Иначе говоря, принципы судостроительства — принципы *организационные*, а принципы процесса — принципы *функциональные*. К этому вопросу мы еще вернемся, а сейчас перейдем к рассмотрению принципов уголовного процесса^{к*}

Принципы советского уголовного процесса называются *основными принципами* в том смысле, что они служат основой для всей системы советского уголовного процесса, характеризуют весь уголовный процесс в целом, определяют его формы и институты. Наименование этих принципов основными вместе с тем указывает на их отличие от тех процессуальных принципов, которые
-nIIIШ5У мёнеё-общёле_зтачёние и шйтяются^^
~стадий~15Метского~уголовн^ институтшу^

" Р^гд-принципов советского^у-головноТо^^
ституцию СССР, в детальной и развернутой форме они закреплены

¹ «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стеногр. отчет, т. III. Госполитиздат, 1962, стр. 307.

в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик.

Одни принципы уголовного процесса прямо записаны в уголовно-процессуальном законодательстве в виде отдельных формулировок, другие, не будучи текстуально обозначены процессуальными терминами, содержатся в соответствующих положениях закона, вытекают из его смысла.

Конституция СССР представляет собой юридическую базу для всей законодательной деятельности советского государства, следовательно, также и для уголовно-процессуального законодательства, для уголовно-процессуального кодекса: формулируя в ряде своих статей важнейшие положения, относящиеся к организации и деятельности советского суда (гл. IX), Конституция СССР тем самым устанавливает принципы советского судебного права, т. е. советского судостроительства, уголовного и гражданского процессов.

Все принципы советского уголовного процесса в своей совокупности образуют стройную систему, в которой каждый принцип неразрывно связан с остальными.

Принципами советского уголовного процесса являются: независимость судей и их подчинение только закону; установление объективной (материальной) истины; публичность процесса; гласность процесса; обеспечение обвиняемому права на защиту и презумпция невиновности; состязательность процесса; непосредственность процесса; устность процесса; национальный язык судопроизводства; участие общественности в процессе.

Рассмотрим каждый принцип в отдельности.

§ 2./Независимость судей / и их подчинение только закону

Согласно ст. 112 Конституции СССР судьи независимы и подчиняются только закону.

Ст. 9 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик выражает этот принцип таким образом: «При осуществлении правосудия судьи и народные заседатели независимы и подчиняются только закону».

Независимость судей состоит в их независимости при решении конкретных судебных дел от каких-либо посторонних влияний и воздействий, в их обязанности решать каждое рассматриваемое судебное дело в соответствии со своим убеждением, по своей совести, подчиняясь только закону и соблюдая его требования.

Независимость судей и подчинение их только закону — единый принцип, так как независимость судей обуславливается их подчинением только закону, а подчинение судей только закону в свою очередь возможно лишь при том условии, что судьи действительно независимы. Одинаково правильны будут такие ут-

верждения: «Судьи независимы и *потому* они подчиняются только закону» и «Судьи подчиняются только закону и *потому* они независимы».

Независимости судей нет и не может быть вне их подчинения закону: такая «независимость» означала бы несвязанность судей законом, произвол судей, их голое усмотрение, что решительно исключается самим существом советского правосудия.

Следовательно, оба положения, содержащиеся в ст. 112 Конституции СССР, — судьи независимы и подчиняются только закону — составляют единство, единый принцип.

Принцип независимости судей и их подчинения только закону представляет собой прямое и непосредственное выражение социалистической законности в осуществлении советского социалистического правосудия. Вся деятельность суда, прокуратуры и следственных органов основана на строжайшем и неуклонном исполнении и соблюдении советских законов, социалистическая законность есть важнейшее руководящее начало для органов советской юстиции.

В уголовном процессе этот принцип выражается в том, что строгое и неуклонное соблюдение и исполнение процессуальных норм и иных законов обязательно для всех участников процесса. Специфическим выражением в уголовном (как и в гражданском) процессе принципа социалистической законности является независимость судей и их подчинение только закону.

Принцип независимости судей и их подчинение только закону означает:

— при разбирательстве и разрешении судебных дел судьи руководствуются законом, следуют ему, применяют его точно и неуклонно;

— устанавливая фактические обстоятельства рассматриваемого дела, оценивая доказательства и разрешая вопрос о виновности или невиновности и степени ответственности привлеченных к ответственности лиц, судьи действуют по своему внутреннему убеждению, по своей совести;

— никто не может допускать вмешательства в разрешение судьями дела, никто не может понуждать судей к вынесению того или иного решения.

Разрешая уголовные дела (как и гражданские), судьи руководствуются законом, в котором выражена воля рабочего класса и всего трудового народа, политика Советской власти и Коммунистической партии. Малейшее отступление судей от закона, вольное с ним обращение, произвольное его истолкование есть нарушение судьями своей основной обязанности действовать по закону, на основании закона. Приговор, вынесенный с существенным нарушением закона, незаконен и подлежит отмене.

Разрешая уголовные дела, суд устанавливает, было ли совершено преступление, виновен ли привлеченный к уголовной от-

Есть человек в совершении этого преступления. Судьи признают привлеченного к уголовной ответственности человека виновным в совершении преступления тогда, когда, разобравшись в деле, проверив и оценив доказательства, они приходят к твердому убеждению в виновности этого лица. Судьи не могут считать установленным тот или иной факт, если они не убеждены в его истинности, не могут вынести приговор вопреки своему убеждению.

Согласно статье 17 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик судьи «оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием»². Никто не может указывать суду, как он должен оценивать то или иное доказательство, какому свидетелю он должен поверить и какому не должен поверить и т. д. Эти вопросы судьи решают по своему убеждению, по своей совести. Конечно, участники процесса — прокурор, защитник, подсудимый — стараются убедить судей в правильности своих утверждений о виновности или невинности подсудимого, о достоверности или недостоверности того или иного доказательства и т. д. Но их соображения не имеют для судей обязательного значения, судьи принимают только то решение, в правильности которого они убеждены.

Разрешение судьями уголовного дела по их внутреннему убеждению относится не только к оценке доказательств, но и к применению закона и определению меры наказания: все эти вопросы судьи решают так, как требует закон, как говорит им их совесть, НИКТО не может обязать судью вынести именно такой-то приговор, применить такое-то наказание.

Решая дело, судьи ограждены от всякого постороннего вмешательства, от воздействия на них.

Никто не может принудить судью вынести то или иное решение по вопросу о виновности обвиняемого и степени его ответственности. Вынесение судьями приговора, в правильности которого судьи не убеждены, под чьим-либо давлением, есть тяжкое нарушение судьями своего государственного долга, грубейшее нарушение законности.

Принцип независимости судей и их подчинения только закону всегда был свойственен советскому социалистическому правосудию, хотя в законе он получил выражение впервые в Консти-

² Ст. 17 Основ уголовного судопроизводства говорит об оценке доказательств не только судом, но и прокурором, следователем и лицом, производящим дознание. Однако оценка доказательств судом имеет ту особенность, то существенное значение, что только суд может признать человека виновным в совершении преступления и подвергнуть его уголовному наказанию (ст. 7 Основ уголовного судопроизводства). Никакому другому органу государства это право не принадлежит.

туции 1936 года (ст. 112). Но задолго до этого выдающийся деятель советской юстиции Н. В. Крыленко писал о независимости советских судей, противопоставляя наше понимание этого положения тому, которое дается в буржуазном уголовном процессе: «Мы не хотим, чтобы нас поняли, будто мы проповедуем независимость судей в прежней форме, мы проповедуем их полную зависимость от государственной политики, как ее носителей, но мы хотим одновременно поставить их в такое положение, чтобы, проводя эту политику, а не какую-нибудь иную, они могли быть спокойны, что им *будет дано ее проводить в пределах закона и вне зависимости от внесудебных факторов*»³.

Не допускается какое бы то ни было вмешательство в деятельность суда при разрешении им дел со стороны каких-либо государственных органов, общественных организаций, должностных лиц. Никто не может указывать судьям, как они должны решить дело, что признать доказанным, а что отвергнуть, какой приговор вынести, кого осудить, а кого оправдать, какое наказание назначить и т. п. Все эти вопросы судьи решают совершенно свободно, основываясь на законе, исходя из фактов, следуя своему убеждению, своей совести⁴.

Принцип независимости судей и их подчинение только закону находит свое выражение и в том, что даже вышестоящий суд, до Верховного Суда СССР включительно, отменяя приговор суда в порядке кассации или надзора и направляя дело на новое рассмотрение другого состава суда первой инстанции, не вправе указывать последнему, какой приговор он должен вынести, каким доказательствам поверить, каким не поверить, какие факты признать установленными, какие неустановленными.

В ст. 51 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик указывается, что суд, рассматривающий дело в кассационном порядке или в порядке судебного надзора, «не вправе предрешать вопросы о доказанности или недоказан-

³ Н. В. Крыленко. Судостроительство РСФСР. Лекции по теории и истории судостроительства. М., 1923, стр. 44.

⁴ Недопустимость постороннего вмешательства в производство по уголовным делам относится и к деятельности органов предварительного следствия и прокуратуры, поскольку органы прокуратуры выполняют свои функции независимо от каких бы то ни было местных органов (ст. 6 Положения о прокурорском надзоре СССР), а следователь самостоятельно принимает решение о направлении следствия и о производстве следственных действий и несет полную ответственность за их законное и своевременное проведение (ст. 30 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик). В этом отношении прокурор и следователь обладают определенной независимостью, которая, однако, не может отождествляться с независимостью судей, так как прокурор подчинен вышестоящему прокурору, следователь ведет следствие под надзором и руководством прокурора, ряд решений следователя требует санкции прокурора (избрание в виде меры пресечения заключения под стражу и некоторые другие).

йости обвинений, о достоверности или недостоверности того или иного доказательства и о преимуществах одних доказательств перед другими, о применении судом первой инстанции того или иного уголовного закона и о мере наказания».

Это значит, что судьи, повторно решающие дело по отмене первого приговора, так же независимы при решении дела и так же решают дело по своему убеждению, подчиняясь только закону, как и те судьи, которые рассматривают дело в первый раз.

Поэтому, если вышестоящий суд отменил приговор ввиду его незаконности и необоснованности, он не может указывать суду, который повторно будет разбирать дело, какой приговор должен быть вынесен. Если вышестоящий суд отменил оправдательный приговор — это не значит, что при повторном рассмотрении дела обязательно должен быть вынесен обвинительный приговор. Если вышестоящий суд отменил приговор ввиду чрезмерной мягкости наказания — это не значит, что при повторном рассмотрении дела обязательно должно быть назначено более тяжелое наказание. В обоих этих случаях (равно как и во всех иных случаях отмены приговора с обращением дела к вторичному рассмотрению, которое всегда может происходить лишь в ином составе судей) судьи, вторично рассматривающие дело, обязаны обсудить указанные вышестоящим судом вопросы и произвести указанные им процессуальные действия. Но в своих выводах, в решении вопросов о виновности, применении уголовного закона и назначении наказания они свободны, подчиняются только закону, руководствуются своей совестью, своим убеждением и никак не связаны решением вышестоящего суда.

В случаях нарушения этого важного положения, являющегося одним из выражений независимости судей и их подчинения только закону, соответствующее решение суда подлежит отмене.

Так, по делу Дьякова, оправданного народным судом по обвинению его по ст. 108 и ч. 1 УК РСФСР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, отменяя приговор народного суда, определение коллегии и постановление Президиума областного суда, указала в своем определении, что нападающим на потерпевшего был Дьяков, и тем самым предредила вывод суда при новом разбирательстве дела о доказанности виновности подсудимого. Президиум Верховного суда РСФСР Постановлением от 22 февраля 1966 г. исключил это указание из определения коллегии Верховного суда РСФСР⁵.

Важной процессуальной гарантией свободы судей от всякого вмешательства является тайна совещания судей при постановлении приговора. Ст. 302 УПК РСФСР гласит: «Приговор постановляется судом в совещательной комнате. Во время совещания судей в совещательной комнате могут находиться лишь

⁵ «Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1966, № 8, стр. 12, 13.

судьи, входящие в состав суда по данному делу. Присутствие иных лиц не допускается.

С наступлением ночного времени суд вправе прервать совещание для отдыха. Судьи не могут разглашать суждения, имевшие место во время совещания».

Тайна совещания судей — это одна из процессуальных гарантий независимости судей. Для того чтобы обеспечить действительную независимость судей, нужна система гарантий общественно-политического и организационно-правового характера.

Коммунистическая партия Советского Союза с первых же лет организации и деятельности советского суда твердо проводит линию на обеспечение независимости судей. ЦК КПСС неоднократно давал указания, запрещающие вмешательство партийных организаций в разрешение судами конкретных дел. На это указывал и лично В. И. Ленин⁶.

Важная гарантия независимости судей — судоустройственный принцип выборности судей и их подотчетность избирателям. Выборность судей придает им, избранникам народа, такой авторитет и ставит их в такое положение, которое ограждает судей от внесудебного вмешательства в их деятельность, а в случае, когда попытки такого вмешательства возникают, дает судьям все возможности противостоять таким попыткам, утвердить свою независимость. Гарантиями независимости судей служат также установленный законом особый порядок досрочного отзыва судей и народных заседателей, привлечения судей и народных заседателей к уголовной ответственности, а также особый порядок дисциплинарной ответственности судей (ст. 35, 36 и 37 Основ законодательства о судоустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик)⁷.

§ 3. Установление объективной (материальной) истины

Из сущности и задач советского социалистического правосудия вытекает требование, чтобы по каждому расследуемому и разрешаемому судом уголовному делу была установлена истина, т. е. чтобы осужден и наказан был действительный преступник, а невиновный человек был освобожден от обвинения, реабилитирован. Только тот судебный приговор, в основе которого лежит

⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 243, 563, 564. О независимости судей и их подчинении только закону см.: «Правовые гарантии законности в СССР». Изд-во АН СССР, 1962, стр. 172—174; «Демократические основы советского социалистического правосудия». Изд-во «Наука», 1965, стр. 26—37.

⁷ О мерах, направленных к обеспечению независимости судей, см. Р. Д. Рахунов. О юридических гарантиях независимости судей в советском уголовном процессе. («Советское государство и право», 1968, № 4).

истина, является законным и обоснованным приговором, актом социалистического правосудия.

Истина, устанавливаемая в уголовном процессе по расследуемому и разрешаемому судом делу, есть объективная истина, называемая *материальной истиной*.

Материальная истина в уголовном процессе — это полное и точное соответствие объективной действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах расследуемого и разрешаемого судом дела, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц.

Принцип материальной истины заключается в требовании, чтобы устанавливаемые следствием и судом по делу факты соответствовали действительности, чтобы выводы следствия и суда о виновности привлеченных к уголовной ответственности лиц были истинными. В силу принципа материальной истины следствие и суд должны установить обстоятельства дела в соответствии с действительностью, привлечено и осуждено должно быть лишь то лицо, которое действительно совершило преступление, и именно за то преступление, которое им было совершено.

Основные факты и обстоятельства, которые должны установить следствие и суд для правильного разрешения дела, — это событие преступления, совершение его определенным лицом (обвиняемым) и вина последнего. Событие преступления, составляющее предмет исследования по уголовному делу, всегда — прошлое событие по отношению к деятельности следствия и суда: следователь приступает к расследованию дела, а суд — к его разбирательству *после того*, как преступление было совершено, и в их задачу входит установить, какое именно преступление было совершено, при каких обстоятельствах, кем оно было совершено, по каким мотивам, к каким последствиям привело совершенное преступление, какие обстоятельства способствовали его совершению и т. д. Все эти факты относятся к прошлому, непосредственно воспринять совершенное преступление следователь и суд не могут. Если бы следователь или судья в том или ином случае и был очевидцем преступления, сам наблюдая его совершение, он не мог бы производить расследование данного дела или участвовать в его разбирательстве, а сам допрашивался бы в качестве свидетеля.

Таким образом, следователь и судьи не могут сами воспринимать, наблюдать исследуемое ими событие преступления и устанавливают все факты обстоятельства преступления посредством определенных источников сведений об его фактах — свидетельских показаний, письменных документов и т. д., которые являются доказательствами этих фактов. *Все факты, все обстоятельства дела должны быть доказаны, установлены при помощи доказательств.*

Обвинение может считаться доказанным лишь тогда, когда оно полностью вытекает из обстоятельств дела и ими подтвер-

ждается, когда виновность обвиняемого несомненна. Смысл этого положения заключается в том, что обвинительный приговор может быть вынесен только в отношении действительно совершившего преступление лица, и уголовному наказанию может быть подвергнут лишь тот, виновность которого установлена с полной достоверностью.

Истина, устанавливаемая по уголовному делу, есть *объективная истина*, в том значении этого понятия, которое придается ему марксистско-ленинской теорией познания: соответствие мысли о предмете реальной действительности самому этому предмету в том виде, как он существует независимо от познающей его мысли.

Объективная истина противопоставляется субъективному мнению, представлению, которое истинно только тогда, когда оно правильно отражает объективную действительность, соответствует ей, иначе оно является не истиной, а заблуждением, ложью.

Поэтому выводы следствия и суда об обстоятельствах данного уголовного дела выражают объективную истину только тогда, когда они соответствуют действительно происшедшим событиям, фактам, обстоятельствам.

Принцип объективной, материальной истины проходит красной нитью через весь советский уголовный процесс. Все институты и формы советского уголовного процесса приспособлены к тому, чтобы обеспечить правильное, соответствующее действительности установление фактов и обстоятельств уголовного дела, избличение и наказание только тех, кто действительно совершил преступление.

Прежде всего принцип материальной истины находит выражение в ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, устанавливающей: «Задачами советского уголовного судопроизводства являются быстрое и полное раскрытие преступлений, избличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден».

Сама мысль, идея объективной, материальной истины здесь выражена очень ясно, хотя слово «истина» не употреблено: привлечен и осужден должен быть каждый, совершивший преступление, а невиновный должен быть огражден от неосновательного обвинения; это значит, что во всех случаях факты должны быть установлены в соответствии с действительностью, т. е. должна быть установлена подлинная, объективная, материальная истина.

Далее, ст. 14 Основ уголовного судопроизводства возлагает на суд, прокурора, следователя и лицо, производящее дознание, обязанность «принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняе-

мого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства». Это — требование обеспечить обнаружение истины.

Ст. 17 Основ уголовного судопроизводства определяет принципы оценки доказательств таким образом: «Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием».

Никакие доказательства для суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, не имеют заранее установленной силы».

Это значит, что оценка собранных по делу доказательств, на основе которых решается дело, должна быть такова, чтобы решение о виновности привлеченного к уголовной ответственности лица в полной мере соответствовало объективной действительности.

Ст. 33 Основ уголовного судопроизводства в качестве одного из оснований для применения меры пресечения указывает возможность того, что обвиняемый, находясь на свободе, «воспрепятствует установлению истины по уголовному делу».

Ст. 43 Основ уголовного судопроизводства требует обоснованности судебного приговора и особо указывает: «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана».

Все приведенные выше положения Основ уголовного судопроизводства представляют собой различные выражения, различные аспекты одного и того же основного принципа советского уголовного процесса — *принципа объективной, материальной истины*.

Уголовно-процессуальные кодексы союзных республик воспроизводят и развивают эти положения общесоюзного законодательства об уголовном судопроизводстве.

Так, в статье 243 УПК РСФСР, определяющей положение и функции председательствующего в судебном заседании, указывается, что «председательствующий руководит судебным заседанием, принимая все предусмотренные настоящим кодексом меры к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела и установлению истины. . .»

Аналогичные положения содержатся в уголовно-процессуальных кодексах других союзных республик⁸.

Не имеет решительно никаких оснований утверждение М. А. Чельцова, высказанное им непосредственно вслед за принятием Основ уголовного судопроизводства 1958 г., что проблема истины в советском уголовном процессе в настоящее время вообще не существует и что «сейчас законо-

Как видно из приведенных выше положений уголовно-процессуального законодательства, сама материальная, объективная истина является *целью* уголовного процесса: расследование и судебное разбирательство уголовного дела преследуют цель обнаружения истины, на достижение этой цели направлены усилия следствия и суда, без достижения этой цели дело не может быть правильно разрешено⁹. Само же содержащееся в законе положение, что по каждому уголовному делу должна быть достигнута истина, — есть *основной принцип* советского уголовного процесса¹⁰.

К проблеме истины в уголовном процессе нам придется вернуться при рассмотрении теории доказательств.

датель не случайно исключил из текста соответствующих статей Основ слово «истина» (М. А. Ч е л ь ц о в. Задачи советской науки уголовно-процессуального права в период развернутого строительства коммунизма. «Вопросы судопроизводства и судостроительства в новом законодательстве Союза ССР». Госюриздат, 1959, стр. 79).

При принятии Основ уголовного судопроизводства законодатель изложил относящиеся к установлению истины по уголовным делам положения в значительно более разработанном, развернутом виде, чем это было в прежнем законодательстве. Утверждать же, что законодатель исключил из закона само слово «истина», да к тому же сделал это «не случайно», т. е. намеренно, умышленно, — значит вступать в явное противоречие с истиной в науке уголовного процесса, где она необходима и важна не менее, чем в практической деятельности органов следствия и суда.

В более поздней своей работе «Советский уголовный процесс» (Госюриздат, 1962), М. А. Чельцов этого своего утверждения не повторяет, об объективной истине в уголовном процессе говорит, но в качестве самостоятельного принципа процесса принцип объективной истины не устанавливает, поглощая его принципом всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (стр. 61, 62). Но требование всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела вовсе не равнозначно принципу объективной истины, а представляет собой лишь одно из условий, необходимых для достижения истины.

Не оказалось места для принципа объективной истины и в учебнике советского уголовного процесса под редакцией Д. С. Карева («Советский уголовный процесс». Изд-во «Высшая школа», 1968). Об истине здесь говорится очень бегло, как о «задаче доказывания» (стр. 96—98), но не как о принципе процесса.

⁹ Не может быть принято утверждение С. А. Голунского: «Установление истины не является целью уголовного процесса. Процесс — не научно-исследовательская деятельность. Цели процесса перечислены в ст. 2 Основ уголовного судопроизводства и не случайно установление истины среди них не названо» (С. А. Г о л у н с к и й. Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Сб. «Вопросы судопроизводства и судостроительства в новом законодательстве Союза ССР», стр. 122). Как явствует из самого содержания ст. 2 Основ, цель обнаружения истины в ней указана, не употреблено лишь само слово «истина». Сделанная С. А. Голунским оговорка: «Но установление истины есть важнейшее средство для достижения этих целей» (там же) но устраняет ошибочности самой трактовки вопроса.
¹⁰ Этим решается иногда возникающий вопрос: является ли истина целью или принципом уголовного процесса? Решение очень простое: не «или», а «и». Истина — и цель и принцип уголовного процесса, Это цель, когда речь идет об установлении фактов в соответствии с действительностью,

§ 4. Публичность процесса

Принцип публичности уголовного процесса заключается в том, что органы следствия и дознания, прокуратура и суд при возбуждении, расследовании и разрешении отнесенных к их компетенции уголовных дел, действуя в интересах Советского государства и социалистического общества, обязаны принимать все законные меры и совершать все законные действия для раскрытия преступлений, изобличения и наказания преступников, для выяснения всех существенных обстоятельств дела, для охраны прав и законных интересов участвующих в производстве по делу лиц, не ставя совершение этих действий в зависимость от усмотрения заинтересованных лиц и организаций.

Публичность, публичное начало свойственно не только уголовному процессу, им проникнута деятельность всех органов Советского государства. 22 февраля 1922 г., т. е. в начале нэпа, когда в Советском государстве допускались в известных пределах частнокапиталистические отношения, В. И. Ленин писал народному комиссару юстиции РСФСР Д. И. Курскому: «Мы ничего «частного» не признаём, для нас *в с е* в области хозяйства есть *публично-правовое*, а не частное»¹.

В дальнейшем с развитием социалистических общественных отношений принцип публичности неуклонно укреплялся и расширялся во всех сферах государственной деятельности. Несомненно и велика его роль в области уголовного процесса, где деятельность следственных органов, прокуратуры и суда направлена на охрану Советского государства и советского правопорядка от преступных посягательств, на обнаружение, изобличение и наказание совершивших преступление лиц.

Процессуальное выражение принципа публичности заключается в том, что органы следствия, прокуратура и суд сами в силу своего государственного, служебного долга обязаны делать все, что необходимо для того, чтобы правильно расследовать и разрешить уголовное дело. Если в этих целях необходимо совершение определенных действий (например, допросить тех или иных свидетелей, выяснить те или иные обстоятельства и т. п.), следователь, прокурор или суд должны эти действия произвести и не могут отказаться от их совершения по тем мотивам, что заинтересованное лицо (потерпевший, обвиняемый) их об этом не просило.

Термин публичность в уголовном процессе иногда применяется и в смысле гласности процесса, — рассмотрения дела публично,

к чему стремятся следствие и суд по каждому делу, и это принцип в том смысле, что это есть выраженное в законе руководящее положение, направляющее и определяющее деятельность следствия и суда.
В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 398.

при публике. О гласности дальше будет сказано особо, здесь же мы говорим о принципе публичности в смысле публичного, должностного характера действий следственных, прокурорских и судебных органов.

Из принципа публичности для органов следствия и дознания, прокуратуры и суда вытекают следующие обязанности:

— прокурор, следователь и орган дознания, будучи осведомлены о совершении преступления, обязаны возбудить уголовное дело, расследовать его и передать на разрешение суда, если собранными по делу доказательствами подтверждается виновность привлеченного к уголовной ответственности лица, независимо от того, просит ли об этом потерпевшее от преступления лицо (гражданин или организация);

— прокурор и следователь (а по делам их ведения органы дознания) при расследовании дела обязаны выяснить и установить все существенные для дела обстоятельства, собрать и проверить все необходимые доказательства, не ставя выяснение того или иного обстоятельства, получение и проверку того или иного доказательства в зависимость от просьбы о том заинтересованного лица и не оставляя тот или иной факт невыясненным по тем лишь мотивам, что обвиняемый и потерпевший об этом не заявляли ходатайства;

— прокурор, передав законченное расследованием дело в суд, в судебном заседании поддерживает государственное обвинение в отношении подсудимого, если выясненными на судебном следствии обстоятельствами устанавливается виновность подсудимого в совершении преступления;

— суд при разбирательстве дела в судебном заседании обязан обеспечить всестороннее и исчерпывающее выяснение всех обстоятельств дела; суд не ограничен доказательствами, представляемыми обвинителем, защитником, подсудимым, а самостоятельно истребует и проверяет необходимые доказательства и выясняет важные для дела обстоятельства, если стороны это упустили;

— при вынесении приговора суд обязан разрешить рассматриваемое дело на основании закона, в соответствии с установленными по делу фактами, по своему убеждению, не будучи связан теми выводами, которые прокурор, защитник и подсудимый делают из обстоятельств рассматриваемого дела.

Принцип публичности пронизывает весь уголовный процесс, все его стадии и институты.

Непосредственно выражен этот принцип в следующих нормах действующего права.

П. 1 ст. 17 Положения о прокурорском надзоре в СССР от 24 мая 1955 г. возлагает на Генерального прокурора СССР

и подчиненных ему прокуроров обязанность «привлекать к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, принимать меры к тому, чтобы ни одно преступление не осталось нераскрытым и ни один преступник не уклонился от ответственности».

Ст. 3 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. устанавливает: «Суд, прокурор, следователь и орган дознания обязаны в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления, принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию».

В этих положениях (воспроизведенных в ст. 3 УПК РСФСР и в соответствующих статьях УПК других союзных республик) воплощена сама сущность принципа публичности в уголовном процессе. Этот принцип выражен также в ст. 14 Основ уголовного судопроизводства (ст. 20 УПК РСФСР), устанавливающей обязанность суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства. Положения ст. 14 Основ непосредственно устанавливают принцип материальной, объективной истины, но вместе с тем в этих положениях выражен и принцип публичности, поскольку все обстоятельства как в пользу обвинения, так и в пользу обвиняемого государственные органы, ведущие производство по уголовному делу, обязаны выяснить в силу своего служебного долга, не ставя выяснение этих обстоятельств в зависимость от наличия просьбы заинтересованных лиц (потерпевшего, обвиняемого).

Принцип публичности (как и принцип материальной истины) находит выражение также в ст. 243 УПК РСФСР (и в соответствующих статьях УПК других союзных республик), согласно которой в судебном разбирательстве председательствующий руководит судебным заседанием, принимая все предусмотренные уголовно-процессуальным кодексом меры к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела и установлению истины, устраняя из судебного разбирательства все, не имеющее отношение к делу, и обеспечивая воспитательное воздействие судебного процесса.

В деятельности вышестоящего суда, рассматривающего в кассационном порядке дело, решенное судом первой инстанции, принцип публичности выражается в так называемом ревизионном рассмотрении дела: «Суд не связан доводами кассационной жалобы или протеста и проверяет дело в полном объеме в отношении всех осужденных, в том числе и тех, которые жалоб не пода-

ли и в отношении которых не принесен кассационный протест» (ст. 45 Основ уголовного судопроизводства, ст. 332 УПК РСФСР).

Принцип публичности уголовного процесса — одна из форм осуществления и укрепления социалистической законности в советском уголовном процессе, и именно в этом состоит его значение, так как законность не могла бы быть обеспечена в уголовном процессе, если бы суд, прокуратура, органы следствия и дознание не несли обязанность выяснить все, что имеет значение для дела, и освобождались от обязанности выяснять те или иные факты, производить те или иные процессуальные действия, необходимые для правильного расследования и разрешения уголовного дела, на том лишь основании, что заинтересованные лица об этом их не просили¹².

Ни в коем случае нельзя толковать принцип публичности таким образом, что {ведение процесса судом, прокурором и следователем не зависит от воли и от желания участвующих лиц. Просьбы, заявления, требования участников процесса, если они основаны на законе, имеют значение для правильного разрешения дела и должны быть удовлетворены судом, прокурором, следователем. Поэтому принцип публичности выражается не в том, что процесс ведется независимо от воли и желания граждан, участвующих в процессе, — от их воли и желания зависят многие действия суда, прокурора и следователя, — а в том, что эти органы не могут отказываться от производства действий, нужных для правильного разрешения дела, лишь на том основании, что заинтересованное лицо не просит об этом.

Тем более неправильно истолкование принципа публичности как совершение судом и органами следствия судебных и следственных действий по делу только в государственных интересах, а не в интересах отдельных граждан. Многие судебные и следственные действия в силу закона производятся именно в интересах отдельных граждан — обвиняемого и потерпевшего, — и это

¹² Неверна точка зрения некоторых авторов, считающих, что отдельного принципа публичности в советском уголовном процессе не существует, а то, что известно под этим наименованием, входит в содержание принципа социалистической законности, охватывается им (см., например: М. А. Ч е л ъ ц о в. Задачи советской науки уголовно-процессуального права в период развернутого строительства коммунизма. «Вопросы судопроизводства и судостроительства в новом законодательстве Союза ССР», стр. 72, 73; М. Л. Я к у б. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. Изд-во МГУ, 1960, стр. 43 и сл.; «Советский уголовный процесс». Учебник под ред. Д. С. Карева, 1968, стр. 50). Это мнение неправильно по той причине, что все принципы уголовного процесса — и независимость судей, и их подчинение только закону, и принцип материальной истины, и гласность процесса, и обеспечение обвиняемому права на защиту и т. д. объединяются принципом социалистической законности, выражают требования социалистической законности.

йе только не противоречит государственному интересу, а полностью ему соответствует.

Совершенно ясна тесная и неразрывная связь принципа публичности с принципом материальной истины: именно последовательное проведение публичности процесса — необходимое условие и средство обнаружения по делу материальной истины; последняя не могла бы быть достигнута, если бы суд, прокуратура и органы следствия при ведении процесса по уголовному делу были принуждены действовать в рамках просьб и требований заинтересованных лиц и ставили производство или непроизводство того или другого процессуального действия в зависимость от наличия или отсутствия просьбы обвиняемого или потерпевшего.

Принцип публичности твердо проводится в судебной практике. Так, этот принцип получил отчетливое выражение в сохранившем до сих пор свое значение определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 3 июля 1946 г. по делу Самойлова. По этому делу суд не согласился с предложением прокурора о предании обвиняемого суду и возвратил дело для дополнительного расследования и производства очных ставок обвиняемого со свидетелями. Прокурор опротестовал определение суда о возвращении дела к доследованию по тем мотивам, что обвиняемый при расследовании дела не заявлял ходатайств о дополнении расследования и о производстве очных ставок со свидетелями. В определении Судебной коллегии по уголовным делам по этому делу сказано:

«По мысли прокурора, органы следствия и суд не обязаны выяснять обстоятельства, оправдывающие обвиняемого, если последний сам не возбуждает об этом вопроса и не представляет для этого соответствующих доказательств. Такое утверждение находится в грубом противоречии с основными принципами советского не только уголовного, но и гражданского процесса, как процесса активного, возлагающего на органы следствия и суд (по уголовным делам) и на суд (по гражданским делам) обязанность выяснить все обстоятельства дела независимо от объяснений и доказательств, представленных сторонами. Ст. 5 ГПК РСФСР¹³ обязывает суд «всемерно стремиться к уяснению действительных прав и взаимоотношений трудящихся, почему, не ограничиваясь представленными объяснениями и материалами, он должен посредством предложенных сторонам вопросов способствовать выяснению существенных для разрешения дела обстоятельств и подтверждению их доказательств, оказывая обращающимся к суду трудящимся активное содействие к ограждению их прав и законных интересов, дабы юридическая неосведомленность,

Сейчас ст. 16 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, ст. 14 ГПК РСФСР, 1964 г.

малограмотность и подобные тому обстоятельства не могли быть использованы во вред». Этот принцип активности в советском процессе, наиболее ярко выраженный в ст. 5 ГПК, в еще большей степени должен быть соблюден в процессе по уголовным делам, где закон возлагает на обвинителя обязанность доказать виновность обвиняемого, а не на обвиняемого — доказать свою невиновность. В связи с этим ст. 111 УПК РСФСР обязывает следователя выяснить и исследовать обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а равно все обстоятельства как усиливающие, так и смягчающие степень и характер его ответственности.

Равным образом ст. 112 УПК¹⁴ обязывает следователя направлять предварительное следствие, руководствуясь обстоятельствами дела, в сторону наиболее полного и всестороннего рассмотрения дела. При этих условиях ссылка прокурора на отсутствие ходатайства обвиняемого как на обстоятельство, исключающее необходимость в устройстве очных ставок для выяснения существенных обстоятельств по делу, звучит как грубое нарушение основных принципов советского уголовного процесса¹⁵.

Это решение Верховного Суда СССР, вынесенное по конкретному судебному делу свыше 20 лет тому назад, выразило самую суть публичности в советском уголовном процессе. В последующие годы Верховный Суд СССР многократно подчеркивал значение этого процессуального принципа¹⁶.

§ 5. Гласность процесса

Принцип гласности состоит в том, что суд разбирает уголовные и гражданские дела в открытых заседаниях, в присутствии посторонних лиц, граждан, публики, для которых свободен доступ в зал судебного заседания.

В качестве конституционного принципа гласность судебного разбирательства установлена ст. 111 Конституции СССР: «Разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения».

Ст. 12 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик следующим образом формулирует принцип гласности в уголовном процессе: «Разбирательство дел во всех судах

¹⁴ Содержание ст. 111 и 112 УПК РСФСР 1923 г. вошло в ст. 14 Основ уголовного судопроизводства 1958 г. и в ст. 20 УПК РСФСР 1960 г.

¹⁵ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1946, вып. VIII (XXXII). Юриздат, 1947, стр. 29.

¹⁶ См.: «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса, 1946—1962 гг.». Изд-во «Юридическая литература», 1964, стр. 30—45.

открытое, за исключением случаев, когда это противоречит интересам охраны государственной тайны.

Закрытое судебное разбирательство, кроме того, допускается по мотивированному определению суда по делам о преступлениях лиц, не достигших 16-летнего возраста, по делам о половых преступлениях, а также по другим делам, в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц.

Приговоры судов во всех случаях провозглашаются публично».

Это положение вошло во все уголовно-процессуальные кодексы союзных республик (ст. 18 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

Программа КПСС указывает на гласность судебных процессов как на одну из демократических основ социалистического правосудия¹⁷.

Значение принципа гласности в уголовном процессе двоякое: им обеспечивается общественное значение судебного разбирательства, оказание воспитательного воздействия на граждан; гласность судебного разбирательства ставит деятельность суда под общественный контроль, укрепляя связь суда с широкими кругами трудящихся.

Именно широкая гласность судебных процессов — необходимое условие выполнения судом его воспитательных задач. Способом реализации принципа гласности является широко практикуемое рассмотрение уголовных дел с выездом суда на предприятия, в колхозы и т. п., чтобы в той местности, где граждане наиболее интересуются данным делом и где оно имеет наибольшее общественное значение, обеспечить их присутствие на суде.

В ст. 20 УПК УССР содержится такое правило: «В целях повышения воспитательной роли судебных процессов и предупреждения преступлений суды в необходимых случаях уведомляют трудящихся по месту работы или проживания подсудимых о предстоящих судебных процессах, а также после вступления приговора в законную силу сообщают о результатах рассмотрения уголовного дела. Суды обязаны широко практиковать проведение судебных процессов непосредственно на предприятиях, стройках, в совхозах, колхозах с участием в необходимых случаях общественных обвинителей и общественных защитников»¹⁸.

Гласность судебных процессов как средство, условие воспитательного воздействия судебного разбирательства имеет значение не только по делам о преступлениях, привлечших внимание общественности, но и по всем делам, по любому рассматривае-

мому судом уголовному делу, так как любой судебный процесс, если он правильно проведен, показывает определенное воспитательное влияние на граждан, на публику, присутствующую на суде, на самого подсудимого.

Гласности процесса придавал большое значение В. И. Ленин. В одном случае, когда стал вопрос о привлечении к судебной ответственности виновных в волоките с изготовлением сельскохозяйственных орудий и некоторые руководящие работники противились этому, В. И. Ленин указывал: «Надо не бояться суда (суд у нас пролетарский) и гласности, а тащить волокиту на суд гласности: только так мы эту болезнь всерьез вылечим»¹⁹.

Хорошо говорил об этом М. И. Калинин: «Суд оказывает огромное влияние как на тех, которые привлекаются к ответственности, так и на присутствующих. Судья, который хорошо, умело, по-партийному ведет дело, всегда сумеет обеспечить и хорошую аудиторию. Люди придут его слушать, учиться у него»²⁰.

Не меньшее значение имеет гласность судебных процессов как средство контроля общественности над деятельностью суда.

Выборность судей, их подотчетность избирателям и право избирателей отозвать судью в любой момент, если судья не оправдал оказанного ему избирателями доверия, — все это означает, что судья может выполнять свои судебные функции только при условии, что он пользуется доверием народа, имеет авторитет у граждан. А этот авторитет приобретает судья посредством такого качества его судебной работы, такой справедливостью и убедительностью выносимых с его участием приговоров, которые показывают гражданам, что судья достоин своего высокого звания, что он имеет юридическое и моральное право судить людей, решать их судьбу.

Это достигается гласностью судебных процессов, в которых граждане имеют возможность непосредственно видеть, слышать, наблюдать, как разбирают судьи дела, на основании чего они выносят свои приговоры. Это относится как к самим судьям (народным судьям, членам вышестоящих судов), так и к народным заседателям, являющимся полноправными судьями при разбирательстве дел и постановлении приговоров и иных решений.

Постоянный и требовательный контроль общественности над деятельностью судей при правильном взаимоотношении между судом и общественностью не только не противоречит независимости судей и их подчинению только закону, но, наоборот, служат верной и важной гарантией независимости судей и их подчинения только закону. Действительно, судьи (включая и народ-

¹⁷ «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стеногр. отчет, т. III, стр. 307.

¹⁸ Подробнее см.: Р. Д. Рахун о в. Выездная сессия суда. Изд-во «Юридическая литература», 1968.

В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 54, стр. 87.

Речь М. И. Калинина на торжественном заседании, посвященном 10-летию Верховного Суда СССР в 1934 г. («Советская прокуратура в важнейших документах». Гоеюриздат, 1956, стр. 393).

ных заседателей) лишь тогда имеют авторитет у общественности и пользуются у нее доверием, когда граждане имеют возможность убедиться, наблюдая деятельность судей, что судьи разрешают дела справедливо, нелицеприятно, непредвзято, что они добросовестно ищут истину, стоят на страже закона, судят по совести, не поддаются никаким побочным влияниям, не действуют по каким-либо не вытекающим из обстоятельств дела соображениям и побуждениям. А если тот или иной судья (или народный заседатель) поступает иначе, если он не является действительно независимым, если он решает дело не так, как ему велит закон и совесть, а так, как ему указывают те или иные должностные лица, как это, по мнению судьи, соответствовало бы намерениям той или иной организации — граждане отказывают судье в доверии. Выяснить же все это они могут прежде всего благодаря гласности судопроизводства, делающей разбирательство дел в судах открытым для всех.

Правда, бывают случаи, когда неправильно информированная об обстоятельствах дела общественность под влиянием заинтересованных в деле лиц оказывает на суд давление, побуждая его к тому или иному разрешению дела в противоречии с законом и истиной, а судьи, поддаваясь этому влиянию, выносят такой приговор, в правильности которого они сами не убеждены. Здесь, конечно, имеет место нарушение независимости судей и их подчинения только закону. Причина этому — неправильное мнение, сложившееся у граждан до рассмотрения дела в суде, так что как самый ход процесса, так и его результаты они могут воспринять предвзято. Именно гласность судебного разбирательства, проведенного четко, ясно, глубоко, — вернейшее средство рассеять неправильные представления о деле и привести граждан к правильным выводам.

Таким образом, гласность судебного разбирательства создает положение, при котором суд, находясь под контролем общественности и общественного мнения, сам выступает в то же время организатором общественного мнения, а вовсе не следует механически за ним.

А для этого необходима *широкая гласность* судебных процессов. Выше были приведены условия, позволяющие суду в отступление от принципа гласности процесса, рассматривать дело в закрытом судебном заседании (ст. 12 Основ уголовного судопроизводства). Толкование этих условий должно быть ограничительным и никак не расширительным.

Рассмотрение дела в закрытом заседании может допускаться только в случаях действительной к тому необходимости, на строгом основании закона и в соответствии с ним.

Очень важно указание закона (ч. 3 ст. 12 Основ уголовного судопроизводства), что во всех случаях рассмотрения дела судом в закрытом судебном заседании, вынесенный судом

приговор обязательно провозглашается публично. Решение о слушании дела в закрытом заседании принимается судьей или судом в стадии предания суду (ст. 228 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик). Но такое же решение (определение) может быть вынесено судом и в процессе судебного разбирательства, если основания к слушанию дела в закрытом заседании выявились после того, как суд начал слушание дела.

Если разглашением государственной тайны грозит не все судебное разбирательство дела, а какая-либо часть его, посвященная исследованию отдельных обстоятельств, в закрытом заседании будет проходить только эта часть судебного разбирательства. В остальном же судебное заседание будет открытым.

При слушании дел в закрытом заседании по другим основаниям, указанным в ст. 12 Основ уголовного судопроизводства (дела несовершеннолетних до 16 лет, дела о половых преступлениях и случаи, когда следует предотвратить разглашение сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц), закрытым может быть — в зависимости от обстоятельств дела — как все судебное заседание, так и часть его. Это допускается только при действительной необходимости и не иначе как по мотивированному определению суда.

§ 6. Обеспечение обвиняемому права на защиту и презумпция невиновности

Ст. 111 Конституции СССР в качестве важнейшего положения советского правосудия устанавливает обеспечение обвиняемому права на защиту.

Право обвиняемого на защиту — это совокупность всех процессуальных прав, которые закон предоставляет обвиняемому для защиты от предъявленного ему обвинения и которые обвиняемый использует для оспаривания обвинения, для представления доводов и доказательств в свое оправдание или для смягчения своей ответственности.

В ст. 13 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик это положение выражено следующим образом: «Обвиняемый имеет право на защиту».

Следовательно, прокурор и суд обязаны обеспечить обвиняемому возможность защищаться установленными законом средствами и способами от предъявленного ему обвинения и обеспечить охрану его личных и имущественных прав».

Право на защиту принадлежит обвиняемому как субъекту процесса. Этим правом обвиняемый пользуется в любой стадии процесса, где он участвует, — на предварительном следствии и дознании, в судебном разбирательстве, в кассационном произ-

водстве; во всех этих стадиях обвиняемый пользуется процессуальными правами, путем осуществления которых он защищается от предъявленного ему обвинения. Так, обвиняемый имеет право давать объяснения по предъявленному ему обвинению, представлять доказательства в свою защиту или просить суд и следователя о выяснении обстоятельств, свидетельствующих в пользу обвиняемого, обжаловать действия следователя и приговор суда и т. д. Все эти права в совокупности составляют право обвиняемого на защиту, и закон полно и всесторонне обеспечивает это право.

В числе прав обвиняемого важнейшее место занимает право иметь защитника.

Право обвиняемого иметь защитника — не только одно из процессуальных прав обвиняемого наряду с другими его правами, но это в то же время процессуальная гарантия всех прав обвиняемого. Хотя права обвиняемого гарантируются не только участием защитника, но и всей деятельностью следствия и суда, тем не менее участие защитника играет роль очень важной гарантии процессуальных прав обвиняемого, так как защитник помогает обвиняемому использовать все его процессуальные права.

Закон наделяет защитника рядом процессуальных прав, которые защитник использует для того, чтобы оспаривать обвинение или настаивать на внесении в него тех или иных изменений в пользу обвиняемого, представлять доказательства и доводы в оправдание обвиняемого или для смягчения его ответственности.

Таким образом, право обвиняемого на защиту включает: права обвиняемого в процессе, которые он может использовать лично; право обвиняемого иметь защитника в суде и права защитника, которыми последний располагает для защиты обвиняемого.

Всем этим правам обвиняемого (и защитника) соответствуют обязанности суда, прокурора и органов следствия совершать предусмотренные законом действия с тем, чтобы обеспечить обвиняемому реальную возможность осуществлять свои права.

О правах обвиняемого, о правах и деятельности защитника дальше будет сказано подробно, здесь же мы указываем лишь самый принцип. Право обвиняемого на защиту исходит из того положения, что обвиняемый есть лицо, которое *обвиняется* в совершении преступления, которое привлечено к уголовной ответственности *по обвинению* в совершении преступления. Следовательно, в процессе проведения по делу предварительного следствия и судебного разбирательства вопрос о *виновности* обвиняемого *разрешается, но еще не разрешен*. Это значит, что обвиняемый — это еще *не виновный*, обвиняемый и виновный — это различные, не совпадающие понятия, обвиняемый признается ви-

новным лишь тогда, когда в отношении его вынесен обвинительный приговор суда и этот приговор вступил в законную силу,

Это положение прямо выражено в законе: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда» (ст. 7 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик). Значит, пока суд не вынес приговор, которым признал обвиняемого (подсудимого) виновным в совершении преступления, вопрос о виновности обвиняемого еще не разрешен, обвиняемый еще не признан виновным. Признать обвиняемого виновным в совершении преступления может только суд своим приговором, но прежде чем признать человека преступником и поступить с ним как с преступником, этому человеку должны быть предоставлены все возможности защищаться от обвинения.

С правом обвиняемого на защиту неразрывно связано особое процессуально-правовое положение — презумпция невиновности. *Презумпция невиновности состоит в том, что обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в установленном законом порядке.*

Таким образом, лицо, обвиняемое в совершении преступления, не считается виновным до тех пор, пока суд не признал его виновным. Для того же, чтобы суд мог признать обвиняемого (подсудимого) виновным, его виновность должна быть доказана, подтверждена доказательствами с полной несомненностью и достоверностью. А пока виновность не доказана, обвиняемый в силу закона считается невиновным.

Разумеется, те органы и должностные лица, которые ведут в отношении обвиняемого уголовное преследование (следователь, * прокурор), которые привлекли его к уголовной ответственности! и избличают его в совершении преступления, считают обвиняемого виновным, так как иначе они не могли бы привлечь его к ответственности, обвинять его. По это — только вывод следователя, прокурора, это их мнение, дело же будет окончательно разрешать суд и только он может признать обвиняемого (подсудимого) виновным. Те, кто считает обвиняемого виновным, должны это доказать, а пока они не доказали, обвиняемый в силу закона считается невиновным. Это положение выражено в законе: «Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, не вправе перелгать обязанность доказывания на обвиняемого» (ст. 14 Основ уголовного судопроизводства). Это значит, что нельзя возлагать на обвиняемого обязанность доказать свою невиновность: те, кто *обвиняет* обвиняемого, *должны доказать его виновность*, сам же обвиняемый имеет *право* доказывать свою *невиновность*, но такая обязанность на нем не лежит. Следовательно, обвиняемый может быть признан виновным только тогда, когда будет доказана его виновность, доказана положительно, с полной несомненностью и достоверностью, а если виновность

обвиняемого не доказана — обвинение с него будет снято, уголовное преследование в отношении его будет прекращено, суд его оправдает.

Почему же обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность? Потому, что в силу закона он считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в установленном законом порядке; значит те, кто считает обвиняемого виновным, и должны доказать, что он действительно виновен. Именно презумпция невиновности не позволяет отождествлять обвиняемого с виновным, не допускает того, чтобы человек считался виновным в совершении преступления в силу одного того, что он привлечен к уголовной ответственности и ему предъявлено обвинение, до того, как вина его будет доказана и установлена приговором суда.

Презумпция невиновности, — это, во-первых, процессуальная основа права обвиняемого на защиту и всех составляющих это право процессуальных прав обвиняемого; во-вторых, она — обобщенное выражение всех процессуальных гарантий, которые закон устанавливает для охраны законных интересов обвиняемого; в-третьих, презумпция невиновности служит определяющим началом для пользования доказательствами в уголовном процессе, на основе которых решается вопрос о виновности или невиновности обвиняемого²¹.

Таким образом, значение презумпции невиновности в основном состоит в том, что ею обеспечиваются права привлеченного к уголовной ответственности лица и в то же время обеспечивается непредвзятое, объективное исследование обстоятельств дела. Нарушения же презумпции невиновности, отступления от нее неизбежно придают исследованию обстоятельств дела односторонне "обвинительный характер, что не содействует обнаружению истины по делу, а наоборот, уводит от нее.

Содержание презумпции невиновности постоянно осуществляется в судебной практике. Встречающиеся ее нарушения всегда означают нарушения законности, приводящие к вынесению неправильных, незаконных и необоснованных приговоров.

В этом отношении имеет большое принципиальное значение Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 27 декабря 1946 г. по делу Калинина. Этим постановлением отменено определение Судебной коллегии по уголовным делам, в котором сохранилось положение, что версия обвиняемого может иметь доказательственное значение только в том случае, если обвиняемый докажет основательность своей версии. В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР сказано: «Это положение

²¹ В учебнике «Советский уголовный процесс» под редакцией Д. С. Карева (1968 г.) презумпция невиновности трактуется только в последнем, третьем ее аспекте, «как начало, лежащее в основе доказывания» (стр. 122), и в принципы уголовного процесса не включается (см. главу третью), с чем нельзя согласиться.

не только не основано на законе, но находится в глубоком противоречии с основными принципами советского уголовного процесса, согласно которым всякий обвиняемый считается невиновным, пока его невиновность не будет доказана в установленном законом порядке. По содержанию и духу советского закона не обвиняемый обязан доказывать свою невиновность, а органы обвинения обязаны доказать правильность предъявленного обвинения»²². Вопрос о презумпции невиновности мы рассмотрим в дальнейшем более подробно, при изложении теории доказательств в уголовном процессе.

§ 7. Состязательность

Состязательность — это такое построение судебного разбирательства, в котором обвинение отделено от суда, решающего дело, и в котором обвинение и защита осуществляются сторонами, наделенными равными правами для отстаивания своих утверждений и оспаривания утверждений противной стороны, причем обвиняемый (подсудимый) является стороной, пользующейся правом на защиту; суду же принадлежит руководство процессом, активное исследование обстоятельств дела и решение самого дела.

Таким образом, состязательность уголовного процесса включает в себя следующие элементы.

Отделение обвинения от суда. Это значит, что прокурор, передавший дело в суд и поддерживающий обвинение в отношении обвиняемого (подсудимого), в судебном разбирательстве обвиняет подсудимого, изобличает его, доказывает его виновность, настаивает на применении к подсудимому наказания, но сам не решает дела. Решение же дела в целом, равно как и всех возникающих в процессе разбирательства вопросов, принадлежит только суду, который решает дело, но не обвиняет, не выполняет обвинительной функции, а действует как орган социалистического правосудия;

«Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса, 1946—1962 гг.», стр. 46, 47. Хотя данное Постановление Пленума относится к 1946 г., оно несомненно сохраняет свое принципиальное значение и сейчас. Это видно из того, что Постановление воспроизведено в сборнике, опубликованном в 1964 г., причем Постановлению предпослан заголовок «Каждое лицо считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в установленном законом порядке» (стр. 46). Таким образом, как в Постановлении Пленума 1946 г., так и при его публикации 1964 г. дана полная и точная формулировка презумпции невиновности. Чрезвычайно важно, что сделанный Пленумом вывод, с необходимостью вытекающий из презумпции невиновности, о том, что на обвиняемого не может возлагаться обязанность доказывания своей невиновности, закреплен в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 25 декабря 1958 г. (ст. 14).

*Процессуальное положение обвинителя и обвиняемого как СМД**
рон. Стороной является тот участник процесса, который выступает перед судом как представитель определенных интересов, охраняемых законом, и который обладает процессуальными правами для отстаивания этих интересов, для обоснования своих требований и утверждений и для оспаривания требований и утверждений другого участника процесса (противной стороны).

Соответственно этому в качестве сторон в процессе выступают: прокурор, поддерживающий государственное обвинение; обвиняемый (подсудимый), защищающийся от предъявленного ему обвинения; защитник, защищающий обвиняемого; потерпевший от преступления гражданин и лицо, заявившее гражданский иск к обвиняемому о возмещении причиненного преступлением материального ущерба и их представители; гражданский ответчик, если за действия обвиняемого материальную ответственность несет другое лицо, и его представитель. К сторонам должны быть также отнесены общественный обвинитель и общественный защитник.

Процессуальное равноправие сторон. Стороны пользуются равными процессуальными правами для отстаивания перед судом своих утверждений и требований и для оспаривания утверждений и требований противной стороны. Это значит, что подсудимый и его защитник в целях защиты имеют такие же процессуальные права, какие прокурор — обвинитель имеет в целях обвинения.

Процессуальное равноправие сторон не означает, разумеется, ни фактического равенства положений различных участников процесса, являющихся сторонами (обвинитель, потерпевший, гражданский истец, защитник, подсудимый), ни одинаковости их задач. Процессуальное равноправие сторон означает лишь равенство процессуальных средств, при помощи которых каждая сторона отстаивает свои утверждения и оспаривает утверждения противной стороны. В этом отношении стороны действительно равноправны; все то, что делает в судебном заседании прокурор для обвинения, может делать и защитник и сам подсудимый для защиты²³.

Активное, самостоятельное положение суда по отношению к сторонам. Суд не только разрешает дело, но и принимает все необходимые меры к выяснению обстоятельств дела. Суд активно исследует все собранные по делу доказательства, истребует по своей инициативе новые доказательства, если они нужны для правильного разрешения дела, выясняет обстоятельства, невыясненные или недостаточно выясненные сторонами. Суд не огра-

²³ Об особенностях процессуального положения потерпевшего как стороны в процессе дальше будет сказано особо.

ничен доказательствами, представленными прокурором, защитником и самим подсудимым, и от него зависит потребовать те доказательства, которые он признает необходимыми для обнаружения по делу материальной истины.

// Таким образом, суть состязательности процесса состоит в разделении функций обвинения, защиты и решения между судом и сторонами, при этом функцию обвинения выполняет обвинитель (прокурор, общественный обвинитель, потерпевший), функцию защиты выполняет сам обвиняемый и его защитник, а решение у суда принадлежит суду.

Именно такое построение судебного процесса обеспечивает полное и всестороннее исследование дела и правильное, справедливое его разрешение. Каждое доказательство проверяется и каждое обстоятельство исследуется под углом зрения и обвинения и защиты; суд имеет возможность выяснить и взвесить все доводы и данные как в пользу обвинения, так и в пользу обвиняемого (подсудимого).

Наоборот, слияние в руках суда всех трех функций неизбежно придало бы деятельности суда односторонний характер и препятствовало бы объективному и полному выяснению всех обстоятельств дела.

На это обратил внимание К. Маркс в своем раннем произведении «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» (1842 г.). Указав на те неограниченные полномочия, которые получают чиновники в полицейском государстве, Маркс писал: «Этот коренной порок проходит через все наши учреждения. Так, например, в уголовном процессе судья, обвинитель и защитник соединены в *одном лице*. Это соединение противоречит всем законам психологии»²⁴.

Ст. 111 Конституции СССР и ст. 13 Основ уголовного судопроизводства, обеспечивая обвиняемому право на защиту, тем самым устанавливают состязательность судебного разбирательства, так как право обвиняемого на защиту обеспечивается именно в таком построении и проведении разбирательства дела в суде, в котором обвиняемый (подсудимый) занимает процессуальное положение стороны и в качестве таковой имеет возможность оспаривать перед судом обвинение, предъявленное ему органом предварительного следствия и прокуратурой.

Ст. 38 Основ уголовного судопроизводства устанавливает равенство прав участников судебного разбирательства: «Обвинитель, подсудимый, защитник, потерпевший, а также гражданский истец, гражданский ответчик и их представители в судебном разбирательстве пользуются равными правами по представлению доказательств, участию в исследовании доказательств и заявлению ходатайств».

Этим утверждается процессуальное равноправие сторон, являющееся необходимым свойством состязательного процесса. На неразрывную связь состязательности с правом обвиняемого на защиту указывал выдающийся советский юрист П. И. Стучка; по его словам «защита, а не обвинение является самой существенной частью состязательного процесса, как прочного завоевания демократии»²⁵.

Н. В. Крыленко, говоря о значении в уголовном процессе мер, обеспечивающих обнаружение в уголовных делах материальной истины, отмечал: «Это прежде всего проверенное на опыте средство — состязательность, как борьба за доказательство определенного факта, при признании стороной обвиняемого». Н. В. Крыленко считал, что в советском уголовном процессе выражено «трактование подсудимого как стороны в процессе, и в этом смысле состязательность процесса». Н. В. Крыленко правильно возражал против упрощенного понимания состязательности — сведения ее только к выступлению в суде прокурора и защитника: «Суть состязательности не в этом, суть в том, что обвиняемый — сторона в процессе»²⁶.

Состязательность полностью осуществляется в стадии судебного разбирательства, где последовательно и четко проведено разделение процессуальных функций между сторонами и судом.

Принцип состязательности находит развернутое выражение тогда, когда в процессе участвуют прокурор, поддерживающий обвинение в отношении подсудимого, и защитник-адвокат, защищающий подсудимого.

Однако если по делу, в судебном разбирательстве прокурор не участвует — сторона обвинения — это прокурор, сформулировавший обвинение в обвинительном заключении и направивший дело в суд; его точка зрения, выраженная в обвинительном заключении, представлена суду, и суд проверяет основания сформулированного прокурором обвинения.

Процесс сохраняет свой состязательный характер и в том случае, если по делу не участвует и защитник: сам подсудимый является стороной, имеет все права стороны и защищается от обвинения перед судом.

В целях наиболее полного и последовательного осуществления состязательности в советском уголовном процессе должно быть

²⁶ «Революция права», 1928, № 1, стр. 121.

²⁸ «Революция права», 1928, № 1, стр. 103, 104. Из этого положения Н. В. Крыленко делал неправильный вывод, что для состязательности процесса не обязательно, чтобы обвиняемому было предоставлено право иметь защитника, и суд может не допустить защитника. П. И. Стучка, наоборот, настаивал на необходимости участия защитника (там же, стр. 121).

обеспечено максимально широкое участие в судебных заседаниях обвинителя и защитника.

Выше указывалось на неразрывную связь состязательности с правом обвиняемого на защиту. Но состязательность не в меньшей мере связана с принципом материальной, объективной истины, так как именно состязательное построение и проведение судебного процесса обуславливают проверку на суде каждого факта, каждого обстоятельства, каждого доказательства, и с позиции обвинения, и с позиции защиты. Таким образом, суд получает возможность выяснить, выслушать, взвесить все, что подтверждает обвинение, и все, что говорит в пользу обвиняемого, не упустить ничего, что изобличает обвиняемого и отягчает его вину, что оправдывает обвиняемого и смягчает его ответственность. Это обеспечивает максимальные возможности установления истины²⁷.

9

В юридической литературе по вопросам уголовного процесса иногда высказывается мнение, будто состязательность не присуща советскому уголовному процессу, что состязательность — это буржуазный процессуальный принцип, не приемлемый для социалистического уголовного процесса. В качестве одного из аргументов приводится то обстоятельство, что в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и в принятых в соответствии с ними уголовно-процессуальных кодексах союзных республик не применяется термин «стороны» для обозначения участвующих в судебном разбирательстве обвинителя, подсудимого, защитника²⁸.

Эта точка зрения неправильна. Ссылка на якобы буржуазный характер состязательности судопроизводства лишена оснований по той простой причине, что наличие в буржуазном праве принципов и институтов, которые носят внешние, формальные черты сходства и одинаковое наименование с соответствующими прин-

²⁷ Исходя из неразрывной связи обеспечения обвиняемому права на защиту и состязательности судопроизводства в предыдущих работах автор оба эти принципа объединял в принцип «обеспечение обвиняемому права на защиту и состязательность процесса» (см.: М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. Изд-во АН СССР, 1958, стр. 83). В настоящей работе состязательность уголовного процесса выделяется в самостоятельный принцип, так как состязательность судебного процесса имеет особо важное значение.

²⁸ См., например: м. Д. ЧИЛИЛ. «Задачи ООДПРКПГ ттяуки УГОЧДД» — процессуального права в период развернутого строительства кдмшшааМ». «Вопросы судопроизводства и судостроительства в законодательстве Союза ССР», стр. 63 и ел.; С. А. Голунский. Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Там же, стр. 125—130.

цпями И институтами советского социалистического права, ни в малейшей мере не доказывает, что в советском социалистическом праве эти принципы имеют буржуазный, а не социалистический характер. Так, в буржуазном праве сформулированы такие процессуальные принципы, как независимость судей и их подчинение только закону, гласность судебных процессов, устность и непосредственность судебного разбирательства, обеспечение обвиняемому права на защиту. Эти же положения прямо записаны в советском уголовно-процессуальном праве (ст. 10, 12, 13, 37 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик). Совершенно ясно, что в советском уголовном процессе это — социалистические правовые принципы, которые выражают социалистический демократизм советского уголовного судопроизводства; они ни в малейшей мере не лишаются своего социалистического характера только оттого, что в буржуазном законодательстве о судопроизводстве записаны внешние сходные правовые положения.

Принцип состязательности в советском уголовном процессе имеет совершенно иное содержание и назначение, чем в буржуазном уголовном процессе, где он под видом формального равноправия сторон фактически ставит в неблагоприятное, подчас бесправное положение трудящихся, всех тех, кто негоден правящим капиталистическим кругам.

В советском же уголовном процессе состязательность — это подлинно демократический принцип, обеспечивающий реальность права обвиняемого на защиту и полное и всестороннее исследование на суде обстоятельств дела, обнаружение истины.

Что касается того, что в действующем уголовно-процессуальном законодательстве не указано на наличие сторон в судебном разбирательстве, то в тексте Основ уголовного судопроизводства и в УПК союзных республик не применен лишь термин «стороны», но само понятие сторон по его содержанию, конечно, есть; в ст. 38 Основ уголовного судопроизводства говорится о равенстве прав участников судебного разбирательства и под этими участниками имеются в виду именно стороны²⁹.

Напомним, что еще в Положении о революционных трибуналах, принятых 12 апреля 1919 г., прямо было записано: «Подсудимый пользуется при рассмотрении дела всеми правами стороны» (ст. 21). Совершенно естественно, что новое, ныне действующее законодательство от этого принципа не отказалось, а расширило права подсудимого как стороны и более укрепило их гарантии по сравнению с прежним законодательством.

От состязательности следует отличать диспозитивность. *Диспозитивностью называется свобода сторон распоряжаться своими*

правами. Диспозитивность — принцип гражданского процесса. "в котором суд приступает к рассмотрению дела по заявлению заинтересованной стороны. От истца зависит заявить или не заявить иск, заявить иск в большей или меньшей сумме, вовсе отказаться от него; от ответчика зависит признать иск или оспаривать его. Диспозитивность может касаться как самого предмета иска (заявить или не заявить иск, признать или не признать его), так и процессуальных средств, которые стороны могут использовать для обоснования своих требований и возражений (представить то или иное доказательство или не представлять его, обжаловать действие суда или не подавать жалобы и т. д.).

Хотя в гражданском процессе диспозитивность является принципом, ее применение все же ограничено определенными рамками, так как безграничное осуществление диспозитивности могло бы привести к тому, что в неблагоприятном положении окажется сторона, которая по существу права, но не смогла должным образом обосновать свои претензии, и дело не получит правильного разрешения. Поэтому гражданский процессуальный закон предусматривает возбуждение производства по гражданскому делу в суде не только по заявлению лица, обращающегося за защитой своего права или охраняемого законом интереса, но и по заявлению прокурора, по заявлению государственных учреждений, общественных организаций или отдельных граждан в случаях, когда по закону они могут обращаться в суд за защитой прав и интересов других лиц (ст. 6 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик).

При разбирательстве гражданского дела суд обязан, не ограничиваясь представленными материалами и объяснениями, принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон (ст. 16 Основ гражданского судопроизводства).

Диспозитивность в гражданском процессе выражается в праве истца отказаться от иска, в праве ответчика признать иск и в праве сторон окончить дело мировым соглашением. Однако суд не принимает отказа истца от иска, признания иска ответчиком и не утверждает мирового соглашения сторон, если эти действия противоречат закону или нарушают чьи-либо права и охраняемые законом интересы (ст. 24 Основ гражданского судопроизводства).

Эти ограничения диспозитивности в гражданском процессе вызваны соображениями защиты интересов государства и слабой стороны и обеспечения правильности разрешения дела. Но для гражданского процесса и при наличии этих ограничений диспозитивность сохраняет свое значение процессуального принципа, поскольку по общему правилу, за указанными исключениями,

²⁹ Об этом правильно. Р. Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности, стр. 27.

у сторон сохраняется свобода распоряжения предметом иска и процессуальными средствами защиты своих прав и интересов³⁰.

В уголовном процессе диспозитивность имеет некоторое применение, но настолько ограниченное, что ее нельзя признать принципом уголовного процесса. [^orabm_jorpj)gecj^jgy4H методом осуществления борьбы с преступностью ведется органами государственной власти, следователями и прокурорами и судом в публично-правовых, государственных интересах, а это устраняет свободу сторон распоряжения предметом уголовно-

~5E5^££sIEI^slisii™15~**™~

~™™™Применение диспозитивности в смысле права сторон распоряжаться обвинением допускается только по очень узкой категории уголовных дел: возбуждение дел частного и частно-публичного обвинения только по жалобе потерпевшего и прекращение дел частного обвинения в случае примирения обвиняемого и потерпевшего (ст. 27 УПК РСФСР). Но и по этим делам диспозитивность ограничивается правом прокурора возбудить дело частного обвинения по своей инициативе или вступить в уже возбужденное дело, которое в этом случае не прекращается за примирением сторон.

В смысле свободы распоряжения процессуальными средствами для отстаивания своих интересов и защиты прав диспозитивность в уголовном процессе применяется более широко. От стороны зависит, возбудить или не возбудить ходатайство, обжаловать те или иные следственные или судебные действия, равно и самый приговор, или не подавать жалобы и т. д. В этом отношении, т. е. в смысле свободного распоряжения процессуальными средствами для защиты своих прав и интересов, диспозитивность является способом осуществления состязательности. Но и здесь диспозитивность находит свое ограничение в принципе публичности, в активности и инициативе следователя и суда, обязанных принимать все законные меры к обнаружению истины, независимо от той позиции, которую заняла в деле та или другая сторона.

Таким образом, диспозитивность в уголовном процессе — не самостоятельный принцип процесса, а одно из средств осуществления состязательности.

³⁰ О диспозитивности в гражданском процессе см.: «Советский гражданский процесс». Под ред. проф. А. Ф. Клейнмана. Изд-во МГУ, 1964, стр. 26—29,

§ 8. Непосредственность судебного разбирательства

Ст. 37 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик устанавливает: «Суд первой инстанции при рассмотрении дела обязан непосредственно исследовать доказательства по делу: допросить подсудимых, потерпевших, свидетелей, заслушать заключения экспертов, осмотреть вещественные доказательства, огласить протоколы и иные документы».

В этом положении уголовно-процессуального закона выражены два процессуальных принципа, тесно взаимосвязанных: *непосредственность и устность*.

Рассмотрим сначала непосредственность.

Непосредственность процесса заключается в том, что судьи, разрешающие уголовное дело, лично знакомятся со всеми собранными по делу доказательствами и проверяют их, заслушивают показания подсудимых, свидетелей и заключения экспертов, знакомятся с подлинными документами, содержащимися в деле, осматривают вещественные доказательства, причем сведения о фактах, имеющих значение для дела, они получают из первоисточника.

Основное содержание принципа непосредственности состоит в требованиях: чтобы между судом, решающим дело, и доказательствами, на основании которых суд решает дело, не было промежуточных звеньев и суд сам непосредственно воспринимал эти доказательства; чтобы доказательства, на основании которых суд решает дело, были первоисточником сведений о фактах, имеющих значение для дела.

В соответствии с принципом непосредственности суд должен вызвать в судебное заседание подсудимого и заслушать его объяснения по предъявленному ему обвинению. Без предоставления подсудимому возможности дать суду свои личные объяснения суд не может разрешить дело, не может вынести приговор.

Рассмотрение дела в отсутствие подсудимого возможно только в исключительных случаях, прямо указанных в законе.

Ст. 246 УПК РСФСР гласит: «Разбирательство дела в заседании суда первой инстанции происходит с участием подсудимого, явка которого в суде обязательна».

Разбирательство дела в отсутствие подсудимого может быть допущено в исключительных случаях, если это не препятствует установлению истины по делу:

1) когда подсудимый находится вне пределов СССР и уклоняется от явки в суд;

2) когда по делу о преступлении, за которое не может быть назначено наказание в виде лишения свободы, подсудимый ходатайствует о разбирательстве дела в его отсутствие. Суд, однако, вправе признать явку подсудимого обязательной».

Законодательство ряда союзных республик еще более ограничивает возможность разбирательства дела судом в отсутствие подсудимого, допуская это лишь тогда, когда подсудимый находится вне пределов СССР и уклоняется от явки в суд (ст. 266 УПК Литовской ССР, ст. 247 УПК Латвийской ССР, ст. 241 УПК Киргизской ССР).

Суд должен также вызвать в судебное заседание и заслушать показания свидетелей, если этими показаниями устанавливаются существенные для дела обстоятельства, он не может ограничиться оглашением письменных показаний, данных на предварительном следствии, кроме случаев, когда свидетель отсутствует в судебном заседании по причинам, исключающим возможность его явки в суд (п. 2, ст. 286, УПК РСФСР).

Принцип непосредственности обязывает суд основываться на таких сведениях о фактах, подлежащих установлению по делу, которые получены из первоисточника, а не из «вторых рук», т. е. не из пересказа, переложения этих сведений кем-либо. Так, если какой-либо факт устанавливается свидетельскими показаниями, суд должен вызвать и допросить того свидетеля, который этот факт непосредственно наблюдал, а не основываться на показаниях свидетеля, который сам лично данный факт не наблюдал, а рассказывает о нем с чужих слов³¹.

Суд должен сам ознакомиться с вещественными доказательствами, если они есть по делу, и с подлинными документами, удостоверяющими обстоятельства, имеющие для дела значение.

Таким образом, суд, разрешая дело, должен *сам* проверить все относящиеся к делу доказательства и основывать свой приговор лишь на тех доказательствах, которые *им* были проверены.

Именно такое судебное рассмотрение дела, основанное на последовательном проведении принципа непосредственности, — необходимое условие для того, чтобы у судей в результате исследования всех доказательств могло сложиться твердое и обоснованное *внутреннее убеждение* относительно виновности или невиновности подсудимого и степени его ответственности. Нарушение же непосредственности судебного разбирательства неизбежно затрудняет или делает вовсе невозможным формирование у судей такого внутреннего убеждения. Поэтому непосредственность процесса — важная и необходимая гарантия обнаружения по делу, рассматриваемому судом, объективной, материальной истины.

Принцип непосредственности, как видно из изложенного выше, имеет определяющее значение для исследования доказательств на суде. При этом очень велико значение этого принципа для обеспечения прав сторон в судебном разбирательстве, так как стороны, прежде всего подсудимый, потерпевший и их пред-

ставителей пользуются возможностью участвовать в исследовании всех доказательств, которые имеют значение для правильного разрешения дела, и им гарантировано, что ни одно доказательство, не исследованное судом при участии сторон, не будет положено судом в основание приговора.

Для обеспечения непосредственности судопроизводства очень важно установление в законе твердых пределов, в которых допускается оглашение в судебном заседании показаний, данных на предварительном следствии. Оглашение на суде показаний, данных на предварительном следствии, всегда означает известное отступление от непосредственности, так как в этих случаях суд воспринимает сведения о фактах, имеющих для дела значение, не непосредственно от лица, сообщającego суду эти факты, а из письменного протокола допроса, составленного на предварительном следствии. Это относится к показаниям обвиняемого (подсудимого), свидетеля, потерпевшего, причем ограничение принципа непосредственности будет как тогда, когда письменные показания оглашаются на суде вместо допроса данного лица, так и тогда, когда письменные показания оглашаются наряду с непосредственным заслушиванием на суде показаний этого лица.

Оглашение на суде показаний обвиняемого, данных им на предварительном следствии, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР допускает:

- . — при наличии существенных противоречий между этими показаниями и показаниями, данными подсудимым на суде,
- при отказе подсудимого давать показания на суде,
- когда дело рассматривается в отсутствие подсудимого (ст. 281 УПК РСФСР).

Второй и третий случаи — в судебной практике явление очень редкое, встречающееся лишь как исключение.

Давать показания — это право обвиняемого и подсудимого, но не обязанность. Он может отказаться давать показания как на предварительном следствии, так и на суде. Но если обвиняемый на предварительном следствии дал показания, у него обычно не бывает мотивов отказаться давать показания на суде, где он может повторить свои прежние показания или изменить их. Равно оглашение показаний обвиняемого ввиду того, что он не участвует в судебном разбирательстве, так же редко, потому что слушание дела в отсутствие подсудимого само по себе исключение из общего правила.

Оглашение на суде показаний обвиняемого, данных на предварительном следствии, применяется в судебной практике лишь в случае, если показания подсудимого на суде находятся в существенном противоречии с его показаниями на предварительном следствии. Тогда суд, заслушав показания подсудимого на судебном следствии, может огласить его показания, данные на пред-

³¹ Подробнее об этом см. гл. XIII, § 2.

варительном следствии. В известной мере это означает отступление от непосредственности процесса, так как одним из доказательств, которое суд может положить в основу приговора, явятся сведения, полученные судом не из первоисточника, не непосредственно от самого подсудимого, а из письменного протокола допроса на предварительном следствии.

Оглашение показаний допускается не при любом отличии показаний на суде от показаний на предварительном следствии, а лишь при *существенном* противоречии между этими показаниями, что ограничивает возможность оглашения на суде показаний, данных на предварительном следствии. Такое правило записано в уголовно-процессуальных кодексах большинства союзных республик. Некоторые кодексы союзных республик не указывают прямо на существенность противоречий между показаниями (ст. 242 УПК Эстонской ССР, ст. 271 УПК Казахской ССР), но по смыслу закона имеются в виду именно существенные противоречия.

Оглашение на суде показаний свидетеля, данных им на предварительном следствии, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР допускает: при наличии существенных противоречий между показаниями свидетеля на предварительном следствии и показаниями этого же свидетеля на суде и при отсутствии в судебном заседании свидетеля по причинам, исключающим возможность его явки в суд (ст. 286 УПК РСФСР).

Первый случай аналогичен первому случаю оглашения показаний обвиняемого и решается таким же образом. Второй случай имеет место тогда, когда свидетель, давший на предварительном следствии существенные для дела показания, не может присутствовать на суде по таким причинам, которые исключают возможность его явки вообще или в течение длительного времени (смерть, тяжелая болезнь и т. п.). Соответственно этому не допускается оглашение показаний свидетеля, который не явился в суд по неизвестным, невыясненным причинам или по неуважительным причинам, или хотя бы по уважительным причинам, но таким, которые не исключают возможности явки свидетеля в суд при повторном вызове (например, несвоевременное получение вызова в суд, опоздание поезда, кратковременное заболевание и т. д.).

В уголовно-процессуальных кодексах большинства союзных республик данный вопрос решается так же, как и в УПК РСФСР (ст. 289 УПК Белорусской ССР, ст. 275 УПК Армянской ССР и др.). В отличие от них УПК Казахской ССР (ст. 268) и УПК Эстонской ССР (ст. 246) допускают оглашение на суде показаний свидетеля, не явившегося по уважительной причине, хотя бы свидетель не был лишен возможности явиться в суд при повторном его вызове. Несомненно, положения этих УПК в меньшей степени гарантируют непосредственность процесса, чем УПК РСФСР

и УПК большинства республик. УПК Грузинской ССР (ст. 288, п. 8), УПК Латвийской ССР (ст. 285, п. 2) и УПК Азербайджанской ССР (ст. 308, п. 3) допускают оглашение на суде показаний свидетеля, данных им на предварительном следствии, и при заповедании свидетелем обстоятельств, о которых давались показания. Это положение нельзя считать удачным, так как в данном случае оглашение показаний по существу побуждает свидетеля подтвердить показания, данные им на предварительном следствии, независимо от того, вспомнил ли в действительности свидетель забытые им обстоятельства. Такое оглашение показаний представляет собой не что иное, как *наводящий* вопрос, т. е. такой вопрос, в формулировке которого уже содержится ожидаемый, желательный ответ. А наводящие вопросы в советском уголовном процессе не допускаются (ст. 158 УПК РСФСР; ст.*282 УПК Латвийской ССР; ст. 156 Грузинской ССР; ст. 305 УПК Азербайджанской ССР).

Для обеспечения непосредственности процесса и устранения возможных отрицательных последствий отступления от нее имеет особое большое значение соблюдение необходимых гарантий при оглашении на суде показаний, данных на предварительном следствии, в случае, если показания подсудимого или свидетеля, данные на суде, находятся в существенном противоречии с его же показаниями, данными на предварительном следствии.

Такие гарантии заключаются в следующем;

— оглашение на суде показаний, данных на предварительном следствии, допускается только после того, как ^{соответственно} подсудимый или свидетель дал на суде устные показания полностью и был допрошен судом и сторонами. Но оно не допускается по частям в то время, когда подсудимый или свидетель дают показания, т. е. нельзя, чтобы устное изложение подсудимым или свидетелем прерывалось оглашением какой-либо части протокола его допроса на предварительном следствии, после чего следовало дальнейшее устное изложение, затем опять оглашение и т. д. Подобное оглашение на суде показаний, перемежающееся с устными показаниями подсудимого и свидетеля, есть нарушение принципа непосредственности и оно вредит правильности разрешения дела.

— оглашение на суде показаний обвиняемого или свидетеля производится не для того, чтобы показаниями, данными на предварительном следствии, опровергнуть показания, данные тем же лицом на суде, а для того, чтобы выяснить причины противоречий в показаниях и путем объективного и непредвзятого исследования обстоятельств дела и дальнейшей проверки всех доказательств по делу установить, какие показания истинны, а какие ложны или ошибочны. При противоречии показаний, данных одним и тем же лицом на предварительном следствии и на суде, первые показания вовсе не предполагаются правиль-

ными, а вторые ложными: какие из них правильны, а какие ложны, подлежит выяснению путем всестороннего исследования этих показаний в совокупности со всеми доказательствами, собранными по данному делу.

Это — твердое положение, вытекающее из смысла действующего уголовно-процессуального законодательства: если обвиняемый или свидетель на суде изменил свои показания, данные им на предварительном следствии, — например, обвиняемый, на предварительном следствии признавший себя виновным, на суде отказался от признания и заявляет о своей невинности, — имеются два противоречащих одно другому доказательства, и необходимо оба их проверить и оценить, а не исходить из предвзятого мнения, что признание истинно, а отрицание вины — ложно.

Оглашение на суде показаний, ранее данных на предварительном следствии, производится для того, чтобы суд мог ознакомиться с этими показаниями, сопоставить их во всех деталях с показаниями на суде и проверить все, что содержится и в первых и во вторых показаниях. Вывод суда о достоверности и недостоверности тех или иных показаний может основываться не на произвольном доверии или недоверии к тем или другим из них, а на том, что одни показания находят объективное подтверждение во всех обстоятельствах дела, а другие обстоятельствами дела опровергаются³².

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 августа 1966 г. о внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР допущено применение на предварительном следствии звукозаписи показаний обвиняемого, подозреваемого, свидетеля или потерпевшего (ст. 141 * УПК РСФСР) и воспроизведение этой звукозаписи на суде во всех тех случаях, когда закон разрешает оглашение на суде показаний, данных на предварительном следствии; при этом воспроизведение на суде звукозаписи не допускается без предварительного оглашения показаний, содержащихся в протоколе допроса (ст. 281 и 286 УПК РСФСР). Аналогичные положения введены в уголовно-процессуальные кодексы других союзных республик (ст. 85^x, 279 и 285 УПК Латвийской ССР и соответствующие статьи УПК других республик). Поскольку оглашение на суде показаний, данных на предварительном следствии, есть ограничение непосредственности процесса, допустимое лишь при наличии указанных законом условий, таким ограничением непосредственности

является и воспроизведение звукозаписи показаний. При оглашении звукозаписи на суде, хотя суд слышит голос лица, дающего показания, его устную речь, все же показывает не сам допрашиваемый, а воспроизводятся его показания, данные раньше, в другое время, в другом месте, в других условиях. В этом случае суд воспринимает показания не от самого обвиняемого или свидетеля непосредственно, а через *посредство* записи этих показаний на магнитофон. Поэтому к записи показаний на магнитофон полностью относится сказанное выше о показаниях на предварительном следствии: воспроизведением этих показаний нельзя опровергать показания того же лица на суде, если это лицо на суде изменит свои показания; воспроизведение на суде звукозаписи показаний, данных на предварительном следствии, имеет лишь то значение, что может содействовать более тщательной и детальной проверке судом как этих показаний, так и показаний, данных на суде тем же лицом³³.

Действующее в настоящее время уголовно-процессуальное законодательство значительно усилило проведение в уголовном процессе принципа непосредственности и ограничило отступления от него по сравнению с прежним законодательством.

Так, согласно ст. 391 УПК РСФСР 1923 г. областной суд был вправе не вызывать в судебное заседание тех из допрошенных и на предварительном следствии или дознании свидетелей, показания которых не вызывают сомнения в своей достоверности.

В соответствии со ст. 394 УПК РСФСР 1923 г. областной суд мог при рассмотрении дела прекратить допрос свидетеля или свидетелей в любой момент допроса таковых, если судом будет признано, что показаниями допрошенных свидетелей вполне установлены те обстоятельства, для установления которых свидетель вызывается.

Эти правила, перешедшие в первые советские уголовно-процессуальные кодексы из законодательства о революционных трибуналах периода гражданской войны, в судебной практике находили все меньшее применение и последние годы перед новой кодификацией вообще не применялись.

Новое же, действующее теперь уголовно-процессуальное законодательство подобных норм не содержит, а, наоборот, требует, чтобы свидетели, показания которых имеют существенное значение для дела, обязательно были вызваны в суд и их показания были проверены непосредственно в судебном заседании.

³² Подробнее об этом см.: «Демократические основы советского социалистического правосудия» (глава первая); М. С. Строгович. О соотношении предварительного следствия и судебного разбирательства и некоторые вопросы защиты в советском уголовном процессе. «Вопросы защиты по уголовным делам», Изд-во ЛГУ, 1967.

Автор настоящего Курса, когда готовился проект Указа о введении звукозаписи показаний, выступал против воспроизведения звукозаписи на суде и придания звукозаписи процессуального значения (см. «Социалистическая законность», 1966 г., № 9, стр. 19). В этом вопросе наша точка зрения близка к тому решению вопроса о звукозаписи показаний, которое дано в статье И. Л. Петрухина «О значении звукозаписи показаний в уголовном процессе» («Правоведение», 1966, № 2).

§ 9, Устность процесса

Устность процесса состоит в том, что все доказательства, имеющие значение для разрешения дела, в судебном заседании подвергаются устному обсуждению, все участники процесса дают суду устные объяснения и показания, и суд основывает свой приговор только на тех данных дела, которые были рассмотрены и обсуждены в судебном заседании.

Согласно принципу устности, подсудимый должен быть допрошен в суде и ему должна быть предоставлена возможность дать устные объяснения по существу предъявленного ему обвинения, по всем обстоятельствам дела; вызванные в суд свидетели должны дать устные показания; имеющие для дела значение документы должны быть устно оглашены и обсуждены. Только после такого устного обсуждения и проверки доказательств последние могут быть положены судом в основание приговора.

Принцип устности выражен в ст. 37 Основ уголовного судопроизводства вместе с принципом непосредственности.

Принцип устности особо указан в ст. 43 Основ уголовного судопроизводства: «Суд основывает приговор лишь на тех доказательствах, которые были рассмотрены в судебном заседании».

Это значит, что суд не может положить в основание приговора ни одно доказательство, не может указать в приговоре ни одно обстоятельство, ни одно сведение, которое не было бы рассмотрено в судебном заседании, которое суд не исследовал, по которому стороны не высказывали бы своих суждений, по которому подсудимый не давал своих объяснений. Значит, не все материалы, имеющиеся в деле, могут приниматься судом в соображение при вынесении приговора, а лишь те, которые рассматривались, обсуждались в судебном заседании при разбирательстве дела³⁴.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство расширило и усилило принцип устности — так же, как оно это сделало в отношении принципа непосредственности.

Так, ст. 396 УПК РСФСР 1923 г. для областных судов допускала некоторые ограничения устности процесса: эти суды при вынесении приговора вправе были принимать во внимание

имеющиеся в деле документы и показания, независимо от их оглашения в судебных заседаниях. Ст. 296 прежнего УПК Украинской ССР предоставляла такое же право всем судам.

Такие ограничения устности в действующем уголовно-процессуальном законодательстве полностью устранены, и в отношении устности закон вообще не допускает никаких отступлений и ограничений: только то, что рассматривалось и устно обсуждалось на суде, может иметь значение для вынесения приговора.

Принцип устности находится в тесной и неразрывной связи с принципом непосредственности. Эта связь настолько тесна, что разграничить оба эти принципа очень трудно.

Разницу в понятиях устности и непосредственности можно наглядно показать на следующих примерах. На суде свидетель был допрошен, дал свои устные показания. В этом случае налицо и устность и непосредственность: свидетель дал показания, стороны их обсудили устно, и суд воспринял то обстоятельство, о котором свидетель дал показания, непосредственно от самого свидетеля.

Теперь предположим, что свидетель, допрошенный на предварительном следствии, на суде не был и суд огласил его показания, данные на предварительном следствии. Устность будет налицо и в этом случае, так как показания свидетеля оглашены устно и стороны по ним давали свои устные объяснения; но непосредственности не будет, так как суд воспринял те обстоятельства, о которых свидетель давал показания, не непосредственно от самого свидетеля, а через посредство составленного следователем протокола допроса этого свидетеля.

Из этого же примера видно, что устность процесса может быть обеспечена и осуществлена полностью лишь тогда, когда она соединена с непосредственностью.

Может возникнуть вопрос относительно того, правомерно ли вообще разделять, разграничивать принцип непосредственности и принцип устности, не будет ли более правильным непосредственность и устность рассматривать как единый принцип, тем более что в ст. 37 Основ уголовного судопроизводства говорится о непосредственности и устности вместе.

Но при всей тесной и неразрывной связи непосредственности и устности их все же необходимо различать.

Устность достигается тем, что все, что имеется в деле и может служить основой приговора, должно быть на суде оглашено и обсуждено, рассмотрено. Непосредственность же идет дальше и требует, чтобы суд рассматривал и проверял сами доказательства в их первоисточнике, а не пользовался их пересказом, переложением, чтобы между судом и непосредственным источником сведений о фактах не было посредствующих, промежуточных звеньев и т. д.

³⁴ Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 22 декабря 1962 г. по делу Сарояна приговор Верховного суда Армянской ССР был отменен ввиду неполноты проведенного по делу судебного следствия. В качестве одного из оснований отмены приговора коллегия Верховного Суда СССР указала на такое нарушение: «как на доказательство виновности Сарояна суд сослался на показания свидетеля Абрамяна С. М., однако последний в судебном заседании не допрашивался и показания его в суде фактически не проверялись, что также является существенным пробелом в исследовании дела в суде» («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1963, № 1, стр. 26). Здесь налицо нарушение принципов непосредственности и устности уголовного процесса,

Если закон допускает некоторые ограничения принципа непосредственности, то для устности никаких ограничений нет.

Поэтому непосредственность и устность при их взаимосвязи — все же различные процессуальные положения. Но оба они — необходимое условие для формирования у судей обоснованного внутреннего убеждения, для обнаружения по рассматриваемому судом делу материальной истины.

Ст. 37 Основ уголовного судопроизводства вместе с непосредственностью и устностью устанавливает *непрерывность* судебного разбирательства: «Судебное заседание по каждому делу происходит непрерывно, кроме времени, назначенного для отдыха. Рассмотрение теми же судьями других дел, ранее окончания слушания начатого дела, не допускается».

Непрерывность судебного разбирательства не есть отдельный принцип уголовного процесса, а представляет собой важную и необходимую *гарантию непосредственности и устности*.

Действительно, непосредственность и устность обеспечиваются тогда, когда судьи решают дело на основе того, что они сами видели и слышали на судебном разбирательстве, что они непосредственно восприняли и закрепили в своем сознании. Если бы судьи прерывали рассмотрение дела, начинали рассмотрение нового дела, потом возвращались к первому и т. д., живое, непосредственное восприятие судей неизбежно ослаблялось бы и прерывалось, формирование у судей внутреннего убеждения в доброкачественности и достоверности рассмотренных доказательств и доказанности фактов, имеющих для дела значение, сильно затруднялось бы или вовсе стало невозможным. Ряд норм, содержащихся в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик, является конкретизацией и детализацией непрерывности судебного разбирательства. Таково правило о неизменности состава суда при разбирательстве дела (ст. 241 УПК РСФСР) и об участии запасного народного заседателя (ст. 242 УПК РСФСР). Если кто-либо из состава суда выбывает до окончания разрешения дела, он заменяется другим судьей, и разбирательство дела начинается сначала. Выбывший народный заседатель может быть заменен запасным заседателем, присутствовавшим в зале судебного заседания с начала разбирательства данного дела, и в этом случае разбирательство дела продолжается. Однако, если запасный народный заседатель, вступивший на место выбывшего, требует возобновления судебных действий, разбирательство дела должно быть возобновлено.

Непрерывность судебного разбирательства выражается и в том, что суд, удалившись в совещательную комнату для постановления приговора, должен в данном же разбирательстве, в совещательной комнате постановить и изложить приговор в полном его виде

и сразу же по подписании Приговора возвратиться в зал судебного заседания и провозгласить приговор полностью (ст. 318 УПК РСФСР).

В этом отношении порядок вынесения и провозглашения приговора по уголовному делу отличается от порядка вынесения и провозглашения решения по гражданскому делу, где допускается отступление от непрерывности такого рода: в исключительных случаях, если в силу особой сложности дела суду затруднительно сразу же составить мотивированное судебное решение, суд может составить и огласить только резолютивную часть решения с последующим составлением мотивированного решения не позднее трех суток (ст. 203 ГПК РСФСР, соответствующие статьи ГПК других союзных республик). В уголовном процессе такой порядок не допускается, суд должен вынести приговор сразу в полном, мотивированном виде³⁵.

§ 10. Национальный язык судопроизводства

Судопроизводство ведется на определенном законом языке, на котором составляются процессуальные акты и выступают участвующие в деле лица. От того, как решается вопрос о языке судопроизводства, зависит и решение таких важнейших вопросов осуществления правосудия, как доступность суда для населения и гарантии прав и интересов участников процесса. Если процесс в суде ведется на языке, непонятном для населения данной местности, затрудняется связь суда с населением, а также ослабляется общественно-воспитательный результат судебной деятельности. Если участвующие в процессе лица, не знающие языка, на котором ведется судопроизводство, не могут ознакомиться с материалами дела и не понимают действий, происходящих на суде, они лишены возможности осуществлять свои права, защищать свои интересы.

В СССР вопрос о языке, на котором ведется судопроизводство, решается в соответствии с принципами ленинской национальной политики. Ст. 110 Конституции СССР устанавливает, что судопроизводство в СССР ведется на языке союзной или автономной республики или автономной области, а в случаях, предусмотренных конституциями союзных и автономных республик, — на языке национального округа или на языке большинства населения района с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком,

³⁵ О непосредственности и устности в уголовном процессе см.: В. Я. Л и в ш и ц. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе. Изд-во АН СССР, 1949; И. Д. Перлов. Подготовительная часть судебного разбирательства в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1956, стр. 25—31; «Демократические основы советского социалистического правосудия», стр. 54—63.

полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступить на суде на родном языке.

Это конституционное положение воспроизведено в ст. 10 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик. Для судопроизводства по уголовным делам этот принцип в развернутом виде выражен в ст. 11 Основ уголовного судопроизводства Сшоза ССР и союзных республик следующим образом: «Судопроизводство ведется на языке союзной или автономной республики, или автономной области, а в случаях, предусмотренных конституциями союзных или автономных республик, — на языке национального округа или большинства местного населения.

Участвующим в деле лицам, не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство, обеспечивается право делать заявления, давать показания, выступать на суде и заявлять ходатайства на родном языке, а также пользоваться услугами переводчика в порядке, установленном законом.

Следственные и судебные документы в соответствии с установленным законом порядком вручаются обвиняемому в переводе на его родной язык или на другой язык, которым он владеет».

Такое решение вопроса о национальном языке судопроизводства, во-первых, обеспечивает доступность суда и понятность деятельности его для граждан данной местности и, во-вторых, гарантирует участникам процесса (обвиняемому, потерпевшему), не знающим языка, на котором ведется этот процесс, возможность участия в соответствующих судебных действиях, осуществления своих прав и защиты своих интересов.

Эти общие положения о национальном языке судопроизводства находят выражение в УПК союзных республик в соответствии с положениями конституций этих республик, их национальным составом. Так, согласно ст. 17 УПК РСФСР судопроизводство ведется на русском языке, а в автономных республиках, автономных областях или национальных округах — соответственно на языке автономной республики, автономной области или национального округа либо на языке большинства местного населения. Согласно ст. 15 УПК Литовской ССР судопроизводство ведется на литовском языке или языке большинства населения данной местности.

§ 11. Участие общественности в судопроизводстве

Правосудие — государственная деятельность, поэтому уголовный процесс есть форма осуществления этой государственной деятельности.

Соответственно демократическому характеру социалистического правосудия деятельность суда и содействующих ему в осу-

ществлении правосудия органов прокуратуры, следствия и дознания связана с общественностью, с общественными организациями.

Основная форма участия общественности в правосудии — участие народных заседателей в составе всех судов, рассматривающих уголовные дела в первой инстанции.

Ст. 9 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик предусматривает:

«Уголовные дела во всех судах рассматриваются судьями и народными заседателями, избранными в установленном законом порядке.

Рассмотрение уголовных дел во всех судах в первой инстанции производится в составе судьи и двух народных заседателей.

Народные заседатели пользуются равными правами с председательствующим в судебном заседании в решении всех вопросов, возникающих при рассмотрении дела и постановлении приговора.

Рассмотрение дела в кассационном порядке осуществляется судами в составе трех членов суда, а в порядке судебного надзора — в составе не менее трех членов суда».

Этот демократический принцип социалистического правосудия установился в Советском государстве с самого же начала организации советского суда и в течение всего дальнейшего развития Советского государства расширялся, укреплялся. В настоящее время ставится вопрос об увеличении числа народных заседателей в составе суда и о введении участия народных заседателей в кассационные инстанции³⁵.

Основное и наиболее существенное, что характеризует институт народных заседателей, — это непосредственное осуществление ими государственной деятельности — правосудия; они являются полноправными судьями, обладающими при решении дела равными правами с председательствующим в судебном заседании.

Далее, общественность участвует в осуществлении правосудия в виде общественных обвинителей и общественных защитников. Согласно ст. 41 Основ уголовного судопроизводства «представители общественных организаций трудящихся могут быть по определению суда допущены к участию в судебном разбирательстве уголовных дел в качестве общественных обвинителей или защитников».

Уголовно-процессуальное законодательство союзных республик предусматривает широкое участие общественности в возбуждении уголовных дел и в расследовании преступлений.

Так, по ст. 108 УПК РСФСР один из поводов к возбуждению уголовного дела — сообщения профсоюзных и комсомольских

³⁵ Подробнее об этом см.: «Демократические основы советского социалистического правосудия», стр. 11—20,

организаций, народных дружин по охране общественного порядка, товарищеских судов и других общественных организаций.

Ст. 128 УПК РСФСР устанавливает: «Производя расследование, следователь должен широко использовать помощь общественности для раскрытия преступлений и для розыска лиц, их совершивших, а также для выявления и устранения причин и условий, способствовавших совершению преступлений».

Аналогичные нормы содержатся в уголовно-процессуальном законодательстве других союзных республик. Наиболее полно этот принцип сформулирован в Уголовно-процессуальном кодексе УССР, который адресует данное правило ко всем государственным органам, ведущим производство по уголовному делу — к органам дознания, следователям, прокурорам и судам (ст. 23).

Дела о малозначительных преступлениях при наличии к тому оснований могут прекращаться в уголовном порядке и передаваться на рассмотрение товарищеского суда (ст. 7 УПК РСФСР), а дела о преступлениях, не представляющих значительной опасности, — прекращаться с передачей совершившего противоправное деяние на поруки общественной организации, возбудившей о том ходатайство (ст. 9 УПК РСФСР).

Дела о преступлениях лиц, не достигших 18-летнего возраста, могут прекращаться в уголовном порядке и направляться на рассмотрение комиссии по делам несовершеннолетних, если преступление не представляет большой общественной опасности, а исправление правонарушителя возможно без применения уголовного наказания (ст. 8 УПК РСФСР).

В некоторых случаях допускается передача материалов в товарищеский суд или передача правонарушителя на поруки и без возбуждения уголовного дела (ст. 10 УПК РСФСР).

В качестве одной из мер пресечения уголовно-процессуальное законодательство предусматривает поручительство общественных организаций (ст. 33 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик; ст. 95 УПК РСФСР).

Все эти разнообразные формы участия общественности в судопроизводстве позволяют говорить об участии общественности как об отдельном принципе советского уголовного процесса³⁷.

Н. Б. Зейдер, В. А. Познанский, А. Л. Цыпкин в своей рецензии на книгу «Демократические основы советского социалистического правосудия» пишут, что «нельзя... считать обоснованным выделение участия общественности в отдельный принцип процесса, ибо участие общественности пронизывает всю систему принципов уголовного и гражданского процесса и многие принципы не могут быть раскрыты без указания на это участие» («Советское государство и право», 1966, № 5, стр. 138). Но все принципы уголовного процесса взаимосвязаны. Например, принцип объективной (материальной) истины «пронизывает», как говорят авторы,

В Программе КПСС в качестве одной из демократических основ правосудия прямо названа такая форма участия общественности в правосудии, как участие в судах общественных обвинителей и защитников³⁸.

§12. Вопрос о системе основных принципов советского уголовного процесса

Все рассмотренные выше основные принципы советского уголовного процесса представляют собой *систему*, все звенья которой тесно и неразрывно взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Прежде всего эти принципы есть *основные* принципы, т. е. важнейшие, руководящие правовые положения, пронизывающие весь уголовный процесс и определяющие весь строй уголовно-процессуальной деятельности и уголовно-процессуальных отношений, характеризующие весь советский уголовный процесс в целом.

Некоторые принципы в полной мере реализуются во всех стадиях уголовного процесса. Таковы принципы публичности и материальной истины. На этих принципах основаны расследование уголовного дела, предание суду, судебное разбирательство, кассация.

Другие принципы полностью осуществляются в судебном разбирательстве. Это принципы гласности, устности, непосредственности и состязательности. Тем не менее и они — основные принципы советского уголовного процесса. Обуславливается это тем, что в уголовном процессе главная, решающая стадия процесса — судебное разбирательство, судебный процесс, в котором происходит непосредственное осуществление социалистического правосудия. Основная же задача стадии предварительного следствия и дознания — раскрыть преступление, собрать необходимые доказательства для того, чтобы суд в судебном разбирательстве мог правильно разрешить дело. Поэтому, хотя на предварительном следствии нет гласности и состязательности, но материалы предварительного следствия и его выводы из обстоятельств дела проверяются судом в гласном и состязательном процессе и только

принципы публичности, непосредственности, устности, состязательности, но от этого он не перестает быть отдельным принципом уголовного процесса.

Об участии общественности в уголовном процессе подробно см.: И. М. Гальперин, Ф. А. Полозков. Участие общественности в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1961. «Демократические основы советского социалистического правосудия», стр. 11—20, 306—371; «Формы участия общественности в борьбе с преступностью». Госюриздат, 1963.

«XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стеногр. отчет, т. III, стр. 307.

после этого они могут быть использованы судом при вынесении приговора. То же относится к устности и непосредственности⁸⁰.

Итак, все рассмотренные в настоящей главе процессуальные принципы суть основные принципы советского уголовного процесса в целом, они характеризуют его как процесс, построенный на началах социалистического демократизма и социалистической законности и обеспечивающий правильное, справедливое разрешение уголовного дела в соответствии с задачами советского социалистического правосудия.

Как указано выше, все основные принципы советского уголовного процесса связаны между собой. Так, принципы гласности, устности, непосредственности и состязательности тесно и неразрывно взаимосвязаны и в то же время служат гарантиями обнаружения по делу материальной истины, обеспечивают осуществление принципа материальной истины. Состязательное проведение судебного разбирательства эффективно лишь тогда, когда в судебном заседании стороны дают свои устные объяснения по всем обстоятельствам дела и участвуют в проверке всех доказательств и когда на суд вызваны все свидетели, показания которых имеют значение для дела, и суд и стороны имеют возможность заслушать устные показания этих свидетелей и проверить их. Соблюдение этих условий означает одновременно состязательное, устное и непосредственное проведение судебного процесса — и именно такое проведение процесса обеспечивает обнаружение по делу материальной истины.

На взаимосвязь принципов уголовного процесса было указано в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 14 февраля 1947 г. по делу Драмарецкой и др. «Как видно из материалов дела, суд в отношении всех обвиняемых существенным образом изменил формулировку обвинения, изложенную в обвинительном заключении, а двух даже оправдал. Такой результат имел место вследствие того, что суд подверг тщательной критической проверке в судебном заседании материалы предварительного следствия, использовав те процессуальные правила, которые закон установил как необходимые условия судебного рассмотрения, гарантирующие правильное осуществление советского правосудия. Эти гарантии заключаются в гласности, непосредственности, устности и состязательности судебного процесса»⁴⁰.

⁸⁰ На предварительном следствии находит применение одно требование принципа непосредственности — чтобы доказательства фактов, имеющих для дела значение, получались из первоисточника. Но это, разумеется, не позволяет делать вывод о том, что принцип непосредственности действует на предварительном следствии.

⁴⁰ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1947, вып. I (XXXV), стр. 12. Это старое Постановление Пленума Верховного Суда СССР относится к тем постановлениям, которые ввиду их принципиального содержания сохраняют свое значение и в настоящее время.

Некоторые из принципов советского уголовного процесса прямо записаны в гл. IX Конституции СССР: независимость судей и их подчинение только закону, гласность процесса и обеспечение обвиняемому права на защиту, национальный язык судопроизводства; остальные же, не будучи выражены в Конституции в виде отдельных формулировок, тем не менее имеются в виду в положениях Конституции, относящихся к правосудию в СССР, содержатся в них и вытекают из них. Так, например, о принципе материальной, объективной истины как основы судебных решений гл. IX Конституции не говорит, но совершенно ясно, что он органически присущ советскому социалистическому правосудию, так как подлинный акт правосудия — это акт, опирающийся на факты, установленные в полном и точном соответствии с действительностью.

Поэтому принцип материальной истины содержится в тех положениях Конституции СССР, которые относятся к организации и осуществлению правосудия в СССР (ст. 102, 110, 111).

Состязательность процесса, не будучи обозначена в гл. IX Конституции, органически связана с обеспечением обвиняемому права на защиту и вместе с тем является необходимой гарантией обнаружения материальной истины.

Ввиду этого нельзя признать правильной иногда встречающуюся разбивку принципов советского уголовного процесса на две группы: на конституционные принципы и на остальные, т. е. не конституционные принципы⁴¹. Конституция СССР как основной закон Советского государства и юридическая база для его законодательной деятельности вовсе не имеет своей задачей установить исчерпывающую систему принципов той "или иной отдельной отрасли права — это задача соответствующих кодексов. Нельзя рассматривать такие принципы уголовного процесса, как устность, непосредственность, состязательность, объективная (материальная) истина, публичность, в качестве второстепенных, менее важных, только потому, что в Советской Конституции прямо не записаны соответствующие формулировки, хотя по существу именно эти принципы вытекают из ее положений.

В пользу деления принципов процесса на указанные в Конституции и не указанные в ней высказался Н. Н. Полянский в работе «Вопросы теории советского уголовного процесса» (Изд-во МГУ, 1956, стр. 98, 99).

Правильные соображения о единстве системы принципов уголовного процесса высказаны А. Л. Цыпкиным, но предлагаемая им система принципов в некоторой части расходится с нашей (см.: А. Л. Цыпкин. Система принципов советского уголовного процесса. «Научные труды Саратовского юридического института», 1957, вып. I). О единстве системы принципов советского правосудия см. также у А. Л. Ривлина (А. Л. Ривлин. Понятие и система принципов советского правосудия. «Ученые записки Харьковского юридического института», 1962, вып. XVI, стр. 28 и сл.).

Таким образом, мы считаем, что в советском уголовном процессе существует единая, опирающаяся на Конституцию СССР система основных принципов советского уголовного процесса.

С принятием Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 25 декабря 1958 г. вопрос о системе принципов советского уголовного процесса иногда ставится таким образом, что эта система выражена в разделе I Основ «Общие положения»: то, что записано в этом разделе есть принципы советского уголовного процесса. Нет сомнений в том, что в «Общих положениях» Основ уголовного судопроизводства действительно выражены основные принципы советского уголовного процесса. Однако не все, что изложено в разделе I Основ уголовного судопроизводства, может быть отнесено к основным принципам уголовного процесса. Так, перечень обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу (ст. 5), при всей важности этих положений не может рассматриваться как основной принцип уголовного процесса.

Не являются принципами уголовного процесса и указанные в разделе I обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу (ст. 15) и определение доказательств (ст. 16), а также основания к отводу судьи, прокурора и других участников процесса (ст. 18).

С другой стороны, в числе принципов уголовного процесса можно назвать некоторые положения, содержащиеся не в разделе «Общие положения» Основ уголовного судопроизводства, а в других разделах. Так, непосредственность и устность судебного разбирательства записаны в разделе IV «Производство дел в суде первой инстанции», но это, несомненно, принцип советского уголовного процесса, органически связанный с принципом гласности, прямо записанном в разделе I. Это же относится и к принципу состязательности, выражающему в ст. 38 раздела IV, которая говорит о равенстве прав участников судебного разбирательства.

Было бы неправильно рассматривать принципы непосредственности, устности и состязательности не как принципы уголовного процесса в целом, а как принципы только одной стадии уголовного процесса — судебного разбирательства на том основании, что они реализуются лишь в стадии судебного разбирательства, а на предварительном следствии их нет, почему они, и отнесены к разделу IV Основ и не фигурируют в разделе I. Но ведь гласность процесса записана в разделе I «Общие положения», хотя на предварительном следствии гласности нет. Гласность есть несомненный основной принцип советского уголовного процесса, закрепленный к тому же в Конституции СССР (ст. 111) и в Программе КПСС. А если так, то нет никаких оснований исключать из основных принципов советского уголовного процесса принципы непосредственности, устности, состязательности, только по тем мотивам, что они записаны не в разделе I «Об-

щие положения», а в разделе IV «Производство дел в суде первой инстанции».

Некоторые авторы включают в число основных принципов советского уголовного процесса «принцип законности»⁴². В изложенной в настоящей книге системе принципов советского уголовного процесса нет отдельного принципа законности потому, что принцип законности не есть отдельный принцип уголовного процесса наряду с принципами гласности, обеспечения обвиняемому права на защиту, состязательности процесса, национального языка судопроизводства и др. Принцип законности есть принцип деятельности всех государственных органов, учреждений, организаций, должностных лиц и граждан; он находит свое выражение и осуществление во всех принципах советского уголовного процесса, во всех процессуальных формах и институтах. Поэтому нельзя законность ставить в один ряд с другими процессуальными принципами — все принципы процесса выражают и осуществляют законность в уголовном процессе, нарушение любого принципа (например, гласности илц-права обвиняемого на защиту) есть нарушение законности⁴³.

Таким образом, принцип законности в уголовном процессе — это совокупность всех принципов процесса в их взаимной связи, а не отдельный принцип наряду с другими, это основа всех принципов процесса и каждого принципа в отдельности, а не нечто отличное от них, это то, что выражено во всех принципах процесса и в каждом отдельном принципе, а не одно лишь звено системы принципов.

Иногда высказывается мнение, что в систему принципов советского уголовного процесса следует включать также по своему существу организационные, судоустройственные принципы, такие, как выборность судей, участие народных заседателей, коллегиальность состава суда⁴⁴. Разумеется, в этом нет ничего неправильного, так как любой принцип судоустройства имеет то или иное процессуальное выражение. Так, о народных заседателях уже говорилось в связи с участием общественности в осуществле-

⁴² См., например: И. Д. Перлов. Подготовительная часть судебного разбирательства в советском уголовном процессе, стр. 9; «Советский уголовный процесс». Учебник под ред. Д. С. Карева, 1968, стр. 50.

⁴³ Об/этом верно сказано у А. Л. Ривлия (см. А. Л. Ривлия. Указ. сбч., стр. 33).

/ Неправильность конструирования принципа законности как отдельного процессуального принципа в одном ряду с другими процессуальными принципами особенно наглядно видна из того обстоятельства, что в обоих указанных выше книгах принцип независимости судей и их подчинения только закону рассматривается как принцип уголовного процесса, отличный от принципа законности, отделенный от него, с чем, конечно, согласиться нельзя.

Ы. А. Челюзов. Советский уголовный процесс. Госюриздат* 1962, стр. 45.

нии правосудия и будет говорить не раз в дальнейшем изложении, при рассмотрении вопросов о различных решениях, принимаемых судом по уголовным делам.

К принципам уголовного процесса все же следует отнести лишь принципы *процессуальные*, т. е. такие, которые характеризуют и определяют производство по уголовным делам, и нет необходимости, чтобы те положения, которые выражены и рассмотрены в судостроительстве, вновь воспроизводились и повторялись в уголовном процессе (это пришлось бы сделать и в гражданском процессе)⁴⁶.

При научной разработке системы основных принципов советского уголовного процесса нужно учитывать разную форму выражения этих принципов в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. Одни принципы прямо сформулированы в отдельных процессуальных нормах, и в законе записано их наименование. Таковы, например, независимость судей и подчинение их только закону (ст. 10 Основ уголовного судопроизводства), гласность судебного разбирательства (ст. 12), непосредственность и устность судебного разбирательства (ст. 37). Другие принципы выражены иначе: тот или иной принцип не сформулирован отдельно как процессуальная норма, но его содержание выражено в ряде норм и вытекает из их смысла. Таковы, например, презумпция невиновности, состязательность, материальная истина. Но различная форма выражения не меняет сущности, роли, значения основных принципов уголовного процесса, и все они сохраняют свое определяющее и руководящее значение независимо от того, выражены ли они в первой или второй форме⁴⁷.

45 А. Л. Ривлин включает судостроительные принципы вместе с процессуальными в систему *принципов советского правосудия* (см. А. Л. Ривлин. Указ. соч., стр. 28 и ел.), в чем он совершенно прав, но что не устраняет возможности отдельно конструировать систему принципов уголовного процесса.

46 Претив такого понимания принципов уголовного процесса возражают авторы учебника «Советский уголовный процесс» (под ред. Д. С. Карева, 1968), которые пишут: «Всякое расширение действительного круга принципов уголовного процесса означает игнорирование такого важного момента в понятии самих принципов, как *их обязательное закрепление в законе*, что дает повод относить к принципам уголовного процесса такие положения, которые могут иметь, по мнению того или иного автора, определяющее значение» (стр. 48; курсив мой. — М. С.). Ошибка авторов учебника состоит, во-первых, в том, что они упускают из виду различные формы закрепления принципов в законе; а, во-вторых, ошибка авторов — и еще более серьезная — состоит в том, что все правовые положения, которые не записаны в тексте закона в виде отдельных формул, они считают не больше, чем «мнением того или иного автора». Но ведь существует же *юридическая наука*, в данном случае *наука уголовного процесса*, которая не есть простой конгломерат мнений отдельных авторов, а есть подлинная общественная наука, вскрывающая содержание, смысл норм действующего права, исследующая проявляющиеся в действующем праве объективные общественные закономерности, внедряющая достижения научных исследований в жизнь, в практику.

§ 13. Нравственные начала уголовного судопроизводства

Все принципы советского уголовного процесса — *правовые* принципы: они выражены в действующем уголовно-процессуальном праве, они характеризуют весь строй, всю систему уголовно-процессуальных норм и уголовно-процессуальных отношений, они определяют направление и содержание уголовно-процессуальной деятельности.

Вместе с тем эти правовые принципы имеют *нравственную*, моральную основу, в них выражаются определенные нравственные, моральные требования, этические нормы, действующие в социалистическом обществе. Вообще характерная черта правовых принципов, в данном случае основных принципов уголовного процесса — это их тесная, неразрывная органическая связь с моральными, нравственными принципами, с этическими нормами.

Все социалистическое право связано с нравственностью социалистического общества, с коммунистической моралью, нормы социалистического права в своей основе имеют определенное нравственное содержание.

В социалистическом обществе велика роль нравственных, моральных норм в регулировании поведения людей, их взаимоотношений.

В Программе КПСС указывается: «В процессе перехода к коммунизму все более возрастает роль нравственных начал в жизни общества, расширяется сфера действия морального фактора и соответственно уменьшается значение административного регулирования взаимоотношений между людьми»⁴⁷.

Происходит сближение права с моралью при сохранении, разумеется, различий между ними; в праве все более отчетливо проявляется действие принципов нравственности, моральных требований⁴⁸.

Отражение нравственных начал в нормах социалистического права можно наблюдать во всех отраслях советского права,

«XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стеногр. отчет, т. III, стр. 317.

Проблемы нравственности в социалистическом обществе основательно разработаны в марксистской философской литературе. См., например: «Вопросы марксистско-ленинской этики». Госполитиздат, 1960; «Нравственные принципы строителя коммунизма». Изд-во «Мысль», 1965; А. Ф. Шишкин. Основы марксистской этики. Изд-во ИМО, 1961. Значительный интерес представляет труд американского философа-марксиста Говарда Селзама «Марксизм и мораль» (Перев. с англ. Изд-во иностранной литературы, 1962).

О взаимоотношении права и морали см.: М. П. Карева. Право и нравственность в социалистическом обществе. Изд-во АН СССР, 1951; «Теория государства и права». Изд-во АН СССР, 1962, гл. XVII; «Общая теория советского права». Под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самошенко. Изд-во «Юридическая литература», 1966, гл. III, § 2.

в том числе в уголовно-процессуальном праве. В некоторых отраслях права они выражаются наиболее отчетливо и ясно, например в трудовом праве, в семейном праве.

Разумеется, было бы упрощением и вульгаризацией искать нравственное содержание в каждой отдельной процессуальной норме, например в норме, определяющей структуру обвинительного заключения или в норме о судебных издержках и т. п. Что же касается правовых, уголовно-процессуальных принципов, то каждый принцип социалистического права или отдельной отрасли права всегда имеет определенное, более или менее ясно выраженные нравственное содержание, выражает определенные нравственные требования. А отсюда — проблема нравственных основ, нравственных начал советского уголовного процесса, социалистического уголовного судопроизводства. Эта проблема имеет чрезвычайно большое значение, так как в уголовном судопроизводстве затрагиваются в очень острой форме важные жизненные интересы общества и личности, совершаются действия и принимаются решения, от которых зависит честь, достоинство, судьба, иногда жизнь человека.

На тесную связь судопроизводства с этикой указывает само понятие *правосудия*, с которым народное правосознание всегда связывает представления о правде, справедливости: правый суд, справедливый суд, суд по закону, по совести⁴⁹.

Следует признать, что в науке советского уголовного процесса этой проблеме не уделялось должного внимания, она не подвергалась специальному научному исследованию. Нельзя сказать, что этические вопросы в уголовном процессе совсем не поднимались, полностью игнорировались: при исследовании различных процессуальных проблем в ряде случаев рассматривался их моральный аспект, нравственное содержание. Но это делалось попутно, обычно без четкого формулирования самой постановки вопроса.

Проблемы этики в процессе ставились главным образом относительно деятельности адвоката — о его взаимоотношениях с подзащитным, о допустимых (и недопустимых) приемах защиты и т. д. Однако проблема нравственных начал уголовного процесса затрагивает все сферы уголовно-процессуальной деятельности, и прежде всего деятельности государственных органов и их должностных лиц — следователей, прокуроров, судей, ведущих расследование и разбирательство уголовных дел и наделенных полномочиями применять меры государственного принуждения. Их деятельность протекает на строгом основании законов и в законных формах, но она должна также основываться на нормах нравственности, должна

быть проникнута нравственными началами, не может и не должна вступать в противоречие с требованиями морали⁵⁰.

Разумеется, в нашем Курсе мы не сможем рассмотреть в полном объеме эту очень важную и очень сложную проблему — она нуждается в самостоятельном научном исследовании. Мы же здесь ограничимся только некоторыми соображениями.

Нравственный характер присущ всем основным принципам советского уголовного процесса. Особенно ярко он выражен в принципе объективной, материальной истины и в принципе независимости судей и их подчинения только закону.

Поиски истины, обнаружение истины по уголовному делу — это не только юридическая обязанность следователя, судьи, прокурора, это их нравственный долг, выполнение которого требует преодоления всех духовных, нравственных сил. Подчас их подстерегает опасность поддаться впечатлению, подчиниться постороннему влиянию, создать себе предвзятое мнение. И не только нормы права, но и нормы морали указывают судьям, прокурору, следователю на необходимость преодолеть эту опасность, избежать иногда сильного соблазна внести в расследование и разрешение дела какие-либо соображения, чуждые задаче обнаружения истины.

Известное положение, что судьей может быть лишь тот, кто имеет не только юридическое, но и моральное право судить других отнюдь не исчерпывается требованием, чтобы судьями избирались люди, которые в своей деятельности не допускали порочащих, аморальных поступков. От судей требуются высокие положительные моральные качества, такой уровень морального развития, который позволил бы доверить данному лицу столь ответственное дело, как отправление правосудия.

Независимость судей и их подчинение только закону — это принцип как юридический, так и этический. Судить по убеждению, означает судить по *совести*, выносить только такие решения, в истинности, справедливости которых судья глубоко и непоколебимо уверен, не поддаваться влияниям и воздействиям, откуда бы они ни исходили; эти требования права одновременно и требования морали.

Если тот или иной судья при решении дела поддается какому-либо постороннему влиянию и принимает решение, отступающее от закона и своего убеждения — он не только нарушает закон, но и проявляет такую моральную неустойчивость, которая делает его недостойным высокого звания советского судьи.

Громадный интерес представляет, вышедшая в свет в начале настоящего столетия небольшая работа выдающегося русского юриста А. Ф. Кони «Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики)» (А. Ф. Кони. Собрание сочинений, т. 4, Изд-во «Юридическая литература», 1967).

Владимир Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка, т. III. Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1955, стр. '380.

Нравственные требования находят свое полное и отчетливое проявление в реализации обеспечения обвиняемому права на защиту и в презумпции невиновности. "Неуклонность уголовного преследования совершивших преступления лиц обязательно и необходимо сочетается с самым тщательным, осторожным, чутким и человеческим подходом к выяснению вины и степени ответственности тех, кто привлекается по уголовному делу. Если человек совершил преступление — он должен нести за него ответственность в меру своей вины. Но мы уже говорили о том, что только суд своим приговором может признать обвиняемого виновным и подвергнуть наказанию, а пока суд своего слова не сказал — вопрос о виновности еще не разрешен, обвиняемый виновным не признан, в отношении его действует презумпция невиновности—чудесный, гуманный принцип. Это *правовой принцип глубокого нравственного содержания*, в нем правовой аспект тесно переплетается с моральным.

При всей строгости суда к изобличенным опасным преступникам ход судебного процесса должен вестись на высоком этическом уровне, с предоставлением обвиняемому всех гарантий для защиты от обвинения, без малейшей предвзятости, без односторонне обвинительного подхода.

Для правильного осуществления социалистического правосудия необходима высокая культура судебных процессов⁵¹. Иногда под этим имеется в виду, так сказать, внешняя культура проведения судебных заседаний — надлежащая обстановка в суде, корректность судей, обвинителя, защитника и т. п. Но к этому культура судебных процессов не сводится, основное в ней — это *внутренняя* культура; иными словами, соблюдение нравственных, этических требований, человеческое, осторожное, вдумчивое отношение к подсудимому и его судьбе, забота об интересах потерпевшего, уважение к сторонам, искреннее желание найти правду и максимальная предусмотрительность, чтобы избежать ошибки.

Нравственные требования, относящиеся к соблюдению, обеспечению судьями прав личности в уголовном процессе, в полной мере адресуются прокурору, следователю, лицу, производящему дознание. Нравственные требования, предъявляемые к адвокату, выражены главным образом в том, чтобы адвокат наиболее полно использовал все возможности защиты, не упустил ничего, что может благоприятствовать его подзащитному, но в то же время применял только законные средства защиты, не вступал в противоречие с интересами общества, правосудия.

Нравственные начала находят также соответствующее выражение в устности, непосредственности и других принципах советского уголовного процесса.

См. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25 февраля 1967 г. «Об улучшении организации судебных процессов, повышения культуры их проведения и усилении воспитательного воздействия судебной деятельности» («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1967, № 2).

Уголовно-процессуальная деятельность и уголовно-процессуальные функции

§ 1. Уголовно-процессуальная деятельность

Органы следствия, прокуратура и суд, выполняя свои функции в области раскрытия преступлений, расследования уголовных дел и их разрешения, действуют на основании закона и в установленном законом процессуальном порядке. Совершаемые ими при расследовании и разрешении уголовных дел действия — допрос свидетеля следователем, привлечение следователем лица в качестве обвиняемого, принятие меры пресечения, допрос подсудимого и свидетеля судом на судебном следствии и т. д. — являются процессуальными действиями, так как они производятся в установленном процессуальным законом порядке и облекаются в установленные этим законом процессуальные формы.

Далее, процессуальные действия совершают лица, участвующие в уголовном процессе, — обвиняемый и его защитник, потерпевший и его представитель. Обвиняемый дает объяснения, представляет доказательства в свое оправдание, защитник совершает ряд действий, направленных на опровержение обвинения, предъявленного обвиняемому, или на установление смягчающих вину обстоятельств. Потерпевший, т. е. лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред, обладает рядом прав, осуществляя которые он участвует в расследовании и судебном разбирательстве дела и защищает свои интересы. Если потерпевший понес материальный ущерб в результате преступления, он предъявляет гражданский иск о возмещении ущерба, причиненного ему преступными действиями обвиняемого, и поддерживает этот иск на суде лично или через своего представителя.

Все процессуальные действия, которые совершаются как государственными органами, ведущими производство по уголовному делу, так и лицами, участвующими в этом производстве, в своей совокупности образуют *уголовно-процессуальную деятельность*.

Уголовно-процессуальная деятельность — это совокупность совершаемых в установленном процессуальным законом порядке

действий участников уголовного процесса: суда, прокуратуры и органов следствия и дознания, обвиняемого и его защитника, потерпевшего и его представителя.

Процессуальная деятельность не представляет собой механического соединения разрозненных действий различных участников процесса, она имеет организованный и целеустремленный характер, определяемый теми задачами, которые законом возложены на прокуратуру и органы следствия. В системе процессуальной деятельности основная, руководящая и решающая роль принадлежит органам Советского государства — суду, прокуратуре и органам следствия, осуществляющим свои задачи в области борьбы с преступлениями. Вместе с тем процессуальные действия, совершаемые обвиняемым и его защитником, потерпевшим и его представителем при производстве по уголовному делу, также имеют очень важное значение, так как этими действиями обвиняемый и потерпевший, лично и при помощи своих представителей, осуществляют свои права и защищают свои интересы*.

Уголовно-процессуальная деятельность выражается в *производстве по уголовному делу*, т. е. в совершаемых участниками уголовно-процессуальной деятельности действиях. Эти действия совершаются в предусмотренном уголовно-процессуальном законом порядке и облекаются в предусмотренные этим законом процессуальные формы.

Для того чтобы могло быть начато производство по уголовному делу, или, иначе говоря, возбуждено уголовное дело и по этому делу производилась уголовно-процессуальная деятельность, необходимо, чтобы имелись данные о том, что совершено преступление, так как уголовно-процессуальная деятельность ведется только по поводу преступления, т. е. общественно-опасного деяния, предусмотренного уголовным законом (ст. 7 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик).

§ 2. Обстоятельства, устраняющие производство по уголовному делу

Уголовно-процессуальный закон устанавливает перечень обстоятельств, наличие хотя бы одного из которых устраняет возможность производства по уголовному делу, т. е. не допускает начала и ведения уголовно-процессуальной деятельности. При любом из таких обстоятельств уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению. Эти обстоятельства перечислены в ст. 5 Основ уголовного судопроизводства.

Отсутствие события преступления. Если нет данных о том, что совершено преступление, если само событие

¹ О деятельности общественного обвинителя и общественного защитника, гражданского истца и гражданского ответчика см. в гл. VII.

преступления не произошло — производство по уголовному делу не может быть начато, уголовное дело не может быть возбуждено, а если оно было возбуждено (потому что имелось неподтвердившееся впоследствии предположение, что преступление было совершено), уголовное дело подлежит прекращению.

Однако если дело уже рассматривается судом и то обстоятельство, что не было самого события преступления (например, не было убийства, а была смерть от болезни, ошибочно принятая за убийство), выяснилось во время судебного разбирательства, дело не прекращается, а суд выносит оправдательный приговор (ст. 43 Основ уголовного судопроизводства).

Отсутствие в деянии состава преступления. Производство по уголовному делу может вестись только в связи с деянием, в котором усматриваются признаки состава преступления. Если же в действиях, совершение которых приписывается данному лицу, нет признаков уголовно-наказуемого деяния, т. е. нет состава преступления, уголовное дело не может быть возбуждено. Если уголовное дело уже было возбуждено, а позднее в процессе расследования выяснилось, что в этих действиях нет состава преступления, уголовное дело должно быть прекращено в любой стадии процесса.

Отсутствие состава преступления означает, что данное деяние не предусмотрено уголовным законом как преступление; что данное деяние, с его объективной стороны предусмотренное уголовным законом как преступление, совершено без умысла и при отсутствии неосторожности (т. е. нет вины); при совершении деяния, предусмотренного уголовным законом как преступление, имелись обстоятельства, лишающие это деяние общественно опасного и противоправного характера (например, совершение убийства в состоянии необходимой обороны без превышения ее пределов, умышленное уничтожение чужого имущества в состоянии крайней необходимости).

В любом из этих случаев в действиях лица отсутствует состав преступления, поэтому уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению в любой стадии процесса. Если же дело уже рассматривается в судебном заседании, в котором обнаруживается отсутствие в действиях подсудимого состава преступления, судебное разбирательство доводится до конца и суд выносит оправдательный приговор (ст. 43 Основ уголовного судопроизводства).

Истечение сроков давности. Давностные сроки, т. е. сроки, истечение которых со дня совершения преступления устраняет возможность привлечения совершившего преступления лица к уголовной ответственности, установлены материальным уголовным законом (ст. 41 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, ст. 48 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик). Истече-

ние срока давности, если не было перерыва течения давности, устраняет возможность возбуждения уголовного дела по данному преступлению, а если дело уже было возбуждено, оно подлежит прекращению.

Если дело рассматривается судом в судебном заседании и выясняется, что срок давности по этому делу истек, последнее не прекращается, а разбирательство дела продолжается и при доказанности обвинения заканчивается вынесением судом обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания (ч. 2 ст. 5 Основ уголовного судопроизводства). -

Но и до судебного разбирательства дело не подлежит прекращению в случае истечения срока давности, если против этого возражает обвиняемый. В этом случае производство по делу продолжается в обычном порядке (ч. 3 ст. 5 Основ уголовного судопроизводства). Такая норма введена потому, что прекращение дела ввиду истечения срока давности хотя и не означает признания обвиняемого виновным — это может сделать только суд своим приговором — и не создает ему судимости, но в общественном, моральном отношении не реабилитирует его полностью. Поэтому привлеченное к уголовной ответственности лицо, по делу которого истек срок давности, вправе требовать, чтобы вопрос о его виновности или невиновности был разрешен по существу, и если следователь и прокурор придут к выводу о его виновности, ему была бы дана возможность оспаривать обвинение перед судом.

Наличие акта амнистии, если он устраняет применение наказания за совершенное деяние, а также помилование отдельного лица, совершившего преступление. Если акт амнистии устраняет применение наказания за совершенное преступление, производство по делу об этом преступлении не может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению в любой стадии процесса.

Как и в случаях истечения срока давности, если то обстоятельство, что данное деяние подпадает под действие акта амнистии, устраняющего применение наказания за него, выясняется на судебном разбирательстве, дело не прекращается, а продолжается слушанием. Если суд признает обвинение доказанным, он в этом случае выносит обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания в силу акта амнистии.

Если возбужденное дело подлежит прекращению по амнистии, обвиняемый вправе возражать против прекращения, и в этом случае дело расследуется и рассматривается судом в общем порядке. Как и в случаях истечения срока давности, прекращение дела по амнистии не означает признания обвиняемого виновным и не создает для него судимости, но все же в общественном отношении таким образом он не реабилитирован полностью. Поэтому обвиняемому предоставляется право оспаривать обвинение перед

судом, и этого права он не может быть лишен применением к нему амнистии. В этих случаях дело рассматривается в общем порядке².

Недостижение лицом к моменту совершения общественно опасного деяния возраста, по достижении которого, согласно закону, возможна уголовная ответственность. Согласно ст. 10 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик уголовной ответственности подлежат лица, которым до совершения преступления исполнилось 16 лет. За некоторые преступления, прямо указанные в законе, — убийство, умышленное нанесение телесных повреждений, причинившее расстройство здоровья, изнасилование, разбойное нападение и др. — уголовной ответственности подлежат лица, совершившие преступление в возрасте от 14 до 16 лет.

Ц! Таким образом, в отношении лиц, совершивших преступление до достижения указанного возраста, производство по уголовному делу не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению.

Примирение потерпевшего с обвиняемым по делам частного обвинения. Отсутствие жалобы потерпевшего по делам частного и лично-публичного обвинения. Перечень этого рода дел указан в законодательстве союзных республик; вместе с тем оно предусматривает условия, при которых прокурор может возбудить дело частного обвинения и без жалобы потерпевшего или вступить в уже возбужденное дело. Дело в таком случае не подлежит прекращению за примирением потерпевшего с обвиняемым (ст. 27 УПК РСФСР; ст. 89 УПК

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 26 марта 1959 г. по делу § 1. Карабанова указывается: «В числе обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, в ст. 5 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик установлено, что уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению за истечением сроков давности (п. 3) и вследствие акта амнистии, если он устраняет применение наказания за совершенное деяние, а также ввиду помилования отдельных лиц (п. 4).

Вместе с тем в ст. 5 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик установлено, что прекращение дела по указанным основаниям не допускается, если обвиняемый против этого возражает. В этом случае производство по делу продолжается в обычном порядке.

Таким образом, в случае, когда обвиняемый возражает против прекращения дела по одному из перечисленных выше пунктов ст. 5 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и настаивает на рассмотрении дела по существу, суд не вправе отказать ему в этом» («Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса, 1946—1962 гг.». Изд-во «Юридическая литература», 1964, стр. 8—10.)

Казахской ССР, ст. 27 УПК УССР; ст. 111 УПК Латвийской ССР и соответствующие статьи УПК других союзных республик)³.

Смерть лица, действия которого были основанием к возбуждению производства по уголовному делу.

Производство по уголовному делу не может быть возбуждено в отношении умершего. Если оно было возбуждено, а смерть данного лица выяснилась после этого или лицо умерло во время производства по делу, дело подлежит прекращению.

Дело подлежит прекращению ввиду смерти обвиняемого только тогда, когда отсутствуют другие основания для прекращения дела, которые означают установление невиновности обвиняемого. Поэтому, если в ходе производства по делу выясняются данные, устанавливающие отсутствие в действиях обвиняемого состава преступления или недоказанность совершения им: преступления, дело подлежит прекращению именно на этом основании, снимающему с обвиняемого обвинение, а не ввиду его смерти*.

Закон устанавливает некоторые случаи, когда допускается производство по уголовному делу в отношении умершего. Так, это может иметь место тогда, когда от исхода уголовного дела в отношении умершего зависит судьба другого дела, по которому были привлечены живые лица. Например, если судебный приговор основан на показаниях свидетеля или на заключении эксперта, как оказалось впоследствии, ложных, то хотя свидетель или эксперт умер, в отношении его будет возбуждено производство и проведено расследование, так как в зависимости от того, подтвердится или не подтвердится его обвинение, будет отменен или оставлен в силе приговор, основанный на его показаниях или заключении. Точно так же производство может быть возбуждено в отношении умершего судьи, если станет известно, что при вынесении приговора им совершено преступление, так как и в этом случае от результатов расследования будет зависеть решение вопроса об отмене или оставлении в силе вынесенного с участием этого судьи приговора.

Производство по уголовному делу может быть возбуждено и вестись в отношении умерших лиц, производящих расследование уголовных дел, если совершенные этими лицами при расследовании дела преступные злоупотребления повлекли вынесение необоснованного и незаконного приговора или определения суда о прекращении дела.

³ Ст. 27 УПК РСФСР предусматривает возможность возбуждения прокурором без жалобы потерпевшего дела о преступлении, предусмотренном ст. 141 УПК РСФСР, которое относится к делам частно-публичного обвинения.

* См. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1962 г. по делу Семенова («Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса, 1946—1962 гг.», стр. 5).

Все эти случаи производства по уголовному делу в отношении умерших лиц относятся к возобновлению дел по вновь открывшимся обстоятельствам (ст. 384 УПК РСФСР).

Особо стоит вопрос о ведении производства по уголовному делу в отношении умершего в целях его реабилитации.

Если в ходе производства по уголовному делу привлеченное или подлежащее привлечению к уголовной ответственности лицо умерло, но родственники обвиняемого, его товарищи, общественные организации и т. п. просят произвести расследование дела для того, чтобы была выяснена невиновность умершего и с его памяти снято пятно, связанное с обвинением, дело не подлежит прекращению из-за смерти обвиняемого.

Если обвиняемый был осужден судом, и после этого умер, а затем выявились новые данные, устанавливающие необоснованность вынесенного в отношении его обвинительного приговора — должно быть произведено расследование для того, чтобы приговор был пересмотрен по вновь открывшимся обстоятельствам и осужденный посмертно был реабилитирован.

Реабилитация умершего производится путем прекращения дела, о чем выносится постановление следователя или прокурора или определение суда. Оно может быть мотивировано отсутствием самого события преступления, в совершении которого обвинялось данное лицо, отсутствием состава преступления в его действиях, или недоказанностью участия его в совершении преступления, т. е. дело прекращается по тем основаниям, по которым выносится судом оправдательный приговор⁵.

Наличие вступившего в законную силу приговора в отношении данного лица по обвинению в том же преступлении и. Если в отношении данного лица был вынесен приговор, вступивший в законную силу (обвинительный или оправдательный), это лицо не может быть вновь привлечено за то же преступление, по обвинению в котором оно было осуждено или оправдано. Этот принцип носит название «Non bis in idem», что значит: «нельзя дважды (привлекать) за одно и то же». Такое же правило применяется в отношении определений и постановлений суда о прекращении дела⁶.

⁵ В порядке судебного надзора возможен пересмотр приговора в отношении умершего лица не только для прекращения о нем дела, но и для изменения квалификации деяния на более легкую (например, предусматривающую неосторожное преступление, тогда как умерший был осужден за умышленное преступление, или предусматривающую преступление без корыстных мотивов, тогда как подсудимому вменено в вину корыстное деяние). Хотя в таких случаях нет полной реабилитации, но все же память об умершем оказывается не столь опороченной, что для близких умершего может иметь серьезное значение.

⁶ Нарушение этого положения было отмечено определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 16 февраля

Если же по данному делу вступивший в законную силу приговор был отменен в порядке судебного надзора или по вновь открывшимся обстоятельствам, привлечение данного лица вновь к уголовной ответственности за то же деяние возможно, так как уже нет вступившего в законную силу приговора.

В уголовно-процессуальных кодексах некоторых союзных республик указывается еще одно обстоятельство, исключаящее производство по уголовному делу: наличие неотмененного постановления органа дознания, следователя, прокурора о прекращении дела в отношении данного лица по тому же обвинению, кроме случаев, когда суд найдет необходимым привлечь это лицо во время судебного разбирательства (п. 10 ст. 5 УПК РСФСР; п. 10 ст. 6 УПК УССР; п. 10 ст. 5 УПК БССР). Мы полагаем, что правильно решают этот вопрос уголовно-процессуальные кодексы других союзных республик, не предусматривающие это обстоятельство (ст. 5 УПК Латвийской ССР; ст. 6 УПК Туркменской ССР и др.). Постановление органа дознания, следователя и прокурора не может быть приравнено к приговору, определению и постановлению суда: только суд полномочен осуществлять правосудие⁷.

§ 3. Уголовно-процессуальные функции

Уголовно-процессуальная деятельность имеет различные формы: *расследование дела*, производимое следственными органами и прокуратурой, и *разбирательство и разрешение дела*, производимые судом.

Уголовно-процессуальная деятельность является организованной и целенаправленной, в соответствии с задачами быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных и обеспечения правильного применения закона (ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик). Вместе с тем уголовно-процессуальная деятельность имеет различные виды, отдельные направления, тесно взаимосвязанные, но не совпадающие, не поглощающие друг друга.

Эти отдельные виды, отдельные направления уголовно-процессуальной деятельности называются уголовно-процессуальными функциями.

1949 г. по делу Мтиулишвили и Сулейманашвили, по которому было допущено повторное привлечение при наличии неотмененного оправдательного приговора. Коллегия Верховного Суда СССР отменила соответствующее судебное решение и прекратила дело («Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса, 1946—1962 гг.», стр. 10, 11).

О прекращении уголовного дела и освобождении от уголовной ответственности совершившего преступление лица ввиду изменения обстановки, передачи лица на поруки, передачи дела в товарищеский суд и в комиссию по делам несовершеннолетних будет сказано в томе II,

В уголовном процессе существуют *три основных уголовно-процессуальных функции*: 1) *обвинение (уголовное преследование)*, 2) *защита* и 3) *разрешение дела*.

Уголовно-процессуальная деятельность не может рассматриваться как механическое соединение, сложение указанных трех уголовно-процессуальных функций: эта деятельность является целостной и целенаправленной, но в ней различаются три основных направления.

Уголовно-процессуальная деятельность ведется по поводу совершенного преступления и направлена на то, чтобы изобличить совершившее преступление лицо, доказать его виновность, обеспечить его осуждение и наказание. Это — *обвинение (уголовное преследование)*.

Лицу, в отношении которого ведется уголовное преследование, которое обвиняется в совершении преступления, законом предоставляется возможность защищаться от обвинения, оспаривать обвинение, приводить доводы и доказательства в опровержение обвинения и для смягчения своей ответственности. При расследовании и разбирательстве дела должно выясняться не только то, что подтверждает обвинение, но и то, что свидетельствует в пользу обвиняемого, что служит к оправданию обвиняемого или к смягчению его вины. Это — *защита*.

Вопрос о виновности привлеченного к уголовной ответственности лица должен получить разрешение, данное лицо должно быть либо признано виновным и понести наказание, либо признано невиновным, оправдано. Это — *разрешение* дела.

Все три уголовно-процессуальные функции получают свое выражение по каждому уголовному делу, которое передается на рассмотрение суда⁸.

Рассмотрим каждую уголовно-процессуальную функцию.

⁸ Р. Д. Рахунов усматривает в уголовном процессе шесть функций: к трем указанным выше функциям он присоединяет расследование дела, поддержание гражданского иска и защиту от гражданского иска (Р. Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. Госюриздат, 1961, стр. 47, 48).

Аналогичную конструкцию поддерживает П. С. Элькинд, характеризующая две последние функции как «побочные» («Сущность советского уголовно-процессуального права». Изд-во ЛГУ, 1963, стр. 59—66).

Мы же говорим об *основных* функциях. Что касается расследования дела, то мы думаем, что это не уголовно-процессуальная функция, а стадия уголовного процесса — дознание и предварительное следствие.

Обстоятельное исследование процессуальных функций проведено в монографии болгарского ученого-процессуалиста, члена-корреспондента Болгарской Академии наук профессора Стефана Павлова «Проблемы на основните функции социалистическия наказателен процес» («Наука и изкуство». София, 1966). Автор устанавливает три основные функции в уголовном процессе: обвинительную функцию, функцию защиты и функцию процессуального руководства и разрешения вопросов, возникающих в соответствующих стадиях процесса (стр. 7).

§ 4. Обвинение

Обвинение — это совокупность процессуальных действий, направленных на то, чтобы изобличить в совершении преступления привлеченное к уголовной ответственности лицо и обеспечить применение к нему заслуженного наказания.

Следовательно, обвинение как уголовно-процессуальная функция — это обвинительная деятельность, это деятельность органа или лица, обвиняющего, изобличающего определенное лицо в совершении преступления.

Но понятие обвинения имеет не одно, а несколько значений; приведенное выше — это первое значение понятия обвинения.

Второе значение понятия обвинения состоит в том, что под обвинением имеется в виду деятельность обвинителя, выступающего в суде в качестве стороны. Это — более узкое понятие обвинения (по отношению к обвинению и первом значении).

В третьем значении обвинение — это предмет обвинения, содержание обвинения, иначе — обвинительный тезис, утверждение о виновности обвиняемого в совершении преступления. Именно в этом смысле в уголовном процессе применяются такие выражения, как «предъявление обвиняемому обвинения» (в совершении такого-то преступления), «доказанность (или недоказанность) обвинения», «поддержание обвинения», «отказ от обвинения».

Четвертое значение понятия обвинения — обвинение как сторона обвинения, наименование обвинителя, выступающего в суде. В этом смысле прокурор в суде есть сторона обвинения (как защитник — сторона защиты): например, в суде он дает свое заключение по ходатайству защитника о вызове свидетелей в такой форме: «обвинение не возражает против вызова указанных защитой свидетелей».

Из изложенных значений понятия обвинения видно, что обвинением как процессуальной функцией является обвинение только в первом и втором значении, т. е. *обвинение как обвинительная деятельность*.

Обвинение как уголовно-процессуальная функция, т. е. обвинительная деятельность, совокупность действий направленных на то, чтобы изобличать совершившее преступление лицо и обеспечить применение к нему заслуженного наказания, носит также наименование *уголовного преследования*.

Таким образом, уголовное преследование — это обвинение как уголовно-процессуальная функция, обвинительная деятельность, т. е. обвинение в первом и втором значении этого понятия.

Обвинение как уголовно-процессуальная функция, иными словами, как уголовное преследование — крайне важная деятельность; в его основе лежит неуклонное требование советского за-

кона, чтобы совершившие преступления лица были привлечены к уголовной ответственности и понесли наказание в соответствии с тяжестью совершенного преступления и своей виной. В обвинении находит свое непосредственное выражение деятельность органов прокуратуры и следствия, ведущих борьбу с преступлениями, т. е. общественно опасными деяниями, посягающими на советское социалистическое государство, систему социалистических общественных отношений, советский правопорядок.

В Положении о прокурорском надзоре в СССР от 24 мая 1955 г. указано, что на органах прокуратуры лежит обязанность «привлекать к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, принимать меры к тому, чтобы ни одно преступление не осталось нераскрытым и ни один преступник не уклонился от ответственности» (п. 1 ст. 17).

Это и есть обвинение, уголовное преследование, обязанность осуществления которого лежит на прокуратуре и органах предварительного следствия и дознания⁹.

Значение обвинения в советском уголовном процессе очень велико.

Для того чтобы социалистическое правосудие могло выполнять свои задачи охраны советского государственного и общественного строя, прав и законных интересов граждан от преступных посягательств, необходимо неуклонное изобличение совершивших преступления лиц.

Успешность уголовного преследования заключается в том, что совершившее преступление лицо изобличается в этом с полной несомненностью и достоверностью, вследствие чего в результате рассмотрения дела судом признается виновным и подвергается наказанию.

Решительность и неуклонность в изобличении лиц, совершивших преступления, активность и быстрота деятельности советских органов следствия и прокуратуры в борьбе с преступлениями, умение обнаружить все доказательства, изобличающие совершивших преступления лиц, и преодолеть самые изощренные попытки преступника уйти от законной ответственности — таковы основные условия успешности уголовного преследования.

На предварительном следствии уголовное преследование осуществляет следователь, поскольку он привлекает гражданина к уголовной ответственности, изобличает обвиняемого, собирает доказательства, подтверждающие обвинение, применяет к обвиняемому принудительные меры (меры пресечения и др.). На предварительном следствии уголовное преследование осуществляет также прокурор, поскольку предварительное следствие проводится под руководством прокурора.

⁹ О других формах обвинения, осуществляемого потерпевшим и общественным обвинителем, будет сказано в главе VII.

На судебном разбирательстве Дела уголовное преследование осуществляет прокурор в форме поддержания государственного обвинения.

Обвинительная деятельность, уголовное преследование ведется строго на основании закона и в соответствии с законом. Привлечение гражданина к уголовной ответственности возможно лишь тогда, когда имеются к тому законные основания, и само избрание обвиняемого в совершении преступления может производиться лишь в законных формах и законными способами.

§ 5. Возбуждение, ведение и окончание уголовного преследования

По характеру уголовно-процессуальной функции обвинение, уголовное преследование возбуждается и ведется в отношении определенного лица. Ст. 143 УПК РСФСР устанавливает: «При наличии достаточных доказательств, дающих основание для предъявления обвинения в совершении преступления, следователь выносит мотивированное постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого». Вынесение такого постановления следователем и есть акт возбуждения уголовного преследования, после чего возбужденное уголовное преследование ведется в ходе дальнейшего производства по делу.

Уголовное преследование направляется против обвиняемого, т. е. лица, привлеченного к уголовной ответственности по обвинению в совершении преступления. Как уже указывалось, в советском уголовном процессе обвиняемый — не объект процесса, а субъект процессуальных прав. Тот факт, что в уголовном процессе уголовное преследование направлено на обвиняемого, не меняет его процессуального положения как субъекта процессуальных прав.

Уголовное преследование — сложная деятельность, она связана с тем, что лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, ставится в положение обвиняемого по уголовному делу и к нему применяются различные принудительные меры (вызов на допрос, принятие меры пресечения и др.). Поэтому прежде чем возбудить уголовное преследование, нужно подготовить его, установить и проверить его основания. В момент возбуждения уголовного дела обычно не известно лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого. В тех же случаях, когда на какое-то лицо имеются указания в материалах, поступивших к прокурору и следователю, эти указания необходимо тщательно проверить, прежде чем решать вопрос о привлечении данного лица к уголовной ответственности, о возбуждении в отношении него уголовного преследования.

Поэтому следователь сначала должен произвести по принятому им к своему производству делу ряд следственных действий,

чтобы разобраться в деле, удостовериться в том, что преступление действительно произошло, найти доказательства, уличающие совершившее преступление лицо, проверить эти доказательства и т. д. Лишь после этого, в результате производства ряда следственных действий (осмотров, допросов и т. д.), следователь может прийти к обоснованному выводу о необходимости привлечь определенное лицо в качестве обвиняемого, возбудив тем самым в отношении его уголовное преследование.

Но по некоторым делам подлежащее привлечению к уголовной ответственности лицо может быть известно в самом начале производства по делу и в распоряжении следователя в самом же начале следствия может быть достаточно уличающих доказательств (например, при поимке преступника на месте преступления); по таким делам привлечение в качестве обвиняемого, а тем самым возбуждение уголовного преследования происходит в самом начале следствия, непосредственно за возбуждением дела и принятием его следователем к своему производству.

Таким образом, уголовное преследование — это процессуальная деятельность, направленная против определенного лица, обвиняемого в совершении преступления.

Возбуждение уголовного преследования может иметь место только на основании закона, в соответствии с законом и при наличии условий, установленных законом.

Так и сказано в законе: «Никто не может быть привлечен в качестве обвиняемого иначе как на основаниях и в порядке, установленных в законе» (ст. 4 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик; ст. 4 УПК РСФСР; соответствующие статьи УПК других союзных республик).

В соответствии с этим уголовное преследование возбуждается, если:

— то деяние, по поводу которого возбуждается уголовное преследование, рассматривается уголовным кодексом как преступление; это значит, что уголовное преследование может быть возбуждено лишь по поводу преступления, уголовно наказуемого деяния и не может быть возбуждено по поводу деяния, за совершение которого не наступает уголовной ответственности;

— по делу собраны доказательства, дающие основание для предъявления данному лицу обвинения в совершении преступления; это значит, что привлечение гражданина к уголовной ответственности должно основываться на собранных и проверенных доказательствах, но не на предположениях, недостоверных сведениях и т. д.;

— по делу нет обстоятельств, в силу закона устранивающих уголовное преследование: закон (ст. 5 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик; ст. 5 УПК РСФСР) устанавливает обстоятельства, при наличии которых уголовное

преследование не может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению в любой стадии процесса¹⁰.

В нашей процессуальной литературе распространена и иная точка зрения на уголовное преследование. Так, некоторые авторы считают, что уголовное преследование ведется не обязательно в отношении определенного лица, обвиняемого по уголовному делу; оно может вестись в отношении самого факта, события преступления, когда обвиняемого еще нет, так как подлежащее привлечению к уголовной ответственности лицо еще не известно, не обнаружено следствием. Сторонники этой точки зрения возбуждение уголовного преследования отождествляют с началом производства по уголовному делу, с возбуждением уголовного дела¹¹.

Такой взгляд на уголовное преследование следует признать неправильным. Само понятие уголовного преследования указывает на обвинительный характер этой деятельности, а обвинять в совершении преступления можно только определенное лицо, занимающее в уголовном процессе определенное процессуальное положение, т. е. обвиняемого. Мы уже указывали, что уголовное преследование — это обвинение как процессуальная функция, т. е. обвинительная деятельность. Поэтому не могут считаться уголовным преследованием первоначальные действия, произведенные органом дознания или следователем и направленные на то, чтобы убедиться, имело ли вообще место само событие преступления. Когда следователь по поступившему к нему делу об убийстве вначале производит следственные действия для того,

чтобы выяснить, действительно ли потерпевший был убит или в данном случае имело место самоубийство или несчастный случай, неправильно было бы утверждать, что следователь уже ведет уголовное преследование, так как следователь еще никого и ни за что не преследует, никого ни в чем не обвиняет, он лишь выясняет, имеются ли основания для уголовного преследования.

Из того, что в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик не применяется термин «уголовное преследование», иногда делается вывод, что само понятие уголовного преследования не имеет права на существование в советском уголовном процессе. Это — неверно. Ст. 4 Основ гласит: «Никто не может быть привлечен в качестве обвиняемого иначе, как на основаниях и в порядке, установленных в законе». Здесь речь идет о возбуждении уголовного преследования против гражданина. Ст. 143 УПК РСФСР устанавливает: «При наличии достаточных доказательств, дающих основание для предъявления обвинения в совершении преступления, следователь выносит мотивированное постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого». Это и есть возбуждение уголовного преследования против определенного лица.

Вся дальнейшая деятельность следователя, направленная на избличение совершившего преступление лица, на доказывание его виновности, есть осуществление уголовного преследования. Поддержание прокурором обвинения против подсудимого есть также осуществление уголовного преследования.

Пленум Верховного Суда СССР в своих руководящих разъяснениях судам по вопросам применения законодательства при рассмотрении судебных дел в ряде случаев применяет понятие уголовного преследования.

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве» упоминаются «сроки давности уголовного преследования»¹². Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 14 марта 1963 г. «О признании утратившими силу или изменении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда СССР по гражданским и уголовным делам» формулирует правило о том, как исчисляется «срок давности уголовного преследования в отношении длящихся преступлений»¹³.

Будучи возбуждено при наличии законных оснований и процессуально выражено в акте привлечения лица к уголовной ответственности (ст. 143 УПК РСФСР), уголовное преследование продолжается и осуществляется в течение всего производства по делу. Не исчерпывая собой всей дальнейшей процессуальной деятельности по делу, так как эта деятельность включает и дру-

¹⁰ Лишь в одном случае уголовное преследование может быть начато до привлечения лица в качестве обвиняемого — это при появлении в деле *подозреваемого*. При задержании подозреваемого лица или при применении к нему меры пресечения до предъявления обвинения в отношении этого лица производятся действия, направленные на его избличение, т. е. по существу начинается ведение уголовного преследования (разумеется, не исчерпывающее всех действий органа дознания или следователя, которые должны объективно разобраться, есть ли основания для привлечения этого лица в качестве обвиняемого). Но подозреваемый — эпизодическое лицо в производстве по уголовному делу, по подавляющему большинству уголовных дел его вообще нет, а в тех делах, где он участвует, он фигурирует в деле в течение короткого срока (до трех суток при задержании, до десяти суток при применении меры пресечения), после чего он либо становится обвиняемым, либо выбывает из дела и в качестве подозреваемого никогда не доходит до суда, не участвует в судебном разбирательстве. Исходя из этих особенностей положения подозреваемого в уголовном процессе, а также учитывая, что уголовно-процессуальной функцией может быть *обвинение*, но никак не *подозрение*, мы не вводим указание на подозреваемого в общее понятие уголовного преследования, не включаем в его определение. В данном случае понятие уголовного преследования не совпадает с понятием обвинения.

¹¹ См., например: М. А. Ч е л ъ ц о в. Советский уголовный процесс. Госюриздат, 1951, стр. 88, 89; в позднейшей работе «Советский уголовный процесс» (Госториздат, 1962) автор вообще устраняет понятие уголовного преследования.

«Бюллетень Верховного Суда СССР», 1962, № 5, стр. 12.
«Бюллетень Верховного Суда СССР», 1963, № 3, стр. 22.

гие процессуальные функции, уголовное преследование, так сказать, вплетается в ткань всей процессуальной деятельности, продолжается в составе этой деятельности до тех пор, пока уголовное дело не получит окончательного разрешения.

Уголовное преследование, осуществляемое по делу совместно с другими процессуальными функциями, включает в себя различные процессуальные действия, основные виды которых могут быть сведены:

— к действиям следственных органов и прокуратуры (допросы, очным ставкам и др.), заключающимся в собирании доказательств, уличающих обвиняемого и устанавливающих отягчающие его вину обстоятельства;

— к действиям следственных органов и прокуратуры, заключающимся в применении к обвиняемому различных принудительных мер: применении мер пресечения, производстве обысков и освидетельствований и др.;

— к действиям прокурора, направленным на то, чтобы обосновать обвинение перед судом, убедить суд в виновности обвиняемого и в необходимости применить к нему наказание: к передаче прокурором дела в суд с утвержденным обвинительным заключением, участию прокурора в распорядительном заседании суда при решении вопроса о предании обвиняемого суду, поддержанию прокурором государственного обвинения в судебном заседании, принесению кассационного протеста на приговор суда.

Окончание уголовного преследования производится в следующих формах:

— вынесение и вступление в законную силу обвинительного приговора, которым подсудимый признан виновным в совершении инкриминируемого ему преступления;

— прекращение дела на предварительном следствии (ст. 208 УПК РСФСР) или в распорядительном заседании суда (ст. 234 УПК РСФСР)¹⁴ или вынесение и вступление в законную силу оправдательного приговора суда.

§ 6. Защита как процессуальная функция

Защитой называется совокупность процессуальных действий, направленных на опровержение обвинения, на установление невиновности обвиняемого или на смягчение его ответственности.

Защита в уголовном процессе сопутствует уголовному преследованию, обвинению и развивается параллельно с ним. Везде,

¹⁴ В некоторых случаях возможно прекращение дела и в судебном заседании (ст. 259 УПК РСФСР).

где есть обвинение, есть и защита; везде, где обвиняемого обвиняют, ведут в отношении его уголовное преследование, ему предоставляется возможность защищаться от обвинения.

В силу ст. 111 Конституции СССР обвиняемому обеспечивается право на защиту.

Ст. 13 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик устанавливает: «Обвиняемый имеет право на защиту».

Следователь, прокурор и суд обязаны обеспечить обвиняемому возможность защищаться установленными законом средствами и способами от предъявленного ему обвинения и обеспечить охрану его личных и имущественных прав».

Защита и есть та процессуальная функция, которая состоит в реализации права обвиняемого на защиту.

Защита — это прежде всего процессуальная деятельность самого обвиняемого. Лицо, привлеченное в качестве обвиняемого, наделяется законом рядом процессуальных прав для защиты от предъявляемого ему обвинения. Вся совокупность процессуальных действий, совершая которые обвиняемый осуществляет свои процессуальные права, входит в содержание защиты как процессуальной деятельности. Так, когда обвиняемый дает объяснения по предъявленному ему обвинению, представляет доказательства и доводы в опровержение обвинения, возбуждает ходатайства перед следователем или судом о выяснении обстоятельств, благоприятных для обвиняемого, и т. д. — все это (и многое другое) есть защита, осуществляемая самим обвиняемым.

Защитой является также деятельность защитника, представителя законных интересов обвиняемого. Закон наделяет защитника широкими процессуальными правами, используя которые защитник ведет защиту обвиняемого, оспаривает обвинение, приводит доводы и доказательства в опровержение обвинения или для смягчения ответственности обвиняемого, отстаивает, охраняет права и законные интересы обвиняемого.

Таким образом, защита — это деятельность самого обвиняемого и его защитника.

Однако деятельностью обвиняемого и защитника защита как процессуальная функция не исчерпывается. На предварительном следствии обвиняемый не является стороной, так как на предварительное следствие не распространяется принцип состязательности; защитник в этой стадии уголовного процесса участвует в ограниченных рамках. Но из этого ни в какой мере не следует, что на предварительном следствии, пока нет защитника, защита обвиняемого зависит только от него самого и больше ни от кого. В силу требований закона следователь при расследовании дела обязан выяснять не только обстоятельства, уличающие обвиняемого и отягчающие его ответственность, но и обстоятельства, оправдывающие обвиняемого и смягчающие

его ответственность. Это последнее направление деятельности следователя — обязательное выяснение им всех данных, благоприятствующих обвиняемому, оправдывающих обвиняемого, смягчающих его вину, — в смысле процессуальной функции также есть защита¹⁵.

Таким образом, защита в уголовном процессе — это защита от обвинения, предъявленного обвиняемому, т. е. вся та процессуальная деятельность, которая заключается в оспаривании обвинения в целом или в отдельных его частях. Защита может заключаться в опровержении обвинения в его основе, т. е. в доказывании, что обвинение несостоятельно и обвиняемый должен быть оправдан или дело о нем должно быть прекращено. Защита может заключаться в оспаривании тех или иных пунктов и утверждений обвинения со внесением в обвинение изменений в сторону, благоприятную для обвиняемого, а также в приведении и установлении смягчающих вину обстоятельств.

Защита как процессуальная функция появляется в процессе по делу в тот же момент, с которого начинается уголовное преследование, т. е. с момента привлечения лица в качестве обвиняемого.

Вопрос о защите может возникнуть и в другом аспекте. Закон охраняет граждан от неосновательного привлечения их в качестве обвиняемых и поэтому устанавливает для привлечения к уголовной ответственности определенные процессуальные гарантии (ст. 143, 144, 148 УПК РСФСР). Такие гарантии действуют в уголовном процессе с момента возбуждения уголовного дела, т. е. до привлечения в качестве обвиняемого. Но это не есть защита как процессуальная функция: поскольку еще нет обвинения, никто еще ни в чем не обвиняется, постольку нет еще и защиты в процессуальном смысле (что не устраняет действия самых строгих и прочных процессуальных гарантий от неправильного привлечения к уголовной ответственности).

В теории уголовного процесса в прошлые годы иногда различалась защита в материальном смысле и защита в формальном смысле. Под защитой в материальном смысле имелись в виду все процессуальные действия, направленные на опровержение обвинения, включая действия самого обвиняемого. Под защитой же в формальном смысле понималась деятельность защитника, представителя законных интересов обвиняемого — адвоката. В этом смысле, когда в деле нет защитника и обвиняемый сам защищается от обвинения, это есть защита в материальном смысле, в судеб-

ном же разбирательстве, где выступает адвокат, есть также защита и в формальном смысле¹⁶.

Такое различие понятий защиты нельзя признать удачным, так как защита не в одном каком-либо смысле, а во всех смыслах есть защита от обвинения, и она производится теми участниками процесса, которых закон на это уполномочивает. Участие защитника — это осуществление права обвиняемого на защиту. Поэтому участие защитника не следует трактовать как особый вид защиты, а тем более не следует именовать защитой в формальном смысле, или формальной защитой — термин, совершенно не пригодный для обозначения деятельности защитника, адвоката.

Таким образом, процессуальная функция защиты как совокупность действий, направленных на опровержение обвинения или на смягчение ответственности обвиняемого, в качестве своего необходимого элемента включает деятельность защитника, представителя законных интересов обвиняемого.

§ 7. Разрешение дела

Разрешение дела как процессуальная функция заключается в проверке и оценке собранных по делу доказательств и в принятии решения по вопросу о виновности и ответственности обвиняемого.

Уголовно-процессуальная деятельность (ведение производства по уголовному делу) не исчерпывается обвинением и защитой, она включает обязательное объективное выяснение всех обстоятельств дела, взвешивание всех данных и доводов в подтверждение обвинения и в защиту обвиняемого, и принятие решения о правильности или неправильности предъявленного обвинения, о степени ответственности обвиняемого.

Эта уголовно-процессуальная функция — разрешение дела — по существу своему есть судебная функция, она принадлежит суду, разбирающему дело. В уголовном процессе этой процессуальной функции принадлежит направляющий характер, ее осуществление координирует осуществление обвинения и защиты и обуславливает всестороннее выяснение всех обстоятельств дела, вынесение по делу правильного, справедливого судебного приговора.

Разрешение дела состоит в проверке оснований как обвинения, так и защиты, в принятии всех необходимых мер к обнаружению истины по делу и в вынесении основанного на законе решения по делу.

Таким образом, только сочетание всех трех основных процессуальных функций — обвинения, защиты и разрешения дела — обеспечивает достижение уголовным процессом его цели — уста-

¹⁶ Об этом будет сказано в гл. VI.

¹⁰ См., например: М. С. Строгович. Уголовный процесс. Юриздат, 1946, стр. 106, 107.

новления истины, осуждения и наказания лица, действительно совершившего преступление, ограждения невиновного от неосновательного обвинения.

Процессуальная функция разрешения дела принадлежит суду, так как только суд вправе выносить приговор. Но в процессе предварительного следствия по делу эта функция в известных пределах принадлежит и следователю и прокурору, поскольку они могут при наличии к тому оснований прекращать дело, а прекращение дела есть его разрешение по существу. Прекращение дела ввиду отсутствия события преступления или отсутствия в деянии состава преступления (п. 1 и 2 ст. 5 УПК РСФСР) или недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления (п. 2 ст. 208 УПК РСФСР) означает признание обвиняемого невиновным, удостоверение его невиновности, и по своим юридическим следствиям для обвиняемого это прекращение дела имеет то же значение, что и вынесение судом оправдательного приговора.

§ 8. Процессуальные акты и процессуальные сроки

Действия, из которых складывается уголовно-процессуальная деятельность, — это *процессуальные действия*. Процессуальные действия производятся в определенных, законом предусмотренных процессуальных формах. При этом процессуальные действия должны быть закреплены, выражены в определенных, предусмотренных законом *процессуальных документах*.

Действие участника процессуальной деятельности, облеченное в процессуальную форму и закрепленное в процессуальном документе, носит название процессуального акта.

В основном процессуальные акты могут быть разделены на две группы в зависимости от стадий уголовного процесса: 1) следственные процессуальные акты и 2) судебные процессуальные акты. Первые осуществляются следователем, прокурором и иными лицами, производящими расследование; вторые — судом.

По своему процессуальному содержанию *следственные акты*, из которых складывается предварительное следствие, разделяются на протоколы и постановления.

Протоколами называются следственные акты, в которых следователь закрепляет совершенные им следственные действия и полученные в результате этих действий сведения о различных обстоятельствах дела (например, протокол допроса свидетеля, протокол осмотра места преступления).

Постановлениями называются следственные акты, в которых следователь выражает свое решение по различным возникающим на следствии вопросам (например, постановление о привлечении

к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, постановление об избрании меры пресечения и т. д.).

Судебными процессуальными актами являются: приговор, определение, постановление и протокол.

Приговором называется решение, вынесенное судом в судебном заседании по вопросу о виновности или невиновности подсудимого и о применении или неприменении к нему наказания.

Определение — это всякое иное решение, вынесенное судом по любому вопросу рассматриваемого дела, в том числе определение коллегии вышестоящего суда, вынесенное в кассационном порядке или в порядке судебного надзора.

Постановлением называется определение, выносимое судьей единолично, а равно решение Президиума областного, краевого суда, суда автономной области, Верховного суда автономной и союзной республики, вынесенное при рассмотрении дела в порядке судебного надзора, решение Пленума Верховного Суда СССР и Верховного суда республики.

Протоколом, как и на предварительном следствии, именуется процессуальный акт, которым суд отмечает, закрепляет различные обстоятельства дела и совершаемые судом и сторонами процессуальные действия (протокол судебного заседания отображает все, что происходило на судебном разбирательстве).

Кроме указанных процессуальных актов, имеются и другие: заключение прокурора, протест прокурора, распоряжение председателя суда (например, о вызове свидетеля), жалобы стороны, ходатайство стороны и др.¹⁷

Совершение ряда процессуальных действий ограничено установленными законом *сроками*. Так, например, для принесения кассационных жалоб и протестов на приговор суда установлен срок семь суток со дня провозглашения приговора, а для осужденных, содержащихся под стражей, — тот же срок со дня вручения им копии приговора (ст. 328 УПК РСФСР).

Соблюдение процессуального срока — необходимое условие для того, чтобы соответствующее процессуальное действие имело юридический эффект (например, рассмотрение дела кассационной инстанцией). Закон устанавливает точные правила для исчисления этих сроков (ст. 103 УПК РСФСР). Сроки могут исчисляться часами, сутками или месяцами (это указано в соответствующих статьях УПК, предусматривающих отдельные процессуальные действия).

Если до истечения срока соответствующая жалоба или бумага была сдана на почту, срок не считается пропущенным, хотя бы к следователю, к прокурору, в суд эта жалоба или бумага дошла по истечении срока. Для лиц, содержащихся под

17 Об этих процессуальных актах будет сказано в соответствующих местах Курса применительно к отдельным процессуальным стадиям и институтам.

стражей, срок не считается пропущенным, если жалоба или иной документ сданы до истечения срока администрации места заключения (ст. 103 УПК РСФСР).

Если срок пропущен по уважительной причине, он должен быть восстановлен постановлением производящего дознание, следователя, прокурора или определением суда, в производстве которого находится дело.

По ходатайству заинтересованного лица исполнение решения (приговора, постановления, определения), обжалованного с пропуском установленного срока, может быть приостановлено до разрешения вопроса о восстановлении пропущенного срока (ст. 104 УПК РСФСР).

Субъекты уголовно-процессуальной деятельности

§ 1. Понятие о субъектах уголовно-процессуальной деятельности.

Субъекты уголовно-процессуальной деятельности — это участники уголовного процесса: государственные органы, должностные лица, общественные организации, граждане, которые путем использования предоставленных им уголовно-процессуальным законом прав и выполнения возложенных на них этим законом обязанностей осуществляют определенные уголовно-процессуальные функции.

К субъектам уголовно-процессуальной деятельности относятся: 1) суд; 2) прокурор; 3) общественный обвинитель; 4) следователь и орган дознания; 5) обвиняемый; 6) подозреваемый; 7) защитник; 8) общественный защитник; 9) потерпевший и гражданский истец и их представители; 10) гражданский ответчик и его представитель.

Среди субъектов уголовно-процессуальной деятельности прежде всего выделяются государственные органы, осуществляющие борьбу с преступностью и наделенные законом определенными полномочиями, включая применение государственного принуждения.

Затем следуют представители общественных организаций, которым законом предоставляется выполнение процессуальных функций.

Третью группу субъектов уголовно-процессуальной деятельности составляют граждане, отдельные лица, участвующие в уголовном судопроизводстве.

Общим признаком, общей чертой всех трех групп субъектов уголовно-процессуальной деятельности является то, что при всех различиях в их процессуальном положении, в характере и содержании их прав и обязанностей и в выполняемых ими функциях все они *участвуют* в тех или иных формах в расследовании и судебном разбирательстве уголовного дела и их *участие* выражается в совершении таких процессуальных действий, совокупность которых образует производство по уголовному делу.

Таким образом, субъекты процессуальной деятельности — это участники уголовного процесса.

Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 25 декабря 1958 г. участниками уголовного процесса именуют обвиняемого, защитника, потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика, т. е. лиц, относящихся к третьей группе субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Вместе с тем Основы неоднократно говорят о судьях, прокурорах, следователях, участвующих в деле (ст. 18), об участвующем в судебном разбирательстве прокуроре (ст. 40) и т. д. Это совершенно ясно, так как судья, участвующий в разрешении дела, прокурор, участвующий в судебном разбирательстве, являются участниками уголовного процесса.

Некоторые уголовно-процессуальные кодексы союзных республик вполне правильно относят ведущие производство по уголовным делам государственные органы к участникам уголовного процесса (УПК Казахской ССР, УПК Азербайджанской ССР)¹.

Кроме указанных выше трех групп субъектов уголовно-процессуальной деятельности, имеются и иные лица, которые принимают участие в производстве по уголовному делу, — свидетели, эксперты, понятые, переводчики. Они в уголовном процессе выполняют определенные обязанности и пользуются определенными правами, в соответствии с чем совершают отдельные процессуальные действия, но не выполняют уголовно-процессуальных функций и не занимают постоянного положения в производстве по уголовному делу. Процессуальные действия этих лиц служат либо средствами доказывания (свидетели, эксперты), либо средствами закрепления доказательств (понятые), либо средством общения между субъектами уголовно-процессуальной деятельности (переводчики). Участие их в уголовном процессе имеет в известном смысле эпизодический характер: они призываются к участию в производстве различных следственных и судебных действий и по выполнении своих обязанностей выбывают из процесса. Поэтому свиде-

тели, понятые, эксперты и переводчики, играющие важную роль в расследовании и разбирательстве уголовных дел, не субъекты уголовно-процессуальной деятельности, хотя они совершают отдельные процессуальные действия и являются субъектами отдельных уголовно-процессуальных отношений (например, свидетель, вызванный на допрос следователем и имеющий определенные процессуальные обязанности и права).

В юридической литературе по уголовному процессу распространено мнение, что лица, действия которых служат средствами доказывания, — свидетели, эксперты — тоже участники уголовного процесса². Конечно, про свидетеля, дающего показания следователю или суду, или про эксперта, дающего заключение на предварительном следствии или на суде, можно сказать, что они «участвуют» в уголовном процессе, но в этом случае их участие в процессе имеет совершенно иное содержание, чем участие обвиняемого и потерпевшего (не говоря уже о следователе, прокуроре, суде).

Участником уголовного процесса в смысле, вкладываемом в понятие субъект уголовно-процессуальной деятельности, следует считать лишь такое лицо, которое выступает в процессе для отстаивания определенного интереса, которое заявляет определенные претензии или возражает против претензий других лиц или от действий которого зависит то или иное направление производства по делу. Свидетели и эксперты эту роль ни в какой мере не выполняют, а потому субъектами уголовно-процессуальной деятельности не являются³.

В отношении свидетелей этот вопрос представляется совершенно ясным. В отношении же эксперта может возникнуть сомнение ввиду того, что производство экспертизы иногда длительно, оно связано с производством экспертами различных исследований (например, вещественных доказательств), результаты исследований эксперты излагают в особом процессуальном документе — заключении (ст. 80 УПК РСФСР). Но как бы заключения эксперта

¹ Авторы учебника «Советский уголовный процесс» (под ред. Д. С. Карева. Изд-во «Высшая школа», 1968), возражают против отнесения к участникам уголовного процесса судей, прокурора и следователя, но имея перед собой тот бесспорный факт, что закон прямо именует выступающего в судебном разбирательстве прокурора участником судебного разбирательства (ст. 38 Основ уголовного судопроизводства), следующим образом пытаются выйти из положения: «Однако не каждый участник судебного разбирательства является участником процесса. Прокурор в судебном разбирательстве — участник судебного разбирательства, но он не является участником процесса» (стр. 69). Утверждение это — совершенно неосновательно и внутренне противоречиво. Как может участник разбирательства дела в суде не быть тем самым участником процесса? Почему адвокат, защищающий подсудимого, является и участником судебного разбирательства, и участником процесса, а прокурор, поддерживающий обвинение в суде, — только участник судебного разбирательства, но не участник процесса? Ответа на этот вопрос в учебнике не дается; думаем, что его и нельзя дать.

² Р. Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности, Госюриздат, 1961, стр. 15 и ел.

³ Характерно, что Р. Д. Рахунов, решительно отстаивающий включение свидетелей и экспертов в число участников уголовно-процессуальной деятельности, сам отмечает «специфику» этих участников, и пишет про них: «Учитывая именно эту специфику данной группы участников процесса, исследовать их процессуальное положение, т. е. определить их права и обязанности, уместно в работах, посвященных уголовно-судебным доказательствам» (Р. Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности, стр. 29). Соответственно этому автор в своей монографии, посвященной участникам уголовно-процессуальной деятельности, не рассматривает вопросов, относящихся к положению свидетелей и экспертов. Этим Р. Д. Рахунов проверяет собственную точку зрения. Иначе нельзя объяснить то положение, что в монографии, посвященной участникам уголовно-процессуальной деятельности, устраняется из рассмотрения значительная группа лиц, признанных автором участниками процесса.

по своей сложности ни отличались от показаний свидетеля, это не меняет того положения, что вся роль эксперта, как и роль свидетеля, сводится к представлению следователю и суду сведений, служащих доказательствами по делу. А потому эксперт, как и свидетель, — это не участник уголовного процесса, не субъект уголовно-процессуальной деятельности⁴.

В дальнейшем мы рассмотрим процессуальную деятельность и процессуальное положение субъектов уголовно-процессуальной деятельности, которые выполняют определенные уголовно-процессуальные функции. При этом мы будем их рассматривать не соответственно логической последовательности развертывания уголовно-процессуальной деятельности (как делалось это при ознакомлении с уголовно-процессуальными функциями), а соответственно роли и положению субъектов процессуальной деятельности в уголовном процессе: сначала ведущие производство по уголовному делу органы государства, потом другие участники уголовного процесса⁶.

§ 2. Суд, его положение в системе уголовно-процессуальной деятельности

Основным органом, деятельность которого определяет исход уголовного процесса по делу, является суд. Уголовный процесс — это преимущественно *судебный процесс*, иначе называемый «*судопроизводством*», т. е. судебным производством, производством в суде по уголовному делу.

Суд, рассматривающий уголовное дело, — главный субъект уголовно-процессуальной деятельности, выполняющий процессуальную функцию разрешения дела.

Прежде чем поступить в суд, уголовное дело проходит предшествующую стадию предварительного следствия, расследуется в органах следствия под надзором прокурора, но когда дело поступило в суд, вся полнота власти, все полномочия, связанные с прохождением и разрешением дела, принадлежат суду, и только ему.

Когда суд рассматривает дело, все другие участники процесса могут обращаться в суд, представлять суду свои доказательства и соображения, просить суд о производстве тех или иных действий,

⁴ Об экспертах и свидетелях подробнее см. гл. XIII.

? В УПК РСФСР в число участников уголовного процесса включается переводчик (ст. 57). Это может иметь только тот смысл, что действия переводчика служат средством общения между участниками процесса. Сам же переводчик не является субъектом уголовно-процессуальной деятельности в том смысле, в каком истолковано выше это понятие. В УПК других союзных республик переводчик не включается в число участников процесса.

стараться убедить суд в правоте своих требований и т. д. Но сами они никаких решений по делу принимать не могут: это право принадлежит только суду. Например, при разбирательстве дела в суде прокурор и защитник могут просить суд вызвать и допросить нужного для дела свидетеля, но этот свидетель будет допрошен в судебном заседании только тогда, когда суд вынесет определение о его допросе.

Только суд может признать обвиняемого виновным в совершении инкриминируемого ему преступления, только суд в силу закона наделен полномочиями удостоверять, установить виновность привлеченного к уголовной ответственности лица и применить к нему предусмотренную уголовным кодексом меру наказания.

Уголовное дело поступает в суд, как правило, после его расследования в органах следствия и дознания, со сформулированными в обвинительном заключении выводами следователя и прокурора о виновности привлеченного к уголовной ответственности лица. Но все собранное при расследовании дела доказательства подвергаются проверке и оценке судом, и все выводы следователя и прокурора по делу ни в коей мере не связывают суд при разрешении дела: суд обязан полно и всесторонне исследовать все обстоятельства дела, выслушать все показания и объяснения участников процесса, проверить и оценить все доказательства и вынести приговор на основе закона и в соответствии со своим внутренним судебским убеждением.

Суд не ограничен теми материалами, которые представили в суд прокурор, обвиняемый и его защитник. Если это необходимо для правильного разрешения дела, суд вправе и обязан самостоятельно, по своей инициативе истребовать новые доказательства. Противоречащим самим основам советского уголовного процесса было бы оставление судом без исследования того или иного обстоятельства только на том основании, что прокурор, защитник и обвиняемый об этом не просили суд. Если то или иное обстоятельство существенно для дела, суд обязан его исследовать, хотя бы другие участники процесса об этом не просили; если же это обстоятельство не имеет значения для дела, суд может оставить его без исследования, хотя бы другие участники процесса об этом его просили (в таком случае суд отклоняет заявленное ходатайство своим мотивированным определением).

Таким образом, суду в уголовном процессе принадлежит руководящая и решающая власть; он «хозяин процесса» (*dominus litis*).

Советский уголовный процесс — состязательный процесс, в котором функция обвинения отделена от функции разрешения дела. Функцию обвинения выполняет прокурор, суд же не обвиняет: он судит, разрешает дело.

Когда дело разбирается в суде, прокурор, передавший дело в суд и выступающий в суде, поддерживает обвинение, занимает обвинительную позицию, так как материалы расследования дела

уже привели его к выводу о виновности обвиняемого. Суд же, разбирающий дело, до конца судебного процесса никакого вывода о виновности обвиняемого не делает: он может сделать этот вывод лишь в результате всего судебного разбирательства, на котором будут всесторонне проверены все доказательства и доводы как подтверждающие обвинение, так и направленные на защиту обвиняемого. Поэтому суд при разбирательстве дела ни в малейшей мере не может занять обвинительную позицию.

Непредвзятость судей при разбирательстве дела — необходимое условие правильного проведения судебного процесса и законного, справедливого разрешения дела.

В процессе судебного разбирательства ни председательствующий, ни народные заседатели ни в какой форме не могут высказывать мнение, суждение о виновности подсудимого, о доказанности и недоказанности фактов, имеющих значение для дела. В процессе судебного разбирательства убеждение судей складывается, формируется, но свое выражение оно находит только в приговоре.

Так, суд не имеет права основывать выносимые им во время судебного заседания определения на аргументах, которые предпринимали бы вывод суда о виновности обвиняемого, например, суд не может отклонить ходатайство стороны об истребовании доказательств по тем мотивам, что виновность подсудимого исследованная доказательствами уже установлена⁶.

Советский суд — орудие борьбы с преступлениями, посягающими на Советское государство и советский правопорядок; он стремится обеспечить охрану социалистических общественных отношений и содействовать строительству коммунизма. Но выполняя эти свои задачи, советский суд при рассмотрении каждого отдельного дела в полной мере беспристрастен, он ищет истину

⁶ В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 24 февраля 1954 г. по делу Пяева отменен приговор Верховного суда Эстонской ССР ввиду неправильного отклонения судом ходатайства подсудимого о вызове дополнительных свидетелей, могущих дать оправдывающие его показания. В определении коллегии Верховного Суда СССР говорится: «Отклоняя ходатайства, суд указал, что свидетелей нет надобности вызывать, так как в судебном заседании все пункты обвинения, предъявленные Пяеву, подтвердились. Данное определение суда является неправильным, так как суд заранее предпринял доказанность обвинения Пяева» («Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса, 1946—1962 гг.», стр. 211).

В юридической печати был отмечен такой случай. Член областного суда до рассмотрения дела в суде опубликовал в местной газете статью, в которой содержалось утверждение о виновности обвиняемого, а потом председательствовал в судебном заседании по этому делу. Вынесенный судом обвинительный приговор был отменен Верховным судом РСФСР, а председательствующий был привлечен к дисциплинарной ответственности и решением дисциплинарной коллегии при областном суде ему был объявлен выговор («Советская юстиция», 1963, № 24, стр. 29; 1964, № 6, стр. 27),

и не допускает какой-либо предвзятости в отношении обвиняемого. Действительного преступника суд осуждает на основании закона и подвергает заслуженному наказанию, но прежде чем признать обвиняемого преступником и поступить с ним как с преступником, суд должен сделать все, чтобы убедиться, действительно ли обвиняемый виновен в совершении преступления, и предоставить ему все возможности для того, чтобы оправдаться.

При разбирательстве и разрешении уголовного дела суд обеспечивает строгое и неуклонное соблюдение законности всеми участниками процесса и охраняет их права и законные интересы.

В качестве субъекта уголовно-процессуальной деятельности в процессе выступает состав суда, разбирающий дело, — народный судья или член иного суда и два народных заседателя. При разбирательстве дела, при разрешении всех возникающих по делу вопросов и при вынесении приговора или определения народные заседатели пользуются всеми правами судьи: суд рассматривает дело коллегиально, любое решение по делу выносится судьями по большинству голосов, и все судьи пользуются в одинаковой мере правом решающего голоса.

Ст. 30 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик устанавливает принцип равноправия народных заседателей и судей при осуществлении правосудия: «Во время исполнения своих обязанностей в суде народные заседатели пользуются всеми правами судьи».

Это значит, что при разбирательстве и разрешении дела народным заседателям, как и судье, принадлежит решающий голос; при разрешении любого вопроса, возникающего при рассмотрении дела (например, о вызове свидетеля, о приобщении к делу документа и т. п.), и при вынесении приговора, которым разрешается вопрос о виновности подсудимого и о применении наказания, народные заседатели имеют такие же права, как председательствующий судья. Закон специально предусматривает гарантию, не допускающую воздействия председательствующего на народных заседателей, их подчинения влиянию судьи: при постановлении приговора, когда в совещательной комнате суд обсуждает подлежащие разрешению вопросы, председательствующий подает свой голос последним, после того как подали свой голос народные заседатели (ст. 306 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

При рассмотрении дела в вышестоящем суде в кассационном порядке состав суда образуют только постоянные судьи — члены соответствующего суда.

В целях повышения роли народных заседателей при разрешении уголовных дел в юридической литературе дебатруется вопрос об увеличении числа народных заседателей в составе суда до 4, 6 или 12 человек. Такое мероприятие несомненно означало бы дальнейшее развитие демократических основ социалистического

правосудия и содействовало бы упрочению независимости судей и их подчинения только закону и повышению качества судебной деятельности.

Думается, есть основания допустить участие народных заседателей и в кассационной инстанции⁷.

Следует признать ошибочным иногда высказывавшееся мнение, что суд также осуществляет уголовное преследование, что правосудие есть форма уголовного преследования, что суд в той или иной мере выполняет функцию обвинения. Такая точка зрения ставит суд в положение обвинителя, придает деятельности суда обвинительный характер. В действительности же дело обстоит иначе: прокурор возбуждает и осуществляет уголовное преследование, поддерживает обвинение в отношении обвиняемого перед судом, а суд разбирает дело, судит обвиняемого, решает дело, но не обвиняет, не ведет уголовного преследования.

Именно такое представление о суде соответствует правосознанию народа, выразившего эту мысль в старинной народной поговорке: «Суд не на осуд, а на рассуд»⁸.

Рассматривать и разрешать дело полномочны судьи и народные заседатели, избранные в установленном законом порядке и действующие в пределах своей компетенции. Так, каждый судья и народный заседатель могут участвовать в заседании только того суда, в который они были избраны, и не могут участвовать в заседаниях суда другого района или области, хотя бы и одноименного.

Далее, закон устанавливает ряд гарантий беспристрастности судей, устраняя от участия в рассмотрении дела судью, у которого имеются обстоятельства, затрудняющие вполне объективный подход к рассматриваемому делу.

Таким образом, дело может рассматривать в суде только законный состав суда.

Остановимся подробно на обстоятельствах, наличие которых устраняет судью (постоянного судью и народного заседателя) от участия в рассмотрении дела.

Судья не может участвовать в рассмотрении дела и подлежит отводу:

— если он является потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком, свидетелем, а также если он участвовал в данном деле в качестве эксперта, специалиста, переводчика, лица, производившего дознание, следователя, обвинителя, защитника, законного представителя обвиняемого, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика;

— если он — родственник потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей, родственник об-

⁷ Подробнее об этом см.: «Демократические основы советского социалистического правосудия». Изд-во «Наука», 1965, стр. 18, 19.

⁸ И. И. И л л ю с т р о в. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. М., 1915, стр. 295.

виняемого или его законного представителя, родственник обвинителя, защитника, следователя или лица, производившего дознание; — если имеются иные обстоятельства, дающие основание считать, что судья лично, прямо или косвенно заинтересован в этом деле.

В состав суда, рассматривающего уголовное дело, не могут входить лица, состоящие в родстве между собой (ст. 59 УПК РСФСР).

Во всех случаях, когда имеются обстоятельства, вызывающие сомнения в беспристрастности судьи, последний подлежит отводу. В большинстве УПК это положение прямо записано (ст. 27 УПК Таджикской ССР; ст. 27 УПК Латвийской ССР и др.). В УПК РСФСР такое правило не записано в виде отдельной формулировки, оно охватывается правилом об отводе судьи ввиду его личной, прямой или косвенной заинтересованности в деле (п. 3 ст. 59). УПК Молдавской ССР содержит указание об отводе судьи, «если он производил служебное расследование или проверку обстоятельств дела или участвовал в вынесении решения по этому делу в любом общественном или государственном органе» (п. г ст. 22). Это очень верное положение, выраженное четко и определенно.

Беспристрастность, объективность судей гарантируется еще и тем, что судья, участвовавший в рассмотрении дела, не допускается к участию в повторном рассмотрении этого же дела по отмене первого приговора или определения, так как при первом рассмотрении дела у него уже сложилось определенное мнение и поэтому при повторном рассмотрении этого дела есть опасность, что мнение судьи окажется в той или иной мере предвзятым.

Поэтому судья, принимавший участие в рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции, не участвует в рассмотрении этого дела в суде второй (кассационной) инстанции или в порядке судебного надзора, а равно не может участвовать в новом рассмотрении дела в суде первой инстанции в случае отмены приговора или определения о прекращении дела, постановленных с его участием.

Судья, принимавший участие в рассмотрении дела в суде второй (кассационной) инстанции, не участвует в рассмотрении этого дела в суде первой инстанции или в порядке судебного надзора, а равно в новом рассмотрении дела в суде второй инстанции после отмены определения, постановленного с его участием.

Судья, принимавший участие в рассмотрении дела в порядке судебного надзора, не может участвовать в рассмотрении того же дела в суде первой и второй (кассационной) инстанции (ст. 60 УПК РСФСР)».

⁹ См. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 24 февраля 1967 г. по делу В. П. Руденко («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1967, № 3, стр. 18—19).

Если есть основания к отводу судьи, он должен сам устранить себя от участия в деле. Если он сам этого не сделал, он подлежит отводу по заявлению сторон.

Отвод должен быть мотивирован и заявлен до начала судебного следствия. Позднейшее заявление отвода допускается лишь в случаях, когда основание для отвода сделалось известным стороне после начала судебного следствия (ст. 61 УПК РСФСР).

При отводе, заявленном судье, вопрос об отводе разрешается остальными судьями в отсутствие отводимого, который, однако, вправе предварительно изложить публично остальным судьям свое объяснение по поводу заявленного ему отвода. Если голоса судей разделились — один за отвод, другой против — судья считается отведенным. Отвод, заявленный двум судьям или всему составу суда, разрешается судом в полном составе простым большинством голосов. Вопрос об отводе разрешается судом в совещательной комнате (ст. 62 УПК РСФСР).

Законность состава суда, рассматривающего дело, — важнейшее необходимое условие законности разрешения дела судом: приговор или определение, вынесенные незаконным составом суда, подлежат безоговорочной отмене, независимо от их правильности или неправильности по существу.

Малейшее сомнение в беспристрастности судьи неизбежно ставит под сомнение вынесенный при его участии приговор. Для характеристики правильного подхода к разрешению вопросов об отводе судьи большое принципиальное значение имеет определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 27 января 1942 г. по делу Синелобова. Одним из оснований отмены приговора суда первой инстанции по этому делу послужило то, что в составе суда участвовало лицо, бывшее очевидцем преступления (хулиганских действий обвиняемого). В определении Судебной коллегии содержатся такие мотивы:

«Согласно п. 3 ст. 43 УПК РСФСР¹⁰ судья не может участвовать в рассмотрении дела, если он участвовал в деле в качестве свидетеля. Смысл этого правила заключается не только в том, чтобы устранить из состава суда то или иное лицо исключительно по формальному признаку участия этого лица в качестве свидетеля. Требование закона в этой части вызывается тем соображением, что судья, будучи очевидцем инкриминируемого действия или бездействия еще до проверки всех обстоятельств по делу, является в суд с уже заранее сложившимся мнением, что препятствует ему, при всей его добросовестности, быть беспристрастным судьей, обязанным вынести решение по своему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности (ст. 319 УПК РСФСР)¹¹. Таким образом, по смыслу закона мнение

Судьи, выраженное в решении по делу, должно сложиться не до рассмотрения дела, а исключительно в результате рассмотрения и оценки всех доказательств по делу. Поэтому сопоставление ст. 43 и 319 УПК РСФСР¹² заставляет прийти к выводу, что требование п. 3 ст. 43 УПК РСФСР¹³ распространяется не только на те случаи, когда лицо участвовало в деле в качестве свидетеля, как это буквально выражено в законе, но и на те случаи, когда лицо, являясь очевидцем инкриминируемого преступления, могло бы участвовать в деле в качестве свидетеля, что вытекает из общего смысла и духа закона. Помимо изложенного, такой вывод оправдывается и практическими соображениями, так как в процессе рассмотрения дела всегда может возникнуть необходимость допроса лица, участвующего судьей в деле, в качестве свидетеля по делу, что должно повлечь за собой отложение дела и назначение другого состава суда¹⁴.

Таким образом, и в законодательстве, и в судебной практике находит выражение очень большая забота о том, чтобы во всех случаях было обеспечено участие в разрешении уголовных дел только таких судей, полнейшая беспристрастность которых не вызывает никаких сомнений.

Далее, в целях обеспечения непосредственности и устности судебного разбирательства, каждое дело должно быть рассмотрено одним и тем же составом судей. Если кто-либо из судей лишен возможности продолжать участие в заседании, он заменяется другим судьей и разбирательство дела возобновляется сначала.

Во избежание такого повторения разбирательства по делам, требующим продолжительного времени для их рассмотрения, может быть вызван запасный народный заседатель. Запасный народный заседатель присутствует в зале судебного заседания с начала разбирательства данного дела. В случае выбытия народного заседателя последний заменяется запасным народным заседателем и разбирательство дела продолжается. Однако если запасный народный заседатель, вступивший в деле вместо выбывшего, потребует возобновления судебных действий, уголовно-процессуальный закон предусматривает, что судебное разбирательство возобновляется с самого начала (ст. 241, 242 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

¹² Ст. 59 и 71 УПК РСФСР 1960 г.

¹³ П. 1 ст. 59 УПК РСФСР 1960 г.

¹⁴ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1943, вып. V, стр. 23. Это определение Верховного Суда СССР ввиду принципиального характера содержащихся в нем указаний сохраняет свое значение и в настоящее время.

¹⁰ П. 1 ст. 59 УПК РСФСР 1960 г.

¹¹ Ст. 71 УПК РСФСР 1960 г.

§ 3. Прокурор

Ст. 20 Основ уголовного Судопроизводства Союза ССР и союзных республик следующим образом определяет задачи прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве: «Надзор за точным исполнением законов Союза ССР, союзных и автономных республик в уголовном судопроизводстве осуществляется Генеральным Прокурором СССР как непосредственно, так и через подчиненных ему прокуроров.

Прокурор обязан во всех стадиях уголовного судопроизводства своевременно принимать предусмотренные законом меры к устранению всяких нарушений закона, от кого бы эти нарушения ни исходили.

Свои полномочия в уголовном судопроизводстве прокурор осуществляет независимо от каких бы то ни было органов и должностных лиц, подчиняясь только закону и руководствуясь указаниями Генерального Прокурора СССР.

Постановления прокурора, вынесенные в соответствии с законом, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами».

Таким образом, в уголовном процессе прокурор является тем же, кем он является во всех областях своей деятельности, — блюстителем законности, стражем закона. Но эту свою основную и общую задачу прокурор осуществляет в уголовном процессе в особых формах, специфическими методами.

Деятельность прокурора в уголовном процессе многообразна. Прокурор возбуждает уголовное дело, осуществляет надзор за расследованием дела в процессе дознания и предварительного следствия, причем может и лично совершать следственные действия, направляет дело на рассмотрение суда, участвует в разбирательстве дела судом, изобличает перед судом совершивших преступление лиц, содействует суду в правильном разрешении дела, осуществляет надзор за законностью и обоснованностью судебных приговоров, определений и постановлений.

Согласно ст. 3 и 23 Положения о прокурорском надзоре в СССР от 24 мая 1955 г. в функции прокурора в уголовном процессе входит:

- привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления;
- надзор за соблюдением законности в деятельности органов дознания и предварительного следствия;
- участие в распорядительных заседаниях суда;
- участие в рассмотрении уголовных дел в судебных заседаниях и предоставлении заключений по вопросам, возникающим во время судебного рассмотрения;
- поддержание государственного обвинения в суде при рассмотрении уголовных дел;

- принесение протестов на незаконные и необоснованные приговоры, определения и постановления суда;
- дача заключений по уголовным делам, рассматриваемым вышестоящим судом по жалобам и протестам;
- надзор за исполнением приговоров суда¹⁵.

Все эти формы деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве представляют собой различные формы осуществления прокурором одной и той же основной задачи прокуратуры — надзора за законностью, борьбы с нарушениями законности.

Рассмотрим каждую из этих форм.

Привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления. Прокуратура есть орган охраны советской социалистической законности, прокурор — блюститель закона, на нем лежит обязанность пресекать любое нарушение закона, обеспечивать точное и неуклонное соблюдение и исполнение закона. Противоречащий закону акт опротестовывается прокурором в орган, издавший соответствующий акт, или в вышестоящий орган (ст. 13 Положения о прокурорском надзоре в СССР). В отношении должностных лиц и граждан, нарушивших закон, прокурор, при наличии к тому оснований, либо привлекает виновных к уголовной ответственности, либо принимает меры к привлечению нарушителя к административной или дисциплинарной ответственности.

Прокурор привлекает нарушителя законности к уголовной ответственности в случаях, когда нарушение закона является общественно опасным деянием, предусмотренным уголовным законом как преступление. Прокурор привлекает к уголовной ответственности совершителей преступления либо непосредственно — своим постановлением, либо через органы дознания и предварительного следствия, давая им соответствующие указания.

Здесь надо иметь в виду следующее. Привлечение к уголовной ответственности, т. е. привлечение определенного лица в качестве обвиняемого, на предварительном следствии производится, как правило, непосредственно следователем. Но поскольку следователь во многих случаях приступает к расследованию дела по указанию прокурора, который вправе предложить следователю произвести те или другие следственные действия, в том числе привлечь данное либо в качестве обвиняемого, прокурор тем самым осуществляет привлечение к уголовной ответственности совершивших преступление лиц.

Надзор за соблюдением законности в деятельности органов дознания и предварительного следствия. Прокурор осуществляет

Деятельность военных прокуроров регулируется Положением о военной прокуратуре, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 декабря 1966 г. («Ведомости Верховного Совета СССР», 1966, III 50, ст. 102).

надзор за расследованием уголовных дел в процессе дознания и предварительного следствия на всем протяжении расследования дела. Прокурор принимает меры к тому, чтобы ни одно преступление не осталось нераскрытым и ни один преступник не уклонился от ответственности. Вместе с тем прокурор строго следит за тем, чтобы ни один гражданин не подвергался незаконному и необоснованному привлечению к уголовной ответственности или иному незаконному ограничению в правах, а также за тем, чтобы органы дознания и предварительного следствия неуклонно соблюдали установленный законом порядок расследования преступлений (ст. 17 Положения).

Надзор прокурора за расследованием преступлений выражается как в том, что прокурор следит за соблюдением при расследовании уголовных дел всех требований уголовно-процессуальных и иных законов, так и в том, что прокурор обеспечивает правильность расследования дела по существу. Прокурор вправе давать органу дознания и следователю по расследуемым им делам указания, которые для органа дознания и следователя обязательны¹⁰, вправе отменять незаконные и необоснованные постановления органов дознания и предварительного следствия, а равно отстранить следователя или производящего дознание по делу от дальнейшего ведения дознания или следствия, если этими лицами допускается нарушение закона при расследовании дела.

Таким образом, надзор прокурора за соблюдением и исполнением законов в деятельности дознания и предварительного следствия включает руководство прокурора дознанием и следствием по делу. Прокурор — орган, не только наблюдающий за дознанием и следствием, но и обладающий решающей властью по всем вопросам расследования дела. От прокурора зависит то направление расследования дела, которое прокурор считает отвечающим требованиям закона и необходимым для правильного разрешения дела.

Особая задача прокурора при расследовании дел — осуществлять надзор за неуклонным соблюдением ст. 127 Конституции СССР, т. е. за тем, чтобы никто не был подвергнут аресту иначе, как по постановлению суда или с санкции прокурора.

По окончании расследования дела прокурор проверяет материалы расследования и направляет дело в суд для предания обвиняемого суду, если он приходит к выводу, что расследование дела проведено правильно и полно и обвиняемый действительно виновен в совершении преступления. В противном случае прокурор возвращает дело для доследования или прекращает его при наличии к тому оснований.

Участие в распорядительных заседаниях суда. Предание обвиняемого суду производится постановлением судьи. При несогласии судьи с выводами обвини-

тельного Заключение, а также при необходимости изменить меру пресечения, избранную в отношении обвиняемого, дело подлежит рассмотрению в распорядительном заседании суда (ст. 36 Основ уголовного судопроизводства).

Прокурор, участвуя в распорядительном заседании суда, обосновывает перед судом свой вывод по делу о необходимости предать обвиняемого суду и высказывает свои соображения по всем вопросам, связанным с подготовкой дела к слушанию в судебном заседании.

Участие в рассмотрении уголовных дел в судебных заседаниях и дача заключений по вопросам, возникающим во время судебного рассмотрения. После того как состоялось предание обвиняемого суду, прокурор участвует в разбирательстве дела в качестве государственного обвинителя. При выступлении в качестве обвинителя прокурор полностью сохраняет свою роль органа надзора за законностью, блюстителя советского закона. Участвуя в судебном разбирательстве, прокурор помогает суду правильно рассмотреть и разрешить дело и по всем возникающим при разбирательстве дела вопросам (о возможности или невозможности слушать дело при неявке кого-либо из вызванных свидетелей, об удовлетворении или отклонении ходатайства другой стороны и т. д.) прокурор дает суду свое заключение на основе закона и в полном соответствии с ним.

Поддержание государственного обвинения в суде при рассмотрении уголовных дел. Выступление прокурора в суде в качестве государственного обвинителя есть поддержание им *государственного обвинения*. Поддерживаемое прокурором обвинение является государственным обвинением, а сам прокурор — государственным обвинителем потому, что прокурор осуществляет свою деятельность по полномочию государства, от имени государства и в интересах государства.

Принесение протестов на незаконные и необоснованные приговоры, определения и постановления суда. Если прокурор считает, что вынесенный судом приговор незаконен и необоснован, он приносит на этот приговор протест.

Протест прокурора на приговор, не вступивший в законную силу, называется *кассационным протестом* и рассматривается вышестоящим судом в кассационном порядке. Протест, принесенный на приговор, уже вступивший в законную силу, называется *протестом в порядке судебного надзора* и рассматривается в этом порядке также вышестоящим судом. В порядке судебного надзора прокурор также может опротестовать вступившие в законную силу определения и постановления судов. Протесты, приносимые прокурором на судебные определения судов, не вступившие в законную силу, называются *частными протестами*.

¹⁰ О праве следователя не соглашаться с указаниями прокурора см, в § 4 этой улавы.

Дача заключений по уголовным делам, рассматриваемым вышестоящим судом по жалобам и протестам. Когда дело рассматривается в вышестоящем суде по жалобе заинтересованных лиц или протесту прокурора на приговор, определение или постановление суда, прокурор участвует в заседании вышестоящего суда и дает последнему заключение по вопросу о законности и обоснованности обжалованного или опротестованного судебного приговора, определения или постановления.

Надзор за исполнением мир и говор о суда. Когда приговор суда вступил в законную силу и обращен судом к исполнению, прокурор осуществляет надзор за тем, чтобы приговор был приведен в исполнение своевременно и правильно, в соответствии с законом и содержащимися в приговоре суда решениями.

Прокурор подлежит отводу по тем же основаниям, что и судья (ст. 18 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик; ст. 63 УПК РСФСР). Однако, если прокурор принимал участие в производстве предварительного следствия или дознания по данному делу или поддерживал по нему обвинение, это не препятствует дальнейшему его участию в деле и не служит основанием к отводу (ст. 63 УПК РСФСР).

Заявленный прокурору отвод при рассмотрении дела в суде разрешается судом, а при расследовании дела — вышестоящим прокурором.

©

Остановимся теперь на деятельности *прокурора как государственного обвинителя* в суде, ввиду чрезвычайной важности и специфических свойств этой деятельности¹⁷.

Поддержание на суде обвинения — важнейшая функция прокуратуры, находящаяся в тесной связи с другими отраслями прокурорской работы. Надзор за соблюдением социалистической законности, составляющий основную задачу прокуратуры, связан с борьбой с нарушителями советских законов, с уголовным преследованием их, изобличением их перед судом в тех случаях когда нарушение закона составляет уголовное преступление. Отсюда — полномочия прокурора по возбуждению уголовных дел, по надзору за расследованием преступлений и по поддержанию в суде государственного обвинения.

¹⁷ Производимое Положением о прокурорском надзоре в СССР разграничение функций прокурора — участие в рассмотрении уголовных дел в судебных заседаниях, представление заключений по вопросам, возникающим во время судебного рассмотрения (п. 2 ст. 17), и поддержание государственного обвинения в суде при рассмотрении дела (п. 3 ст. 17) — имеет лишь условный характер. В судебном разбирательстве дела в суде первой инстанции прокурор участвует как государственный обвинитель

Выступление прокурора в качестве государственного обвинителя, поддержание им государственного обвинения в суде есть одна из форм — наиболее острая форма — осуществления прокурором надзора за законностью.

После того как прокурором возбуждено уголовное дело и проведенное под надзором прокурора расследование подтвердило основательность обвинения, прокурор с публичной трибуны государственного обвинителя, в обстановке гласного судебного процесса перед широкой судебной аудиторией поддерживает обвинение, изобличает перед судом и общественностью преступника, дезорганизатора социалистического правопорядка, нарушителя советской социалистической законности.

Процессуальное положение и процессуальные задачи прокурора, выступающего в суде в качестве государственного обвинителя, отличаются от его положения и задач на предварительном следствии.

На предварительном следствии прокурор осуществляет не только уголовное преследование обвиняемого, он обеспечивает полное, всестороннее и объективное исследование дела, выяснение *всех* обстоятельств, уличающих обвиняемого и оправдывающих его, отягчающих и смягчающих его ответственность. На этой стадии уголовного процесса прокурору принадлежит решающая власть: он принимает решения по всем возникающим на предварительном следствии вопросам, от него зависит направить дело в суд или прекратить его.

В судебном разбирательстве прокурор является стороной и сам по делу никаких решений принимать не может. Он доказывает суду правильность своих выводов и требований по делу; все же решения как по отдельным процессуальным вопросам так и по основному вопросу — о виновности подсудимого — полномочен принимать только суд.

Прокурор направляет в суд законченное расследованием дело лишь тогда, когда он на основе собранных следствием доказательств пришел к твердому убеждению в правильности предъявленного обвинения, в виновности обвиняемого. Поэтому в судебном разбирательстве прокурор — это обвинитель, и именно обвинитель, сторона обвинения.

Поддержание прокурором обвинения — это доказывание суду обоснованности обвинения подсудимого, участие в судебном следствии и проверке всех проходящих перед судом доказательств, анализ всех данных дела под углом зрения обвинения и тре-

и именно в качестве такового дает суду заключение. Смысл указанного разграничения в Положении о прокурорском надзоре заключается в том, что этим подчеркивается обязанность прокурора в суде содействовать суду в осуществлении правосудия, исходя из интересов правильного разрешения дела, не замыкаясь в узкообвинительные рамки. Кроме того, Положение объединяет в одной формулировке участие прокурора в суде по уголовным делам и по гражданским делам (п. 2 ст. 17).

бование применения меры наказания к виновному. Функция государственного обвинителя — обвинительная, и иной она быть не может, так как если государственный обвинитель не считает обвинение правильным и обоснованным, он не может передать дело в суд. Иными словами, обвинитель приходит в суд для того, чтобы обвинять, доказывать виновность подсудимого, настаивать на применении к нему заслуженного наказания.

Именно потому, что прокурор в судебном разбирательстве является обвинителем, что он выступает с обвинительных позиций, закон требует, чтобы при участии в суде прокурора обязательно участвовал защитник подсудимого (ст. 49 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

Но обвинительная деятельность советского прокурора — поддержание им обвинения на суде — не есть какая-то изолированная функция прокуратуры, осуществляемая в отрыве от других ее функций. Наоборот, все функции прокуратуры находятся в неразрывной, органической связи. Поддержание прокурором обвинения в суде есть одна из форм деятельности прокурора в области охраны социалистической законности, и эта функция прокуратуры не может быть отделена от общих задач прокуратуры как органа охраны социалистической законности.

Органическая связь всех функций, всех отраслей деятельности, всех методов работы — характерная черта советского прокурора, активного и стойкого борца за социалистическую законность, располагающего широкими полномочиями в области осуществления своих задач и несущего высокую ответственность за всю свою деятельность. Это придает определенный характер и выступлению прокурора на суде в качестве государственного обвинителя.

Выступая в судебном разбирательстве в качестве государственного обвинителя, прокурор поддерживает обвинение на основе закона и в строгом соответствии с ним.

Поддерживая на суде государственное обвинение в отношении обвиняемых, преданных суду, прокурор настаивает на осуждении и наказании тех из них, виновность которых доказана с несомненностью, и все свои действия направляет к тому, чтобы помочь суду вынести правильный, справедливый приговор.

Ни в какой мере несовместимо с задачами советского прокурора применение таких приемов, как искусственный подбор доказательств, одностороннее их освещение и т. п. Такая линия противоречит функциям советской прокуратуры, которая заинтересована в пресечении действительно преступных действий и в применении репрессивных мер к действительным преступникам. А это определяет и положение прокурора на суде: поддерживая перед судом обвинение, изыскивая данные обвинительного порядка и участвуя в проверке всех доказательств под углом зрения обвинения, прокурор представляет суду всю фактическую

сторону дела в ее действительном содержании и вскрывает перед судом и следящими за процессом гражданами все действительное общественное значение рассматриваемого дела, не извращая фактов, не подбирая данных дела односторонне и предвзято. В случаях, когда материалы судебного следствия опровергают обвинение, прокурор не может спорить против истины и должен отказаться от обвинения. Прокурор не может настаивать на формулировке обвинительного заключения, если данные судебного следствия ее в какой-либо мере изменили, а должен в этих случаях внести необходимые коррективы в поддерживаемое им обвинение (ст. 40 Основ уголовного судопроизводства; ст. 248 УПК РСФСР).

Один из культурнейших дореволюционных русских юристов, А. Ф. Кони, называл прокурора, поддерживающего на суде обвинение, «говорящим публичным судьей»¹⁸. Кони говорил, что прокурор «не должен ни представлять дела в одностороннем виде, извлекая из него только обстоятельства, уличающие подсудимого, ни преувеличивать значение доказательства и улик или важности преступления». А. Ф. Кони должен был с грустью констатировать, что в действительности крайне редко встречались прокуроры, соответствовавшие этому типу «говорящего публичного судьи». Иначе и быть не могло в царском суде, где не прокуроры действовали как «говорящие судьи», а судьи подчас действовали как пристрастные и предвзятые обвинители.

В судебном разбирательстве обязанность обеспечения соблюдения законности всеми участниками процесса лежит на составе суда, рассматривающего дело, в первую очередь на председательствующем. Но прокурор, выступая в суде в качестве государственного обвинителя, не перестает быть органом охраны социалистической законности, блюстителем советского закона. Поэтому сам прокурор в своих действиях в суде не может допустить ни малейшего нарушения закона, равно как не может пройти мимо нарушения закона кем-либо из участников процесса. Если нарушение закона допустило какое-либо лицо, выступающее в суде (защитник, подсудимый, свидетель и т. д.), и это нарушение не было пресечено судом, прокурор заявляет об этом суду и просит об устранении нарушения закона. Если нарушение закона допустил сам суд, прокурор обращается к суду с просьбой устранить нарушение закона; если суд этого не сделает, прокурор в порядке ст. 243 УПК РСФСР просит о занесении этого обстоятельства в протокол судебного заседания с тем, чтобы по вынесении судом приговора принести кассационный протест по поводу допущенного судом нарушения закона.

А. Ф. К о н и. Собрание сочинений, т. 4. Изд-во «Юридическая литература», 1967, стр. 125.

Из того положения, что прокурор, выступающий в суде в качестве обвинителя, продолжает сохранять свои функции органа надзора за законностью, иногда делается ошибочный вывод, будто функция прокурора в суде заключается в осуществлении надзора за законностью деятельности суда, разбирающего дело¹⁹. Это неверно потому, что по существу нельзя рассматривать участие прокурора в стадии предания суду или в судебном разбирательстве уголовного дела как надзор прокурора за законностью деятельности того суда, в заседании которого прокурор в данный момент участвует. Прокурор участвует в распорядительном заседании суда для того, чтобы обосновать суду свой вывод о необходимости предать обвиняемого суду, а вовсе не для того, чтобы надзирать за законностью действий самого распорядительного заседания. Прокурор, передав дело в суд с утвержденным им обвинительным заключением, выступает в судебном разбирательстве в качестве государственного обвинителя для того, чтобы изобличить преступника перед судом и общественностью, обеспечить применение к нему заслуженного наказания, а вовсе не для того, чтобы надзирать за действиями суда²⁰.

Так как расследование дела, по которому прокурор выступает в качестве государственного обвинителя, производилось под надзором прокурора, именно прокурор несет ответственность за правильность расследования дела, за законность расследования, за обоснованность выводов, изложенных в обвинительном заключении. Поэтому прокурор в судебном разбирательстве должен убедить суд в правильности своей точки зрения по данному делу либо изменить ее, отказаться от нее. Суд же, разбирая дело, переданное ему прокурором, проверяет все собранные на предварительном следствии доказательства, все материалы дела, правильность выводов прокурора по делу. В этом смысле суд проверяет деятельность прокурора по делу и оценивает ее.

¹⁹ В. С. Тадевосян. Прокурорский надзор в СССР. Госюриздат, 1956, гл. VI.

²⁰ Правильные положения о функции прокурора, выступающего в судебном разбирательстве, о его взаимоотношениях с судом излагаются в учебнике для юридических институтов «Прокурорский надзор в СССР» (Изд-во «Юридическая литература», 1966).

Там сказано: «Обязанность прокурора принимать меры к устранению нарушений закона со стороны любого участника судебного разбирательства не означает, что прокурор «стоит над судом», что он приходит в суд, чтобы надзирать за судом. Прокурор приходит в суд прежде всего для того, чтобы добиться справедливого наказания судом виновного, удовлетворения обоснованного иска, помочь суду правильно разрешить уголовное или гражданское дело, осуществить правосудие. Но если при рассмотрении и разрешении того или иного дела допускается нарушение процессуального или материального закона, прокурор обязан немедленно реагировать, точно так же, как он обязан реагировать на всякое нарушение закона со стороны другого органа или лица, участвующего в уголовном или гражданском судопроизводстве» (стр. 168, 169).

В самом судебном разбирательстве надзор за соблюдением Законов всеми участниками процесса, включая и прокурора, осуществляет суд, разбирающий дело, т. е. состав суда.

Положение о прокурорском надзоре в СССР нигде не говорит о надзоре прокурора за деятельностью суда, в заседании которого прокурор выступает в качестве обвинителя: оно говорит о надзоре прокурора за законностью и обоснованностью приговоров, решений, определений и постановлений суда (гл. IV). Оно не исключает того, что на прокуроре лежит обязанность в судебном заседании реагировать на любое нарушение закона, применяя при этом те способы, которые закон предоставляет сторонам для защиты их прав и интересов²¹.

Иногда указывалось, что прокурор, выступающий в суде в качестве обвинителя, является не только стороной, но и органом охраны законности²². Это очень неточное утверждение. Прокурор, выступающий в качестве обвинителя, занимает процессуальное положение стороны и только стороны, его процессуальное положение характеризуется именно тем, что он — сторона, имеющая против себя в процессе равноправную сторону защиты.

По содержанию же своей функции, своей деятельности в суде прокурор — орган охраны законности (каковым он является всегда и везде, на любом участке своей деятельности), так как поддержание обвинения в суде есть не что иное, как одна из форм осуществления прокурором своей функции органа надзора за законностью. Действительно, осуществление прокурором надзора за законностью включает привлечение к ответственности нарушителей законности. А так как всякое преступление есть наиболее серьезное и опасное нарушение законности, за которое применяется уголовное наказание, то поддержание прокурором обвинения в суде есть способ осуществления прокурором надзора за законностью и борьбы с ее нарушениями.

Глубоко правильная характеристика роли и задач прокурора, выступающего в суде, была дана М. И. Калининым. В 1934 г. в речи на торжественном заседании, посвященном десятилетию Верховного Суда СССР, он говорил: «От прокурора зависит направление каждого дела. Наш районный прокурор работает в довольно-таки сложной, трудной обстановке. Мы требуем и вправе требовать от прокурора, чтобы ни один невинный не был привлечен к суду. Мы требуем от него такой постановки и такого

²¹ Об этом подробнее см.: М. С. Строгович. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. Изд-во АН СССР, 1951, стр. 163—166; И. Д. Перлов. Судебное следствие в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1955, стр. 101—111.

²² См., например: М. Л. Шифман. Прокурор в уголовном процессе. Юриздат, 1948, стр. 49.

обоснования обвинения, которые действительно помогли бы судье разобраться в деле. Мы требуем от прокурора такой постановки работы, такой организации борьбы за социалистическую законность, при которой каждый рабочий, каждый колхозник, каждое советское учреждение были бы гарантированы от бюрократических извращений, при которых каждый был бы уверен, что его законные права и интересы охраняются, что на страже этих интересов стоит специально поставленный советской властью прокурор»²³.

Через 11 лет, в 1945 г., при вручении орденов и медалей работникам прокуратуры М. И. Калинин вновь указывал: «Особенно ответственной является следственная работа органов прокуратуры, ибо от качества следствия зависит судьба живого человека. Работники советской прокуратуры не должны забывать, что прокуратура выступает не только в качестве обвинителя против нарушителей советских законов, но она обязана также защищать советского гражданина, если он привлекается к судебной ответственности без достаточных оснований»²⁴.

§ 4. Следователь

Предварительное следствие по уголовным делам проводится следователями прокуратуры и следователями органов охраны общественного порядка, а по делам о ряде государственных преступлений — следователями органов государственной безопасности (ст. 28 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик; ст. 125 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

Размежевание компетенции между этими тремя органами предварительного следствия определяется законом (ст. 28 Основ уголовного судопроизводства; ст. 126 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

На следователе лежит обязанность проведения по каждому уголовному делу, находящемуся в его производстве, полного и всестороннего расследования, исчерпывающего собирания и тщательной проверки доказательств.

Роль следователя при ведении предварительного следствия определяется задачами успешной, эффективной борьбы с преступлениями. От следователя требуется быстрота и активность расследования и в то же время максимальная объективность расследования, выяснение всех обстоятельств, уличающих обви-

няемого и отягчающих его ответственность, а равно обстоятельств, оправдывающих обвиняемого и смягчающих его ответственность (ст. 14 Основ уголовного судопроизводства; ст. 20 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

Расследование дела должно быть произведено следователем с такой полнотой и на таком уровне, чтобы суд получил возможность правильно разрешить дело, вынести справедливый, законный и обоснованный приговор. От качества следственной работы в значительной мере зависит качество работы суда. Хотя суд не связан выводами следствия и не ограничен его материалами, а может и должен в случае необходимости восполнить пробел предварительного следствия и требовать и принимать к рассмотрению новые доказательства, отсутствовавшие на предварительном следствии, все же во многих случаях недостатки предварительного следствия не могут быть устранены судом, и неудовлетворительность расследования дела либо влечет за собой возвращение дела судом для дополнительного расследования, либо, если суд этого не сделает, приводит к неправильному разрешению дела.

Деятельность следователя включает в себя различные процессуальные функции. Расследуя дело, следователь изобличает привлеченное к уголовной ответственности лицо. Все действия следователя, направленные на изобличение лица, обвиняемого в совершении преступления, представляют собой уголовное преследование, обвинение.

Выше мы указывали, что деятельность следователя отнюдь не исчерпывается уголовным преследованием, которое имеет обвинительный характер, является обвинительной деятельностью. Следователь обязан обеспечить обвиняемому возможность использовать все его процессуальные права для защиты от предъявленного обвинения. При этом следователь обязан сам сделать все необходимое для выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его вину. В этом отношении деятельность следователя включает в себя процессуальную функцию защиты.

Следователь уполномочен решать возникающие при расследовании дела вопросы: об удовлетворении и об отклонении ходатайств обвиняемого и потерпевшего, о том или ином направлении расследования и т. д. При окончании расследования следователь принимает решение о направлении дела в суд через прокурора или о прекращении дела, если виновность обвиняемого не подтвердилась. Надзор за решениями, принимаемыми следователем, осуществляет прокурор, который вправе отменить незаконное и необоснованное постановление следователя, но само решение и соответствующее постановление о проведении тех или иных процессуальных действий принимает и выносит следователь.

²³ «Советская прокуратура в важнейших документах». Госюриздат, 1956, стр. 393.

²⁴ «Социалистическая законность», 1946, № 4, стр. 3.

При этом необходимо иметь в виду, что некоторые основания, но которым следователь прекращает дело, те же, при наличии которых суд выносит оправдательный приговор: отсутствие события преступления, отсутствие в деянии состава преступления, недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления (ст. 5 и 43 Основ уголовного судопроизводства). В таких случаях постановление следователя о прекращении дела влечет для обвиняемого те же последствия, что и оправдательный приговор суда: обвинение с него снимается, он признается невиновным, реабилитируется.

Таким образом, в деятельности следователя сочетаются все три основные процессуальные функции — уголовное преследование или обвинение, защита и разрешение дела. Позднее, при рассмотрении дела судом, все эти три функции распределятся между различными субъектами процесса: уголовное преследование (обвинение) будет осуществлять прокурор как государственный обвинитель, защиту — защитник и сам обвиняемый (подсудимый), разрешение дела — суд. На предварительном же следствии все эти функции сосредоточены в руках следователя.

Функция обвинения и функция защиты могут быть выделены в деятельности следователя лишь с момента появления обвиняемого, т. е. тогда, когда определенное лицо привлекается к делу в качестве обвиняемого (ст. 143 УПК РСФСР). До этого, естественно, нет ни обвинения, ни защиты как процессуальных функций, так как никто ни в чем еще не обвиняется, а есть следственная деятельность, предварительное следствие, в котором еще не расчленены процессуальные функции. Функция же разрешения дела есть и там, так как следователю и до привлечения в качестве обвиняемого приходится принимать решения по возникающим в процессе расследования вопросам.

В уголовно-процессуальной теории высказывается такая точка зрения, что в деятельности следователя вообще нет размежевания процессуальных функций и функция обвинения на предварительном следствии отсутствует: следователь осуществляет одну функцию — расследование²⁵.

Это мнение нельзя признать правильным. Во-первых, расследование — это не отдельная процессуальная функция, а то же самое, что предварительное следствие, т. е. стадия уголовного процесса. Во-вторых, на предварительном следствии лицо привлекается к уголовной ответственности, ему предъявлено обвинение, оно изобличается в совершении преступления. Это, конечно, обвинительная деятельность, обвинение, уголовное преследование. Отрицать это — значит считать, что на предвари-

тельном следствии вообще никто ни в чем не обвиняется, а это противоречит действительности. Если же признать, что на предварительном следствии определенное лицо обвиняется в совершении преступления, то естественно возникнет вопрос о том, кем же оно обвиняется, и ответ может быть только один: тем, кто привлекает лицо в качестве обвиняемого и предъявляет ему обвинение, т. е. следователем.

Если на предварительном следствии есть функция обвинения, уголовного преследования, то должна быть и функция защиты, так как в уголовном процессе везде, где есть обвинение, есть и защита, не может быть обвинения без защиты. Кто же осуществляет функцию защиты на предварительном следствии? Функцию защиты, как будет сказано дальше, осуществляет сам обвиняемый и его защитник, если он участвует. Но участие защитника действующим законом предусмотрено только с момента окончания предварительного следствия (ст. 201 УПК РСФСР), кроме дел о несовершеннолетних и о лицах, ввиду своих физических и психических дефектов лишенных возможности самостоятельно вести защиту — по этим делам защитник участвует с момента предъявления обвинения.

Думается, что на предварительном следствии функцию защиты выполняет и следователь. Если бы следователь функции защиты не выполнял, получалось бы, что по всем уголовным делам (кроме двух указанных групп) на протяжении расследования до его окончания только сам обвиняемый защищает себя, никто больше его не защищает; следователь же, расследующий дело и обладающий широкими полномочиями, включая применение к обвиняемому принудительных мер, изобличает обвиняемого. Такая конструкция придавала бы деятельности следователя односторонне обвинительный характер, тогда как в силу закона (ст. 14 Основ уголовного судопроизводства) следователь обязан выяснять обстоятельства, не только уличающие обвиняемого, но и оправдывающие его. Из этого вытекает, что следователь наряду с функцией обвинения выполняет и функцию защиты.

Относительно третьей процессуальной функции на предварительном следствии — разрешении дела — следует установить, что она осуществляется в этой стадии процесса в ограниченных пределах. Следователь разрешает все вопросы, возникающие при расследовании дела, о том или ином направлении расследования, об удовлетворении или отклонении заявленных обвиняемым или потерпевшим ходатайств, об избрании меры пресечения или отмене избранной и т. д. Вместе с тем следователь может решить вопрос о прекращении или приостановлении дела при наличии законных к тому оснований. Прекращение следователем дела ввиду отсутствия события преступления, отсутствия состава преступления в действиях обвиняемого или недока-

²⁶ Р. Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности, стр. 122 и сл.; П. С. Элькинд. Сущность советского уголовно-процессуального права. Изд-во ЛГУ, 1963, стр. 59—61.

знности участия обвиняемого в совершении преступления (п. 1 и 2 ст. 5 Основ уголовного судопроизводства; ст. 208 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик) означает признание обвиняемого невиновным, официальное удостоверение невиновности обвиняемого²⁶.

Деятельность следователя многогранна и сложна. Советский следователь должен сочетать в своей работе: максимальную активность и настойчивость в преследовании и изобличении совершивших преступление лиц; максимальную объективность в расследовании, отсутствие предвзятости и вдумчивое, чуткое отношение к привлекаемым к делу лицам; высокое качество работы, опирающейся на полное овладение техникой своего дела.

Следователь подлежит отводу по тем же основаниям, что и судья, однако его участие в предварительном следствии, которое производилось ранее по данному делу, не является основанием для отвода (ст. 64 УПК РСФСР).

Следователь — самостоятельная процессуальная фигура, самостоятельный субъект уголовно-процессуальной деятельности, наделенный широкими полномочиями для успешного ведения следствия, для изобличения совершивших преступления лиц и несущий обязанности вести следствие на основе законности, с соблюдением прав и законных интересов участвующих в деле лиц.

Уголовно-процессуальный закон устанавливает: «При производстве предварительного следствия все решения о направлении следствия и производстве следственных действий следователь принимает самостоятельно, за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение санкции от прокурора, и несет полную ответственность за их законное и своевременное проведение» (ст. 127 УПК РСФСР; ст. 127 УПК Грузинской ССР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

²⁶ Н. В. Жогин и Ф. И. Фаткуллин утверждают следующее: «В ходе предварительного следствия никаких судебных функций не выполняется. Положения не меняет то обстоятельство, что предварительное следствие может оканчиваться прекращением уголовного дела. При вынесении такого постановления дело не разрешается по существу. (Курсив мой. — М. С.) Прекращая дело за отсутствием события или состава преступления, ввиду несовершеннолетия или невменяемости лица, совершившего общественно опасное деяние, за отсутствием жалобы потерпевшего или по причине недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления, органы следствия просто признают несостоятельной постановку вопроса об уголовной ответственности соответствующего лица, сами аннулируют предъявленное ими же обвинение» (Н. В. Жогин, Ф. И. Фаткуллин. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. Изд-во «Юридическая литература», 1965, стр. 34). Согласиться с этим нельзя. Если дело прекращается за отсутствием события преступления, состава преступления или за недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления, значит официально удостоверяется невиновность обвиняемого, он реабилитируется полностью, т. е. дело решается по существу.

Оценку собираемых по делу доказательств и выводы о достаточности или недостаточности собранных доказательств для предъявления обвинения, для составления обвинительного заключения или для прекращения дела следователь производит по своему внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности.

Следователь может принимать по расследуемому им делу только те решения, в правильности которых он убежден, и никто не вправе побуждать следователя действовать против своего убеждения, против совести.

До 1928 г. следователи были подчинены суду и, не являясь судьями в собственном смысле слова, т. е. членами суда, входили в систему судебных органов. Следователь в административном отношении подчинялся суду, но предварительное следствие проводил под надзором прокурора, указания которого по расследуемому делу для него были обязательны. В некоторых вопросах следователю принадлежало право в случае несогласия с указаниями прокурора передавать спорный вопрос на решение суда.

В 1928 г. положение следователя было изменено: институт следователей был изъят из судебной системы и передан в аппарат прокуратуры, так что процессуальная подконтрольность следователя прокурору была соединена с административным подчинением следователя прокуратуре.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1963 г. «О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка» наряду со следователями прокуратуры и следователями органов государственной безопасности был введен институт следователей органов охраны общественного порядка. В соответствии с этим были внесены изменения в Основы уголовного судопроизводства (ст. 28) и в УПК союзных республик (ст. 125 УПК РСФСР; ст. 112 УПК УССР; ст. 125 УПК Грузинской ССР и т. д.).

Таким образом, вопрос об организационном положении следователей в разное время решался по-разному. Но организационные перестройки следственного аппарата не меняли и не меняют процессуального положения следователя как самостоятельного субъекта уголовно-процессуальной деятельности, несущего возложенные на него законом обязанности и выполняющего предоставленные ему законом полномочия²⁷.

Организация следственного аппарата — проблема большая и сложная, она требует самостоятельного рассмотрения и обсуждения. В юридической литературе по этому поводу давно ведется дискуссия преимущественно в связи с вопросом о так называемом едином следственном аппарате: должны ли следователи находиться в прокуратуре, или в министерстве охраны общественного порядка, или их целесообразно выделить в самостоятельную систему. Мы думаем, что существующее состояние раздвоенности следственного аппарата между прокуратурой и органами

Важное значение имеет вопрос о взаимоотношениях расследующего дело следователя с осуществляющим надзор за следствием прокурором.

Прокурор дает следователю указания о направлении расследования, о производстве отдельных следственных действий, принимает на себя производство тех или иных следственных действий, отменяет те постановления следователя, которые он считает незаконными и необоснованными, решает вопрос об отводе следователя или о передаче дела другому следователю в целях обеспечения правильности и успешности ведения следствия.

Но надзор прокурора за расследованием не устраняет и не может вести к умалению самостоятельности следователя. Указания, даваемые прокурором следователю, обязательны для последнего в отношении производства тех или иных следственных действий, собирания тех или иных доказательств, выяснения тех или иных обстоятельств. Но эти указания, равно как и иные способы надзора прокуратуры за расследованием, не могут и не должны выражаться в понуждении следователя к таким выводам и решениям, которые противоречат убеждению следователя, с которыми следователь не согласен.

В соответствии с этим закон устанавливает: «В случае несогласия следователя с указаниями прокурора о привлечении в качестве обвиняемого, о квалификации преступления и объеме обвинения, о направлении дела для предания обвиняемого суду или о прекращении дела следователь вправе представить дело вышестоящему прокурору с письменным изложением своих возражений. В этом случае прокурор или отменяет указания нижестоящего прокурора, или поручает производство следствия по этому делу другому следователю» (ст. 30 Основ уголовного судопроизводства; ст. 127 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 декабря 1965 г. «О внесении изменений и дополнений в уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» определенные процессуальные полномочия по руководству предварительным следствием предоставлены начальникам следственных отделов органов охраны общественного порядка и органов государственной безопасности²⁸. Аналогичные указы были приняты и в других союзных республиках, соответствующие изменения были внесены в УПК союзных

охраны общественного порядка не является окончательным решением, что здесь необходимы дальнейшие усовершенствования. Наиболее правильным мы считали бы включение следственного аппарата в ведомство юстиции, министерство юстиции. Сказанное не относится к институту следователей органов государственной безопасности ввиду особого характера подследственных им дел и особых условий деятельности органов КГБ.

²⁸ «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1965, Л» 50 (376), ст. 124,3.

республик (ст. 127 * УПК РСФСР; ст. 44¹ и 44^a УПК Латвийской ССР и др.).

Начальники следственных отделов обладают определенными процессуальными правами по контролю за расследованием и руководством им. Институт начальников следственных отделов существует в органах охраны общественного порядка и органах государственной безопасности. В органах прокуратуры нет начальников следственных отделов как особых субъектов уголовно-процессуальной деятельности; начальниками следственных отделов являются соответствующие прокуроры, и надзор за расследованием, проводимым следователями прокуратуры, во всех звеньях органов прокуратуры осуществляют прокуроры в силу предоставленных им как прокурорам процессуальных прав²⁹.

Деятельность начальников следственных отделов в органах охраны общественного порядка и в органах государственной безопасности не может и не должна вести к умалению самостоятельности следователей этих органов. Следователь вправе обжаловать прокурору указание начальника следственного отдела. В случаях обжалования следователем указания о привлечении в качестве обвиняемого, о квалификации преступления и объеме обвинения, о направлении дела для предания суду или о прекращении дела исполнение указания начальника следственного отдела приостанавливается (ст. 127 * УПК РСФСР; ст. 114^x УПК УССР и соответствующие статьи УПК других союзных республик)³⁰.

•

В прошлом не раз возникал вопрос о том, может ли следователь выступать в качестве государственного обвинителя по делу, которое им было расследовано. Еще в 1950 г. в одном своем определении по конкретному делу Верховный Суд СССР

Ст. 44¹ УПК Латвийской ССР в редакции Указа Верховного Совета Латвийской ССР от 26 февраля 1966 г. гласит: «Начальник следственного отдела — назначенное в установленном порядке должностное лицо, органа охраны общественного порядка или органа государственной безопасности, действующее в пределах своей компетенции». Органы прокуратуры сюда не включаются. В УПК других союзных республик, где аналогичной нормы нет, по смыслу закона вопрос решается таким же образом. Предоставление начальникам следственных отделов процессуальных прав было вызвано специфическими условиями деятельности органов охраны общественного порядка в тот период, когда им было предоставлено, право производства предварительного следствия и в них был введен институт следователей. К следственному аппарату прокуратуры эта мера не имела отношения.

Судьба института начальников следственных отделов, как, субъектов уголовно-процессуальной деятельности находится в зависимости от того, какие изменения будут внесены в организацию следственного аппарата.

Высказался Против выступления следователей в качестве обвинителей³¹.

На основе действующего уголовно-процессуального законодательства этот вопрос решается отрицательно — в качестве государственного обвинителя выступает только прокурор (ст. 40 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик; ст. 248 УПК РСФСР).

Это решение совершенно правильно. Следователя по его функциям нельзя отождествлять с прокурором, ему не принадлежат права прокурора. На суде составленные следователем следственные акты и все его действия проверяются по существу, и это неизбежно помешает следователю, выступающему обвинителем, опираться в первую очередь на данные судебного, а не предварительного следствия.

В пользу допущения следователя в качестве обвинителя обычно приводилось то соображение, что следователь, расследовавший дело, знает это дело лучше прокурора, который знакомился с делом лишь по письменным материалам. Это соображение совершенно несостоятельно. Прокурор, выступающий в суде в качестве обвинителя, должен знать дело в совершенстве, иначе он не может быть обвинителем независимо от того, осуществлял ли он по этому делу надзор за следствием в процессе расследования дела или нет. Решается же дело судом на основе данных судебного следствия, а материалы предварительного следствия используются судом лишь после того, как они проверены на судебном следствии. Соответственно этому должна строиться на суде и деятельность обвинителя.

Поэтому участие следователя в качестве обвинителя ни в коей мере не может содействовать правильной постановке обвинения и правильному проведению судебного следствия; наоборот, в этом случае суды ориентировались бы на данные предварительного следствия преимущественно перед данными судебного следствия.

§ 5. Обвиняемый

Обвиняемым в уголовном процессе называется лицо, в отношении которого следствием собраны доказательства, дающие основание для его обвинения в совершении преступления, и которое на основании этих доказательств в установленном законом порядке привлечено к уголовной ответственности.

Иначе говоря, обвиняемый — это лицо, в отношении которого возбуждено уголовное преследование.

Обвиняемый появляется в уголовном процессе в стадии предварительного следствия (или дознания), когда следствием собраны доказательства, достаточные для привлечения к уголовной от-

ветственности. Именно вокруг обвиняемого концентрируются все процессуальные действия участников процесса.

С того момента, как в отношении обвиняемого состоялось решение о предании его суду, обвиняемый становится *подсудимым*.

Таким образом, понятие «обвиняемый» более широкое, чем понятие «подсудимый»: всякий подсудимый является обвиняемым, но не всякий обвиняемый — подсудимым (а только тот, который предан суду).

Обвиняемый в советском уголовном процессе занимает процессуальное положение субъекта уголовно-процессуальной: деятельности и обладает рядом процессуальных прав. Он пользуется правом на защиту как на предварительном следствии, так и в суде, он имеет возможность оспаривать обвинение, приводить доводы и доказательства в свое оправдание или для смягчения своей ответственности.

Поэтому обвиняемого нельзя отождествлять с виновным: обвиняемому *предъявлено* обвинение в совершении преступления, но *виновен* ли он в предъявленном ему обвинении, полномочен решить лишь суд своим приговором.

Положение обвиняемого на предварительном следствии и его же положение в качестве подсудимого в судебном разбирательстве существенно различаются, хотя и в той и в другой стадии процесса обвиняемый обладает процессуальными правами, используя которые он может защищаться от предъявленного ему обвинения.

Предварительное следствие не является состязательным, обвиняемый в этой стадии процесса не занимает положения стороны, и он защищается от обвинения перед тем органом, который ему предъявил обвинение, т. е. следователем.

На предварительном следствии обвиняемый участвует в проверке доказательств только частично (например, при производстве экспертизы, в очных ставках), и лишь по окончании следствия он получает право знакомиться с собранным по делу доказательственным материалом (ст. 201 УПК РСФСР).

Иное положение занимает обвиняемый — подсудимый в судебном разбирательстве, которое построено на началах состязательности и в котором подсудимый — сторона, равноправная с обвинителем.

В судебном разбирательстве подсудимый имеет право оспаривать перед судом обвинение, предъявленное и поддерживаемое прокурором, и суд решает вопрос об обоснованности как предъявленного подсудимому обвинения, так и тех доводов и доказательств, которые подсудимый представляет в свою защиту. В этой стадии процесса каждое доказательство рассматривается и проверяется в присутствии подсудимого и при его участии. Подсудимый может задавать вопросы всем проходящим перед судом свидетелям, экспертам, другим подсудимым, участвовать

³¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1951, № 3, стр. 23.

в осмотре вещественных доказательств и давать суду объяснения по поводу показаний свидетелей, экспертов, других подсудимых.

Специфичность процессуального положения обвиняемого как субъекта уголовно-процессуальной деятельности заключается в том, что он привлечен к уголовной ответственности, в отношении его применяются принудительные меры (меры пресечения и др.), он подвергается допросу по поводу преступления, обвинение в совершении которого ему предъявлено, его судьба решается в зависимости от результатов расследования и разбирательства дела.

Эти особенности процессуального положения обвиняемого (в отличие от других участников процесса) послужили поводом для утверждения, что обвиняемый — это не только субъект уголовно-процессуальной деятельности, но и *объект* деятельности следственных органов, прокуратуры и суда³².

Такую точку зрения следует признать ошибочной, потому что в советском праве человек всегда является субъектом и никогда — объектом. Если к обвиняемому могут быть применены принудительные меры, то это значит, что он как субъект права не только имеет определенные процессуальные права, но и несет определенные процессуальные обязанности. Кроме того, наказание к обвиняемому может быть применено не как к «объекту наказания», а как к субъекту преступления и тем самым субъекту уголовно-правового отношения.

Существует концепция, согласно которой основанием для привлечения лица в качестве обвиняемого служит *виновность* этого лица в совершении преступления³³.

Но привлечение к уголовной ответственности есть *процессуальный* акт, и, таким образом, основание для привлечения

к уголовной Ответственности, т. ё. ДЛЯ привлечения лица в качестве обвиняемого, указывает не материальный уголовный закон, а уголовно-процессуальный закон. Согласно ст. 143 УПК РСФСР и соответствующим статьям УПК других союзных республик привлечение к уголовной ответственности производится при наличии достаточных доказательств, дающих основание для предъявления обвинения, что вовсе не означает признания привлекаемого лица виновным в совершении преступления. Встать же на точку зрения, что основание привлечения в качестве обвиняемого — это *виновность* привлекаемого лица — значит отождествить *обвиняемого* с *виновным*.

Обвиняемому в силу закона принадлежит право на защиту (ст. 111 Конституции СССР; ст. 13 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик). Это право охватывает сумму процессуальных прав, которые закон представляет обвиняемому и путем использования которых обвиняемый может защищаться от предъявленного ему обвинения, оспаривать обвинение, приводить доводы и доказательства в свое оправдание или для смягчения своей ответственности.

Обвиняемый имеет следующие права: знать, в чем он обвиняется и давать объяснения по предъявленному ему обвинению; представлять доказательства; заявлять ходатайства; знакомиться по окончании предварительного следствия со всеми материалами дела; иметь защитника; участвовать в судебном разбирательстве в суде первой инстанции; заявлять отводы; приносить жалобы на действия и решения следователя, прокурора и суда. Подсудимый (т. е. обвиняемый, преданный суду) имеет право на последнее слово, т. е. говорить последним перед тем, как суд удалится на совещание для постановления приговора (ст. 21 Основ уголовного судопроизводства; ст. 46 УПК РСФСР).

Помимо процессуальных прав обвиняемый имеет и некоторые процессуальные обязанности:

— являться по вызову органа дознания, следователя и суда (ст. 146 УПК РСФСР). В случае неявки без уважительных причин обвиняемый может быть подвергнут приводу (ст. 147 УПК РСФСР);

— не выезжать из определенного места в случае избрания в отношении его меры пресечения в виде подписки о невыезде. При нарушении этой обязанности к обвиняемому может быть применена более строгая мера пресечения (ст. 93 УПК РСФСР);

— во время судебного разбирательства беспрекословно подчиняться распоряжениям председательствующего о соблюдении порядка в судебном заседании (ст. 262 УПК РСФСР). При повторном нарушении порядка судебного заседания (после предупреждения председательствующим) подсудимый может быть удален из зала судебного заседания (ст. 263 УПК РСФСР).

³² Так, М. А. Чельцов говорил об обвиняемом как об объекте исследования, объекте принудительных мер, возможном объекте наказания (М. А. Ч е л ь ц о в - Б е б у т о в . Обвиняемый и его показания в советском уголовном процессе. Юриздат, 1947, стр. 12—13).

К трактовке обвиняемого как объекта деятельности следственных органов, прокуратуры и суда приводит и развиваемая М. А. Чельцовым точка зрения, согласно которой суть уголовного процесса заключается в осуществлении судом, органами прокуратуры, следствия и дознания «односторонних властных полномочий» в отношении лиц, на которых распространяется деятельность этих государственных органов (М. А. Ч е л ь ц о в . Советский уголовный процесс. Госюриздат, 1962, стр. 16, 17, 231).

О неправильности такой концепции, не соответствующей природе, сущности советского уголовного процесса, мы уже говорили в главе II.
³³ Профессор М. А. Чельцов пишет: «Основанием для привлечения к уголовной ответственности является, как это указано в ст. 3 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, виновность лица в совершении преступления» (М. А. Ч е л ь ц о в . Советский уголовный процесс, стр. 307),

§ 6. Подозреваемый

Подозреваемый — это лицо, в отношении которого имеются данные о совершении им преступления, недостаточные для привлечения его в качестве обвиняемого и предъявления ему обвинения, но вызывающие необходимость незамедлительного применения к нему задержания или меры пресечения.

Подозреваемый отличается от обвиняемого тем, что ему по обстоятельствам дела еще не может быть предъявлено обвинение, так как еще не выяснены необходимые для этого факты, еще не собраны и не проверены необходимые для этого доказательства, однако то, что выяснено, не позволяет оставить данное лицо вне мер соответствующего процессуального принуждения, потому что это лицо может представлять опасность для общества или помешать ходу расследования дела.

Чтобы поставить человека в положение подозреваемого по уголовному делу, нужны объективные данные, улики, указывающие на определенное лицо, как на возможного совершителя преступления. Для этого мало, чтобы у следователя или производящего дознание просто возникло подозрение в том, что лицо совершило преступление, так как само по себе подозрение имеет субъективный характер. Необходимы объективные данные, уличающие доказательства, хотя и *недостаточные* для предъявления обвинения. Но для того, чтобы лицо стало подозреваемым по уголовному делу, необходимо и другое условие: совершение в отношении этого лица предусмотренного законом *процессуального акта*.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР определяет подозреваемого следующим образом:

«Подозреваемым признается:

1) лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления;

2) лицо, к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения» (ст. 52).

Именно такая трактовка подозреваемого дана в общесоюзном уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 32 и 33 Основ уголовного судопроизводства) и содержится в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик (например, ст. 73 УПК УССР).

Таким образом, лицо фигурирует в производстве по делу как подозреваемый и допрашивается в качестве подозреваемого лишь при задержании его и при применении к нему меры пресечения до предъявления обвинения.

Задержание допускается только при наличии указанных в законе оснований и с соблюдением установленного законом процессуального порядка на срок до 72 часов (ст. 32 Основ уголовного судопроизводства; ст. 122 УПК РСФСР и соответствующие

статьи УПК других союзных республик). Применение меры пресечения до предъявления обвинения допускается в исключительных случаях, при наличии оснований и с соблюдением условий, указанных законом для применения мер пресечения, на срок до 10 суток (ст. 33 Основ уголовного судопроизводства; ст. 90 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик). Нахождение лица в положении подозреваемого ограничено краткими сроками: не более 72 часов при задержании и 10 суток при применении меры пресечения.

После истечения указанных сроков лицо перестает быть подозреваемым; либо оно привлекается в качестве обвиняемого и, следовательно, становится обвиняемым, либо отменяется задержание и мера пресечения и лицо выбывает из производства по делу, но может быть вызвано и допрошено в качестве свидетеля³⁴. В суде подозреваемого нет никогда.

Подозреваемый имеет определенные процессуальные права — он вправе знать, в совершении какого преступления он подозревается, вправе давать объяснения, заявлять ходатайства, приносить жалобы на действия и решения лица, производящего дознание, следователя, прокурора (ст. 52 и 123 УПК РСФСР).

Является ли подозреваемый участником уголовного процесса — субъектом уголовно-процессуальной деятельности? Основы уголовного судопроизводства не указывают подозреваемого в числе участников процесса (см. раздел II). Так же поступают УПК некоторых союзных республик, например УПК УССР (гл. 3); УПК Грузинской ССР (гл. 4); УПК Латвийской ССР (гл. 9).

³⁴ Здесь возникает спорный вопрос: если подозреваемый был задержан в течение 72 часов, т. е. 3 суток, а после этого к нему была применена мера пресечения в виде заключения под стражу, сколько времени он может всего находиться под арестом — 13 или 10 суток? Следует признать, что время, в течение которого подозреваемый был задержан, должно быть зачтено в срок заключения под стражу, являющегося мерой пресечения, так что всего до привлечения в качестве обвиняемого человек может находиться в заключении не более 10 суток. В пользу такого решения вопроса говорят те соображения, что если к подозреваемому сразу же применена мера пресечения в виде заключения под стражу, десятидневный срок заключения ни при каких условиях не может быть продлен; присоединение же к этому сроку 3 суток задержания было бы нечем иным, как непредусмотренным законом продлением данного срока. В пользу такого решения вопроса говорит и то обстоятельство, что 72-часовой срок задержания вне всякого сомнения входит в максимальный двухмесячный срок содержания под стражей на предварительном следствии, а не добавляется к нему (ст. 34 Основ уголовного судопроизводства; ст. 97 УПК РСФСР). Это значит, что срок задержания рассматривается как срок содержания под стражей. А из этого вытекает, что максимальный срок содержания под стражей до предъявления обвинения включает и срок задержания, если задержание предшествовало избранию меры пресечения.

Правильное решение этого вопроса см.: И. С. Г а л к и н, В. Г. К о ч е т к о в. Процессуальное положение подозреваемого. Изд-во «Юридическая литература», 1968, ст. 38.

УПК и некоторых других союзных республик прямо включают подозреваемого в число участников процесса (ст. 52 УПК РСФСР; ст. 59 УПК Литовской ССР). По существу подозреваемый принадлежит к субъектам уголовно-процессуальной деятельности (участникам процесса), поскольку в отношении его ведется уголовное преследование (хотя бы в начальной стадии) и ему принадлежат определенные права защиты. Но подозреваемый — своеобразный участник процесса, его процессуальное положение ограничено и кратковременно; он фигурирует только на дознании и предварительном следствии (в незначительной их части), и вообще его участие в уголовном процессе вовсе не обязательно, но большинству уголовных дел, расследуемых и передаваемых в суд, подозреваемого не бывает.

В юридической литературе во время подготовки новых Основ уголовного судопроизводства, УПК союзных республик и позднее дебатировался вопрос о самом понятии подозреваемого и настойчиво вносились предложения о расширении условий для участия его в деле. Основная мысль этих предложений заключалась в том, что следует допустить возможность допроса граждан в качестве подозреваемых и помимо указанных выше двух случаев — задержания и применения меры пресечения для предъявления обвинения. Так, предлагалось допустить допрос в качестве подозреваемых лиц, указанных в постановлении и возбуждении уголовного дела, или лиц, которым при допросе их задаются вопросы об их причастности к совершению преступления и др.³⁵

Если принять эти (и им подобные) предложения, получается, что любое лицо, любого гражданина, в отношении которого возникло подозрение в совершении им преступления, можно ставить в положение подозреваемого по уголовному делу и допрашивать как подозреваемого. Это создает совершенно недопустимое положение, приводящее к нарушению прав граждан. Для гражданина положение подозреваемого ничем не лучше, не благоприятнее, чем положение обвиняемого, но для подозреваемого закон не устанавливает всех тех процессуальных гарантий и не предоставляет ему всех тех прав, какие предусмотрены законом для обвиняемого. Что касается случаев, когда лицо, которому следует инкриминировать совершение преступления, известно уже в самый момент возбуждения уголовного дела, то это обстоятельство позволяет привлечь данное лицо в качестве обвиняемого в начале предварительного следствия, иногда непосредственно вслед за возбуждением дела, но вовсе не служит основанием для

См., например: Л. М. Корнев а. К вопросу о подозреваемом в советском уголовном процессе. «Советская криминалистика на службе следствия», вып. XII. Госюриздат, 1959; Э. Боровский. Понятие подозреваемого в советском уголовном процессе. «Вестник Московского университета», серия X, 1963, № 1.

того, чтобы ставить это лицо в положение подозреваемого³⁶.

Поэтому мы решительно высказываемся против какого бы то ни было расширения понятия подозреваемого и считаем решение этого вопроса в действующем законодательстве правильным, не нуждающимся в изменении.

§ 7. Защитник

Право обвиняемого на защиту включает право обвиняемого иметь защитника.

Защитник представляет законные интересы обвиняемого, защищает обвиняемого, содействует обвиняемому в осуществлении его прав.

В качестве защитника допускаются адвокаты и представители профессиональных союзов и других общественных организаций³⁷. По определению суда или постановлению судьи как защитники могут выступать близкие родственники и законные представители обвиняемого, а также другие лица.

Основная форма защиты — защита, осуществляемая адвокатом, членом коллегии адвокатов.

Защитники допускаются к участию в деле с момента объявления обвиняемому об окончании предварительного следствия и предъявления обвиняемому для ознакомления всего производства по делу.

По делам о преступлениях несовершеннолетних, а также лиц, которые в силу своих физических или психических недостатков не могут сами осуществлять свое право на защиту, защитник допускается к участию в деле с момента предъявления обвинения.

По делам, по которым не производилось предварительного следствия, защитник допускается с момента предания обвиняемого суду (ст. 22 Основ уголовного судопроизводства; ст. 47 УПК РСФСР).

Закон следующим образом определяет обязанности и права защитника: «Защитник обязан использовать все указанные

³⁶ В прошлом была сделана попытка вообще устранить фигуру подозреваемого из уголовного процесса. Циркуляром от 6 июня 1937 г. Прокуратура СССР дала указание не допрашивать никого в качестве подозреваемого, а допрашивать либо как обвиняемого, либо как свидетеля («Сборник приказов Прокуратуры Союза ССР». Юриздат, 1939, стр. 152).

Такая крайняя точка зрения удержаться в жизни не могла. Но на дальнейшее расширение понятия подозреваемого идти нельзя без риска поставить под серьезную угрозу права и свободу личности, гражданина. Правильные соображения по этому вопросу см.: Н. А. Акинча. Подозреваемый на предварительном следствии. Саратов, 1964, стр. 5 и ел.

³⁷ Об общественных защитниках подробнее см. § 10.

в законе средства и способы защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность, и оказывает обвиняемому необходимую юридическую помощь.

С момента допущения к участию в деле защитник вправе: иметь свидание с обвиняемым; знакомиться со всеми материалами дела и выписывать из него необходимые сведения; представлять доказательства; заявлять ходатайства; участвовать в судебном разбирательстве; заявлять отводы; приносить жалобы на действия и решения следователя, прокурора и суда. Кроме того, с разрешения следователя защитник может присутствовать при допросах обвиняемого и при производстве иных следственных действий, выполняемых по ходатайствам обвиняемого и его защитника» (ст. 23 Основ уголовного судопроизводства; ст. 51 УПК РСФСР).

Таким образом, участие защитника на предварительном следствии происходит в ограниченных пределах — защитник участвует с момента окончания следствия и при его дополнении, если оно будет произведено. На суде же участие защитника не ограничено, и защитник участвует на всем протяжении судебного разбирательства, во всех совершаемых на суде процессуальных действиях.

Рамки участия защитника на предварительном следствии расширяются тогда, когда защитник участвует с момента предъявления обвинения, т. е. по делам, указанным в ч. 2 ст. 22 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (ч. 2 ст. 47 УПК РСФСР).

По этим делам помимо перечисленных выше прав защитник имеет еще права:

— присутствовать при предъявлении обвинения и на допросах обвиняемого и с разрешения следователя задавать вопросы обвиняемому;

— присутствовать при производстве других следственных действий и задавать с разрешения следователя вопросы свидетелю, потерпевшему и эксперту;

— делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе следственного действия, в котором он принимал участие.

В случаях участия защитника при допросах на предварительном следствии следователь может отвести тот или иной вопрос защитника, но в этом случае обязан занести отведенный вопрос в протокол (ст. 51 УПК РСФСР).

В истории советского уголовного процесса допущение защитника к участию на предварительном следствии предусматривалось в первые годы Советского государства. По сообщению П. И. Стучки, в законодательство о суде 1918 г., которым допускалось участие защитника на предварительном следствии,

положения о защите были вставлены самим В. И. Лениным³⁸. Позднее участие защитника на предварительном следствии было устранено и защитник допускался только в судебных заседаниях. Вновь защитник был допущен к участию на предварительном следствии Основами уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 25 декабря 1958 г. и ныне действующими уголовно-процессуальными кодексами союзных республик. И раньше обсуждался, а сейчас снова ставится вопрос о расширении участия защитника на предварительном следствии таким образом, чтобы защитник допускался с момента предъявления обвинения по всем делам³⁹. Опыт, накопленный за время, истекшее после принятия Основ, показал полезность и эффективность участия защиты на предварительном следствии, и сейчас нет никаких оснований ограничивать участие защитника с момента предъявления обвинения только определенной категорией дел.

Защитник приглашается обвиняемым, его законными представителями, а также другими лицами по поручению или с согласия обвиняемого. Если обвиняемый сам не избрал себе защитника или последний не приглашен законными представителями обвиняемого или другими лицами, следователь и суд по просьбе обвиняемого обеспечивают ему защитника через соответствующую организацию адвокатов (юридическую консультацию).

Таким образом, если обвиняемый желает иметь защитника и просит об этом, защитник у него будет при всех обстоятельствах, так как дело не может рассматриваться без защитника, иначе это было бы нарушением права обвиняемого на защиту.

Один защитник не имеет права защищать двух обвиняемых, если интересы одного обвиняемого противоречат интересам другого, например, если один обвиняемый дает показания, уличающие другого, если оправдание одного обвиняемого влечет отягчение положения другого обвиняемого и т. п. При таких условиях защитник не смог бы эффективно защищать обоих обвиняемых, один из них или даже оба фактически оказались бы без защитника.

В силу ст. 36 УПК Эстонской ССР один обвиняемый может иметь по соглашению нескольких защитников. В УПК других союзных республик подобное правило прямо не записано, но по-

³⁸ См. выступление П. И. Стучки при обсуждении вопросов реформы уголовно-процессуального кодекса в секции государства и права Коммунистической Академии в конце 1927 г. («Еженедельник советской юстиции», 1928, № 2, стр. 46; № 3, стр. 115).

³⁹ См., например: «Демократические основы советского социалистического правосудия», стр. 248; И. Д. П е р л о в. Развитие и совершенствование демократических основ советского правосудия. «Вопросы современного развития советской юридической науки. Научная конференция, посвященная 50-летию Советского государства и права. Ленинград, 5—7 июня 1968 г. Тезисы докладов». Изд-во ЛГУ, 1968, стр. 105.

сколькx в них нет ограничения в этом отношении, следует признать, что обвиняемому принадлежит право приглашать нескольких защитников.

Закон устанавливает случаи обязательного участия защитника, когда следователь и суд обязаны обеспечить защитника и без просьбы о том обвиняемого.

Участие защитника при судебном разбирательстве обязательно по делам:

- с участием государственного или общественного обвинителя;
- немых, глухих, слепых и других лиц, которые в силу своих физических или психических недостатков не могут сами осуществлять свое право на защиту;
- несовершеннолетних;
- лиц, не владеющих языком, на котором ведется судопроизводство;
- лиц, между интересами которых имеются противоречия и хотя бы один из них имеет защитника;
- лиц, преданных суду за преступления, за которые в качестве меры наказания может быть применена смертная казнь.

Если в случаях, когда участие защитника обязательно в силу закона, защитник не приглашен самим обвиняемым, его законным представителем или другими лицами по его поручению, следователь и суд обязаны обеспечить участие защитника в деле (ст. 49 УПК РСФСР).

В отличие от указанных выше правил, закрепленных в УПК РСФСР, ст. 45 УПК СССР требует обязательного участия защитника при участии общественного обвинителя, если в деле не участвует общественный защитник, тогда как по УПК РСФСР и других союзных республик участие общественного защитника не устраняет обязательного участия защитника, приглашенного обвиняемым или назначенного судом.

Думается, что во всех случаях обязательного участия защитника должно быть обеспечено участие защитника-адвоката (или иного представителя обвиняемого по его уполномочию), и обязательность участия такого защитника не устраняется участием общественного защитника, который является представителем не обвиняемого, а соответствующей общественной организации или коллектива трудящихся.

Согласно ст. 44 УПК Грузинской ССР, ст. 98 УПК Латвийской ССР участие защитника обязательно при участии государственного обвинителя (прокурора), но не обязательно при участии общественного обвинителя. Таким же образом решается этот вопрос в ст. 56 УПК Литовской ССР, ст. 45 УПК Армянской ССР.

Мы считаем, что при участии общественного обвинителя необходимо участие защитника, иначе нарушается равноправие

сторон в ущерб подсудимому. Именно так решают этот вопрос ст. 49 УПК РСФСР, ст. 43 УПК Узбекской ССР, ст. 30 УПК Киргизской ССР.

Смысл всех этих правил об обязательном участии защитника заключается в том, что забота об обеспечении обвиняемого защитником ложится целиком на следователя и на суд, и защитник должен участвовать в деле, хотя бы обвиняемый об этом не просил⁴⁰.

Выше указано, когда участие защитника обязательно в судебном разбирательстве. Но в некоторых случаях участие защитника признается обязательным и на предварительном следствии. Так, согласно ст. 49 УПК РСФСР, ст. 51 УПК Таджикской ССР, ст. 44 УПК Молдавской ССР, ст. 98 УПК Латвийской ССР участие защитника обязательно на предварительном следствии по делам несовершеннолетних и лиц, которые ввиду своих физических или психических недостатков не могут сами осуществлять свое право на защиту. Ст. 45 УПК СССР и ст. 44 УПК Грузинской ССР распространяют это правило и на дела, когда обвиняемые не владеют языком, на котором ведется производство; ст. 43 УПК Узбекской ССР, ст. 45 УПК Армянской ССР и ст. 44 УПК Грузинской ССР — на дела о преступлениях, за которые может быть применена смертная казнь.

Особо следует отметить правило, что в случае противоречия интересов подсудимых, если один из них имеет защитника, обязательно должно быть обеспечено участие защитника и для другого подсудимого. Оно находит свое обоснование в том, что, во-первых, один защитник не может защищать двух подсудимых с противоречивыми интересами, и, во-вторых, защищая одного из подсудимых, интересы которого противоречат интересам другого, защитник фактически мог бы занять обвинительную позицию в отношении второго подсудимого. Такое положение может сложиться, когда один подсудимый дает уличающие показания в отношении другого, когда оправдание одного подсудимого повлекло бы отягчение участи другого подсудимого и т. п. Поэтому в этих случаях каждый подсудимый должен иметь отдельного защитника⁴¹.

УПК Молдавской ССР (ст. АА) к делам с обязательным участием защитника относит все дела, по которым обвиняемый желает иметь защитника, просит об этом и приглашает защитника сам. Это верно в том смысле, что в этих случаях защитник должен быть назначен или допущен. Но это уже иной вопрос, чем обязательное участие защитника, когда он должен быть обеспечен обвиняемому, хотя бы тот об этом и не просил. В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 28 февраля 1947 г. по делу Музыкаина и других указано: «Совершенно очевидно, что к числу случаев рассмотрения дела без участия защитника должен быть отнесен и тот случай, когда один защитник назначен для защиты двух и более подсудимых с противоречивыми интересами, так как такая организация защиты равносильна оставлению кого-либо из подсудимых или всех

Если участие защитника обязательно и обвиняемый выбрал и пригласил защитника сам или это сделали близкие обвиняемому лица, к участию в деле допускается именно этот защитник и следователь, и суд не вправе назначать обвиняемому другого защитника вместо того, которого пригласил обвиняемый⁴².

Обвиняемый может в любой момент производства по делу отказаться от защитника. Это относится ко всем делам, включая и дела, по которым участие защитника обязательно. Исключение составляют дела о несовершеннолетних и о лицах, которые ввиду своих физических или психических недостатков не могут защищать себя сами: отказ от защитника, заявленный таким обвиняемым, не обязателен для следователя и суда (ст. 50 УПК РСФСР).

Ст. 4В УПК УССР к случаям, когда отказ обвиняемого от защитника не обязателен для следователя и суда, относит также дела о преступлениях, за которые может быть применена смертная казнь.

Отказ от защиты допускается только по инициативе самого обвиняемого, и тогда отсутствие защитника не служит препятствием для продолжения участия в деле государственного или общественного обвинителя, а равно защитников других подсудимых (ст. 50 УПК РСФСР, соответствующие статьи УПК других союзных республик)⁴³.

Роль и задачи советского адвоката, выступающего в суде в качестве защитника, очень велики и ответственны.

Защищая подсудимого, адвокат содействует осуществлению социалистического правосудия. Помощь защитника правосудию выражается в том, что защитник представляет суду в пользу под-

без защиты» («Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса, 1946—1962 гг.» Изд-во «Юридическая литература», 1964, стр. 23).

⁴² Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 30 августа 1962 г. отменен приговор областного суда по делу Шабурова ввиду допущенного по делу нарушения права подсудимого на защиту. По этому делу подсудимый отказался от назначенного ему защитника и просил о допущении другого, избранного им защитника, однако суд ему в этом отказал, освободил назначенного адвоката от участия в процессе и начал слушать дело без защитника; тогда подсудимый отказался от дачи показаний суду, от защитительной речи и последнего слова («Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1962, № 12, стр. 10).

⁴³ Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР по делу Б. отменен приговор и оставившее его в силе кассационное определение на том основании, что дело слушалось в суде с участием обвинителя, но без защитника при отсутствии прямо заявленного подсудимым отказа от защиты. «В определении коллегии Верховного суда РСФСР сказано: «Указание' суда в определении, вынесенном при обсуждении замечаний осужденного на протокол судебного заседания, что Б. находился на свободе и мог заключить соглашение с адвокатом, не основано на законе» («Сборник постановлений Пленума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР, 1961—1963 гг.» Изд-во «Юридическая литература», 1964, стр. 335).

судимого все доводы и данные, нужные для правильного решения дела, и в то же время-предостерегает от неправильных выводов, от которых могут пострадать законные интересы подсудимого.

Задачу защитника содействовать правосудию нельзя понимать упрощенно. Помощь защитника правосудию есть не помощь вообще, а помощь в определенном направлении — именно в направлении защиты прав и интересов подсудимого. Защитник помогает суду избежать не ошибок вообще, а лишь тех ошибок, от которых может пострадать подсудимый. Значит, на защитнике ни в какой мере не может лежать обязанность содействовать обвинению. Всякое, хотя бы косвенное содействие защитника обвинению своего подзащитного, отягчению его положения, есть грубое нарушение адвокатом своих обязанностей: фактически это есть лишение обвиняемого права на защиту.

Процессуальное положение защитника следует определить как *представителя обвиняемого*. Это значит, что защитник участвует в деле в интересах обвиняемого, по поручению обвиняемого или с его согласия, он может быть в любой момент устранен, если обвиняемый отказался от защитника, но если обвиняемый от защиты не отказался — суд и следователь не вправе устранить защитника, равно как и сам защитник не вправе отказаться от защиты.

Уголовно-процессуальный кодекс Казахской ССР прямо определяет защитника как представителя обвиняемого, указывая, что защитник — «лицо, уполномоченное в установленном законом порядке представлять интересы обвиняемого и оказывать ему юридическую помощь» (п. 10 ст. 21).

В УПК других союзных республик такой формулировки нет, но именно это определение вытекает из смысла процессуальных норм, определяющих задачи, положение, права и обязанности защитника.

И на предварительном следствии, и на суде защитник представляет и защищает законные интересы и права обвиняемого. *Защитник — представитель обвиняемого*, на суде — подсудимого. Это значит, что защитник действует в интересах обвиняемого, представляет на следствии и суде законные интересы обвиняемого и охраняет его права, он выступает в процессе по поручению (доверенности) обвиняемого либо с его согласия (если защитник назначен следователем или судом).

На предварительном следствии соответственно характеру и назначению этой стадии процесса, вспомогательной по отношению к судебному разбирательству, защитник применяет все законные меры к тому, чтобы не допустить необоснованного предания обвиняемого суду. Если оснований возражать против передачи дела в суд нет, он стремится к тому, чтобы на предварительном следствии были выяснены и зафиксированы все благоприятные для обвиняемого обстоятельства, оправдывающие его или смягчающие его

вину, чтобы было устранено асе, неосновательно ухудшающее положение обвиняемого в вопросах квалификации преступления, установления отягчающих вину обстоятельств и т. д.

Поскольку основная стадия уголовного процесса — судебное разбирательство, в котором происходит осуществление правосудия, главную сферу участия защитника представляет выступление в судебном разбирательстве. Здесь защитник защищает подсудимого перед судом, извлекает из обстоятельств дела все, что может благоприятствовать подсудимому, облегчить его положение. Защитник может оспаривать обвинение, опровергать лежащие в основании обвинения доказательства и представлять доказательства в пользу подсудимого, он обязан выяснять все обстоятельства, оправдывающие подсудимого или смягчающие его ответственность.

Защитник защищает *законные* интересы подсудимого, применяя для защиты подсудимого только законные средства. Но применяя законные способы защиты, защитник обязан представить суду все и не упустить ничего, что могло бы послужить к оправданию подсудимого, к облегчению его положения, к смягчению его ответственности. И в то же время защитник не вправе ничего делать, что может повредить подсудимому, ухудшить его положение, содействовать его обвинению.

Таким образом, защитник выступает как представитель подсудимого (на предварительном следствии обвиняемого), и именно положение защитника как представителя подсудимого связывает его с подсудимым определенным юридическим, процессуальным отношением, без чего защитник перестал бы быть действительным защитником⁴⁴.

⁴⁴ В юридической литературе трактовка защитника как представителя подсудимого (обвиняемого) не бесспорна, иногда его рассматривают как совершенно самостоятельного, отдельного участника процесса.

Нам кажется, что сейчас, при действующем законодательстве, решение этого вопроса облегчается следующим. Закон предоставляет потерпевшему право иметь своего представителя, каковым может быть адвокат. В этих случаях один адвокат выступает на стороне подсудимого, другой адвокат — на стороне потерпевшего. Адвокат, выступающий на стороне потерпевшего, несомненно является представителем потерпевшего, так его и называет закон (ст. 24 Основ уголовного судопроизводства; ст. 56 УПК РСФСР). Но тогда никак нельзя объяснить, почему другой адвокат, выступающий в том же процессе на стороне подсудимого, не является представителем подсудимого. Ведь их процессуальное положение одинаково. Совершенно невозможно, чтобы защитник интересов одной стороны был ее представителем, а защитник интересов другой стороны не был ее представителем.

Процессуальное положение защитника как представителя обвиняемого правильно определяют Р. Д. Рахунов и П. С. Элькинд (Р. Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности, стр. 212 и ел.; П. С. Элькинд. Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе (общие вопросы). В сб. «Вопросы защиты по уголовным делам». Изд-во ЛГУ, 1967).

Представительство интересов подсудимого, осуществляемое на суде защитником, отлично от обычного гражданско-правового представительства. Выражается это в определенной самостоятельности защитника по отношению к подсудимому. Функция защиты — публичная, общественная, имеющая государственное значение. Защитник — судебный деятель, участвующий в отправлении судом социалистического правосудия. Поэтому не все средства, избираемые самим подсудимым в целях своей защиты, приемлемы для защитника. Бывает, что подсудимый лжет, пытается извратить действительность, и за это он не несет ответственности. Для защитника же, советского адвоката, ложь — грубое нарушение его обязанностей.

Поэтому защитник в своих действиях на суде не связан целиком волей своего подзащитного и определяет свою линию защиты так, как он это считает отвечающим задачам советского правосудия. В противном случае деятельность защитника на суде из содействия правосудию может превратиться в противодействие ему, что было бы грубейшим извращением задач советской адвокатуры⁴⁵.

То обстоятельство, что защитник в процессе занимает в какой-то степени самостоятельное положение по отношению к обвиняемому (подсудимому), означает лишь, что защитник при выполнении своих обязанностей не может применять недозволенные законом способы защиты; но это не устраняет процессуального положения защитника как представителя интересов подсудимого и ни в коем случае не может и не должно влечь прямого или косвенного, открытого или замаскированного отказа защитника от защиты. Каково бы ни было поведение подсудимого на суде, защитник со своей стороны должен употребить все законные средства для защиты подсудимого, для облегчения его положения.

Известная самостоятельность позиции защитника по отношению к подсудимому допускает несовпадение точек зрения адвоката и подсудимого по различным вопросам, возникающим при производстве по делу в связи с различными обстоятельствами, исследуемыми на суде. Но она не может приводить к таким кардинальным расхождениям между основными позициями адвоката и подсудимого, которые придавали бы защите чисто формальный характер, а по существу означали бы оставление подсудимого без защитника.

Так, если подсудимый отрицает свою виновность, оспаривает обвинение, утверждает, что он не совершил преступления, в кото-

Иногда в этом видят аргумент против признания защитника представителем подсудимого. Но адвокат, защищающий интересы потерпевшего от преступления лица и прямо именуемый законом его представителем, вовсе не связан целиком позицией и действиями потерпевшего: если потерпевший под влиянием чувства мести, гнева к подсудимому будет допускать на суде неправильные, извращающие действительность утверждения, оскорбительные поступки и т. п., адвокат, представляющий его интересы, разумеется, не должен и не может его в этом поддерживать.

ром он обвиняется, защитник не может занять противоположную позицию, утверждать, что он считает подсудимого виновным, и свести защиту к указанию в деянии подсудимого смягчающих обстоятельств. Если бы защитник так построил свою защиту, это фактически означало бы, что подсудимый остался без защитника, а в некоторых случаях получил в лице защитника дополнительного обвинителя.

Действительно, показания подсудимого есть *доказательство* по делу как в случае признания подсудимым своей вины, так и в случае ее отрицания. Показание подсудимого, отрицающего свою вину, есть доказательство, именно оправдательное доказательство, подлежащее, как и всякое доказательство, оценке суда. Если подсудимый отрицает свою виновность, а защитник утверждает, что подсудимый виновен, но заслуживает снисхождения, это значит, что защитник оспаривает оправдательное доказательство, представленное обвиняемым, доказывает неправильность оправдательных доводов подсудимого, а это есть обвинительная деятельность, обвинение, а не защита, какими бы оговорками и указаниями на смягчающие обстоятельства защитник ни сопровождал свое выступление.

Если при отрицании подсудимым своей виновности у защитника складывается мнение, что подсудимый все же виновен, это лишь субъективное мнение защитника, а к какому выводу придет суд — еще неизвестно, а станет известно только после вынесения им своего приговора. Утверждение же защитника на судебном разбирательстве, что подсудимый вопреки его показаниям виновен, способно оказать на судей большое влияние, побудить их к вынесению обвинительного приговора, который может оказаться неправильным. В судебной практике бывало, когда защитник на суде заявлял, что он считает подсудимого, отрицавшего свою вину, виновным, и суд выносил обвинительный приговор, а этот приговор отменялся в кассационном порядке или в порядке судебного надзора и в конечном итоге дело завершалось вынесением оправдательного приговора или прекращением.

Поэтому в случаях отрицания подсудимым своей виновности защитник не вправе строить защиту на признании виновности подсудимого и приведении только смягчающих обстоятельств, а обязан извлекать из обстоятельств дела все, что способно служить оправданию подсудимого, все, что в какой-либо мере может быть противопоставлено обвинительным доказательствам или поколебать силу какого-либо из этих доказательств. И в таком, несомненно трудном положении защитник вправе и обязан делать в отношении подсудимого все выводы из презумпции невиновности и из принципа объективной истины, согласно которым в основе обвинения могут лежать лишь абсолютно достоверные, с полной несомненностью доказанные факты. И если все же суд вынесет обвинительный приговор, позиция защитника, оспаривающего

обвинение, не должна быть поставлена ему в вину: он выполнил свой долг защитника, он сказал суду все, что могло послужить к оправданию подсудимого, а решение дела принадлежит суду, и только ему^{4в}.

Всегда, независимо от позиции, занятой подсудимым, защитник обязан извлекать из обстоятельств дела все, что может свидетельствовать в пользу подсудимого, представлять суду все доказательства и доводы, которые способны опровергнуть обвинение или видоизменить его в сторону, благоприятную для подсудимого, или смягчить его ответственность.

Защитник защищает подсудимого от обвинения, оспаривает обвинение целиком или в отдельных частях, опровергает слабые стороны обвинения, критикует доказательства, на которых оно основано, приводит доводы и доказательства в защиту обвиняемого, доказывает его невиновность или меньшую виновность, чем та, на которой настаивает обвинение.

Защита в советском суде — защита решительная, активная, но всегда принципиальная, исходящая из высоких задач содействия правосудию и охраны прав личности советского гражданина.

Серьезным нарушением защитником-адвокатом своих обязанностей является такое ведение защиты, когда защитник не принимает мер к защите обвиняемого, упускает и оставляет без внимания благоприятные для обвиняемого обстоятельства; по

По этому вопросу Р. Д. Рахунов пишет: «В их (подсудимого и защитника. — М. С.) позициях не может быть принципиальных расхождений, если только против таких расхождений не возражает сам подсудимый. Если подзащитный возражает, если, не признавая себя виновным, требует, чтобы защитник в своей деятельности исходил из этого, то такое требование следует признать обязательным для защитника» (Р. Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности, стр. 223). В основном это правильно, но вызывает сомнение утверждение, что решение вопроса ставится в зависимость от того, возражает или не возражает подсудимый, чтобы защитник разошелся с его позицией: ведь согласие или несогласие подсудимого на то, чтобы защитник на суде исходил из его виновности, нигде не фиксируется, ничем и никем не удостоверяется и на суде ничем подтверждено быть не может. Не может же защитник на суде заявить, что подсудимый, отрицающий свою виновность, разрешил ему, защитнику, утверждать, что он, подсудимый, виновен.

Р. Д. Рахунов далее пишет: «У защитника могут быть собственные взгляды на данное дело. Но в таком случае он должен отказаться от выполнения функции защитника. Это тот единственный случай, когда защитнику, на наш взгляд, предоставляется такая возможность» (стр. 223—224). Но когда происходит судебное разбирательство дела, защитник-адвокат должен вести защиту до конца, а если бы он отказался на суде от защиты, мотивируя это тем, что он не может поддерживать позицию подсудимого, отрицающего свою виновность, — это был бы такой удар по защите, который оказался бы тяжелее иных аргументов обвинителя. Мы думаем, что Р. Д. Рахунов свою правильную точку зрения без достаточных оснований осложнил оговорками и ограничениями.

существо это означает оставление обвиняемого без защиты, т. е. нарушение его права на защиту⁴⁷.

Процессуальные права защитника во многом совпадают с правами самого подсудимого: ознакомление с материалами дела, возбуждение ходатайств, участие в допросах и проверке всех доказательств. Однако подсудимый не лишается возможности использования этих прав самостоятельно, независимо от защитника.

Некоторые же права подсудимого могут использоваться исключительно им самим, не переходя к защитнику: право давать показания суду, право последнего слова. Участие в прениях сторон осуществляется подсудимым, если по делу нет защитника и подсудимый защищает себя сам; при наличии же защитника в прениях участвует только защитник.

В ст. 23 Основ уголовного судопроизводства указано такое положение: «Адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты обвиняемого».

Правило это относится только к защитнику-адвокату: защитники, являющиеся близкими родственниками обвиняемого и общественными защитниками, не могут быть лишены права отказаться от принятой на себя защиты; адвокат же такого права не имеет и, приняв на себя защиту, вступив в дело в качестве защитника, должен довести защиту до конца. Разумеется, обвиняемый в любой момент может отказаться от защитника, который тем самым лишается своих полномочий и выбывает из дела.

Отказ адвоката от защиты мыслим в двух формах: 1) отказ адвоката от принятия на себя по данному делу функций защитника и 2) отказ уже участвующего в деле защитника продолжать защиту обвиняемого.

В отношении первой формы отказа надлежит исходить из следующего. Порядок выделения организациями адвокатуры адвокатов в качестве защитников по просьбе обращающихся в адвокатуру граждан определяется правилами, установленными для деятельности коллегий адвокатов. В этих пределах адвокат, конечно, может отказаться от принятия на себя обязанностей защитника по тому или другому делу. Но при этом необходимо

⁴⁷ Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 7 октября 1965 г. по делу А. Р. Рамазанова был отменен обвинительный приговор и оставившее его в силе решение вышестоящего суда ввиду нарушения в судебном заседании по делу процессуальных требований, обеспечивающих осуществление подсудимым своей защиты. В качестве одного из оснований к отмене приговора в постановлении Пленума указано следующее: «Судом, вопреки просьбе подсудимого, был выделен для защиты его интересов адвокат, против участия которого он возражал и который, по его утверждению, к выполнению своих обязанностей подошел формально: никаких ходатайств перед судом не заявлял, с подсудимым до судебного заседания не беседовал, не задавал вопросы допрашиваемым лицам, не подал кассационную жалобу, и как видно из имеющейся в деле справки народного судьи, отказался знакомиться с протоколом судебного заседания» («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1966, "Л" 1, стр. 24).

иметь в виду, что задача защитника вовсе не сводится к тому, чтобы защищать только невиновных граждан, ошибочно преданных суду; защитник обязан защищать и такого обвиняемого, вина которого несомненна. Ст. 111 Конституции СССР обеспечивает право на защиту всякому обвиняемому, включая действительно виновного обвиняемого. Для добросовестного защитника всегда найдутся в деле материалы для защиты: оспаривание обвинения по существу, опровержение слабых мест обвинения, критика отдельных доказательств, выяснение оправдывающих или смягчающих вину обстоятельств и т. д.

Совершенно неправильна точка зрения, согласно которой адвокат должен проявлять разборчивость при принятии на себя обязанностей защитника по уголовным делам и выступать только по так называемым «чистым делам», т. е. по делам, по которым обвинение не доказано или слабо доказано, личность обвиняемого привлекательна, преступление не имеет особо отталкивающего характера, обвиняемый занимает на суде позицию, согласную с линией, принимаемой защитником, и т. д. Если стать на эту точку зрения, большинство обвиняемых останется без защиты. В защите нуждаются не только неосновательно привлеченные обвиняемые, но и обвиняемые, вполне изобличенные, совершившие преступление. Действительно виновных обвиняемых защищать нелегко, а защищать надо и их.

Легко защищать подсудимого, если предварительное следствие проведено неполно и поверхностно и улики, на которых основано обвинение, шатки и слабы. Наоборот, трудно вести защиту, если следствие по делу проведено исчерпывающе полно и улики вески и убедительны. Но там, где защита наиболее трудна, она и наиболее нужна.

Разборчивость необходима для адвоката не в принятии на себя обязанностей защитника, а в выборе средств защиты, которые всегда должны быть законными и содействовать правосудию, а не противодействовать ему.

Отказ адвоката от защиты во второй форме, т. е. в виде заявления, что он не может продолжать защищать обвиняемого ввиду того, что обвинение доказано, что смягчающих обстоятельств в деле не усматривается, что он, защитник, не находит, что можно было бы сказать в пользу обвиняемого, что обвиняемый занимает позицию, с которой защитник не согласен, и т. п., при всех условиях недопустим и нарушает основы советской защиты. Такой отказ сам по себе ухудшает положение обвиняемого, служит во вред ему, является особой, незаконной формой обвинения. Этот отказ недопустим ни на предварительном следствии, ни на суде.

Имеется существенное различие в положении прокурора, обязанного отказаться от обвинения при его неподтверждении (ст. 40 Основ уголовного судопроизводства), и адвоката, ни при каких условиях не имеющего права отказаться от защиты (ст. 23

Основ уголовного судопроизводства). Проводить здесь аналогию было бы неверно: обвинять невиновного недопустимо и незаконно, а защищать виновного — вполне возможно и нужно, если только защита проводится законными средствами. К тому же пока суд не вынес приговора, вопрос о виновности еще не является решенным.

Сложность представляет вопрос об определении защитником своей позиции, т. е. точки зрения, мнения об обстоятельствах дела, которое он отстаивает в процессе предварительного следствия и судебного разбирательства.

На предварительном следствии точка зрения следователя, его позиция выражены в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении.

У защитника же на предварительном следствии в зависимости от обстоятельств дела определенная позиция может быть, а может и не быть, во всяком случае она никакого процессуального выражения не имеет: защитник знакомится с делом, беседует с обвиняемым и делает все, что можно по закону для защиты прав и законных интересов обвиняемого (представляет доказательства, возбуждает ходатайства и т. д.). Защитник вовсе не должен сообщать следователю свое мнение по делу, считает ли он обвиняемого виновным или нет и как будет вести защиту в суде. У прокурора, выступающего на суде в качестве государственного обвинителя, его точка зрения, его позиция выражена в утвержденном им обвинительном заключении. У защитника же, пока не закончится судебное следствие и суд не перейдет к прениям сторон, нет такой процессуальной формы выражения его позиции, его мнения. Защитник ведет защиту так, как это позволяют данные судебного следствия, не будучи связан в своих выводах ни тем, что он делал на предварительном следствии, ни тем, какие ходатайства он заявлял (или не заявлял) и какое возражение против обвинения он представлял (или не представлял) суду.

Лежит ли на защитнике обязанность доказывания? На обвиняемом, согласно ст. 14 Основ уголовного судопроизводства, не лежит обязанность доказывания своей невиновности: обвинитель обязан доказать, что обвиняемый виновен, а обвиняемый не обязан доказывать, что он невиновен, хотя такое право ему, безусловно, принадлежит. Из этого следует, что обязанность доказывания в процессуальном значении этого понятия («бремя доказывания» — *onus probandi*!) на защитнике не лежит, как и на обвиняемом. Согласно презумпции невиновности обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана. Поэтому не только на самого обвиняемого, но и на его защитника не может возлагаться обязанность доказывать невиновность обвиняемого: если виновность не доказана, значит обвиняемый невиновен. Недоказанная виновность равнозначна доказанной невиновности.

Обязанности защитника прямо указаны в законе: использовать

все законные средства и способы для выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность, и оказывать обвиняемому необходимую юридическую помощь (ст. 23 Основ уголовного судопроизводства; ст. 51 УПК РСФСР). Если защитник упустит какое-либо обстоятельство, служащее к оправданию обвиняемого или смягчению его вины, не сделает в пользу обвиняемого всего, что возможно по закону, он тем самым допустит нарушение своих обязанностей, возложенных на него законом.

Уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает института отвода защитника, так как те основания отвода, которые установлены для судьи и прокурора, не имеют силы в отношении защитника: последний может находиться в родственных или дружеских отношениях с подсудимым, и это не препятствует выполнению им обязанностей защиты.

То или иное лицо не допускается к участию в деле в качестве защитника в случаях, когда оно не относится к числу лиц, могущих выполнять обязанности защитника (ст. 22 Основ уголовного судопроизводства; ст. 47 УПК РСФСР), либо когда выполнение им обязанностей защитника по данному делу несовместимо с процессуальными отношениями, в которых он находится или находился с другими участниками процесса (например, защита двух обвиняемых с противоречивыми интересами, предыдущее участие на стороне потерпевшего или гражданского истца и т. п.). Подсудимый, которому защитник назначен судом, имеет право отказаться от данного защитника, если он ему не доверяет свою защиту и считает, что защитник не сможет должным образом его защитить. В этом случае, если подсудимый сам не выбрал защитника, назначается другой защитник.

§ 8. Потерпевший

Потерпевший — лицо, которому преступлением причинен, моральный, физический или имущественный вред (ст. 24 Основ уголовного судопроизводства).

Потерпевшим может быть как физическое лицо — гражданин, так и юридическое лицо — организация, предприятие, учреждение.

Вред, причиненный преступлением потерпевшему — физическому лицу, гражданину, в зависимости от характера преступления может быть моральным (опорочение в глазах общественности, унижение достоинства человека, тяжелые моральные переживания и т. д.), физическим (ранение, болезнь, потеря трудоспособности) и имущественным или материальным (лишение материальных ценностей, имущества и т. д.). Вред, причиненный преступлением организации, учреждению, обычно бывает имущественным, денежным (утрата материальных ценностей, денежный убыток,

порча товаров и т. д.). Но вред, причиненный учреждению, может быть и моральным (при распространении клеветнических сведений о нарушении законности в данном учреждении, о совершении в нем преступлений и т. п.). Физический вред, разумеется, юридическому лицу причинен быть не может.

До принятия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 25 декабря 1958 г. уголовно-процессуальное законодательство допускало участие потерпевшего в качестве самостоятельной процессуальной фигуры, субъекта уголовно-процессуальной деятельности, только в двух случаях:

— во-первых, если гражданину или организации преступлением был причинен материальный, имущественный вред. Это лицо (физическое или юридическое) могло предъявить гражданский иск к обвиняемому или лицу, несущему материальную ответственность за действия обвиняемого. Тогда потерпевший выступал в производстве по уголовному делу в качестве гражданского истца. В качестве гражданского истца выступал и гражданин, которому преступлением был причинен физический вред, когда следствием физического вреда (телесного повреждения, заболевания и т. д.) был вред имущественный;

— во-вторых, по делам частного обвинения, т. е. по делам, возбуждаемым только по жалобе потерпевшего и прекращаемым в случае примирения потерпевшего с обвиняемым; здесь потерпевший — гражданин, физическое лицо — выступал в качестве обвинителя.

Во всех остальных случаях потерпевший-гражданин выступал в деле в качестве свидетеля.

Новое, ныне действующее законодательство существенно изменило процессуальное положение потерпевшего, исходя из задачи более полной охраны прав и законных интересов граждан, пострадавших от преступления, и представило гражданину, потерпевшему от преступления, права субъекта уголовно-процессуальной деятельности, стороны в процессе⁴⁸.

⁴⁸ При обсуждении на сессии Верховного Совета СССР 25 декабря 1958 г. проекта Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик депутат А. Ф. Горкин, Председатель Верховного Суда СССР, в своей речи по этому вопросу говорил: «Следует признать вполне правильным предложение о включении в число участников процесса в качестве равноправной стороны и потерпевшего, который по действующему закону может выступать в качестве стороны только по делам о сравнительно незначительных преступлениях, возбуждаемых только по жалобе потерпевшего. По проекту потерпевший может участвовать в качестве стороны по делу о любом преступлении, в то время как действующее законодательство отводит ему только роль свидетеля» («Заседания Верховного Совета СССР пятого созыва. Вторая сессия, 22—25 декабря 1958 г.». Стеногр. отчет. Изд. Верховного Совета СССР, 1959, стр. 510).

Именно так и был решен вопрос о положении потерпевшего в принятых Верховным Советом СССР Основах уголовного судопроизводства.

Гражданин, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред, стал в качестве потерпевшего самостоятельным субъектом уголовно-процессуальной деятельности и получил ряд прав, используя которые он на суде защищает свои интересы, нарушенные преступлением.

Потерпевший-гражданин имеет право: давать показания по делу; представлять доказательства; заявлять ходатайства; знакомиться с материалами дела с момента окончания предварительного следствия; участвовать в исследовании доказательств на судебном следствии; заявлять отводы; приносить жалобы на действия лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда, а также приносить жалобы на приговор или определения суда и постановления народного судьи (ст. 24 Основ уголовного судопроизводства; ст. 53 УПК РСФСР).

На судебном разбирательстве потерпевший как сторона пользуется равными правами с другими сторонами в отношении представления доказательств, участия в исследовании доказательств и заявления ходатайств (ст. 38 Основ уголовного судопроизводства; ст. 245 УПК РСФСР).

Потерпевший выступает в процессе как лично, так и через своего представителя. Участие в процессе представителя потерпевшего не лишает последнего возможности лично использовать свои права.

То положение, которое потерпевший-гражданин занимает в производстве по уголовному делу, те права, которые ему предоставлены, позволяют сделать вывод о характере осуществляемой потерпевшим процессуальной функции: это обвинение, обвинительная деятельность. Потерпевший-гражданин в уголовном процессе является обвинителем не только по делам частного обвинения, как это было по прежнему законодательству, но по всем делам, по которым он участвует в качестве потерпевшего.

Действительно, потерпевший участвует в процессе для того, чтобы защищать свои интересы, нарушенные преступлением, для того, чтобы доказывать, что преступление было совершено, что этим преступлением ему причинен вред, что ответственность за преступление несет именно подсудимый, А это — обвинение, обвинительная деятельность⁴⁹.

Разумеется, выполнение, осуществление этой обвинительной функции целиком зависит от самого потерпевшего. Потерпевший вправе изболничать, обвинять обвиняемого, но может от этого воздержаться, ограничившись дачей показаний на предварительном следствии и суде. Следователь и суд обязаны предоставить пртер-

Правильную точку зрения об этом см.: В. М. С а в и ц к и й, И. И. П о т е р п е в ш и й. Потерпевший в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1963, стр. 23; «Демократические основы советского социалистического правосудия», стр. 269, 270.

певшему возможность осуществлять все свои права, но принуждать его к этому они, разумеется, не могут. Дать же показания потерпевший не только вправе, но и обязан, и отказаться от этого он не может.

Если потерпевший-гражданин понес от преступления имущественный ущерб и для его возмещения предъявил гражданский иск, он выступает в процессе также в качестве гражданского истца, сохраняя и все свои права потерпевшего, т. е. является одновременно обвинителем и гражданским истцом.

Таким образом, потерпевший-гражданин, заявивший по уголовному делу гражданский иск, в своих выступлениях не ограничен рамками гражданского иска и имеет право касаться всех вопросов преступления и ответственности обвиняемого.

Действующий уголовно-процессуальный закон предоставляет особые, указанные выше права потерпевшего лишь гражданину (физическому лицу, понесшему от преступления моральный, физический или имущественный ущерб). Потерпевший—юридическое лицо — организация, учреждение, предприятие — по действующему законодательству участвует в уголовном деле только в качестве гражданского истца, выступающего для того, чтобы добиваться возмещения причиненного ему имущественного ущерба, и обязанного держаться в рамках гражданского иска.

В связи с этим возникает следующий вопрос. В принятых 8 декабря 1961 г. Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик установлено положение, что гражданин или организация вправе требовать по суду опровержения порочащих их честь и достоинство сведений, если распространявший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности (ст. 7).

Это положение принято через три года после принятия Основ уголовного судопроизводства. Очевидно, соответственно ему в Основы уголовного судопроизводства и в УПК союзных республик необходимо внести изменения.

Действительно, если не только гражданин, но и организация (учреждение, предприятие) могут предъявлять гражданский иск в защиту своих чести и достоинства, а не только для возмещения материального ущерба, значит, не только гражданину, но и организации предоставляется это право в случаях, когда ее честь и достоинство пострадали от преступления, т. е. когда распространение лоящих, порочащих сведений связано с совершенным преступлением.

Из этого вытекает, что в уголовном процессе правами потерпевшего должно пользоваться не только физическое лицо, но и юридическое лицо, когда преступлением ему причинен моральный вред.

Поэтому в Основы уголовного судопроизводства и в УПК союзных республик должны быть внесены соответствующие изме-

нения в том смысле, что праймай потерпевшего в уголовном процессе пользуется и организация, если преступлением ей причинен моральный вред. Потерпевший-организация выступает в уголовном процессе через своего представителя.

Основанием для признания лица потерпевшим в уголовном процессе является причинение этому лицу морального, физического или имущественного вреда. Понятия физического вреда и имущественного вреда совершенно ясны. Значительно сложнее понятие морального вреда. В широком смысле каждое преступление причиняет вред обществу, гражданам, людям, и это прежде всего моральный вред. Но когда речь идет о признании лица потерпевшим по уголовному делу, имеется в виду моральный вред в более узком и конкретном смысле: опорочение чести человека, унижение его достоинства, причинение ему тяжелых душевных переживаний, душевных страданий, внесение осложнений в его личную жизнь или в общественное положение и т. д. И в этом отношении все же понятие морального вреда не следует чрезмерно сужать, ограничивать, а, наоборот, необходимо гражданам (в соответствующих случаях и организациям) предоставить право защищать в процессе свою честь, достоинство, доброе имя, хорошую репутацию.

Поэтому следует положительно решить вопрос о допущении гражданина к участию в деле в качестве потерпевшего в случаях, когда произошло покушение на преступление, не причинившее физического или имущественного вреда. Например, при покушении на убийство, когда стрелявший в другое лицо промахнулся, то лицо, на которое было совершено покушение, должно быть признано потерпевшим, хотя бы ему не было причинено никакого ранения: если преступник пытался убить человека, посягал на его жизнь, этот человек является потерпевшим в силу самого факта подобного посягательства на его личность, хотя бы последствий физического характера не наступило.

Далее. Потерпевший — это тот, кто пострадал от преступления, жертва преступления, и именно в силу этого закон предоставляет ему определенные права для защиты своих интересов, нарушенных преступлением. Но бывают случаи, когда в той обстановке, в которой совершено преступление, роль самого потерпевшего была неблагоприятной — он сам своими незаконными или аморальными действиями способствовал совершению преступления. Такое положение создается, например, по делам о превышении необходимой обороны, об убийстве и причинении телесных повреждений, совершенных в состоянии сильного душевного волнения, вызванного противозаконными действиями потерпевшего, и др.

Высказывается мнение, что в подобных случаях лицу, которому причинен вред преступлением, не следует предоставлять прав потерпевшего и он не может быть допущен к участию в деле

(ст. 49 и 318) и УПК Казахской ССР (ст. 278) — если в деле не участвуют ни прокурор, ни общественный обвинитель. УПК Молдавской ССР предоставляет потерпевшему право участвовать в прениях сторон по некоторым, перечисленным в законе делам (причинение тяжких и менее тяжких телесных повреждений, клевета и некоторые другие), независимо от участия в деле государственного и общественного обвинителя (ст. 47, 266). УПК других союзных республик не предусматривают участия потерпевшего в прениях сторон (кроме дел частного обвинения).

Следует признать, что потерпевший должен быть уравнен в правах с другими сторонами и ему должно быть предоставлено право участия в прениях сторон по всем делам. Действительно, если потерпевший может участвовать в полной мере на судебном следствии, нет никаких оснований лишать его права высказать свои выводы из судебного следствия, что можно сделать именно в прениях сторон (судебных прениях)⁸².

§ 9. Гражданский истец и гражданский ответчик

Если при производстве по делу имеются данные о том, что преступными действиями обвиняемого потерпевшему причинен материальный ущерб, убытки, потерпевший может предъявить к обвиняемому гражданский иск. Этот иск рассматривается тем же судом совместно с уголовным делом.

Гражданский истец (потерпевший "или его представитель) на судебном разбирательстве уголовного дела пользуется всеми правами стороны и может участвовать в исследовании на суде всех тех обстоятельств, которые имеют значение для обоснования иска и установления его размера.

Потерпевший от преступления может предъявить иск к лицу, причинившему ему ущерб, в общем порядке, т. е. в порядке гражданского процесса. В этом случае иск рассматривается отдельно от уголовного дела. Но закон дает потерпевшему право предъявить этот иск и при производстве уголовного дела. В этом случае иск рассматривается судом вместе с уголовным делом, по подсудности последнего (ст. 25 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик; ст. 29 УПК РСФСР).

Гражданский иск, предъявленный при производстве по уголовному делу и рассматриваемый совместно с ним, освобождается от государственной пошлины.

Рассмотрение гражданского иска совместно с уголовным делом обуславливается следующими основаниями. Прежде всего это есть

серьезная льгота для потерпевшего от преступления лица, и не только потому, что потерпевший освобождается от уплаты государственной пошлины. Ему значительно легче защищать свои интересы и обосновывать свои иски, когда его иск рассматривается совместно с уголовным делом, в уголовном процессе, в котором выясняются все обстоятельства дела, относящиеся как к самому преступлению, так и к его последствиям.

Этот порядок удобен и для суда, так как устраняет необходимость дважды рассматривать связанные между собой вопросы и дает возможность суду в одном заседании, в одном процессе решить и уголовное дело и связанный с ним гражданский иск.

Наконец, по ряду уголовных дел установление размера причиненных преступным деянием убытков является необходимым для правильного решения уголовного дела и квалификации преступления (например, по делам о хищениях). Поэтому раздельное рассмотрение уголовного дела и гражданского иска может отрицательно отразиться на правильности разрешения самого уголовного дела.

Институт гражданского иска в уголовном процессе имеет громадное значение. Путем возмещения государству причиненного преступлением материального ущерба им обеспечивается охрана государственных интересов, социалистической собственности от преступных посягательств. Им также обеспечивается охрана имущественных прав граждан путем возмещения потерпевшему от преступления гражданину причиненного ему материального ущерба.

Гражданский иск в уголовном процессе может быть предъявлен лишь потерпевшим (как лично, так и через своего представителя). Другие лица, кроме потерпевшего, при наличии оснований могут предъявлять иск к обвиняемому отдельно от уголовного дела в общем порядке гражданского процесса, а не в уголовном процессе.

Как правило, гражданский иск может быть предъявлен к самому обвиняемому. Но в некоторых случаях он может быть предъявлен к лицам, несущим материальную ответственность за действия обвиняемого: например, при привлечении к уголовной ответственности несовершеннолетних иск может быть предъявлен к родителям обвиняемого.

Лица, которые несут имущественную ответственность за действия обвиняемого и к которым предъявлен гражданский иск при производстве по уголовному делу, выступают в уголовном процессе в качестве *гражданских ответчиков* (ст. 26 Основ уголовного судопроизводства; ст. 55 УПК РСФСР). Гражданский ответчик на судебном разбирательстве уголовного дела выступает в качестве стороны, которая может возражать против иска, оспаривать его.

Таким образом, гражданский иск в уголовном деле может быть предъявлен только к обвиняемому и к лицам, несущим материаль-

⁸² Этот вопрос правильно освещен в работе Л. Д. Кокорева (Указ. соч., стр. 59—61).

ную ответственность за действия обвиняемого, к иным же лицам иск может быть предъявлен лишь в порядке гражданского судопроизводства⁵³ отдельно от производства по уголовному делу⁵³.

Гражданский иск может быть заявлен потерпевшим при возбуждении дела, на предварительном следствии и на суде, в последнем случае — до начала судебного следствия (ст. 29 УПК РСФСР).

При наличии в деле гражданского иска прокурор может, если признает это необходимым, поддерживать иск (ст. 29 УПК РСФСР). Поддержание прокурором иска выражается в том, что прокурор, обвиняя, изобличая подсудимого в совершении преступления, вместе с тем специально выясняет обстоятельства, обосновывающие заявленный потерпевшим гражданский иск, и в своей обвинительной речи настаивает перед судом на удовлетворении иска. Поддержание прокурором заявленного гражданского иска может производиться наряду с выступлением гражданского истца или его представителя, а равно и в их отсутствие, если они на суд не явились.

Прокурор сам может предъявить гражданский иск в пользу потерпевшего, если последний не воспользовался своим правом, а предъявления иска требует охрана государственных или общественных интересов или прав гражданина.

Если суд при рассмотрении уголовного дела отказал потерпевшему в гражданском иске, потерпевший лишается права предъявления этого иска вновь в порядке гражданского процесса. Равным образом, если потерпевшему, предъявившему гражданский иск в порядке гражданского процесса, было отказано в иске, он не может этот иск предъявить при производстве по уголовному делу.

⁵³ Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 30 октября 1965 г. по делу Архипова отменен приговор народного суда, определение коллегии и постановление Президиума областного суда в части гражданского иска и дело в этой части передано на новое рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства.

В определении коллегии Верховного суда РСФСР указано:

«Прикреплении вопроса о возмещении ущерба суд нарушил требования ст. 29 и 55 УПК РСФСР, в соответствии с которыми по приговору суда может быть взыскана сумма гражданского иска с осужденного, а также с лиц, несущих материальную ответственность за действия виновного. К таким лицам (гражданским ответчикам) законом отнесены родители, опекуны, попечители или другие лица, а также учреждения, предприятия и организации, которые в силу закона несут материальную ответственность за ущерб, причиненный преступными действиями обвиняемого.

По данному же делу все ответчики, кроме Архипова, с которых приговором взыскан ущерб, не являются ни обвиняемыми, ни теми лицами, которые могли бы нести за его действия материальную ответственность. Поэтому привлечение их в качестве гражданских ответчиков противоречит требованиям закона.

Вина их в наступлении ущерба может быть установлена только в порядке гражданского судопроизводства» («Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1966, № 3, стр. 9).

Если же при разбирательстве уголовного дела иск не был предъявлен или был оставлен судом без рассмотрения ввиду оправдания подсудимого за отсутствием состава преступлений (п. 2 ст. 310 УПК РСФСР), потерпевший вправе заявить иск в порядке гражданского судопроизводства.

Если вытекающий из преступления гражданский иск разрешен судом отдельно от уголовного дела, в порядке гражданского судопроизводства, то по одному и тому же событию имеются два судебных решения двух судов: приговор по уголовному обвинению и решение по гражданскому иску. Предмет первого судебного решения — виновность и наказание обвиняемого; второго — установление и возмещение ущерба, причиненного потерпевшему действиями обвиняемого.

Если суд рассматривает уголовное дело после того, как гражданский иск потерпевшего уже решен в порядке гражданского судопроизводства, то согласно ст. 28 УПК РСФСР вступившее в законную силу решение гражданского суда обязательно для суда, рассматривающего уголовное дело, только в отношении того, имело ли место событие или действие, но не в отношении виновности подсудимого.

Норма, записанная в ст. 28 УПК РСФСР, означает, что некоторые факты и обстоятельства уголовного дела могут не подвергаться исследованию в суде, разбирающем уголовные дела, на предварительном следствии или дознании, а считаются уже установленными, поскольку они признаны таковыми ранее вынесенным решением суда по гражданскому делу.

Например, если суд при разрешении гражданского иска учреждения к его должностному лицу установит недостачу ценностей, вверенных этому должностному лицу, то суд, разбирающий уголовное дело по обвинению этого лица в хищении или халатности, может без исследования считать факт недостачи установленным, а станет решать лишь вопрос о наличии или отсутствии в действиях обвиняемого состава преступления.

Однако это правило ни в коем случае не может вовсе лишать суд права при разборе уголовного дела проверять факты, уже установленные другим судом при рассмотрении гражданского дела.

Если суд при рассмотрении уголовного дела после разрешения гражданского иска выяснит новые данные, которые подтвердят неправильность установления тех или иных фактов по гражданскому делу, суд выносит приговор в соответствии с установленными им данными, независимо от решения по гражданскому делу, и этот приговор будет служить поводом к пересмотру решения по гражданскому делу.

Действительно, противоречило бы самому существу деятельности суда положение, при котором суд при рассмотрении уголовного дела устранил бы из своего рассмотрения и запрещал бы сто-

ронам касаться важных для уголовного дела обстоятельств на том основании, что эти обстоятельства уже установлены (или отвергнуты) другим судом, но другому делу, в другое время, при участии других лиц.

Судьи решают вопрос о виновности или невиновности подсудимого по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием (ст. 17 Основ уголовного судопроизводства).

Но внутреннее убеждение не может сложиться у судей, если те или иные факты ими не исследуются, не проверяются, а даются им как уже установленные, хотя возможно, что именно эти факты имеют важное или даже решающее значение для приговора суда по уголовному делу.

Далее, это означало бы совершенно неосновательное стеснение прав сторон по уголовному делу, которые были бы лишены возможности оспаривать те или иные факты на том лишь основании, что эти факты уже установлены другим судом, при производстве по другому делу, в котором та или иная сторона вообще не участвовала (например, если тот или иной подсудимый по уголовному делу не участвовал в качестве ответчика по гражданскому делу).

Такое положение, наконец, существенно колеблет принцип материальной истины в уголовном процессе, поскольку следствие и суд оставляют без рассмотрения важные для дела обстоятельства; если судебное следствие выяснит обстоятельства, противоречащие тому, что было установлено решением по гражданскому делу, суд принуждается выносить приговор, расходящийся с данными судебного следствия.

Поэтому мы считаем, что при рассмотрении уголовного дела суд вправе подвергнуть исследованию обстоятельства, установленные решением по гражданскому делу. В результате такого исследования суд при постановлении приговора вправе признать доказанными, установленными факты так, как они вытекают из данных судебного следствия, хотя бы и в противоречии с ранее вынесенным решением по гражданскому делу. В последнем случае приговор по уголовному делу послужит основанием для пересмотра решения по гражданскому делу в порядке судебного надзора или возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам. Если же окажется, что неправилен приговор по уголовному делу, пересмотру подлежит последний.

Именно таким образом, а не иначе, устраняются противоречия между приговором по уголовному делу и решением по гражданскому делу относительно общих для них обстоятельств.

Следует отметить, что норма, связывающая суд при разрешении уголовного дела ранее состоявшимся решением по гражданскому делу относительно общих для обоих дел фактов, отсутствует в уголовно-процессуальных кодексах всех республик, кроме

РСФСР. Мы думаем, что законодательство этих республик поступает правильно, не включая в их кодексы норму, аналогичную содержащейся в ст. 28 УПК РСФСР.

§10. Общественный обвинитель и общественный защитник

Помимо и независимо от участия в разбирательстве уголовных дел государственных обвинителей и защитников-адвокатов (и близких родственников и законных представителей обвиняемого) действующее законодательство допускает также участие общественных обвинителей и общественных защитников (ст. 41 Основ уголовного судопроизводства; ст. 250 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

Институт общественных обвинителей и общественных защитников был введен первыми законами Советской власти о суде (Декрет о суде № 2). В дальнейшем развитии советского уголовного процесса участие общественных обвинителей получило широкое применение, особенно во второй половине 20-х—начале 30-х годов. Наоборот, общественная защита развития не получила, будучи поглощена защитой, выполняемой адвокатурой и иными лицами, допускаемыми по определению суда.

Во второй половине 30-х годов участие общественных обвинителей в уголовном процессе стало свертываться, перед войной оно совсем прекратилось и после войны восстановлено не было: возобладала точка зрения, что задачи обвинения в суде могут быть исчерпаны выступлением прокуроров как государственных обвинителей^{5*}. В ликвидации института общественных обвинителей известную роль сыграли серьезные недостатки организации общественного обвинения: общественные обвинители выступали в процессах не по поручению общественных организаций, а по мандату прокурора, являясь тем самым не выразителями мнения общественности, а нештатными помощниками прокурора, часто замещающими в суде прокурора, но без необходимых юридических знаний и опыта.

Следует признать, что эти недостатки могли служить основанием для реорганизации постановки дела общественного обвинения, но не для ликвидации самого общественного обвинения, что было мерой необоснованной, неправильной.

Ныне действующее уголовно-процессуальное законодательство восстановило общественное обвинение и общественную защиту на новой основе и в новых формах. В этом выразилось развитие демократических начал в уголовном судопроизводстве.

Общественный обвинитель выступает в суде как представитель уполномочившей его общественной организации и выпол-

^{5*} См., например: М. Л. Щ и ф м а н. Указ. соч., стр. 29.

няет свою обвинительную функцию вполне самостоятельно, независимо от прокурора — государственного обвинителя. Вместе с тем общественный обвинитель не просто передает суду мнение представляемой им общественной организации, а активно участвует в судебном следствии и в своих выводах и утверждениях исходит из того, что обнаружено и установлено на суде, действуя по своему убеждению, по своей совести и не будучи связан каким-либо данным ему заранее требованием.

Общественный защитник также представляет уполномочившую его общественную организацию и в этом отношении отличается от защитника-адвоката тем, что он не является представителем обвиняемого и в определении пределов и средств защиты не связан позицией обвиняемого. Процессуальная функция общественного защитника, как и защитника-адвоката, — это защита, но в отличие от последнего общественный защитник вправе отказаться от защиты, если данные судебного следствия его привели к выводу, что с точки зрения представляемой им общественной организации ему не следует продолжать защиту.

Ввиду этих особенностей общественной защиты, в случаях, когда закон требует обязательного участия защитника (ст. 49 УПК РСФСР) или когда обвиняемый просит о допущении или назначении ему защитника-адвоката, в деле должен участвовать защитник — представитель обвиняемого независимо от участия общественного защитника.

Общественное обвинение и общественная защита — очень важный демократический институт советского уголовного процесса, который должен укрепляться и совершенствоваться. Следует признать неправильным иногда высказываемое предложение упразднить отдельные формы общественного обвинения и общественной защиты и установить участие в разбирательстве уголовных дел представителей общественности без дифференциации обвинения и защиты с тем, что этот представитель по ходу судебного разбирательства сам определяет свою позицию — либо будет обвинять, либо будет защищать, либо поступит как-то иначе⁶⁵. Это — неприемлемое предложение и здесь нет аналогии со ст. 36 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик 8 декабря 1961 г.: в уголовном процессе обвинение есть обвинение, а защита есть защита, речь идет об обвинении человека в совершении преступления, поэтому общественная организация направляет своего представителя либо для того, чтобы этого человека обвинять, либо для того, чтобы его защищать; иначе у общественной организации нет оснований вообще направлять в суд своего представителя. Это не исключает, разумеется, того, что в результате судебного разбирательства мнение, вывод представителя общественной организации может измениться.

«Социалистическая законность», 1966, № 9, стр. 14,

Подсудность

§ 1. Понятие подсудности

Каждый суд в СССР осуществляет правосудие в пределах своей компетенции, установленной законом. Компетенция суда определяется кругом дел, уголовных и гражданских, которые относятся к ведению данного суда, т. е. ему подсудны.

Подсудностью называется свойство дела, на основе которого определяется, какой суд компетентен рассматривать и разрешать данное дело.

Таким образом, установить подсудность дела — значит определить тот суд, который полномочен рассматривать это дело.

Подсудность — понятие процессуальное, и определение подсудности каждого отдельного дела представляет собой момент процесса. Окончательно вопрос о подсудности дела решается в стадии предания суду, когда прокуратура направляет дело в суд по подсудности, а суд, прежде чем решить вопрос о предании обвиняемого суду, проверяет, подсудно ли ему это дело.

Процессуальные нормы о подсудности имеют громадное значение: ими определяется компетенция всех звеньев советской судебной системы, они показывают, что собой представляет и какое место занимает каждый суд в системе советского судопроизводства.

Рассматривать и разрешать то или иное уголовное или гражданское дело может лишь тот суд, который на это уполномочен законом. Поэтому соблюдение правил о подсудности обеспечивает рассмотрение каждого дела именно тем судом, который в силу закона компетентен разбирать данное дело. Это является требованием социалистической законности¹.

¹ В судебной практике и в различных относящихся к ней официальных документах иногда употребляются такие выражения: «подсудность народного суда», «подсудность областного суда» и т. п. Это — неточное выражение. Подсудность есть признак (свойство) не суда, а дела, и поэтому правильно говорить «подсудность (такого-то) дела (такому-то) суду».

В советской судебной системе основное звено — народный суд, избираемый всеобщими, прямыми и равными выборами при тайном голосовании, наиболее близкий к населению. Этим и определяется подсудность уголовных дел народному суду: она наиболее широка по сравнению с подсудностью дел другим судам и охватывает подавляющее большинство уголовных дел, включая и дела о многих очень серьезных и тяжких преступлениях. Широкая подсудность уголовных дел народному суду составляет существенную черту института подсудности в советском уголовном процессе.

Другая существенная черта института подсудности — ограничение подсудности уголовных дел специальным судам кругом дел, строго и точно определенным законом.

Из специальных судов сейчас действуют только военные трибуналы².

Институт подсудности имеет большое политическое значение: составляющие его нормы связаны с положением народного суда как основного звена советской судебной системы и с принципом единого и равного для всех граждан суда.

§ 2. Виды подсудности

Различаются три вида подсудности: 1) подсудность предметная (или родовая); 2) подсудность территориальная (или местная) и 3) подсудность персональная.

Предметная (или родовая) подсудность устанавливает, к ведению какого звена судебной системы (какого вида судов) относится рассмотрение данного дела (к ведению общего суда или военного трибунала, если общего, то народного или областного и т. д.). Основным признаком, по которому определяется предметная (родовая) подсудность, — это род (или вид) преступления, составляющего предмет данного дела, определяемый той статьей Уголовного кодекса, по которой это преступление квалифицируется. Так, например, дела о нанесении телесных повреждений и о хулиганстве подсудны народному суду, дела о воинских преступлениях — военному трибуналу. Это — предметная подсудность, подсудность по роду дел, по характеру преступления, составляющего предмет производства по уголовному делу.

Другой вид подсудности — *территориальная подсудность*, определяющая, к ведению какого именно суда данного вида относится дело. Предметная подсудность может установить, что данное дело относится к ведению народного суда, но она не

Ранее действовали в качестве специальных судов транспортные суды на железнодорожном и водном транспорте. Эти суды были упразднены Законом от 12 февраля 1957 г. «Об упразднении транспортных судов» («Ведомости Верховного Совета СССР», 1957, № 4, ст. 86).

указывает, к ведению какого именно народного суда — какой области, какого района. На этот вопрос дает ответ территориальная подсудность.

Общее правило определения территориальной подсудности таково: *дело рассматривается тем судом, в районе деятельности которого совершено преступление*, т. е. по признаку места совершения преступления.

Третий вид подсудности — *персональная подсудность* — определяется по признаку служебного положения и по иным признакам личности обвиняемого. Так, военным трибуналам округов, групп войск, флотов и отдельных армий подсудны дела о преступлениях лиц, имеющих воинское звание полковника и капитана 1-го ранга, дела о преступлениях лиц, занимающих должности от командира полка, командира корабля 2-го ранга и выше (ст. 15 Положения о военных трибуналах от 25 декабря 1958 г.)³.

§ 3. Подсудность уголовных дел общим судам

Основная масса уголовных дел подсудна народному суду, он обладает наиболее широкой компетенцией по сравнению с другими судами. Вышестоящим судам подсудны только дела о наиболее опасных преступлениях или сложные дела и дела, имеющие особо важное общественно-политическое значение.

Это положение выражено в ст. 35 УПК РСФСР следующим образом: «Районному (городскому) народному суду подсудны все дела, кроме дел, подсудных вышестоящим судам или военным трибуналам».

В этом нашла свое выражение давняя и прочная тенденция развития советского судебного права — расширение компетенции народного суда как основного звена советской судебной системы.

Краевому, областному, городскому суду, суду автономной области и суду национального округа подсудны дела об особо опасных государственных преступлениях, об определенных видах государственных преступлений, о наиболее тяжелых преступлениях против социалистической собственности, против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, о должностных и некоторых других преступлениях (ст. 36 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик). Дела о преступлениях, за которые может быть назначена смертная казнь, подсудны этим же или вышестоящим судам, а также военным трибуналам.

Верховному суду автономной республики подсудны эти же категории дел. Верховному суду союзной республики подсудны

³ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1959, № 1.

дела особой сложности или особого общественного значения, принятые им к своему производству по собственной инициативе или по инициативе прокурора союзной республики (ст. 37 и 38 УПК РСФСР и соответствующие, статьи УПК других союзных республик).

В союзных республиках, в которых нет областного деления и, следовательно, отсутствуют областные суды, подсудные областным судам дела рассматриваются в первой инстанции Верховным судом союзной республики (например, в Молдавской ССР).

Верховному Суду СССР подсудны уголовные дела исключительной важности (ст. И Положения о Верховном Суде СССР от 12 февраля 1957 г.)⁴.

При обвинении одного лица или группы лиц в совершении нескольких преступлений, дела о которых подсудны разноименным судам, дело о всех преступлениях рассматривается вышестоящим из этих судов (ч. 1 ст. 42 УПК РСФСР).

§ 4. Подсудность уголовных дел военным трибуналам

Подсудность уголовных дел военным трибуналам установлена гл. II Положения о военных трибуналах 25 декабря 1958 г.

Военным трибуналам подсудны: а) дела о всех преступлениях, совершенных военнослужащими, а также военнообязанными во время прохождения ими учебных сборов; б) дела о всех преступлениях, совершенных лицами офицерского, сержантского и рядового состава органов государственной безопасности; в) дела о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных лицами начальствующего состава исправительно-трудовых учреждений, а также лицами сержантского и рядового состава конвойной охраны, комплектуемых по призыву; г) все дела о шпионаже; д) дела о преступлениях, совершенных лицами, в отношении которых имеется специальное указание в законодательстве Союза ССР (ст. 9).

В местностях, где в силу исключительных обстоятельств не действуют общие суды, военные трибуналы рассматривают все уголовные и гражданские дела (ст. 10).

В развитии советского законодательства о судостроительстве и уголовном судопроизводстве отчетливо проявляется тенденция к ограничению круга дел, подсудных военным трибуналам: сейчас это дела о воинских преступлениях и иных преступлениях, если их совершили военнослужащие (и военнообязанные во время прохождения ими учебных сборов). Из дел о государственных преступлениях, совершенных гражданскими лицами, военным трибуналам подсудны только дела о шпионаже.

⁴ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1957, «№ 4, ст. 85.

При обвинении одного лица или группы лиц в совершении нескольких преступлений, если дело хотя бы об одном из преступлений подсудно военному трибуналу, а о других — любому иному суду, дело о всех преступлениях рассматривается военным трибуналом.

При обвинении группы лиц в совершении одного или нескольких преступлений, если дело в отношении хотя бы одного из обвиняемых подсудно военному трибуналу, а в отношении остальных — любому иному суду, дело в отношении всех обвиняемых рассматривается военным трибуналом (ст. 12).

Вышестоящий военный трибунал может изъять дело из ведения нижестоящего и передать его для рассмотрения в другой такой же трибунал или принять его к своему рассмотрению (ст. 17 и 18).

§ 5. Правила определения территориальной подсудности

Каждое дело подлежит рассмотрению в том суде, в районе которого было совершено преступление; если определить место совершения преступления невозможно, дело подсудно тому суду, в районе которого закончено предварительное следствие или дознание по делу (ст. 41 УПК РСФСР).

Дело, которое по тем или иным основаниям подсудно одновременно нескольким одноименным судам, рассматривается тем судом, в районе деятельности которого было закончено предварительное следствие или дознание по делу (ч. 3 ст. 42 УПК РСФСР).

Если поступившее в суд дело оказывается этому суду не подсудным, постановлением судьи или определением распорядительного заседания суда дело направляется по подсудности в соответствующий суд.

Суд, установив, что находящееся в его производстве дело подсудно другому такому же суду, вправе оставить дело в своем производстве только в случае, если он уже приступил к его рассмотрению в судебном заседании. Если же дело подсудно вышестоящему суду или военному трибуналу, оно во всех случаях подлежит направлению по подсудности.

Передача в нижестоящий суд дела, начатого рассмотрением в судебном заседании вышестоящего суда, не допускается (ст. 43 УПК РСФСР).

В указанных случаях речь идет о направлении по надлежащей подсудности дела, неправильно переданного в тот или иной суд. Вопрос о передаче дела по его подсудности решает суд, в который это дело поступило,

Но возможна и передача дела из одного суда, в который дело по подсудности поступило правильно, в другой такой же суд в отступление от правил территориальной подсудности.

Такая передача дела из суда, которому оно подсудно, в другой суд допускается в отдельных случаях в целях наиболее быстрого, полного и объективного рассмотрения дела, а также в целях наилучшего обеспечения воспитательной роли судебного разбирательства. Передача дела по этим основаниям допускается лишь до начала его рассмотрения в судебном заседании (ч. 1 ст. 44 УПК РСФСР).

Вопрос о передаче дела из одного суда в другой такой же суд в пределах области, края, автономной области и автономной республики решается соответственно председателем областного, краевого суда, автономной области или Верховного суда автономной республики. Вопрос же о передаче дела в суд другого края, области, автономной области, автономной республики решается председателем Верховного суда союзной республики или его заместителем.

Если по вопросу о передаче дела в другой суд имеется определение распорядительного заседания, председатель соответствующего вышестоящего суда в случае несогласия с ним может опротестовать это определение в порядке судебного надзора (ст. 44 УПК РСФСР).

Уголовно-процессуальные кодексы некоторых союзных республик предусматривают право вышестоящего (областного) суда изъять из народного суда подсудное последнему дело, в случае его особой сложности или важности, и принять к своему производству (ст. 34 УПК УССР, ст. 35 УПК БССР).

Закон запрещает споры между судами о подсудности (так называемые пререкания о подсудности). При передаче дела одним судом в другой суд не допускаются споры о том, какому суду дело подсудно. Если один суд передал дело по подсудности другому суду, последний обязан его принять к своему производству и разрешить (ст. 45 УПК РСФСР).

Запрещение споров между судами о подсудности того или иного дела исходит, во-первых, из единства советской судебной системы, а во-вторых, из недопустимости волокиты по уголовным делам (судьба обвиняемого оставалась бы нерешенной, пока шел спор о подсудности дела),

Меры пресечения

1. Понятие мер пресечения и основания их применения

Мерами пресечения называются те установленные законом принудительные меры, которые ограничивают свободу обвиняемого в целях предотвращения для обвиняемого возможности:

- скрыться от дознания, предварительного следствия и суда;
- воспрепятствовать установлению истины по делу;
- продолжать совершение преступлений.

Меры пресечения также могут быть избраны в целях обеспечения исполнения приговора (ст. 33 Основ уголовного судопроизводства; ст. 89 УПК РСФСР).

Различные процессуальные действия, совершаемые судом, прокуратурой и органами следствия в отношении обвиняемого, могут иметь в той или иной степени принудительный характер (например, освидетельствование, обыск). Но среди этих мер особое место занимают меры пресечения, ограничивающие свободу обвиняемого во время расследования и судебного рассмотрения дела. Мера пресечения — это не мера наказания: наказание применяется к лицу, признанному судом виновным в совершении преступления, а мера пресечения — лишь к лицу, обвиняемому в совершении преступления; применение меры пресечения (как и само привлечение в качестве обвиняемого) никоим образом не предвещает результата разрешения дела и применения наказания судом. Но так как меры пресечения ограничивают свободу обвиняемого и весьма ощутительно затрагивают его интересы, избираемая в отношении обвиняемого мера пресечения всегда соразмеряется с тем наказанием, которое может быть применено к обвиняемому согласно статье уголовного кодекса, по которой квалифицируется инкриминируемое обвиняемому преступление. Этим преследуется цель избежать применения к обвиняемому в процессе расследования и разбирательства дела таких мер пре-

сечения, которые были бы тяжелее, чем то наказание, к которому обвиняемого может приговорить суд.

Вопрос о необходимости применения меры пресечения к обвиняемому решается следователем (или органом дознания), прокурором и судом в каждом отдельном случае. Закон не предписывает обязательного применения мер пресечения к каждому обвиняемому: следователь и суд могут не применить к обвиняемому меры пресечения, а ограничиться взятием у обвиняемого обязательства о явке к следователю и в суд с обязательством сообщить о перемене своего места жительства (ч. 4 ст. 89 УПК РСФСР). Такое обязательство не есть мера пресечения, так как оно не ограничивает свободы обвиняемого: обвиняемый может свободно располагать собой, может менять место своего жительства, не испрашивая разрешения следователя или суда, а лишь ставя их об этом в известность; обвиняемый обязан только являться по вызову следователя или суда. Если обязательство о явке к следователю и в суд может оказаться недостаточным, тогда к обвиняемому применяется мера пресечения.

Основы уголовного судопроизводства предусматривают следующие меры пресечения: а) подписка о невыезде; б) личное поручительство; в) поручительство общественной организации; г) заключение под стражу; вместе с тем Основы указывают, что законодательством союзных республик могут быть определены и иные меры пресечения (ст. 33).

УПК РСФСР (ст. 89) и Таджикской ССР (ст. 82), кроме указанных выше мер пресечения, предусматривают залог.

В отношении несовершеннолетних в качестве меры пресечения может также избираться отдача под присмотр родителей, опекунов, попечителей, а к несовершеннолетним, воспитывающимся в закрытых детских учреждениях, — отдача под надзор администрации этих учреждений (ст. 394 УПК РСФСР; ст. 84 УПК БССР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

В отношении военнослужащих в качестве меры пресечения может применяться наблюдение за ними командования воинских частей, в которых они состоят на службе (ч. 3 ст. 89 УПК РСФСР).

Вопрос о мере пресечения в ходе уголовного процесса по делу может ставиться и решаться неоднократно. Впервые он возникает и разрешается на дознании и на предварительном следствии. По передаче дела в суд судья, вынося постановление о предании обвиняемого суду, обязан рассмотреть вопрос о мере пресечения. Если судья считает необходимым изменить или отменить меру пресечения, избранную на дознании или предварительном следствии, он вносит дело в распорядительное заседание суда, которое и решает вопрос о мере пресечения (ст. 36 Основ уголовного судопроизводства; ст. 221 УПК РСФСР). При постановлении приговора, присуждающего подсудимого к наказанию, суд ре-

шаёт вопрос о мере пресечения до вступления приговора в законную силу. Может решаться вопрос о мере пресечения и кассационной и надзорной инстанцией при отмене приговора с обращением дела на новое рассмотрение. Кроме того, возможны изменения избранной по делу меры пресечения в той же стадии процесса, в которой она была избрана: следователь в ходе предварительного следствия сам или по предложению прокурора может изменить меру пресечения на более легкую или более тяжелую, в зависимости от обнаруженных по делу обстоятельств; это же вправе сделать суд в ходе судебного разбирательства дела.

Таким образом, меры пресечения представляют собой процессуальный институт, находящий применение в различных стадиях уголовного процесса. Поэтому они должны рассматриваться как общий вопрос уголовного процесса, относящийся ко всем его стадиям.

Уголовно-процессуальные кодексы союзных республик помещают нормы, регулирующие применение мер пресечения в первый раздел кодекса, посвященный общим положениям уголовного процесса. Исключение составляет уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР, помещающий нормы о мерах пресечения в раздел второй кодекса — о возбуждении уголовного дела, дознании и предварительном следствии.

Наиболее обоснованно первое решение вопроса, так как меры пресечения — это институт уголовного процесса, относящийся к различным процессуальным стадиям, причем институт большого принципиального значения, тесно связанный с широким вопросом о гарантиях неприкосновенности личности.

При применении меры пресечения избирается та мера, которая по конкретным обстоятельствам дела действительно необходима.

При разрешении вопроса о необходимости принять в отношении обвиняемого меру пресечения, а также при выборе вида меры пресечения в каждом отдельном случае принимается во внимание, кроме тех оснований, которые обуславливают применение меры пресечения (ст. 33 Основ уголовного судопроизводства; ст. 89 УПК РСФСР), также тяжесть предъявленного обвинения, личность подозреваемого или обвиняемого, род его занятий, возраст, состояние здоровья, семейное положение и другие обстоятельства, которые могут иметь значение для разрешения вопроса о мере пресечения (ст. 91 УПК РСФСР).

Мера пресечения применяется только к обвиняемому, т. е. к лицу, в отношении которого состоялось постановление о его привлечении в качестве обвиняемого.

Это — общее правило, из которого закон допускает только одно изъятие: в исключительных случаях мера пресечения может быть принята в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, до привлечения его в качестве обвиняемого. В этих случаях обвинение должно быть предъявлено не позднее 10 суток

С момента принятия меры пресечения. При невозможности предъявления обвинения в указанный срок мера пресечения обязательно отменяется (ст. 33 Основ уголовного судопроизводства; ст. 90 УПК РСФСР).

Применение меры пресечения к лицу до привлечения его в качестве обвиняемого представляет собой исключительный порядок и допускается только тогда, когда особые обстоятельства дела требуют немедленного применения меры пресечения, а для решения вопроса о привлечении лица в качестве обвиняемого еще необходимо произвести дополнительные следственные действия, собрать новые и проверить имеющиеся доказательства. Такое положение может создаться, например, когда совершено тяжкое преступление, на определенное лицо указывают некоторые улики, оставить это лицо на свободе представляло бы опасность для общества, но предъявить обвинение еще нет возможности, так как для этого надо выяснить еще ряд обстоятельств.

Применять меру пресечения до привлечения в качестве обвиняемого можно на предварительном следствии, но не в суде, который меру пресечения принимает только по отношению к обвиняемому (подсудимому). Даже в тех случаях, когда суд применяет меру пресечения к лицу, непосредственно привлеченному судом к уголовной ответственности на судебном следствии в порядке ст. 256 УПК РСФСР, эта мера применяется к обвиняемому, так как лицо, привлеченное судом к уголовной ответственности, тем самым делается обвиняемым¹.

То обстоятельство, что при возбуждении в судебном разбирательстве уголовного дела в отношении нового лица, ранее не привлеченного и не преданного суду, это лицо является обвиняемым и мера пресечения избирается в отношении обвиняемого, а не подозреваемого, подтверждается тем, что согласно ст. 256 УПК РСФСР суд здесь руководствуется статьями 89, 91 и 92 УПК РСФСР, говорящими о применении меры пресечения в отношении обвиняемого, но не статьей 90 УПК РСФСР, говорящей о применении меры пресечения в отношении подозреваемого.

Действующее законодательство такие случаи именуется «возбуждением уголовного дела в отношении нового лица» (ст. 256¹-УПК РСФСР; ст. 257 УПК Латвийской ССР и другие).

Эта формулировка не может быть признана удачной, так как уголовное дело возбуждается не в отношении определенного лица, а по факту, событию преступления. Прежнее уголовно-процессуальное законодательство определяло этот акт как «привлечение данного лица к ответственности» (ст. 315 УПК РСФСР 1923 г.), что несомненно являлось равнозначным привлечению лица в качестве обвиняемого. Мы думаем, что и ныне действующее законодательство, изменив формулировку, не изменило существа решения вопроса. Действительно, ст. 256 УПК РСФСР говорит о возбуждении судом уголовного дела в отношении нового лица, «если при судебном разбирательстве будут установлены обстоятельства, указывающие на совершение преступления лицом, не привлеченным к уголовной ответственности». Это значит, что суд привлекает это лицо к уголовной ответственности, т. е. привлекает его в качестве обвиняе-

Ст. 90 УПК РСФСР предусматривает возможность применения любой меры пресечения до привлечения в качестве обвиняемого, но на практике согласно этой статье обычно применяется (при наличии к тому законных оснований) заключение под стражу. Это обусловливается тем, что при отсутствии оснований для применения заключения под стражу, как правило, нет оснований и для отступления от общего порядка избрания меры пресечения. Отмеченный факт не исключает того, что в отдельных случаях меру пресечения, не связанную с изоляцией (например, подписку о невыезде), можно применить до привлечения в качестве обвиняемого.

О принятии меры пресечения производящий дознание, следователь, прокурор выносят мотивированное постановление, а суд — мотивированное определение. В постановлении и определении об избрании меры пресечения указывается то преступление, в совершении которого обвиняется данное лицо, и основания, в силу которых избрана мера пресечения. Постановление или определение объявляется лицу, в отношении которого избрана мера пресечения (ст. 92 УПК РСФСР).

Требование вынесения мотивированного постановления или определения относится к избранию любой меры пресечения, ибо всякая мера пресечения ограничивает свободу гражданина, и поэтому применение ее должно быть обставлено процессуальными условиями.

Самою сущности деятельности суда противоречило бы такое положение, чтобы суд в судебном заседании на основании данных судебного следствия вынес относительно того или иного лица определение о том, что это лицо является подозреваемым, т. е. подозревается (но не обвиняется!) в совершении преступления. Особенно ясно видно то, что суд ранее не привлеченное лицо привлекает, при наличии оснований к тому, не в качестве подозреваемого, а как обвиняемого, — в случаях привлечения свидетеля за лжесвидетельство. Суд допросил свидетеля, признал его показания заведомо ложными и на этом основании отверг их в своем приговоре и вынес в отношении этого свидетеля определение о привлечении его за ложные показания и о применении к нему меры пресечения. Суд оглашает определение публично одновременно с оглашением приговора — и оказывается, что этот свидетель лишь *подозревается* в лжесвидетельствовании, но не *обвиняется* в нем! Мы думаем, что это было бы совершенно неправильное положение, не соответствующее характеру и содержанию деятельности суда. Вообще такие понятия, как «подозрение», «подозреваемый», в известных пределах допустимы в деятельности органов дознания и предварительного следствия, но совершенно неприменимы в деятельности суда.

В юридической литературе имеет распространение и иная точка зрения: лицо, в отношении которого на суде возбуждено уголовное дело, в силу определения суда становится подозреваемым, а не обвиняемым (см., например: И. С. Галкин, В. Г. Кочетков. Процессуальное положение подозреваемого. Изд-во «Юридическая литература», 1968, стр. 4).

По изложенным выше соображениям согласиться с такой точкой зрения нельзя.

Срок действия меры пресечения зависит от того, сохранили ли свою силу те основания, которые обусловили ее избрание. Если по ходу следствия отпадает надобность в избранной мере пресечения, орган дознания, следователь, прокурор и суд могут в зависимости от обстоятельств дела ее заменить или отменить (ст. 101 УПК РСФСР).

§ 2. Подписка о невыезде, поручительство и залог

Подписка о невыезде заключается в принятии обвиняемым обязательства не отлучаться из избранного им самим или указанного следователем или судом места жительства без разрешения следователя или суда.

Принятие подписки о невыезде в качестве меры пресечения оформляется в виде двух процессуальных документов:

— постановления следователя или определения суда об избрании этой меры;

— самой подписки, даваемой обвиняемым, не отлучаться из определенного места жительства (ст. 92 и 93 УПК РСФСР).

Если у обвиняемого, у которого взята подписка о невыезде, возникает необходимость выезда из данного места (по личным или служебным обстоятельствам), он должен обратиться к следователю, к прокурору или к суду с просьбой разрешить ему выезд и может выехать только по получении такого разрешения. Нарушение обвиняемым подписки о невыезде влечет за собой замену подписки более строгой мерой пресечения.

Поручительство бывает личное и общественной организации.

Личное поручительство состоит в том, что у заслуживающих доверия лиц-поручителей берется подписка с обязательством обеспечить надлежащее поведение и явку обвиняемого к следователю или в суд по первому требованию. Число поручителей определяется следователем, прокурором или судом и не может быть меньше двух. При взятии подписки от поручителей им должно быть объявлено об ответственности их в случае уклонения обвиняемого от следствия и суда (ст. 93 УПК РСФСР). В случае уклонения обвиняемого от следствия и суда или совершения им иных действий, для предупреждения которых применено поручительство, поручители подвергаются штрафу по определению суда (ст. 323 УПК РСФСР) или к ним применяются меры общественного воздействия той общественной организацией, в которой они состоят, или товарищеским судом (ст. 94 УПК РСФСР).

Поручительство общественной организации заключается в выдаче ею письменного обязательства в том, что общественная организация ручается за надлежащее поведение и явку обвиняе-

мого (или подозреваемого) по вызовам производящего дознание, следователя, прокурора и суда.

Общественная организация, дающая поручительство, должна быть поставлена в известность о сущности дела, по которому избрана мера пресечения, т. е. ей должно быть сообщено, в совершении какого преступления обвиняется данное лицо, каковы обстоятельства этого преступления и т. д. (ст. 95).

Поручительство общественной организации, как одна из мер пресечения, отличается от взятия совершившего преступление лица на поруки общественной организацией. Взятие на поруки производится при прекращении уголовного дела и заменяет уголовную ответственность по суду (ст. 9 УПК РСФСР), поручительство же общественной организации — это мера пресечения и на исход уголовного дела оно не влияет. Для взятия на поруки необходимо решение общего собрания данной общественной организации, для поручительства же как меры пресечения этого не требуется, достаточно решение выборного органа организации (профкома, месткома и т. п.).

Залог как мера пресечения состоит во внесении обвиняемым, подозреваемым или иным лицом или организацией определенной денежной суммы или других ценностей в депозит суда в обеспечение явки обвиняемого или подозреваемого по вызовам производящего дознание, следователя, прокурора, суда. Сумма залога определяется органом, избравшим в качестве меры пресечения залог, в зависимости от обстоятельств дела — характера преступления, личности обвиняемого и т. п. Залог в качестве меры пресечения может быть избран лишь с санкции прокурора или по определению суда.

Процессуальное оформление залога выражается в двух документах: в постановлении следователя, прокурора или определении суда об избрании данной меры пресечения и в протоколе, подписываемом залогодателем, которому этот протокол выдается в копии.

В случае уклонения обвиняемого или подозреваемого от явки по вызову органа дознания, следователя, прокурора, суда залог обращается в доход государства (ст. 99 УПК РСФСР).

Обращение залога в доход государства производится определением суда, независимо от того, в какой стадии уголовного процесса произошло уклонение обвиняемого от явки по вызову.

Определение об обращении залога в доход государства выносится судом в распорядительном заседании с вызовом залогодателя. Неявка залогодателя без уважительных причин не останавливает рассмотрения дела (ст. 323, 324 УПК РСФСР). Залог как мера пресечения предусмотрен уголовно-процессуальным законодательством только РСФСР (ст. 89 УПК) и Таджикской ССР (ст. 82 УПК). Уголовно-процессуальные кодексы других союзных республик не допускают применения такой меры пресечения.

.....

§ 3. Заключение под стражу

Заключение под стражу — наиболее тяжелая мера пресечения, поэтому она применяется лишь при обвинении в наиболее серьезных преступлениях, в случаях, когда только эта мера пресечения может обеспечить успешность раскрытия преступления и обличения преступника и устранить возможность совершения преступником нового преступления.

Избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу должно быть обусловлено действительной к тому необходимостью. Необоснованное применение заключения под стражу есть серьезнейшее нарушение социалистической законности.

Ст. 127 Конституции СССР обеспечивает неприкосновенность личности советских граждан важной процессуальной гарантией: никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора.

Это же положение выражено в ст. 6 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (ст. 11 УПК РСФСР, соответствующие статьи УПК других союзных республик).

Поэтому постановление следователя или органа дознания об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу подлежит утверждению прокурором и только с его санкцией получает силу и приводится в исполнение.

Закон устанавливает ряд условий, лишь при наличии которых допустимо применение заключения под стражу в качестве меры пресечения:

— заключение под стражу в качестве меры пресечения допускается только по делам о преступлениях, за которые судом может быть назначено наказание в виде лишения свободы;

— если при этом есть основание опасаться, что обвиняемый по такому делу, находясь на свободе: а) будет препятствовать раскрытию истины, б) скроется от следствия и суда или в) может совершить другое преступление (ст. 34 Основ уголовного судопроизводства; ст. 96 УПК РСФСР).

Препятствование обвиняемым раскрытию истины как основание для заключения под стражу состоит в совершении обвиняемым каких-либо незаконных действий, как-то: попытка уничтожения документов или предметов, могущих служить вещественными доказательствами, подговор, подкуп или запугивание свидетелей и т. д. Использование же обвиняемым своих законных прав для защиты от обвинения, для оспаривания обвинения (например, заявление всяких ходатайств или подача жалоб, хотя бы неосновательных) не может рассматриваться как препятствование раскрытию истины и влечь применение заключения под стражу.

Опасение, что обвиняемый скроется от следствия и суда как основание для заключения под стражу должно вытекать из об-

стоятельств данного дела, из поведения обвиняемого, из его образа жизни и других характеризующих его данных, а не из общих и абстрактных соображений, что всякий обвиняемый может скрываться.

р; Опасение, что обвиняемый, находясь на свободе, будет продолжать свою преступную деятельность, должно вытекать из обстоятельств, относящихся к личности обвиняемого, — его прежних судимостей, антиобщественных поступков и т. п. К лицам, обвиняемым в совершении наиболее тяжких преступлений, перечисленных в уголовно-процессуальном законе, мера пресечения в виде заключения под стражу может быть избрана по мотивам одной лишь опасности преступления, хотя бы другие основания для этой меры отсутствовали (ст. 34 Основ уголовного судопроизводства; ст. 96 УПК РСФСР). Это значит, что само преступление, в совершении которого обвиняется данное лицо, настолько опасно, что обвиняемый не может быть оставлен на свободе, даже если нет никаких оснований опасаться, что обвиняемый скроется или будет препятствовать обнаружению истины,

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1946 г. «Об усилении ответственности за хулиганство» в отношении лиц, задержанных за хулиганские действия, в качестве меры пресечения до рассмотрения дела в суде, как правило, избирается содержание под стражей (ст. 11)².

Содержание под стражей как мера пресечения при расследовании дела не может продолжаться более *двух месяцев*. Этот срок может быть продлен лишь ввиду особой сложности дела прокурором автономной республики, края, области, автономной области, национального округа, военным прокурором военного округа, военного флота — до *трех месяцев*, а прокурором союзной республики, Главным военным прокурором — до *шести месяцев* со дня заключения под стражу. Дальнейшее продление срока содержания под стражей может быть произведено только в исключительных случаях Генеральным Прокурором СССР дополнительно на срок не более *трех месяцев*. Таким образом, максимальный срок содержания под стражей в качестве меры пресечения на предварительном следствии не может превышать *девяти месяцев* (ст. 34 Основ уголовного судопроизводства; ст. 97 УПК РСФСР).

Указанные сроки содержания под стражей относятся к стадии дознания и предварительного следствия. Если дело было направлено в суд, а затем было возвращено к доследованию в результате рассмотрения дела судом первой или кассационной инстанции, в соответствующий срок содержания под стражей

² «Ведомости Верховного Совета СССР», 1966, III 30, ст. 595.

не включается установленное законом время нахождения дела в суде согласно ст. 221, 239, 333 УПК РСФСР.

Если же вступивший в законную силу приговор был отменен в порядке судебного надзора и дело было возвращено для нового расследования, срок под стражей исчисляется с момента вынесения определения надзорной инстанции об отмене приговора³.

Заключение под стражу как мера пресечения сохраняется по делу лишь до тех пор, пока сохраняют силу те основания, которые вызвали избрание этой меры; как только эти основания отпали — заключение под стражу должно быть незамедлительно заменено более легкой мерой, не связанной с изоляцией обвиняемого.

Замена заключения под стражу иной мерой и, следовательно, освобождение обвиняемого из-под стражи производится постановлением органа дознания, следователя и прокурора и определением суда.

В стадии дознания и предварительного следствия замена заключения под стражу иной мерой и освобождение обвиняемого (или подозреваемого) производится органом дознания или следователем, в производстве которого находится дело. Прокурор вправе заменить заключение под стражу иной мерой, вынеся об этом свое постановление либо дав письменное, обязательное для следователя (органа дознания) указание.

Если заключение под стражу было избрано самим прокурором или по его письменному указанию, орган дознания и следователь могут отменить заключение под стражу и избрать иную меру только с согласия прокурора (ст. 101 УПК РСФСР; ст. 94 УПК Грузинской ССР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

Если же заключение под стражу было избрано самим органом дознания или следователем, постановление которых получило санкцию прокурора, они сами могут изменить эту меру и освободить обвиняемого или подозреваемого, и санкции прокурора на освобождение не требуется, хотя он давал санкцию на заключение под стражу.

Такое решение вопроса обуславливается тем, что требование санкции прокурора на заключение под стражу есть *гарантия неприкосновенности личности* (ст. 6 Основ уголовного судопроизводства); санкция прокурора нужна для того, чтобы не допустить неосновательного заключения под стражу. Для освобождения же арестованного санкции прокурора не требуется, и он должен быть освобожден немедленно, как только отпали основания, вызвавшие применение заключения под стражу.

³ Постановление Президиума Верховного Совета СССР «О разъяснении статьи 34 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» («Ведомости Верховного Совета СССР», 1965, № 37, ст. 533).

Именно так решают данный вопрос уголовно-процессуальные кодексы большинства союзных республик (ст. 101 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик). В отличие от них ст. 82 УПК Узбекской ССР устанавливает, что мера пресечения, избранная с санкции прокурора, может быть отменена или изменена лишь с согласия прокурора. Такое положение, не вытекающее из Основ уголовного судопроизводства и не разделяемое законодательством большинства союзных республик, нельзя признать удачным. Наоборот, правильно и целесообразно то, что ст. 83 УПК Латвийской ССР не требует согласия прокурора на изменение даже той меры пресечения, которая была избрана прокурором или по его указанию: когда отпадает необходимость дальнейшего содержания под стражей, обвиняемого освобождает сам орган дознания или следователь, в производстве которого находится дело, независимо от того, как и кем было принято решение об избрании меры пресечения. Разумеется, прокурор при всех условиях сохраняет свои права по надзору за исполнением закона в деятельности органов дознания и предварительного следствия (глава III Положения о прокурорском надзоре в СССР). Когда же дело поступило в суд, замена заключения под стражу, как и решение любого иного вопроса о мере пресечения, производится судом в распорядительном или судебном заседании, и суд не связан ранее принятым по этому вопросу решением органа дознания, следователя или прокурора.

При заключении обвиняемого под стражу орган дознания, следователь, прокурор и суд обязаны принять меры попечения о детях заключенного под стражу и меры охраны его имущества, а именно:

- при наличии у лица, заключенного под стражу, несовершеннолетних детей, остающихся без надзора, — передать их на попечение родственников либо других лиц или учреждений;
- при наличии у лица, заключенного под стражу, имущества или жилища, остающегося без присмотра, — принять меры к их охране.

О принятых мерах орган дознания, следователь, прокурор и суд уведомляют заключенного под стражу (ст. 98 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

Особенность меры пресечения в виде заключения под стражу состоит в том, что заключение под стражу, т. е. арест, лишение свободы, применяется к лицу, которое *обвиняется* в совершении преступления, но еще *не признано виновным*. Вопрос о виновности заключенного под стражу в качестве меры пресечения еще не разрешен, производство по делу продолжается и может закончиться прекращением дела или оправдательным приговором. В отношении обвиняемого, заключенного под стражу, как и в отношении всякого обвиняемого, полностью действует презумпция не-

виновности: он считается невиновным, пока его виновность не будет доказана и установлена приговором суда.

Поэтому при избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения требуется очень большая осторожность, осмотрительность, чтобы избежать заключения под стражу лица, которое может оказаться невиновным. Закон устанавливает серьезные процессуальные гарантии от незаконного и необоснованного применения заключения под стражу — эта мера допускается только с санкции прокурора или по определению суда.

В целях усиления гарантий от неправильного заключения под стражу в юридической литературе иногда высказываются предложения установить такой порядок, чтобы при избрании заключения под стражу на предварительном следствии этот вопрос решался судом, в особом заседании, с вызовом обвиняемого.

Следует признать, что это было бы очень важной гарантией, обеспечивающей большую охрану прав личности в уголовном процессе⁴.

В

Выше мы рассмотрели общие меры пресечения, применение которых допускается при наличии законных оснований, в зависимости от того деяния, которое вменяется в вину обвиняемому, и иных, указанных в законе, условий.

Особое место среди мер пресечения занимает наблюдение командования воинской части, применяемое только к *военнослужащим*.

Наблюдение командования воинской части за обвиняемым, являющимся военнослужащим, состоит в принятии мер, предусмотренных уставами Вооруженных сил Союза ССР, чтобы обеспечить надлежащее поведение обвиняемого и его явку по вызовам лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда.

Как и всякая мера пресечения, наблюдение командования воинской части назначается постановлением органа дознания, следователя и прокурора или определением суда.

При избрании этой меры пресечения командованию сообщается о сущности дела, по которому избрана данная мера пресечения. Об установлении наблюдения командование воинской части в письменной форме уведомляет орган, избравший эту меру пресечения (ст. 100 УПК РСФСР, соответствующие статьи УПК других союзных республик).

Теория доказательств в уголовном процессе

⁴ Подробнее см.: М. С. Строгович. Основные вопросы советской социалистической законности. Изд-во «Наука», 1966, стр. 187, 1§§.

Основные положения теории доказательств

§ 1. Понятие доказательств

Органы следствия, прокуратура и суд при расследовании и разрешении уголовных дел должны установить факты, относящиеся к тому преступлению, по поводу которого ведется уголовный процесс по данному делу. Чтобы разрешить дело, необходимо убедиться, что было совершено преступление, что совершило его данное лицо и что оно несет ответственность за совершенные им действия (или допущенное бездействие). Все факты и обстоятельства дела должны быть установлены в соответствии с действительностью, т. е. именно так, как они в действительности произошли. Достигнуть этого следствие, прокуратура и суд могут только при помощи доказательств. Установить факт преступления — значит доказать, что преступление действительно было совершено. Установить виновность обвиняемого — значит доказать, что он совершил это преступление и несет за него ответственность.

Доказательства представляют собой средство установления фактов, имеющих значение для дела. При помощи доказательств устанавливаются действительные факты и отвергаются факты, которых в действительности не было, но относительно которых возникло предположение об их существовании.

При помощи доказательств органы следствия, прокуратура и суд разбираются в обстоятельствах дела, устанавливают преступление и лицо, виновное в его совершении, или приходят к противоположному выводу — что преступление в действительности не было совершено или что привлеченное к уголовной ответственности лицо его не совершило. При помощи доказательств прокурор в суде поддерживает обвинение, а обвиняемый и его защитник опровергают обвинение или устанавливают обстоятельства, смягчающие виновность обвиняемого.

Доказательствами является весь тот фактический материал, которым следствие и суд оперируют в процессе всей своей деятель-

ности при расследовании и разрешении уголовных дел и на основании которого они решают все вопросы существа этих дел.

Наличие в деле тех или иных данных в качестве доказательств ни в коей мере не предрешает признания этих доказательств правильными, убедительными: эти доказательства всегда подлежат исследованию, проверке и оценке, в зависимости от чего будет определяться в каждом отдельном случае доказательственная сила каждого доказательства, его правильность или неправильность, достоверность или недостоверность. Так, показания свидетеля есть доказательство по делу, но в зависимости от результатов проверки и оценки этого доказательства суд в одном случае признает показания свидетелей правильными, а в другом — отвергает их как ложные или ошибочные.

В уголовном процессе доказательство может быть использовано следствием и судом лишь с соблюдением требований процессуального закона. Все фактические данные, при помощи которых следствие и суд исследуют и устанавливают обстоятельства дела и приходят к выводам о доказанности преступления и виновности обвиняемого, должны соответствовать условиям, установленным процессуальным законом, и закрепляться и оформляться согласно нормам уголовно-процессуального кодекса.

Так, если какой-либо факт, имеющий значение для дела, устанавливается показаниями лица, видевшего этот факт, показания этого лица будут доказательством лишь при условии, если это лицо будет допрошено в качестве свидетеля в установленном процессуальным законом порядке и его показания будут запротоколированы согласно требованиям процессуального закона.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство — Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 25 декабря 1958 г. и принятые в соответствии с ними уголовно-процессуальные кодексы союзных республик следующим образом определяют понятие доказательств:

«Доказательствами по уголовному делу являются любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке органы дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Эти данные устанавливаются показаниями свидетеля, показаниями потерпевшего, показаниями подозреваемого, показаниями обвиняемого, заключением эксперта, вещественными доказательствами, протоколами следственных и судебных действий и иными документами» (ст. 16 Основ уголовного судопроизводства; ст. 69 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

Понятие доказательства имеет два значения. Доказательства — это, во-первых, те *факты*, на основе которых устанавливается пре-

ступление или его отсутствие, виновность или невиновность того или иного лица в его совершении и иные обстоятельства дела, от которых зависит степень ответственности этого лица.

Доказательствами являются, во-вторых, те предусмотренные законом *источники*, из которых следствие и суд получают *сведения* об имеющихся для дела значении фактах и посредством которых они эти факты устанавливают.

Например, по делу о хищении социалистической собственности должностным лицом, в ведении которого находились государственные ценности (деньги, товары), доказательствами могут быть такие факты: обнаруженная у данного должностного лица недостача денег или товаров на определенную сумму, незаприходование им части поступивших к нему ценностей, отсутствие оправдательных документов на ряд произведенных расходов, подчистка и подделка в ряде документов, произведенные этим лицом траты на личные надобности в суммах, значительно превышающих его заработную плату и иные легальные доходы и т. д.

Эти *являющиеся доказательствами по делу факты* устанавливаются посредством определенных *источников сведений о них*. Так, недостача ценностей устанавливается актом ревизии и заключением бухгалтерской экспертизы, подчистка и подделка в документах — заключением криминалистической экспертизы, образ жизни обвиняемого не по средствам — показаниями свидетелей и т. д. Это предусмотренные законом в качестве доказательств *источники сведений о фактах*.

Следствие и суд при пользовании доказательствами должны их исследовать и оценить в обоих значениях: во-первых, *правилен ли, достоверен ли источник*, из которого стало известно о данном факте, во-вторых, если источник правилен, достоверен, то *можно ли из данного факта сделать вывод о виновности обвиняемого*.

Прежде всего оценивается доказательство как источник сведений о данном факте. Так, оценивая показания свидетеля, необходимо убедиться, что они доброкачественны, правильны, т. е. что свидетель говорит правду — не лжет и не ошибается. Если окажется, что показание свидетеля недостоверно, на его основе нельзя установить, доказать тот факт, о котором показал свидетель.

Но если следствие или суд придут к выводу, что доказательство как источник сведений о данном факте доброкачественно, достоверно, исследование и оценка доказательства этим не заканчиваются: нужно еще оценить установленный данным доказательством факт — доказывает ли он существование (или несуществование) другого, подлежащего установлению факта, можно ли считать его основанием для вывода о виновности или невиновности привлеченного к уголовной ответственности лица.

Например, если актом ревизии и заключением бухгалтерской экспертизы устанавливается факт недостачи материальных ценностей, следствие и суд прежде всего оценивают самый источник

сведений о недостатке, т. е. акт ревизии и Заключение экспертизы: убедительны ли и достоверны ли эти сведения, вполне ли обоснованно заключение экспертизы, нет ли в нем ошибок и произвольных выводов и т. д. Когда следствие и суд, оценив эти доказательства как источник сведений о факте недостачи, признают их убедительными, правильными и, следовательно, этот факт установленным, оценке подлежит сам факт недостачи материальных ценностей, т. е. доказывает ли он, что обвиняемый действительно совершил хищение или недостача была следствием других причин, не по вине обвиняемого.

Доказательство как источник сведений о факте иначе называется *средством доказывания*. Например, показания свидетеля о том или ином факте есть источник, из которого следствие и суд получили сведения об этом факте, и именно этими показаниями этот факт доказывается, посредством их он устанавливается.

Так, в указанном примере дела о хищении ценностей средствами доказывания являются: акт ревизии, заключение эксперта-бухгалтера о недостатке ценностей, заключение эксперта-криминалиста о том, что исправления в документах сделаны рукой обвиняемого, показания свидетелей об образе жизни обвиняемого и т. д.

Доказательство как факт, из которого следствие и суд делают выводы о другом факте, который необходимо установить по делу, называется *доказательственным фактом*.

В приведенном примере доказательственными фактами являются: факты недостачи материальных ценностей у должностного лица, которому эти ценности были вверены по службе, факт изменений, внесенных обвиняемым в оправдательные документы, факты трат на личные надобности в суммах, превышающих зарплату и иные легальные доходы этого лица, и т. д.

Таким образом, *доказательственный факт — это известный по делу факт, которым в совокупности с другими фактами устанавливается или опровергается виновность обвиняемого в совершении преступления*.

При помощи доказательственных фактов устанавливается, доказывается или опровергается тот факт, который составляет предмет исследования по данному делу: событие преступления, его совершитель и вина последнего. Этот факт, который составляет существо самого дела и установление которого означает разрешение дела, называется *главным фактом*.

Главный факт — это факт, исследуемый по делу, относительно которого есть данные о наличии в нем состава преступления со всеми его элементами, объективными и субъективными.

Главный факт выступает в двух формах: в положительной форме — виновность данного лица в совершении преступления и в отрицательной форме — невиновность данного лица в совершении преступления. Если обвиняемый действительно совершил преступление, главным фактом является виновность в совершении

им этого преступления. Если же обвиняемый в действительности преступления не совершал, главный факт здесь — невиновность обвиняемого. Но так как заранее неизвестно, совершил или не совершил обвиняемый преступление, и расследование и разбирательство дела производится для того, чтобы установить истину, то предмет доказывания по делу может выступить в обеих формах и в обеих формах должен исследоваться: по делу должны собираться и проверяться все доказательства как уличающие обвиняемого, так и оправдывающие его.

Главный факт — сложное понятие. Он складывается из ряда фактов: само событие преступления, обстоятельства его совершения, личность преступника, мотивы преступления и т. д.

Необходимость различать два значения понятия доказательства несколько осложняет рассмотрение доказательств в научных исследованиях и практической работе. Эта сложность касается терминологии: каждый раз, когда в теории или на практике рассматривается вопрос о доказательстве, всегда приходится уяснять, в каком смысле понятие доказательства применяется — как источник сведений о факте или как факт, доказывающий другой факт.

В юридической литературе не раз делались попытки устранить двойное значение понятия доказательства, придать ему только одно значение¹.

После принятия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. высказывалось категорическое суждение, что этот общесоюзный закон окончательно устранил двойное значение понятия доказательства и придал этому ПОНЯТИЮ только одно значение — фактических данных, т. е. фактов; источники же сведений о фактах, согласно этому мнению, доказательствами не являются².

Такая точка зрения не имеет достаточных оснований. Согласно ч. 1 ст. 16 Основ уголовного судопроизводства доказательства — это «фактические данные», т. е. факты. Значит, обвинение должно

¹ Так, профессор М. М. Гродзинский утверждал, что доказательство — это только доказательственный факт, источник же сведений о факте — это не доказательство, а «источник доказательства» (М. М. Гродзинский. Улики в советском уголовном процессе. «Ученые записки Всесоюзного института юридических наук», вып. 7. Юриздат, 1945, стр. 117).

² С. А. Голунский. Вопросы доказательственного права в Основных уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. «Вопросы судопроизводства и судостроения в новом законодательстве СССР». Госюриздат, 1959, стр. 145 и ел.; Ц. М. К а з. Доказательства в советском уголовном процессе. Изд-во Саратовского университета, 1960, стр. 24—25; М. А. Ч е л ь ц о в. Советский уголовный процесс. Госюриздат, 1962, стр. 133; Р. С. Б е л к и н. Собрание, исследование и оценка доказательств. Изд-во «Наука», 1966, стр. 10—12.

опираться на факты, доказываться фактами, равно как и опровергаться ими.

Но факты, которыми доказывається виновность лица в совершении преступления, как и факты, которыми она опровергается, не даются следствию и суду в готовом виде — эти факты сами должны быть доказаны, а доказаны они могут быть, разумеется, только доказательствами, а не чем-либо иным. Например, доказательством (одним из доказательств) совершения обвиняемым преступления может быть тот факт, что обвиняемый находился на месте совершения преступления в то самое время, когда это преступление совершалось. Но для того, чтобы факт мог рассматриваться как доказательство виновности обвиняемого, сам этот факт необходимо доказать, т. е. доказать что обвиняемый *именно в это время находился именно в этом месте*. А доказать это можно не иначе, как при помощи доказательств представляющих собой определенные источники сведений об этом факте, например отпечатков следа ноги обвиняемого на данном месте, показаний свидетелей, видевших, как обвиняемый в такое-то время шел к этому месту и в такое-то время удалялся оттуда. Любой факт ничем другим доказываться не может, как доказательствами, поэтому показания свидетелей, заключение эксперта, протокол осмотра места преступления — это доказательства факта нахождения обвиняемого в данное время в данном месте. От того, что показания свидетелей, заключение эксперта будут называться не доказательством, а «источником доказательства», «средством доказывания», ничего не изменится: поскольку источником доказательства или средством доказывания устанавливается определенный факт, этот источник или средство есть *доказательство этого факта, а не что иное*.

Если не признавать источники сведений о фактах, подлежащих установлению по делу, доказательством этих фактов, отпадает такой вопрос, как оценка доказательства, как определение доброкачественности или недоброкачественности каждого доказательства, так как доброкачественны или недоброкачественны могут быть, конечно, не факты, а сведения о фактах³. Но вопрос

С. А. Голунский так и писал: «Отпадает необходимость делить доказательства на доброкачественные и недоброкачественные. Факты не могут быть доброкачественные или недоброкачественные» (С. А. Г о л у н с к и й. Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. «Вопросы судопроизводства и судостройства в новом законодательстве СССР», стр. 148). М. А. Чельцов утверждает это же, он считает неправильным даже такие выражения, как «сомнительные доказательства», «противоречивые доказательства», «недоброкачественные доказательства», так как эти понятия относятся не к доказательствам, а к средствам доказывания: «Факты не могут быть сомнительными или недоброкачественными. Такими могут быть только сведения о них. Факты же либо существуют, либо не существуют. Они могут быть доказаны или остаться недоказанными»

о доброкачественности доказательств — важнейший вопрос при расследовании и разбирательстве каждого дела, и на нем обязательно должно быть сосредоточено самое пристальное внимание следствия и суда.

Далее, ст. 17 Основ уголовного судопроизводства говорит об оценке доказательств по внутреннему убеждению следователя и судьи. Разумеется, по внутреннему убеждению следователя и судьи оцениваются не только факты, но и источники сведений о фактах, так что когда Основы говорят об оценке доказательств, под доказательствами они имеют в виду и факты, и сведения о фактах.

Ст. 21, 23, 24, 25 и 26 Основ предусматривают право обвиняемого, защитника, потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика «представлять доказательства». Очевидно, здесь имеются в виду источники сведений о фактах (показания, документы и т. п.), но не факты, так как факты представлять нельзя.

В юридической литературе была сделана и иная попытка избежать двойного значения понятия доказательства: под доказательствами предлагалось иметь в виду только сведения о фактах, почерпнутые из определенного процессуальным законом источника, а не факты. Согласно указанной точке зрения, доказательства — это показания свидетелей, показания обвиняемого, заключения эксперта и т. п., но факты, установленные при помощи таких сведений, не являются доказательствами⁴. Эта трактовка доказательств значительно ближе к истине, чем рассмотренное выше понимание доказательств только как уже доказанных фактов. Действительно, доказательство всегда выступает прежде всего как полученные из определенного источника

(М. А. Ч е л ь ц о в. Советский уголовный процесс, стр. 135). Нетрудно увидеть, что сама эта аргументация совершенно произвольна и искусственна. Доказательство — это факт, а факт должен быть доказан. Но чем же иным, кроме как доказательствами, может быть доказан факт? Любой факт, имеющий значение для дела, должен быть доказан, а доказан он может быть только при помощи доказательств — это совершенно элементарно. Для того чтобы доказать факт, надо подтверждающие его доказательства оценить, отвергнуть недоброкачественные доказательства и основать свой вывод на доказательствах доброкачественных, достоверных.

Как мы увидим из дальнейшего изложения, одной из особо важных проблем теории доказательств является оценка доказательств. Указанные выше авторы по существу снимают эту проблему.

⁴ В. Я. Д о р о х о в. Понятие доказательства в советском уголовном процессе. «Советское государство и право», 1964, № 9, стр. 108 и сл. Анализируя понятие «фактические данные», которым определяются доказательства в ст. 16 Основ уголовного судопроизводства, автор пишет: «„Фактические данные“ — это полученные из законных источников сведения о фактах, подлежащих установлению по делу, но не сами факты, обстоятельства» (стр. 115). Эта же точка зрения развивается в написанной им главе книги «Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая», Изд-во «Юридическая литература», 1966, стр. 227—231.

сведения о фактах и только путем проверки и оценки этих сведений устанавливаются, доказываются факты, имеющие для дела значение. И все же это понимание доказательств принять нельзя, так как несомненно то, что *одни факты* могут быть доказаны (или опровергнуты) *другими фактами*, из одних фактов можно сделать вывод о других фактах. В процессе доказывания фактов, имеющих для дела значение, следователю и суду постоянно приходится из одних фактов делать вывод о других фактах, для чего необходимо исследовать причинную связь между этими фактами. Например, в случае нахождения при обыске у обвиняемого похищенной у потерпевшего вещи особо подлежит выяснению наличие (или отсутствие) причинной связи между этим фактом и фактом совершения преступления: является ли причиной нахождения у обвиняемого данной вещи совершение им кражи или здесь налицо следствие другой причины, например покупки обвиняемым этой вещи у другого лица. В первом случае факт нахождения у обвиняемого похищенной вещи будет служить доказательством (одним из доказательств) совершения обвиняемым кражи. Таким образом, доказанный факт сам может служить средством доказывания другого факта⁶.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство отнюдь не устраняет двойного значения понятия доказательства, а полностью сохраняет его. Иначе и быть не может, так как двойное значение понятия доказательства — это не что-либо надуманное, искусственное; оно вытекает из самого существа доказательств как способов, средств установления фактических обстоятельств дела, обнаружения по делу объективной, материальной истины⁶.

⁶ В. Я. Дорохов убедительно опроверг взгляд, согласно которому сведения о факте, полученные из определенного процессуального источника, не являются доказательством этого факта. Но с его утверждением, что доказанный факт не может быть доказательством другого факта, нельзя согласиться, и оно вовсе не подкрепляется тем соображением, что, пока не закончился процесс доказывания, ни один факт нельзя считать достоверно установленным («Советское государство и право», 1964, № 9, стр. 114; «Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая», стр. 231, 260—263). Понятие «фактические данные», содержащееся в ст. 16 Основ уголовного судопроизводства, В. Я. Дорохов отождествляет с понятием «сведения о фактах». Конечно, окончательное разрешение дело получит лишь в приговоре суда, и именно в приговоре суда окончательно устанавливается, что доказано, что не доказано (кроме случаев прекращения дела), но в *процессе доказывания* то лицо, которое что-либо доказывает, все время доказывает факты определенными источниками сведений о них, а затем этими фактами доказывает другие факты. А суд делает окончательный вывод, решает дело.

³ Некоторые авторы вполне основательно утверждают, что действующее уголовно-процессуальное законодательство полностью сохранило двойное значение понятия доказательства как источника сведений о фактах и как фактов, доказывающих другие факты (Р. Д. Рахун о в. О понятии доказательства и о главном факте доказывания, «Советское государ-

§ 2. Процесс доказывания

Доказывание — это установление при помощи доказательств всех фактов, обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела — совершение (или несвершение) преступления, виновность (или невиновность) того или иного лица в совершении преступления и все иные обстоятельства, определяющие ответственность совершившего преступление лица.

Иными словами, доказывание — это пользование доказательствами для выяснения обстоятельств уголовного дела. В этом значении понятие доказывания равнозначно, тождественно понятию *исследования*, которое производится на предварительном следствии и в судебном разбирательстве и которое состоит в собирании, проверке и оценке доказательств и в выяснении при помощи доказательств всех фактов, обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела.

Из этого вытекает, что доказывание есть *процесс познания истины* по расследуемому и рассматриваемому судом уголовному делу. Чтобы правильно разрешить дело, необходимо установить, найти по делу истину — объективную, материальную истину, т. е. установить в полном и точном соответствии с действительностью само событие преступления, виновность определенного лица в совершении этого преступления и все обстоятельства, определяющие степень ответственности этого лица за содеянное, или же убедиться в обратном, т. е. в том, что в действительности преступление не было совершено, привлеченное лицо не виновно. Это познание истины по расследуемому и рассматриваемому судом делу представляет собой сложный процесс: собираются и проверяются доказательства, устанавливающие отдельные, имеющие значение для дела факты, от этих фактов исследование переходит к другим фактам, постепенно выясняются одни обстоятельства, потом другие, пока все обстоятельства дела не будут приведены в полную ясность⁷.

Все это исследование, установление фактов, обстоятельств дела происходит при помощи доказательств, и только доказательства: только этим способом раскрывается преступление, изобличается преступник, только на основе доказательств, собранных по делу, и из совокупности этих доказательств следователь

ство и право», 1965, № 12, стр. 96—99; П. А. Лупинская, В. М. Галкин. Доказательства в советском уголовном процессе. Изд. ВЮЗИ, 1960, стр. 7; А. И. Трусов. Основы теории судебных доказательств. Госюриздат, 1960, стр. 48—51; М. П. Шаламов. Теория улик. Госюриздат, 1960, стр. 9, 10).

Процесс доказывания подвергнут обстоятельному исследованию в монографии профессора Р. С. Белкина «Собирание, исследование и оценка доказательств» и в книге «Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая» (стр. 291—330, 379—420).

й суд делают Свои выводы относительно преступления, виновности (или невиновности) обвиняемого.

Доказывание как познание истины по делу подчиняется определенным логическим правилам, согласно которым происходит познание любых явлений действительности. Так накапливается определенный фактический материал, который подвергается анализу, разделяется на части, выясняются отдельные детали, стороны исследуемых фактов, после чего делается обобщающий, синтезирующий вывод о всем исследуемом событии. На основе тех данных, которые уже имеются, строится определенная *гипотеза*, именуемая в уголовном процессе *версией*, эта гипотеза тщательно проверяется. Если материалы дела дают основания для нескольких гипотез, все они проверяются до тех пор, пока не подтвердится только одна, а все остальные отпадут. Исследование все время идет и индуктивным путем — от отдельных фактов к более общим выводам, и дедуктивным путем — от тех или иных обобщающих положений к частным выводам относительно отдельных фактов, обстоятельств и отдельных их признаков, сторон. Как всякий процесс познания, процесс доказываний] по уголовному делу — это *мыслительная работа* следователя \ и судьи над собираемым, разыскиваемым доказательственным материалом и это в то же время *деятельность, совокупность действий*, совершаемых следователем и судьями, направленных на соби́рание и проверку доказательств (допросы, осмотры и т. д.)⁸.

Как видно из изложенного выше, мы отождествляем доказывание в уголовном судопроизводстве с познанием истины по уголовным делам: процесс доказывания и есть процесс познания фактов, обстоятельств уголовного дела⁹.

⁸ О логическом процессе познания истины в уголовном процессе см.: А. А. Старченко. Логика судебного исследования. Госюриздат, 1958; он же. Роль аналогии в познании. Изд-во «Высшая школа», 1961; он же. Гипотеза. Изд-во МГУ, 1962.

⁹ В юридической литературе было высказано к лное мнение, различающее понятия познания и доказывания. Так, А. Р. Ратинов считает, что понятие доказывания в уголовном процессе шире понятия познания, так как наряду с познанием фактов оно включает деятельность, удостоверяющую правильность полученных знаний. Автор пишет: «В судебном доказывании познание сопровождается специальной деятельностью, удостоверяющей правильность полученных знаний и принятых решений», «...судебное доказывание имеет познавательную и удостоверительную сторону» (А. Р. Р а т и н о в . Вопросы познания в судебном доказывании. «Советское государство и право», 1964, № 8, стр. 107). Это же утверждается в книге «Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая» (стр. 296, 297). Конечно, добытые в процессе познания сведения должны быть удостоверены, обоснованы, закреплены. Но такая, по выражению А. Р. Ратинова, «удостоверительная деятельность» не есть нечто отличное от процесса познания, а составляет необходимое свойство последнего, так как иначе сам исследователь не может убедиться в том,

Весь процесс доказывания, т. е. исследования, познания в уголовном процессе протекает в определенном процессуальном порядке, облекается в определенные процессуальные формы. Этим создаются важные и действенные гарантии того, что исследуемые факты будут установлены правильно, в соответствии с действительностью, т. е. будет установлена истина. Познание в уголовном процессе, как и всякое подлинное познание, направлено на достижение истины, и процессуальные формы содействуют обнаружению истины и предотвращают от возможного заблуждения, от ошибок.

Поэтому совершенно неправильно делаемое иногда противопоставление познания в судебной и следственной деятельности научному познанию в том смысле, что научное познание удовлетворяется только действительной истиной и достигает ее, тогда как познание в уголовном процессе как деятельность практическая не может претендовать на точность научного познания и удовлетворяется приблизительными, более или менее верными выводами.

Конечно, это не так. Исследование в уголовном процессе отличается от научного, от лабораторного исследования вовсе не пониженными, по сравнению с последним, требованиями к истинности выводов. Более того, в научном исследовании исследователь в ряде случаев принужден удовлетворяться гипотезой, проблематичными выводами с расчетом, что в дальнейшем развитии наука достигнет истины там, где данному исследователю достигнуть ее не удалось. В исследовании же в уголовном процессе, по уголовному делу подобными результатами удовлетвориться нельзя, так как здесь решается судьба живого человека и она будет решена в результате расследования и разрешения данного дела, без всякого расчета на возможность пересмотра его в будущем. Виновен или не виновен человек, привлеченный к ответственности по данному уголовному делу, необходимо решить теперь же, пока ведется производство по этому делу, и от того, как будет решено дело, зависит достоинство, честь, свобода, иногда жизнь этого человека. Ясно, что здесь не может быть и речи о меньшей достоверности результатов исследования, чем в научном познании, а может быть речь лишь о более высоких гарантиях обнаружения истины.

Процессуальные гарантии, установленный законом порядок расследования и судебного разбирательства дела, процессуальные

что полученные им сведения правильны, истинны. Автор пишет: «Индивидуальное познание может удовлетвориться доказыванием «для себя», но чтобы стать общим достоянием, полученные знания должны быть надлежащим образом обоснованы и документированы» («Советское государство и право», 1964, № 8, стр. 107). Это утверждение неверно. Индивидуальное познание никак не может удовлетвориться познанием «для себя», если оно действительное, научное познание и познающий хочет быть уверен, что узнанное им — действительно истина.

права, предоставленные законом участникам процесса, — все это служит цели обнаружения истины по делу, достижению вполне достоверных результатов, устранению неверных, необоснованных, сомнительных утверждений и выводов.

Специфическими чертами, свойствами исследования в уголовном процессе является то, что все действия следствия и суда, при помощи которых собираются доказательства, совершаются в предусмотренных законом процессуальных формах и каждое доказательство имеет силу лишь при условии, если оно получено из предусмотренного законом источника и закреплено в предусмотренном законом процессуальном порядке. Так, все факты, обстоятельства дела устанавливаются не иначе, как показаниями свидетелей, показаниями потерпевшего, показаниями подозреваемого, показаниями обвиняемого, заключением эксперта, вещественными доказательствами, протоколами следственных и судебных действий и иными документами (ч. 2 ст. 16 Основ уголовного судопроизводства; ч. 2 ст. 69 УПК РСФСР). Каждое из этих доказательств имеет доказательственную силу лишь тогда, когда оно получено и закреплено в установленном законом процессуальном порядке, облечено в предусмотренную законом процессуальную форму. Например, показание свидетеля должно быть получено путем его допроса в порядке ст. 158 и 283 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик.

Весь этот процессуальный порядок, все эти процессуальные формы не только не препятствуют достижению истины, не снижают достоверности выводов следствия и суда, а, наоборот, содействуют правильности расследования и разрешения дела по существу.

»

Доказывание, т. е. исследование различных фактов, обстоятельств дела, производится судьями, прокурором, следователем и лицом, производящим дознание. В ст. 3 Основ уголовного судопроизводства сказано: «Суд, прокурор, следователь и орган дознания обязаны в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления, принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию». Событие преступления и лицо, виновное в совершении преступления, устанавливаются при помощи доказательств, не иначе как в результате процесса доказывания.

В ст. 14 Основ уголовного судопроизводства говорится: «Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, вы-

явить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства».

Выявление, исследование всех обстоятельств дела происходит обязательно при помощи доказательств, в процессе доказывания. Таким образом, доказывание в смысле исследования, познания истины по уголовному делу производится органами, расследующими и разрешающими дело: судом, прокурором, следователем, органом дознания. В деятельности этих органов в процессе доказывания участвуют иные лица: потерпевший, обвиняемый, защитник, гражданский истец, гражданский ответчик.

Но понятие доказывания имеет и иное значение: *доказывание определенного тезиса, обоснование определенного утверждения*. В этом смысле следователь, сформулировав обвинение и предъявив его обвиняемому в порядке ст. 143, 144 и 148 УПК РСФСР, доказывает это обвинение, подтверждает его определенными доказательствами. Прокурор, утвердив обвинительное заключение и направив дело в суд, поддерживает в суде обвинение, доказывает суду правильность обвинения.

Доказывание в смысле обоснования определенного тезиса осуществляет тот участник процесса, который этот тезис выдвинул, — в данном случае следователь и прокурор в отношении предъявленного обвиняемому и поддерживаемого в суде обвинения¹⁰.

§ 3. Следственные и судебные версии

Доказывание имеет целеустремленный характер, оно направлено к обнаружению по делу *истины*. А для этого исследование обстоятельств дела должно быть полным, объективным, всесторонним, непредвзятым. Это достигается тем, что по каждому расследуемому и рассматриваемому судом делу должны быть выяснены и проверены все возможные по обстоятельствам дела объяснения исследуемых фактов, а не принято заранее лишь то объяснение, которое основывается на сразу возникшем подозрении и с первого взгляда кажется наиболее вероятным.

Это значит, что по поводу фактов, подлежащих исследованию, в ряде случаев необходимо по обстоятельствам дела выдвинуть различные конкретные варианты, возможные объяснения с тем, чтобы каждое из них проверить, отбросить неподтвердившееся, принять то, которое подтвердилось. Такие *возможные, конкретные варианты, возможные объяснения подлежащих исследованию по делу фактов называются версиями* (от латинского слова *versio* — оборот).

По тому или иному уголовному делу могут быть построены различные версии одного и того же факта. Например, если воз-

Подробнее об этом см. § 6 настоящей главы.

буждейо и ведетСЯ производство но Делу об убийстве, основанием к чему послужило обнаружение трупа со следами насильственной смерти, могут быть построены следующие версии: 1) убийство; 2) самоубийство; 3) несчастный случай. Исследованы должны быть все три версии. Если предположения о самоубийстве и несчастном случае оппали и подтверждается факт убийства, по этому поводу могут быть в зависимости от обстоятельств дела построены такие версии: 1) убийство с целью грабежа; 2) убийство из ревности близким человеком; 3) убийство из мести за причиненную обиду и т. п.

Если возбуждено и ведется производство по делу о хищении социалистической собственности, основанием к чему послужило обнаружение ревизией недостачи ценностей на складе или в магазине, могут быть построены такие версии: 1) присвоение данных ценностей должностным лицом, в ведении которого они находились; 2) кража этих ценностей посторонним лицом проникшим в помещение; 3) безотчетное расходование этих ценностей; 4) результат халатности, непринятия мер к сохранению ценностей; 5) запутанность учета, что повлекло расхождение книжных записей с наличными ценностями при фактической их сохранности и др.

При расследовании и судебном разбирательстве уголовного дела должны быть построены все возможные по обстоятельствам дела версии, каждая из них тщательно проверена, для чего должны быть собраны доказательства, относящиеся к каждой версии. Если в результате такой проверки версий все они, кроме одной, будут опровергнуты и только одна найдет полное и объективное подтверждение доброкачественными и достоверными доказательствами, это даст возможность следствию и суду прийти к достоверному выводу, установить материальную истину.

По своей логической структуре версия является видом, формой гипотезы, и проверка каждой версии происходит тем же путем, каким проверяются гипотезы в любой области научной и практической деятельности. Из предполагаемой причины исследуемого явления выводят вытекающие из нее следствия; затем выясняют практически, путем исследования, имеются ли эти следствия в действительности. Если таких следствий нет, предположение отпадает как не подтвердившееся, если же они имеются, это хотя и не дает оснований считать гипотезу подтвержденной в полной мере, так как они могли последовать от другой причины, но делает данное предположение в той или иной мере вероятным¹².

О гипотезе см.: М. С. Строгович. Логика. Госполитиздат, 1949, стр. 304—313; А. А. Старченко. Гипотеза. Вопрос о версиях на предварительном следствии хорошо освещен в кн.: А. М. Ларин. Работа следователя с доказательствами. Изд-во «Юридическая литература», 1966.

Данная версия Может считаться подтвержденной в полной мере и предположение может превратиться в вполне достоверный вывод при наличии следующих условий: 1) построены все возможные по обстоятельствам дела версии, не упущена ни одна; 2) все версии тщательно и всесторонне проверены; 3) все версии, кроме одной, опровергнуты собранными доказательствами, оказались ложными; 4) одна, и только одна, версия подтверждена с полной несомненностью вполне достоверными доказательствами; 5) эта одна версия находится в полном соответствии со всеми обстоятельствами дела, полностью их объясняет и является единственно возможным выводом из всех обстоятельств дела¹².

Конструирование и проверка версий дают возможность точно определить круг обстоятельств, подлежащих исследованию, и указывают те направления, в которых следует искать доказательства, необходимые для правильного разрешения дела, для установления по делу материальной истины.

Конструирование и проверка всех возможных по обстоятельствам дела версий обеспечивают объективность и всесторонность исследования обстоятельств дела. Крайне существенным препятствием для правильного разрешения дела является односторонность расследования, когда исследуется только одна версия и игнорируются другие возможные версии. Это влечет серьезные ошибки в разрешении судом вопроса о виновности привлеченных к уголовной ответственности лиц, на что неоднократно указывал в своих решениях Верховный Суд СССР¹³.

¹² Вызывает серьезные возражения утверждение А. Р. Ратинова: «Несомненно, что исключение всех иных возможностей необходимо для доказывания определенного положения, но при этом *вовсе не обязательно специально исследовать и доказывать ошибочность всех возможных предположений. Тот же результат достигается путем достоверного подтверждения правильной интерпретации события, исключающей все иные объяснения* (выделено мной. — М. С). Так, доподлинно установив совершение данного преступления именно этим обвиняемым, по таким-то мотивам и точно определенным способом, мы тем самым исключаем совершение этого преступления кем-то другим, иным -способом и по иным мотивам» (А. Р. Р а т и н о в . Вопросы следственного мышления в свете теории информации. «Вопросы кибернетики и право». Изд-во «Наука», 1967, стр. 185). Это утверждение неверно потому, что, пока не проверены и не отброшены все иные объяснения события, нельзя считать вполне достоверным данное объяснение, как бы убедительно оно ни казалось, как бы тяжели ни были собранные против обвиняемого улики. Следственная и судебная практика знает случаи, когда задержанный на месте преступления, около тела убитого, с окровавленными руками и одеждой оказывался ни в чем неповинным человеком, поспешившим на крик потерпевшего и пытавшимся оказать ему первую помощь. Вообще могут быть самые различные случаи, самые неожиданные сплетения обстоятельств. Ситуация убийства, описанная в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского, далеко не лишена жизненности.

¹³ См., например: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25 июня 1958 г. по делу Овняняна («Сборник постановлений Пленума и определенных коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса,

4. Этапы процесса доказывания

Процесс доказывания в смысле исследования, установления фактов, обстоятельств дела при помощи доказательств заключается в определенной деятельности, которая производится в отношении доказательств.

Этот процесс происходит в установленном законом процессуальном порядке и состоит из следующих этапов: 1) обнаружение доказательства, 2) рассмотрение и процессуальное закрепление доказательства, 3) проверка доказательства и 4) оценка доказательства¹⁴. Рассмотрим каждый из этих этапов процесса доказывания.

Обнаружение доказательства. Чтобы установить тот или иной факт, необходимо прежде всего обнаружить соответствующее доказательство, например, найти лицо, которое знает что-либо об этом факте и может быть допрошено в качестве свидетеля, найти вещественное доказательство, хранящее а себе следы преступления, и т.д.

Своевременное обнаружение всех доказательств, устанавливающих существенные факты по делу, — необходимое условие успешного, правильного расследования и разрешения уголовного дела.

Рассмотрение и процессуальное закрепление доказательства. Обнаруженное по делу доказательство должно быть воспринято следователем, расследующим дело, и судом, разбирающим дело, в установленном процессуальным законом порядке. Так, свидетель должен быть допрошен, его показания должны быть выслушаны следователем и судом, вещественное доказательство должно быть осмотрено.

Каждое доказательство при этом должно быть зафиксировано в установленных законом процессуальных формах. Например, осмотр вещественного доказательства должен быть зафиксирован в протоколе осмотра.

Из изложенного видна неразрывная связь между обнаружением доказательства и его рассмотрением и процессуальным закреплением: пока доказательство не рассмотрено и не закреплено процессуально, нельзя утверждать, что доказательство действительно обнаружено, так как еще не известно, что именно обнаружено и является ли действительно доказательством то, что обнаружено.

1946—1962 гг.». Изд-во «Юридическая литература», 1964, стр. 79), определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 13 сентября 1966 г. по делу Надточего («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1967, № 3, стр. 30-36).

¹⁴ Об «этапах» процесса доказывания можно говорить лишь условно, ибо они не отделены один от другого так, что сначала заканчивается один этап и лишь после этого начинается следующий. Как мы увидим дальше, эти этапы взаимосвязаны.

Необходимо, чтобы каждое доказательство было детально, обстоятельно рассмотрено следствием и судом и закреплено в точном соответствии с требованиями процессуального закона.

Проверка доказательства. Всякое доказательство, для того чтобы оно могло быть положено в основу выводов следствия и суда, должно быть проверено, необходимо удостовериться в его правильности (или неправильности).

Наличие в деле доказательства какого-либо факта еще не предрешает доказанности этого факта: доказательство может быть недостоверным, сомнительным, недостаточным для того, чтобы на его основании считать этот факт установленным. Например, по делу надо установить факт нахождения обвиняемого в данном месте в такое-то время. Этот факт доказывается показаниями свидетеля, который удостоверяет, что он видел обвиняемого в данном месте именно в это время. Показания свидетеля есть доказательство факта нахождения обвиняемого в данном месте. Но сделать из этого доказательства вывод о действительном нахождении обвиняемого в данном месте можно лишь после того, как следствие и суд удостоверятся в том, что показания этого свидетеля правдивы, что свидетель говорит правду.

Чтобы удостовериться в правильности доказательства, его необходимо подвергнуть проверке. Способы проверки доказательства таковы:

а) *исследование самого доказательства.* Например, если свидетель показал, что он видел такой-то факт, свидетель подробно допрашивается об этом факте и путем допроса выясняются обстоятельства, служащие основанием для вывода о достоверности или недостоверности показаний;

б) *отыскание новых доказательств, подкрепляющих или опровергающих это доказательство.* Например, если свидетель показал, что он видел такой-то факт, допрашиваются и другие свидетели об этом же факте;

в) *сопоставление доказательства с другими доказательствами, имеющимися в деле.* Каждое доказательство для его проверки необходимо сопоставить с другими доказательствами, сравнить его со всеми установленными по делу обстоятельствами, обнаружить их совпадения и противоречия и разъяснить эти противоречия.

Каждое доказательство должно быть проверено на следствии и на суде; ни одно доказательство не может быть принято на веру, без его проверки. Оставление того или иного важного для дела доказательства без проверки или недостаточная его проверка могут повлечь неправильность расследования и разрешения дела.

Оценка доказательства является итогом его проверки и состоит в признании существования или несуществования того факта, который этим доказательством устанавливается. Иными словами, оценка доказательства заключается в выводе о достоверности

или недостоверности доказательства (например, правильно ли показывает свидетель, не лжет ли он, не ошибается ли, правильно ли излагает тот или иной факт) и о доказанности или недоказанности факта, сведения о котором содержатся в данном доказательстве. По уголовному делу оценке подлежат каждое отдельное доказательство и вся их совокупность, вся сумма собранных по делу улик, так как каждое доказательство может быть оценено со всей полнотой не изолированно, а в совокупности со всеми имеющимися по делу доказательствами, в связи со всеми обстоятельствами дела. Только таким образом можно на основе собранных по делу доказательств правильно разрешить дело, установить его обстоятельства в точном соответствии с действительностью¹⁵.

Оценка доказательств включает в себя два момента — *анализ* и *синтез*.

Анализ доказательств означает: а) расчленение всей совокупности собранных по делу доказательств на отдельные доказательства, отграничение каждого доказательства от других доказательств; б) расчленение каждого отдельного доказательства на его составные части, выделение в нем отдельных фактов, утверждений, черт; в) сопоставление отдельных элементов каждого доказательства друг с другом и каждого доказательства с другими доказательствами.

Синтез доказательств означает получение вывода из собранных по делу доказательств, установление на основе всех доказательств фактов и обстоятельств расследуемого и разбираемого судом дела.

Анализ и синтез в оценке доказательств не могут быть разобщены, между ними существует неразрывная связь. Практически это означает, что в процессе расследования и разбирательства дела следствие и суд анализируют все собранные по делу доказательства и на их основе устанавливают те или иные факты, исходя из которых собираются новые доказательства, на их основе делаются новые выводы и т. д. Весь процесс исследования обстоятельств дела представляет собой движение следствия от известных фактов к фактам неизвестным, пока все существенные обстоятельства дела не будут выяснены, а это и есть в логическом отношении сочетание анализа и синтеза.

Такова оценка доказательства. Оценка доказательства не может быть механически отделена от его проверки. С одной стороны, оценка доказательства вытекает из его проверки, обуславливается его проверкой, а с другой — сама проверка доказательства зависит от степени его убедительности, т. е. его оценки. Таким об-

разом, не следует думать, что проверка и оценка доказательства строго разделяются во времени, что сначала доказательство только проверяется, а потом только оценивается: оба эти момента практически переплетаются, сочетаются.

Однако нельзя и отождествлять проверку и оценку доказательств, ибо это разные, не совпадающие в полной мере моменты процесса доказывания. Наиболее отчетливо различие между проверкой и оценкой доказательств выступает в судебном разбирательстве дела. Судебное следствие, на котором суд с участием сторон допрашивает подсудимого, свидетелей и экспертов, осматривает вещественные доказательства и оглашает документы, представляет собой главным образом проверку доказательств, хотя здесь же происходит в известной мере и оценка доказательств, в зависимости от которой определяются направление и объем исследования обстоятельств дела. Обсуждение же судом дела в совещательной комнате и постановление приговора есть главным образом оценка доказательств, хотя тут же суд производит и их проверку в той мере, в какой это возможно по окончании судебного следствия (путем анализа отдельных доказательств и их сопоставления одного с другим). Нетрудно увидеть также, что в проверке доказательств преобладает анализ, а в оценке — синтез, хотя анализ и синтез имеются и в проверке, и в оценке доказательств. Особенно отчетливо проявляется неразрывная, органическая связь анализа и синтеза в оценке доказательств (поэтому мы и рассматриваем анализ и синтез применительно к оценке доказательств).

Весь процесс пользования доказательствами направлен на то, чтобы полно и всесторонне исследовать обстоятельства дела, установить эти обстоятельства в соответствии с действительностью, т. е. найти истину. Установление следователем и судом фактов, обстоятельств расследуемого преступления есть познание этих фактов. Для успешного познания требуется применение марксистского диалектического метода. Хотя предметом исследования по уголовному делу являются отдельные, конкретные факты, события, происшедшие в определенном месте и в определенное время, а не закономерности развития явлений действительности, как в научном исследовании, но эти факты, события, поступки людей, их поведение связаны с определенными общественными условиями. Чтобы правильно установить такие факты, надо выяснить подчас сложные взаимоотношения людей, понять мотивы их действий, разобраться в обстоятельствах дела, отделить существенное от случайного, обнаружить скрытые, но важные факты и отбросить несущественные факты, подчас бросающиеся в глаза, но не нужные для правильного решения дела.

Применение диалектического метода в процессе доказывания состоит во всестороннем исследовании имеющих для дела значение фактов, событий в их конкретном жизненном своеобразии,

¹⁵ С оценкой доказательства связано определение относимости и допустимости доказательства, но это не оценка доказательства по существу, а лишь то, что предшествует такой оценке (об относимости и о допустимости подробно см. § 1 гд, XI и § 1 гл, XIII),

в их связи и взаимозависимости, в правильном, соответствующем объективной действительности познании этих фактов.

Вместе с тем в процессе доказывания крайне важное значение имеет соблюдение законов, правил формальной логики. Одно соблюдение правил формальной логики, следование только ее законам недостаточно для обнаружения истины — ни в уголовном процессе, ни в научном исследовании, но без соблюдения законов формальной логики обнаружение истины вообще невозможно. Выводы следствия и суда о доказанности или недоказанности тех или иных фактов всегда облекаются в логическую форму умозаключения, образуют цепь взаимосвязанных умозаключений. Поэтому всякий вывод должен быть строго логичным, каждое утверждение следствия и суда должно логически вытекать из правильных, достоверных посылок, опираться на несомненные, твердо установленные факты. В этом процессе доказывания имеет место и индуктивное исследование фактов, и умозаключение от фактов известных к фактам неизвестным, и дедуктивное выведение из установленных по делу положений вытекающего для данного конкретного случая заключения, и применение логических приемов построения и проверки гипотезы, и многие другие логические приемы. Любая логическая ошибка может привести к ошибке в разрешении уголовного дела по существу¹⁸.

В последние годы распространились попытки применить к исследованию доказательств кибернетику. Задача ставится более широко — использовать достижения кибернетики в различных сферах права, правовой деятельности, правового регулирования. В частности, это относится к пользованию доказательствами в следственной и судебной деятельности (см. «Вопросы кибернетики и право», особенно статьи этого сборника: «Судебное доказывание в свете идей кибернетики» А. И. Трусова, «Некоторые вопросы оценки как количественной характеристики достоверности доказательств» А. А. Эйсмана, «Вопросы следственного мышления в свете теории информации» А. Р. Ратинова).

Такие проблемы, несомненно, заслуживают серьезного внимания, но они очень сложны и спорны. Пока предложения выдвигаются в порядке намечки контуров будущих научных исследований и их направления. Не имея возможности в данном Курсе рассмотреть вопросы применения кибернетики к исследованию доказательств в уголовном процессе и считая, что они должны быть подвергнуты самостоятельному глубокому и всестороннему научному исследованию, укажу лишь в общем виде следующее.

Несомненно, кибернетика может много сделать и принести существенную пользу для изучения и обобщения следственной и судебной практики, включая практику пользования доказательствами, содействовать обнаружению наиболее распространенных ошибок и, наоборот, выработанных в практике целесообразных, эффективных и оправдавших себя приемов. Так, кибернетика может содействовать изучению свидетельских показаний и выработке способов распознавания ошибок в этих показаниях, а также разработке вопросов криминалистической экспертизы (см.: Г. М. Л а н ц м а и. Кибернетика и криминалистическая экспертиза почерка. Изд-во «Наука», 1968). Но здесь необходимо устранить некоторые ошибочные установки, проявляющиеся в этой области и об-

ё

Пользование доказательствами производится на основе процессуального закона и в соответствии с его требованиями.

Совокупность процессуальных норм, устанавливающих основания и порядок доказывания фактов, имеющих значение для дела, носит название *доказательственного права*. Доказательственное право является частью уголовно-процессуального права (равно как — с соответствующими изменениями — и гражданского процессуального права).

В основе доказательственного права и опирающейся на него деятельности органов следствия, прокуратуры и суда лежат

условленные, очевидно, новизной проблемы и связанными с нею увлечениями и крайностями. Так, не приносит никакой пользы исследованию проблемы чисто механический перевод обычных процессуальных терминов на язык терминологии теории информации, когда, например, доказательство по судебному делу определяется как «сигнал информации», протоколирование показаний на допросе рассматривается как «перекодирование сигнала с одного «физического алфавита» на другой», слепок следа ноги на месте преступления — это «модель», а версия, проверяемая следователем, — «идеальная логическая модель» («Вопросы кибернетики и право», стр. 20, 26, 187, 193). Но если такие, чисто терминологические операции представляют собой сравнительно невинное упражнение, то значительную опасность таит в себе высказываемое иногда соображение или предположение о возможности использования кибернетических способов для того, чтобы при помощи электронно-вычислительных машин решать вопрос о доказанности или недоказанности виновности обвиняемого в совершении преступления. Суть этой «идеи» состоит в том, чтобы электронно-вычислительная машина на основе информации о собранных по делу доказательствах решала вопрос, совершил или не совершил обвиняемый инкриминируемое ему деяние. Конечно, такие предложения подчас высказываются в завуалированной форме, обставляются различными оговорками. Так, например, сенсационный заголовок одной опубликованной на эту тему статьи «Рассуди, машина!» («Литературная газета», 18 сентября 1965 г.) ясно показывает направление, в котором работает мысль сторонников такой точки зрения (хотя содержание статьи изложено более осторожно и сдержанно, чем ее заглавие). Справедливость требует отметить, что в книге «Кибернетика и вопросы права» мы встречаем некоторое, хотя и неразвернутое указание на, «невозможность применения счетно-решающих машин непосредственно для оценки доказательств» (стр. 176). Иными словами, как нам кажется, развернутой, разработанной теории в данной области еще нет, по направлению развития мысли выражается более или менее ясно.

Следует категорически исключить какую-либо механизацию в разрешении судом вопроса о виновности и степени ответственности привлеченных по уголовному делу лиц, преуменьшение или исключение роли внутреннего убеждения и правосознания судей, возложение, хотя бы частичное или предварительное, на электронно-вычислительные машины функции отвечать на вопросы о том, доказано ли, что обвиняемый виновен в совершении преступления и несет за него ответственность, и какова степень его ответственности. Это решают и будут решать люди, и только они, судьи, на основании закона, по своему убеждению, по своей совести, опираясь на факты, учитывая все индивидуальные конкретные обстоятельства каждого отдельного дела.

бпредеденные принципы, т. е. основные руководящие правовые положения.

/ Совокупность принципов, положенных в основу действующих / процессуальных норм, относящихся к доказательствам, составляет *теорию судебных доказательств*. Эти принципы положены в основу / действующего уголовного-процессуального права, действующего / процессуального законодательства и судебной практики.

i Такими принципами теории доказательств в советском уголовном процессе являются: 1) объективная, материальная истина как / цель и результат пользования доказательствами; 2) внутреннее / (убеждение судей как основа оценки доказательств и 3) презумпция / невиновности.

i В принципах теории доказательств находят свое выражение основные принципы советского уголовного процесса, которые нами уже были рассмотрены. Говоря о принципах теории доказательств, мы выделяем такие положения, которые имеют наиболее близкое, непосредственное отношение к доказательствам, к пользованию ими в уголовном процессе. При этом мы считаем необходимым вновь, более подробно, под специфическим углом зрения доказательственного права рассмотреть ряд положений, в более общем виде уже рассмотренных нами при исследовании основных принципов уголовного процесса.

§ 5. Объективная, материальная истина

В главе V было сказано о принципе объективной, материальной истины как об одном из основных, руководящих принципов советского уголовного процесса. Свое осуществление в уголовном процессе принцип материальной истины находит в результате правильного пользования органами следствия, прокуратурой и судом доказательствами: именно при помощи доказательств и посредством их устанавливается по уголовным делам материальная истина.

Повторим определение материальной истины.

Материальной истиной в уголовном процессе называется полное и точное соответствие объективной действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах расследуемого и разрешаемого дела, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц.

Материальная истина — это объективная истина. Марксистско-ленинская теория познания понимает объективную истину как соответствие человеческих мыслей, суждений, представлений о предметах действительности самим этим предметам, каковы они есть в действительности, независимо от воспринимающего их сознания. Истинна только та мысль, которая верно отражает тот или иной предмет, то или иное явление объективной действительности,

соответствует ему, согласуется с ним. Поэтому истина всегда есть объективная истина, иначе она не истина, а заблуждение, ошибочно принимаемое за истину. Вопрос о природе объективной истины всесторонне разработан классиками марксизма-ленинизма, особенно Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге» и В. И. Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме».

Понятие материальной истины в уголовном процессе есть применение философского общего понятия объективной истины к познанию тех фактов, событий, которые составляют специальную область судебного исследования по уголовным делам. Выводы следствия и суда, их утверждения по рассматриваемому уголовному делу истинны тогда, когда отражают факты, события так, как они произошли в действительности. Материальная истина в уголовном процессе достигается тогда, когда суд своим приговором признает виновным того, кто в действительности совершил преступление, и вменяет ему в вину именно то преступление, которое этим лицом совершено.

Достижение по уголовным делам материальной истины означает обнаружение и осуждение лиц, действительно совершивших преступление. Наоборот, неосновательное осуждение лица, не совершившего преступления, означает недостижение по данному делу материальной истины, ошибочное разрешение дела. Равно материальная истина является достигнутой, если суд оправдал невиновного человека, неосновательно привлеченного к уголовной ответственности; наоборот, оставление безнаказанным действительного преступника означает недостижение материальной истины, неправильное разрешение дела.

Задачи социалистического правосудия по уголовным делам находят свое осуществление при обязательном условии, что по разрешаемым судом делам достигнута материальная истина. Требование достижения по уголовным делам материальной истины есть требование обоснованности, справедливости судебных приговоров.

Марксизм-ленинизм учит, что объективная истина познаваема, доступна человеческому сознанию, которое может правильно отражать объективную действительность. Критерием правильности наших знаний, истинности наших мыслей, представлений является практика, проверка опытом.

Соответственно этому материальная истина познаваема, доступна для суда, который может ее установить, обнаружить по разрешаемым им делам. Чтобы достигнуть эту истину по конкретному уголовному делу, необходимо тщательно, всесторонне исследовать обстоятельства дела, энергично и умело собрать все возможные по обстоятельствам дела доказательства и проверить их всеми законными способами, подтвердить все выводы по делу вполне достоверными фактами. Для обнаружения материальной истины необходимо использование накопленных следственной и судебной

практикой опыта и знаний, выработанных специальными техническими и естественными науками.

Материальная истина в уголовном процессе есть объективная истина, иначе она не была бы и истиной. Истина, если она подлинная, действительная истина, — всегда объективная истина, т. е. правильное отражение в сознании человека объективной действительности, соответствие мысли о предмете самому этому предмету, как он существует в действительности, объективно, независимо от сознания познающего этот предмет человека*

Поэтому устанавливаемую, познаваемую по уголовному делу истину можно именовать объективной или материальной истиной, а можно соединить оба эти термина (что мы и делаем).

Материальная истина и объективная истина — это не разные понятия, а одно и то же понятие, термин «материальная истина» служит для обозначения объективной истины, а не чего-либо другого.

Объективную истину, исследуемую, устанавливаемую следствием и судом по уголовным делам, мы называем материальной истиной, чтобы подчеркнуть специфические черты объективной истины в уголовном процессе.

Эти специфические черты заключаются в следующем:

1) объективная истина в уголовном процессе есть *истина факта*, ее содержание составляет конкретный факт преступного деяния, совершенного определенным лицом в определенное время и в определенном месте;

2) эта истина устанавливается только при помощи указанных в процессуальном законе средств, в определенном юридическом, процессуальном порядке.

Значит, истина, устанавливаемая по уголовным делам, заключается в соответствии выводов следствия и суда объективной действительности, но эти выводы делаются только из тех данных, которые собраны и исследованы в установленном законом процессуальном порядке, облечены в предусмотренные законом процессуальные формы. Соблюдение процессуального порядка, процессуальных форм обязательно для того, чтобы выводы следствия и суда могли быть признаны истинными, но одного этого еще недостаточно: выводы должны быть истинны не формально, а по существу, т. е. *материально*. Поэтому и говорят о материальной истине в уголовном процессе.

Самый термин «материальная истина» применяется в советской теории уголовного процесса для того, чтобы выразить, что эта истина — действительная, подлинная истина, что выводы следствия и суда истинны тогда, когда они соответствуют действительности. В этом смысле понятие материальной истины противопоставляется формальной истине, под которой понимается соответствие выводов следствия и суда различным формальным условиям (например, наличие определенного количества свидетелей,

удостоверение того или иного факта определенным документом и т. п.). Нетрудно увидеть, что формальная истина — это вовсе не истина, это кажущаяся истина, квазиистина или псевдоистина, так как вывод суда, соответствующий определенным формальным условиям, может не соответствовать объективным фактам действительности, т. е. быть не истинным, а ложным.

Принцип формальной истины широко применялся в уголовном процессе эксплуататорских государств, некоторые его проявления имеют место и сейчас в уголовном процессе современных империалистических государств.

Замечательно выразил суть формальной истины в дореформенном (до 1864 г.) уголовном процессе в России великий русский писатель-сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин. В «Губернских очерках» он следующим образом излагает рассуждение судьи, применяющего правила формальных доказательств при разрешении уголовных дел: «Я не схожу в свою совесть, я не советуюсь с моими личными убеждениями, я смотрю на то только, соблюдены ли все формальности, и в этом отношении строг до педантизма. Если есть у меня в руках два свидетельские показания, надлежащим порядком оформленные, я доволен и пишу: есть; если нет их — я тоже доволен и пишу: нет. Какое мне дело до того, совершено ли преступление в действительности или нет! Я хочу знать, доказано ли оно или не доказано — и больше ничего»¹⁷.

В советском уголовном процессе принцип формальной истины самым решительным образом исключается и действует только принцип материальной истины, понимаемой как объективная истина¹⁸.

В нашей литературе не раз высказывалось мнение, что, поскольку устанавливаемая по уголовным делам истина является объективной истиной (если, разумеется, дело разрешено правильно), ее и следует именовать объективной истиной, тем более что именно этот термин применяется в трудах основоположников марксизма-ленинизма, и поэтому не следует применять наименование «материальная истина»¹⁹.

Все возражения против применения термина «материальная истина» по сути дела сводятся к тому, что истина, устанавливаемая по уголовным делам, есть истина объективная, поэтому ее так и надо называть. Но характер объективной истины в той или иной сфере познания — теоретического или практического — зависит от предмета познания, т. е. от свойств тех предметов,

Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений, т. I. Изд-во «Правда», 1951, стр. 282.

Подробное рассмотрение проблемы материальной истины дано в кн.: М. С. Строгович. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. Изд-во АН СССР, 1955.

П. Ф. Пашкевич. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. Госюриздат, 1961, стр. 22—24; В. Я. Дорохов, В. С. Николаев. Обоснованность приговора. Госюриздат, 1959, стр. 48—49; А. И. Труров, Основы теории судебных доказательств, стр. 20, 21,

явлений действительности, которые познаются, на познание которых направлено исследование. В одних отраслях науки предмет познания — это закономерности развития определенной сферы явлений действительности — природы и общества (в естествознании, социологии), в других — определенные события, происшедшие в определенных условиях места и времени, и отражение в этих событиях общих закономерностей развития (в исторических науках). В области же уголовного процесса, представляющего собой практическую деятельность, направленную на познание определенных фактов, предметом познания является событие преступного деяния со всеми его существенными чертами объективного (действия, поступки) и субъективного (умысел, неосторожность, мотив и т. д.) характера.

Именно это событие, происшедшее в определенное время и в определенном месте, составляет предмет познания в уголовном процессе. Соответствие выводов следствия и суда об этом событии тому, как это событие совершилось в действительности, и есть та объективная истина, на обнаружение которой направлены усилия следствия и суда и без обнаружения которой невозможно правильное разрешение уголовного дела. Именно эта истина называется в уголовном процессе материальной истиной²⁰.

Мы считаем правильным сохранить этот термин, так как именно он удачно выражает и подчеркивает специфику именно той истины, которую призваны и обязаны устанавливать следствие и суд в каждом уголовном делу. Им обозначается установление следствием и судом истины определенного специфического содержания, «истины факта», т. е. фактов и обстоятельств определенного события, которое исследуется по уголовному делу. Такая истина устанавливается посредством определенных юридических методов и в определенных процессуальных формах, но от этого она не делается «юридической истиной», «формальной истиной», а остается истиной по существу, т. е. материальной истиной.

Именование объективной истины материальной истиной есть юридическое обозначение того, что содержанием ее является фактическая сторона дела, т. е. факты и обстоятельства, которые

Нельзя согласиться с А. И. Трусовым, который отрицает возможность говорить о специфике истины в зависимости от ее предмета и признает лишь специфику процесса познания. Автор утверждает, что «стремление подчеркнуть какую-то специфику самого характера истины по делу именно как истины таит в себе возможность различных ошибок и недоразумений» (А. И. Трусов. Основы теории судебных доказательств, стр. 21). О каких ошибках и недоразумениях идет речь, А. И. Трусов не указывает. Но понятие «истина факта», конечно, выражает характер этой истины, ее отличие, например, от истины, относящейся к закономерностям развития определенных явлений. Однако при наименовании объективной истины в уголовном процессе материальной истиной учитывается и способ, порядок обнаружения, установления «истины факта»,

относится к исследуемому по данному делу событию преступления²¹.

Материальная истина — это непосредственная цель уголовного процесса, предмет усилий следствия и суда. Следствие и суд должны установить обстоятельства конкретного дела в соответствии с действительностью, должны установить факты в том виде, в каком они имели место в действительности. Но следствие и судьи никогда сами лично не наблюдают тех фактов и обстоятельств, которые они должны установить. Подготовка и совершение преступления не происходит на глазах у следователя и судей. Если бы какое-либо преступление случайно произошло на глазах у следователя или судьи, этот следователь не мог бы вести следствие по этому делу, а судья не мог бы участвовать в его разрешении — они выступали бы в деле в качестве свидетелей, так как закон не допускает совмещения в одном лице функций следователя и свидетеля или судьи и свидетеля (ст. 59 и 64 УПК РСФСР)²³.

Никак нельзя признать убедительным такой аргумент против применения термина «материальная истина», содержащийся в книге «Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая»: «Употребление термина «материальная истина» не создает каких-либо удобств, а, напротив, в силу его двусмысленности может породить лишь досадное недоразумение вроде того, что под истиной, устанавливаемой следствием и судом, могут понимать истину лишь в пределах «материалов уголовного дела», хотя бы они неполно и неточно отражали происшедшее в действительности» (стр. 65). Думается, что эти опасения беспочвенны: в словах «материальная истина» производить прилагательное «материальная» от слова «материал» не могут люди, обладающие даже минимальными знаниями.

Понятие *материальной* истины столь же правомерно в уголовном процессе, сколь правомерно в уголовном праве *материальное* определение (понятие) преступления (о последнем см.: А. А. Пионтковский. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Госюриздат, 1961, стр. 26—30). Конечно, это разные вопросы, но и там и здесь термин «материальный» противопоставляется термину «формальный» и применяется для обозначения существа выражаемых понятием предметов, явлений действительности.

В. Я. Дорохов и В. С. Николаев вносят поправку в это наше утверждение, указывая, что следствие и суд могут непосредственно воспринять, кроме доказательств, некоторые факты, вызванные преступлением и сохранившиеся после него, например, сгоревший дом, обезображенное лицо потерпевшего и др. (В. Я. Дорохов и В. С. Николаев. Обоснованность приговора, стр. 36, 37, 38). То же самое утверждает в «Теории доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая», где дается подробный перечень фактов, которые входят в событие преступления и продолжают существовать после того, как преступление совершилось: материальные последствия преступления, предметы, сохранившие следы преступной деятельности, найденные предметы преступного посягательства, место преступления, характерные черты внешности преступника (стр. 235—237). Все сказанное верно, но дело в том, что преступление — это не вещи, не предметы, а деяние, поведение, поступок, и их следствие и суд воспринять никак не могут. Они могут

Следствие и суд вступают в Дело, Когда преступное деяние уже совершилось, — безразлично, идет ли речь о приготовлении к преступлению, о покушении на него или о его законченном исполнении. Уголовное дело возбуждается тогда, когда есть данные, что преступление уже совершено.

Поэтому в уголовном процессе следствие и суд должны восстанавливать факты, относящиеся к прошлому, событие прошлого, пользуясь теми следами, которые это событие оставило в материальной обстановке (вещественные доказательства) или в сознании людей (показания свидетелей и обвиняемых). На основе самых различных доказательств, иногда на основе фрагментарных отрывочных сведений, отдельных штрихов и деталей, в результате сложной и напряженной работы следствие и суд восстанавливают картину совершенного ранее преступления и устанавливают лиц, это преступление совершивших. Если будет допущена ошибка, неправильно оценены доказательства, сделаны из них необоснованные выводы, материальная истина не будет достигнута. Если это произойдет — налицо серьезное нарушение законности, невыполнение задач правосудия.

Только достижение материальной истины является необходимым условием и свойством законного и обоснованного судебного приговора.

Марксистско-ленинская теория познания различает понятия абсолютной истины и относительной истины. В. И. Ленин писал, что «человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания»²³.

Таким образом, абсолютная истина — это полное и всестороннее, исчерпывающее познание того или иного круга предметов, явлений объективной действительности, т. е. такое познание, которое охватывает все свойства и отношения этих предметов и явлений.

воспринять обезображенное лицо потерпевшего, по не могут воспринять обезображивания, они могут воспринять место совершения преступления, но не могут воспринять совершения преступления на этом месте. Что же касается восприятия последствий, следов преступления, места его совершения и т. д., — это, конечно, вполне возможно и даже необходимо. Но все подобные факты обязательно получают отражение и закрепление в определенных протоколах (например, осмотра, освидетельствования), и, значит, следователь и суд могут непосредственно воспринять *доказательства*, а не что иное, т. е. источники сведений о фактах и доказательственных факты.

²³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 137.

В процессе научного познания абсолютная истина не может быть исчерпана, так как это означало бы конец развития данной науки или данного раздела этой науки; в действительности же процесс познания никогда не заканчивается, познание охватывает все новые и новые стороны и свойства действительности, которая сама изменяется, развивается. Ввиду этого каждая ступень познания представляет собой относительную истину, т. е. истину неполную, которая не исчерпывает всего знания об изучаемом предмете, приближается к абсолютной истине, но не совпадает с ней. Относительные истины, из которых состоит наше знание, включают в себя частицы, «крупички», «зерна» абсолютной истины. Абсолютная же истина в процессе познания выражается в относительных истинах, складывается из суммы относительных истин. В. И. Ленин, конспектируя «Науку логики» Гегеля, записал: «... относительность всякого знания и абсолютное содержание в каждом шаге познания вперед»²⁴.

Таким образом, абсолютная истина выступает в двух значениях: во-первых, как полное, исчерпывающее знание предметов, явлений действительности, во-вторых, как та часть относительной истины, благодаря которой относительная истина является истинной, подлинной объективной истиной, хотя и не полной. Кроме этих двух значений, абсолютная истина имеет и третье — *абсолютная истина может означать истину определенного факта, события, происшедшего в определенное время и в определенном месте*. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» указывал на такие абсолютные истины, которые не могут измениться, не могут быть опровергнуты, например: Париж находится во Франции; Наполеон умер 5 мая 1821 г. Эти истины Энгельс называл банальностями (или плоскостями, *Plattheiten*) ввиду их общеизвестности, примитивного характера²⁵. Именно ввиду такого характера этих истин А. Богданов, ревизовавший марксистскую теорию познания, утверждал, что эти «плоскости» вообще не заслуживают того, чтобы их считать подлинными истинами. В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» опроверг точку зрения Богданова и разъяснил смысл данного выражения Ф. Энгельса: Энгельс возражал метафизику Дюрингу, который не понимал различия между абсолютными и относительными истинами и по сложнейшим вопросам науки бросался словами: «последняя, окончательная, вечная истина». Но эти «плоскости», как указывал Ленин, все же являются вечными и абсолютными истинами, а не чем-либо иным²⁶.

Какие выводы следуют из этих положений марксизма-ленинизма для материальной истины в уголовном процессе?

В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 162.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 88—90.

В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 134, 135.

материальная истина в уголовном процессе относится к установлению не общих закономерностей явлений природы или общества, а к установлению только отдельного конкретного факта, происшедшего (или не происшедшего) в определенных и ограниченных условиях места и времени. Как уже говорилось, обнаружить материальную истину — это значит правильно, в соответствии с действительностью установить, было ли совершено преступление и какое именно, кто совершил это преступление, по каким мотивам и т. д.

К установлению этих обстоятельств никак не приложимо понятие относительной истины, так как обстоятельства, от установления которых зависит решение вопроса о виновности и степени ответственности обвиняемого, должны быть установлены полно и точно, абсолютно достоверно, и здесь не может быть никакой речи лишь о приближении к истине, о частице истины и т. д. Если суд только приблизился к истине, если в приговоре суда есть только какая-то часть истины, это значит, что дело решено неправильно, приговор суда незаконен и необоснован. А потому материальная истина в уголовном процессе может быть только абсолютной истиной или она вообще не объективной истина, а лишь догадка, вероятное предположение, гипотеза, версия, которые никак не могут быть основой судебного приговора. Если суд нашел истину — это истина абсолютная. Если суду абсолютной истины найти не удалось — он вообще пошел в сторону от истины.

Объективная, материальная истина в уголовном процессе есть истина факта и по своей гносеологической природе она родственна «банальностям», «плоскостям», о которых говорили Ф. Энгельс и В. И. Ленин и которые являются абсолютными, «вечными», неизменными истинами, как истина нахождения Парижа во Франции и истина о дате смерти Наполеона. Но по своему составу истина в уголовном процессе значительно более сложна и вовсе не так примитивна, как указанные истины. Действительно, материальная истина означает правильное установление следствием и судом факта преступления со всеми его существенными чертами, обстоятельствами, куда относятся и вина совершившего преступление лица, и мотив преступления — вообще вся та жизненная ситуация, которая выразилась в совершении преступления. Но эта сложность истины в уголовном процессе обуславливает лишь сложность, практическую трудность ее установления, опасность ошибок в выводах следствия и суда, но ничего не меняет в гносеологическом характере этой истины, которая является абсолютной и никакой иной.

Трактовка материальной истины в уголовном процессе как абсолютной истины имеет громадное значение для следственной и судебной практики. Суд должен исследовать и устанавливать те фактические обстоятельства дела, которые необходимы, чтобы

правильно разрешить вопрос о виновности и степени ответственности обвиняемого. Те же обстоятельства, которые к делу отношения не имеют, исследованию и установлению не подлежат. Но те обстоятельства, которые для дела имеют значение и от установления которых зависит решение вопроса о виновности и степени ответственности обвиняемого, должны быть установлены судом абсолютно верно, без какого бы то ни было отклонения от истины, иначе приговор суда будет необоснованным.

Поэтому любая концепция, которая утверждает недоступность для суда абсолютной истины и допускает возможность удовлетворяться лишь относительно или приблизительно верным установлением судом обстоятельств дела, только приближением к абсолютной истине, полностью не достижимой при разрешении дела, практически означает отклонение от задач подлинного правосудия. Путь к достижению такой истины подчас очень сложен и труден, следствию и суду приходится преодолевать значительные препятствия, но целью и результатом их усилий должна быть абсолютная истина, и именно она²⁷.

В нашей юридической литературе воззрение на истину в уголовном судопроизводстве как на абсолютную истину имеет широкое признание²⁸. Однако по этому вопросу иногда высказываются и иные, неправильные точки зрения.

Иногда вообще отрицается возможность применения понятий абсолютной и относительной истины к истине, устанавливаемой в производстве по уголовным делам, на том основании, что

Удачно говорил по этому вопросу видный представитель философской науки профессор Ф. И. Георгиев на симпозиуме философов и юристов, посвященном проблеме истины в уголовном процессе, на философском факультете МГУ: «Абсолютная истина, заключенная в окончательном решении суда, есть результат очень кропотливого, порой зигзагообразного, сложного, противоречивого пути ее установления, обоснования и формулирования». И дальше: «В каждом шаге судебного разбирательства добывается относительная истина, из суммы которых в конечном счете складывается абсолютное знание и абсолютная достоверность и необходимость определенного решения суда, т. е. вынесения приговора» («Вестник Московского университета», серия VIII, 1963, стр. 56). Ясно, что окончательную истину, выраженную в приговоре суда, Ф. И. Георгиев определяет как абсолютную истину. Такова же по существу была точка зрения, высказанная другим крупным ученым-философом профессором И. С. Нарским, говорившем о том, что суд должен вынести «абсолютно истинный приговор» (стр. 58).

См., например: «Демократические основы советского социалистического правосудия». Изд-во «Наука», 1965, стр. 41—43; И. Д. П е р л о в. Приговор в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1960, стр. 223 и ел.; Р. Д. Р а х у н о в. Об извращениях А. Я. Вышинским советской теории доказательств. «Ученые записки Всесоюзного института юридических наук», 1962, № 14, стр. 126—127. Проблема истины в уголовном процессе подробно обсуждалась в 1962 г. на симпозиуме философов и юристов на философском факультете МГУ. При обсуждении явно возобладала правильная точка зрения на эту истину как на абсолютную (см.: «Вестник Московского университета», серия VIII, 1963, № 4).

разграничение этих понятий применимо только в научном познании, но не в познании фактов на предварительном следствии и на суде²⁹. Это ошибочное мнение, что философские, гносеологические категории применимы лишь в сфере научного, теоретического познания, в сфере же познания, имеющего специальные практические задачи, такие категории не находят применения.

Любое познание, любая область познавательной деятельности подчиняется гносеологическим принципам и закономерностям; положения марксистско-ленинской теории познания реализуются во всех сферах познания, всегда, когда исследуются предметы, явления действительности и необходимо обеспечить, чтобы познание правильно устанавливало эти предметы, явления, так как они существуют вне и независимо от познающего их сознания, мышления.

Существует мнение, что истина в уголовном процессе есть одновременно и абсолютная, и относительная, что ту и другую нельзя противопоставлять, противопоставлять одну другой. Аргументируется это тем, что абсолютная истина вообще не может быть выражена иначе, как в относительных истинах, поэтому любое знание, утверждение, суждение, вывод, если они соответствуют действительности, являются и относительной истиной, поскольку знание не полно, не исчерпывающее, и абсолютной истиной, поскольку это знание верно отражает действительность. Из такого гносеологического положения и делается вывод о том, что объективная истина, устанавливаемая по уголовному делу о событии преступления и виновности обвиняемого, есть истина и абсолютная, и относительная³⁰.

Здесь ошибка заключается в том, что неверна сама гносеологическая посылка, согласно которой абсолютная истина проявляется только в относительных истинах и что ни одно суждение не может быть истинным абсолютно. Если стать на эту точку зрения, то вообще об абсолютной истине говорить нельзя, существует только относительная истина. Ведь относительная истина

²⁹ М. А. Ч е л ь ц о в. Советский уголовный процесс. Госюриздат, 1962, стр. 124. В учебнике «Советский уголовный процесс» под редакцией Д. С. Карева (изд-во «Высшая школа», 1968) также утверждается: «Объективную истину в такой специальной области исследования, как уголовный процесс, не следует конкретизировать посредством категорий относительной и абсолютной истины» (стр. 99).

³⁰ А. И. Трусов пишет: «Поскольку речь идет о категориях абсолютной и относительной истины, то постановка вопроса в форме «либо—либо» должна быть исключена, ибо не существует истин, которые были бы только абсолютны либо только относительны. С точки зрения марксистской теории познания всякая объективная истина проявляется не иначе, как в виде относительных истин, из суммы которых она и складывается» (А. И. Т р у с о в. Основы теории судебных доказательств, стр. 116). Это положение содержится и в книге «Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая» (стр. 103—112).

потому и есть истина, Объективная истина, что в ней содержится частица, крупинка абсолютной истины, без чего она вообще не была бы истиной. Значит, относительная истина это — нечто отличное от абсолютной истины, хотя и связанное с ней.

Утверждение, что то или иное истинное положение есть одновременно и абсолютная истина, и относительная истина, неправильно потому, что положение, в котором содержится частица абсолютной истины, есть истина относительная: она *истина*, хотя и относительная, потому что в ней находит выражение абсолютная истина, но она *относительная* истина, потому что в ней содержится только частица, зерно абсолютной истины, а не вся эта истина³¹.

Мы и думаем, что те, кто называют истину, устанавливаемую по уголовному делу, и абсолютной, и относительной истиной одновременно, по существу считают эту истину только относительной, но лишь избегают точно сформулировать этот вывод.

Иногда тот же вывод, что истина в судебном приговоре есть истина одновременно и относительная, и абсолютная, обосновывают иначе — не общими гносеологическими аргументами, а соображениями практического характера: по многим делам следствию и суду удастся установить не все факты совершенных обвиняемым преступлений, а лишь часть этих фактов или не всех участников совершенного преступления, а часть их. В этих случаях истина, установленная приговором суда, есть абсолютная, поскольку факты установлены правильно, и в то же время она относительная ввиду ее неполноты³².

Мы не можем согласиться с некоторыми положениями по данному вопросу профессора П. В. Копнина в его ценном труде «Введение в марксистскую гносеологию» (Киев, «Наукова думка», 1966). Автор правильно утверждает: «Истина может быть только объективной, и в то же время ее объективность является результатом субъективной деятельности человека» (стр. 134). Правильно и различение автором абсолютной и относительной истины: «Абсолютная и относительная истины противоположны друг другу, но не в такой степени, как истина и заблуждение» (стр. 141). Истину автор рассматривает как процесс (стр. 139) и считает, что абсолютность знания проявляется в процессе познания (стр. 142), что также верно. Но П. В. Копнин как-то отодвигает на второй план истину как достигнутый результат познания, как состояние знания в определенных условиях, а потому по существу не считает подлинными истинами те «плоскости», «банальности», о которых Энгельс говорил иронически в споре с Дюрингом, но смысл которых в качестве действительных истин, равно как и смысл иронии замечаний Энгельса, разъяснил В. И. Ленин.

Вывод П. В. Копнина, что «нет отдельно абсолютной истины и относительной, а существует одна объективная истина, которая одновременно является абсолютно-относительной» (стр. 143), мы не можем разделить в такой его категорической, безоговорочной форме.

В. Я. Дорохов и В. С. Николаев пишут: «Объективная истина, на достижение которой направлены усилия следственных органов и суда, в силу правильного познания фактов в их правовом значении является истиной абсолютной и одновременно ввиду неполного познания судом общественно

Если стать на такую точку зрения, получается, что иногда следствие и суд могут установить абсолютную истину, а иногда это им не удается и они должны довольствоваться относительной истиной. Такое мнение не дает решения вопроса о природе истины в уголовном процессе и не согласуется с утверждением сторонников точки зрения, что истина приговора по своей гносеологической природе и абсолютная, и относительная.

Конечно, случается, что не все факты преступления раскрыты или не все участники преступления изобличены. Но здесь надо иметь в виду следующее. Предметом уголовного дела являются определенные факты преступления, обвинение в которых предъявлено определенным лицам. Если эти факты установлены вполне достоверно, в полном соответствии с действительностью, и осуждены те, кто эти преступные действия совершил, значит, достигнута объективная, абсолютная истина. И дело не меняется от того, что, может быть, были совершены и другие преступления или были и другие участники. Это ведь только предположения, на которых основываться нельзя: если какой-то факт преступления не раскрыт или какое-то лицо не изобличено и не осуждено, относительно этого факта и лица вообще ничего нельзя утверждать. Если же при исследовании тех фактов, которые вменяются в вину данному лицу, ряд существенных обстоятельств остался невыясненным, ряд доказательств не собран или не проверен, это значит, что дело недоследовано, расследование проведено недоброкачественно, неполно, а потому об истине вообще говорить нельзя. Например, обвиняемый привлечен и осужден правильно, но некоторые соучастники остались неустановленными или виновность обвиняемого в умышленном преступлении доказана вполне, но не установлены мотивы совершения преступления. Не означает ли это, что в таком случае установлена относительная истина? Мы думаем, что в этом случае нельзя говорить об относительной истине: здесь имеет место лишь более или менее существенная неполнота следствия. Если не установлены некоторые соучастники преступления, но виновность данного подсудимого доказана с полной достоверностью и его роль в совершении преступления определена правильно, в отношении этого подсудимого установлена абсолютная истина. Если же соучастники не установлены и это ставит под сомнение виновность дан-

опасного деяния выступает как истина относительная» (В. Я. Дорохов, В. С. Николаев. Обоснованность приговора, стр. 72). В книге «Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая» указывается: «Но даже если рассматривать вопрос о характере истины, достигаемой судом, только, с точки зрения стоящих перед ним задач, то и тогда истину приговора нельзя назвать лишь абсолютной». И далее: «Например, неполнота объективной истины будет иметь место в тех случаях, когда следствию и суду не удастся установить всех участников преступления» (стр. 107).

ного обвиняемого или оставляет невыясненной его роль в совершении преступления, степень его участия в нем, дело вообще является недоследованным, и истина по делу не достигнутой. Если же доказано, что обвиняемым совершено инкриминируемое ему деяние, но осталось невыясненным содержание умысла, мотив преступления, это значит, что не установлены те фактические обстоятельства, которые относятся к субъективным элементам состава преступления, а это также не позволяет говорить о том, что по делу обнаружена истина.

Мы вновь приходим к выводу, что следствие и суд по расследуемому и разбираемому в судебном заседании уголовному делу должны достигнуть абсолютной истины, так как осудить человека за совершенное преступление можно только тогда, когда его виновность установлена с абсолютной достоверностью. Социалистическое правосудие может удовлетворяться только абсолютной истиной, иначе задачи правосудия не могут быть достигнуты³³.

Итак, материальная истина, которая должна быть предметом и результатом усилий следственных и судебных органов, является объективной абсолютной истиной.

В

Понятие материальной истины, рассмотренное выше, выражает соответствие объективной действительности выводов следствия и суда о фактах, устанавливаемых следствием и судом при расследовании и разрешении уголовного дела. Найти, обнаружить материальную истину — это значит установить в приговоре суда факты так, как они произошли в действительности.

Но в понятие материальной истины не входит юридическая квалификация установленных по делу фактов и определение наказания. Юридическая квалификация совершенного обвиняемым деяния и назначение за это деяние наказания представляют собой применение нормы уголовного права к установленному факту, материальной же истиной обозначается само это устано-

³³ М. А. Чельцов пишет: «Усиленные попытки доказать, что суд по каждому делу должен установить абсолютную истину, и утверждение, что, если суд не установил абсолютной истины, он не установил никакой истины, способны лишь дезориентировать судей» (М. А. Чельцов. Задачи советской науки уголовно-процессуального права в период развернутого строительства коммунизма. «Вопросы судопроизводства и судостроительства в новом законодательстве Союза ССР». Госгориздат, 1959, стр. 80). В действительности дело обстоит наоборот. Дезориентировать судей могут всякие утверждения, что от суда нельзя требовать обнаружения абсолютной истины или, во всяком случае, не по каждому делу этого можно требовать, что для суда такое требование непосильно, что судьи могут удовлетвориться приближением к истине, сделав приблизительно верные выводы, и т. д. Такие утверждения действительно дезориентируют судей и наталкивают их на вынесение ошибочных решений.

Ёление факта — в том виде, в каком он имел Место в действительности.

Иными словами, *материальная истина означает соответствие вывода суда о факте самому этому факту, а правильная юридическая квалификация — соответствие самого факта предусматривающей его норме уголовного права*³⁴.

Само событие преступления относится всегда к области прошлого, поэтому оно не может измениться и должно быть познано именно таким, каким оно было. Юридическая же оценка этого преступления зависит от закона и поэтому может меняться (например, последующий закон может смягчить ответственность за это деяние или вообще сделать его ненаказуемым).

В процессуальной литературе нашла выражение и иная точка зрения, согласно которой в понятие материальной истины включается не только правильное установление фактов, но и правильная общественно-политическая и юридическая оценка этих фактов, правильная уголовноправовая квалификация деяния³⁵.

Некоторые авторы идут дальше, считая, что в понятие объективной, материальной истины должно входить и правильное определение наказания³⁶.

Вопрос этот, видимо, спорный, и в нем необходимо разобраться.

Нет сомнений в том, что в процессе расследования и судебного разбирательства дела установление фактов и их правовая оценка тесно связаны. Чтобы дело могло быть правильно разрешено, необходимо установить те факты, которые имеют юридическое, уголовноправовое значение, т. е. предусмотрены нормой уголовного права в качестве деяния, содержащего объективные и субъективные элементы состава преступления.

И тем не менее установление фактов, фактических обстоятельств дела и уголовноправовую оценку этих фактов, при всей их связи, нельзя смешивать или отождествлять.

Установление фактов — события, деяния, совершения его определенным лицом, умышленный или неосторожный характер деяния и т. д. производится при помощи доказательства, — никаким другим способом их установить нельзя.

Юридическая, т. е. уголовноправовая оценка этих фактов, юридическая квалификация фактов и выводы из этой квалификации — это вопросы материального уголовного права, они ре-

шаются не при помощи доказательств, а посредством применения нормы уголовного права к установленным доказательствами фактам.

Верно то, что в процессе расследования и судебного разбирательства уголовного дела вопросы уголовного процесса и вопросы уголовного права тесно взаимосвязаны, так как здесь производится применение и уголовно-процессуальных норм, и уголовно-правовых норм. Но все же уголовный процесс и уголовное право не сливаются, не сливаются, а остаются отдельными, различными отраслями права.

Когда мы говорим об объективной, материальной истине в уголовном процессе, мы говорим о *процессуальном* принципе, о *процессуальной* проблеме, а не о принципе и проблеме уголовного права. Конечно, эти принципы и проблемы взаимосвязаны, но все же они не совпадают.

А раз так — то под материальной, объективной истиной в уголовном процессе следует иметь в виду соответствие выводов следствия и суда о *фактах*, имеющих значение для дела, самим этим *фактам*, как они произошли в действительности.

Конечно, любое суждение, утверждение следователя в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении, любое суждение, утверждение суда в приговоре, как и вообще всякое суждение, может быть истинным или ложным. Истинным или ложным может быть и вывод о квалификации преступления. Следствие или суд могут правильно или неправильно решить, предусмотрено ли данное деяние такой-то статьей уголовного кодекса, заслуживает ли подсудимый за совершение этого преступления такое-то наказание. Но положение, что преступление должно быть правильно квалифицировано и за него должно быть назначено справедливое наказание — не есть процессуальное положение, *процессуальный* принцип, это относится к материальному уголовному праву. Повторяем — как ни связан уголовный процесс с уголовным правом, а он все же уголовный процесс, а не уголовное право.

К этому необходимо добавить следующее. Преступление, составляющее предмет исследования по уголовному делу, есть *прошлое* событие, оно относится к прошлому, оно уже совершилось (или не совершилось), когда ведется производство по уголовному делу. И как событие прошлого оно измениться уже не может. Преступление произошло, оно совершено тем-то лицом, тем-то способом, из таких-то побуждений, и никто в мире этого изменить не может, никакими силами нельзя сделать так, чтобы преступление произошло иначе, не так, не тогда и т. д. или чтобы оно вообще не произошло. Можно предотвратить еще несовершенно преступление, но нельзя сделать несовершенно то преступление, которое уже совершилось, равно как нельзя уже совершенное преступление как-то изменить, сделать его совершенным как-то иначе, а не так,

³⁴ Об этом см. выступление А. А. Старченко при обсуждении в Институте права Академии наук СССР моей книги «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе» («Советское государство и право», 1956, № 4, стр. 141—142).

³⁵ Н. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса. Изд-во МГУ, 1956, стр. 117—118; В. Я. Дорохов, В. С. Николов. Обоснованность приговора, стр. 60—63.

³⁶ П. Ф. Пашкевич. Указ. соч., стр. 20; «Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая», стр. 91; И. Д. Перлов. Приговор в советском уголовном процессе, стр. 233.

как оно было совершено. Можно воздействовать на события, совершающиеся в настоящем, можно влиять на события будущего, но с событиями прошлого ничего сделать нельзя³⁷. События прошлого можно лишь познать такими, какими они были, а можно и ошибиться, неправильно их установить. В первом случае достигается истина, во втором — истина не достигается.

Правовая же оценка события прошлого может меняться. В разных условиях это событие оценивается по-разному — в зависимости от действующего законодательства, от общественной обстановки и т. д. Например, новый закон может смягчить ответственность за уже совершенное преступление, и этот закон получит обратную силу. Оценка совершенного преступления, отношение к нему суда и общественности могут меняться, а само совершенное преступление со своей фактической стороны измениться ни в чем не может, его можно лишь познать таким, каким оно произошло фактически, что и необходимо сделать по каждому делу при помощи доказательств, применяемых в предусмотренных законом процессуальных формах. В том, что понятие материальной истины относится именно к прошлому, не могущему измениться событию, факту, деянию, и есть само существо, характерное свойство объективной, материальной истины как принципа *уголовного процесса*, как важнейшей проблемы учения о доказательствах в уголовном процессе.

Как указывалось выше, сторонники включения в понятие истины в уголовном процессе правовой оценки по-разному решают вопрос об определении наказания: одни относят к содержанию понятия истины правильное определение наказания, другие — нет.

Следует признать более последовательной точку зрения тех, кто включает в понятие истины и определение наказания. Действительно, если к содержанию понятия материальной истины относится общественно-политическая и юридическая оценка деяния, то в это понятие должно войти и правильное применение наказания, так как оценка деяния свое конкретное выражение находит, конечно, не только в указании номера статьи уголовного кодекса, по которой квалифицируется деяние, но главным образом в применении наказания; именно примененное судом наказание показывает, как суд оценил деяние подсудимого.

Но если принять точку зрения, что в содержание понятия объективной истины в уголовном процессе входит и определение наказания, никак нельзя будет утверждать, что эта истина абсолютная: нет никакой возможности утверждать, что назначенное судом на-

казание (например, в виде лишения свободы на 5 лет) есть абсолютная истина, а наказание хотя бы немного ниже (например, 4 года) или немного выше (например, 6 лет) — уже не истина, а ошибка, заблуждение. Размер назначаемого судом наказания, конечно, не произволен, а зависит от санкции уголовного закона, от наличия смягчающих или отягчающих обстоятельств, от правосознания и убеждения судей. Но здесь действуют совсем иные критерии, чем те, при помощи которых устанавливаются факты — обстоятельства дела, совершенное обвиняемым деяние.

Таким образом, нет оснований включать в понятие материальной истины в уголовном процессе ни квалификацию деяния, ни назначение наказания, а следует относить это понятие только к установлению фактов^{а8}.

Мы приходим к таким выводам:

— объективная, материальная истина в уголовном процессе есть соответствие вывода суда о фактах дела самим этим фактам, как они произошли в действительности;

— правильная квалификация деяния означает соответствие уже установленных фактов совершенного деяния норме уголовного права;

— правильное применение наказания означает соответствие наказания совершенному преступлению с учетом личности преступника.

Первый вопрос, т. е. установление материальной истины, есть вопрос уголовного процесса; два других вопроса, т. е. квалификация деяния и назначение наказания, — это вопросы материального уголовного права. Все эти вопросы тесно связаны в практиче-

Очень обстоятельно аргументирует мнение, что в содержание объективной истины в уголовном процессе входит и квалификация деяния, и назначение меры наказания профессор И. Д. Перлов в своем исследовании, посвященном судебному приговору (И. Д. Перлов. Приговор в советском уголовном процессе, стр. 223 и ел.). И. Д. Перлов указывает на большое значение уголовноправовой квалификации преступления и справедливого назначения меры наказания, совершенно правильно утверждая, что суд решает эти вопросы вовсе не по произволу, не по усмотрению, а на твердых основаниях закона. Автор пишет далее: «Все три элемента: факт, оценка и наказание — составляют единую и неразрывную связь» (стр. 236). Это неточное утверждение. *Факт, т. е. деяние, совершает преступник, а оценивают это деяние и применяют наказание судьи на основании закона.* Ясно, что это разные вещи и смешивать их нельзя. И. Д. Перлов утверждает: «В уголовном процессе нет фактов вне их правовой и общественно-политической оценки» (стр. 233). Это неточно. Факты совершенного деяния существуют в том виде, в каком они произошли, независимо от того, какая оценка их будет дана — и будет ли вообще она дана, и от того, какие последствия наступят для совершившего деяние лица в результате этой оценки — наступят ли для него какие-либо последствия. А квалификация деяния и применение наказания зависят от закона, предусматривающего это деяние, и от тех выводов, которые сделают судьи из применения этого закона к данному деянию.

³⁷ «В реальной действительности лишь прошлое может влиять на будущее, но будущее не может воздействовать на прошлое» (Г. Свечников. Значение ленинских идей для исследования проблемы причинности. «Коммунист», 1966, № 16, стр. 32,

ской деятельности следствия и суда, и их нельзя изолировать один от другого, но это все же разные вопросы, и их смешивать, отождествлять ни в коем случае не следует³⁹.

Понятие материальной истины совпадает с понятием *достоверности*. Достоверность вывода следствия и суда об обстоятельствах рассматриваемого уголовного дела — то же самое, что истинность этого вывода, т. е. правильное, соответствующее действительности установление обстоятельств дела: события преступления, виновности данного лица в совершении преступления, места, времени, способов совершения преступления, мотивов его совершения и т. д.

Следовательно, материальная истина достигается по тому или другому уголовному делу тогда, когда то, что устанавливают следствие и суд по этому делу, достоверно. Факты и обстоятельства по уголовному делу должны быть установлены с полной достоверностью, так как только из достоверных фактов могут быть сделаны достоверные выводы об обоснованности обвинения, являющегося предметом уголовного дела⁴⁰.

³⁸ Примечательно, что как раз те авторы, которые решительно отвергают наименование истины в уголовном процессе материальной истиной, расширяют понятие истины в уголовном процессе и трактуют ее как вообще правильное разрешение дела, лишая тем самым это понятие специфических черт, присущих ему именно в уголовном процессе.

⁴⁰ А. Р. Ратинов различает понятия истинности и достоверности. По его утверждению, не всякое истинное положение достоверно, истина приобретает характер достоверности тогда, когда она *удостоверена* определенным образом, когда истинное утверждение аргументировано, обосновано так, что в его истинности могут убедиться все. Автор пишет: «Для решения задач уголовного судопроизводства необходимы не только истинные, но и достоверные знания о предмете расследования и судебного разбирательства. Доказывание придает знаниям характер достоверности». И далее: «В судебном доказывании познание сопровождается специальной деятельностью, удостоверяющей правильность полученных знаний и принятых решений». Для подтверждения своей точки зрения А. Р. Ратинов приводит то соображение, что этимологически слово «достоверный» означает «достойный веры» («Советское государство и право», 1964, Л: 8, стр. 107).

В своей новой работе «Судебная психология для следователей» (Изд. Высшей школы МОП СССР, 1967) А. Р. Ратинов развивает эти же взгляды (стр. 41 и сл.).

Но совершенно несомненно, что следствие и суд могут действительно установить истину, узнать истину, убедиться в том, что является истинной по делу, не иначе, как при помощи доказательств, посредством доказательств. При помощи доказательств следствие и суд не только удостоверяют уже познанную истину, а прежде всего сами познают ее. В судебном доказывании познание не *сопровождается* этой удостоверительной деятельностью, а *включает ее в себя*, так как доказательства нужны не только для того, чтобы других убедить в истинности данного вывода, но прежде всего для того, чтобы к этому выводу прийти самому. Утверждения же А, Р, Ратинова, что этимологически слово «достоверный»

С понятием достоверности связано понятие *вероятности*, которую ни в коем случае нельзя смешивать с достоверностью.

Вероятность — это *возможность* существования или наступления какого-либо факта, события. Можно говорить о вероятности того, что такое-то событие произошло или произойдет, что такой-то предмет существует и т. д. Вероятность — всегда более или менее правдоподобное предположение. Когда исследуется какое-либо событие, относящееся к прошлому, вероятность его означает, что не имеется достаточных данных для категорического утверждения о его существовании и об обстоятельствах* при которых оно произошло. Если нет достаточных данных для утверждения, что это событие произошло в действительности, можно говорить лишь о его вероятности. Поэтому вероятность прошлого события всегда означает только одно: в нашем распоряжении нет, по крайней мере в данный момент, достаточных данных об этом событии, мы не располагаем о нем достаточными знаниями.

В уголовном процессе, как мы уже отмечали, событие преступления, исследуемое по уголовному делу, всегда является событием, прошлым по отношению к деятельности следователя и суда, которые расследуют и разрешают дело: преступление произошло (или не произошло), обвиняемый совершил преступление (или не совершил его) до того, как следователь и суд приступили к производству по делу. Если не все обстоятельства дела выяснены, не все необходимые доказательства собраны, может казаться более или менее вероятным, что преступление произошло, что совершило его данное лицо, но нельзя утверждать категорически.

Следовательно, *вероятность* совершения преступления не есть основание для категорического вывода суда о виновности обвиняемого; таким основанием служит только *достоверность* виновности обвиняемого в совершении преступления. Так прямо и сказано в законе: «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана» (ст. 43 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик; ст. 309 УПК РСФСР)⁴¹.

сложилось из слов «достойный веры», неточно; такой замечательный знаток русского языка, как В. Даль, иначе объясняет это слово: «досто» — частица, которая ставится перед существительным или прилагательным для усиления их достоинства, значения; поэтому слово «достоверный» означает «стоящий вероятия», «вполне верный, истинный, несомненный» (Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1955, стр. 479).

⁴¹ В юридической литературе было высказано мнение, что материальная истина может означать также и вероятность виновности обвиняемого и что суд вправе признать те или иные факты установленными Тогда,

Это не значит, что вероятность совсем исключается из сферы уголовного процесса. При расследовании дела следователем и рассмотрении его судом всегда приходится соотноситься с вероятностью исследуемых по делу фактов. Если тот или иной факт по обстоятельствам дела является вероятным, он обязательно должен быть тщательно исследован, проверен.

В процессе расследования дела всегда приходится определять вероятность тех или иных фактов, подлежащих установлению по делу, так как именно таким путем можно определить направление, где следует искать истину. Но вероятность при всех условиях может служить не основанием для выводов следствия и суда, а только указанием того направления, в котором надлежит вести следствие, чтобы найти истину. Для этого существует такой прием следствия, как построение версий (о них мы говорили выше подробно).

Выводы следствия и суда не могут строиться на предположениях, на догадках, а должны опираться на точно установленные факты. Но можно и нужно при расследовании дела выдвигать различные вероятные предположения, вытекающие из обстоятельств дела, и проверять их, прежде чем прийти к окончательным выводам.

При расследовании дела тот или иной факт может казаться более или менее вероятным, но пока он вероятен, его нельзя считать установленным, как бы ни была высока степень его вероятности. Поэтому расследование дела должно продолжаться до тех пор, пока этот факт не будет установлен с достоверностью или не будет отвергнут как недостоверный.

Таким образом, в процессе расследования и судебного рассмотрения дела вероятность может перейти в достоверность, к чему и направлены усилия следствия и суда, ищущих по делу материальную истину.

Разница между вероятностью и достоверностью не количественная, а качественная, достоверность ни в коем случае нельзя

когда они наиболее вероятны, хотя полной достоверности достигнуть не удалось. Такова была точка зрения М. А. Чельцова в книге «Уголовный процесс» (Госюриздат, 1948, стр. 259) и В. С. Тадевосяна в статье «К вопросу об установлении материальной истины в советском процессе» («Советское государство и право», 1948, № 6). Л. Я. Вышинский в 1937 г. говорил о возможности разрешения дел на основе «максимальной вероятности» подлежащих установлению фактов (см.: А. Я. Вышинский и др. Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе. «Проблемы уголовной политики», кн. IV. М., 1937, стр. 20). Подобная точка зрения решительно отвергнута советской юридической наукой, причем этот вопрос сделался предметом внимания широких кругов советской общественности, далеко выходя за рамки вопросов только юридической науки (см., например, статью А. Бовина «Истина в правосудии» в «Известиях» от 8 февраля 1962 г. и редакционную статью «Еще раз об истине в правосудии» в «Известиях» от 24 мая 1962 г.).

рассматривать как высокую степень вероятности. Как бы высока ни была вероятность какого-либо факта (например, виновности обвиняемого), пока это вероятность, всегда имеется и вероятность обратного (т. е. невиновности); самая высокая степень вероятности оставляет возможность иного решения дела. Лишь тогда, когда исследование всех обстоятельств дела и проверка всех собранных по делу доказательств вносят в дело полную ясность, устраняют все сомнения и приводят суд к единственно возможному выводу, исключая возможность всех иных решений, вероятность действительно переходит в достоверность и тем самым по делу достигается материальная истина⁴².

Из общих положений марксистско-ленинской гносеологии следует доступность истины человеческому познанию. Нет непознаваемых истин, есть истины еще не познанные. Это относится и к судебному познанию, к тому исследованию, которое производят следователь и суд по подведомственным им уголовным делам: истина, объективная, материальная истина, которая составляет предмет усилий следствия и суда, доступна для них, они ее могут обнаружить, могут установить факты и обстоятельства дела в полном и точном соответствии с действительностью. Но путь к истине для следствия и суда может быть очень труден, связан с преодолением громадных препятствий. Чтобы найти истину по уголовному делу, надо раскрыть преступление (или убедиться, что его не было), а это требует больших, напряженных усилий, которые не всегда приводят к успешному результату.

Твердым положением советской науки уголовного процесса, опирающимся на опыт практической следственной и судебной работы, является такой тезис: *нераскрываемых преступлений нет, есть преступления, которые не удалось раскрыть.*

Если истина по уголовному делу не найдена, если преступление не раскрыто и преступник не изобличен, если, тем более, за преступление привлечен к уголовной ответственности и осужден невиновный человек, на которого неосновательно было возведено обвинение, — это значит, что следствие и суд не справились со своей задачей, допустили серьезное нарушение законности,

*^a Мы думаем, что в уголовном процессе исключается возможность того исчисления вероятностей, которое применяется в математике, в математической логике, в кибернетике и в котором достоверность рассматривается как вероятность, достигшая известной степени. Когда выясняется возможность наступления в будущем каких-либо событий, исчисление вероятностей в ряде случаев имеет смысл и значение. Но для установления события, происшедшего в прошлом, самая высокая степень вероятности не делается достоверностью, так как самая высокая степень вероятности может быть дальше от достоверности не в меньшей мере (а иногда и в большей), чем самая низкая ее степень.

совершили ошибку, которую необходимо исправить и из совершення которой обязательно надо извлечь надлежащий урок, чтобы не допускать таких ошибок в будущем⁴⁸.

Из принципа объективной, материальной истины вытекает важное положение для нашей судебной практики.

Категорически не допускается обоснование приговора суда на предположениях, на соображениях о вероятности тех или иных фактов; необходимо, чтобы каждый, имеющий для дела значение факт был доказан с полной достоверностью. Ни предположения следователя и судей, ни предположения потерпевшего, свидетелей, эксперта не имеют никакой доказательственной силы, как бы правдоподобны эти предположения ни были. Только сведения о фактах могут приниматься в качестве доказательств и только факты могут лежать в основе выводов следствия и суда, о чем и Говорит ст. 43 Основ уголовного судопроизводства и ст. 309 УПК РСФСР.

В последнее время некоторыми авторами была сделана попытка создать особую «теорию», суть которой состоит в том, что есть преступления, которые раскрыть вообще невозможно, есть уголовные дела, по которым истину найти нельзя, что требование «достоверности во что бы то ни стало» по каждому уголовному делу может привести только к отрицательным результатам. С обоснованием такой концепции выступил С. Курылев в статье «Два выстрела» на страницах «Известий» от 7 декабря 1967 г. Некоторые авторы поддержали эту точку зрения (В. Арсеньев, Г. Барский, И. Марткович), другие выступили против нее, подвергнув подобные взгляды резкой критике (И. Д. Перлов, Р. Д. Рахунов и автор настоящего Курса, которому пришлось своей статьей «Истина и только истина» завершить дискуссию в «Известиях» от 28 февраля 1968 г.).

В № 1 журнала «Правоведение» за 1968 г. С. В. Курылев опубликовал статью «О достоверности и вероятности в правосудии», где подробно развивал и аргументировал те же взгляды, изложением которых он открыл дискуссию в «Известиях». Справедливость требует отметить, что С. В. Курылев вовсе не допускает возможности осуждения на основании лишь вероятной вины, как это иногда предлагалось раньше, а возражает против этого. Но он, во-первых, решительно прокламирует неизбежность и подчас правомерность оставления ряда преступлений нераскрытыми; во-вторых, для случаев, когда не удается установить, кто именно из нескольких человек совершил данное преступление, С. В. Курылев пытается найти некий «нейтральный», «облегченный» состав преступления, который в равной мере подошел бы ко всем потенциальным⁴⁴ виновникам, а, в-третьих, он допускает установление судом ряда важных для дела фактов на основе лишь вероятности, когда достоверно их установить не удалось. Правда, при этом автор делает чрезвычайно характерную оговорку: «Вероятность может улучшать, но не ухудшать положение подсудимого» («Правоведение», 1968, № 1, стр. 69). Иными словами, намерения у автора благие, законность он вовсе не хочет колебать, а вся концепция в целом оказывается совершенно несостоятельной, ибо твердые, неизменные устои судебного приговора, который при всех условиях должен быть законным и обоснованным, если принять концепцию С. В. Курылева, окажутся расшатанными и ослабленными,

Так, определением Судебной коллегии По уголовным делам Верховного Суда СССР от 9 марта 1965 г. был отменен приговор судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Узбекской ССР в отношении Рахманова, осужденного за хищение государственного имущества в крупных размерах путем использования служебного положения. Обвинение Рахманова не опиралось на достоверно установленные факты, а в его основу были положены предположения. В приговоре суд указал в качестве основания обвинения Рахманова на то, что «он как директор завода по занимаемому им положению не мог не знать о том, что работниками цехов в целях хищения применяется новый, более экономный способ раскроя железа, в связи с чем создается экономия»⁴⁴.

Конечно, это только было предположение суда, которое не должно было быть положено в основу приговора.

Аналогичное нарушение было допущено тем же судом по другому делу — по обвинению главного инженера завода Шапиро, начальника производственного отдела Вишневого и главного бухгалтера Ципинюка в хищениях. В приговоре в качестве доказательства виновности этих лиц было указано, что они по занимаемому положению не могли не знать об образовавшейся на заводе экономии железа.

Как видим, здесь была такая же формулировка, как и по делу Рахманова, т. е. обвинение в хищении, основанное на предположении. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 27 декабря 1963 г. обвинение в хищении было из приговора исключено⁴⁵.

Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 9 октября 1964 г. отменен приговор суда и решения вышестоящих судов по делу по обвинению Беспалова и Санникова в убийстве. Обвинение подсудимых было основано на предположениях, высказанных свидетелями, а не на объективных доказательствах. Пленум прекратил дело за недоказанностью обвинения⁴⁶.

Далее, из принципа материальной истины вытекает требование *всестороннего и объективного исследования всех обстоятельств дела*, недопустимость какой бы то ни было односторонности в выяснении фактов, имеющих значение для дела.

В законе сказано: «Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявлять как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства» (ч. 1 ст. 14 Основ уголовного судопроизводства; ч. 1 ст. 20 УПК РСФСР).

⁴⁴ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 5, стр. 40.

⁴⁵ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 2, стр. 44, 45.

⁴⁶ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 1, стр. 21—23.

А с этим Связано требование проверки всех возможных по обстоятельствам дела версий исследуемого события, недопустимость такого положения, когда следователь и суд придерживаются лишь одной какой-либо версии и упускают, оставляют без проверки иные версии, возможные по обстоятельствам дела и нуждающиеся в тщательном исследовании.

Приговором народного суда Кировабада от 14 мая 1962 г. Ш. • Мирзоян был признан виновным в убийстве своей сестры Г. Мирзоян за то, что она вела аморальный образ жизни. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР от 23 июня 1962 г. приговор был отменен и дело направлено на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. Однако Президиум Верховного суда Азербайджанской ССР 10 августа 1962 г. по протесту прокурора республики отменил определение коллегии и вернул дело на новое кассационное рассмотрение. При повторном кассационном рассмотрении приговор был оставлен в силе. По протесту Председателя Верховного Суда СССР постановление Президиума и последующее кассационное определение Пленумом Верховного Суда СССР были отменены и оставлено в силе кассационное определение, которым приговор народного суда был отменен и дело возвращено на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. Своим Постановлением от 16 мая 1963 г. Пленум Верховного Суда СССР признал, что предварительное и судебное следствие по делу проведены неполно, ряд существенных обстоятельств дела остался невыясненным, выводы суда во многом основаны на предположениях. В частности, в постановлении Пленума указано: «По делу установлено, что с убитой Мирзоян Г. были сняты золотые часы и два золотых кольца, что указывает на другую возможную версию убийства — с целью ограбления. Однако эта версия преступления также не проверена»⁴⁷.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 16 мая 1963 г. отменен приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Армянской ССР, которым Аветисян и Назарян признаны виновными в хищении товаров из магазина и поджоге магазина, и дело возвращено на новое рассмотрение. В определении коллегии Верховного Суда СССР сказано: «В нарушение требований ст. 14 и 15 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик предварительное и судебное следствие по делу проведено неполно и необъективно.

Выводы суда, что недостающие товары с сумме 86 711 руб. явились результатом хищения, совершенного Аветисяном и Наза-

ряном, основаны на сомнительных и до конца не проверенных данных»⁴⁸.

Из принципа материальной истины вытекает требование, чтобы *обвинение основывалось только на доброкачественных, тщательно проверенных и не вызывающих сомнений доказательствах*⁴⁹.

§ 6. Внутреннее судебское убеждение при установлении истины

Чтобы следователь и суд могли установить по уголовному делу подлинную объективную, материальную истину, им должна быть обеспечена возможность свободного и непредвзятого искажения истины.

Закон устанавливает: «Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием.

Никакие доказательства для суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, не имеют заранее установленной силы» (ст. 17 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик; ст. 71 УПК РСФСР).

Здесь говорится о внутреннем убеждении суда (т. е. судей), прокурора, следователя, лица, производящего дознание.

Мы рассмотрим сначала вопрос о *внутреннем убеждении судей*, так как только судьям принадлежит полномочие окончательно решать уголовные дела, признавать обвиняемого виновным в совершении преступления.

Положение, что ни одно доказательство не имеет для судей заранее установленной силы, означает, что, разрешая уголовное дело, суд основывается на собранных и проверенных доказательствах, исходя не из каких-либо формальных признаков этих доказательств, а из того, насколько доказательства достоверны по существу, насколько они способны по обстоятельствам данного дела установить факты в соответствии с действительностью. Ни одно доказательство не имеет для суда заранее установленной, т. е. предустановленной силы, каждое доказательство подлежит проверке и оценке по совокупности всех обстоятельств дела. Суд не обязан верить тому или иному доказательству только потому, что оно надлежаще оформлено, не обязан считать тот или иной факт установленным только потому, что этот факт подтвержден таким-то количеством показаний или удостоверен таким-то документом,

⁴⁸ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1963, № 6, стр. 41.

Об этом будет сказано подробно в гл. XIII при рассмотрении отдельных видов доказательств.

⁴⁷ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1963, № 6, стр. 37—40.

и т. д. Суд не принимает без проверки ни одного доказательства: доказательство может быть положено в основу выводов суда лишь тогда, когда в результате проверки его судом оно оказалось вполне достоверным.

Положение о том, что судьи оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, означает, что судьи признают то или иное доказательство достоверным лишь в той мере, в какой это доказательство убедительно для судей, отвергают его, если оно для судей неубедительно. Соответственно этому никто не может принудить судей верить одному доказательству и не верить другому, признавать один факт установленным, а другой не признавать таковым; судьи решают дело, выносят приговор по своему свободному, внутреннему убеждению, по своей совести.

Любое доказательство может быть положено в основу выводов суда лишь в той мере, в какой тщательная и всесторонняя проверка этого доказательства приводит судей к убеждению в его правильности, достоверности, и, наоборот, всякое доказательство, которое после его проверки всеми возможными по обстоятельствам дела способами осталось сомнительным, неубедительным, должно быть отвергнуто судом, чтобы в основу приговора были положены только вполне убедительные и достоверные доказательства.

Внутреннее убеждение советских судей, по которому они оценивают доказательства и решают дело, есть убеждение судей как деятелей социалистического правосудия. Убеждение советских судей связано с их социалистическим правосознанием, опирается на него, основано на нем. Между внутренним судейским убеждением и социалистическим правосознанием судей есть неразрывная связь, но есть и различие. *Социалистическое правосознание советских судей — это совокупность их общих взглядов и убеждений относительно советского права и его задач, их воззрения на то, что является правомерным, что — неправомерным.* Иными словами, социалистическое правосознание советских судей — это их правовые воззрения. *Внутреннее судейское убеждение — это основанное на правосознании убеждение судьи относительно обстоятельств разбираемого судом конкретного дела, о доказанности или недоказанности фактической стороны дела, о виновности или невиновности обвиняемого и степени его ответственности.*

Так, например, при рассмотрении дела о хищении социалистической собственности социалистическое правосознание судей проявляется в том, что судьи правильно оценивают опасность посягательства на социалистическую собственность как экономическую основу советского строя и убеждены в том, что расхитители социалистической собственности — опасные преступники, заслуживающие сурового наказания. Но для правильного разрешения дела необходимо, чтобы у судей сложилось внутреннее убеждение по данному конкретному делу, что именно этот подсудимый

действительно расхититель социалистической собственности, что вина его доказана. Таким образом, судьи имеют социалистическое правосознание в сложившемся виде еще *до рассмотрения* отдельного уголовного дела; внутреннее же убеждение складывается у судей лишь в *результате рассмотрения* этого дела, по поводу обстоятельств данного конкретного дела, после их тщательной и всесторонней проверки.

В

Возникает вопрос такого рода: имеет ли правосознание значение при оценке доказательств, при установлении фактических обстоятельств дела или его роль заключается лишь в общественно-политической и юридической оценке уже установленных фактов, т. е. в отношении юридической квалификации деяния и назначения наказания.

Несомненно, очень велика роль правосознания при решении вопросов применения норм уголовного права к установленным фактам и при определении наказания в зависимости от характера преступления, личности преступника, выявленных по делу отягчающих и смягчающих обстоятельств. Но этим роль правосознания при решении судом уголовных дел не исчерпывается — правосознание имеет значение и при установлении фактов по делу, при оценке собранных и проверенных доказательств.

Суд при разбирательстве дела должен разобраться в обстоятельствах дела, нередко очень сложных и противоречивых, понять ту жизненную ситуацию, которая проявилась в совершенном преступлении, выяснить иногда спорные и трудно распознаваемые мотивы действий участвующих в деле лиц. Иначе суд не найдет правду, не достигнет истины. А для всего этого необходимо правосознание судей, которое, несомненно, имеет очень большое значение и для оценки доказательств.

Правосознание важно при применении принципов и норм не только материального права, но и процессуального права. Как наука советского уголовного процесса и действующее процессуальное законодательство, так и социалистическое правосознание советских судей требуют абсолютной достоверности виновности обвиняемого для вынесения обвинительного приговора, отвергают предвзятый односторонний обвинительный подход к выяснению обстоятельств дела, не допускают, чтобы обвинение было основано на одном лишь признании обвиняемого, не подтвержденном другими доказательствами, и т. д. Если те или иные судьи нарушают эти положения, они не только нарушают законность, но и отступают от требований социалистического правосознания.

Поэтому нельзя согласиться с иногда высказывавшейся точкой зрения, что правосознание играет существенную роль при оценке уже установленных фактов, но не относится к установле-

но, доказыванию фактов⁵⁰. В законе прямо указано, что суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, «оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению. . . руководствуясь законом и социалистическим правосознанием» (ст. 17 Основ уголовного судопроизводства; ст. 71 УПК РСФСР).

Внутреннее убеждение судей распространяется не только на оценку доказательств, но и на разрешение всех иных вопросов дела, на оценку деяния и личности подсудимого, на определение наказания.

Действительно, судьи могут вынести лишь такой приговор, в правильности которого *во всех его частях* они убеждены. Это значит, что судьи должны быть убеждены и в том, что преступление, в совершении которого они признают виновным подсудимого, есть именно такое-то, а не иное преступление (например, убийство с отягчающими обстоятельствами или без них), что лицо, совершившее преступление, заслуживает именно такого-то наказания, а не иного (более строгого или более мягкого). Судьи не могут, не имеют права вынести приговор, в отношении хотя бы одной какой-либо части которого у них нет совершенно твердого убеждения. В этом выражается принцип независимости судей и их подчинения только закону. Однако особое значение и специфические черты внутреннего судейского убеждения проявляются именно при оценке доказательств.

Внутреннее судейское убеждение создается у судей в результате всестороннего и тщательного исследования всех обстоятельств дела, всех собранных по делу доказательств. Оно должно опираться на объективные факты и обстоятельства дела и ни в коем случае не может быть произвольным, необоснованным. Внутреннее убеждение судей не может и не должно смешиваться с *впечатлениями*, полученными судьями при восприятии отдельных доказательств, при выслушивании показаний подсудимого и свидетелей и т. д.

В процессе ведения судебного следствия, при допросе подсудимого и свидетелей у судей создаются различные впечатления относительно правильности или неправильности тех или иных показаний, достоверности или недостоверности тех или иных фактов. Эти впечатления могут меняться по ходу судебного следствия: то, что сначала казалось достоверным, при дальнейшем исследовании опровергается, а то, что сначала казалось сомнительным, неправдоподобным, позднее разъясняется и оказывается несомнен-

ным, верным. Все эти впечатления, полученные судьями от рассматриваемых ими доказательств, представляют собой материал для формирования внутреннего убеждения судей, но не являются самим этим убеждением. Убеждение у судей образуется лишь тогда, когда все доказательства будут всесторонне проверены, все сомнительное, недостоверное, случайное будет отброшено и суд остановится на том, что подтверждено, что несомненно и достоверно.

В судебном разбирательстве судьи знакомятся с имеющимися в деле доказательствами, допрашивают подсудимых и свидетелей, выслушивают заключения экспертов, осматривают вещественные доказательства. Восприятие доказательств создает у судей отдельные впечатления, которые накапливаются по мере развития судебного процесса. В тот или иной момент процесса эти впечатления могут наталкивать судей на тот или иной вывод относительно доказанности или недоказанности исследуемых фактов, виновности или невиновности обвиняемого и степени его ответственности. Но это — пока еще только впечатления, не создающие твердого убеждения и не дающие достоверного познания исследуемых по делу фактов. Это познание достигается тогда, когда судьи проверяют свои впечатления, обдумывают и взвешивают имеющиеся в деле данные, отсеивают и отбрасывают все ненужное, наносное, случайное, сомнительное, отбирают то, что подтверждено, достоверно, твердо установлено. Именно в результате такой логической работы судей, соединяющей анализ и синтез в исследовании доказательств, ими вырабатывается подлинное внутреннее убеждение и достигается истина.

Закон прямо говорит, что внутреннее убеждение должно быть основано на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела (ст. 17 Основ уголовного судопроизводства), т. е. внутреннее убеждение должно вытекать из обстоятельств дела, обуславливаться ими, вырабатываться в процессе исследования обстоятельств дела.

Внутреннее судейское убеждение есть разумная уверенность советских судей в правильности их выводов по делу, достигнутая тщательным и всесторонним исследованием обстоятельств дела и вытекающая из твердо установленных и достоверных обстоятельств дела. Судейское убеждение лишено всякой иррациональности, это не интуиция и не безотчетное чувство, а твердая и обоснованная уверенность судей в виновности или невиновности обвиняемого, основанная на том, что именно этот вывод — и только он — вытекает из обстоятельств дела, а все иные возможные решения дела отброшены как находящиеся в противоречии с обстоятельствами дела и не соответствующие действительности.

Только при этом условии внутреннее судейское убеждение можно признать действительным, и только такое убеждение и может служить основой оценки доказательств. Если же этого нет, —

⁵⁰ А. А. Пионтковский и В. М. Чхиквадзе. Укрепление социалистической законности и некоторые вопросы теории советского уголовного права и процесса, «Советское государство и право», 1956, № 4, стр. 36.

нет и убеждения судей, а есть лишь их впечатления, ошибочно принятые за убеждение, или есть предубеждение, предвзятое мнение, которое не приводит судей к истине, а уводит от нее.

Процесс формирования внутреннего судейского убеждения есть процесс познания судьями фактов и обстоятельств дела, т. е. процесс познания истины. В этом процессе находят свое выражение те свойства процесса познания, которые проявляются при познании любого объекта.

В. И. Ленин следующим образом охарактеризовал диалектический путь познания: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности»⁶¹.

Познание начинается с живого созерцания, с чувственного познания объекта, с восприятия его таким, каким он воспринимается нами, посредством наших органов чувств. Этот чувственный этап познания дает возможность охватить лишь внешние, поверхностные свойства данного явления, а потому и само познание на этом этапе поверхностно, неточно и неполно.

Следующий этап познания — абстрактное мышление, рациональное, логическое познание, которое состоит в том, что мысль перерабатывает полученные ранее ощущения и восприятия, отделяет существенное от несущественного, достоверное от недостоверного, вскрывает сущность изучаемого объекта, обнаруживает внутренние закономерные связи явлений. Только на этом этапе логического, рационального познания достигается действительное знание.

Это — всеобщий процесс познания, он проходит указанные этапы во всех случаях познания: и тогда, когда познание состоит в научном исследовании закономерностей природы и общества, и тогда, когда изучается какой-либо отдельный предмет, факт, событие.

Непосредственное восприятие судьями всех рассматриваемых доказательств в процессе исследования обстоятельств дела является необходимым условием этого исследования, но вовсе не исчерпывает и не завершает его: требуется громадная мыслительная работа судей, обдумывание всех данных дела, каждого в отдельности и всех в совокупности, выяснение связи фактов дела, причины каждого из них, рассмотрение всех тех фактов, которые играли роль в жизненной ситуации, выразившейся в совершении преступления, и т. д.

Только такая упорная, напряженная работа мысли может привести судей к истине в рассматриваемом деле.

Эта мыслительная деятельность судей связывается с практикой, с практическими выводами, с практической проверкой полу-

чаемых выводов при помощи новых судебно-процессуальных действий, собирания и проверки новых доказательств, либо повторной проверки уже имеющихся доказательств.

Именно таким путем в судебном исследовании достигается истина. Истина, исследуемая и достигаемая судом, — это *объективная истина*. Внутреннее убеждение судей — всегда *субъективно*; отношение между ними следует определить таким образом: *внутреннее убеждение судей есть субъективное выражение объективной истины*.

Поскольку оценка имеющихся в деле доказательств производится судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, внутреннее убеждение судей есть критерий оценки доказательств в уголовном процессе. Понимать это положение следует таким образом, что закон не устанавливает никаких внешних критериев, которыми судьи были бы обязаны руководствоваться при оценке доказательств, не указывает никаких формальных признаков, в силу которых судьи были бы обязаны признавать то или иное доказательство достоверным или недостоверным. Закон предоставляет судьям право признавать достоверным то доказательство, которое их убеждает, и, наоборот, отвергать как не достоверное то доказательство, которое для них неубедительно.

В этом смысле внутреннее судейское убеждение считается критерием оценки доказательств. Но само убеждение судей должно быть правильным, обоснованным, поэтому нужен *критерий и для самого внутреннего убеждения судей*. Такой критерий — соответствие судейского убеждения фактическим обстоятельствам дела. Убеждение судей, не обоснованное данными дела, не вытекающее из обстоятельств дела, есть не действительное убеждение, а произвольное мнение, впечатление, догадка, предположение, на основе которых нельзя разрешать дела.

Будучи критерием оценки доказательств в указанном смысле, внутреннее судейское убеждение ни в коей мере нельзя принимать за критерий истинности устанавливаемых судом фактов. Вывод, утверждение суда о том или ином факте истинно не потому, что суд убежден в существовании этого факта, а потому, что вывод суда о факте соответствует такому факту, какой имел место в действительности, независимо от суда.

Нельзя смешивать *критерий оценки доказательств*, при помощи которых устанавливается истина, с *критерий истинности выводов суда*, получаемых при помощи доказательств.

Рассматривать же внутреннее убеждение судей как критерий истинности выводов суда — значит подменять объективную истину

° В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 152—153,

Субъективной уверенностью, которая сама может быть правильной или ошибочной⁵².

Процесс познания той или иной сферы объективной действительности протекает в связи с практикой, с практической деятельностью. Практика входит в процесс познания и является критерием истинности полученных знаний, давая возможность отделять истинные, правильные суждения и выводы от ложных, ошибочных.

Критерием истинности выводов суда, к которым он приходит в приговоре, как и вообще критерием истинности знаний, достигаемых людьми при изучении предметов, явлений действительности, служит практика, практическая деятельность людей. Это общее положение марксистско-ленинской теории познания в сфере судебного исследования сохраняет всю свою силу, но имеет специфические формы выражения.

⁶² Об этом правильно пишет А. А. Старченко: «Когда говорят, что внутреннее судейское убеждение служит «критерием оценки» доказательств, то под этим понимают объективный, не стесненный никакими формальными условиями способ *искания* истины. Однако способ или условие наилучшего отыскания объективной истины, каким является внутреннее убеждение судей, не может ни в коей мере расцениваться как *критерий истины, как определитель достоверности* полученных знаний. . .» (А. А. Старченко. Проблема объективной истины в теории уголовного процесса. «Вопросы философии», 1956, № 2, стр. 115).

Ряд авторов оспаривают понимание внутреннего убеждения судей как критерия оценки доказательств. А. И. Трусов усматривает в такой трактовке внутреннего убеждения даже проявление идеализма и определяет внутреннее убеждение как *метод* оценки доказательств (А. И. Трусов. Основы теории судебных доказательств, стр. 105—107, 159). В. Д. Арсеньев определяет внутреннее убеждение «как метод и как результат оценки, доказательств» (В. Д. Арсеньев. Вопросы общей теории судебных доказательств. Изд-во «Юридическая литература», 1964, стр. 153 и сл.). Конечно, внутреннее убеждение судей можно назвать и методом оценки доказательств; оно в то же время есть и результат оценки. Но это ни в малейшей мере не лишает внутреннее убеждение его значения критерия оценки доказательств в том смысле, в каком мы указывали выше: оценка доказательств производится судьями *по их* внутреннему убеждению, а то, *по чему* что-либо оценивается, всегда есть критерий этой оценки.

В книге «Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая» оспаривается взгляд на внутреннее убеждение как критерий оценки доказательств и утверждается, что внутреннее убеждение есть «основа оценки доказательств» (стр. 361). Конечно, внутреннее убеждение имеет и это значение. Но непонятно, почему авторы считают, что такое понимание внутреннего убеждения менее уязвимо и более защищено от упреков в том, что оно преувеличивает в оценке доказательств субъективный момент? Ведь в данном контексте понятие основы оценки включает в себя и понятие критерия.

В общем, приходится признать, что авторы, отрицающие значение внутреннего убеждения судей как критерия оценки доказательств, просто заменяют слово «критерий» другим словом — «метод», «основа», ничего не изменяя по существу.

В судебном исследовании неприменим способ экспериментальной проверки факта совершения преступления определенным лицом, так как нельзя повторить преступление, чтобы убедиться, правильно ли оно было познано судом. Правда, в уголовном процессе некоторое применение имеет так называемый следственный эксперимент, заключающийся в воспроизведении обстановки какого-либо события для проверки утверждаемых обвиняемым или свидетелем фактов. Но такой следственный эксперимент может касаться лишь отдельных обстоятельств дела и не устраняет того общего положения, что при расследовании дела нельзя путем эксперимента проверить самый факт совершения преступления.

Однако практика вовсе не исчерпывается экспериментом, который представляет собой лишь частный случай, частный прием практики. В судебном исследовании практика выступает как критерий истинности выводов суда в виде всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела, проверки выводов следствия и суда фактами, применения научно-технических приемов исследования вещественных доказательств, исследования каждого отдельного доказательства и всей совокупности доказательств всеми доступными по делу способами, с предоставлением участникам процесса возможности свободно осуществлять свои права и защищать свои интересы всеми законными средствами. Такая практика действительно служит критерием истинности всех выдвигаемых при расследовании и разбирательстве дела выводов и утверждений⁶³.

При этом необходимо иметь в виду, что сама практика не дает таких правил, которые указывали бы, какое конкретное доказательство по данному делу истинно, а какое ложно, какому следует верить, а какому верить нельзя. Таких правил практика не устанавливает и устанавливать не может, иначе это были бы формальные, предустановленные доказательства, решительно отвергаемые советским процессуальным законодательством и советской юридической наукой. В. И. Ленин, говоря о практике как критерий истинности знаний, указывал: «...не надо забывать, что критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления»⁶⁴. А при расследовании и разрешении конкретного уголовного дела требуется именно подтверждение или опровержение определенного представления — виновно или невиновно привлеченное к уголовной ответственности лицо. Поэтому в уголовном процессе практика выступает как

⁶³ Интересные соображения по этому вопросу см.: Р. С. Белкин. Сущность экспериментального метода исследования в советском уголовном процессе. М., Изд. Высшей школы МВД РСФСР, 1961; А. И. Трусов. Основы теории судебных доказательств, стр. 91, 92.

⁶⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 145—146.

критерий истины не непосредственно при оценке отдельного доказательства, а опосредствованно, в обобщенном виде, давая следствию и суду правильную ориентировку в исследовании обстоятельств дела, предостерегая от ошибок, подтверждая возможность приходиться к истинным, абсолютно достоверным выводам⁵⁵.

Значение внутреннего убеждения судей при оценке доказательств очень велико — это верный путь и надежное средство искания истины по рассматриваемому судом делу.

Конечно, в практике бывают и случаи ошибочного убеждения судей, когда они убеждаются в том, чего в действительности не было, и в результате этого неправильно разрешают дело. Однако неправильное разрешение дела обычно происходит не тогда, когда глубокое и твердое убеждение судей оказалось ложным, а тогда, когда судьи недостаточно углубились в обстоятельства дела, подошли к делу поверхностно и свои выводы основали на впечатлениях, которые они ошибочно приняли за убеждение. Но если у судей нет твердого внутреннего убеждения в виновности обвиняемого, если они не пришли к такому убеждению, если у них остаются сомнения, истина не может считаться найденной, обвинение не должно считаться доказанным.

Вынесение судьями обвинительного приговора при отсутствии у суда твердого убеждения в виновности подсудимого — это грубое нарушение принципов советского правосудия и уголовного процесса.

Поскольку внутреннее убеждение судей — не произвольное и не безотчетное чувство, а разумная уверенность, достигнутая судьями в результате тщательного и всестороннего исследования обстоятельств дела, суд при вынесении приговора обязан указать в нем мотивы, в силу которых он дал ту или иную оценку имеющимся в деле доказательствам. Суд не может произвольно положиться на одни доказательства и отвергнуть другие, не ука-

⁵⁵ Правильно утверждение А. А. Эйсмана, что в области судопроизводства «критерий истины в основном выступает опосредствованно, как обобщенная историческая практика, подтверждающая адекватность мышления вообще, а не данной отдельной мысли данного отдельного субъекта» (А. А. Эйсм. Соотношение истины и достоверности в уголовном процессе. «Советское государство и право», 1966, № 6, стр. 92, 93).

Своеобразно решает вопрос о практике как критерии истины в уголовном процессе В. Д. Арсеньев: «Представляется, что как критерий истины практика в уголовном процессе выступает в виде определенной совокупности (системы) доказательств, полученных в результате следственных и судебных действий» (см. «Тезисы докладов и научных сообщений на межвузовской теоретической конференции на тему «Роль права в развитии социалистической экономики и демократии на современном этапе». Изд-во МГУ, 1966, стр. 108). Иными словами, доказательства оцениваются на основе самих же доказательств. Это, конечно, не решение вопроса.

зав в приговоре основания, из которых он исходил при оценке доказательств, признавая правильными одни и отвергая как неверные другие.

Отсюда — важное положение уголовного процесса: требование обязательной мотивировки приговора — указания в нем, на основании чего суд пришел к выводу о виновности или невиновности подсудимого. Первоначально это положение было выработано судебной практикой, не будучи выражено в законе.

Б Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре» говорилось о том, что каждый приговор суда должен быть мотивирован, т. е. в нем должны быть приведены доказательства, на которых суд основал свой вывод о виновности или невиновности подсудимого, и те основания, которыми суд руководствовался, давая оценку доказательствам. Поэтому при вынесении приговора суду следует указать мотивы, почему он принял одни доказательства и отверг другие⁵⁶.

В настоящее время этот вопрос разрешен в законодательном Порядке: при вынесении обвинительного приговора суд обязан указать в приговоре доказательства, на которых основаны выводы суда, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства. В оправдательном приговоре судом должны быть приведены доказательства, послужившие основанием для оправдания подсудимого, с указанием мотивов, обосновывающих, почему суд отверг доказательства, на которых было основано обвинение (ст. 314 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

Мы говорим о внутреннем убеждении судей, решающих дело, об оценке доказательств судьями по их внутреннему убеждению. Однако несомненно то, что на предварительном следствии доказательства оценивает по своему внутреннему убеждению следователь, а при поддержании обвинения в суде — прокурор, на что и указывает закон.

Оценка доказательств следователем и прокурором также производится по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности. Как и для судей, для следователя и прокурора ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы, каждое доказательство должно быть проверено и принято или отвергнуто следователем и прокурором.

Следователь может закончить предварительное следствие и составить обвинительное заключение лишь тогда, когда он пришел к твердому убеждению в виновности обвиняемого. Точно так же прокурор может утвердить обвинительное заключение,

См.: «Сборник действующих постановлений Пленума Верховного СССР, 1924—1957». Госюриздат, 1958, стр. 94.

передать дело в суд и поддерживать обвинение лишь тогда, когда он убежден в виновности обвиняемого (подсудимого).

Однако оценка доказательств, производимая следователем и прокурором, имеет только предварительный характер, так как окончательная оценка доказательств, окончательное решение вопроса о виновности обвиняемого принадлежит только суду.

Субъективно для следователя данная им оценка доказательств окончательна, поскольку он, следователь, окончательно для себя пришел к выводу о виновности обвиняемого, но для дела, для его разрешения это все же только предварительная оценка, поскольку решать дело будет суд. В таком же положении находится и прокурор, однако надо иметь в виду, что на суде, в зависимости от данных судебного следствия, прокурор может изменить свои выводы и отказаться от обвинения.

Предварительная оценка доказательств, делаемая следователем и прокурором, может превратиться в окончательную только в негативной форме, в виде вывода о невиновности обвиняемого при прекращении ими дела до суда; но в позитивной форме, т. е. в виде вывода о виновности, окончательная оценка доказательств принадлежит только судьям.

Внутреннее убеждение судей, рассматривающих дело в суде первой инстанции, существенно отличается от убеждения следователя и прокурора также и потому, что оно вырабатывается коллегиально, в условиях устного, непосредственного и состязательного процесса.

Предварительная оценка доказательств следователем и прокурором не влияет на формирование внутреннего убеждения судей и на оценку собранных по делу доказательств. Судейское убеждение начинает формироваться впервые в судебном заседании, тогда же судьи приступают к проверке и оценке доказательств вне всякой зависимости от того, как оценивали эти доказательства следователь и прокурор до передачи дела в суд. В этом, в частности, выражается принцип независимости судей и их подчинения только закону.

Таково значение внутреннего убеждения судей, следователя, прокурора при оценке ими доказательств. Но внутреннее убеждение, при котором можно правильно оценивать доказательства и на их основе правильно расследовать и разрешать дело, ни в малейшей мере не заменяет недостающие доказательства и не позволяет сделать какой-либо вывод, не опирающийся на доказательства, не вытекающий из доказательств. В существовании или несуществовании какого-либо факта судьи, следователь, прокурор, лицо, производящее дознание, могут быть убеждены только на основании доказательств, исходя из доказательств, опираясь на доказательства⁵⁷.

⁷ Председатель Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР Г. З. Анашкин в статье «Повысить качество рассмотрения

«

Внутреннее убеждение судей, следователя и прокурора — это разумная, осознанная и обоснованная уверенность в правильности определенного вывода, опирающаяся на объективные факты и достигаемая в результате вдумчивого, непредвзятого и всестороннего исследования всех обстоятельств дела. Поэтому, если судьи убеждены в доказанности определенного факта, они всегда могут, а в силу закона и обязаны указать, на что опирается их убеждение. Поэтому внутреннее убеждение — это именно разумная и аргументированная уверенность, а никак не «интуиция», не «чутье», не «наитие», не «импульс» и т. п.

Однако иногда высказывается мнение, что в процессе исследования, доказывания имеющих для дела значение фактов определенную роль играет интуиция, что судьи, следователь, прокурор при расследовании и разрешении уголовного дела руководствуются не только рассудочным, логическим рассуждением и обоснованием своих выводов, но и интуицией. Под интуицией имеется в виду получение определенного знания без предварительного обдумывания и логического рассуждения, — таким образом, что исследователь приходит к определенному выводу, не уясняя себе, почему именно, в силу каких оснований он к этому выводу пришел.

Такую точку зрения настойчиво защищает А. Р. Ратинов⁵⁸. Суть его концепции относительно интуиции в следственной и судебной работе состоит в следующем.

Когда при расследовании и судебном разбирательстве уголовного дела у следователя и судей нет достаточных исходных данных, из которых можно было бы сделать достоверный вывод, перед ними встает «творческая задача». «Для ее решения одних лишь рассуждений на основе известных предпосылок (так назы-

уголовных дел судьями первой инстанции) приводит такую мотивировку, содержащуюся в постановлении прокурора о прекращении дела: «При полной убежденности в виновности К. . . . следует признать, что имеющихся в настоящее время в деле доказательств недостаточно для вынесения обвинительного приговора». Автор правильно замечает по этому поводу: «Непонятно, как можно быть убежденным в виновности, если нет доказательств» («Социалистическая законность», 1966, № 1, стр. 51).

⁶⁸ См.: А. Ратинов. О следственной интуиции («Социалистическая законность», 1958, № 4). Эту же точку зрения А. Р. Ратинов подробно развивает в главе второй «Использование некоторых данных психологии в процессе доказывания» коллективной монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая» (стр. 154 и сл.), в статье «Вопросы следственного мышления в свете теории информации» (сб. «Вопросы кибернетики и право») и в книге «Судебная психология для следователей» (Изд. Высшей школы МООП СССР, 1967, стр. 133—137). Автор настоящего Курса решительно высказался против этой точки зрения (см.: М. С. Строгович. О рациональном и эмоциональном в судебном исследовании. «Советское государство и право», 1959, № 5).

ваемое дискурсивное⁸⁹ мышление) оказывается недостаточно». И далее: «При отсутствии и неполноте фактического знания следователь и судья призывают на помощь творческое воображение»⁶⁰. Пользуясь таким творческим воображением, судья и следователь восполняют недостающие фактические данные таким образом, что создают в своем воображении «модель расследуемого события»⁶¹. Эта «идеальная модель», т. е. воображаемая картина преступления, открывает путь дальнейшему исследованию: рассматривая или же созданную модель расследуемого преступления, «следователь, судьи видят, *какие установленные по делу факты отвечают и какие не отвечают построенной модели*» (выделено мной. — М. С.)⁶².

Интуиция заключается, таким образом, по мнению А. Р. Ратинова, в нахождении определенного вывода при отсутствии у исследователя достаточных данных для обоснования этого вывода. Иными словами, это догадка. Этим интуитивное мышление отличается от дискурсивного: выводы последнего исходят из определенных, осознанных логических оснований, тогда как интуитивный вывод есть догадка, плод творческого воображения, на достаточные основания не опирающийся⁶³.

Мы думаем, что в следственной и судебной деятельности интуиция это не тот путь, который ведет следователя и судей к истине, это путь к заблуждению, к подмене логических аргументов фантазированием. Действительно, если в распоряжении следователя или судей нет достаточных, как говорит А. Р. Ратинов, «исходных данных», или «информации», это значит, что по делу не собраны достаточные доказательства. А раз так, то их нужно искать, — искать энергично, активно. То, что автор называет «моделью», в данном случае означает не что иное, как версию. При расследовании дела требуется проверить все возможные по обстоятельствам дела версии, отбросить неподтвердившиеся и остановиться на той, которая подтверждается всеми обстоятельствами дела. И не факты должны соответствовать версии («модели»), а версия фактам, не факты расцениваются по версии, а версия по фактам. Причем же здесь интуиция? Это строго логическое обоснование, рациональное исследование.

Справедливость требует отметить, что А. Р. Ратинов вовсе не предлагает решать дела «по интуиции», он подчеркивает всегда предположительный, а не категорический характер интуитивно полученного знания.

⁸⁹ Рассудочное.

⁶⁰ «Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая», стр. 156.

⁶¹ Там же, стр. 159, 163.

⁶² Там же, стр. 163.

⁶³ «Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая», стр. 166, 167.

Приведа слова М. Горького «Интуиция создает гипотезы», А. Р. Ратинов пишет: «Именно это и предопределяет значение интуиции в судебном исследовании. Она играет важную вспомогательную роль в процессе доказывания, но безразлична с точки зрения конечных результатов этого процесса, неприменима как метод оценки доказательств и основание процессуальных решений»⁶⁴.

Характеристику интуиции в следственной и судебной деятельности А. Р. Ратинов завершает словами: «В смысле процессуального интуиция, конечно, не имеет никакого значения»⁶⁵. Собственно говоря, автор сам опрокидывает свою концепцию, ибо в судебном исследовании речь идет именно о конечных результатах доказывания, об оценке доказательств, об основаниях выводов следствия и суда по делу. А к этому, оказывается, интуиция совершенно не относится, и в процессуальном отношении она не имеет никакого значения.

Но если интуиция будет включаться в процесс исследования обстоятельств уголовного дела в качестве интегральной части этого процесса, хотя бы лишь для конструирования версий, если направление исследования будет определяться при помощи интуиции, если факты будут прилаживаться, примеряться к созданной творческим воображением «идеальной модели» расследуемого преступления, нет никаких гарантий, что интуиция останется в отведенных ей А. Р. Ратиновым рамках. Наоборот, интуиция обязательно выйдет за эти рамки, она окажет решающее влияние на окончательный вывод, она ляжет в основание судебного приговора и тем не приведет суд к истине, а уведет его от нее⁶⁶.

Верный же путь к истине — это всестороннее и непредвзятое исследование обстоятельств дела, непредубежденный подход к доказательствам, выводы только из достаточных и достоверных данных⁶⁷.

«Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая», стр. 169.

«Вопросы кибернетики и право», стр. 199.

Чрезвычайно примечателен приведенный А. Р. Ратиновым пример подлежащей исследованию интуитивным путем «творческой задачи», для решения которой рассудочных, логических оснований недостаточно, а нужно «творческое воображение». «К числу такого рода задач относится, например, выяснение источников нетрудовых доходов лица, жившего явно не по средствам, когда отсутствуют достоверные и достаточные указания по этому поводу» («Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая», стр. 156). По нашему мнению, достаточно этого примера, чтобы еще более стало ясно, что предлагаемое А. Р. Ратиновым применение интуиции в следственной и судебной деятельности, при всех оговорках, ограничениях и предостережениях, делаемых автором, есть не тот путь, по которому должны идти следователи и судьи в поисках истины. Философы-марксисты подвергают резкой и принципиальной критике буржуазный идеалистический интуитивизм с его иррационализмом и

Мы говорим об исследовании обстоятельств уголовного дела, о доказывании имеющих значение для правильного решения дела фактов, как о рациональной, опирающейся на логические основания деятельности. Но это вовсе не означает, что вся деятельность судей, следователя, прокурора есть только работа мысли, что она Пе связана с чувствами, эмоциями. Поиски истины всегда связаны с эмоциями ищущего истину.

В поисках истины, разбираясь в сложных и противоречивых обстоятельствах дела, следователь, судьи преодолевают большие трудности; в этом участвуют все их душевные силы, что порой связано с большими переживаниями, эмоциями. Если обстоятельства дела сомнительны, улики недостаточны, направление исследования неясно, это всегда мучительно для понимающих свой долг, чутких, человеческих судей, следователя, прокурора. Наоборот, когда неясные обстоятельства дела в результате настойчивых усилий начинают проясняться и постепенно укрепляется чувство уверенности в правильности определенного вы-

мпстицизмом. Но в разработке проблемы интуиции с марксистских материалистических позиций еще нет полной ясности. Профессор В. Ф. Асмус разъясняет таким образом сущность интуиции: «В составе постижений ума имеются истины, которые ум признает не на основании доказательства, а просто усмотрением мыслимого в них содержания» (В. Ф. Асмус. Проблема интуиции в философии и математике. Соцэкгиз, 1963, стр. 5, 289, 295). Ясно, что в уголовном процессе истина без доказательства не признается, не устанавливается.

Вообще само понятие интуиции многозначно, на что указывал канадский ученый, физик и философ-материалист М. Бунге в своем труде «Интуиция и наука» (перев. с англ. Изд-во «Прогресс», 1967); это и быстрое отождествление предмета, и особые формы воображения, и ускоренное умозаключение, и многое другое (стр. 92—148). Но во всех ее видах и при всех условиях, по утверждению автора, «интуиция — это только недостоверный зачаток мысли» (стр. 142).

Недостаточную разработанность проблемы интуиции признают сами исследователи этой проблемы. Я. А. Пономарев пишет в своей книге «Психика и интуиция» (Политиздат, 1967): «Пока еще рано рассуждать о строго научной теории психологического механизма интуиции» (стр. 254). «Думается, что создать строго научную теорию интуиции не проще, чем посадиться на спутнике Юпитера» (там же). «Тайны механизма интуиции будут несомненно раскрыты, и тем скорее, чем правильнее будет выбрана стратегия исследования» (стр. 255).

Следует присоединиться к словам профессора П. В. Копнина, которыми он заканчивает рассмотрение проблемы интуиции: «Вскрытие механизма интуиции — проблема, над решением которой должны совместно трудиться многие области современной науки, при этом особенно важно учитывать особенности индивидуального познания. Только на основе глубокого исследования того, что называется интуицией, можно окончательно преодолеть интуитивистские, иррационалистические спекуляции» (П. В. К о п н и н. Указ. соч., стр. 185). Все это надо иметь в виду при рассмотрении вопроса об интуиции в деятельности следователей и судей, иначе мы рискуем внести в эту деятельность и «истины, не опирающиеся на доказательства», и «недостоверные зачатки мысли», и научно не проверенные психологические приемы, и всяческие иррационалистические, алогические импульсы и факторы,

вода, это вызывает у судей, следователя, прокурора чувство удовлетворения.

Но не эти эмоциональные побуждения определяют исследование обстоятельств дела и не они влияют на его результат: направляющее, определяющее, обуславливающее и решающее значение принадлежит разуму, мышлению, сознанию, логике. И внутреннее убеждение тех, кто решает уголовное дело и от решения кого зависит судьба живого человека, должно опираться на твердые, логические основания, должно соответствовать фактам, должно быть субъективным выражением объективной истины.

.....

Проблема внутреннего убеждения судей, равно как прокурора и следователя, очень сложна. В нашей юридической литературе она разработана недостаточно. Само внутреннее убеждение — явление сложное, оно имеет разные стороны, аспекты:

— внутреннее убеждение судей имеет *юридический, процессуальный* характер, поскольку на его основе оцениваются доказательства, принимаются юридические решения;

— внутреннее убеждение судей имеет *психологический* характер, так как внутреннее убеждение — это определенное состояние сознания судьи;

— внутреннему убеждению судей присущ *этический, моральный* характер: судить по убеждению — значит судить по совести, решать так, как велит совесть.

Несомненно, что успешная разработка проблемы внутреннего убеждения судей должна опираться на достижения как процессуальной науки, так и психологии и этики.

§ 7. Презумпция невиновности

Презумпция невиновности означает, что обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в установленном законом порядке.

Этот принцип допускает признание привлеченного к уголовной ответственности лица виновным в совершении преступления лишь тогда, когда его виновность доказана с полной несомненностью и достоверностью. Виновным может быть признано то лицо, виновность которого доказана; пока же виновность не доказана, лицо считается невиновным.

В соответствии с презумпцией невиновности органы следствия, прокуратура и суд могут делать выводы о виновности обвиняемого в той мере, в какой эти выводы подтверждены проверенными и доброкачественными доказательствами, и не могут основывать свои утверждения о виновности обвиняемого на предположениях.

Практическое применение презумпции невиновности состоит в следующем:

1) при производстве расследования и судебного разбирательства исключается односторонне-обвинительный подход, предвзятое отношение к установлению виновности обвиняемого и требуется полное, всестороннее и объективное исследование всех обстоятельств дела;

2) суд может признать обвиняемого (подсудимого) виновным и осудить его, когда виновность доказана с полной достоверностью и исключены все сомнения в виновности;

3) если в деле нет достаточных доказательств, убедительно удостоверяющих виновность обвиняемого, обвинение признается недоказанным, а привлеченное к уголовной ответственности лицо невиновным. Иными словами, *недоказанная виновность обвиняемого равнозначна его доказанной невиновности: если не доказано, что обвиняемый виновен — значит доказано, что он невиновен.*

Отдельной формулировки презумпции невиновности в том виде, как она дана выше, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве нет. Но все содержание презумпции невиновности выражено в ряде норм уголовно-процессуального законодательства.

Согласно ст. 7 Основ уголовного судопроизводства никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе, как по приговору суда. Из этого следует, что пока суд не сказал своего слова о виновности обвиняемого, не признал его виновность доказанной, обвиняемый не считается виновным.

Ст. 14 Основ уголовного судопроизводства обязывает суд, прокурора, следователя и лицо, производящее дознание, обеспечить всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела, выяснить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого обстоятельства. Поскольку речь идет о выяснении обстоятельств, оправдывающих обвиняемого, т. е. опровергающих обвинение, доказывающих его невиновность, привлеченное к уголовной ответственности лицо еще не считается виновным в силу самого факта его привлечения, вывод о его виновности не предпринимается.

В той же ст. 14 Основ указано, что на обвиняемого нельзя перелгать обязанность доказывания, т. е. нельзя обязывать его доказывать свою невиновность. Это значит, что не обвиняемый обязан доказать, что он не виновен, а орган уголовного преследования должен положительно доказать его виновность, и пока виновность не доказана, обвиняемый считается невиновным.

В ст. 36 Основ указано, что акт предания обвиняемого суду не предпринимает вопроса о его виновности.

В ст. 43 Основ содержится положение: «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется

лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана».

Все эти положения выражают содержание презумпции невиновности.

Смысл, значение презумпции невиновности, таким образом, заключается в том, что виновным в совершении преступления может быть признан лишь тот, чья виновность доказана с полной несомненностью и достоверностью, в точном соответствии с законом, в том порядке, который установлен законом. Презумпция невиновности является существенным условием правильного осуществления социалистического правосудия, гарантией социалистической законности⁶⁸.

Презумпция невиновности — ценный, гуманный, подлинно демократический процессуальный принцип, органически присущий социалистическому судопроизводству.

Презумпция невиновности соответствует природе и задачам советского социалистического правосудия и уголовного процесса, являясь гарантией правильного, справедливого разрешения уголовного дела.

Соблюдение этого принципа требует высокого качества следственной и судебной работы, безошибочности применения репрессии к действительным преступникам. Тем самым презумпция невиновности является важным условием успешной борьбы с преступлениями.

Согласно презумпции невиновности обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в *установленном законом порядке*, т. е. виновность должна быть установлена приговором суда, пока же приговор не вынесен, обвиняемый не признается виновным, вопрос о его виновности не разрешен.

Но это — один признак, одно требование презумпции невиновности. Другое ее требование, другой ее признак состоит в том, что виновность должна быть *доказана*, подтверждена доказательствами, без доказательств нельзя утверждать виновность обвиняемого, любое утверждение любого органа или лица, участвующего в судопроизводстве, о виновности обвиняемого имеет значение лишь в той мере, в какой оно основывается на доказательствах, подтверждается доказательствами. Если же нет достаточных доказательств виновности обвиняемого — он признается невиновным.

Только оба эти условия вместе определяют презумпцию невиновности. Если ограничить содержание презумпции невиновности только одним признаком (обвиняемый считается невиновным,

68 Об этом см. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. Изд-во «Юридическая литература», 1966, стр. 436—438.

пока не вынесен обвинительный приговор), получится, что никто не вправе считать обвиняемого виновным, пока нет приговора, какие бы доказательства виновности обвиняемого ни имелись налицо. Когда же приговор вынесен, все обязаны считать обвиняемого виновным, хотя бы достаточных доказательств виновности обвиняемого собрано не было.

Если же презумпцию невиновности ограничить одним другим признаком — доказанностью виновности — получится, что обвиняемый может быть признан виновным и без приговора суда, если следователь и прокурор собрали доказательства виновности, которые они считают достаточными.

Нужно сочетание обоих признаков, обоих условий — доказанности по существу и обвинительного приговора суда.

Ввиду этих соображений содержание презумпции невиновности выражает более развернутая формула таким образом: *обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана с полной несомненностью и достоверностью при помощи собранных по делу доказательств и суд не признает обвиняемого виновным своим приговором.*

Здесь иногда возникает такой вопрос: Как же может считаться невиновным *обвиняемый*, т. е. лицо, привлеченное к уголовной ответственности по обвинению в совершении преступления, когда обвиняемый потому и привлечен и ему предъявлено обвинение, что его считают виновным? Ведь иначе он не был бы привлечен, не стал бы обвиняемым. Человек привлечен в качестве обвиняемого, ему предъявлено обвинение, к нему применена мера пресечения, он подвергнут заключению под стражу, — а в силу презумпции невиновности он считается невиновным. Получается видимое противоречие.

Кем считается обвиняемый невиновным в силу презумпции невиновности? Очевидно, не следователем, который привлек его к уголовной ответственности и предъявил ему обвинение. Конечно, и не прокурором, который утвердил обвинительное заключение, передал дело в суд и поддерживает обвинение в судебном разбирательстве. Что касается суда, то хотя он до постановления приговора и не высказывает мнения о виновности обвиняемого, но, видимо, и не считает его невиновным, так как иначе суд не принял бы решения о предании обвиняемого суду, а прекратил бы дело.

Все эти вопросы, которые некоторым кажутся лишаящими презумпцию невиновности смысла, разрешаются следующим образом.

Презумпция невиновности означает не субъективное мнение участника процесса о виновности обвиняемого, а объективное правовое положение: *закон считает обвиняемого невиновным, пока те, кто считают обвиняемого виновным, не докажут, что он действительно виновен.*

Мы уже указывали на недопустимость отождествления *обвиняемого* с виновным. Обвиняемый — это тот, кто обвиняется в совершении преступления, кому предъявлено обвинение, но который еще не признан виновным, вопрос о его виновности еще не разрешен.

Смысл презумпции невиновности как *объективного правового положения* состоит именно в том, чтобы оградить невиновных от неосновательного обвинения и обеспечить осуждение лишь тех, чья вина доказана с полной несомненностью и достоверностью⁶⁰.

§ 8. Обязанность доказывания

Из презумпции невиновности вытекает следующее принципиальное положение.

Обязанность доказывания виновности обвиняемого лежит на обвинителе; на обвиняемом не лежит обязанность доказывать свою невиновность.

⁶⁰ В нашей юридической литературе преобладающее место занимает признание презумпции невиновности, высокая оценка этого принципа как одной из демократических основ советского социалистического правосудия. См.: М. С. Строгович. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, гл. VI; И. Д. Перлов. Подготовительная часть судебного разбирательства в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1956, стр. 38—40; Р. Д. Рахун. Советское правосудие и его роль в укреплении законности. «Коммунист», 1956, № 7, стр. 47—48; он же. Законность и правосудие. «Правда», 22 сентября 1965 г.; В. И. Каминская. Показания обвиняемого в советском уголовном процессе. Изд-во АН СССР, 1960, стр. 7 и сл.; И. И. Малазов. Важная гарантия социалистического правосудия. Ростов-на-Дону, 1960; «Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая», стр. 434—454; такой же точки зрения придерживаются многие другие авторы.

Этому главному направлению противостоят высказывания отдельных юристов, отвергающих презумпцию невиновности и под предлогом ее якобы «буржуазного происхождения». Так, в брошюре К. А. Мокнчева «Против ревизионистских извращений марксистско-ленинского учения о государстве и праве» (Изд-во ВЮЗИ, 1959, стр. 33—34) точка зрения сторонников презумпции невиновности была отнесена к проявлениям ревизионизма и буржуазного либерализма. Указанная брошюра подвергалась основательной критике на страницах журнала «Коммунист» (см.: П. И. Кудряцев. Против упрощенчества и вульгаризации. «Коммунист», 1959, № 14). На протяжении многих лет против презумпции невиновности выступает профессор М. А. Чельцов (см., например: М. А. Чельцов. О недопустимости перенесения буржуазных конструкций в советскую уголовно-процессуальную теорию. «Вопросы уголовного процесса». «Ученые записки Всесоюзного юридического заочного института», вып. 6, стр. 53; он же. Задачи советской науки уголовно-процессуального права в период развернутого строительства коммунизма. «Вопросы судопроизводства и судостроительства в новом законодательстве Союза ССР», стр. 69—70; он же. Советский уголовный процесс, 1962, стр. 39, 40).

Нет сомнений в том, что распространение этого взгляда, отвергающего демократический принцип советского уголовного судопроизводства, сильно мешало развитию науки советского уголовного процесса, но, конечно, не могло ее свести с правильного пути.

Обязанность доказывания имеет специальное обозначение — «бремя доказывания» (*onus probandi*). Согласно презумпции невиновности, обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана; а из этого следует, что обязанность (бремя) доказывать виновность обвиняемого лежит на тех органах, которые уличают обвиняемого, ведут в отношении него уголовное преследование. Сам же обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Обвиняемому принадлежит право оспаривать обвинение, доказывать свою невиновность, но это именно его право, а не обязанность. Поэтому, если обвиняемый не представил доказательств в свое оправдание, то это обстоятельство не может служить доказательством его виновности: вывод о виновности обвиняемого должен вытекать из подтверждающих обвинение доказательств, а не из того, что обвиняемый не смог обвинение опровергнуть.

Таким образом, непредставление обвиняемым доказательств своей невиновности не может рассматриваться как доказательство его виновности.

Положение о том, что на обвиняемом не лежит обязанность доказывать свою невиновность, вытекающее из содержания, смысла советского уголовно-процессуального закона, в настоящее время получило законодательное выражение.

В ст. 14 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик содержится норма: «Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, не вправе перелгать обязанность доказывания на обвиняемого». Эта норма воспроизведена в уголовно-процессуальных кодексах всех союзных республик (ст. 20 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик)..

Перелгать обязанность доказывания на обвиняемого — значит возлагать на него обязанность доказывать свою невиновность, а это недопустимо: не обвиняемый обязан доказывать, что он не виновен, а те, кто его обвиняет, должны положительно доказать его виновность.

Чтобы правильно понять смысл и значение положения об обязанности доказывания и сделать из него правильные выводы, нужно иметь в виду, что при постановке вопроса об обязанности доказывания подразумевается доказывание определенного тезиса, заранее выдвинутого и сформулированного положения. Поэтому нельзя согласиться с мнением, что в формулировке правила об обязанности доказывания понятие доказывание берется в широком значении — как исследование, выяснение, установление обстоятельств дела⁷⁰. Если стать на эту точку зрения, то само понятие обязанности доказывания теряет свое специфическое значение,

«Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая», стр. 465 и сл.

так как каждый участник уголовно-процессуальной деятельности вообще делает то, к чему его обязывает закон, или то, что он вправе делать согласно закону.

Понятие обязанности доказывания имеет именно тот смысл, что *обязанность* доказывания виновности обвиняемого лежит на том, кто выдвинул, сформулировал утверждение, тезис о виновности обвиняемого, и эту обязанность органа уголовного преследования, обвинителя нельзя подменять возложением на обвиняемого обязанности доказывать свою невиновность.

Так, обязанность доказывания виновности обвиняемого на предварительном следствии лежит на следователе, потому что он вынес постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого и предъявил ему обвинение. Обязанность доказывания виновности обвиняемого (подсудимого) на суде лежит на прокуроре, потому что он утвердил обвинительное заключение и передал дело на рассмотрение суда, где он поддерживает обвинение.

Это и имеет в виду закон, когда говорит о недопустимости перелгать обязанность доказывания на обвиняемого⁷¹.

Лежит ли обязанность доказывания на защитнике?

Следует признать, что обязанность доказывания не лежит на защитнике: он обязан защищать обвиняемого, извлекать из дела и представлять все данные, служащие к оправданию обвиняемого и к смягчению его ответственности, но это не есть обязанность (или бремя) доказывания в том процессуальном смысле, какой вкладывается в это понятие. Если защитник не представил доказательств невиновности обвиняемого, это не может служить изобличению обвиняемого; защитник вправе и обязан делать для обвиняемого все выводы из презумпции невиновности, и ни следователь, ни суд не вправе требовать от защитника совершения тех

Содержание понятия обязанности доказывания ясно выражено в гражданском и гражданском процессуальном законодательстве. Ст. 18 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик гласит: «Каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений». Значит, каждая сторона несет обязанность доказать, что она утверждает или отрицает. Далее, ст. 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик устанавливает: «Гражданин или организация вправе требовать по суду опровержения порочащих их честь и достоинство сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности». Следовательно, не тот, о ком распространены порочащие его сведения, обязан доказать, что эти сведения ложны, а тот, кто эти сведения распространял, обязан доказать, что они правильны.

Конечно, вопрос об обязанности доказывания в гражданском процессе решается иначе, чем в уголовном процессе, но общим является то, что под обязанностью доказывания имеется в виду доказывание правильности или ложности определенного тезиса, а не вообще исследование обстоятельств дела.

или иных действий, указывать ему, что и как он должен делать для защиты обвиняемого⁷².

Действие правила о бремени доказывания наиболее отчетливо проявляется в стадии судебного разбирательства, где в соответствии с принципом состязательности функция обвинения возложена на обвинителя как сторону. Но и на предварительном следствии сохраняется принцип, согласно которому бремя доказывания виновности обвиняемого лежит на том, кто обвиняет; на том же, кто обвиняется, не лежит бремя доказывания своей невиновности. Поэтому на предварительном следствии обязанность доказывания виновности обвиняемого лежит на следователе и прокуроре, и эта их обязанность не может быть заменена возложением на обвиняемого обязанности доказывать свою невиновность.

Лежит ли бремя доказывания на суде? На этот вопрос должен быть дан отрицательный ответ: нет, не лежит и лежать не может. Бремя доказывания виновности обвиняемого лежит на том участнике процесса, который утверждает, что обвиняемый виновен, и который поэтому обязан свое утверждение доказать. Суд же до постановления приговора никаких утверждений о виновности обвиняемого высказать не может. Если бы суд до постановления приговора уже выразил свое мнение о виновности обвиняемого, это означало бы предвзятость суда, обвинительный подход суда к делу⁷³.

/ Таким образом, на всем протяжении уголовного процесса бремя (доказывания виновности обвиняемого лежит на тех участниках /процесса, которые осуществляют уголовное преследование (обвинение).

Возможно ли, чтобы бремя доказывания в процессе производства по делу в какой-либо мере или в какой-либо момент перешло на обвиняемого? На этот вопрос ответ должен быть дан только отрицательный. Обвиняемый имеет право доказывать те или иные благоприятные для него обстоятельства, но это не его обязанность; все обстоятельства, имеющие значение для дела, от которых зависит решение вопроса о виновности и степени ответствен-

⁷² Об этом правильные соображения см.: А. М. Л а р и и. Работа следователя с доказательствами. Изд-во «Юридическая литература», 1966, стр. 142 и ел.

⁷³ Тезис некоторых авторов, что на суде лежит обязанность доказывания, основан на смешении различных значений понятия доказывания: обязанность доказывания понимается как обязанность исследования обстоятельств дела, проверки и оценки доказательств (см., например: Ц. К а з. Об обязанности доказывания в советском уголовном процессе. «Развитие прав граждан СССР и усиление их охраны на современном этапе коммунистического строительства». Саратов, 1962, стр. 294). Высказанное мнение не может быть принято, так как в этом случае само понятие обязанности доказывания лишается того специфического процессуального значения, которое ему принадлежит.

ности обвиняемого, должны быть по делу исследованы и установлены независимо оттого, смог или не смог обвиняемый представить доказательства тех или иных фактов. В силу принципа публичности советского уголовного процесса судом не может быть оставлено без внимания то или иное важное для дела обстоятельство только на том основании, что заинтересованные лица на это обстоятельство не указали и не представили подтверждающих его доказательств.

Если обвиняемый, осуществляя свое право на защиту, указал на какое-либо обстоятельство, оправдывающее его или смягчающее его ответственность, это обстоятельство обязательно должно быть исследовано, и на обвиняемого не возлагается обязанность доказать его. Утверждение обвиняемого о каком-либо благоприятном для него факте может быть отвергнуто лишь в результате проверки этого факта, но ни в коем случае не потому, что обвиняемый не доказал своего утверждения.

Итак, обязанность доказывать какие-либо факты по делу на обвиняемого возложена быть не может — бремя доказывания ни в какой мере, ни в какой момент на обвиняемого не переходит.

На предварительном следствии обязанность доказывания виновности обвиняемого лежит на следователе, поскольку именно он привлекает лицо в качестве обвиняемого и предъявляет ему обвинение, и на прокуроре, поскольку он осуществляет надзор заведением предварительного следствия, дает указания следователю о производстве следственных действий и утверждает обвинительное заключение.

В судебном разбирательстве обязанность доказывания лежит на прокуроре — государственном обвинителе, поскольку он направил в суд дело с утвержденным им обвинительным заключением и выступает в суде с поддержанием обвинения в отношении подсудимого.

Спорным может показаться вопрос о том, лежит ли обязанность доказывания на общественном обвинителе. Мы решаем этот вопрос в утвердительном смысле, поскольку общественный обвинитель приходит в суд, чтобы обвинять, и именно для этой цели он выделен и направлен в суд уполномочившей его общественной организацией. Но, разумеется, эта обязанность общественного обвинителя имеет иной вид, выполняется иначе, чем прокурором — государственным обвинителем, для которого поддержание обвинения есть государственная обязанность и который отвечает за законность и обоснованность обвинения.

На-потерпевшего обязанность доказывания ложится в той мере, в какой он поддерживает обвинение. Это имеет место по делам частного обвинения, а по делам публичного (и частно-публичного) обвинения — тогда, когда потерпевший на суде занимает обвинительную позицию, выступает с утверждением о виновности

обвиняемого, с требованием его осуждения. Разумеется, и эта обязанность потерпевшего отличается от обязанности государственного обвинителя, несущего полностью ответственность за постановку обвинения⁷⁴.

То положение, что в судебном разбирательстве обязанность доказывания виновности подсудимого лежит на обвинителе, не означает, что суд решает дело только на основании данных, представленных обвинителем в подтверждение обвинения и обвиняемым в свою защиту. Суду принадлежит право и на нем лежит обязанность активно принимать все меры, необходимые для полного исследования дела и правильности его разрешения.

Все, что имеет значение для правильного разрешения дела, должно быть выяснено на предварительном следствии и в судебном разбирательстве, в том числе и все обстоятельства, оправдывающие обвиняемого и смягчающие его ответственность. Обвиняемый имеет *право* оспаривать обвинение, представлять доводы и доказательства в свое оправдание и для смягчения своей ответственности, но это именно его право, а не обязанность, поэтому *непредставление обвиняемым доказательств в свое оправдание ни в коем случае не может служить к его изобличению, не может быть истолковано как подтверждение виновности обвиняемого*. Таким образом, основанием для вывода о виновности обвиняемого могут быть только конкретные доказательства, устанавливающие совершение обвиняемым преступления, но не то, что обвиняемый не смог опровергнуть те или иные обвинительные доказательства, не смог представить доказательства, оправдывающие его. Повторяем, это твердое правило уголовного процесса: не обвиняемый должен доказать свою невиновность, а органы уголовного преследования должны положительно доказать виновность обвиняемого, обязанность доказывания никогда не переходит на обвиняемого, не возлагается на него.

§ 9. Толкование сомнения в пользу обвиняемого

Из презумпции невиновности вытекает также другое положение, имеющее большое значение для следственной и судебной практики: *всякое сомнение толкуется в пользу обвиняемого* (in dubio pro geo). Это правило означает, что, если доказательства по делу спорны и противоречивы, если у суда не складывается

⁷⁴ Необходимо учесть и то, что в УПК большинства союзных республик не предусмотрено выступление потерпевшего в прениях сторон по делам публичного обвинения,

убеждения в Доказанности виновности обвиняемого, если тот или иной факт допускает различные истолкования, если то или иное доказательство оказывается спорным, сомнительным, следует принимать то решение, которое благоприятствует обвиняемому, говорит в его пользу.

Это правило нельзя понимать таким образом, что при возникновении на предварительном следствии или на судебном разбирательстве любого сомнения, его сейчас же надо истолковать в пользу обвиняемого. При расследовании многих дел сомнения у следователя, прокурора и судей неизбежны: различные доказательства, различные факты могут вызывать сомнения в своей достоверности. Если такое сомнение возникает, следствие, прокуратура и суд обязаны принять все меры к тому, чтобы проверить вызвавшие сомнения обстоятельства и рассеять, устранить сомнения.

Правило о толковании всякого сомнения в пользу обвиняемого относится к тем сомнениям, которые не могли быть устранены, которые остались после самой тщательной проверки фактов. Именно те сомнения, которые при расследовании и разбирательстве дела оказались *неустраненными* и *неустраняемыми*, должны быть истолкованы в пользу обвиняемого, так как иначе выводы следствия и суда основывались бы на сомнительных, недостоверных фактах.

Это положение действует в отношении любых обстоятельств, как уличающих обвиняемого, так и оправдывающих его.

Если сомнительным остается обстоятельство, уличающее обвиняемого, значит оно не доказано с полной несомненностью и, следовательно, на нем нельзя основываться, нельзя его принимать в расчет при решении вопроса о виновности и степени ответственности, его следует отбросить, устранить. Например, если уликой против обвиняемого является факт враждебных отношений между ним и потерпевшим и этот факт после всех попыток его проверить остается сомнительным, значит наличие враждебных отношений нельзя считать доказанным и, следовательно, нельзя расценивать как доказательство (одно из доказательств) виновности обвиняемого (например, в убийстве из мести).

Если сомнительным остается обстоятельство, оправдывающее обвиняемого, значит оно все же не опровергнуто, а потому не может быть отброшено при решении вопроса о виновности и степени ответственности. Например, если алиби (нахождение обвиняемого, когда совершалось преступление, в другом месте) не получило полного подтверждения, но и не было опровергнуто с абсолютной несомненностью — следовательно, не исключено, что все же алиби могло быть в действительности, а потому обвинение не может считаться доказанным.

Правило об истолковании сомнений в пользу обвиняемого имеет большое значение не только для защиты прав и законных интересов

обвиняемого, но прежде всего для правильного разрешения уголовных дел, для нахождения по ним истины.

Действительно, смысл этого правила заключается в том, что обвинение должно основываться только на несомненных фактах, что все сомнительное, недостоверное должно быть устранено из оснований, на которые опирается обвинение, что вывод о виновности обвиняемого может быть сделан лишь тогда, когда виновность доказана с полной несомненностью⁷⁵.

Председатель Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР Г. З. Анашкин в своей статье «Повысить качество рассмотрения уголовных дел судами первой инстанции», на которую мы уже ссылались, пишет: «Прочным достоянием советской процессуальной науки является положение, что все разумные сомнения, если их невозможно устранить, должны быть истолкованы в пользу подсудимого, а не против него» («Социалистическая законность», 1966, № 1, стр. 51).

Предмет доказывания

§ 1. Понятие предмета доказывания

Посредством доказательств устанавливаются *факты, обстоятельства* расследуемого и разрешаемого судом уголовного дела. Те факты, обстоятельства уголовного дела, которые для правильного разрешения дела подлежат установлению при помощи доказательств, составляют *предмет доказывания*. Каждое доказательство связано с предметом доказывания, оно устанавливает какой-либо факт, входящий в предмет доказывания.

При расследовании и разрешении уголовного дела необходимо определить предмет доказывания, т. е. круг фактов, которые по делу нужно выяснить, установить. Это обуславливает плановость предварительного следствия и судебного разбирательства, целеустремленность действий следователя, прокурора и суда. Если предмет доказывания отчетливо определен по данному делу, следователь, прокурор и суд сосредоточивают свое внимание на фактах, действительно имеющих значение для правильного разрешения дела, и не отвлекаются на выяснение фактов, для дела значения не имеющих. Установив круг фактов, составляющих предмет доказывания, следствие и суд тем самым получают возможность определить и те доказательства, которые необходимы для правильного расследования и разрешения дела, не упустить нужные доказательства и не загромождать дело материалами, лишёнными доказательственной силы.

Таким образом, определение *предмета доказывания* означает определение *пределов и направления исследования по делу*¹.

Свойство доказательства, заключающееся в том, что устанавливаемый им факт входит в предмет доказывания, называется *относимостью доказательства*.

¹ О тождественности понятий предмета доказывания и пределов доказывания см.: Г. М. Миньковский. Пределы доказывания в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1956, стр. 4. Когда говорят о предмете доказывания, понятие доказывания берется в широком смысле, как исследование фактов, их установление при помощи доказательств.

Если устанавливаемый доказательством факт входит в круг фактов, составляющих предмет доказывания, доказательство является относящимся к делу; если же не входит в этот круг, то — не относящимся. Для правильного разрешения дела важны доказательства, относящиеся к делу.

Разумеется, в процессе расследования по делу предмет доказывания может меняться, в соответствии с чем меняется и круг доказательств, нужных для разрешения дела. В ходе расследования всегда возможно обнаружение новых фактов, требующих выяснения, или, наоборот, отдельные факты, ранее казавшиеся существенными для дела, могут оказаться не имеющими значения.

Определение предмета доказывания по конкретному уголовному делу не предполагает, что в самом же начале расследования дела круг подлежащих доказыванию фактов может быть установлен окончательно: при таком подходе следствие приобрело бы формальный, механический характер, тогда как оно всегда должно быть гибким и подвижным. В каждый данный момент производства по делу, исходя из наличного материала, имеющегося в распоряжении следствия и суда, четко определяется круг фактов, которые надо исследовать и для подтверждения или опровержения которых нужно собирать относящиеся к ним доказательства. По ходу расследования этот круг фактов может меняться, расширяться или ограничиваться в зависимости от тех данных, которые добываются следователем и судом в процессе предварительного и судебного следствия.

Определение предмета доказывания зависит от особенностей каждого конкретного уголовного дела. По различным делам факты, составляющие предмет доказывания, различны: по делам о хищениях имеют значение, а потому и подлежат доказыванию одни факты, по делам об убийстве — другие.

В общем виде предмет доказывания определяется рамками состава преступления, по поводу которого ведется расследование и разбирательство уголовного дела. Это значит, что должны быть доказаны все те факты, соответствующие элементам состава преступления, о котором ведется производство по делу: объект преступления, объективная сторона преступления, субъект преступления, субъективная сторона преступления.

Основы уголовного судопроизводства таким образом определяют круг обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу:

«При производстве предварительного следствия и разбирательстве уголовного дела в суде подлежат доказыванию:

- 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);
- 2) виновность обвиняемого в совершении преступления;
- 3) обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого;

4) характер и размер ущерба, причиненного преступлением» (ст. 15 Основ уголовного судопроизводства).

Уголовно-процессуальное законодательство союзных республик, воспроизводя этот перечень, иногда детализирует и пополняет его.

Например, ст. 68 УПК РСФСР п. 3 указанного перечня формулирует так: «Обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого, указанные в ст. 38 и 39 Уголовного кодекса РСФСР², а также иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого», и после всех четырех пунктов перечня делает добавление: «Подлежат выяснению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления».

Указанные в Основах уголовного судопроизводства и в уголовно-процессуальных кодексах обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовным делам, выражены в общем виде, в основных чертах. Детальное рассмотрение этих обстоятельств дает возможность изложить их в более конкретизированном виде. Прежде всего должны быть доказаны все факты, из которых складывается уголовно-наказуемое деяние, содержащее объективные и субъективные элементы состава преступления. Эти факты в совокупности образуют то, что называется *главным фактом*.

Главный факт содержит следующие элементы.

Событие преступления. По каждому уголовному делу должно быть с несомненностью установлено, что то событие, деяние, по поводу которого возбуждено уголовное дело, действительно произошло.

Так, по делу об убийстве необходимо доказать, что потерпевший был насильственно лишен жизни (а не произошел несчастный случай или самоубийство), по делу о хищении социалистической собственности, — что ценности (товары, деньги) действительно были похищены (а не утеряны, не израсходованы на нужды предприятия или учреждения).

Если по делу с полной определенностью не установлено, что само событие, составляющее предмет исследования, имело место в действительности, дело не может быть разрешено правильно, материальная истина по нему не будет найдена.

Обстоятельства совершения преступления, соответствующие признакам состава преступления, предусмотренным статьей уголовного кодекса. Если само событие преступления доказано — необходимо точно установить, какое именно это преступление. А для этого требуется доказать все те обстоятельства, которые предусмотрены соответствующей статьей уголовного кодекса в качестве признаков состава преступления.

Ст. 38 и 39 УК РСФСР указывают смягчающие и отягчающие вину обстоятельства.

Например, по делу о взяточничестве нужно установить, что должностное лицо получило вознаграждение за служебные действия, которые оно совершало в интересах лица, давшего взятку, а не за какое-либо иное действие, не связанное с выполнением служебных обязанностей.

Совершение преступления обвиняемым. В ряде случаев самый факт преступления является несомненным и доказанным с достоверностью, но установление совершившего преступление связано с большими трудностями. Например, по делу о хищении социалистической собственности самый факт хищения вполне доказан исчезновением ценностей, взломом запоров хранилища и т. п., но еще неизвестно, кто это преступление совершил. Необходимо обнаружить преступника, доказать, что именно этот человек, а не кто-либо иной виновен в хищении.

При наличии доказанного факта события преступления должны быть собраны доказательства, которые с полной несомненностью и достоверностью устанавливают, что преступление совершено именно данным лицом, обвиняемым.

Установление того, что данное преступление совершено определенным лицом — обвиняемым, во многих случаях связано с выяснением факта причинения действиями обвиняемого вреда, ущерба (материального или иного). Это означает, что должна быть доказана *причинная связь* между действиями обвиняемого и имевшими место вредными последствиями. Если такой причинной связи нет, обвиняемый не может нести ответственности за наступившие последствия (ущерб личности или имуществу). Так, например, при обвинении в халатности (ст. 172 УК РСФСР) порча товаров на складе может быть вменена в вину заведующему складом, если доказано, что эта порча — результат неприятия им необходимых мер сохранности товаров.

Причинная связь как определенное обстоятельство, подлежащее доказыванию, имеется не во всех делах, а лишь в тех, в которых обвиняемому вменяется причинение определенного вреда. В этих случаях причинная связь между действием лица и наступившими последствиями — один из признаков состава преступления, но мы выделяем это обстоятельство, исходя из тех процессуальных соображений, что оно должно быть исследовано и доказано особо, самостоятельно.

Наличие вины, т. е. умысла или неосторожности, в действиях обвиняемого. Уголовную ответственность несет лицо, совершившее предусмотренное уголовным кодексом деяние виновно — умышленно или неосторожно. Советское уголовное право исключает так называемое объективное вменение, т. е. ответственность за самый факт совершения уголовно-наказуемого деяния без наличия вины в форме умысла или неосторожности. Вина — необходимый элемент состава преступления, поэтому о вине говорит п. 2 перечня, содержащегося в ст. 15 Основ уголовного судопро-

изводства. Но вину в предмете доказывания следует выделить и особо, так как исследование всех обстоятельств, устанавливающих и характеризующих вину привлеченного к уголовной ответственности лица, составляет очень важную и сложную задачу предварительного следствия и судебного разбирательства. Поэтому по каждому делу должно быть доказано, что обвиняемый действовал виновно, т. е. умышленно или неосторожно. При обвинении в умышленном преступлении необходимо доказать содержание умысла (мотив, намерение, цель); при обвинении в неосторожном преступлении, — в чем конкретно выразилась неосторожность.

Обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность обвиняемого. Эти обстоятельства, перечисленные в ст. 38 и 39 УК РСФСР, имеют значение для определения судом наказания лицу, признанному виновным в совершении преступления.

Обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. Должны быть установлены и, следовательно, подлежат доказыванию обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, поскольку это имеет значение для правильности разрешения дела, для того, чтобы суду было ясно, что представляет собой обвиняемый (его поведение на работе и в быту, отношение к своим обязанностям, наличие или отсутствие прежней судимости и т. д.). Обстоятельства, относящиеся к личности обвиняемого, переплетаются и отчасти совпадают с отягчающими и смягчающими обстоятельствами. Но они шире последних, так как в них включаются все вообще обстоятельства, в совокупности дающие характеристику личности обвиняемого.

Таковы составные части, элементы главного факта, входящие в предмет доказывания³.

³ В юридической литературе было высказано мнение, отрицающее само понятие главного факта, так как «подобное понятие главного факта предполагает, что имеются другие «неглавные факты», не требующие такого внимания, как главные. . .» (А. В н н б е р г, Г. К о ч а р о в, Г. М и и ь к о в с к и й. Актуальные вопросы теории судебных доказательств в уголовном процессе. «Социалистическая законность», 1963, № 3, стр. 21). Эти соображения совершенно неосновательны. Все, что входит в состав предмета доказывания, имеет существенное значение для правильного разрешения дела и должно быть доказано с абсолютной достоверностью и несомненностью. Понятие главного факта означает лишь то, что именно его установление есть непосредственная задача доказывания, и пока главный факт не доказан, дело не может считаться правильно разрешенным. Все же иные обстоятельства, подлежащие доказыванию, но не входящие в главный факт, имеют очень важное значение, но лишь постольку, поскольку они связаны с главным фактом, доказывают или опровергают его. Например, по делу о хищении социалистической собственности тот факт, что обвиняемый производил личные расходы в размерах, значительно превышавших его заработную плату и иные легальные доходы, не входит в состав главного факта, но имеет по делу очень большое значение, так как служит уликой (одной из улик) против данного лица.

Главный факт здесь взят в его положительной форме, т. е. когда доказывается виновное совершение обвиняемым уголовно-наказуемого деяния. Но по уголовному делу доказыванию подлежит также главный факт в его негативной, отрицательной форме: невиновность обвиняемого в совершении преступления, несовершение им преступления. Уголовное дело может быть правильно разрешено лишь в том случае, если собраны и исследованы все доказательства, как подтверждающие совершение обвиняемым преступления, так и доказательства, опровергающие совершение обвиняемым преступления; не только доказательства, подтверждающие наличие умысла или неосторожности в действиях обвиняемого, но и доказательства, опровергающие умышленный или неосторожный характер действий обвиняемого и т. д.

Это относится ко всем обстоятельствам, входящим в состав главного факта, например, к отягчающим и смягчающим вину обстоятельствам. Так, если обвиняемому вменяется в вину совершение преступления с особой жестокостью (п. 7 ст. 39 УК РСФСР), то по делу может доказываться и отсутствие особой жестокости в действиях обвиняемого, т. е. данное отягчающее обстоятельство может опровергаться.

Далее, закон устанавливает ряд обстоятельств, устраняющих возбуждение уголовного преследования и влекущих прекращение уже возбужденного уголовного преследования в любой стадии процесса (ст. 5 Основ уголовного судопроизводства).

Если в деле есть указания на наличие какого-либо обстоятельства такого рода (например, на недостижение обвиняемым возраста, с которого начинается уголовная ответственность и т. п.), это обстоятельство подлежит выяснению и должны быть собраны все относящиеся к нему доказательства.

Следовательно, в предмет доказывания входят также:

— все обстоятельства, которые опровергают какое-либо из обстоятельств указанных выше шести групп;

— все обстоятельства, устраняющие возбуждение уголовного преследования и влекущие обязательное прекращение уже возбужденного уголовного преследования.

Помимо главного факта в предмет доказывания входят *доказательственные факты*, т. е. факты, которые не имеют уголовно-правового значения, но которые служат основанием для установления главного факта.

На необходимость сохранения понятия главного факта правильно указывает Р. С. Белкин в книге «Собирание, исследование и оценка доказательств» (изд-во «Наука», 1966, стр. 20).

В «Теории доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая» указывается, что понятие главного факта совпадает с понятием обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу. «Поэтому (не отрицая возможности говорить о главном факте в указанном смысле), мы применяем термин, использованный законодателем: *обстоятельства, подлежащие доказыванию* (предмет доказывания)» (стр. 196).

Доказательственными фактами являются *те факты, которые служат изобличению обвиняемого, и те факты, которые служат его оправданию*. И те и другие доказательственные факты многообразны. Так, уличающими обвиняемого доказательственными фактами могут быть такие факты, как враждебные отношения обвиняемого с потерпевшим, нахождение обвиняемого на месте совершения преступления в то время, когда преступление было совершено, обнаружение у обвиняемого похищенных предметов и т. п. Оправдывающими обвиняемого доказательственными фактами могут быть такие, как отсутствие у него мотива к совершению преступления, наличие дружественных отношений обвиняемого с потерпевшим и т. п.

К уличающим и оправдывающим обвиняемого доказательственным фактам относятся также факты, соответственно подтверждающие достоверность или недостоверность имеющихся в деле доказательств. Так, факт враждебных отношений между обвиняемым и уличающим его свидетелем может поставить под сомнение достоверность показаний этого свидетеля и поэтому является фактом, служащим защите обвиняемого, т. е. оправдывающим обвиняемого доказательственным фактом. Наоборот, факт, устанавливающий беспристрастность свидетеля, дающего уличающие обвиняемого показания, или какой-либо другой факт, подтверждающий правильность, достоверность показаний этого свидетеля, относится к доказательственным фактам, служащим обвинению, т. е. и уличающим обвиняемого доказательственным фактам⁴.

Помимо главного и доказательственного фактов в предмет доказывания входят еще две группы фактов — последствия пре-

⁴ М. П. Шаламов считает, что доказательственные факты не входят в предмет доказывания. Он пишет: «в предмет доказывания может быть включено лишь то, что *обязательно* должно быть доказано по конкретному делу, и не должно включаться то, что может доказываться, а может и не доказываться» (М. П. Ш а л а м о в. Теория улик. Госюриздат, 1960, стр. 16). Однако поскольку автор признает, что доказательственные факты сами должны быть доказаны, — его соображения имеют лишь терминологический характер. Согласно ст. 14 Основ уголовного судопроизводства (ст. 20 УПК РСФСР) суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны по каждому делу выявлять обстоятельства, уличающие обвиняемого и оправдывающие его. К этим обстоятельствам, несомненно, относятся и доказательственные факты. Поэтому доказательственные факты вовсе не представляют собой то, что, по выражению М. П. Шаламова, «может доказываться, а может и не доказываться».

В книге «Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая» доказательственные факты, именуемые побочными, вспомогательными фактами, не включаются в предмет доказывания по тем мотивам, что «это может привести к растворению конечных задач уголовного процесса в деятельности по собиранию этих фактов» (стр. 191). Но исключение доказательственных фактов из предмета доказывания может привести к тому, что в качестве доказательственных фактов будут использованы факты, которые сами не доказаны с полной достоверностью.

отупления и обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Последствия преступления. Должны быть исследованы и доказаны последствия преступления: тяжесть вреда, размер убытков, причиненных преступлением государству, потерпевшему — гражданину, учреждению, организации.

Тяжесть последствий преступных действий может иметь значение для установления степени ответственности обвиняемого и для квалификации преступления — тогда последствия преступления включаются в главный факт. Но они могут иметь и самостоятельное значение, когда их установление служит основанием для возмещения вреда потерпевшему, для взыскания убытков с обвиняемого.

Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Установление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, имеет огромное значение для устранения причин преступлений, для пресечения преступлений, для принятия профилактических мер в борьбе с преступностью (ст. 140 и 321 УПК РСФСР; соответствующие статьи УПК других союзных республик). Установление таких обстоятельств следствием и судом настолько важно, что имеются известные основания для их включения в главный факт. Мы все же выделяем их и не включаем в главный факт по таким соображениям. Во-первых, не по всем делам следователем и судом эти обстоятельства могут быть выяснены во всех деталях, и работа по их дальнейшему выяснению может продолжаться в соответствующих хозяйственных, административных и иных организациях на основе сообщения следователя, прокурора и суда. Например, следствие и суд установили, что совершению хулиганства в данной местности способствовали плохая постановка воспитательной работы, о чем и сообщено соответствующей организации. Но, разумеется, при расследовании и разбирательстве уголовного дела нет возможности во всех деталях выяснить все дефекты воспитательной работы, обследовать все звенья тех организаций, которые отвечают за воспитательную работу. Во-вторых, мы не включаем эти обстоятельства в главный факт потому, что все элементы главного факта должны войти в содержание обвинительного заключения и приговора, тогда как по поводу обстоятельств, способствовавших совершению преступления, следователь делает представление, а суд выносит частное определение⁵.

Суммируя изложенное, можно установить следующую систему фактов, составляющих предмет доказывания.

⁵ Следует иметь в виду, что УПК союзных республик, обязывая следствие и суд выяснять обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, не включают эти обстоятельства непосредственно в перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, а выделяют их особо (ст. 68 УПК РСФСР; ст. 49 УПК Узбекской ССР; ст. 60 УПК Грузинской ССР).

Предмет доказывания

I. Главный факт.

- A. 1) Событие преступления.
- 2) Обстоятельства совершения преступления, соответствующего признакам состава преступления, предусмотренным статьей уголовного кодекса.
- 3) Совершение преступления обвиняемым.
- 4) Наличие вины, т. е. умысла или неосторожности, в действиях обвиняемого.
- 5) Обстоятельства, отягчающие и смягчающие ответственность обвиняемого.
- 6) Обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого.
- Б. 1) Факты, опровергающие какой-либо из фактов группы А.
- 2) Обстоятельства, устраняющие возбуждение уголовного преследования и влекущие прекращение уже возбужденного уголовного преследования.

II. Доказательственные факты.

- 1) Факты, уличающие обвиняемого.
- 2) Факты, оправдывающие обвиняемого.

III. Последствия преступления.

IV. Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Рассмотренные выше факты, образующие предмет доказывания по конкретным делам, взаимосвязаны. В ряде случаев эта связь бывает настолько тесной, что один факт нельзя установить, доказать без доказательства другого, связанного с ним факта. Например, по делу об убийстве, пока не установлена субъективная сторона преступления, нельзя считать установленными и те обстоятельства, от которых зависит установление состава преступления, его квалификация. Действительно, в зависимости от формы вины (умысла или неосторожности), от содержания мотива, намерения, побуждений, руководивших обвиняемым при совершении убийства, в его действиях будет состав преступления, предусмотренный либо ст. 102, либо 103, либо 104, либо 105, либо 106 УК РСФСР. По делу о превышении власти должностным лицом (ст. 171 УК РСФСР) самый факт, событие преступления, не может быть установлен отдельно от установления совершившего преступления лица: было ли допущено превышение власти — это можно считать доказанным лишь тогда, когда выяснено, что определенное должностное лицо совершило действия, которые выходят за пределы его полномочий.

Поэтому далеко не всегда по уголовным делам каждый факт, входящий в предмет доказывания, устанавливается, доказыва-

ется отдельно, самостоятельно: наоборот, сплошь да рядом установление одного факта означает и установление ряда других. Но крайне важно, чтобы все факты, образующие предмет доказывания, были исследованы, проверены, доказаны. Если невыясненным остался факт, относящийся к последствиям преступления или к обстоятельствам, способствовавшим преступлению, это иногда и не отражается на правильности решения вопроса о виновности и ответственности обвиняемого, однако при такой неполноте исследования возможны отрицательные последствия: потерпевший не получит возмещения причиненного ему ущерба, не будет устранена возможность повторения преступления того же рода. Если же остался невыясненным какой-либо факт из группы I и II (главный факт и доказательственные факты), это всегда повлечет неправильность расследования и разрешения дела по существу⁸.

§ 2. Доказывание отрицательных фактов

Каждый из фактов, входящих в предмет доказывания, может доказываться как в положительной, так и в отрицательной форме, т. е. как совершенный или, наоборот, как не имевший места в действительности.

Например, доказыванию подлежит самый факт преступления, т. е. доказывается, что было совершено преступление. Но если есть данные, что предположение о факте преступления было ошибочным, что преступление в действительности совершено не было, эти данные подлежат проверке и по делу доказывается факт отсутствия события преступления. По делу об умышленном преступлении подлежит доказыванию наличие умысла. Но если есть данные, что обвиняемый совершил инкриминируемые ему действия неумышленно (по неосторожности или случайно), доказываются и факт отсутствия умысла.

Это относится к любому факту, любому обстоятельству, имеющему значение для дела: может доказываться наличие, а также и отсутствие определенного факта, обстоятельства.

Особенно отчетливо это положение проявляется в судебном разбирательстве уголовного дела, где прокурор, например, доказывает, что подсудимый совершил такие-то действия, а защитник — что подсудимый этих действий не совершал.

С изложенным связан вопрос о доказывании отрицательных фактов. *Отрицательным фактом называется отсутствие какого-либо факта, события, действия.* Так, иногда по уголовному делу

необходимо доказать, что обвиняемый не был в таком-то месте, не говорил таких-то слов, не встречался с таким-то лицом и т. д. Иногда необходимо установить, что на месте преступления не было следов посторонних лиц или что на предмете, являющемся вещественным доказательством, не было никаких пятен, повреждений. Все это — отрицательные факты.

Возможно ли доказывание отрицательных фактов? Вполне возможно и во многих случаях необходимо. Отрицательный факт доказывается обычно тогда, когда нужно опровергнуть какой-либо положительный факт. Например, обвинитель доказывает отрицательный факт в целях опровержения положительного факта, утверждаемого защитой, а защита доказывает отрицательный факт в целях опровержения положительного факта, утверждаемого обвинением.

Доказывание отрицательных фактов производится двумя способами.

Первый способ состоит в установлении отрицательного факта при помощи доказательства, прямо удостоверяющего этот отрицательный факт. Например, надо доказать, что обвиняемый в такое-то время не был в таком-то месте. Некоторые лица, допрашиваемые в качестве свидетелей, видели всех, кто в это время был в этом месте, и среди присутствующих обвиняемого не было. Показаниями этих свидетелей и доказывается факт отсутствия обвиняемого в данное время в данном месте, т. е. отрицательный факт. Или протоколом осмотра вещественного доказательства доказывается отсутствие на соответствующем предмете повреждений, пятен и т. д.

Такой способ доказывания отрицательных фактов применим не всегда: может не быть таких доказательств, которые прямо доказывали бы отрицательный факт.

Второй способ доказывания отрицательных фактов заключается в доказывании какого-либо положительного факта, из которого вытекает подлежащий доказыванию отрицательный факт. Например, отсутствие обвиняемого в месте совершения преступления в то именно время, когда оно совершалось, доказывается приведением доказательств того, что в это время обвиняемый находился в другом месте, из чего следует, что он не мог совершить данного преступления. Это — и есть так называемое *алиби*, о котором мы скажем дальше.

⁸ Вопрос о предмете доказывания и его составных частях хорошо освещен в книге А. М. Ларина «Работа следователя с доказательствами» (Изд-во «Юридическая литература», 1966, стр. 22—42),

Классификация доказательств

§ 1. Обвинительные и оправдательные доказательства

По отношению к предмету обвинения доказательства делятся на *обвинительные и оправдательные*.

Обвинительные доказательства — это доказательства, которые уличают обвиняемого или усиливают его ответственность. К ним относятся доказательства, на которых основано обвинение или которые устанавливают обстоятельства, отягчающие ответственность обвиняемого.

Оправдательные доказательства — это доказательства, которые опровергают обвинение, устанавливают невиновность обвиняемого или меньшую его виновность, а равно доказательства, которые устанавливают обстоятельства, смягчающие ответственность обвиняемого.

Обвинительные доказательства, уличающие обвиняемого, называются *уликами*.

Деление доказательств на обвинительные и оправдательные имеет условный характер, так как далеко не всегда и не в отношении всех доказательств можно провести это разграничение: многие доказательства включают в себя одновременно и обвинительные, и оправдательные данные. Например, в показаниях одного и того же свидетеля могут содержаться данные, из которых одни подкрепляют обвинение, а другие говорят в пользу обвиняемого. Иногда бывает, что доказательство, первоначально использованное для обвинения и представленное в подтверждение обвинения, в ходе судебного следствия меняет свой характер и оказывается доказательством, оправдывающим обвиняемого.

Некоторые доказательства могут иметь вообще, так сказать, «нейтральный» характер: они не уличают и не оправдывают, а просто устанавливают некоторые обстоятельства совершенного деяния, например, место и время его совершения. Однако и такие доказательства при известных условиях получают обвинительный

или оправдательный характер, например, когда время совершения преступления совпадает или не совпадает со временем нахождения обвиняемого на том месте, где совершилось преступление.

Деление доказательств на обвинительные и оправдательные относится к доказательствам в обоих их значениях, т. е. и к доказательственным фактам, и к источникам сведений о фактах. Например, обвинительным доказательством будет и показание свидетеля о враждебных отношениях между обвиняемым и потерпевшим, и самый факт таких отношений.

Оправдательным доказательством является и заключение эксперта о несовпадении группы крови, обнаруженной на одежде обвиняемого, с группой крови потерпевшего, и самый факт несовпадения этих групп крови.

Закон требует обязательного выявления по каждому уголовному делу как уличающих обвиняемого, так и оправдывающих обвиняемого обстоятельств, а также обстоятельств, отягчающих вину обвиняемого, и обстоятельств, смягчающих его вину (ст. 14 Основ уголовного судопроизводства; ст. 20 УПК РСФСР).

Поэтому по каждому уголовному делу на следствии и на суде нужно тщательно собирать и проверять как обвинительные, так и оправдательные доказательства, нельзя упускать ни те, ни другие. В практике бывают случаи, когда упор делается на собирание обвинительных доказательств, а на оправдательные доказательства не обращается необходимого внимания; это есть нарушение законности, проявление одностороннего обвинительного уклона.

Далее, закон требует, чтобы при вынесении обвинительного приговора суд указывал в приговоре те доказательства, на которых основаны выводы суда, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства (ст. 314 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик). Здесь имеются в виду обвинительные доказательства, т. е. те, на которых основано обвинение, и оправдательные доказательства, которые суд отверг.

При вынесении оправдательного приговора суд должен указать в приговоре доказательства, послужившие основанием для оправдания подсудимого, и мотивы, в силу которых суд отверг доказательства, на которых было основано обвинение (те же статьи УПК РСФСР и других союзных республик). Здесь прямо указано различие обвинительных и оправдательных доказательств.

По любому уголовному делу обвинение может считаться доказанным лишь при условии, если имеющиеся в деле оправдательные доказательства проверены и опровергнуты. Вывод же суда о невиновности подсудимого, выраженный в оправдательном приговоре (равно как и прекращение дела), является обоснованным при условии, если проверены и опровергнуты (или признаны недостаточными) собранные по делу обвинительные доказательства.

§ 2. Первоначальные и производные доказательства

По отношению источника сведений о доказываемом факте к самому этому факту доказательства делятся на *первоначальные* и *производные*.

Первоначальными доказательствами называются доказательства, которые являются первоисточниками сведений о подлежащем установлению факте: подлинные документы, показания свидетеля-очевидца и т. п.

Производными доказательствами называются доказательства, не являющиеся первоисточниками сведений о подлежащем установлению факте, а содержащие сведения, взятые из другого источника: копии документа, показания свидетеля относительно того, что он слышал от другого лица и т. п.

Это деление доказательств относится к доказательствам, как источникам сведений о фактах, и не относится к доказательствам, как фактам, посредством которых доказываются другие факты. Это деление имеет большое значение. По существу в нем выражено очень важное требование, чтобы следствие и суд основывались на доказательствах, полученных из первоисточника, без промежуточных звеньев, так как доказательства, получаемые из «вторых рук», легче поддаются искажению.

Насколько это возможно в каждом отдельном деле, — зависит от конкретных обстоятельств дела, но принцип таков: получая сведения о том или ином факте, следует искать первоисточник данных сведений.

Так, например, если свидетель показал что-либо со слов другого лица, это лицо должно быть допрошено в качестве свидетеля. Тем самым производное доказательство заменяется первоначальным. Если к делу приобщена копия документа, имеющего доказательственное значение, должен быть истребован и приобщен подлинник.

Это положение опирается прежде всего на один из руководящих принципов уголовного процесса — на принцип непосредственности, согласно которому суд должен воспринимать сведения об обстоятельствах дела из первоисточника этих сведений. Но оно вытекает и из соображений практического порядка: при перепечатке документа в него всегда может вкрасться какая-либо неточность, ошибка; свидетель, показывающий то, что самому ему неизвестно, но что он лишь слышал от другого лица, очень часто может неправильно понять и, следовательно, неправильно передать слышанное.

Как правило, доказательственная сила доказательства снижается по мере удаления его от первоисточника сведений о доказываемом факте. Например, если свидетель показывает о каком-либо факте со слов другого лица, это показание менее доброкаче-

ственно, чем показание свидетеля о факте, непосредственно им воспринятом; но если свидетель показывает о каком-либо факте со слов другого лица, которое само этот факт также не воспринимало, а слышало о нем от третьего лица, это показание будет еще менее доброкачественным. Это же относится и к доказательствам в виде документов.

Тем не менее производные доказательства иногда имеют существенное значение для правильного разрешения дела:

1) производные доказательства могут служить необходимым средством для обнаружения первоначальных доказательств, которые без них оказались бы неизвестными следователю и суду. Например, свидетель дал показание о важных для дела фактах, о которых он узнал от другого лица. Это — производное доказательство, но из него следователь и суд узнают о лице, которое эти факты непосредственно восприняло, и допрашивают это лицо в качестве свидетеля. Тем самым следователь и суд при помощи производного доказательства получают первоначальное доказательство;

2) производные доказательства могут служить средством проверки первоначальных доказательств. Например, свидетель дал показание о лично им воспринятом факте; это — первоначальное доказательство. Но если есть данные, что свидетель об этом же факте рассказывал другому лицу, это последнее лицо должно быть вызвано и допрошено в качестве свидетеля для того, чтобы таким образом узнать, то же ли самое говорил первый свидетель в частной беседе, что он показал на допросе, или что-либо другое. Если окажется, что свидетель на допросе изложил какой-либо факт иначе, чем в беседе с другим лицом, это обстоятельство может оказаться очень существенным для оценки показаний свидетеля, может подорвать или уменьшить доверие к нему;

3) производные доказательства могут заменить первоначальные доказательства, если они утрачены, недоступны для следствия и суда. Например, по делу об убийстве потерпевший, пораженный выстрелом, перед смертью назвал присутствующим лицам имя убийцы. Допросить потерпевшего не удалось ввиду его тяжелого болезненного состояния и последовавшей вскоре смерти; свидетели же показали, что покойный назвал им убийцу. Несомненно, что показания этих свидетелей являются производными доказательствами, однако они очень существенны и необходимы вследствие полной невозможности получить первоначальное доказательство.

Если подлинник документа, имеющего значение для дела, уничтожен или утерян, приходится пользоваться его сохранившейся копией.

В случаях подобного рода производные доказательства нуждаются в особо тщательной проверке и подтверждении другими доказательствами,

Всякое доказательство, как уже отмечалось, нуждается в проверке, производное же доказательство требует особо тщательной проверки, особо критического отношения к нему, так как оно очень легко поддается искажению.

§ 3. Прямые и косвенные доказательства

Доказательства делятся на прямые и косвенные в зависимости от того, устанавливает ли доказательство главный факт — совершение обвиняемым инкриминируемого ему преступления — или доказательственный факт, т. е. какой-либо побочный факт, не входящий в главный факт, но который в совокупности с другими обстоятельствами дела служит основанием для установления главного факта.

Прямое доказательство устанавливает главный факт. Например, показание свидетеля-очевидца преступления о том, как обвиняемый на его глазах совершил преступление, — это прямое доказательство. Показание обвиняемого, признавшего себя виновным и рассказавшего обстоятельства совершенного им преступления, — это также прямое доказательство.

Не следует думать, что само наличие прямого доказательства означает, что обвинение обязательно считается доказанным. Прямое доказательство, как и всякое доказательство, подлежит проверке! оценке, которые покажут — достоверно ли оно, или недостоверно, недоброкачественно. Например, свидетель-очевидец мог неправильно воспринять факт, о котором он показывает, мог ошибиться, а мог и сознательно исказить истину, дать ложное показание. Поэтому прямое доказательство может быть не только правильным, достоверным, но и ошибочным или ложным.

Доказательство называется прямым не потому, что оно обязательно влечет признание того или другого факта доказанным, а потому, что оно доказывает главный факт, прямо указывает на совершение преступления обвиняемым.

Косвенное доказательство устанавливает не главный факт, а доказательственный факт, который в свою очередь является доказательством главного факта. Например, по делу об убийстве свидетель показал, что незадолго до убийства обвиняемый грозил потерпевшему убить его. Это — косвенное доказательство. Свидетель не говорит о факте убийства. Он говорит о факте угрозы со стороны обвиняемого по адресу потерпевшего. Факт угрозы по делу об убийстве — не главный факт (таковой факт убийства), а доказательственный факт, который в совокупности с другими доказательствами может привести к выводу о главном факте, т. е. о совершении убийства обвиняемым.

Таким образом, прямое доказательство прямо связывает определенное лицо, обвиняемое в совершении преступления, с фак-

том этого преступления. Косвенное же доказательство связывает обвиняемого не с самим фактом преступления, а с каким-либо другим, побочным фактом, из которого можно сделать вывод о совершении обвиняемым преступления.

Деление доказательств на прямые и косвенные, как видно из изложенного, основывается на делении подлежащих установлению фактов на главный факт и доказательственные факты. Главный факт — это факт, образующий состав преступления; доказательственный — это факт, имеющий значение для дела в той мере, в какой из него вытекает вывод о существовании или несуществовании главного факта. Те доказательства, при помощи которых устанавливаются доказательственные факты, являются косвенными; те же доказательства, при помощи которых устанавливается главный факт — прямыми.

Прямое доказательство доказывает главный факт без помощи доказательственного факта, т. е. прямо, а косвенное — опираясь на доказательственный факт, т. е. косвенно.

При этом необходимо различать известное нам двойное значение понятия доказательства: доказательство как источник сведений о факте и доказательство как самый факт, из которого можно сделать вывод о другом факте. Это двойное значение понятия доказательства относится к косвенным доказательствам. Косвенным доказательством называется как источник сведений о доказательственном факте (например, показание свидетеля об угрозе со стороны обвиняемого потерпевшему по делу об убийстве), так и сам доказательственный факт (т. е. сам факт угрозы по этому делу).

Прямое же доказательство означает только источник сведений о факте, именно главном факте; доказательственный факт в прямом доказательстве отсутствует.

Доказательство как источник сведений о факте может быть как прямым, так и косвенным, в зависимости от того, является ли устанавливаемый им факт главным или доказательственным. Значит, разница между прямым и косвенным доказательством состоит в том, что именно, какой факт устанавливается этим доказательством и как он относится к главному факту. Каждое косвенное доказательство является прямым по отношению к тому факту, который оно непосредственно устанавливает, и отличие его от прямого доказательства заключается именно в том, что этот факт, устанавливаемый косвенным доказательством, не есть главный факт (т. е. совершение обвиняемым преступления), а есть факт доказательственный, побочный, через который устанавливается главный факт. Поэтому одинаковые доказательства в одном деле будут косвенными, а в другом — прямыми.

Например, по делу об убийстве свидетель показал, что он слышал, как обвиняемый грозил потерпевшему убить его; это — косвенное доказательство, так как устанавливает факт угрозы (побоч-

ный, доказательственный факт), из которого по Совокупности с другими фактами можно сделать вывод о виновности обвиняемого в совершении убийства (главный факт). По делу об угрозе военнослужащего убийством начальнику в связи с исполнением последним обязанностей по военной службе (ст. 241 УК РСФСР), такое же показание свидетеля будет прямым доказательством, так как в данном случае факт угрозы будет главным фактом.

Согласно изложенной нами трактовке деления доказательств на прямые и косвенные доказательственный факт имеется лишь в косвенном доказательстве, в прямом же доказательстве доказательственного факта нет, так как в нем источник сведений о факте указывает прямо на главный факт.

Эта точка зрения иногда оспаривается, и утверждается, что доказательственный факт есть и в прямом доказательстве. Так, профессор М. М. Гродзинский утверждал, что такое прямое доказательство, как показание свидетеля — очевидца преступления, включает в себя доказательственный факт — наблюдение свидетелем того, как обвиняемый совершил преступление¹. Если согласиться с этим, то придется признать, что в косвенном доказательстве имеется не один, а два доказательственных факта. Действительно, показание свидетеля о том, что он видел, как обвиняемый удалялся с места, где было совершено преступление, есть косвенное доказательство. Значит, первым доказательственным фактом является наблюдение свидетелем того, как обвиняемый уходил с данного места, а вторым доказательственным фактом — сам факт ухода обвиняемого с этого места. Но это — искусственное построение. Здесь не два доказательственных факта, а только один, так как если бы было два доказательственных факта, то было бы не одно, а два доказательства².

¹ М. М. Гродзинский. Улики в советском уголовном процессе. «Ученые труды Всесоюзного института юридических наук», вып. 7, 1945, стр. 3—4.

² А. И. Трусов первоначально утверждал, что доказательственный факт имеется и в косвенном, и в прямом доказательстве. Мнение же, что в прямом доказательстве нет доказательственного факта, автор квалифицировал, как «софистику», как «метафизический» отрыв один от другого главного и доказательственного факта (А. И. Трусов. Основы теории судебных доказательств. Госюриздат, 1960, стр. 46—47). Позднее А. И. Трусов коренным образом изменил свою точку зрения. В его статье «Судебное доказывание в свете идей кибернетики» мы читаем: «Автор считает своим долгом заявить, что в своей работе «Основы теории судебных доказательств» (Госюриздат, 1960) он был не прав, полагая, что доказательственные факты имеются как в косвенных, так и в прямых доказательствах. . . с ними мы имеем дело только при оперировании косвенными доказательствами» («Вопросы кибернетики и право». Изд-во «Наука», 1967, стр. 23). Следует приветствовать решительность и категоричность, с которой автор отказался от своей ошибочной точки зрения и стал на правильную.

М. П. Шаламов также полагает, что доказательственные факты имеются и в прямых, и в косвенных доказательствах, соответственно чему

Выше мы рассматривали различие между прямыми и косвенными доказательствами уличающего характера, т. е. речь шла о прямых и косвенных обвинительных доказательствах. Но прямые и косвенные доказательства могут быть не только уличающими, но и оправдывающими.

Доказательство, прямо указывающее на невиновность обвиняемого, на отсутствие в совершенных им действиях состава преступления или на несовершенство им инкриминируемых ему действий — это прямое оправдательное доказательство. По делу о злоупотреблении властью таким доказательством будет, например, показание свидетеля или письменный документ, удостоверяющий, что совершение обвиняемым действия вызывалось соображениями служебной необходимости.

Доказательство, которое прямо на невиновность обвиняемого не указывает, но устанавливает какой-либо доказательственный факт, опровергающий обвинение, говорящий в пользу обвиняемого, — это косвенное оправдательное доказательство. По делу об убийстве, например, это может быть показание свидетеля о том, что отношения между обвиняемым и потерпевшим были дружескими, что обвиняемый не имел причин мстить потерпевшему, и т. д. Оправдательные косвенные доказательства иногда называются «противоуликами»³.

Прямым оправдательным доказательством служит алиби в отношении лица, обвиняемого в непосредственном совершении преступления.

он различает «прямые доказательственные факты», и «косвенные доказательственные факты» (М. П. Шаламов. Теория улик. Госюриздат, 1960, стр. 26). Автор не поясняет, что собой представляет «прямой доказательственный факт», каково его отношение к главному факту, существует ли он отдельно от главного факта или входит в самый главный факт. По поводу утверждения, что могут быть случаи, когда доказательственного факта нет, а источник сведений о факте устанавливает прямо главный факт, М. П. Шаламов замечает: «Спрашивается, как же могут существовать «источники сведений о факте», если самих этих фактов вообще нет?» (стр. 40). Но ведь источники сведений о фактах возможны разные — источники сведений о доказательственных фактах и источники сведений о главном факте. Первые являются косвенными доказательствами, вторые — прямыми. В этом и суть. Решительно ниоткуда не следует, вопреки мнению М. П. Шаламова, что главный факт доказывается только через посредство доказательственных фактов. Ведь доказательственный факт сам должен быть доказан при помощи определенного источника сведений об этом факте. Почему же не могут быть источники сведений о главном факте, которые и доказывают главный факт? Правильно решается этот вопрос в «Теории доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая» (Изд-во «Юридическая литература», 1966, стр. 189, 190) и в книге А. М. Ларина «Работа следователя с доказательствами» (Изд-во «Юридическая литература», 1966, стр. 36—37). М. М. Гродзинский. Улики в советском уголовном процессе. «Ученые записки Всесоюзного института юридических наук», вып. 7, 1945, стр. 102.

Алиби (alibi — лат.) — значит «в другом месте», т. е. факт нахождения обвиняемого в то время, когда совершалось преступление, в другом месте, не там, где совершалось преступление, вследствие чего обвиняемый физически не мог это преступление совершить. Если обвиняемому инкриминируется то, что он в определенное время и в определенном месте совершил такие-то действия, алиби будет прямым оправдательным доказательством.

Например, если обвиняемому инкриминируется, что такого-то числа в таком-то месте он нанес потерпевшему ранение ножом, отчего потерпевший умер, алиби обвиняемого является прямым оправдательным доказательством.

В судебной практике установлению алиби придается очень большое значение. Если в обстоятельствах дела есть указание на то, что в то время, когда совершалось преступление, обвиняемый находился в другом месте — это указание должно быть исчерпывающим образом проверено, уточнено. От выяснения его зависит правильность разрешения дела, установление виновности или невиновности обвиняемого.

В любом случае, когда в деле имеется указание на алиби, оно подлежит самой тщательной, всесторонней проверке, и пока алиби полностью не опровергнуто, обвинение не может считаться доказанным, как бы тяжелы и убедительны ни были улики против обвиняемого.

В судебной практике случаи недостаточного внимания к проверке алиби всегда приводили к серьезным судебным ошибкам. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 1 июня 1963 г. по делу Мирзояна в качестве существенного нарушения по делу, исключающего возможность оставления в силе обвинительного приговора, указано, что «в судебном заседании не было опровергнуто алиби, выдвинутое обвиняемым в свою защиту»*. В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 21 октября 1963 г. по делу Б. И. Ломакина и других сказано: «Следует признать, что обвинение Ломакина в убийстве Шевченко является неправильным, поскольку оно основано на явно недостаточных и не убеждающих в его виновности данных при наличии доказанности алиби». Дело в отношении Ломакина Пленумом было прекращено за недоказанностью предъявленного ему обвинения⁸.

Какое значение имеет деление доказательств на прямые и косвенные?

Ни в коем случае нельзя утверждать, будто прямые доказательства лучше косвенных. Косвенные доказательства вовсе не хуже прямых, и советское доказательственное право вообще не признает деления доказательств на лучшие и худшие. Ценность,

доказательственная сила каждого доказательства — как прямого, так и косвенного — зависит от обстоятельств дела, от характера каждого отдельного доказательства, от его соотношения с другими доказательствами по этому делу и т. д. Поэтому в ряде случаев косвенные доказательства могут привести следствие и суд к вполне достоверным выводам, а прямые доказательства, оказавшиеся сомнительными и недоброкачественными, при не критическом к ним отношении вызвать ошибочное решение по делу.

Разделение доказательств на прямые и косвенные имеет весьма важное значение в том отношении, что методы пользования ими, приемы доказывания прямыми и косвенными доказательствами различны.

При пользовании прямым доказательством основной вопрос заключается в оценке этого доказательства по источнику: например, правильно ли показал свидетель, нет ли в его показаниях ошибки или лжи, верно ли он сообщил наблюдавшийся им факт. Если доказательство оценено правильно, главный факт установлен также правильно, так как вывод вытекает сам собой; если же доказательство оценено неправильно, неизбежна ошибка в разрешении дела, так как в этом случае будет сделан неверный вывод.

При пользовании косвенными доказательствами процесс оценки доказательства протекает иначе. В этих случаях необходимо оценить само доказательство по его источнику так же, как и прямое доказательство; но когда оценка сделана и доказательство признано достоверным, следует еще подвергнуть оценке тот факт (доказательственный, побочный), который установлен этим доказательством (например, показанием свидетеля), проверить, вытекает ли из него в совокупности с другими фактами, установленными по делу, главный факт (совершение обвиняемым инкриминируемого ему преступления).

Таким образом, оценка косвенного доказательства проходит два этапа, и, следовательно, более сложна.

Вместе с тем следует твердо помнить, что обвинение всегда должно быть основано лишь на совокупности доказательств прямых, косвенных или тех и других вместе. Одно изолированное доказательство — прямое или косвенное — не может быть положено в основу обвинения, так как правильная оценка любого доказательства требует сопоставления одних доказательств с другими, подтверждения одного доказательства другими и т. д. Как бы ни было прямое доказательство убедительно, ясно, отчетливо (например, опознание данного лица потерпевшим, признание своей вины задержанным лицом), правильность этого доказательства может быть только предположительной. Достоверно же оно лишь тогда, когда есть возможность сопоставить это доказательство с другими доказательствами, подтвердить его другими доказательствами.

⁴ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1963, № 6, стр. 39.

⁶ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 4, стр. 29.

Это — твердое правило доказательственного права, не знающее и не допускающее исключений. В отношении косвенных доказательств оно совершенно очевидно и не вызывает сомнений: на одном косвенном доказательстве основывать обвинение нельзя. Но следует совершенно категорически установить, что и одного прямого доказательства недостаточно для того, чтобы признать человека виновным в совершении преступления. Действительно, согласно ст. 17 Основ уголовного судопроизводства доказательства оцениваются по внутреннему убеждению судей, прокурора, следователя, «основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности». Если же в деле есть только одно-единственное доказательство, хотя бы прямое, — нет никакой совокупности обстоятельств дела, на которую могло бы опереться внутреннее убеждение. Конечно, если обвинение основано на показаниях только одного свидетеля, этот свидетель в своих показаниях мог изложить не один, а много фактов. Но эти факты необходимо проверить всесторонне, объективно, полно, и этого никак нельзя сделать, если в деле кроме показаний этого одного свидетеля нет других доказательств.

Далее, согласно ст. 77 УПК РСФСР обвинение не может быть основано на одном признании обвиняемым своей вины, если это признание не подтверждено другими доказательствами (об этом мы дальше скажем подробно).

Из этого никак нельзя сделать вывод, что *только* на одном признании обвиняемым своей вины нельзя основывать обвинение, а на любом другом одном доказательстве — можно. Смысл ст. 77 заключается в том, что *даже* на признании обвиняемым своей вины, если это единственное доказательство в деле, обвинение основывать нельзя, требуется совокупность доказательств. Признание обвиняемым своей вины выделено именно потому, что в практике иногда наблюдается переоценка этого признания, приписывание ему преимущественного значения, оно подчас представляется особо впечатляющим и т. д.

Таким образом, одного доказательства, прямого или косвенного, для вывода о виновности недостаточно, нужна сумма, совокупность доказательств.

При пользовании прямыми и косвенными доказательствами особо возникает вопрос о доказывании обстоятельств, относящихся к субъективной стороне состава преступления — умысла, намерения, мотива действий обвиняемого. Доказывание этих обстоятельств часто связано со значительными трудностями.

В некоторых случаях намерение, мотив действий доказываются прямыми доказательствами, например, тогда, когда обвиняемый, признав себя виновным, сам излагает и объясняет мотивы своих действий, или когда свидетели в своих показаниях сообщают то,

что обвиняемый им говорил о своих намерениях совершить преступление.

Но во многих случаях отсутствуют прямые доказательства, которыми бы устанавливались мотивы действий обвиняемого, и их приходится выводить из ряда побочных, доказательственных фактов, т. е. доказывать при помощи косвенных улик. Умышленный характер действий обвиняемого иногда может вытекать из того, как совершались сами эти действия (например, при убийстве, нанесении телесных повреждений), а в ряде случаев его приходится устанавливать при помощи таких косвенных доказательств, как взаимоотношения обвиняемого и потерпевшего, поведение обвиняемого после совершения преступления и т. п.

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. № 9 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве» содержится такое положение: «Разрешая вопрос о том, с прямым или косвенным умыслом действовал виновный, суды должны исходить из совокупности всех обстоятельств дела и учитывать не только предшествующее поведение виновного и потерпевшего и их взаимоотношения, но и способ совершения преступления, применявшиеся орудия, а также самый характер ранения или иных повреждений, причиненных потерпевшему. О наличии прямого умысла могут свидетельствовать, в частности, действия виновного, которые заведомо для него должны были повлечь смерть потерпевшего и не привели к смертельному исходу лишь в силу обстоятельств, не зависящих от воли виновного»⁶.

В отношении деления доказательств на прямые и косвенные возникает такой же вопрос, как при делении доказательств на обвинительные и оправдательные: все ли без исключения доказательства разделяются на эти две группы, или деление относится лишь к тем доказательствам, которые указывают — прямо или косвенно — на виновность или невиновность определенного лица.

⁶ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1963». Изд-во «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», 1964, стр. 281; см. также Постановление Президиума Верховного суда РСФСР от 8 января 1964 г. по делу Бунина («Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1964, № 5, стр. И, 12).

На необходимость доказывания мотива при совершении умышленного преступления неоднократно указывается в постановлениях Пленума и определениях коллегий Верховного Суда СССР (см., например, определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 26 декабря 1964 г., по делу С. Г. Лабазде — «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 2, стр. 37). См. также определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 20 мая 1967 г. по делу Финопина и от 30 июня 1967 г. по делу Кудииова («Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1967, № 10, стр. 6, 7).

Мы полагаем, что прямыми и косвенными доказательствами являются именно те, которые относятся к установлению виновности или невиновности. Те же доказательства, которые устанавливают различные обстоятельства совершенного преступления безотносительно к виновности или невиновности обвиняемого, лежат за пределами деления доказательств на прямые и косвенные. Таковы, например, доказательства, устанавливающие место и время убийства, размер образовавшейся недостачи материальных ценностей, любые черты, признаки, обстоятельства исследуемого деяния, не содержащие ни прямо, ни косвенно указания на совершение этого деяния каким-либо лицом. Разумеется, в определенных условиях любое такое доказательство может стать прямым или косвенным, если в ходе исследования дела оно сможет послужить к изобличению или оправданию обвиняемого. Но если этого нет, если доказательство просто устанавливает какую-то черту самого факта преступления безотносительно к совершившему его — это доказательство будет находиться вне классификации доказательств на прямые или косвенные, т. е. не будет ни прямым, ни косвенным⁷.

В

Исследование косвенных доказательств, их проверка и оценка характеризуются следующими положениями.

Каждый доказательственный факт сам должен быть доказан с полной несомненностью. Если факт, через посредство которого доказывается главный факт (совершение обвиняемым преступления), сам не доказан, сомнителен, он не может служить доказательством главного факта.

Например, если по делу о поджоге косвенным доказательством является угроза обвиняемого по адресу потерпевшего поджечь его имущество, этот факт угрозы нужно доказать, т. е. доказать с полной достоверностью (например, свидетельствами, показаниями), что обвиняемый действительно незадолго до пожара гро-

⁷ А. И. Винберг, Г. М. Миньковский и Р. Д. Рахунов считают, что все доказательства, относящиеся к установлению деталей главного факта, являются косвенными доказательствами (см.: А. И. Винберг, Г. М. Миньковский, Р. Д. Рахунов. Косвенные доказательства в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1956, стр. 19, 20, 78). Наоборот, А. И. Трусов придерживается той точки зрения, что доказательство, указывающее на любой факт, входящий в состав главного факта, — прямое доказательство (см.: А. И. Трусов. Основы теории судебных доказательств, стр. 61, 62). Ни с той, ни с другой точкой зрения согласиться нельзя. А. И. Трусов в качестве примера прямого доказательства приводит показания потерпевшего от грабежа о том, что его ограбили, но не могущего указать грабителей. Это, конечно, не прямое доказательство, так как в нем нет как раз главного — указания на лицо, совершившее ограбление. Это доказательство, разумеется, и не косвенное. К нему просто не относится данное деление доказательств.

Зил потерпевшему поджогом, и только после этого такой факт станет доказательством виновности обвиняемого.

Косвенных доказательств должно быть несколько, должна ульгь их совокупность, одно косвенное доказательство еще не служит основанием для вывода по делу. Каждое косвенное доказательство получает силу только в связи с другими косвенными доказательствами. Действительно, одно изолированное косвенное доказательство может быть основанием только для предположения о виновности обвиняемого. Например, по делу об убийстве такие факты, как угроза обвиняемого потерпевшему или нахождение обвиняемого в месте убийства в то время, когда произошло убийство, или обнаружение на одежде обвиняемого пятен крови той же группы, к какой принадлежит кровь потерпевшего, или обнаружение у обвиняемого принадлежавших потерпевшему вещей, — взятые в отдельности, не служат основанием для вывода о виновности обвиняемого. Но совокупность ряда подобных фактов может быть таким основанием.

Известно, что одно изолированное доказательство основанием обвинения вообще не является, для этого требуется совокупность доказательств. Это положение относится и к прямым доказательствам; одно-единственное прямое доказательство, которое не находится в связи с другими доказательствами — прямыми или косвенными, не обосновывает обвинение, не позволяет сделать вполне достоверный вывод о виновности обвиняемого. Но при пользовании косвенными доказательствами это положение получает еще более определенное и категорическое выражение: одна косвенная улика — вообще не улика, вне связи с другими косвенными уликами она вообще не имеет доказательственной силы.

Все косвенные доказательства должны быть согласованы одно с другим, подтверждать одно другое, должны составлять гармоническое целое, цепь улик, все звенья которой неразрывно связаны между собой.

Косвенные доказательства образуют цепь улик тогда, когда они связаны между собой, взаимно подкрепляют одно другое, ни одно звено цепи улик не может быть выбито без того, чтобы не распалась вся цепь. Если же такой связи косвенных улик нет, это означает, что налицо лишь механический набор, нагромождение отдельных, разрозненных фактов, которые, как бы велико ни было их количество, не могут служить прочным основанием для вывода о виновности обвиняемого.

Все косвенные доказательства (доказательственные факты) должны находиться в причинной связи с главным фактом. Из косвенных доказательств вытекает достоверный вывод о виновности обвиняемого только в том случае, если установлена причинная связь между доказательственными фактами и главным фактом, подлежащим разрешению по делу. Причинная связь фактов — это такая связь между ними, при которой либо один

факт является причиной другого факта, а этот последний — следствием первого, либо оба факта имеют общую причину, т. е. оба выступают как следствия третьего факта.

Приведем примеры. По делу об убийстве установлено, что на одежде обвиняемого имеются следы крови человека, по группе крови совпадающие с кровью потерпевшего. Этот факт, т. е. следы крови на одежде обвиняемого, — косвенное доказательство (доказательственный факт) его виновности в убийстве. Но сделать вывод о виновности обвиняемого возможно будет лишь тогда, когда всей совокупностью обстоятельств дела будет установлено, что пятна крови на одежде обвиняемого получились именно вследствие того, что при нанесении обвиняемым смертельного ранения потерпевшему кровь последнего брызнула и запятнала одежду убийцы, и исключается всякое иное объяснение происхождения этих пятен.

В этом случае факт убийства (главный факт) будет причиной появления пятен крови на одежде потерпевшего (косвенное доказательство, доказательственный факт), а этот последний факт (наличие пятен крови) будет следствием совершения убийства (главного факта).

Другой пример. По делу об убийстве установлено, что незадолго до убийства обвиняемый грозил потерпевшему расправиться с ним. Это — косвенное доказательство. Но из него можно сделать вывод о виновности обвиняемого только тогда, когда между фактом угрозы и фактом убийства будет установлена причинная связь. Какова же причинная связь между этими фактами? Убийство не может быть причиной угрозы, а угроза — причиной убийства. Очевидно, здесь — иная форма причинной связи, чем в первом примере. Факт угрозы убийством потому является косвенным доказательством, что он устанавливает наличие вражды между обвиняемым и потерпевшим и намерение обвиняемого убить потерпевшего. Этот факт вражды и намерения убить мог быть причиной одновременно двух фактов — угрозы убить, во-первых, самого совершения убийства, во-вторых. Следовательно, из данного косвенного доказательства — угрозы убийством — вывод о виновности обвиняемого будет верным только тогда, когда всей совокупностью обстоятельств дела установлено, что именно наличие у обвиняемого вражды и намерения убить потерпевшего, обнаруженное через факт угрозы, послужило причиной убийства⁸.

⁸ Некоторые юристы утверждают, что связь доказательственных фактов с главным фактом не только причинная связь, а и связь иного рода — временная связь, пространственная связь и т. д. (см.: А. М. Л а р и н. Работа следователя с доказательствами, стр. 87; «Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая», стр. 304—313). Конечно, при расследовании и судебном разбирательстве уголовного дела приходится сталкиваться с самыми разнообразными формами связи, например,

Все косвенные доказательства по делу должны в своей совокупности приводить к одному-единственному выводу — о виновности обвиняемого — и должны исключать возможность всякого иного вывода.

Если собранные по делу косвенные доказательства допускают какое-то иное объяснение, чем их связь с фактом совершения преступления обвиняемым, если они оставляют какую-то возможность иного вывода, кроме вывода о виновности обвиняемого, значит, они недостаточны для того, чтобы служить основанием для обвинения. Поэтому при пользовании косвенными доказательствами необходимо проверить все возможные версии с тем, чтобы все версии, кроме одной, были исключены, опровергнуты и подтвержденной осталась только эта единственная версия.

Приведем пример из судебной практики. По делу о разбойном нападении с убийством в отношении двух обвиняемых имелись такие косвенные доказательства: 1) обоих обвиняемых свидетели видели вместе на дороге, по которой ранее проходил, а потом был обнаружен убитым потерпевший; 2) у одного обвиняемого при обыске были найдены брюки, принадлежавшие потерпевшему, со следами крови; и его объяснения о покупке этих брюк на рынке при проверке оказались ложными; 3) на этих брюках и на одежде другого обнаружены следы крови, сходные по группе с кровью потерпевшего; 4) в руке убитого был зажат вырванный карман пиджака, а у одного обвиняемого карман в пиджаке оказался вырванным, причем карман, зажатый в руке потерпевшего, в точности пришелся к пиджаку обвиняемого — по разрывам и по ткани; 5) другой обвиняемый еще до того, как был обнаружен и опознан труп потерпевшего и никто еще не мог знать, что потерпевший убит, говорил своим знакомым, что исчезнувший потерпевший убит⁹.

Все эти косвенные улики с несомненностью подтверждают только версию о виновности обвиняемых и исключают всякую иную версию.

А вот пример неправильного решения дела на основании косвенных улик. Заведующий магазином Мартазанов был осужден за хищения вверенных ему ценностей на основе таких доказательств: у него была обнаружена недостача товаров на сумму 3600 руб., после чего он эту недостачу погасил. Здесь действи-

выяснять, совпадали ли те или иные события во времени или они происходили одновременно; были ли те или иные объекты пространственно разьединены или не были и т. д. Но все эти формы связи имеют лишь то значение, что они указывают путь к выяснению причинной связи, но сами не служат и не могут служить основанием для доказательства главного факта.

Этот очень характерный пример приведен М. М. Гродзинским (см.: М. М. Г р о д з и н с к и й. Улики в советском уголовном процессе. «Ученые труды Всесоюзного института юридических наук», вып. 7, 1945, стр. 114.

тельно имелись две косвенные улики — факт недостачи и факт покрытия ее. Но эти улики таковы, что они могут служить основанием для предположения, для версии, подлежащей проверке, но никак не для категорического достоверного вывода о виновности обвиняемого в хищении. Недостача могла образоваться по разным причинам, например, вследствие халатности заведующего магазином, в результате того, что он раздавал в долг продукты питания, товары и деньги разным организациям и лицам. Именно последнее обстоятельство было установлено по делу бесспорно. Что касается покрытия обвиняемым обнаруженной у него недостачи, то это могло быть объяснено желанием данного лица избежать ответственности по суду, опасением подвергнуться уголовному преследованию, и такое объяснение действий обвиняемого не было опровергнуто.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР своим определением от 13 июля 1963 г. изменила приговор, признав, что в данном случае имело место не хищение, а злоупотребление служебным положением со стороны должностного лица¹⁰.

Таким образом, косвенные доказательства должны быть подвергнуты самому тщательному и всестороннему исследованию для того, чтобы они могли служить твердой и надежной базой обвинения.

9

Косвенным доказательством является как источник, которым устанавливается доказательственный факт (например, показания свидетеля о враждебных отношениях обвиняемого с потерпевшим), так и сам доказательственный факт, в совокупности с другими фактами устанавливающий главный факт, т. е. виновность обвиняемого (например, самый факт наличия враждебных отношений между обвиняемым и потерпевшим).

Из этого следует, что, если один доказательственный факт доказываемся несколькими источниками сведений о нем, имеется только одно доказательство, а не несколько. Например, показания пяти свидетелей, что они видели, как обвиняемый бежал с того места, где был обнаружен труп потерпевшего, — это не пять доказательств виновности обвиняемого, не пять улик, а одно доказательство, одна улика: факт, что обвиняемый находился в месте, где было совершено преступление, и бежал с этого места. Если по делу об убийстве несколько свидетелей показывают об угрозе, произнесенной обвиняемым по адресу потерпевшего, — это одно косвенное доказательство: факт угрозы.

Если по делу устанавливаются несколько доказательственных фактов, это значит, что имеется несколько доказательств, не-

сколько улик. При этом все доказательственные факты должны быть доказаны самостоятельно, должны подтвердиться различными доказательствами и не исходить только из одного источника.

Например, один свидетель удостоверил в своем показании несколько обстоятельств, уличающих обвиняемого: враждебные отношения между обвиняемым и потерпевшим, угрозы обвиняемого по адресу потерпевшего, нахождение обвиняемого на месте преступления в момент его совершения, попытки обвиняемого склонить свидетелей к даче ложных показаний и некоторые другие факты; все эти обстоятельства вытекают из одного общего источника — из показаний одного свидетеля, поэтому такое доказательство является недостаточным для установления виновности обвиняемого.

Иное дело, если эти обстоятельства устанавливаются из разных источников, например удостоверяются разными свидетелями. В этом случае налицо будет несколько косвенных улик, подтверждающих одна другую. Это не значит, разумеется, что один источник может содержать только один доказательственный факт. Вполне возможно, что один свидетель покажет не об одном, а о двух-трех фактах, уличающих обвиняемого; но в таких случаях необходимо, чтобы эти факты подтверждались и иными доказательствами.

Главная трудность в оперировании косвенными доказательствами заключается в том, чтобы связать в одно целое ряд разрозненных, часто на первый взгляд мелких, но в действительности очень существенных фактов. Здесь есть опасность заменить факты догадками и предположениями, связать между собой то, что в действительности связи не имеет¹¹.

При пользовании косвенными доказательствами перед следствием и судом стоит очень сложная задача — исследовать каждое такое доказательство отдельно, сопоставить его с другими, проверить связь между ними — согласуются ли они или противоречат одно другому, установить, есть ли между отдельными фактами объективная причинная связь или лишь случайное совпадение и т. п. Но если эта работа проделана, связь отдельных фактов устанавливается достаточно четко и в результате получается ясная картина преступления —, косвенные доказательства представляют собой серьезный материал в руках следствия и суда. Надо иметь в виду, что как раз дела о наиболее опасных преступлениях не всегда содержат в себе прямые доказательства, а часто — именно косвенные (например, дела об убийствах, поджогах и т. п.).

Большой практический материал о пользовании косвенными доказательствами дан в книге А. И. Винберга, Г. М. Миньковского и Р. Д. Рахуиова «Косвенные доказательства в советском уголовном процессе». , ч : v

¹⁰ «Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1963, № 12, стр. С, 7.

Косвенными доказательствами (доказательственными фактами) являются самые различные факты, которые по обстоятельствам данного конкретного дела ввиду их причинной связи с главным фактом могут служить для его установления. Поэтому нельзя дать исчерпывающей классификации косвенных доказательств.

Однако можно привести ориентировочный перечень тех фактов, которые в судебной практике обычно служат косвенными доказательствами:

1) вещественные следы преступления, т. е. следы, оставленные преступлением на различных предметах (например, пятна крови на одежде обвиняемого по делу об убийстве);

2) следы, оставленные преступником (например, след ноги, обнаруженный на месте совершения преступления и идентифицированный со следом ноги обвиняемого);

3) обладание орудием, необходимым для совершения преступления (например, обнаружение у обвиняемого ключа, открывающего замок, которым было заперто помещение, куда проникли воры);

4) обладание предметом, явившимся объектом преступного посягательства (например, обнаружение у обвиняемого при обыске похищенных вещей);

5) нахождение обвиняемого на месте совершения преступления в то время, когда преступление было совершено (например, удостоверенный свидетелями факт, что обвиняемого они видели около того места, где было совершено убийство, непосредственно за тем, как это убийство произошло);

6) наличие мотива к совершению преступления (например, враждебные отношения между обвиняемым и потерпевшим, ссора между ними);

7) действия обвиняемого до совершения преступления, представляющие собой подготовку к совершению преступления (например, приобретение орудия, необходимого для совершения преступления);

8) действия обвиняемого после совершения преступления, направленные на сокрытие следов преступления и воспрепятствование возбуждению и ведению уголовного преследования (например, уговаривание свидетелей показывать неправду в пользу обвиняемого);

9) изменение образа жизни обвиняемого, вызванное совершением преступления (например, трата больших средств обвиняемым после того, как образовалась недостача вверенных ему ценностей).

Из рассмотрения основных видов косвенных доказательств (доказательственных фактов) уличающего характера ясно видно,

что любое доказательство, взятое отдельно, не может служить достаточным доказательством: таковым оно может стать лишь в совокупности с другими доказательствами. Например, один факт наличия мотива к совершению преступления сам по себе еще не уличает обвиняемого: мотив к совершению преступления у обвиняемого мог быть, а преступление все же совершил не он, а другой. Равно один факт попытки обвиняемого воспрепятствовать возбуждению уголовного преследования сам по себе не уличает обвиняемого — это могло быть вызвано боязнью подвергнуться незаслуженному обвинению.

Любой факт, опровергающий какой-либо из фактов уличающего характера, противоречащий этим фактам, является косвенным доказательством оправдывающего характера (например, отсутствие мотивов к совершению преступления, дружеские отношения обвиняемого и потерпевшего и т. п.).

Вместе с тем следует указать на ряд фактов, которые не могут служить косвенным доказательством виновности обвиняемого, но иногда ошибочно принимаются за такое доказательство. Эти факты следующие:

1) факты, аналогичные фактам данного дела, но не находящиеся с ними в причинной связи (например, сходство способа совершения преступления по данному делу со способом совершения преступления по другим аналогичным делам нельзя считать косвенным доказательством)¹²;

2) факты, характеризующие обвиняемого с отрицательной стороны. Такие факты (например, прежняя судимость обвиняемого, его аморальные поступки и т. д.) могут служитьотягчающим обстоятельством для назначения меры наказания при уже доказанной виновности, но не могут служить доказательством виновности;

3) поведение обвиняемого на следствии и в суде по его делу. Отказ обвиняемого давать показания, противоречия в его показаниях, ссылка на неподтвердившиеся факты — все это может означать, что обвиняемый избрал неправильные методы своей защиты, но не доказывает виновности обвиняемого¹³.

Сходство способа совершения данного преступления со способом совершения преступления по другим, аналогичным делам, иногда может иметь то значение, что побуждает следователя вести расследование в определенном направлении, подсказывая ему ту или иную версию. Но сам по себе факт подобного сходства никакого доказательственного значения не имеет и никого ни в чем не уличает (см. определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 24 ноября 1966 г. по делу Израилова. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1967, № 3, стр. 25—30). Подробнее см. гл. XIII, § 4.

Отдельные виды доказательств

§ 1. Система доказательств как источников сведений о подлежащих установлению фактах

Все факты, подлежащие установлению по делу, устанавливаются, доказываются при помощи доказательств как источников сведений об этих фактах. Таким способом доказываются все факты, все обстоятельства, образующие предмет доказывания. Виды доказательств как источников сведений о подлежащих установлению фактах указаны в ст. 16 Основ уголовного судопроизводства (ст. 69 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик). Это: показания свидетелей; показания потерпевшего; показания обвиняемого; показания подозреваемого; заключение эксперта; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы.

Приведенный в законе перечень — исчерпывающий: только при помощи этих доказательств, этих источников сведений могут доказываться факты, имеющие значение для дела, только на основе этих доказательств разрешается вопрос о виновности и степени ответственности обвиняемого.

Действительно, закон не может предусмотреть всех возможных доказательственных фактов, так как способность того или иного факта служить доказательственным фактом для установления главного факта зависит от обстоятельств каждого конкретного дела. Но закон может предусмотреть и действительно предусматривает все те источники, из которых следствие и суд черпают сведения о подлежащих установлению фактах. Эти законные источники должны соответствовать определенным условиям, указанным в законе, и облакаются в определенные процессуальные формы, предусмотренные законом, без чего они не могут служить средством доказывания этих фактов.

В ст. 16 Основ уголовного судопроизводства дается перечень доказательств как источников сведений о подлежащих установ-

лению фактах, а ряд статей УПК союзных республик предусматривает процессуальный порядок, процессуальные формы для пользования этими доказательствами (ст. 150, 151, 152, 155-161, 184-194 и ряд других статей УПК РСФСР).

Способность доказательства как источника сведений о факте быть средством установления этого факта называется допустимостью доказательства.

Не каждое доказательство пригодно для того, чтобы установить любое обстоятельство, имеющее значение для дела. Процессуальный закон вообще устраняет из числа доказательств некоторые средства (или источники) получения различных сведений.

Например, УПК РСФСР (ст. 72) перечисляет лиц, которые не могут быть свидетелями по делу: 1) защитник обвиняемого по данному делу; 2) лица, страдающие физическими и психическими недостатками, в силу которых они неспособны правильно воспринимать имеющие значение по делу явления и давать о них правильные показания.

Согласно ст. 74 УПК РСФСР доказательствами не служат фактические данные, сообщаемые свидетелем, если он не может указать источник своей осведомленности.

В ст. 43 Основ уголовного судопроизводства (ст. 309 УПК РСФСР) указано, что обвинительный приговор нельзя основывать на предположениях. Из этого следует, что не имеют доказательственной силы показания свидетеля и заключения экспертов, в которых высказываются предположения о тех или иных фактах, но не содержится категорических утверждений относительно этих фактов.

Правила о допустимости доказательств имеют главным образом негативный характер. Они указывают, какие средства, источники не допускаются, не применяются для установления фактов по делу. Но наряду с этим правила о допустимости доказательств могут иметь и позитивный характер: например, закон признает, что для установления некоторых обстоятельств необходимы определенные доказательства. Так, согласно ст. 79 УПК РСФСР вызов экспертов обязателен для установления причин смерти и характера телесных повреждений, для определения психического состояния обвиняемого или подозреваемого, если возникают сомнения в их вменяемости, для определения психического или физического состояния свидетеля или потерпевшего, когда возникают сомнения в их способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания, для установления возраста обвиняемого, подозреваемого и потерпевшего, когда это имеет значение для дела, а документы о возрасте отсутствуют. Это означает, что для установления указанных обстоятельств необходимо в качестве доказательств заключение экспертов, и эти об-

стоятельства не могут быть доказаны иными доказательствами (например, свидетельскими показаниями)*.

Рассмотрим подробно все виды доказательств, перечисленные в ст. 16 Основ уголовного судопроизводства (ст. 69 УПК РСФСР).

§ 2. Свидетельские показания

Свидетельские показания — это сообщения о фактах, имеющих значение для уголовного дела, в установленном уголовно-процессуальном кодекском порядке сделанные следователю и суду лицами, которым эти факты известны.

Свидетель — лицо, в установленном уголовно-процессуальном кодекском порядке допрашиваемое следователем и судом об известных ему фактах, имеющих значение для уголовного дела.

Посредством показаний свидетелей следствие и суд устанавливают многие факты и обстоятельства дела.

Свидетельские показания — это показания живых людей, сообщающих и разъясняющих факты, действия, поступки, которые составляют предмет исследования по уголовному делу.

Значение свидетельских показаний для правильного расследования и разрешения уголовного дела исключительно велико. Только при помощи показаний свидетелей возможно выяснить и установить многие важные для дела факты.

Свидетели в советском уголовном процессе — это в подавляющем большинстве честные советские люди, добровольно и охотно сообщающие следствию и суду все, что им известно по делу, и тем самым помогающие правильно расследовать и разрешить уголовное дело.

Вместе с тем по отношению к свидетельским показаниям необходимо критическое отношение со стороны следователя, прокурора и суда, так как порой встречаются свидетели, дающие ложные показания. К тому же свидетели в своих показаниях нередко допускают ошибки, добросовестно заблуждаются. Поэтому всегда следует учитывать возможность того, что тот или иной свидетель даст ложные или ошибочные показания. Если ложь или ошибка в показаниях свидетелей не будет своевременно обнаружена, это может привести к неправильному разрешению дела.

¹ Иногда возникает вопрос о доказательственном значении указания собаки-ищейки на определенное лицо. Следует признать, что такое указание имеет только розыскное значение; оно дает возможность направить расследование по определенному пути в отношении определенного лица. Никакого доказательственного значения указания собаки-ищейки не имеют, и на них основывать выводы о виновности определенного лица ни в коем случае нельзя. Указание собаки-ищейки не имеет доказательственного значения ни как источник сведений о факте, ни как доказательственный факт.

Распознавание ошибки или лжи в показаниях свидетеля или, наоборот, уверенность в добросовестности свидетеля и в правильности его показаний достигается тщательной, всесторонней проверкой этих показаний, вдумчивой и основательной их оценкой.

Процессуальное положение свидетеля. Свидетель вызывается для сообщения следствию и суду фактов и сведений, имеющих значение для дела. Вместе с тем свидетель в уголовном деле занимает определенное процессуальное положение, имеет определенные обязанности и права.

Обязанности свидетеля таковы:

Свидетель обязан явиться по вызову следователя (или органа дознания) и суда. В случаях невозможности явки свидетель должен представить данные об уважительных причинах неявки (болезнь, нарушение транспортной связи и т. д.). Не является уважительной причиной неявки занятость свидетеля служебной, профессиональной работой, так как интересы последней в данном случае подчиняются интересам правосудия.

В случае неявки без уважительных причин свидетель может быть подвергнут приводу.

Свидетель обязан дать показания, рассказать все известное ему по делу и отвечать на вопросы следователя, суда, сторон. За отказ или уклонение от дачи показаний свидетель подлежит ответственности по ст. 182 УК РСФСР.

Советский уголовно-процессуальный закон не предусматривает права свидетеля отказываться от дачи показаний потому, что вопрос, по которому он допрашивается, составляет служебную тайну. По смыслу закона суд не должен оставлять без исследования важное для правильного разрешения уголовного дела обстоятельство под тем предлогом, что свидетель не считает возможным сообщить суду нужные сведения. Если то или иное обстоятельство касается предмета, составляющего государственную тайну, допрос свидетеля на суде производится при закрытых дверях, согласно ст. 12 Основ уголовного судопроизводства, ст. 18 УПК РСФСР. В таком случае обязанностью следователя, прокурора и суда является охрана от разглашения сведений, не подлежащих оглашению.

Свидетель обязан дать правдивые показания, показывать только правду. За дачу заведомо ложных показаний свидетель несет уголовную ответственность по ст. 181 УК РСФСР. Уголовная ответственность наступает за дачу только заведомо ложных показаний, т. е. в случаях, когда свидетель сознательно лжет, намеренно говорит неправду. За ошибочные же, неправильные показания, заблуждения свидетель ответственности не несет.

Круг вопросов, подлежащих выяснению показаниями свидетеля, определяется следователем и судом. Уголовно-процессуальным кодексом установлено правило, что допускается допрос свидетеля о любых обстоятельствах, подлежащих установлению по делу, в том числе о личности обвиняемого, потерпевшего и о своих взаимоотношениях с ними. Не служат доказательством фактические данные, сообщаемые свидетелем, если он не может указать источник своей осведомленности (ст. 74 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик). Ст. 68 УПК СССР дополняет это правило указанием: «Если показания свидетеля основываются на сообщениях других лиц, то эти лица должны быть также допрошены». При допросе свидетеля должно быть установлено его отношение к делу и к сторонам (ст. 158 УПК РСФСР).

Точное ограничение предмета свидетельских показаний фактами, подлежащими установлению по делу, и характеристикой личности обвиняемого и потерпевшего имеет большое значение для правильного расследования дела, ибо обеспечивает успешность допроса свидетеля, сосредоточение внимания допрашивающего и допрашиваемого лишь на тех обстоятельствах, которые относятся к делу.

Хотя в законе нет на это прямого указания, но из самого процессуального положения свидетеля вытекает, что свидетель не несет обязанности отвечать на такие вопросы, ответы на которые могли бы повлечь привлечение свидетеля к уголовной ответственности по обвинению в совершении преступления. Действительно, свидетель обязан на допросе сообщать известные ему факты, необходимые для правильного разрешения дела, но не обязан изобличать самого себя, как этого не обязан делать уже привлеченный к уголовной ответственности обвиняемый (а также подозреваемый).

Допрос свидетеля о фактах, изобличающих его в совершении преступления, ставит этого свидетеля фактически в положение обвиняемого. По обвиняемому не обязан давать показания и не несет уголовной ответственности за дачу ложных показаний. Поэтому нельзя возлагать на свидетеля эту обязанность и ответственность, когда ему задаются вопросы о фактах, уличающих самого свидетеля в совершении преступления.

В следственной практике следователь иногда допрашивает в качестве свидетеля лицо, в отношении которого имеются некоторые доказательства его участия в совершении преступления, но следователь хочет, прежде чем привлечь это лицо к уголовной ответственности, получить его показания. Допрашивать это лицо в качестве подозреваемого следователь не вправе, так как оно не подвергнуто задержанию и к нему не применена мера пресечения до предъявления обвинения, привлечение же в качестве обвиняемого следователь считает преждевременным. По-

этому такое лицо и допрашивается о его собственных действиях в качестве свидетеля, в предвидении его последующего привлечения.

В этом случае создается совершенно недопустимое положение, противоречащее закону. По существу фактически ведется допрос обвиняемого, ибо лицо допрашивается по поводу приписываемого ему преступления, ему задаются вопросы, уличающие его в совершении преступления. Но допрос ведется в форме допроса свидетеля, с разъяснением этому лицу обязанности давать правдивые показания и грозившей уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за заведомо ложные показания.

Поэтому следует признать, что такой допрос незаконен и недопустим. Если имеются доказательства, уличающие кого-либо в совершении преступления, но эти доказательства еще недостаточны для привлечения в качестве обвиняемого, надо продолжать искать доказательства дальше, пока либо будут собраны доказательства, достаточные для предъявления обвинения, либо подозрение в отношении этого лица отпадет. Допрос же данного лица в качестве свидетеля не исключается, в ряде случаев такой допрос возможен — но это должен быть допрос именно свидетеля по существу, а не допрос фактического обвиняемого, проводимый под видом допроса свидетеля; его можно спрашивать о тех или иных обстоятельствах дела, но ему никаких уличающих вопросов задавать нельзя.

Закон предоставляет свидетелю следующие права.

Свидетель имеет право давать показания без принуждения. Закон запрещает принуждение свидетеля к даче показаний путем угроз, насилия и другими незаконными способами, за что производящий расследование несет уголовную ответственность (ст. 179 УК РСФСР).

На предварительном следствии свидетель имеет право требовать формулировки записи его показаний в том виде, в каком он их считает соответствующими сказанному им, и может требовать внесения в протокол допроса поправок и дополнений, что должно быть исполнено допрашивающим.

Свидетель в случае его желания имеет право, после своих устных показаний, записать их собственноручно (ст. 160 УПК РСФСР).

Если свидетель считает, что действия следователя или органа дознания нарушили его права, он вправе обжаловать эти действия прокурору (ст. 218 УПК РСФСР).

Свидетель имеет право на возмещение понесенных им расходов по явке и на сохранение среднего заработка по месту работы за все время, затраченное в связи с вызовом на допрос, а если он не рабочий или служащий, то на вознаграждение за отвлечение от обычных занятий (ст. 106 УПК РСФСР).

Лица, могущие быть свидетелями. В качестве свидетеля может быть допрошено любое лицо, относительно которого имеются сведения, что оно знает что-либо существенное по делу. В нашем уголовно-процессуальном законе нет института отвода свидетеля по мотивам заинтересованности свидетеля в исходе дела или его особых (родственных или иных) взаимоотношений с обвиняемым, потерпевшим и другими лицами. Подобные обстоятельства должны учитываться следователем и судом при проверке и оценке показаний свидетеля, но они не являются основанием для устранения свидетеля от дачи показаний.

Советский уголовно-процессуальный закон не освобождает мужа, жену, близких родственников обвиняемого от обязанности давать свидетельские показания. Разумеется, при вызове таких свидетелей, при их допросе, а также при разрешении вопроса об их привлечении к уголовной ответственности за отказ давать показания или за ложные показания необходимо учитывать своеобразие и трудность положения этих свидетелей, связывающие их с обвиняемым отношения, и подходить к ним с большой осторожностью и чуткостью, не требуя от них подавления в себе естественных человеческих чувств.

Согласно ст. 72 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик в качестве свидетелей не могут быть допрашиваемы: 1) защитник обвиняемого по данному делу; 2) лица, которые в силу своих физических и психических недостатков не способны правильно воспринимать явления, имеющие значение для дела и давать о них правильные показания.

Запрещение допрашивать защитника обвиняемого в качестве свидетеля имеет следующий смысл. Прежде всего нельзя быть одновременно защитником и свидетелем. Поэтому, если оказывается, что защитник знает что-либо существенное по делу независимо от выполнения им по этому делу функции защитника, он должен быть устранен от защиты и допрошен в качестве свидетеля. Однако защитник не может допрашиваться в качестве свидетеля, по тем обстоятельствам, которые ему стали известны при выполнении им своих функций защитника (например, из беседы с обвиняемым), даже при условии освобождения его от функции защитника по данному делу.

Это правило обуславливается тем, что, если бы защитник мог быть допрашиваем в качестве свидетеля относительно того, что он узнал от обвиняемого, его родственников и других лиц, обратившихся к нему за юридической помощью, доверие к защитникам было бы сильно подорвано. Сама организация советской защиты была бы дискредитирована в глазах тех, кто нуждается в помощи защиты. Поскольку же институт советской защиты общественно важен и необходим для помощи социалистическому правосудию и для охраны прав и интересов граждан, закон и вводит указан-

ное ограничение круга лиц, допрашиваемых в качестве свидетелей.

Это положение в юридической литературе иногда называется «адвокатской тайной» или «профессиональной тайной адвоката»². Название это неудачно: суть вопроса не в тайне адвоката, а в том, чтобы обвиняемому и его близким, пользующимся помощью адвоката-защитника, гарантировать возможность свободно говорить защитнику все, что они считают нужным, без опасения, что сказанное не будет обращено во вред обвиняемому³.

Для изобличения преступников закон предоставляет органам следствия и прокуратуры достаточно полномочий; защитник же призывается к участию в деле для того, чтобы защитить обвиняемого, а не для того, чтобы содействовать его изобличению.

Поэтому защитник не может давать показаний в качестве свидетеля о чем бы то ни было, что ему говорил его подзащитный во время беседы при исполнении защитником своих обязанностей.

В этом вопросе иногда возникали сомнения такого рода.

Если обвиняемый в беседе со своим защитником сознается в совершении им преступления, а на следствии и суде отрицает свою вину, не должен ли защитник сообщить следователю или суду о признании, сделанном ему обвиняемым, и, отказавшись от участия в деле в качестве защитника, дать показания как свидетель? На этот вопрос ответ может быть только отрицательный — это прямо запрещено законом — ст. 72 УПК РСФСР и соответствующими статьями УПК других союзных республик, которые не допускают никаких исключений из общего положения⁴.

² См., например.: А. Л. Цыпкин и п. Адвокатская тайна. Саратов, 1947.

³ В некоторых УПК указывается, что защитник не может допрашиваться в качестве свидетеля об обстоятельствах, которые ему стали известны в связи с исполнением обязанностей защитника *от обвиняемого* (ст. 55 УПК Узбекской ССР; ст. 62 УПК Армянской ССР; ст. 69 УПК Азербайджанской ССР; ст. 66 УПК Белорусской ССР). При узком толковании этой нормы получается, что защитника можно допрашивать как свидетеля о любом обстоятельстве дела, о котором защитник узнал в связи с исполнением своих обязанностей защитника, но не от обвиняемого непосредственно, а от родных, близких обвиняемого или иным путем. Мы думаем, что такое толкование противоречило бы смыслу закона, определенной законом задаче и функциям защитника. Видимо, здесь требуется расширительное толкование указанных выше статей некоторых УПК.

⁴ Если бы защитник и сообщил о таком признании обвиняемым своей вины, это сообщение защитника никак нельзя было бы проверить.

Как будет сказано дальше, сознание обвиняемого, сделанное им следователю и суду с соблюдением всех процессуальных гарантий, не является бесспорным доказательством и подлежит проверке. Сознание же обвиняемого, сделанное им в личной беседе со своим защитником, без всяких гарантий и никак не оформленное, проверке подвергнуто быть не может и вообще никакого доказательственного значения не имеет. В учебнике «Советский уголовный процесс» под редакцией Д. С. Карева (Госюриздат, 1956, стр. 90) было высказано более чем странное утверждение, что защитник обязан сообщать органам расследования ставшие

Таким образом, защитник обвиняемого может быть допрошен в качестве свидетеля только в тех случаях, когда выяснилось, что защитнику известны некоторые обстоятельства дела не в связи с его участием в деле в качестве защитника, а независимо от этого (например, он был очевидцем преступления или так или иначе воспринял тот или иной факт, исследуемый по делу, до того как он вступил в дело в качестве защитника). Разумеется, в этих случаях защитник должен устраниваться от защиты и дать показания в качестве свидетеля. Следует, однако, иметь в виду, что такое превращение защитника в свидетеля допустимо только в исключительных случаях, когда защитнику известны до вступления его в дело такие существенные и важные факты, которые без его допроса в качестве свидетеля выяснены быть не могут, а без их выяснения дело не получит правильного разрешения. Тем более недопустим допрос защитника в качестве свидетеля об обстоятельствах, не связанных с существом преступления, составляющего предмет исследования по делу. Если бы такой допрос был произведен, он, не дав ничего для выяснения обстоятельств дела по существу, повлек бы устранение данного защитника из дела, а это могло бы стеснить право обвиняемого на защиту⁵.

В отношении второго ограничения закон не указывает, какие именно физические и психические недостатки служат препятствием к допросу в качестве свидетеля, так как значение того или иного недостатка зависит от характера факта, который нужно установить показаниями свидетеля. Например, допустим допрос слепого в качестве свидетеля о тех обстоятельствах, которые можно слышать, а глухого — о тех, которые он мог видеть.

Различные психические заболевания проявляются в различных формах и разных степенях. Поэтому в этом случае надо уста-

ему известными — хотя бы из беседы с обвиняемым — сведения о всех тех преступлениях, недоносительство о которых карается по закону. Вопрос об ответственности за недоносительство не имеет никакого отношения к рассматриваемому вопросу. Если статья на точку зрения авторов учебника, получается, что каждый защитник является, так сказать, профессиональным недоносителем, и его спасает лишь то, что закон в виде общего правила за недоносительство не устанавливает уголовной ответственности. В учебнике «Советский уголовный процесс» под редакцией Д. С. Карева (Изд-во «Высшая школа», 1968, стр. 132) этого ошибочного утверждения нет.

⁶ Такой допрос защитника недопустим и во время предварительного следствия, если приговор был отменен и дело направлено на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия: допрос участвовавшего при первом судебном разбирательстве дела защитника устранил бы его от участия в деле при повторном судебном разбирательстве. Ввиду всех этих соображений допрос защитника в качестве свидетеля возможен только по тем обстоятельствам, которые защитник знал до возбуждения производства по делу и независимо от него, если эти обстоятельства относятся к самому существу дела и без их выяснения невозможно правильное расследование дела,

новить психическое состояние свидетеля в момент восприятия того или иного явления и в момент его вызова на допрос. Разумеется, показания таких свидетелей нуждаются в особо осторожном и критическом подходе к ним со стороны следствия и суда.

Вопрос о том, насколько тот или иной физический или психический недостаток препятствует допросу данного лица в качестве свидетеля, решается в каждом отдельном случае следователем или судом при помощи эксперта-врача соответствующей специальности.

Оценка свидетельских показаний. Оценка свидетельских показаний сопряжена со значительными трудностями.

Основной вопрос заключается в том, чтобы установить, на основании чего оцениваются свидетельские показания, с каким критерием должен подходить к ним суд. Иногда встречающиеся в судебной практике случаи оценки показаний свидетеля по впечатлению, которое свидетель производит на суд, лишены всякого принципиального обоснования. Впечатление — основание достаточно шаткое и обманчивое: добросовестный и правдивый свидетель может путаться и противоречить самому себе в своих показаниях, так как смущается и теряется в необычной для него обстановке суда, а лжесвидетель, выучивший свою роль, иногда дает очень подкупающие по своей категоричности и ясности показания.

При оценке свидетельских показаний различаются два момента:

вопрос о *правдивости* или *лживости* показаний свидетеля; вопрос об *объективной достоверности* показаний свидетеля, относительно которого нет данных о том, что свидетель сознательно показывает неправду.

Первый вопрос — о правдивости или лживости показаний свидетеля — состоит в выяснении субъективной добросовестности свидетеля: старается ли он показать правду или он сознательно дает ложные показания.

Задача следствия и суда при пользовании показаниями свидетеля состоит в том, чтобы удостовериться, что свидетель показывает правду, что он не искажает истину.

Если свидетель дает заведомо ложные показания, это всегда бывает вызвано определенными причинами, диктуется определенными мотивами. Душевно здоровый человек никогда не лжет беспричинно, без мотива. Поэтому при проверке и оценке показаний свидетеля необходимо выяснить, нет ли каких-либо особых обстоятельств, которые побуждали бы свидетеля говорить неправду: например, враждебные или дружеские отношения свидетеля с обвиняемым или с потерпевшим, личная заинтересованность свидетеля в исходе дела (в том, чтобы обвиняемый был осужден или, наоборот, оправдан) и т. п.

Наличие таких обстоятельств, разумеется, вовсе не предвещает вывода о лживости показаний свидетеля: если свидетель — честный, сознательный человек, то, хотя бы и были причины, побуждающие его говорить неправду, он их всегда сможет преодолеть и покажет только правду. Но если есть данные о личной заинтересованности свидетеля в исходе дела, о его враждебных или дружеских отношениях с обвиняемым или потерпевшим, показания свидетеля нуждаются в особенно тщательной проверке, так как возможность ложных показаний в этом случае не исключена.

Такая проверка показаний свидетеля производится различными способами: обстоятельным допросом свидетеля о всех деталях сообщаемого им события, выяснением противоречий в показаниях свидетеля, сопоставлением показаний свидетеля с другими доказательствами по делу и т. д.

Распознать возможную ложь в показаниях свидетеля следствие и суд могут, извлекая как из показаний самого свидетеля, так и из всей совокупности других обстоятельств дела данные о наличии у свидетеля мотива к даче ложных показаний, о его заинтересованности в исходе дела, о его взаимоотношениях с обвиняемым и потерпевшим по делу. Располагая такими данными и сопоставляя утверждения, содержащиеся в показаниях свидетеля, с установленными по делу обстоятельствами (например, сопоставляя показания одного свидетеля с показаниями других свидетелей по тому же вопросу, с вещественными доказательствами и документами), всегда есть возможность вскрыть ложь в показаниях свидетеля или, наоборот, убедиться в его правдивости.

Критическое отношение и тщательная проверка показаний свидетелей, находящихся во враждебных или дружеских отношениях с обвиняемым (или потерпевшим), вовсе не означает огульного недоверия к показаниям этих свидетелей, механического их отбрасывания только на том основании, что свидетель находится в ссоре с обвиняемым или является его родственником и т. п. Но эти показания нуждаются в особо тщательной проверке и оценке.

Второй вопрос при оценке свидетельских показаний — об объективной достоверности показаний свидетеля (если нет оснований полагать, что свидетель показывает неправду). Вполне добросовестный свидетель, искренне желающий показать только правду, порой ошибается, путает события, неправильно воспринимает факты и т. п. Оценка показаний свидетеля должна производиться с учетом всех тех обстоятельств, которые влияют на объективную достоверность показаний свидетеля и вызывают ошибки в его утверждениях.

Некритическое отношение следствия и суда к свидетельским показаниям, обоснование обвинения на противоречивых, неясных и недостаточно проверенных показаниях свидетелей, принятие на веру, без тщательной проверки показаний свидетелей,

находящихся во враждебных, неприязненных или, наоборот*, в дружеских отношениях с обвиняемым или потерпевшим сплошь и рядом бывали источником серьезных судебных ошибок, неправильного разрешения уголовных дел.

На это неоднократно указывалось в постановлениях Пленума и определениях коллегий Верховного Суда СССР по конкретным уголовным делам. Таково, например, Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 2 декабря 1959 г. по делу Петросян⁶, определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 31 октября 1959 г. по делу Лобанова⁷, Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 9 октября 1964 г. по делу Беспалова и Санникова⁸ и многие другие.

Психология свидетельских показаний. Для выяснения обстоятельств, в силу которых показания добросовестного свидетеля могут отклониться от истины, необходимо ознакомление с основами психологии свидетельских показаний. Психология свидетельских показаний есть применение данных общей психологии к специальной области проверки и оценки свидетельских показаний. Показания свидетеля следствию и суду о тех или иных воспринятых свидетелем фактах связаны с различными сторонами психической деятельности свидетеля, с преломлением и переработкой в его сознании тех или иных полученных им впечатлений. Поэтому правильность или ошибочность показаний свидетеля во многом зависит как от различных внешних условий, влияющих на восприятие свидетелем различных фактов, так и от индивидуальных свойств психики свидетеля. При проверке и оценке свидетельских показаний необходимо учитывать данные научной психологии о закономерностях психической жизни человека.

Мы изложим только основные и самые общие положения психологии свидетельских показаний, которая в нашей литературе разрабатывалась еще очень мало⁹.

Стадии формирования свидетельских показаний. Когда свидетель на следствии и на суде дает показания о том, что ему известно по делу, этот процесс вовсе не так прост, как это может показаться на первый взгляд: «свидетель видел то-то и то-то и рассказал это следователю и суду». Чтобы свидетель мог дать показания, эти показания должны сформироваться, сложиться в сознании самого свидетеля и быть им

⁶ «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса, 1946—1962 гг.» Изд-во «Юридическая литература», 1964, стр. 82.

⁷ Там же, стр. 91.

⁸ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 1, стр. 21.

⁹ Вопросы этого рода освещены в книге А. Р. Ратннова «Судебная психология для следователей». Изд. Высшей школы МООП СССР, 1967, гл. VI, § 1.

выражены, сообщены следователями суду. Формирование Свидетельских показаний проходит три стадии, и в каждой из них возможны дефекты, ошибки, которые могут отразиться на правильности показаний в целом.

Стадии эти следующие:

- восприятие свидетелем определенного факта;
- запоминание свидетелем воспринятого факта;
- воспроизведение (репродукция) свидетелем этого факта

на допросе.

Рассмотрим каждую стадию в отдельности.

Восприятие свидетелем факта. Чтобы свидетель мог дать показания следствию и суду об определенном факте, он должен этот факт воспринять своими органами чувств, т. е. видеть данное событие, слышать его и т. д. От того, как свидетель воспринял этот факт, в большой мере зависит качество, правильность его показаний. Свидетель мог видеть что-либо, но не разглядеть этого как следует, мог слышать — и не расслышать или неправильно понять слышанное. Поэтому и его показания о виденном, слышанном могут быть неточны, неверны при полной добросовестности самого свидетеля, искренне желающего показать только правду. Далеко не все, что свидетель видит или слышит, одинаково точно и полно им воспринимается. Когда свидетель воспринимал тот факт, о котором он дает показания, то в самый момент восприятия свидетель, как правило, не знал, что ему придется давать об этом факте показания, а если и предполагал это, то, наверное, не знал, что именно, какие обстоятельства будут интересовать следователя и суд. Поэтому он мог не обратить внимания на очень существенные обстоятельства, проходившие перед его взором, или не прислушаться к тем или иным словам. А как раз, возможно, это и окажется очень существенным для дела, а не то, что обратило на себя внимание свидетеля.

Наиболее точно и полно воспринимается человеком то, на что обращено его *внимание*, а внимание бывает обращено именно на то, что вызвало к себе *интерес*. У разных свидетелей, одновременно и в одинаковых условиях наблюдавших одно и то же событие, интерес иногда вызывается различными деталями этого события. Поэтому их внимание будет сосредоточено на разном, и они воспримут это событие неодинаково. Здесь, между прочим, коренится причина тех многочисленных расхождений в показаниях свидетелей, которые неосновательно наводят следователя и судей на мысль о лжесвидетельстве, тогда как показания и теми и другими свидетелями даны добросовестно. Просто один свидетель обратил внимание на одно, а другой на другое.

Запоминание свидетелем воспринятого факта: Свидетель, воспринявший какой-либо факт, запоминает этот факт, сохраняет этот факт в своей памяти. Свое показание о воспринятом факте свидетель дает не в момент восприятия и, как правило, не сей-

час же вслед за восприятием этого факта, а через некоторое время, когда он вызывается на допрос. Промежуток между моментом восприятия факта и моментом дачи показаний бывает более или менее длительным. В течение этого времени воспринятый свидетелем факт сохраняется в памяти свидетеля, но само восприятие может подвергнуться различным изменениям. Свидетель воспринимает проходящие перед ним за это время иные, самые различные события, впечатления от которых наслаиваются на первоначальное впечатление от факта, о котором свидетель дает показания; и это впечатление иногда искажается: свидетель забывает ряд обстоятельств, относящихся к этому факту, и, наоборот, он приписывает ему разные обстоятельства, относящиеся в действительности к другим, последующим фактам, воспринятым позднее. В результате свидетель, правильно восприняв какое-либо событие, не всегда достаточно твердо и точно сохраняет его в своей памяти.

Воспроизведение (репродукция) свидетелем воспринятого факта. Тот факт, который свидетель воспринял и запомнил, он в своих показаниях на допросе воспроизводит, т. е. вызывает в своей памяти и пересказывает, излагает следствию и суду.

Чтобы дать правильное, отвечающее действительности показание, свидетель должен быть в состоянии правильно и точно воспроизвести на допросе то, что видел, слышал и запомнил. Свидетель, правильно восприняв определенный факт и хорошо его запомнив, тем не менее может испытывать затруднения при его изложении, пересказе. Причины этому различны: волнение свидетеля в необычной для него обстановке допроса, неумение связно излагать свои мысли и т. д. Иногда свидетелю очень трудно дать показания на допросе, рассказать о том, что он знает по поводу данного факта. Не всякий свидетель умеет точно рассказать, ясно изложить то, что знает. Некоторые свидетели вообще могут излагать воспринятые ими события хорошо, но в необычной обстановке допроса, особенно на суде, теряются, не находят нужных слов, упускают существенные обстоятельства и задерживаются на мелочах, допускают неточные выражения. Это также отрицательно сказывается на качестве показаний свидетеля. Большую роль здесь играет уровень культурного развития свидетеля, наличие или отсутствие навыков к самостоятельному и подробному изложению своих мыслей.

Таким образом, те или иные неточности в показаниях свидетеля часто обуславливаются различными обстоятельствами, относящимися к каждой из трех стадий формирования свидетельских показаний, и при проверке и оценке показаний свидетеля возможности этих ошибок должны быть учтены следователем и судом.

Факторы, влияющие на достоверность показаний свидетеля, многочисленны, все их учесть заранее нельзя, но из основных и наиболее часто встречающихся одни относятся к индивидуальным свойствам самого свидетеля, другие — к внешним условиям и об-

стоятельствам, в которых происходило восприятие свидетелем того или иного события.

Свойства восприятия и памяти свидетеля. Близорукость или хорошее зрение свидетеля, плохой или хороший слух, быстрая или медленная его восприимчивость, внимательность или рассеянность, понятливость или слабая сообразительность — эти и подобные им другие обстоятельства, характеризующие психический склад свидетеля, в большой степени отражаются на качестве его показаний. Влияние этого фактора вовсе не является неизменным и непреодолимым. Разумный человек, сознающий наличие подобных факторов, всегда учитывает возможность ошибки в своем восприятии или памяти и пытается не допустить ее при показаниях. Если же на наличие такого фактора обратят внимание также следователь и судьи, допрашивающие свидетеля, ошибка в показаниях будет обнаружена и не даст никакого отрицательного результата.

Патологические дефекты, присущие психике и нервной системе свидетеля. Если лицо, вызванное в качестве свидетеля, страдает каким-либо нервным или психическим недостатком, это существенно отражается на качестве его показаний. Отдельные заболевания совсем лишают человека способности быть свидетелем; бывают, однако, заболевания такого характера (сильная неврастения, истерия, психопатические состояния), которые вообще не лишают человека возможности правильно воспринимать явления, но при известных условиях могут в восприятие и воспроизведение свидетелем этих явлений вводить различные искажения. Вопросы, связанные с оценкой показаний свидетеля, относительно которого есть данные предполагать наличие у него дефектов психики и нервной системы, могут быть разрешены следователем и судом в каждом отдельном случае при помощи судебно-психиатрической экспертизы: когда возникает сомнение относительно такого рода дефектов у свидетеля, обязательно должна быть назначена судебно-психиатрическая экспертиза для выяснения способности свидетеля правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания (п. 3 ст. 79 УПК РСФСР).

Состояние свидетеля в момент восприятия события, о котором он дает показания, сплошь и рядом оказывает существенное влияние на правильность восприятия свидетелем данного события. Сильная взволнованность, чувство страха (известна поговорка — «у страха глаза велики») могут создать у свидетеля преувеличенное впечатление. Болезненное состояние свидетеля или состояние опьянения может сильно исказить восприятие свидетелем определенного факта. Поэтому, проверяя и оценивая показания свидетеля, необходимо выяснить и учитывать то состояние, в котором был свидетель в момент восприятия им того факта, о котором он дает показания.

Обстановка, при которой свидетель воспринял данное явление, часто отражается на восприятии события свидетелем. Расстояние, на котором свидетель был от того, что он видел или слышал, освещение, при котором он видел тот или иной предмет, состояние погоды (например, в тумане все предметы кажутся большими, чем они есть в действительности) и многие другие обстоятельства этого рода могут как содействовать, так и препятствовать правильному восприятию.

Продолжительность времени, протекавшего с момента восприятия свидетелем факта до момента дачи им показаний. Чем короче этот промежуток, тем полнее событие сохраняется в памяти свидетеля. За длительный промежуток времени свидетель может многое забыть и спутать.

Обстановка допроса свидетеля на следствии и на суде. Как мы указывали, на допросе свидетель иногда дает неточные показания ввиду волнения в необычной для него обстановке допроса или ввиду недостаточной ориентировки в том, что представляет интерес для следствия и суда, а что является неважным, несущественным. Влияние этих обстоятельств устраняется правильной методикой допроса свидетеля.

Фантазирование в показаниях свидетеля. У некоторых людей проявляется склонность к чрезмерному фантазированию, отражающаяся на правильности показаний этих людей, допрашиваемых в качестве свидетелей. Бывают случаи, когда свидетель показывает о выдуманных, несуществовавших обстоятельствах даже при полной субъективной своей добросовестности. Особенно это проявляется у свидетелей-детей. Но и взрослый свидетель иногда незаметно для себя вносит элементы фантазии в свои показания.

Например, свидетель наблюдал событие, но какую-либо деталь этого события он не заметил или забыл. Когда этот свидетель будет вспоминать и воспроизводить это событие, часто он произвольно будет стараться возместить недостающие обстоятельства, ему покажется, что было так-то, и он может уверить себя, что в действительности было именно так. Другой пример. Свидетель не видел лично данного факта или не слышал сам таких-то слов. Постоянно слыша от окружающих рассказы об этом факте и о произнесенных словах, свидетель подчас представляет себе, что он сам именно это видел и слышал. С возможностью подобных ошибок в показаниях, вызванных фантазией, приходится считаться при проверке и оценке показаний свидетелей.

Таковы основные положения психологии свидетельских показаний, изложенные нами очень кратко и в самом общем виде. Проблема психологии свидетельских показаний еще ожидает своей обстоятельной научной разработки.

Научная психология свидетельских показаний ценна для судебной практики тем, что она изучает общие закономерности психической деятельности свидетелей (а также и обвиняемых),

помогает следствию и суду уяснить различные обстоятельства объективного и субъективного характера, влияющие на достоверность показаний свидетелей, и предостерегает от возможных ошибок.

Спорным является вопрос о возможности *судебно-психологической* экспертизы свидетельских показаний¹⁰. Если этот вопрос ставить таким образом, чтобы эксперт-психолог давал заключение о достоверности или недостоверности показаний свидетеля, то следует решительно высказаться против такой экспертизы. Тем более недопустимо было бы назначать судебно-психологическую экспертизу для дачи заключения о субъективной правдивости или лживости данных свидетелем показаний¹¹.

Психология свидетельских показаний не может дать ответа на вопрос о достоверности показаний данного свидетеля в каждом отдельном случае, так как эта достоверность зависит от многих факторов, лежащих совсем за пределами этой отрасли науки, и выяснить, правильно ли показывает свидетель или он ошибается, показывает ли он правдиво или лжет, могут только следователь и суд, исходя из совокупности всех обстоятельств дела, из всех собранных по делу доказательств. Но вопрос может быть поставлен иначе: судебно-психологическая экспертиза возможна не как экспертиза показаний свидетеля в целом, а как исследование тех или иных свойств психики данного свидетеля, если это имеет значение для оценки показаний свидетеля (например, выяснение свойств памяти свидетеля, способности его быстро воспринимать те или иные события, реагирование на шум, крик и т. п.).

Против такой психологической экспертизы принципиальных возражений нет, но возможность ее практического проведения зависит от уровня развития судебной психологии как науки, от достигнутых ею успехов, от наличия специалистов по судебной психологии и т. п. Пока эти вопросы не имеют полной ясности, а потому и сам основной вопрос о возможности судебно-психологической экспертизы показаний свидетелей (и потерпевших), а затем и обвиняемых и подозреваемых нуждается в дальнейшем исследовании, изучении и обсуждении.

У м о з а к л ю ч е н и я и м н е н и я с в и д е т е л я .
Задача и обязанность свидетеля — сообщать следствию и суду воспринятые им факты и только факты, а не свое мнение о фактах,

Об этом см.: Л. И. Рогачевский. О судебно-психологической экспертизе. «Вопросы криминалистики», 1964, № 10, стр. 36; Я. М. Яковлев. О судебно-психологической экспертизе. «Вопросы уголовного права, процесса и криминологии». Душанбе, 1966, стр. 73; А. Эмекчи. О судебно-психологической экспертизе. «Советская юстиция», 1968, № 6.

О психологической экспертизе правильно сказано Р. Д. Рахуновым в его книге «Свидетельские показания в советском уголовном процессе» (Госюриздат, 1953, стр. 145—151).

свои выводы и умозаключения. Но в восприятие и воспроизведение свидетелем того или иного факта обязательно в какой-то степени включается умозаключение, вывод. Далекое не всегда свидетель может просто пересказать, что прошло перед его взором или что воспринято его слухом. Воспринятое свидетелем подвергается некоторой переработке в его сознании, а отсюда — неизбежность того, что в показания свидетеля вводятся его мнения по поводу фактов и им же из последних делаются выводы.

Например, свидетель показывает, что он видел человека высокого роста. Это уже не просто восприятие факта, но и умозаключение: свидетель мысленно сравнил рост этого человека с ростом других людей и пришел к выводу, что рост этого человека выше обычного. Другой пример. Свидетель характеризует обвиняемого как недобросовестного работника, нечестного человека и т. д. Конечно, это не только изложение фактов, характеризующих обвиняемого, но и мнение свидетеля по поводу этих фактов.

Свидетелю нельзя вовсе запретить излагать в своих показаниях свои мнения и выводы, так как иначе свидетели вообще не могли бы давать показаний. Но доказательственную силу имеют только сообщения свидетеля о фактах, а не его мнения и умозаключения¹². Поэтому при проверке и оценке показаний свидетеля всегда необходимо в этих показаниях отделять факты от мнений и выводов, и эти мнения и выводы сводить к фактам, на основе которых они свидетелем составлены.

Например, если свидетель показывает, что авария на заводе произошла от такой-то причины, это — умозаключение, вывод свидетеля. Здесь необходимо установить, из каких именно фактов свидетель делает такой вывод, и именно эти факты исследовать и проверить. Если свидетель показывает, что между обвиняемым и потерпевшим были враждебные или дружеские отношения, — это также вывод, умозаключение свидетеля. Показаниями свидетеля надо установить, какие конкретные факты, характеризующие взаимоотношения обвиняемого и потерпевшего, он знает и проверить эти факты. Иными словами, проверяя и оценивая показания свидетеля, следствие и суд могут опереться

Р. Д. Рахунов, в основном правильно освещающий вопрос о мнении свидетелей, допускает в то же время неточность, называя мнение, или заключение, свидетеля о факте «суждением» свидетеля, и именно у этого суждения отрицает доказательственную силу («Свидетельские показания в советском уголовном процессе», стр. 12—14). Но суждение — необходимая форма любого высказывания свидетеля, также и в тех случаях, когда свидетель только сообщает факт, не делая никакого вывода и не давая никакой его оценки. На это правильно указывает Имре Кертэс в книге «Тактика и психологические основы допроса» (изд-во «Юридическая литература», 1965, стр. 132).

только на факты, устанавливаемые свидетелем, но не на выводы, которые свидетель делает из этих фактов. Выводы же из этих фактов делают сами следствие и суд¹³.

Верховный Суд СССР в ряде своих решений указывает на необходимость критического отношения и тщательной проверки показаний свидетелей.

Так, если свидетель дает противоречивые показания, меняет ранее данные, это серьезно колеблет доверие к этим показаниям и на них нельзя основываться, пока не выяснены причины изменений свидетелем своих показаний.

Если показания свидетеля находятся в противоречии с показаниями других свидетелей, опровергаются ими, показания этого свидетеля не могут быть положены в основание обвинения без выяснения обстоятельств, подтверждающих истинность показаний именно этого свидетеля.

Показания свидетелей, содержащие предположения, догадки, не могут служить основанием обвинения. Показания свидетелей, находящихся во враждебных отношениях с обвиняемым, требуют особо критического отношения к ним и подлежат особо тщательной проверке¹⁴.

Показания малолетних свидетелей. Уголовно-процессуальный кодекс не устанавливает возрастных рамок для допроса в качестве свидетелей. Свидетелями могут быть и малолетние. С какого возраста допустимо допрашивать ребенка в качестве свидетеля, зависит от его индивидуальных свойств, от его развития, от характера тех обстоятельств, для выяснения которых допрашивается свидетель, и т. д.

¹³ А. Р. Ратинов возражает против такой точки зрения и утверждает, что «не следует полностью отрицать доказательственного значения умозаключений свидетеля». Это свое утверждение автор снабжает оговоркой: «Однако доказательственное значение следует признавать не за всеми оценками и умозаключениями, а лишь за теми из них, которые прямо вытекают из восприятий, имеют непосредственную чувственную основу» (А. Р. Ратинов. Судебная психология для следователей, стр. 184). Мы думаем, что эта оговорка по сути дела лишает основы и само утверждение автора: если придать доказательственное значение мнениям и умозаключениям свидетеля, никогда нельзя получить гарантию, что эти мнения и умозаключения «прямо вытекают из восприятий», что между ними и восприятиями нет никакого промежуточного, посредствующего звена.

¹⁴ См., например, Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 9 октября 1964 г. по делу Беспалова и Санникова («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 1, стр. 21), определение Судебной коллегии Верховного Суда СССР по уголовным делам от 1 апреля 1961 г. по делу Аракеляна («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1961, № 4, стр. 19), определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 31 августа 1961 г. по делу Рамазана («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1961, № 5, стр. 26). Также определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР по делу Маслова («Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1966, № 5, стр. 9).

Однако при допросе малолетних свидетелей и при оценке их показаний необходимо учитывать особенности этих показаний.

Детям бывает свойственна значительная склонность к фантазированию и большая внушаемость — в большей мере, чем взрослым. Поэтому при проверке и оценке показаний малолетних свидетелей всегда необходимо выяснять и учитывать элемент фантазии в освещении фактов и возможность внушения со стороны лиц, заинтересованных в деле (в частности, родителей ребенка). Без этого нельзя правильно оценить показания малолетнего свидетеля.

В то же время малолетние свидетели бывают очень наблюдательны, они подчас замечают такую подробность, на которую взрослый мог не обратить внимания.

Таким образом, показания малолетних свидетелей вполне допустимы по уголовным делам. Они в ряде случаев имеют большое значение для правильного разрешения дела, но к ним должно быть проявлено максимально критическое, вдумчивое и осторожное отношение.

Несовершеннолетний свидетель (до 16 лет) не несет уголовной ответственности за дачу ложных показаний, и это также должно быть учитываемо при оценке его показаний.

В этом отношении характерно дело В. А. Каждояна, рассмотренное в порядке судебного надзора Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда СССР 12 декабря 1961 г. Одним из доказательств виновности Каждояна в убийстве своей жены и дочери явились показания сына обвиняемого — трехлетнего ребенка, который сначала показал, что отец не трогал мать и сестру, потом стал показывать, что он толкнул в воду мать и сестру. Суд объяснил противоречивость этих показаний тем, что ребенок подвергнулся воздействию со стороны родителей обвиняемого. Судебная коллегия обратила внимание на то, что, по показаниям одного свидетеля, ребенок не говорил в день происшествия, что отец толкнул мать и сестру в воду. Судебная коллегия отменила приговор, направила дело на дополнительное расследование, указав на необходимость тщательно проверить показания малолетнего свидетеля путем допроса ряда свидетелей относительно того, что же именно говорил ребенок в самый день происшествия, когда он не мог подвергнуться чьему-либо влиянию¹⁶.

¹⁶ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1962, № 5, стр. 36, 37.

Это дело интересно еще тем, что по нему производное доказательство служит средством проверки первоначальных доказательств (показаниями свидетелей о том, что в их присутствии говорил малолетний свидетель, проверяются показания последнего на предварительном следствии и на суде).

3. Показания потерпевшего

До принятия Основ уголовного судопроизводства 1958 г. в уголовно-процессуальном законодательстве показания потерпевшего не выделялись в самостоятельный вид доказательств, а рассматривались как свидетельские показания. Ныне действующее уголовно-процессуальное законодательство предоставило потерпевшему права субъекта уголовно-процессуальной деятельности (на суде — стороны) и в соответствии с этим выделило его показания в самостоятельный вид доказательств. Естественно, речь идет о показаниях потерпевшего — физического лица, гражданина, а не потерпевшего — юридического лица, выступающего в уголовном процессе через своего представителя, который показаний не дает.

Показания потерпевшего — физического лица во многом сходны с показаниями свидетеля, и к ним относится все, что выше было сказано о свидетельских показаниях. Вместе с тем показания потерпевшего имеют и существенные отличия от показаний свидетеля.

Мы уже указывали, что потерпевший не только обязан дать показания, когда его вызывает следователь или суд, но и имеет право дать показания, так что он вправе требовать своего допроса и вправе давать показания по всем тем обстоятельствам, освещение которых он считает необходимым для защиты своих интересов. Такого права у свидетеля нет, он обязан дать показания только тогда, когда его вызывают на допрос, и только по тем обстоятельствам, по которым его допрашивают следователь и суд.

Далее, показания потерпевшего представляют собой не только изложение известных ему фактов, но и анализ фактов, выводы из них, выражение точки зрения потерпевшего на данное дело, его отношения к исследуемому по делу событию и к участвующим в нем лицам. Потерпевший в своих показаниях, излагая свои выводы и требования, аргументирует их, подтверждает или оспаривает определенные факты, высказывает свои суждения по поводу исследуемых по делу доказательств. В показаниях свидетеля этого, разумеется, нет, свидетель лишь сообщает то, что ему известно по делу, излагает факты, сведениями о которых он располагает.

Таким образом, показания потерпевшего включают его *объяснения*, в известной части являются его объяснениями, тогда как показания свидетеля — это только показания.

Особенность показаний потерпевшего заключается также в том, что эти показания исходят от лица, чьи интересы были нарушены преступлением и которое, следовательно, в большей или в меньшей мере заинтересовано в деле, а это часто накладывает определенный отпечаток на его показания.

Добросовестный потерпевший, как правило, дает по делу очень ценные показания, так как он бывает осведомлен об обстоя-

тельствах дела больше, чем обычный свидетель, и может осветить следствию и суду очень важные обстоятельства. Но это не устраняет возможности известного субъективного подхода потерпевшего к освещению и истолкованию обстоятельств дела, особенно тогда, когда преступлением ему причинен большой вред.

Наконец, особенностью показаний потерпевшего состоит в том, что в отличие от свидетеля он имеет право знакомиться с материалами дела. На предварительном следствии потерпевший дает показания до ознакомления с материалами дела, так как это ознакомление происходит, когда предварительное следствие закончено (ст. 200 УПК РСФСР; соответствующие статьи УПК других союзных республик). При разбирательстве дела в суде потерпевший дает показания, уже будучи ознакомлен с материалами дела, кроме того, он присутствует на всем протяжении судебного разбирательства, участвует в исследовании на суде всех доказательств. Как правило, на суде потерпевший допрашивается ранее допроса свидетелей (ст. 287 УПК РСФСР), однако осведомленность потерпевшего о всех материалах дела, о всех собранных по делу доказательствах накладывает определенный отпечаток на его показания, может повлиять на их содержание.

Отсюда—необходимость критического подхода следствия и суда к показаниям потерпевшего, их тщательной проверки.

Обеспечивая потерпевшему возможность полной реализации его прав и всемерно охраняя его интересы, следствие и суд должны подвергать детальному анализу показания потерпевшего, отделять сообщения о фактах от его выводов из этих фактов, достоверное — от продиктованного эмоциями.

В судебной практике встречаются и случаи недобросовестных показаний потерпевшего из мести, негодования, выгоды и т. п. личных побуждений. Иногда показания субъективно добросовестного потерпевшего могут быть неправильны ввиду состояния взволнованности, испуга, в котором потерпевший находился в момент нападения на него. Во всем этом в каждом отдельном случае следствие и суд должны тщательно разобраться, чтобы избежать возможной, подчас тяжелой ошибки.

Нередко приговоры отменяются по тем мотивам, что они основаны на противоречивых, необидительных показаниях потерпевшего. Таковы, например, определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 27 февраля 1965 г. по делу Бегларяна¹⁶, определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 30 ноября 1962 г. по делу Днепровского¹⁷, определение той же коллегии по делу Лысенкова и Данилова¹⁸.

¹⁶ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, Л» 3, стр. 37, 38.

¹⁷ «Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1963, № 3, стр. 8.

¹⁸ «Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1963, № 6, стр. 8, 9.

§ 4. Показания обвиняемого

Согласно ст. 16 Основ уголовного судопроизводства (ст. 69 УПК РСФСР) *показания* обвиняемого являются одним из видов доказательств. Вместе с тем ст. 21 Основ (ст. 46 УПК РСФСР) в числе прав и обязанностей обвиняемого указывает его право давать *объяснения* по предъявленному ему обвинению.

Таким образом, процессуальный закон упоминает и объяснения, и показания обвиняемого. Являются ли показания обвиняемого и его объяснения идентичными, тождественными понятиями или между ними есть разница?

Показания обвиняемого — это делаемые им на допросе сообщения по существу дела, т. е. изложение им фактов, рассказ об известных ему фактах и событиях. Обвиняемый дает показания, т. е. рассказывает, как обстояло дело, что он делал, что произошло и т. д. В этом отношении показания обвиняемого сходны с показаниями свидетеля: и тот и другой на допросе сообщают известные им по делу факты.

Разница между показаниями обвиняемого и показаниями свидетеля вытекает из существенной разницы процессуального положения обвиняемого и свидетеля. Роль свидетеля в процессе исчерпывается его обязанностью дать следователю и суду правдивые показания о том, что ему известно по делу.

Обвиняемый тоже дает показания об известных ему фактах. Но процессуальное положение его характеризуется тем, что он является субъектом процессуальной деятельности, обладающим правами, при помощи которых он может защищаться против предъявленного ему обвинения.

Поэтому обвиняемый не только показывает об известных ему фактах, но и делает выводы, приводит аргументы, соглашается с одними данными дела и оспаривает другие.

Эта особенность процессуального положения обвиняемого обуславливает то, что *показания обвиняемого, т. е. его сообщения о тех или иных фактах, обстоятельствах дела, в то же время являются и его объяснениями, в которых выражается отношение обвиняемого к предъявленному ему обвинению и при помощи которых обвиняемый защищается от этого обвинения.*

Обвиняемый на допросе делает те или иные сообщения о фактах, имеющих значение для дела. Если обвиняемый признает себя виновным, он рассказывает, излагает обстоятельства совершенного им преступления и в то же время обычно приводит различные аргументы и ссылается на обстоятельства, которые, по его мнению, могут облегчить его положение, смягчить его ответственность.

Если обвиняемый не признает себя виновным, он излагает и освещает факты, устанавливающие, по мнению обвиняемого, его невиновность, он ссылается на разные обстоятельства в свою

защиту, критикует и опровергает доказательства, на которых основано обвинение. Таким образом, понятия объяснения обвиняемого и показаний обвиняемого выражают разные стороны одного и того же сообщения, которое делает обвиняемый по предъявленному ему обвинению и которое служит одним из доказательств по уголовному делу. Но если показания обвиняемого — это в то же время и его объяснения, то не все объяснения обвиняемого являются его показаниями. Показаниями можно считать лишь те объяснения, которые он дает при допросе на предварительном следствии, а равно те, которые он дает на судебном следствии при допросе его судом и сторонами и при исследовании отдельных обстоятельств дела.

Обвиняемый (подсудимый) может давать объяснения и не на судебном следствии, а до него, в подготовительной части судебного заседания (например, при возбуждении ходатайства о вызове свидетелей) или после него, в прениях сторон (если обвиняемый не имеет защитника и защищает себя сам) и в последнем слове. Эти объяснения обвиняемого (подсудимого) не являются показаниями и поэтому не представляют собой доказательств. Таковыми они могут стать после того, как по указанным обвиняемым обстоятельствам он будет допрошен на судебном следствии.

Если в последнем слове подсудимый сообщит о новых обстоятельствах, имеющих значение для дела, суд обязан возобновить судебное следствие (ст. 297 УПК РСФСР; соответствующие статьи УПК других союзных республик). Это означает, что то, что подсудимый говорит в своем последнем слове, не есть его показание, а следовательно, не есть доказательство. -В частности, если подсудимый, отрицавший свою вину, в последнем слове признает себя виновным, на этом признании основывать приговор суд не может, так как заявление, сделанное подсудимым в последнем слове, не есть доказательство¹⁹. Поэтому, если в последнем слове подсудимый сообщил что-либо существенно новое по сравнению с тем, о чем он говорил в своих показаниях, должно быть возобновлено судебное следствие. На нем должен быть вновь допрошен подсудимый, и то, что он скажет на новом допросе, будет его показаниями и, следовательно, доказательством.

¹⁹ Это положение так сформулировано в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 7 октября 1944 г. по делу Мушников: «Заявления, сделанные подсудимым в последнем слове, не могут рассматриваться как доказательства по делу. Они могут лишь служить поводом для возобновления судебного следствия, как это указано в примечании к ст. 309 УПК (ч. 3 ст. 297 УПК РСФСР 1960. — М. С), если в нем раскрываются новые обстоятельства по делу. Поэтому, если подсудимый, отрицавший при допросе его судом свою вину, в последнем слове признает себя виновным в предъявленном ему обвинении, то суд должен возобновить судебное следствие и вновь допросить подсудимого, и только результаты этого допроса могут быть предметом обсуждения судом как доказательства по делу» («Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР». Юриздат, 1948, стр. 19).

Показания обвиняемого имеют большое значение при расследовании и разрешении уголовного дела.* В своих показаниях обвиняемый может рассказать о существенных для дела фактах, пролить свет на различные неясные и запутанные обстоятельства.

Поэтому следователь, прокурор и суд всегда должны подробно допросить обвиняемого по всем обстоятельствам дела и дать ему возможность представить все свои объяснения по предъявленному обвинению.

Как и всякое доказательство, показания обвиняемого подлежат проверке и оценке по совокупности всех обстоятельств дела. Обвиняемый, давая свои показания, может не признавать себя виновным и опровергать обвинение. Обвиняемый может признать себя виновным, сознаться в преступлении. Он может, наконец, признать свою виновность частично, т. е. в части обвинения, а в остальной части оспаривать его.

Показания обвиняемого — доказательство как тогда, когда обвиняемый в этих показаниях признает себя виновным, так и тогда, когда в своих показаниях обвиняемый отрицает свою виновность и излагает факты, опровергающие его обвинение.

В процессуальной литературе иногда высказывалось мнение, что отрицание обвиняемым своей виновности либо вовсе не имеет доказательственной силы, либо его доказательственная сила очень незначительна²⁰. Это — абсолютно неверная и ни на чем не основанная точка зрения. Поскольку закон считает показания обвиняемого доказательством, нет никакого основания считать, что доказательством являются лишь те показания обвиняемого, где он сам себя изобличает, но не те, в которых он приводит факты и обстоятельства в свое оправдание. И те и другие показания обвиняемого обладают доказательственной силой, которая зависит от обстоятельств каждого конкретного дела и устанавливается проверкой и оценкой их следствием и судом.

Закон требует, чтобы при вынесении обвинительного приговора суд указывал в приговоре «доказательства, на которых основаны выводы суда, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства» (ст. 314 УПК РСФСР). Уголовно-процессуальный кодекс Латвийской ССР уточняет и усиливает это положение: в приговоре должны быть приведены «доказательства, на которых основаны выводы суда, с указанием мотивов, объясняющих, почему суд основывает приговор именно на этих доказательствах и отвергает другие доказательства» (ст. 313). Такое же правило содержится в Уголовно-процессуальном кодексе Узбекской ССР (ст. 293), в Уголовно-процессуальном кодексе УССР (ст. 334) и

в ряде других. Из этого следует, что если подсудимый отрицал свою вину, а суд вынес обвинительный приговор, — значит, суд отверг показания подсудимого и поэтому в приговоре должно быть указано, почему суд их отверг.

Верховный Суд СССР постоянно и настойчиво в своих решениях утверждает, что обвинение подсудимого не может считаться доказанным и суд не может вынести обвинительный приговор *пока объяснения обвиняемого, оспаривающего обвинение, не будут опровергнуты*. В виде общего правила это положение было выражено в руководящем указании всем судам Пленума Верховного Суда СССР от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре»: «При вынесении обвинительного приговора в последнем должно быть указано, почему судом отвергнуты объяснения подсудимого в его защиту, а также другие оправдывающие его доказательства»²¹.

о

Особого внимания заслуживает вопрос о сознании обвиняемого.

Сознание обвиняемого — это показания обвиняемого, в которых он признает себя виновным в предъявленном ему обвинении и сообщает факты и обстоятельства совершенного им преступления.

Как и всякие показания, данные в установленном законом порядке, сознание обвиняемого представляет собой доказательство по делу.

Если обвиняемый признает себя виновным, сознается в совершении им преступления, это сознание не освобождает следствие и суд от обязанности всесторонне проверить показания обвиняемого с тем, чтобы в своих выводах по делу опереться не только на признание обвиняемым своей вины, но на всю совокупность собранных по делу, доказательств после их тщательной и всесторонней проверки и оценки.

Ни в какой мере не соответствует принципам советского уголовного процесса переоценка доказательственного значения показаний обвиняемого, ставка на них как на основное и важнейшее доказательство. Показания обвиняемого, в частности его сознание, — это рядовое доказательство, т. е. доказательство наряду с другими доказательствами, поэтому, как и всякое доказательство, оно подлежит проверке и тщательной оценке в связи со всеми другими доказательствами, собранными по делу.

Отсюда вытекает чрезвычайно важное положение: *на одном признании обвиняемым своей виновности обвинение не может быть основано, для обоснования обвинения требуется, чтобы признание обвиняемым виновности было подтверждено другими доказательствами.*

«Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1963». Изд-во «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», 1964, стр. 336.

²⁰ М. А. Чельцов - Бебутов. Обвиняемый и его показания в советском уголовном процессе. Юриздат, 1947, стр. 42; М. А. Чельцов. Уголовный процесс. Госюриздат, 1948, стр. 486.

Это положение прямо выражено в ч. 2 ст. 77 УПК РСФСР: «Признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу».

В уголовно-процессуальном законодательстве других союзных республик это же положение выражено иначе:

— в ч. 2 ст. 57 УПК Узбекской ССР: «Данные, устанавливаемые показаниями обвиняемого, как и другие доказательства, подлежат проверке и оценке в совокупности со всеми доказательствами по делу, как в случае признания, так и в случае отрицания обвиняемым своей виновности»;

— в ч. 2 ст. 72 УПК Азербайджанской ССР содержит текстуально точно такое же положение;

— в ч. 2 ст. 62 УПК Киргизской ССР: «Показания обвиняемого, в том числе и признание им своей вины, подлежат обязательной проверке и оценке в совокупности со всеми доказательствами по делу»;

— в ч. 2 ст. 56 УПК Эстонской ССР: «Показание обвиняемого, включая также признание им вины, подлежит проверке и оценке в общем порядке наряду с другими имеющимися в деле доказательствами».

Нетрудно видеть, что положения этих кодексов по существу содержат ту же мысль, что и ст. 77 УПК РСФСР, однако в последней она выражена более определенно и категорично.

В других уголовно-процессуальных кодексах союзных республик такое правило прямо не записано, но оно вытекает из смысла, содержания закона. По существу можно с полной категоричностью утверждать, что уголовно-процессуальное законодательство СССР и всех союзных республик не допускает обоснования обвинения на одном признании обвиняемым своей вины.

Переоценка сознания обвиняемого, ориентировка на него как якобы на лучшее, наиболее надежное доказательство, является грубейшим нарушением законности, извращением сущности и принципов советского уголовного судопроизводства. Такая порочная практика имела распространение в прошлое время под влиянием культа личности и связанных с ним нарушений законности и была разоблачена и осуждена XX съездом КПСС.

Однако некоторые проявления неправильного отношения к признанию обвиняемым своей вины встречаются в следственной и судебной практике и до сих пор.

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» содержится такое указание: «Суды еще не добились полного устранения неправильного подхода к оценке доказательств. Находясь в плену распространявшихся ранее лженаучных взглядов, выражающихся в переоценке доказательственного значения признания обвиняемым своей вины, некоторые

«удьи основывают вывод о виновности подсудимого только на его признании, а не на оценке всех доказательств, исследованных во время судебного разбирательства. Объяснения подсудимого нередко отвергаются по таким мотивам, которые свидетельствуют о попытке переложить обязанность доказывания на самого подсудимого, что категорически запрещается законом». Пленум предложил судам: «Устранить встречающиеся в судебной практике ошибочные взгляды об особом доказательственном значении признания обвиняемым своей вины. В соответствии со ст. 77 УПК РСФСР и аналогичными статьями УПК других союзных республик признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его совокупностью других доказательств, собранных по делу»²².

Судебная практика знает случаи неправильного, ложного признания обвиняемым себя виновным в преступлении, которого он в действительности не совершал. Иногда обвиняемый сознается в легком преступлении, им не совершенном, чтобы избежать ответственности за тяжкое преступление, в котором он в действительности виновен.

Случается, что обвиняемый признает себя виновным, в действительности будучи невиновным, чтобы освободить от ответственности близкого ему человека, совершившего преступление.

Бывает, что обвиняемый, в действительности невиновный, признает себя виновным в состоянии душевной депрессии, ошибочно считая свое положение безнадежным, или под влиянием уговоров, что только признание может облегчить его положение и повлечь смягчение наказания, в случае же заpiresательства ему грозит суровое наказание.

Эти и другие обстоятельства иногда обуславливают признание своей вины обвиняемым, который в действительности невиновен²³.

²² «Бюллетень Верховного Совета СССР», 1963, № 3, стр. 4 и 8. После приведенной цитаты в постановлении Пленума следуют такие слова: «Равным образом отрицание обвиняемым своей вины не может быть положено в основу оправдательного приговора, если оно противоречит другим доказательствам, объективно подтверждающим его вину». Это указание нельзя признать удачным по той причине, что, как мы знаем, для вынесения оправдательного приговора вовсе не обязательно, чтобы невиновность обвиняемого была положительно доказана: достаточно, если не доказана виновность с полной несомненностью. Поэтому, если в деле и имеются доказательства, подтверждающие виновность обвиняемого, но его показания, в которых он отрицает свою вину, не опровергнуты в полной мере и у судей сохраняются сомнения в виновности обвиняемого, обвинительный приговор не может быть вынесен, суд должен либо направить дело на доследование, либо вынести оправдательный приговор. На это Верховный Суд СССР указывал в ряде своих постановлений и определений.

²³ О мотивах ложных показаний, в которых обвиняемый, не будучи виновным в действительности, признает себя виновным, подробно и в основном правильно сказано в «Теории доказательств в советском уголовном

Поэтому успешное расследование уголовного дела должно приводить к тому, чтобы в случаях действительной виновности обвиняемого обвинение подтверждалось такими твердыми, доброкачественными, убедительными объективными доказательствами, которые с несомненностью устанавливают виновность обвиняемого независимо от того, признает он себя виновным или отрицает свою вину.

Признание обвиняемым своей виновности не может и не должно быть получено в результате психического воздействия на обвиняемого, уговоров его, нажима на него, обещаний смягчения наказания, если он сознается, разъяснений ему, что его положение безнадежно и только сознание может облегчить его участь и т. п. Полученное при помощи таких средств признание обвиняемым своей вины не имеет решительно никакой доказательственной силы, и в этих случаях на суде подсудимый обычно отказывается от данных на предварительном следствии показаний, в которых он признавал себя виновным²⁴.

Признание обвиняемым своей вины имеет значение доказательства тогда, когда оно дано вполне добровольно, — тогда, когда обвиняемый не хочет скрывать совершенное им преступле-

процессе. Часть особенная». Изд-во «Юридическая литература», 1967., стр. 150—154.

Заслуживает внимания указание авторов, что ложные признания обвиняемого могут быть результатом внушения со стороны следователя и судьи. Приведем это место из книги: «Особенно велика опасность внушения ложных показаний со стороны следователя и судьи в связи с зависимым положением обвиняемого и большим авторитетом, которым пользуются в его глазах эти представители власти. Возможность внушения ложных показаний со стороны допрашивающего возрастает при длительных допросах.

В связи с этим необходимо ясно себе представить высокую степень психологического воздействия, оказываемого на человека лишением свободы. Изъятие из обычной обстановки, изменение привычного уклада жизни, неизвестность будущего, отсутствие связи с близкими и вообще ограниченная возможность общения с людьми производят сильное впечатление на человека. Нетрудно понять, какую психическую травму способен причинить арест невиновному. По-видимому, в этом коренится объяснение многих случаев самоговора» (стр. 153).

²⁴ В книге Имре Кертэса «Тактика и психологические основы допроса» очень произвольно и неясно различается «искреннее» и «неискреннее» признание обвиняемым своей вины (стр. 88, 89), в соответствии с чем варьируется тактика допроса. Под «неискренним признанием» понимается такое признание, которое обвиняемый делает на предварительном следствии с расчетом отказаться от него на суде. Но как же узнать, искренне или неискренне обвиняемый сознался? Это можно выяснить лишь в результате полного и всестороннего исследования всех обстоятельств дела, проверки и оценки показаний обвиняемого в совокупности со всеми другими доказательствами, собранными по делу. Видимо, вопрос стоит иначе: если обвиняемый признал себя виновным на предварительном следствии, это признание надо проверить и подтвердить другими, вполне достоверными доказательствами, которые выдержат испытание на судебном следствии независимо от позиции подсудимого.

ние, либо когда он раскаивается в совершенном преступлении, либо когда он видит, что улики настолько изобличают его в совершении преступления, что отрицание им своей вины не имеет смысла.

В этой связи возникает такой вопрос.

Ст. 33 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. в числе смягчающих ответственность обстоятельств указывает «чистосердечное раскаяние или явку с повинной». Ст. 38 УК РСФСР пополняет это обстоятельство: «чистосердечное раскаяние или явка с повинной, а также активное содействие раскрытию преступления». Совершенно ясно, что это смягчающее обстоятельство предполагает признание обвиняемым своей вины, так как без такого признания невозможно раскаяние, а тем более содействие раскрытию преступления.

Здесь надо иметь в виду следующее.

Само по себе признание обвиняемым своей вины вовсе не равнозначно раскаянию. Обвиняемый может признать свою вину в виду того, что он окончательно изобличен и ему просто невозможно отрицать вину. Ясно, что в этих случаях смягчающего обстоятельства нет.

Далее, преступление может быть таким тяжелым, что раскаяние обвиняемого, даже если оно есть, никакого смягчения наказания не повлечет.

Вообще раскаяние, даже чистосердечное, — только одно из смягчающих обстоятельств, которое учитывается судом по совокупности всех обстоятельств дела. В ряде случаев раскаяние обвиняемого уравновешивается или перевешивается установленными по делу отягчающими обстоятельствами, вследствие чего, сколько бы обвиняемый ни каялся, никакого смягчения наказания не последует.

А из всего этого вытекает, что гуманное положение *материального* уголовного права ни в коем случае не может быть использовано в качестве *процессуального* средства понуждения обвиняемого признать свою вину. Разумеется, следователь может *разъяснить* обвиняемому содержание ст. 33 Основ уголовного законодательства (ст. 38 УК РСФСР), как и вообще любого иного закона, но *воздействовать* на обвиняемого, *обещать* обвиняемому смягчение наказания в случае сознания и раскаяния следователь не вправе. И если при допросе несознающегося обвиняемого следователь ему указывает, что при признании им своей вины суд к нему применит более мягкое наказание, то это есть не что иное, как серьезное нарушение законности, введение обвиняемого в заблуждение, так как до рассмотрения и разрешения дела судом никто не может знать, какие обстоятельства суд учтет как смягчающие и какие выводы он сделает из всех обстоятельств дела при определении наказания²⁶.

Судебная практика знает случаи, когда обвиняемый, сознавшийся на дознании или предварительном следствии, позднее отказывается от ранее данных показаний и отрицает виновность.

Каково юридическое значение этого изменения обвиняемым своих показаний?

Данные обвиняемым на дознании или предварительном следствии показания, в которых обвиняемый признал себя виновным и рассказал о совершенном им преступлении, есть доказательство, подлежащее проверке и оценке. Новые, более поздние показания обвиняемого на предварительном следствии или суде, в которых он отказывается от признания и утверждает, что преступления он не совершал, есть тоже доказательство, противоречащее первому доказательству и колеблющее его доказательственную силу. Имея два противоречащих доказательства, следствие и суд должны проверять как первое, так и второе, выяснить причины изменения обвиняемым своих показаний и тщательным и всесторонним исследованием всех обстоятельств дела выяснить, где правда и где ложь. В зависимости от результатов такого исследования может оказаться, что правильны позднейшие показания обвиняемого, в которых он отрицает свою виновность, или что правильным было первоначальное сознание. Все зависит от того, какие показания обвиняемого будут подтверждены объективными, достоверными доказательствами.

Совершенно недопустим в этих случаях такой подход суда, когда более позднее показание обвиняемого, в котором он отрицает свою вину, оспаривается, опровергается его же более ранним показанием, в котором он признавал себя виновным. Это неверно потому, что первое показание с признанием вины решительно никаких преимуществ не имеет перед вторым с отрицанием вины, и задача состоит вовсе не в том, чтобы первым показанием обвиняемого опровергнуть второе его же показание, а в том, чтобы при помощи других, объективных и достоверных доказательств прийти к обоснованному выводу — виновен ли обвиняемый в действительности или нет.

Положение о недопустимости обоснования обвинения на одном только сознании обвиняемого, не подтвержденном другими, объективными доказательствами, является прочным достоянием советской процессуальной науки и судебной и следственной практики. Оно не знает никаких исключений и отступлений, которые могли бы принести только вред правосудию.

с правильными положениями и соображениями, все же проводится мысль, что на предварительном следствии указание обвиняемому на то, что раскаяние есть смягчающее вину обстоятельство, может быть использовано, как побуждение обвиняемого сознаться. Там же отмечается, что неприменение судами смягчения при раскаянии обвиняемого подчас отбивает у обвиняемых охоту сознаться. Это явно ошибочное мнение, представляющее собой ту же осужденную и отвергнутую переоценку сознания обвиняемого, но в завуалированном виде.

В прошлом иногда высказывались утверждения, что по некоторым категориям дел показания обвиняемого, признающего себя виновным, могут стать основным и решающим доказательством — по делам о некоторых государственных преступлениях²⁶, по делам о взяточничестве²⁷ и т. п. Эти мнения были глубоко ошибочными. Правильное же решение вопроса состоит в том, что ни по каким делам, ни по одному делу на одном признании обвиняемым своей вины обвинение основано быть не может.

Следствие и суд должны ориентироваться не на получение сознания обвиняемого, а на получение таких объективных и достоверных доказательств, которые давали бы возможность найти истину независимо от той позиции, которую займет в деле обвиняемый. Конечно, показания обвиняемого могут иметь существенное значение для выяснения обстоятельств дела как в том случае, когда обвиняемый признает себя виновным, так и в том случае, когда он отрицает свою виновность. Поэтому речь идет вовсе не о том, чтобы игнорировать сознание обвиняемого, не считаться с ним, а о том, что на одном сознании обвиняемого, не подтвержденном другими доказательствами, обвинение ни в коем случае не может и не должно основываться.

Должны быть признаны несостоятельными различные попытки как-то связать обвиняемого его сознанием вместо того, чтобы подтвердить сознание другими доказательствами. Например, недопустим такой прием следствия, когда сознавшийся обвиняемый передопрашивается следователем в присутствии других лиц — понятых, а потом последние допрашиваются в качестве свидетелей, подтверждающих, что обвиняемый на допросе действительно сознался. Допрос таких, не предусмотренных законом понятых в качестве свидетелей незаконен, эти свидетели допрашиваются не по существу дела и своими показаниями ничего не прибавляют к сознанию обвиняемого, а лишь повторяют бесспорный факт, что обвиняемый сознался на допросе, тогда как нужно установить другое — что это сознание правильно, истинно, что это не самооговор²⁸.

Недопустим и такой прием, когда сознавшегося обвиняемого выводят на место преступления, где он указывает различные обстоятельства (например, место, где произошло убийство, место, где был оставлен труп потерпевшего, и т. д.), с расчетом, что,

²⁶ А. Я. Вышинский. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950, стр. 264.

«Государственный обвинитель в советском суде». Госюриздат, 1954., стр. 268.

²⁸ Об этом см.: Ф. Тарасенко. Против извращений в практике допроса обвиняемого. «Социалистическая законность», 1956, № 9; М. С. Строгович. Сознание обвиняемого как судебное доказательство. «Советская юстиция», 1957, № 8.

если обвиняемый укажет эти обстоятельства так, как они ранее были записаны в протоколе осмотра, указания обвиняемого будут рассматриваться как подтверждение его сознания. В действительности никакого подтверждения сознания здесь нет: обвиняемый лишь повторил свое сознание, причем он мог указать различные обстоятельства на месте правильно, не будучи виновным (например, угадав случайно или узнав эти данные из материалов следствия, из задаваемых ему на допросе вопросов или будучи специально информирован о результатах произведенного осмотра места преступления).

В юридической литературе не раз высказывались суждения в пользу проведения такого акта и закрепления его в законе²⁹.

В таком вопросе нужна ясность.

Осмотр места преступления (или иного места) с участием обвиняемого — это следственное действие вполне возможное, иногда — совершенно необходимое. Участвующий в осмотре обвиняемый иногда указывает такие обстоятельства, предметы, следы, которые иначе ускользнули бы от внимания следователя. В этом случае в результате осмотра могут быть обнаружены новые доказательства, имеющие значение для дела. К примеру, на допросе обвиняемый сообщает, где он спрятал похищенные им вещи. Производится осмотр этого места с участием обвиняемого, и вещи обнаруживаются именно там. Несомненно, что этот следственный акт есть осмотр, а факт обнаружения при его производстве похищенных вещей является подтверждением показаний обвиняемого. Таким образом, мы отнюдь не выступаем против самого приема осмотра места преступления с участием обвиняемого, но, с нашей точки зрения, незаконно и недопустимо, чтобы данный прием основывался на таком соображении: *раз сознавшийся обвиняемый правильно указывает на месте преступления то, что уже было обнаружено ранее при произведенном без обвиняемого осмотре (например, место, где лежал труп, где находился такой-то предмет и т. д.), тем самым он выдает свою осведомленность об обстоятельствах преступления, которых он не знал бы, если бы преступления не совершил.*

Данный акт есть своеобразное испытание обвиняемого: если он это испытание выдержит, он тем самым выдаст себя, и то, что он укажет или покажет на месте, будет означать закрепление ранее сделанного им признания своей вины.

²⁹ А. Н. Васильев, С. С. Степичев. Воспроизведение показаний на месте при расследовании преступлений. Госюриздат, 1959; М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. Госюриздат, 1962, стр. 301 и ел., а также ряд других работ. Против этого приема категорически высказались Г. Н. Александров и пишущий эти строки (см.: Г. Александров, М. Строгович. Неправильная практика. «Социалистическая законность», 1960, № 3; М. С. Строгович. Сознание обвиняемого как судебное доказательство).

Незаконность этого приема заключается в том, что закон не знает и не допускает никаких испытаний, которым бы подвергался обвиняемый: обвиняемого можно допрашивать, изобличать собираемыми доказательствами, но подвергать его испытаниям, тестам, чтобы понудить к самообличению, нельзя.

В силу ст. 77 УПК РСФСР признание обвиняемым своей вины должно быть подтверждено совокупностью доказательств, собранных по делу, здесь же оно подтверждается показаниями самого же обвиняемого, с разницей лишь в том, что даются они не в камере следователя, а в другом месте.

В действительности это вовсе не подтверждает признания, сделанного обвиняемым, ничего не добавляет к нему и ничего по делу не разъясняет и не доказывает. Сознавшийся, но в действительности невиновный обвиняемый подчас способен на месте блестяще выдержать испытание, все указать так, как было, потому что он информирован обо всем, что ранее было обнаружено при осмотре места, ознакомлен с протоколом осмотра. Обвиняемый же, действительно виновный и сознавшийся правильно, при выходе на место может сознательно указать неправильно ряд обстоятельств с расчетом на то, что на суде он откажется от признания, а его неправильные указания на месте подтвердят неправильность его сознания.

При проведении новой кодификации уголовно-процессуального законодательства делались настоятельные попытки легализовать этот прием, но безуспешно: в УПК союзных республик он включен не был. А так как при производстве по уголовному делу допустимы лишь те следственные действия, которые указаны в законе, то незаконность такого приема получила новое подтверждение.

Правда, в УПК пяти союзных республик предусмотрено следственное действие, которое иногда рассматривают как легализацию «выхода» или «выезда» с обвиняемым на место преступления.

Так, ст. 205 УПК Литовской ССР, озаглавленная «Проверка показаний на месте», устанавливает: «При необходимости проверить или уточнить показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля в отношении места, где произошло событие, обстановки события, действий его участников либо других обстоятельств, имеющих значение для дела, следователь может прибыть с лицом, показания которого проверяются или уточняются, на указанное этим лицом место и в присутствии понятых сопоставить проверяемые показания с фактической обстановкой на месте. При этом следователь в необходимых случаях производит измерения, фотографирование, кино съемку, составляет планы и схемы».

Аналогичные положения содержатся в ст. 185 УПК Латвийской ССР, ст. 183 УПК Таджикской ССР, ст. 173 УПК Туркмен-

ской ССР, ст. 130¹ Казахской ССР. Однако содержание этих норм отнюдь не позволяет сделать вывод о том, что в них имеется в виду тот прием, который мы выше рассмотрели и на недопустимости которого настаиваем.

Указанные статьи УПК пяти республик говорят о «проверке показаний на месте» и помещены они в главе об осмотре и освидетельствовании, из чего вытекает, что здесь идет речь об особой форме осмотра. Суть этого действия, как оно выражено в законе, состоит в том, что ранее данным обвиняемым, подозреваемым, потерпевшим или свидетелем показания проверяются или уточняются путем их сопоставления с фактической обстановкой на месте. Это значит, что если допрошенное лицо показало, что оно было на таком-то месте, стояло у такого-то дерева, сидело на таком-то камне, видело, как с этого места или к этому месту шло такое-то лицо, и т. д., то следователь может прибыть в это место с допрошенным лицом и сопоставить то, что это лицо показало, с тем, что находится на этом месте (есть ли это дерево, где лежит камень и т. и.). Это вполне законное и в ряде случаев необходимое следственное действие. В пяти УПК оно выделено, записано особо, во всех других УПК оно охватывается обычным порядком осмотра. Но везде речь идет о сопоставлении того, что содержится в ранее данном показании, с тем, что фактически имеется на месте. И нигде и речи нет об испытании допрошенного, производимом с расчетом, что, указав какое-либо обстоятельство на месте, совпадающее с тем, что было записано в протоколе ранее произведенного осмотра этого же места, он разоблачает себя, выдает свою осведомленность и тем самым создает якобы объективное подтверждение своих показаний.

И особенно важно то, что во всех пяти кодексах речь идет о проверке показаний не только обвиняемого и подозреваемого, но и потерпевшего и свидетеля, где о подтверждении сознания вопрос, разумеется, и не ставится³⁰.

Поэтому следует установить совершенно категорически, что отстаиваемая некоторыми научными и практическими работниками практика закрепления признания обвиняемым своей вины путем выезда с обвиняемым на место, где обвиняемый подвергается

Характерно, что М. А. Чельцов прямо говорит о выводе (на место обвиняемого, который сознался («Советский уголовный процесс», стр. 301). «Демонстрация обвиняемым деталей совершенного им преступления, расположения людей и предметов представляет собой способ проверки его сознания, в ряде случаев подтверждающий его правильность» (стр. 303). Смысл, назначение этого акта здесь выражены очень ясно: подкрепить признание обвиняемым своей виновности. А в действительности подкрепить признание обвиняемым своей вины можно не иначе, как при помощи других доказательств, собранных по делу, на что прямо указывает ст. 77 УПК РСФСР.

испытаниям на осведомленность о различных обстоятельствах, не имеет никаких законных оснований и может служить лишь источником нарушений законности³¹.

Особый вид показаний обвиняемого составляет так называемый оговор. *Оговор — это показание обвиняемого, уличающее другого обвиняемого или иных лиц*³².

•³¹ Один такой случай сообщил старший следователь прокуратуры г. Москвы Б. Соловьев на страницах журнала «Социалистическая законность» в очерке «Как создавалось «дело» Курскова». 28 ноября 1962 г. Курсков был осужден за кражу, в которой сознался, и отбыл наказание. Позднее выяснилось, что Курсков не виновен, кражу совершили другие лица. Обвинение Курскова было основано на его сознании, «подтвержденном» выездом на место. Вот как описывает тов. Соловьев процедуру «выезда». «Так как «признание» Курскова нужно было чем-то подкрепить, решено было выехать с ним на место кражи, предварительно проинструктиввав его, как вести себя при этом.

Курсков позже вспоминал на допросе, что при выезде он боялся, как бы чего не напутать и не подвести работников милиции. Однако все обошлось благополучно. Курскову задавались наводящие вопросы: «Этот магазин?» «Тут пил поллитра?» «Здесь был сорван замок?» и т. д. Ему оставалось только поддакивать». При этом производились фотосъемки, в результате чего «в деле появилось еще одно «доказательство» вины Курскова: фотоснимки, на которых он показывает рукой магазин, дверь и т. д.» («Социалистическая законность», 1963, № 10, стр. 49).

Другой факт этого рода приведен в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 11 октября 1965 г. по делу Метелицы, осужденного за убийство. Отменяя приговор и решения вышестоящих судебных инстанций и направляя дело к доследованию, Пленум указал в своем постановлении в качестве одного из допущенных по делу нарушений следующее: «Из материалов дела видно, что Метелица, категорически отрицавший свою вину, 3 февраля 1960 г. на допросе дал прокурору следственного отдела областной прокуратуры Кривошееву показания, в которых признал свою вину и рассказал об обстоятельствах убийства Лукина.

В дальнейшем, однако, Метелица заявил, что эти показания не соответствуют действительности, так как он дал их в результате незаконных методов ведения предварительного следствия. В частности, как утверждал Метелица, при выезде с ним к месту происшествия и фотографировании он показал, как якобы совершил убийство Лукина, по подсказке Кривошеева и следователя Борисова. Эти объяснения Метелицы не лишены некоторых оснований и подлежат тщательной проверке. Допрошенный по этому поводу присутствовавший при фотографировании в качестве понятого Тарасов дал на судебном заседании такое показание: «Я видел только, как Метелица показывал пальцем и его фотографировали, иногда следователь говорил Метелице, как ему показывать» («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1966, № 3, стр. 17).

Аналогичное положение отмечено в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1966 г. по делу Свицкого и др. Обвиняемому Вульфису было предложено указать дом, в котором проживал другой обвиняемый Свицкий; Вульфис, оговоривший Свицкого, не смог указать этот дом, тогда работники дознания подвели его к этому дому. Подобный незаконный прием был применен под видом следственного эксперимента, с которым он в действительности не имел ничего общего («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1966, № 5, стр. 26—29).

³² Само слово «оговор» этимологически означает неправильное, ложное показание на кого-либо. Но в уголовном процессе правильность или не-

При оценке показаний обвиняемого, оговаривающего другое лицо, требуется особая осторожность, особо критический подход, так как обвиняемый в таких случаях действует часто по мотивам личной заинтересованности, желая переложить часть своей вины на другого и тем самым смягчить свою ответственность. Поэтому следствие и суд в каждом отдельном случае должны выяснить, в какой мере обвиняемый путем оговора старается облегчить свою участь и в какой мере его показания действительно соответствуют объективным обстоятельствам дела.

При оценке доказательственного значения оговора всегда следует иметь в виду два момента: 1) возможную заинтересованность обвиняемого в том, чтобы путем ложного оговора смягчить свою ответственность, и 2) нераспространение на обвиняемого уголовной ответственности за ложный оговор (обвиняемый в отличие от свидетеля и потерпевшего не несет ответственности по ст. 181 УК РСФСР).

В отношении оговора действует положение: *один оговор, не подтвержденный другими объективными доказательствами, не может служить основанием для обвинения.*

Выше было указано, что обвинение не может быть основано на одном только сознании обвиняемого, т. е. на показаниях, которыми обвиняемый уличает самого себя; тем более аналогичное положение должно действовать в отношении оговора, т. е. показаний обвиняемого, которыми он уличает другое лицо.

На необходимость особо осторожного, критического подхода к оговору неоднократно указывалось в решениях Верховного

правильность, правдивость или ложность показания заранее не известны и устанавливаются лишь в результате оценки уже полученного и проверенного показания. Поэтому термин «оговор» в уголовном процессе применяется для обозначения всякого показания обвиняемого, изобличающего другое лицо, Этим подчеркивается сомнительность такого показания, необходимость его особо тщательной проверки.

Ряд авторов, однако, предпочитает называть оговором лишь ложное показание обвиняемого, уличающее других лиц (М. М. Г р о д з и н с к и й. Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1953, стр. 203; Я. О. М о т о в и л о в к е р. Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1956, стр. 61; «Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть особенная», стр. 144). Конечно, тот или иной юридический термин иногда может иметь условный характер, поэтому нет ничего принципиально неправильного и в таком применении термина «оговор». Но ведь если оговором называть показание, ложность которого уже установлена (очевидно, вступившим в законную силу приговором, отвергнувшим данное показание как ложное), понятие оговора теряет процессуальное значение и оно не годится для обозначения доказательства, которое еще нужно проверить и оценить. Поскольку же речь идет об особом виде показаний обвиняемого, мы считаем правильным применять термин «оговор» для обозначения всяких показаний обвиняемого, уличающих других лиц.

Суда СССР, которым отменялись приговоры, основанные на оговоре одним подсудимым других подсудимых³³.

При оценке показаний обвиняемого возникает вопрос такого рода. За ложные показания обвиняемый уголовной ответственности не несет. Но если обвиняемый, отрицавший (полностью или частично) свою вину, по поводу тех или иных обстоятельств дела дает ложные показания и эта его ложь устанавливается с полной несомненностью, — не является ли это обстоятельством, уличающим обвиняемого? В следственной и судебной практике иногда встречается мнение, что ложь в показаниях обвиняемого служит доказательством его вины, так как если бы он не был виновен, у него не было бы оснований лгать, лжет же он именно потому, что виновен, и путем дачи ложных показаний пытается избежать ответственности за содеянное.

Такая точка зрения совершенно неверна и она отражает те ошибки, нарушения, которые в практике иногда встречаются.

Закон освобождает обвиняемого от уголовной ответственности как за отказ от дачи показаний, так и за ложные показания. Поэтому отказ давать показания и дачу ложных показаний нельзя рассматривать как улику против обвиняемого: иначе это означало бы санкцию — и очень серьезную — за отказ обвиняемого давать показания и за ложные показания, чего закон не допускает.

По существу же дача обвиняемым ложных показаний по тем или иным обстоятельствам дела вовсе не свидетельствует о виновности обвиняемого: просто он мог давать неверные показания, будучи ни в чем не виновен, но думая, что таким способом ему легче будет опровергнуть обвинение. Может быть и так, что обвиняемый, в действительности невиновный, отказывается признать какой-либо факт, сообщить на допросе какие-либо сведе-

См., например, определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 3 июля 1964 г. по делу Диланова («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 5, стр. 39—42). В этом определении в развернутом виде изложены принципиальные соображения о необходимости объективного исследования обстоятельств дела и особым определением указано суду на допущенные им существенные нарушения законности. Дело Диланова, обвинявшегося в получении взятки, производством прекращено ввиду недоказанности предъявленного обвинения, основанного на одном оговоре со стороны сообвиняемого, который к тому же в последнем слове отказался от оговора. См. также определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 30 декабря 1963 г. по делу Рябоконе («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 5, стр. 12—14), Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 24 августа 1966 г. по делу Смирнова и Либауэра («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1967, № 3, стр. 21—24).

ния, опасаясь, что это послужит ему во вред, будет использовано в целях его обвинения. Обвиняемый может по тому или иному вопросу показать неправду по тем мотивам, что он не хочет своими показаниями навлечь подозрение на другое, близкое ему лицо. Бывают и иные, самые различные побуждения у обвиняемого говорить неправду. В некоторых же случаях обвиняемый показывает неправильно не с намерением, а ошибаясь, заблуждаясь, под влиянием растерянности, испуга, угнетенного душевного состояния, вызванного привлечением его к уголовной ответственности за преступление, которого он не совершал. Это относится и к отказу обвиняемого давать показания — такой отказ сам по себе вовсе не свидетельствует, что обвиняемый виновен; он может быть вызван неправильным реагированием на неосновательное обвинение, чувством обиды, безнадежности и т. п. причинами.

Поэтому должно твердо проводиться положение о том, что дача обвиняемым ложных показаний, как вообще его отказ давать показания, не может считаться доказательством виновности обвиняемого в том преступлении, обвинение в котором ему предъявлено³⁴.

Мы говорили о доказательственном значении оговора. Оговор может иметь и уголовноправовое значение: если обвиняемый ложно оговаривает другое, заведомо невиновное лицо, такой оговор является обстоятельством, отягчающим ответственность (п. 11 ст. 39 УК РСФСР). Но это возможно лишь тогда, когда виновность того обвиняемого, который оговаривает другого, доказана с полной несомненностью и достоверностью другими доказательствами.

Значит, факт ложного оговора в отношении заведомо невиновного лица служит отягчающим обстоятельством для того лица, которое произвело оговор и вина которого в совершении преступления доказана, но самый факт ложного оговора обвиняемым другого лица не есть доказательство виновности обвиняемого в том преступлении, в котором он обвиняется. Таким образом, общее положение, что ложные показания, данные обвиняемым, не являются доказательством того, что обвиняемый виновен, сохраняется и здесь: ложный оговор отягчает ответственность виновного, но сам доказательством виновности этого лица служить не может.

³⁴ Этот вопрос хорошо и правильно освещен в статье И. Петрухина «Имеют ли доказательственное значение ложные показания обвиняемого?» («Советская юстиция», 1965, № 7). А. Р. Рагинов, хотя и с оговоркой и предупреждением против возможной ошибки, все же считает, что дача обвиняемым на допросе ложных показаний «может иметь значение одного из косвенных доказательств» (А. Р. Рагинов. Судебная психология для следователей, стр. 210). По изложенным выше соображениям согласиться с этим нельзя.

§ 5. Показания подозреваемого

Подозреваемый дает показания по поводу обстоятельств, послуживших основанием для его задержания или для применения к нему меры пресечения, а также по поводу иных, известных ему обстоятельств дела. Эти показания являются одним из доказательств. Подозреваемый имеет право давать показания, но этой обязанности подозреваемый, как и обвиняемый, не несет (ст. 76 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

Показания подозреваемого в своем существе сходны с показаниями обвиняемого. Перед допросом подозреваемого ему должно быть объявлено, в совершении какого преступления он подозреваем. Поэтому показания подозреваемого — это одновременно его объяснения по поводу павшего на него подозрения. Допрос подозреваемого производится по тем же правилам, по каковым производится допрос обвиняемого (ст. 123 УПК РСФСР). К показаниям подозреваемого относится все, что выше было изложено относительно оценки показаний обвиняемого. В то же время показания подозреваемого как доказательство имеют очень существенные особенности, специфические свойства.

Хотя подозреваемому сообщается, в чем он подозревается, но подозрение, естественно, не может быть так сформулировано и обосновано, как это делается в отношении обвинения, а потому и в показаниях подозреваемого обычно нет такого детализированного и конкретного изложения фактов и аргументов, как в показаниях обвиняемого.

Далее, показания подозреваемого даются только на дознании и предварительном следствии, на суде подозреваемый никогда не допрашивается и не дает показаний, суд никогда показаний подозреваемого непосредственно не воспринимает, а знакомится с ними только по протоколу допроса подозреваемого на дознании или на предварительном следствии.

Действительно, подозреваемый фигурирует в производстве по делу только в течение 72-х часов, если он задержан, и 10 суток, если к нему применена мера пресечения. По истечении этих сроков подозреваемый либо превращается в обвиняемого, ему предъявляется обвинение и он допрашивается как обвиняемый, либо задержание и мера пресечения отменяются, лицо перестает быть подозреваемым и вовсе выбывает из дела или допрашивается в качестве свидетеля.

Таким образом, подозреваемый до суда никогда не доходит, в суде не участвует и не допрашивается.

Данные же подозреваемым показания на дознании и предварительном следствии, зафиксированные в протоколе допроса, сохраняются в деле и именно они являются доказательством.

Если данные подозреваемым на дознании и предварительном следствии показания имеют значение для дела и в них содержатся сообщения о существенных для дела обстоятельствах, участие данного лица не может завершиться тем, что он даст показания на допросе как подозреваемый. За допросом этого лица в качестве подозреваемого должен последовать его допрос как обвиняемого или свидетеля.

Действительно, если подозреваемый был привлечен в качестве обвиняемого, обязателен его допрос как обвиняемого. Если же оснований для привлечения подозреваемого нет и задержание или мера пресечения в отношении его отменяется, но полученные в результате его допроса показания имеют значение для дела, обязателен его допрос как свидетеля. Это положение обуславливается тем, что подозреваемый давал показания, не неся ответственности за ложные показания, такой гарантии правдивости его показаний не было. Естественно, что когда лицо перестало быть подозреваемым, вышло из дела, а его показания сохранили значение для дела, необходимо эту гарантию реализовать, для чего нужно допросить данное лицо в качестве свидетеля, разъяснить ему его обязанности (которых не было у него, когда оно было подозреваемым), предупредить его об ответственности за "ложные показания".

Далее, поскольку на судебном разбирательстве подозреваемого нет, суд может использовать имеющиеся в деле показания подозреваемого на дознании и предварительном следствии, огласив протокол допроса подозреваемого, в то время как в деле имеются показания этого же лица в качестве обвиняемого или свидетеля. Поэтому показания подозреваемого могут быть оглашены в суде вместе с показаниями этого же лица в качестве обвиняемого или свидетеля, а такое оглашение возможно только при наличии условий, установленных законом для оглашения показаний обвиняемого и свидетеля, данных на дознании и предварительном следствии (ст. 281 и 286 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

Оглашение на суде только показаний подозреваемого возможно лишь тогда, когда его последующий допрос в качестве обвиняемого или свидетеля не мог быть произведен в силу причин, исключающих возможность вызова этого лица на допрос (например, смерти, тяжелой болезни).

Такая ограниченная возможность использования показаний подозреваемого обуславливается тем, что в силу принципов устности и непосредственности процесса лица, показания которых имеют значение для разрешения дела, должны быть непосредственно допрошены на суде и дать устные показания; подозреваемый же как таковой на суде никогда не допрашивается и суд знакомится только с его письменными показаниями по протоколу допроса.

§ 6. Заключение экспертов

Сущность заключения экспертов. В случаях, когда для разрешения тех или иных вопросов, имеющих значение для дела, требуются специальные познания в науке, технике, искусстве или в ремесле, вызываются эксперты, т. е. сведущие лица, которые исследуют соответствующие обстоятельства дела и дают свое заключение.

Эксперт — это сведущее лицо, специалист, в определенной отрасли знания, привлекаемый к участию в расследовании и в судебном разбирательстве для освещения того или иного вопроса, требующего специальных познаний.

Заключение эксперта — это вывод эксперта по тому вопросу, который ему поставлен следствием и судом, делаемый экспертом на основе своих специальных знаний в результате исследования обстоятельств дела, относящихся к этому вопросу.

Экспертиза — это само производимое экспертом исследование тех или иных обстоятельств и вопросов, требующих специальных знаний.

Заключение эксперта, т. е. выводы, мнения, утверждения эксперта по исследовавшимся им обстоятельствам дела являются доказательством в уголовном процессе.

Заключение эксперта, как и всякое доказательство, подлежит проверке по существу и оценке по внутреннему убеждению судей, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности.

Ст. 17 Основ уголовного судопроизводства (ст. 71 УПК РСФСР), устанавливающая, что никакие доказательства не имеют для органов следствия и для суда заранее установленной силы, относится и к заключению эксперта, которое подлежит проверке и оценке, как и всякое иное доказательство.

Заключение эксперта в то же время представляет собой доказательство особого рода: его особенность заключается в том, что оно дается экспертом в результате специального исследования тех или иных данных и обстоятельств дела по поручению следователя или суда. Производя экспертизу, эксперт знакомится с материалами дела, с приобщенными к делу вещественными доказательствами и документами, производит их исследование (иногда при помощи лабораторных способов) и формулирует свои выводы, дает ответы на поставленные ему вопросы.

В этом суть юридическая природа заключения эксперта: заключение эксперта — это доказательство, которое следствие и суд получают в результате произведенного сведущим лицом исследования различных объектов на основе специальных знаний в области науки, техники, искусства и ремесла.

Эксперт — не судья и не следователь, так как он не решает ж не расследует дела, а лишь исследует по поручению суда или

следователя отдельные данные дела и дает по ним свое заключение на основе своих специальных знаний. Это заключение как доказательство учитывается и оценивается судом и следствием в связи со всей совокупностью обстоятельств дела.

Ни в коем случае неприемлема для советского уголовного процесса трактовка эксперта как «научного судьи», а его заключения как «научного приговора». Согласно этой точке зрения, эксперт в результате произведенного им исследования как бы выносит приговор по тем обстоятельствам дела, которые им были подвергнуты исследованию на основе своих специальных знаний, и этот приговор обязателен для суда, решающего дело: суд не может не согласиться с заключением эксперта и обязан признать установленные экспертом факты³⁵.

Такая трактовка экспертизы не имеет научных оснований. Если бы заключение эксперта представляло собой окончательное решение экспертом определенных вопросов дела и не подлежало проверке и оценке судом, эксперт ставился бы над судом и его заключение являлось бы формальным доказательством, которое связывает внутреннее убеждение судьи, что решительно не допускается советским уголовно-процессуальным законом.

Эксперт не может быть приравнен и к свидетелю, а его заключение — к свидетельским показаниям, так как положение эксперта в уголовном процессе существенно отличается от положения свидетеля. Свидетель получает те сведения, которые он передает суду, вне производства по данному делу, он узнает их независимо от следственного или судебного производства и вызывается для дачи показаний именно потому, что он знает что-либо, имеющее значение для дела.

Эксперт же вне производства по делу не имеет никаких сведений об обстоятельствах дела, он знакомится с этими обстоятельствами впервые по следственному и судебному производству в тех пределах, в каких это необходимо ему для дачи заключения. Если же вызванное в качестве эксперта лицо знает что-либо по делу вне производства по этому делу, что-либо видел или слышало раньше о тех или иных фактах, которые интересуют следователя или суд, то оно не может быть экспертом по делу, а может быть допрошено лишь в качестве свидетеля. Поэтому свидетель является незаменимым, он создается самими обстоятельствами дела, и от следователя или суда не зависит выбор свидетеля. Эксперт же, наоборот, всегда заменим: следователь и суд всегда могут выбрать эксперта в зависимости от пригодности того или иного специалиста для выполнения функции эксперта, следователь и суд вправе заменить одного эксперта другим.

³⁵ Об этом подробно см.: Р. Д. Рахунов. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1953, стр. 226—230; М. А. Чельцов, Н. В. Чельцова. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1954, стр. 13, 14.

Обязанности эксперта и свидетеля нельзя совместить в одном лице: эксперт не может быть свидетелем, свидетель не может быть экспертом.

Экспертизу не следует рассматривать только как способ проверки других доказательств и именно в этом видеть ее сущность.

Конечно, объектом экспертизы обычно (хотя и не всегда) бывают другие доказательства (например, вещественные доказательства, документы), и поэтому самый процесс экспертизы действительно в большинстве случаев заключается в исследовании, проверке других доказательств. Однако заключение, даваемое экспертом, включается в число доказательств по делу, и оно проверяется и оценивается следователем и судом, как и всякое доказательство, подтверждающее или опровергающее то или иное обстоятельство дела.

Экспертиза, как процесс исследования тех или иных обстоятельств при помощи эксперта, часто состоит в том, что эксперт исследует какие-либо имеющиеся в деле доказательства. Но это бывает не всегда: судебно-психиатрическая экспертиза исследует психику обвиняемого для того, чтобы можно было решить вопрос о его виновности или невиновности. Ясно, что здесь объектом экспертизы не является доказательство, эта экспертиза не есть проверка доказательств. Далее, результат экспертизы выражается в *заключении* эксперта, т. е. в его выводе, мнении по вопросу, решение которого требует специальных знаний. Это заключение представляет собой самостоятельное доказательство, наряду с другими доказательствами, собранными по делу. Из трактовки экспертизы, только как способа проверки следствием и судом имеющих в деле доказательств логически вытекает такое положение; если в составе суда, рассматривающего дело, судья обладает специальными знаниями для решения данного вопроса (например, имеет медицинское или техническое образование) или следователь, производящий расследование, имеет такие же знания, то следствие и суд вправе обойтись без экспертизы. Но это совершенно неверно.

Как устанавливает ст. 78 УПК РСФСР, эксперты вызываются в случаях, когда при расследовании или при рассмотрении дела необходимы специальные познания в науке, технике, искусстве или ремесле. И хотя бы в составе суда в качестве народного заседателя участвовал врач, это не устраняет необходимости назначения судебно-медицинской экспертизы по делу об убийстве или причинении увечья. Возможно, что ведущий дело о хищении следователь прекрасно знает бухгалтерию, это не устраняет необходимости назначения суммы похищенного и проверки оформления тех или иных расходов, произведенных обвиняемым, нужны специальные бухгалтерские знания. Это вытекает из того, что заключение эксперта как доказательство подлежит проверке судом с участием

сторон; если бы в указанных выше случаях экспертиза не была назначена, стороны были бы лишены возможности участвовать в проверке данного обстоятельства.

В этих случаях функции эксперта и судьи фактически совмещались бы в одном лице, и поэтому такой своеобразный эксперт давал бы свое заключение только в совещательной комнате при постановлении приговора. Сторонам на судебном следствии не было бы известно заключение эксперта по данному вопросу, и они были бы лишены возможности участвовать в проверке его заключения. Уголовно-процессуальный кодекс вполне правильно признает, что функции судьи несовместимы с функциями эксперта; согласно ст. 59 УПК РСФСР и соответствующим статьям УПК других союзных республик судья подлежит отводу, если он участвовал в деле в качестве эксперта.

Следовательно, экспертиза должна быть назначена, если для разрешения возникающего по делу вопроса необходимы специальные знания (в науке, искусстве, технике и ремесле), независимо от того случайного обстоятельства, что такие знания имеются у следователя или у кого-либо из судей. Если у следователя и судьи имеются такие знания, это помогает им лучше проверить и оценить заключения эксперта, но не устраняет необходимости назначения эксперта.

Таким образом, заключение эксперта является доказательством наряду с другими доказательствами — показаниями свидетелей и обвиняемого, вещественным доказательством и письменными документами, а экспертиза — способом получения этого доказательства.

Значение экспертизы в уголовном процессе очень велико, она — тот канал, через который достижения естественных и технических наук внедряются в следственную и судебную практику. Экспертиза представляет собой средство научного оснащения следствия, чем содействует успешности борьбы с преступлениями, правильности расследования и разрешения уголовных дел³⁶.

В основе экспертизы лежит определенная отрасль научного знания, заключение экспертов — доказательство, основанное на данных науки. Указание ст. 78 УПК РСФСР, что экспертиза назначается в случаях, когда при расследовании и рассмотрении дела необходимы специальные знания «в науке, технике, искусстве и ремесле», не следует, по нашему мнению, толковать так, что техника, искусство и ремесло противопоставляются науке и что допускается экспертиза, не основанная на данных науки. Различ-

Достижения естественных и технических наук внедряются в следственную работу не только путем экспертизы; ряд научно-технических средств следователь применяет самолично при расследовании дела (например, при производстве осмотра и обыска). Но основной путь внедрения достижений естественных и технических наук в расследовании преступлений — это все же экспертиза.

ные вопросы техники, искусства и ремесла сами бывают объектом научного исследования, и поэтому всякая экспертиза должна быть основана на данных науки, хотя бы она и касалась вопросов техники, искусства и ремесла. Это не значит, что в качестве экспертов всегда должны выступать только научные работники, теоретики; экспертом могут быть и практические работники — инженеры, врачи и т. п., но для того, чтобы выступить в качестве эксперта, они при всех условиях должны обладать научными знаниями в данной специальности, и их заключения должны опираться на данные науки.

Специфика заключения эксперта состоит в том, что оно получается в результате исследования определенных объектов, произведенного экспертом на основе специальных научных знаний. Каков бы ни был предмет экспертизы, эксперт всегда производит исследование на основе специальных знаний. Исследования, производимые экспертом, имеют различный характер и различные степени сложности. Так, исследование может заключаться в производстве сложного химического анализа, анатомического вскрытия трупа и исследования внутренностей, длительных испытаний и т. п. Исследование может заключаться и в одновременном осмотре отдельного предмета, в ознакомлении с документами, в подсчете цифр и т. д. Но во всех случаях экспертизы экспертом производится исследование: где нет исследования — нет и экспертизы, нет и заключения эксперта как доказательства³⁷.

В нашей процессуальной литературе однажды была высказана иная точка зрения на сущность экспертизы. Согласно этой точке зрения, сущность и специфика экспертизы заключается не в исследовании на основе специальных знаний, а в сообщении экспертами следователю или суду некоего «опытного положения» из данной области знания с тем, чтобы следователь и суд, обогащенные этим «опытным положением», сами или вместе с экспертом могли подвести под него, как под большую посылку силлогизма, отдельные обстоятельства дела и сделать соответствующий вывод по данному делу (например, о причинах смерти, об авторстве документа и т. п.)³⁸.

Такое понимание сущности и специфики экспертизы следует признать неправильным.

Само понятие «опытное положение» неясно и неточно. Конечно, в любой науке устанавливаются и действуют общие положения, основанные на опыте, проверенные опытом. Но наука основыв-

0 сущности, характере экспертного исследования интересные данные и соображения содержатся в монографии А. А. Эйсмана. «Заключение эксперта (структура и научное обоснование)». Изд-во «Юридическая литература», 1967.

См.: М. А. Ч е л ь ц о в, Н. В. Ч е л ь ц о в а. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе, стр. 18, 19.

вается на таких извлеченных из опыта и подкрепленных опытом положениях, которые выражают объективные закономерности изучаемых данной наукой явлений действительности. Эксперт в своих заключениях также исходит из твердо установленных данной наукой объективных закономерностей, а вовсе не из примерных, приблизительных обобщений некоторого количества фактов и случаев, которые не могут претендовать на общеобязательность. Такая экспертиза была бы гадательной и приводила бы к ошибкам при разрешении дел.

Эксперт исходит в своих выводах из подлинных научных положений, из достижений науки, выражающих закономерности изучаемых данной наукой явлений. Только в этом случае заключение эксперта бывает достоверным и убедительным.

Далее, эксперт вовсе не представляет следствие и суду общего, в абстрактном виде выраженного, положения — он исследует предметы, факты, материалы и представляет следствие и суду свой вывод, свое заключение именно об этих предметах, фактах.

По этим соображениям концепцию «опытного положения» принять нельзя, она не имеет теоретических оснований и не подтверждается практикой.

Предмет экспертизы и ее виды. Экспертиза назначается для установления тех обстоятельств дела, исследование которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла (ст. 78 УПК РСФСР). Она направлена на разрешение таких специальных вопросов, возникающих при расследовании и разбирательстве дела, и именно по этим вопросам эксперт дает свои заключения.

Закон указывает случаи обязательного вызова эксперта (ст. 79 УПК РСФСР).

Проведение экспертизы обязательно: 1) для установления причин смерти и характера телесных повреждений; 2) для определения психического состояния обвиняемого или подозреваемого в тех случаях, когда возникает сомнение по поводу их вменяемости или способности к моменту производства по делу отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими; 3) для определения психического или физического состояния свидетеля или потерпевшего в случаях, когда возникает сомнение в их способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания; 4) для установления возраста обвиняемого, подозреваемого и потерпевшего в тех случаях, когда это имеет значение для дела, а документы, удостоверяющие время рождения, отсутствуют. Уголовно-процессуальные кодексы некоторых союзных республик к этому перечню добавляют назначение экспертизы для установления половой зрелости потерпевших по делам о некоторых половых преступлениях (ст. 76 УПК УССР; ст. 75 УПК БССР; ст. 67 УПК Узбекской ССР; ст. 68 УПК Армянской ССР).

Это означает, что указанные обстоятельства (причина смерти и тяжесть телесных повреждений и др.) могут устанавливаться только при помощи экспертизы и не могут устанавливаться иными доказательствами (например, свидетельскими показаниями).

Судебная и следственная практика значительно расширила круг случаев обязательного назначения экспертизы. Сюда вошли дела о выпуске недоброкачественной и некомплектной продукции, дела о катастрофах и авариях на железнодорожном, водном, воздушном и автомобильном транспорте, дела о хищениях социалистической собственности, совершенных должностными лицами, если одним из оснований обвинения является акт ревизии, оспариваемый обвиняемыми, и некоторые другие. Возможно и дальнейшее расширение перечня случаев, когда экспертиза должна быть обязательно назначена³⁹.

При всех условиях действует общее правило: если для выяснения тех или иных обстоятельств дела необходимы *специальные* знания, экспертиза обязательно должна быть назначена.

В законе непосредственно указано только два вида экспертизы — судебно-медицинская и судебно-психиатрическая (ст. 79 УПК РСФСР). Но экспертиза может быть назначена по любому вопросу, для выяснения которого требуются специальные познания.

Экспертиза, предметом которой является идентификация следов преступления или преступника и исследование вещественных доказательств, носит название *криминалистической экспертизы*. Все, что относится к специфическим чертам криминалистической, судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертизы, излагается в соответствующих курсах (учебниках).

Очень распространенный вид экспертизы — бухгалтерская экспертиза, применяемая главным образом по делам о хищениях социалистической собственности и о должностных преступлениях для установления на основе анализа бухгалтерских документов размера недостач материальных ценностей и иных убытков. Также большое значение имеют экспертизы: экономическая по вопросам хозяйственной деятельности предприятий и учреждений, товароведческая для установления качества продукции, техническая для выявления причин крушений, несчастных случаев, аварий и т. д.

Отсутствие экспертизы в случаях, когда для исследования тех или иных обстоятельств дела необходимы специальные познания, неизбежно идет во вред полноте следствия по делу, приводит к тому, что важные для дела обстоятельства остаются

Об этом правильные соображения см. у Р. Д. Рахуиова в его книге «Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе» (Госгориздат, 1953, стр. 201 и ел.).

неустановленными или устанавливаются неверно, к неправильному разрешению дела⁴⁰.

Предмет любой экспертизы ограничен теми специальными вопросами, которые относятся к сфере компетенции экспертов. Поэтому экспертиза никогда не может выйти за рамки этих специальных вопросов и не может принимать на себя исследование вопросов, относящихся к компетенции непосредственно следствия и суда.

Не допускается экспертиза по вопросам виновности, уголовной ответственности и т. п., так как эти вопросы входят в компетенцию только следователя, прокурора и суда, но не экспертизы.

Несомненным выходом эксперта за пределы своей компетенции нужно считать представление им заключения по вопросам умышленности или неосторожности тех или иных действий, наличия или отсутствия корыстных или других мотивов в действиях обвиняемого и т. д., так как все эти вопросы не относятся к области специальных познаний экспертов и решаются следователем и судом лишь по совокупности всех обстоятельств дела.

• Судебно-медицинская экспертиза по делам об умышленном убийстве не вправе давать заключение по вопросу о том, было ли убийство совершено с особой жестокостью или нет, так как этот вопрос имеет юридический, а не медицинский характер⁴¹.

- Вправе ли эксперт — судебный психиатр — дать заключение о том, может ли обвиняемый нести ответственность за свои действия? На этот вопрос ответ тоже должен быть отрицательный: эксперт-психиатр дает заключение о психическом здоровье обвиняемого, определяет, какой болезнью он болен и как сказывается эта болезнь на поведении обвиняемого, но вопрос об ответственности как вопрос юридический решает суд⁴².

⁴⁰ См. указание на отсутствие экспертизы, послужившее основанием к отмене приговора в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 20 ноября 1959 г. по делу Акматова («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1960, № 1, стр. 29, 30), в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 12 февраля 1963 г. по делу Фомина («Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1963, № 6, стр. 11, 12).

⁴¹ В Постановлении Президиума Верховного суда РСФСР от 5 июля 1961 г. по делу Быргазова сказано: «Судебно-медицинский эксперт в соответствии с п. 1 ст. 79 УПК РСФСР устанавливает причины смерти и характер телесных повреждений. Установление же особой жестокости убийства закон в компетенцию судебно-медицинской экспертизы не относит. В Правилах определения степени тяжести телесных повреждений, предусмотренных Уголовным кодексом РСФСР 1960 г., утвержденных Министерством здравоохранения РСФСР 4 апреля 1961 г., прямо указывается, что, поскольку понятие «жестокость» не является медицинским, то «особая жестокость» при убийстве не может устанавливаться судебно-медицинской экспертизой» («Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1961, № 6, стр. 13).

⁴² В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 14 сентября 1964 г. по делу Магомедова сказано: «Заключение экспертизы о том, что Магомедов не может нести ответственности за право-

Но выход эксперта за пределы своей компетенции иногда имеет место и в более трудно распознаваемой форме. Считается, что эксперт, давая заключения по специальным вопросам представляемой им науки, в основу своих заключений кладет не только результаты исследования им соответствующего объекта на основе специальных знаний, но и материалы предварительного и судебного следствия. Например, иногда эксперт-медик, давая заключение о причинах смерти, основывается не только на результатах анатомического исследования трупа и химического анализа содержимого желудка, но и на показаниях свидетелей об обстоятельствах, при которых произошла смерть потерпевшего. Если эксперт так поступает, он делает несомненную ошибку, так как занимается оценкой показаний свидетелей, что никак не относится к компетенции эксперта-врача (как и всякого иного эксперта). При этом вполне возможно, что суд при разрешении дела совсем иначе оценит показания свидетелей, чем это сделал эксперт, и отвергнет как ложные или ошибочные именно те показания, из которых эксперт черпал те или иные сведения. Таким образом, эксперт обязан держаться в пределах своих специальных знаний в отношении как круга исследуемых вопросов, так и круга материалов, по которым ведется исследование.

В судебно-медицинской и криминалистической литературе иногда встречается другая точка зрения, заключающаяся в том, что за экспертом признается право высказывать свои мнения по правовым вопросам и основываться в своих выводах на всей совокупности обстоятельств дела, а не только на исследовании специального объекта⁴³.

Такая точка зрения не соответствует природе и задачам экспертизы в советском уголовном процессе и находится в противоречии с действующим уголовно-процессуальным правом. При проведении в жизнь она привела бы к тому, что эксперт стал бы над судом и над следствием и именно в руки эксперта фактически перешло бы расследование и разрешение уголовного дела.

Поэтому эксперт дает следователю и суду свое заключение только по специальным вопросам представляемой экспертом отрасли науки и на основе исследования относящегося к этой науке объекта, а все вопросы юридического порядка к предмету экспертизы не относятся и относиться не могут. Эксперт не может давать заключение по вопросам умышленного или неосторожного

нарушение, является незаконным, так как оно выходит за пределы компетенции экспертов. Решение этого вопроса принадлежит суду, который руководствуется не только заключением экспертов, но и другими материалами дела» («Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1964, № 5, стр. 12). Критика ошибочных взглядов на компетенцию экспертов см.: Р. Д. Рахунов. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе, стр. 16—21. Относительно судебно-медицинской экспертизы этот вопрос правильно разрешается профессором М. И. Авдеевым в «Курсе судебной медицины» (Госюриздат, 1959, стр. 84 и сл.).

характера деяния, Но вопросам виновности и степени ответственности обвиняемого, по вопросам уголовноправовой квалификации деяния и т. д. Тем более недопустима и совершенно исключается возможность «юридической экспертизы», т. е. экспертизы, предметом которой являлись бы вопросы действующего советского права, — такая экспертиза была бы совершенно незаконной, так как законы обязан знать сам суд⁴⁴.

Лица, участвующие в уголовном процессе в качестве экспертов. В качестве экспертов по уголовным делам допускается участие лиц, обладающих специальными знаниями в области науки, техники, искусства и ремесла. Это могут быть как ученые соответствующих специальностей, так и практические работники, не имеющие ученых степеней и званий, но обладающие необходимыми научными познаниями. Далее, это могут быть лица, занимающиеся экспертизой как профессией и состоящие на службе в экспертных учреждениях, а также научные и практические работники, приглашенные в качестве экспертов только для участия в данном деле.

Первое и основное условие, которому должно отвечать лицо, участвующее в деле в качестве эксперта, — это его надлежащая квалификация, обладание им необходимыми знаниями. Независимо от того, является ли эксперт научным или практическим работником, экспертиза им производится на основе данных науки, и его заключение является убедительным лишь в меру его научной обоснованности.

В следственной и судебной практике в прошлое время иногда участвовали в качестве экспертов лица, не имеющие научных познаний, но имеющие определенные профессиональные навыки. Например, для исследования характера поломки замка приглашался в качестве эксперта слесарь, для установления давности выстрела из оружия — оружейный мастер, для сличения почерков — преподаватель рисования или чистописания и т. п. Это объяснялось тем, что на местах еще не была налажена в должной мере организация научной экспертизы, и поэтому иногда органам следствия и суда приходилось прибегать к подобного рода экспертам, что по существу представляло собой лишь суррогаты экспертизы.

Сейчас такие явления встречаются редко в связи с развитием научной экспертизы и такими ее организационными формами, которые обеспечивают следствию и суду возможность привлекать в качестве экспертов вполне компетентных лиц.

Второе условие, которому должен отвечать эксперт, — это его полная объективность, незаинтересованность в деле, отсутствие

каких бы то ни было обстоятельств, могущих отрицательно повлиять на правильность его заключения.

Хотя, как уже указывалось, эксперт — это не судья, но от него требуется такая же, как и от судьи, незаинтересованность и объективность в деле. Поэтому эксперт не может производить экспертизу и подлежит отводу при наличии тех же оснований, которые влекут устранение судьи от участия в деле, с той лишь оговоркой, что предыдущее участие лица в деле в качестве эксперта не служит основанием для его отвода в случае нового рассмотрения дела по отмене приговора и при возвращении дела к рассмотрению (ст. 59 и 67 УПК РСФСР).

Разумеется, решение вопроса о вызове в качестве экспертов при повторном рассмотрении дела лиц, производивших экспертизу при первом разбирательстве дела, зависит от суда. Если приговор суда был отменен потому, что он был основан на заключении неправильно произведенной экспертизы, на новое судебное разбирательство должны быть вызваны новые эксперты.

Недопустимо участие в деле лица, находившегося или находящегося в служебной или иной зависимости от обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика, или если оно производило по данному делу ревизию, материалы которой послужили основанием к возбуждению уголовного дела. При всех условиях лицо не вправе производить экспертизу и подлежит отводу, если обнаружится его некомпетентность, отсутствие у него необходимых знаний в данной области науки, техники, искусства или ремесла (ст. 67 УПК РСФСР).

Экспертом не может быть лицо, сведения которого об обстоятельствах данного дела почерпнуты не из материалов этого дела, а из иных источников. Экспертом не может быть врач, лечивший потерпевшего (по делу об убийстве или нанесении телесных повреждений); этот врач может быть допрошен в качестве свидетеля. Составленная врачом история болезни и ее диагноз могут быть теми материалами, по которым эксперт дает свое заключение.

Экспертом должно быть лишь лицо, постороннее делу, не принимавшее никакого участия в подготовке материалов, на основе которых было возбуждено уголовное дело.

Процессуальное положение эксперта. Обязанность эксперта заключается в даче следователю и суду: заключения на основе своих научных знаний по тем вопросам, которые следователь и суд считают имеющими значение для дела и подлежащими разъяснению путем экспертизы. За неявку по вызову следователя или суда, за отказ от производства экспертизы и за дачу заведомо ложного заключения эксперты отвечают в том же порядке, что и свидетели. Для выполнения своих обязанностей эксперт может знакомиться с соответствующими материалами уголовного дела. Если представленные эксперту материалы недостаточны для того, чтобы дать по ним заключение,

⁴⁴ Возможна юридическая экспертиза по вопросам иностранного права в случаях, когда суду при решении дела необходимо выяснить те или иные положения права иностранного государства.

он имеет право заявить ходатайство о предоставлении ему дополнительных материалов.

С разрешения производящего дознание следователя, прокурора или суда эксперт вправе присутствовать при производстве допросов и других следственных и судебных действий и задавать допрашиваемым вопросы, относящиеся к предмету экспертизы (ст. 82 УПК РСФСР).

Лицо, вызванное в качестве эксперта, сохраняет средний заработок по месту своей работы за время, затраченное им в связи с производством экспертизы. Кроме того, эксперт имеет право на возмещение расходов, понесенных им по явке к следователю или в суд. Эксперт имеет право на вознаграждение за работу по производству экспертизы, кроме тех случаев, когда он выполняет обязанности эксперта в порядке служебного задания (ст. 106 УПК РСФСР).

По сравнению со свидетелем эксперт в производстве по делу занимает более активное положение: он знакомится с соответствующими материалами дела и вещественными доказательствами, подвергает их исследованию, в случае надобности заслушивает и проверяет на предварительном следствии объяснения обвиняемого по предмету экспертизы, а на суде присутствует на судебном следствии и задает вопросы подсудимому и свидетелям. Но эти действия эксперт производит лишь в той мере и в тех пределах, в каких это необходимо для дачи заключения по поставленным эксперту вопросам на основе специальных его познаний.

Эксперт сам никаких материалов для экспертизы не собирает, а исследует лишь те материалы, которые ему переданы для экспертизы следователем, прокурором и судом. Если же эксперт находит эти материалы недостаточными для дачи заключения, он указывает на это следователю, прокурору и суду с тем, чтобы они получили и передали эксперту дополнительные материалы. Совершенно недопустимо поэтому возложение на эксперта обязанности самому изыскивать и собирать нужные для экспертизы материалы.

Ни в коем случае нельзя рассматривать деятельность эксперта таким образом, что он вместе со следователем расследует дело, вместе с судом разбирает его: его роль в процессе выражается только в том, что он на основе своих специальных знаний по поручению следователя и суда производит соответствующие исследования и дает по поставленным ему вопросам свое заключение. Всякая иная позиция эксперта была бы выходом его за пределы его компетенции.

Эксперт производит исследование и дает заключение только по тем вопросам, которые ему поставлены следователем, прокурором, судом. Если эксперт в процессе производства экспертизы выяснит, что заключение им могло бы быть, дано и по другим вопросам, которые перед ним не поставлены, но которые могут

интересовать следствие и суд, он сообщает об этом следователю, прокурору, суду и по получении от них поручения производит исследование и дает заключение по новым, дополнительным вопросам.

Свои полномочия эксперт получает от назначившего его следователя, прокурора и суда и за свою деятельность в уголовном процессе несет персональную ответственность. Это значит, что, если по делу назначено несколько экспертов, они не образуют какой-либо коллегии и за заключение несут ответственность каждый персонально. Если они пришли к общему выводу и совместно подписали заключение, — это значит, что их общее заключение есть в то же время заключение каждого из них в отдельности; если же к общему выводу они не пришли, — каждый из них представляет свое заключение отдельно. Это значит, что нет коллективных экспертиз: экспертиза остается индивидуальной, хотя бы в ней участвовало несколько экспертов.

По некоторым делам для производства экспертизы приглашаются несколько экспертов различных специальностей. В ст. 63 УПК Киргизской ССР сказано: «Для разрешения вопросов, относящихся к компетенции различных отраслей науки и техники, в необходимых случаях назначается комплексная экспертиза, поручаемая комиссии из соответствующих экспертов». Например, по делу о должностных преступлениях, в случае множественности и сложности фактов преступных действий, одновременно участвуют в качестве экспертов такие специалисты, как бухгалтер, инженер, товаровед, агроном. В практике в подобных случаях каждый из экспертов исследует свой круг вопросов, но заключение часто дают все эксперты сообща, подписывая общее заключение по всем вопросам. Такой порядок следует признать неправильным: каждый эксперт дает и подписывает заключение только по тем вопросам, которые входят в его компетенцию и были им исследованы, так что эксперт несет ответственность за свое заключение полностью. Поэтому в подобных случаях имеет место не одна экспертиза, а несколько экспертиз, и каждый эксперт должен давать свое заключение отдельно, только по вопросам, относящимся к его специальности⁴⁵.

⁴⁵ И. Л. Петрухин подверг подробному рассмотрению вопрос о «комплексной экспертизе», когда сложный объект подвергается совместному исследованию несколькими экспертами различных, но близких специальностей (И. Л. П е т р у х и н. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. Изд-во «Юридическая литература», 1964, стр. 143 и сл.). Автор правильно настаивает на том, чтобы каждый эксперт строго держался в рамках своей специальности. Однако мы не можем согласиться с утверждением И. Л. Петрухина, что возможны случаи, когда «различные (как правило, смежные) специальности настолько переплетаются в процессе комплексного исследования, что выделить, обособить, отдельно изложить выводы каждого эксперта затруднительно, а иногда и просто невозможно» («Экспертиза как средство доказывания в советском уголов-

Экспертом по уголовному делу может быть только отдельное физическое лицо, но не учреждение, не организация, не юридическое лицо.

Существует много различных учреждений, в которых производятся экспертизы, — психиатрическая, судебно-медицинская, криминалистическая, бухгалтерская и т. п. Такие учреждения имеют громадное значение для организации экспертиз на научной основе, и, следовательно, для улучшения качества следственной и судебной работы. Производство многих экспертиз требует сложной аппаратуры, сложных процессов работы, что достижимо лишь в научных учреждениях, располагающих научными кадрами и снабженных материальной, научно-производственной базой. Такие учреждения, институты, лаборатории ведут научно-исследовательскую работу в представляемой ими отрасли научного знания, готовят кадры специалистов и т. д. Но при производстве экспертизы по уголовному делу в качестве эксперта выступает лишь, определенное лицо, а не учреждение, роль же учреждения сводится в данном случае к тому, что оно выделяет пригодное для производства экспертизы лицо, обеспечивает последнему необходимые условия, контролирует его деятельность, но ответственность за заключение несет сам эксперт персонально, и в уголовном процессе как эксперт он выступает от своего имени, а не от имени учреждения, в котором он состоит на работе (ст. 80, 187 УПК РСФСР).

Во многих случаях эксперт назначается следователем и судом через соответствующее экспертное учреждение (например, через бюро государственной бухгалтерской экспертизы, через Институт судебной психиатрии), но от следователя и суда зависит приглашение в качестве эксперта-специалиста, в экспертном учреждении не состоящего, если по обстоятельствам дела таким образом можно

ном процессе», стр. 147). В отношении комплексной экспертизы, произведенной врачами разных специальностей — патологоанатомом, терапевтом, хирургом, рентгенологом и т. д., автор говорит, что «такая медицинская экспертиза представляет собой консилиум врачей» (стр. 148). Такая аналогия не представляется убедительной — консилиум лечащих врачей и консилиум экспертов — вещи разные. Но когда речь идет о комплексной экспертизе, производимой лицами вообще различных специальностей (бухгалтером, инженером, товароведом и т. д.), аналогия с консилиумом вообще отпадает. И. Л. Петрухин тщательно рассматривает гарантии, обеспечивающие, чтобы каждый эксперт при комплексном исследовании не выходил за рамки своей специальности, но эти рамки при таком исследовании, проводимом экспертами совместно и завершаемом общим заключением, оказываются все же несколько неопределенными. В основном правильно решается данный вопрос в «Теории доказательств в советском уголовном процессе. Часть особенная»; «Комплексная экспертиза — это сложная совокупность экспертных исследований. Каждое из них в процессуальном отношении самостоятельно, поскольку оно проводится экспертом в пределах его научных знаний, которыми не располагают другие эксперты, участвующие в комплексной экспертизе» (стр. 210),

обеспечить производство более квалифицированной и объективной экспертизы.

Оценка заключения экспертов. Заключение эксперта, как и всякое иное доказательство, не имеет заранее установленной силы, оно подлежит проверке и оценке по внутреннему убеждению следователя и судей, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности.

В законе содержится такое положение: «Заключение эксперта не является обязательным для лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда, однако несогласие их с заключением должно быть мотивировано» (ч. 3, ст. 80 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

К заключению эксперта, как и ко всяким иным доказательствам, требуется критическое отношение со стороны следователя и суда, тщательная их проверка и оценка. Судебная практика знает случаи, когда суды основывают приговоры на недостоверных, предположительных, необоснованных, противоречивых заключениях экспертов, что приводит к вынесению неправильных приговоров. На это неоднократно указывали Верховный Суд СССР и Верховные суды союзных республик в своих определениях и постановлениях⁴⁶.

Требование закона, чтобы в случае несогласия с заключением эксперта следователь и суд мотивировали свое несогласие, исходит из особого характера экспертизы как научного (в указанном выше смысле) доказательства.

Вопрос о том, какие мотивы могут обусловить несогласие суда с заключением экспертов, представляет известную сложность, так как сами судьи обычно не располагают специальными научными знаниями, которыми руководствовались эксперты. Но следует иметь в виду, что суд не должен слепо следовать за экспертизой, принимать ее на веру, а обязан проверить ее при участии сторон — ознакомиться с письменным заключением экспертов, заслушать их устные объяснения, задавать им вопросы, сопоставить заключение экспертизы с другими доказательствами. При таком подходе к заключению экспертов несогласие суда с экспертизой может быть основано на ряде обстоятельств.

Приведем основные из них.

Неполнота или недоброкачественность материалов, бывших в распоряжении экспертов. Если суд убедится, что в распоряжении экспертов не было всех материалов, необходимых для заключения, или материалы были недоброкачественны, это обстоятельство есть основание для несогласия суда с заключением экспертов.

⁴⁶ См., например, определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 25 марта 1965 г. по делу Огнева («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 6, стр. 40—42), постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 февраля 1967 г. по делу Нехорошева («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1967, № 3, стр. 13—15).

Отсутствие в заключении экспертов убедительных доводов, подтверждающих их вывод. Суд знакомится не только с окончательным выводом экспертов, но и проверяет самый процесс работы экспертов, ход их мыслей. Если в результате этого вскроется необоснованность утверждения эксперта, неточность аргументации, необубедительность соображений эксперта, это служит основанием несогласия суда с заключением эксперта.

Например, вывод эксперта не вытекает из тех данных, которые в качестве исходных установлены в самом же заключении эксперта, или эксперт основывает свое заключение на предположениях.

Недостаточный уровень развития данной отрасли научного знания. Возможно, что данная отрасль научного знания не выработала еще таких приемов, которые могли бы безошибочно разрешить возникший по рассматриваемому уголовному делу вопрос, а поэтому заключение экспертов в данном случае не является достоверным.

По делу по обвинению гражданина Б. в убийстве своей жены Валентины К. эксперты дали заключение о тождестве обнаруженных частей трупа с убитой К. в результате восстановления лица трупа по черепу. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР отменила приговор, основанный на заключении экспертизы, указав, что искусство восстановления лица по черепу «может быть расценено только как художественная работа, а не как «техническая экспертиза», по выражению суда. Оно не является бесспорным доказательством. . .»⁴⁷

Недостаточная научная квалификация самих экспертов. Если выяснится, что в данном случае сами эксперты не обладают тем уровнем научных знаний, который необходим для решения поставленных перед ними вопросов, то их заключение не имеет доказательственной силы. Как правило, вопрос о научной квалификации эксперта выясняется и решается при назначении экспертизы, но не исключено, что недостаточность квалификации эксперта обнаружится лишь позднее, когда суд проверяет и оценивает заключение эксперта.

Пример приведен М. М. Гродзинским в книге «Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе» (Госюриздат, 1949, стр. 194). Во втором издании книги Гродзинского (1953 г.) этого примера нет. Против утверждения о недопустимости подобной экспертизы спорит А. В. Дулов, считающий, что «экспертиза по восстановлению лица по черепу в настоящее время уже признана следственной и судебной практикой и приносит большую помощь при расследовании таких опасных преступлений, как убийство» (А. В. Дулов. Вопросы теории судебной экспертизы. Минск, 1959, стр. 57).

В подтверждение своей точки зрения автор ссылается только на сообщение ленинградского эксперта В. П. Петрова на научной конференции, проведенной в Киеве (см. там же); к сожалению А. В. Дулов не приводит ни решений судов по этому вопросу, ни суждений авторитетных ученых-медиков. Думается, что такая экспертиза недопустима.

Производство экспертизы с нарушением уголовно-процессуальных норм. Если при рассмотрении дела в суде обнаружится, что эксперт, дававший заключение на предварительном следствии, подлежал отводу или он пользовался источниками и данными, которые в материалах дела не были отражены, естественно, что в этих случаях суд отвергнет заключение эксперта.

Таковы основные мотивы, по которым суд может не согласиться с заключением экспертов; но бывают и другие, которые в общем виде заранее предусмотреть нельзя. Во всех случаях, когда суд не соглашается с заключением экспертизы, это несогласие должно быть точно обосновано и опираться на тщательную проверку заключения экспертизы по совокупности всех обстоятельств дела, а не на простое недоверие суда к экспертизе, вытекающее из незнакомства суда с данной отраслью науки, с возможностями экспертизы и условиями ее работы.

Признав заключение эксперта необубедительным, суд вправе в приговоре в отношении исследовавшихся экспертом обстоятельств дела не согласиться с выводом эксперта, если исследование судом всех обстоятельств дела и проверка и оценка заключения эксперта дали возможность суду с полной ясностью и несомненностью установить обстоятельства дела. В этих случаях суд выносит приговор, не назначая новой экспертизы. Если же при несогласии суда с заключением эксперта обстоятельства дела, для проверки которых была произведена экспертиза, оказываются невыясненными, суд назначает новую экспертизу, а если ввиду сложности объектов или процесса исследования экспертизу нельзя произвести в том же судебном разбирательстве, возвращает дело в прокуратуру для доследования.

В судебной практике возникает вопрос о том, может ли служить основанием несогласия суда с экспертизой то обстоятельство, что заключение экспертов противоречит другим доказательствам, имеющимся в деле (например, свидетельским показаниям). Следует признать, что противоречие экспертизы другим доказательствам должно служить основанием к более тщательной проверке как заключения экспертов, так и других доказательств. Если заключение экспертов противоречит обстоятельствам дела, это означает либо то, что неверно заключение экспертов, либо то, что обстоятельства дела установлены следствием и судом неправильно. Поэтому одним только фактом противоречия заключения экспертов обстоятельствам дела нельзя обосновать несогласие суда с заключением экспертов; суд должен выяснить, почему же это противоречие создалось, в чем его причина, в чем неправильность заключения экспертов, и, только установив все это, может не согласиться с заключением экспертов, подробно мотивируя свое несогласие.

Закон говорит о том, что заключение эксперта не обязательно как для суда, так и для лица, производящего дознание, следова-

теля и прокурора. Эти лица, в случае несогласия с заключением эксперта должны мотивировать свое несогласие (ст. 80 УПК РСФСР). Таким образом, не согласиться с заключением эксперта может, и следователь. Если следователь с заключением экспертизы не согласен, считает это заключение неправильным, он либо назначает новую экспертизу, либо приводит в своем постановлении о прекращении дела или в обвинительном заключении мотивы несогласия с экспертизой. Следователь вправе отвергнуть заключение экспертов без назначения новой экспертизы в случае, когда он убедился, что экспертиза вообще не может разъяснить данное обстоятельство ввиду недостаточности материала для экспертизы, или при видоизменении вещественного доказательства, или по другим подобным причинам, делающим невозможной повторную экспертизу. При таком положении следователь в обвинительном заключении не основывает своих выводов на заключении экспертизы. Но этим же основанием следователь может отвергнуть заключение экспертов и при прекращении дела. И в том и в другом случае следователь должен привести мотивы, в силу которых он не согласен с заключением экспертов и не считает возможным назначить новую экспертизу.

> Формально следователь вправе отвергнуть заключение экспертизы и по другим мотивам, когда он не согласен с экспертизой, приведя их в обвинительном заключении. Однако при этом необходимо иметь в виду различие функций и полномочий следователя и суда. Хотя следователь так же, как и суд, оценивает доказательства (в данном случае заключение экспертов) по своему внутреннему убеждению, но по делам, направляемым в суд, эта оценка—лишь предварительная; окончательной же является оценка судей. Следователь должен так расследовать дела, собрать и проверить такие доказательства, чтобы суд мог правильно решить дело. Если следователь признал необходимым произвести экспертизу, а затем не согласился с заключением эксперта, разумеется, следователь, как правило, должен назначить новую экспертизу. Трудно себе представить положение, когда следователь, направляя дело в суд, ограничивается приведением в обвинительном заключении соображений относительно того, что экспертиза неправильна, эксперт допустил ошибку, пришел к необоснованным выводам и т. д. Совершенно естественно, что следователь должен назначить новую экспертизу, которая устранила бы ошибки первой, а не ставить на разрешение суда свои разногласия с им же самим назначенным экспертом. Что касается суда, то обычно и суд в случае несогласия с заключением эксперта назначает новую экспертизу, но все же бывают такие случаи, когда детально проведенное судебное следствие с участием сторон настолько уяснило обстоятельства дела и показало ошибку экспертизы, что суд имеет возможность вынести приговор и без назначения новой экспертизы.

Исходя из этих соображений, следует прийти к выводу,⁴⁸ что при несогласии следователя с заключением эксперта, если следователь считает необходимым направить дело на предание суду, он должен назначить новую экспертизу, а не ограничиться приведением мотивов несогласия с экспертизой, кроме случаев,⁴⁹ когда повторная экспертиза невозможна⁴⁸.

О вероятных заключениях экспертов. От эксперта требуются категорические ответы на поставленные ему вопросы, для разрешения которых необходимы специальные знания. Но в судебной и следственной практике встречаются случаи, когда эксперт на поставленный ему вопрос не дает категорического ответа, а указывает лишь на вероятность того или иного факта, обстоятельства. Обычно такое положение создается тогда, когда наука, представляемая экспертом, не достигла уровня развития, позволяющего с достоверностью решить возникший вопрос. При производстве по уголовному делу специальный вопрос. Профессор судебной медицины Н. В. Попов по этому поводу писал, что «есть много областей в судебной медицине, еще не разъясненных при современном состоянии науки; например, вопрос о давности кровяных пятен, о точном определении неблизкого расстояния выстрела и многие другие. Некоторые вопросы разрешаются только приблизительно, с известной степенью вероятности»⁴⁹. * * *

Нередко приблизительное, вероятное заключение дается экспертами тогда, когда представленный им материал недостаточен для точного и достоверного ответа на поставленный вопрос (например, при сличении почерков).

Следует признать, что такое приблизительное, вероятное заключение эксперта решительно противоречит самой сущности и задачам экспертизы: предположение, вероятный вывод могут сделать следователь и суд сами, без экспертизы, которая потому и назначается, что без ее помощи нельзя прийти к достоверному выводу⁵⁰. Когда же экспертиза к предположению следователя и суда добавляет свое предположение, это не разъясняет дело, а лишь усугубляет его неясность.

Если уровень данной науки и исследуемые экспертом объекты позволяют эксперту дать категорическое заключение, эксперт это и должен сделать. Если же уровень развития науки или недо-

⁴⁸ Против этого положения возражает И. Л. Петрухин, усматривающий в нем противоречие принципу свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению суда и следователя (И. Л. П е т р у х и н . Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе, стр. 251—253). Думается, что преуменьшения значения внутреннего убеждения здесь нет, но необходимо учитывать различие значения внутреннего (убеждения судей и следователя, исходя из различия их функций и полномочий.

⁴⁹ Н. В. Попов. Судебная медицина. Медгиз, 1950, стр. 36.

⁵⁰ Речь идет о вероятных выводах, о предположениях следователя и суда в процессе расследования и рассмотрения, о подлежащих проверке версиях. В основе же разрешения дела вероятные выводы лежать не могут.

статочность материала для исследования, находящегося в распоряжении эксперта, не позволяет эксперту сделать категорический вывод и дать категорическое заключение по поставленным ему вопросам, он так и должен сказать, т. е. дать заключение о невозможности ответить на поставленный ему вопрос, приведя к этому соответствующие мотивы, например утверждать, что письмо написано обвиняемым, что ранение нанесено именно данным оружием и т. д., эксперт не может ввиду таких-то обстоятельств (недостаточности текста для сравнения почерков, степени разложения части трупа, на которой имеется рана, и т. п.). Никаких соображений относительно того, что «вероятно» все же, что письмо написано обвиняемым, «вероятно», что ранение нанесено таким-то оружием и т. п., эксперт не должен высказывать в своем заключении, а если он это сделает, подобные соображения не имеют никакого доказательственного значения.

Решительно должны быть исключены случаи, когда эксперт дает уклончивое, неопределенное заключение — потому ли, что эксперт не желает брать на себя ответственность за категорический вывод по сложному и спорному вопросу, или потому, что дать категорическое заключение действительно нельзя, но эксперт не решается это прямо признать, а ищет какое-то среднее, половинчатое решение.

Так, если при производстве экспертизы почерка эксперт укажет, что почерк обвиняемого очень похож на почерк, которым написан подложный документ, что «по всей вероятности» этот документ написан обвиняемым, однако этого он не может утверждать категорически, так как подложный текст очень невелик и к тому же написан измененным почерком и т. д., то такое заключение способно принести только вред: ничего не утверждая категорически и не беря на себя никакой ответственности, эксперт в то же время явно наводит подозрение на обвиняемого и склоняет следствие и суд к выводу о том, что подложный документ написан именно обвиняемым.

Ввиду этого следует признать, что заключение эксперта не может быть предположительным, вероятным и, если оно является таковым, следствие и суд не могут его принять за основание своих выводов о виновности обвиняемого и должны его отвергнуть⁵¹.

⁵¹ Об этом правильно сказано у Р. Д. Рахунова в книге «Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе», стр. 205—209. Также С. В. Бородин и А. Я. Палиашвили правильно утверждают, что вероятное заключение экспертов никакого доказательственного значения не имеет (С. В. Бородин, А. Я. Палиашвили. Вопросы теории и практики судебной экспертизы (по материалам Верховного Суда СССР и Верховного суда РСФСР). Госюриздат, 1963, стр. 126—130). Следует присоединиться к выводу авторов, что «в интересах укрепления социалистической законности следует вообще отказаться от вероятных заключений экспертов» (стр. 129, 130).

§ 7. Вещественные доказательства

Вещественным доказательством называется любая вещь, которая в соответствии с установленными процессуальными законами условиями может служить доказательством по делу, т. е. быть источником сведений о доказательственном или главном факте и тем самым устанавливать существенные для дела обстоятельства.

Таким образом, вещественные доказательства — это предметы, либо служащие уликами, т. е. доказательствами, устанавливающими факт преступления, и лицо, его совершившее, либо наоборот, опровергающие факт преступления, оправдывающие обвиняемого.

Вещественные доказательства иногда называют «немыми свидетелями»: как и обычные, «говорящие» свидетели, они свидетельствуют об определенных, имеющих для дела значение фактах.

Согласно ст. 83 УПК РСФСР, предметы, которые могут быть вещественными доказательствами, делятся на четыре вида:

— предметы, служившие орудием совершения преступления (например, при убийстве — огнестрельное или холодное оружие, которым был убит потерпевший);

— предметы, сохранившие на себе следы преступления (например, при убийстве — обнаруженная у обвиняемого одежда с пятнами крови);

— предметы, бывшие объектом преступных действий (например, при хищении — обнаруженные у обвиняемого похищенные ценности);

— иные предметы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления и открытию виновных (например, различные принадлежащие обвиняемому предметы, обнаруженные на месте совершения преступления) или к опровержению обвинения или смягчению вины обвиняемого.

Наоборот, нельзя согласиться с точкой зрения А. И. Винберга, высказывающегося за допустимость и полезность в ряде случаев вероятных заключений экспертов (см.: А. И. Винберг. Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1956, стр. 130 и сл.).

Очень сложное и противоречивое решение вопроса дано в «Теории доказательств в советском уголовном процессе. Часть особенная»: вероятный вывод экспертов доказательственного значения не имеет, но в остальной своей части заключение экспертов может служить доказательством, поскольку в нем могут содержаться данные о тех или иных установленных в ходе экспертного исследования фактах (стр. 202 и 203). Такая точка зрения не может быть признана правильной, так как нельзя из заключения экспертов вырывать отдельные факты, утверждения и придавать им значение доказательств, тогда как выводы экспертов, их ответы на поставленные им вопросы оказались лишенными доказательственного значения.

При разрешении вопроса о том, может ли данный предмет служить по делу вещественным доказательством, необходимо определить, принадлежит ли он к какой-либо из этих четырех групп.

Первые три вида вещественных доказательств характеризуются совершенно определенными признаками, поэтому отнесение того или иного предмета к одной из этих трех групп обычно не представляет трудности. Сложнее обстоит дело с четвертым видом вещественных доказательств, который является более широким и менее определенным, чем первые три: к этому виду могут относиться совершенно разнородные предметы. Например, дневник обвиняемого, где он сделал запись о своих намерениях совершить преступления, и след ноги, обнаруженный на месте совершения преступления, одинаково войдут в четвертый вид вещественных доказательств.

Ст. 83 УПК РСФСР в этой группе особо указывает деньги и иные ценности, нажитые преступным путем. Такие деньги и ценности, если они обнаружены у обвиняемого, могут служить одним из доказательств его виновности. Но это — косвенное, а не прямое доказательство, причем и таким оно делается только тогда, когда при помощи других доказательств доказано, что эти деньги и ценности действительно нажиты преступным путем, а не приобретены как-либо иначе, например путем накопления или получения в подарок и т. д.

Классификация предметов, могущих служить вещественными доказательствами, в ст. 83 УПК РСФСР дана применительно к тем вещественным доказательствам, которые являются уликами против обвиняемого, уличают его в совершении преступления и только относительно четвертой группы указано на другие предметы, которые могут служить средством как выявления виновности, так и опровержения обвинения либо смягчения вины обвиняемого.

Но, как уже отмечалось, вещественные доказательства — это в равной степени и те предметы, которые оправдывают обвиняемого, свидетельствуют в его пользу. Так, например, обнаруженный на месте преступления след ноги, не схожий со следом обвиняемого, или наличие на одежде обвиняемого следов крови, по группе отличной от крови потерпевшего или вообще не принадлежащей человеку, является вещественным доказательством оправдательного порядка.

Существенное свойство вещественного доказательства — его *незаменимость*: вещественное доказательство создается самим фактом и самой обстановкой совершенного преступления; если вещественное доказательство утрачено, нельзя создать другое, заменяющее его вещественное доказательство.

Это утверждение о незаменимости вещественного доказательства иногда встречает возражение такого рода: вещественным доказательством бывает слепок (гипсовый) со следа ноги, обна-

руженного на месте преступления, а с этого слепка можно снять другой слепок⁶².

Это возражение неосновательное. Вещественным доказательством по делу является именно тот слепок со следа, который был снят при осмотре места преступления при участии понятых и отмечен в протоколе осмотра. Только этот слепок, процессуально оформленный и закрепленный с соблюдением процессуальных гарантий, будет вещественным доказательством. Конечно, с этого слепка можно сделать и другие слепки, но они не будут являться вещественными доказательствами и не будут иметь доказательственной силы.

Имеют ли значение вещественных доказательств те фотоснимки, которые следователь нередко делает при осмотре места преступления (фотоснимок трупа убитого, фотоснимок помещения, из которого было произведено хищение, и т. п.)? Мы думаем, что на этот вопрос следует ответить отрицательно; фотоснимки имеют ту же природу, что и прилагаемые к протоколу осмотра планы и схемы места осмотра, т. е. не будучи сами по себе доказательствами, они служат лишь для пояснения и наглядного усвоения протокола осмотра, который является доказательством⁶³. Фотоснимок может быть вещественным доказательством в других случаях: например, когда обнаруженная у обвиняемого при обыске фотокарточка служит доказательством для установления каких-либо обстоятельств дела (например, обвиняемый снят в том помещении, в котором, по его утверждению, он никогда не бывал, или вместе с тем лицом, знакомством с которым он отрицает).

Каждый предмет, который может быть использован в качестве вещественного доказательства, должен получить надлежащее, установленное законом процессуальное оформление.

Согласно ст. 84 УПК РСФСР вещественные доказательства должны быть подробно описаны в протоколах осмотра, по возможности сфотографированы и приобщены к делу особым постановлением лица, производящего дознание, следователя, прокурора

⁶² Признак незаменимости как характерное свойство вещественного доказательства оспаривается в «Теории доказательств в советском уголовном процессе. Часть особенная» на том основании, что существуют производные вещественные доказательства в виде слепков, оттисков следов и др. (стр. 246, 247, 295). При этом авторы делают замечание, что «признак незаменимости в равной степени свойствен доказательству любого вида как индивидуально определенной совокупности фактической информации» (стр. 249), но смысл этого малопонятного утверждения остался неразъясненным.

⁶³ Нельзя признать основательным отнесение фотоснимков, как и кинофильмов и звукозаписи, производимых на предварительном следствии, к документам, как особому виду доказательств («Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть особенная», стр. 288—290). Это неверно, потому что документы как особый вид доказательств изготавливаются не следователем, следователь их разыскивает, принимает, приобщает к делу, проверяет, оценивает, но не создает сам.

или определением суда. Вещественные доказательства должны храниться при уголовном деле.

В соответствии с этим каждое вещественное доказательство должно быть процессуально оформлено следующим образом:

— в протоколе должны быть отмечены обнаруженные или представленные предметы, могущие быть вещественными доказательствами, с указанием, где, когда, у кого, при каких условиях данный предмет обнаружен или кем представлен. Это фиксируется как в отдельном протоколе, так и в протоколе, составленном по поводу различных следственных и судебных действий (например, в протоколе обыска или осмотра места преступления);

— обнаруженный и способный служить вещественным доказательством предмет должен быть детально осмотрен, и все его отличительные, важные для дела признаки заносятся в отдельный протокол осмотра, составляемый следователем, или в протокол судебного заседания;

— предмет, могущий служить вещественным доказательством, приобщается к делу постановлением следователя или определением суда. Именно этот акт придает данному предмету процессуальное значение вещественного доказательства.

Вещественные доказательства на всем протяжении уголовного процесса хранятся при деле; в камере следователя или суда или в особом хранилище. При передаче дела от одного следователя другому, из прокуратуры в суд, из одного суда в другой и т. д. вещественные доказательства обязательно препровождаются вместе с делом.

Если те или иные предметы, являющиеся по своему характеру вещественными доказательствами, в силу их громоздкости или других причин не могут храниться при уголовном деле, они должны быть сфотографированы, по возможности опечатаны и храниться в месте, указанном лицом, производящим дознание, следователем, прокурором, судом, о чем в деле должна иметься соответствующая справка (ст. 84 УПК РСФСР).

Когда по делу суд выносит приговор или определение о прекращении дела, а также когда дело прекращается постановлением следователя или прокурора, в приговоре, определении или постановлении указывается, как следует поступить с приобщенными к делу вещественными доказательствами.

Судьба вещественных доказательств определяется согласно ст. 86 УПК РСФСР, таким образом:

1) орудия преступления, принадлежащие обвиняемому, подлежат конфискации⁴;

⁴ К орудиям преступления, подлежащим конфискации, в частности, относятся автомашины, мотоциклы и иные транспортные средства, принадлежащие лицам, привлеченным к уголовной ответственности за хищение, совершенное с использованием указанных транспортных средств

2) вещи, запрещенные к обращению, подлежат передаче в соответствующие учреждения или уничтожаются;

3) вещи, не представляющие никакой ценности и не могущие быть использованными, подлежат уничтожению; в случае ходатайства заинтересованных лиц и учреждений о выдаче им этих вещей, ходатайство может быть удовлетворено определением суда или постановлением следователя;

4) деньги и иные ценности, нажитые преступным путем, по приговору суда подлежат обращению в доход государства⁵⁵;

5) остальные вещи выдаются их законным владельцам, а при неустановлении последних переходят в собственность государства. В случае спора о принадлежности этих вещей спор этот подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства;

6) документы, являющиеся вещественными доказательствами, остаются при деле в течение всего срока хранения последнего, либо передаются заинтересованным гражданам.

Сроки хранения вещественных доказательств согласно ст. 85 УПК РСФСР следующие:

— вещественные доказательства хранятся до вступления приговора в законную силу или до истечения срока на обжалование постановления или определения о прекращении дела. В тех случаях, когда спор о праве на данную вещь подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства, вещественное доказательство хранится до вступления решения суда в законную силу;

— в отдельных случаях вещественные доказательства могут быть возвращены их владельцам и до истечения указанных сроков, если это возможно без ущерба для производства по делу;

— вещественные доказательства подвергающиеся быстрой порче, если они не могут быть возвращены владельцу, сдаются

(Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 августа 1961 г. «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1961, № 31, ст. 427).

Также подлежат конфискации средства автотранспорта, принадлежащие осужденному на праве личной собственности, если они были использованы в качестве орудия умышленного преступления против личности. Но не подлежат конфискации средства автотранспорта при совершении нарушения правил безопасности движения лицом, не являющимся работником автотранспорта, — преступления, предусмотренного ст. 212 УК РСФСР (Постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 30 марта 1963 г. — «Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1963, № 5, стр. 5).

В частности, подлежат обращению в доход государства деньги и иные ценности, являющиеся предметом взятки и признанные вещественным доказательством. Это положение распространяется и на те случаи, когда взяткодатель освобожден от уголовной ответственности по мотивам вымогательства у него взятки или добровольного заявления о случившемся (Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве» — «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1962, № 5, стр. 12),

в соответствующие учреждения для использования по назначению. Если владелец сохраняет на них права, они возмещаются владельцу предметами того же рода и качества или ему уплачивается их стоимость.

§ 8. Протоколы следственных и судебных действий и документы

Отдельный вид доказательств составляют протоколы следственных и судебных действий, удостоверяющие обстоятельства и факты, установленные при осмотре, освидетельствовании, выемке, обыске, задержании, предъявлении для опознания и производстве следственного эксперимента (ст. 87 УПК РСФСР).

Эти протоколы служат доказательствами при условии их составления в порядке, установленном уголовно-процессуальным кодексом для производства соответствующих следственных и судебных действий.

Закон выделяет в эту группу доказательств именно те протоколы, в которых фиксируются определенные факты, фактические обстоятельства, например, то, что было обнаружено при осмотре места преступления, при обыске у обвиняемого. Сюда не относятся, разумеется, протоколы следственных действий, которые фиксируют выполнение следователем определенных требований закона, без установления обстоятельств, относящихся к существу дела, например, протокол ознакомления обвиняемого с материалом законченного следственного производства в порядке ст. 201 и 203 УПК РСФСР.

Что касается протоколов допросов, то в этих случаях доказательственную силу имеют *показания* допрошенных лиц (свидетелей, обвиняемых и т. д.), зафиксированные в протоколе допроса.

Документы являются доказательством, если обстоятельства и факты, удостоверенные или изложенные в них учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами, имеют значение для уголовного дела (ст. 88 УПК РСФСР).

К таким документам относятся всякие справки, сообщения и удостоверения различных учреждений и организаций, характеристики обвиняемого, данные администрацией учреждения или общественной организацией, расписки, ведомости, отчеты, выписки из лицевого счета и т. д.

Письменные документы могут быть и вещественными доказательствами, и тогда к ним относится все, что было сказано о вещественных доказательствах. Но письменные документы могут представлять собой самостоятельный вид доказательств, не будучи вещественными доказательствами.

Вещественным доказательством документ служит тогда, когда он имеет доказательственное значение как вещь, как предмет,

и потому он является незаменимым для данного дела. Так, например, подложный документ или собственноручно написанное обвиняемым письмо, уличающее его, обвиняемого, в совершении преступления, есть вещественное доказательство. В этих случаях документ должен быть описан, подвергнут осмотру, приобщен к делу постановлением следователя и храниться при деле в особых условиях, обеспечивающих его неизменяемость⁵⁶.

Если же документ представляет собой лишь удостоверение того или иного факта, исходящее от какого-либо учреждения или лица (например, акт ревизии, заключительный баланс, справка и т. д.), и поэтому может быть заменен другим, аналогичным документом или его дубликатом, то он рассматривается как самостоятельный вид доказательств и включается в материалы дела вместе с протоколами допросов и другими следственными актами.

На этом мы заканчиваем рассмотрение вопросов общей части уголовного процесса. Вопросы особенной части будут рассмотрены в томе II нашего Курса.

И⁶ К чему приводит отрицание незаменимости, как неотъемлемого свойства вещественного доказательства, показывает тот факт, что авторы книги «Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть особенная» относят к числу «просто» документов дневники и письма обвиняемого, в которых обвиняемый подтверждает совершение им преступления (стр. 299). А ведь это самые настоящие вещественные доказательства, конечно, незаменимые.

Список рекомендуемой литературы

И гла в а м I и II

- И. Ленин. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти». Полное собрание сочинений, т. 36.
- И. Ленин. Очередные задачи Советской власти. Полное собрание сочинений, т. 36.
- И. Ленин. Наказ по вопросам хозяйственной работы, принятый IX Всероссийским съездом Советов 29 декабря 1921 г. Полное собрание сочинений, т. 44.
- И. Ленин. О «двойном» подчинении и законности. Полное собрание сочинений, т. 45.
- И. Ленин. Государство и революция. Полное собрание сочинений, т. 39.
- И. Ленин. О государстве. Полное собрание сочинений, т. 39.
- Н. С. Алексеев, В. З. Лукашевич. Дальнейшее укрепление социалистической законности и охрана прав личности. «Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР». Госюриздат, 1959.
- Б. А. Галкин. Советский уголовно-процессуальный закон. Госюриздат, 1962.
- Демократические основы советского социалистического правосудия. Изд-во «Наука», 1965, гл. 1, 2, 3.
- Т. Н. Добровольская. Понятие советского социалистического правосудия («Ученые записки Всесоюзного института юридических наук», 1963, вып. 16).
- А. Ф. Клейнман. В. И. Ленин о законности, суде и прокуратуре. Изд-во МГУ, 1961.
- А. Ф. Кони. Нравственные начала в уголовном процессе (А. Ф. Кони. Собрание сочинений, т. 4. Изд-во «Юридическая литература», 1967).
- В. Я. Лившиц. Правоотношения и процессуальная деятельность в советском уголовном процессе («Советское государство и право», 1949, № 11).
- Об уголовно-процессуальном законодательстве союзных республик. Госюриздат, 1962.
- И. Д. Перлов. Правовые воззрения А. Ф. Кони (А. Ф. Кони. Собрание сочинений, т. 4. Изд-во «Юридическая литература», 1967).
- ¹ В данном перечне в части специальной литературы указываются только основные работы, преимущественно монографического характера; из журнальных статей указываются лишь те, которые касаются вопросов, недостаточно освещенных в монографических работах.
- Н. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса. Изд-во МГУ, 1956, гл. II—IV, VI—VIII.
- Он же. Очерк развития советской науки уголовного процесса. Изд-во АН СССР, 1960.
- Правовые гарантии законности в СССР. Изд-во АН СССР, 1962, гл. I, IV.
- М. Ю. Рагинский. Воспитательная роль советского суда (по уголовным делам). Госюриздат, 1959.
- А. Р. Ратинов. Судебная психология для следователей. Изд. Высшей школы МООП СССР, 1967, гл. I.
- Советский уголовный процесс. Учебник под ред. Д. С. Карева. Изд-во «Высшая школа», 1968, гл. 1 и 2.
- М. С. Строгович. Основные вопросы советской социалистической законности. Изд-во «Наука», 1966, гл. I, II и V.
- Уголовный процесс зарубежных социалистических государств Европы. Под ред. В. Е. Чугунова. Изд-во «Юридическая литература», 1967.
- М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. Госюриздат, 1962, гл. I и III.
- В. М. Чхиквадзе. Вопросы социалистического права и законности в трудах В. И. Ленина. Госюриздат, 1960, гл. 5.
- Он же. Государство, демократия, законность. Изд-во «Юридическая литература», 1967, гл. IX.
- В. Шапко, В. И. Ленин — создатель социалистической законности. Политиздат, 1965.
- С. А. Шейфер. О роли правоотношений в советском уголовном процессе. («Вопросы уголовного права и процесса». Сб. статей под ред. проф. И. Т. Голякова. Изд-во Всесоюзного ин-та юридических наук, 1958, стр. 123-153).
- П. С. Элькин. Сущность советского уголовно-процессуального права. Изд-во ЛГУ, 1963.
- Он же. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. Изд-во «Юридическая литература», 1967.

В гла в е III

- К. Марке. Дебаты по поводу закона о краже леса. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1.
-
- Л. Е. Ароцкер. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. Изд-во «Юридическая литература», 1964.
- Петко Бояджиев. Правоотношения в наказательном праве. Издательство на иауките на Българската Академия Науките. София, 1967.
- Б. А. Галкин. Советский уголовно-процессуальный закон. Госюриздат, 1962, гл. IV.
- Демократические основы советского социалистического правосудия. Изд-во «Наука», 1965, гл. II.
- Н. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса. Изд-во МГУ, 1956, гл. IX.
- Советский уголовный процесс. Учебник под ред. Д. С. Карева. Изд-во «Высшая школа», 1968, гл. 1 и 2.
- М. С. Строгович. Уголовно-процессуальное право в системе советского права. «Советское государство и право», 1957, № 4.
- Теоретические вопросы систематизации советского законодательства. Под ред. С. Н. Братуса и И. С. Самошенко. Госюриздат, 1962, гл. 18, § 1.
- П. С. Элькин. Сущность советского уголовно-процессуального права. Изд-во ЛГУ, 1963, гл. III.

К главе IV

- В. А. Иванов. Пути развития советской судебной системы. «Ученые записки ЛГУ», 1949, Серия юридических наук, вып. 2.
- История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917—1954 гг. (Сб. документов). Госюриздат, 1955.
- История Советского государства и права, кн. 1. Становление советского государства и права (1917—1920 гг.). Изд-во «Наука», 1968, стр. 187—217; 358—362; 425—451; 470—476; 601—604.
- М. В. Кожевников. История советского суда. 1917—1956 гг. Госюриздат, 1957.
- Д. И. Курский. Статьи и речи. Госюриздат, 1958.
- П. И. Мишунин. К истории Декрета о суде №1. «Советское государство и право», 1952, № 1.
- М. С. Сапаргалеев. История народных судов Казахстана (1917—1965). Алма-Ата, изд-во «Казахстан», 1966.
- М. С. Строгович. Основные вопросы советской социалистической законности. Изд-во «Наука», 1966, гл. III.

К главе V

- И. М. Гальперин, Ф. А. Полозков. Участие общественности в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1961.
- Демократические основы советского социалистического правосудия. Изд-во «Наука», 1965, гл. 1.
- В. Я. Лившиц. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе. Изд-во АН СССР, 1949.
- И. Д. Перлов. Подготовительная часть судебного разбирательства в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1956, гл. I.
- Н. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса. Изд-во МГУ, 1956, гл. V.
- Р. Д. Рахунов. Выездная сессия суда. Изд-во «Юридическая литература», 1968.
- А. Л. Ривлин. Понятие и система принципов советского правосудия («Ученые записки Харьковского юридического института», 1962, вып. XVI).
- Советский уголовный процесс. Учебник под ред. Д. С. Карева. Изд-во «Высшая школа», 1968, гл. 3.
- А. Л. Цыпкин. Система принципов советского уголовного процесса («Научные труды Саратовского юридического института», 1957, вып. I).
- М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. Госюриздат, 1962, гл. II.
- Н. Ф. Чистяков. Обеспечение обвиняемому права на защиту в советском уголовном процессе («Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР». Госюриздат, 1959).
- М. Л. Якуб. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. Изд-во МГУ, 1960.
- Н. А. Акинча. Подозреваемый и обвиняемый на предварительном следствии. Саратов, 1964.
- Вопросы защиты по уголовным делам. Изд-во ЛГУ, 1967.
- И. С. Галкин, В. Г. Кочетков. Процессуальное положение подозреваемого. Изд-во «Юридическая литература», 1968.
- Демократические основы советского социалистического правосудия. Изд-во «Наука», 1965, гл. V.

- В. А. Дубриный. Потерпевший на предварительном следствии. Саратов, Приволжское книжное издательство, 1966.
- Защитительные речи советских адвокатов. Издание Президиума Московской коллегии адвокатов, сб. 1, 1956; сб. 2, 1957.
- Я. С. Киселев. Судебные речи. Лениздат, 1967.
- Л. Д. Кокорев. Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе. Изд-во Воронежского университета, 1964.
- А. Ф. Кони. Из записок судебного деятеля (А. Ф. Кони. Собрание сочинений, т. 1. Изд-во «Юридическая литература», 1966).
- Он же. Обвинительные речи (А. Ф. Кони. Собрание сочинений, т. 3. Изд-во «Юридическая литература», 1967).
- Он же. Приемы и задачи прокуратуры (А. Ф. Кони. Собрание сочинений, т. 4. Изд-во «Юридическая литература», 1967).
- Н. В. Крыленко. Судебные речи. Избранное. Изд-во «Юридическая литература», 1964.
- А. М. Левин, П. А. Огнев, В. Л. Россельс. Защитник в советском суде. Госюриздат, 1960.
- В. З. Лукашевич. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе. Изд-во ЛГУ, 1959.
- А. Г. Мазалов. Гражданский иск в уголовном процессе. Изд-во «Юридическая литература», 1967.
- Е. А. Матвиенко. Судебная речь. Изд-во «Вышэйшая школа». Минск, 1967.
- Я. О. Мотовиловкер. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства, ч. П. Кемерово, 1964, гл. 1—3.
- Стефан Павлов. Проблемы на основных функциях в социалистическом наказателем процес. София, «Наука и искусство», 1966.
- И. Д. Перлов. Судебное следствие в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1955, гл. III.
- Ы. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса. Изд-во МГУ, 1956, гл. VIII.
- Правовые гарантии законности в СССР. Изд-во АН СССР, 1962, гл. IV и V.
- Прокурорский надзор в СССР. Изд-во «Юридическая литература», 1966, гл. IV и V.
- Прокурорский надзор за законностью рассмотрения в судах уголовных дел. Госюриздат, 1963, гл. I.
- Р. Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности. Госюриздат, 1961.
- Речи советских адвокатов. Изд-во «Юридическая литература», 1968.
- В. Л. Россельс. Судебные защитительные речи. Изд-во «Юридическая литература», 1966.
- В. М. Савицкий, И. И. Потеружа. Потерпевший в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1963.
- Г. П. Саркисянц. Процессуальное положение защитника. Ташкент, 1967.
- Советский уголовный процесс. Учебник под ред. Д. С. Карева. Изд-во «Высшая школа», 1968, гл. 4.
- В. А. Стремовский. Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе. Изд-во Ростовского университета, 1966.
- М. С. Строгович. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. Изд-во АН СССР, 1951.
- Судебные речи известных русских юристов. Госюриздат, 1958.
- Судебные речи прокуроров, вып. 1. Госюриздат, 1958.
- Судебные речи советских адвокатов. Издание Ленинградской городской коллегии адвокатов. Госюриздат, 1960.
- Судебные речи советских обвинителей. Изд-во «Юридическая литература»,

- Ф. Н. Фаткуллин. Обвинение и судебный приговор. Изд-во Казанского университета., 1965, гл. 1.
- М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. Госюриздат, 1962, гл. IV и V.
- М. Л. Шифман. Прокурор в уголовном процессе. Юриздат, 1948.
- Он же. Речь прокурора по уголовному делу. Госюриздат, 1960.

К главе VIII

- Советский уголовный процесс. Учебник под ред. Д. С. Карева. Изд-во «Высшая школа», 1968, гл. X.
- М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. Госюриздат, 1962, гл. VIII.

К главе IX

- Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. Изд-во «Юридическая литература», 1965, гл. 5.
- Советский уголовный процесс. Учебник под ред. Д. С. Карева. Изд-во «Высшая школа», 1968, гл. 6.
- М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. Госюриздат, 1962, гл. IX.

К главам X и XI

- Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20.
- Ф. Энгельс. Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20.
- В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Полное собрание сочинений, т. 18.
- В. И. Ленин. Философские тетради. Полное собрание сочинений, т. 29.
- В. Д. Арсеньев. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. Изд-во «Юридическая литература», 1964.
- Р. С. Белкин. Собрание, исследование и оценка доказательств. Изд-во «Наука», 1966.
- Он же. Сущность экспериментального метода исследования в советском уголовном процессе и криминалистике. Изд-во Высшей школы МВД РСФСР, 1961.
- Он же. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. Изд-во «Юридическая литература», 1964.
- Вопросы кибернетики и право. Изд-во «Наука», 1967 (статьи А. Р. Шляхова, А. И. Трусова, В. Е. Чугунова и Г. Ф. Горского, А. А. Эйсмана и А. Р. Рафинова).
- В. Я. Вульф. Об обязанности доказывания в советском уголовном процессе («Ученые записки Всесоюзного института юридических наук», 1962, вып. 14).
- С. А. Голунский. Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик («Вопросы судопроизводства и судостройства в новом законодательстве Союза ССР». Госюриздат, 1959).
- М. М. Гродзинский. Улики в советском уголовном процессе. («Ученые записки Всесоюзного института юридических наук», 1945, вып. 8.).

- В. Я. Дорохов, В. С. Ппколаев. Обоснованность приговора. Госюриздат, 1959, гл. 1—3.
- Ц. М. Каз. Доказательства в советском уголовном процессе. Изд-во Саратовского университета, 1960, гл. I.
- В. И. Каминская. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. Изд-во АН СССР, 1948.
- А. М. Ларин. Работа следователя с доказательствами. Изд-во «Юридическая литература», 1966.
- П. А. Лупинская, В. М. Галкин. Доказательства в советском уголовном процессе. Изд-во ВЮЗИ, 1960, раздел 1.
- И. И. Малхазов. Важная гарантия социалистического правосудия. Ростов-на-Дону, 1961.
- Г. М. Миньковский. Пределы доказывания в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1956.
- Объективная истина в уголовном процессе. Материалы симпозиума философов и юристов на философском факультете МГУ в 1962 г. «Вестник Московского университета», серия VIII. Экономика и философия, 1963, № 4, стр. 38—76.
- П. Ф. Пашкевич. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. Госюриздат, 1961.
- Р. Д. Рахунов. Об извращениях А. Я. Вышинским советской теории доказательств («Ученые записки Всесоюзного Института юридических наук», 1962, вып. 14).
- Советский уголовный процесс. Учебник под ред. Д. С. Карева. Изд-во «Высшая школа», 1968, гл. 5.
- А. А. Старченко. Гипотеза. Изд-во МГУ, 1962.
- Он же. Логика в судебном исследовании. Госюриздат, 1958.
- Он же. Роль аналогии в познании. На материалах исторического и правового исследования. Изд-во «Высшая школа», 1961.
- М. С. Строгович. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. Изд-во АН СССР, 1955, гл. I—IX.
- Он же. Учение о материальной истине в уголовном процессе. Изд-во АН СССР, 1947.
- Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. Изд-во «Юридическая литература», 1966.
- А. И. Трусов. Основы теории судебных доказательств. Госюриздат, 1960.
- М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. Госюриздат, 1962, гл. VI.
- М. П. Шаламов. Теория улик. Госюриздат, 1960.
- М. Л. Шифман. Основные вопросы теории советского доказательственного права. Изд-во МГУ, 1956.

К главе XII и XIII

- М. И. Бажанов. Свидетели, их права и обязанности по советскому уголовно-процессуальному законодательству. Госюриздат, 1955.
- С. В. Бородин, А. Я. Палиашвили. Вопросы теории и практики судебной экспертизы (по материалам Верховного Суда СССР и Верховного суда РСФСР). Госюриздат, 1963.
- А. И. Винберг. Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1956.
- А. И. Винберг, Г. М. Миньковский, Р. Д. Рахунов. Косвенные доказательства в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1956.
- М. М. Выдря. Вещественные доказательства в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1955.
- Т. Н. Добровольская. Показания обвиняемого против других лиц в советском уголовном процессе («Ученые записки Всесоюзного института юридических наук», 1957, вып. 1 (5)).

- А. В. Дулов. Вопросы теории Судебной экспертизы в Советском уголовном процессе. Изд-во Белорусского университета, 1959.
- Ц. М. Каз. Доказательства в советском уголовном процессе. Изд-во Саратовского университета, 1960, гл. 2.
- В. И. Каминская. Показания обвиняемого в советском уголовном процессе. Изд-во АН СССР, 1960.
- Имрэ Кертеc. Тактика и психологические основы допроса. Изд-во «Юридическая литература», 1965.
- И. Ф. Крылов. Судебная экспертиза в уголовном процессе. Изд-во ЛГУ, 1963.
- Р. М. Ланцман. Кибернетика п криминалистическая экспертиза почерка. Изд-во «Наука», 1968.
- П. А. Лупинская, В. М. Галкин. Доказательства в советском уголовном процессе. Изд-во ВЮЗИ, 1960, раздел 2.
- Я. О. Мотовиловкер. Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1956.
- И. Л. Петрухин. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. Изд-во «Юридическая литература», 1964.
- А. Р. Ратинов. Судебная психология для следователей. Изд. Высшей школы МООП СССР, 1967, гл. VI—VIII.
- Р. Д. Рахунув. Показания обвиняемого как доказательство в советском уголовном процессе («Ученые записки Всесоюзного института юридических наук», 1955, вып. 3).
- Он же. Свидетельские показания в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1955.
- Он же. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1953.
- З. М. Соколовский. Вопросы использования экспертом материалов дела. Изд-во Харьковского университета, 1964.
- М. С. Строгович. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. Изд-во АН СССР, 1955, гл. X—XII. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть особенная. Изд-во «Юридическая литература», 1967.
- М. А. Чельцов, Н. В. Чельцова. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1954.
- А. А. Эйсмани. Заключение эксперта (структура и научное обоснование). Изд-во «Юридическая литература», 1967.

Оглавление

От автора	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
Предмет и основные положения советского уголовного процесса	
Глава I	
<i>Советское социалистическое правосудие</i>	9
§ 1. Сущность советского социалистического правосудия	9
§ 2. Советская социалистическая законность и советское социалистическое правосудие.	16
Глава II	
<i>Советский уголовный прогресс, его сущность</i>	29
§ 1. Понятие о советском уголовном процессе	29
§ 2. Цель советского уголовного процесса	39
§ 3. Уголовно-процессуальный закон	44
§ 4. Процессуальная форма и ее значение	51
§ 5. Процессуальные гарантии	56
§ 6. Единство советского уголовного процесса	61
§ 7. Система советского уголовного процесса	66
§ 8. Источники советского уголовного процесса	69
§ 9. Наука советского уголовного процесса, ее предмет и задачи	74
Глава III	
<i>Советский уголовный процесс в системе советского социалистического права</i>	84
§ 1. Уголовный процесс и уголовное право	84
§ 2. Уголовный процесс и гражданский процесс	94

§ 3. Уголовный процесс и судостроительство	97
§ 4. Уголовный процесс и судебное право	98
§ 5. Уголовный процесс и криминалистика	101

Глава IV

<i>Возникновение и развитие советского уголовного процесса.</i>	103
§ 1. Возникновение советского уголовного процесса	103
§ 2. Уголовный процесс в народных судах и в революционных трибуналах	108
§ 3. Кодификация советского уголовно-процессуального права	113
§ 4. Последующие изменения уголовного процесса (до Конституции СССР 1936 года).	115
§ 5. Конституция СССР и вопросы уголовного процесса	118
§ 6. Уголовный процесс в период Великой Отечественной войны Советского Союза против немецко-фашистских захватчиков	119
§ 7. Уголовный процесс в послевоенный период	120
§ 8. Новая кодификация уголовно-процессуального права	122

Глава V

<i>Основные принципы советского уголовного процесса.</i>	124
§ 1. Понятие основных принципов советского уголовного процесса	124
§ 2. Независимость судей и их подчинение только закону.	126
§ 3. Установление объективной (материальной) истины	131
§ 4. Публичность процесса	136
§ 5. Гласность процесса	141
§ 6. Обеспечение обвиняемому права на защиту и презумпция невиновности.	145
§ 7. Состязательность	149
§ 8. Непосредственность судебного разбирательства	157
§ 9. Устность процесса	164
§ 10. Национальный язык судопроизводства	167
§ 11. Участие общественности в судопроизводстве	168
§ 12. Вопрос о системе основных принципов советского уголовного процесса.	171
§ 13. Нравственные начала уголовного судопроизводства	177

Глава VI

<i>Уголовно-процессуальная деятельность и уголовно-процессуальные функции.</i>	181
§ 1. Уголовно-процессуальная деятельность	181
§ 2. Обстоятельства, устраняющие производство по уголовному делу.	182
§ 3. Уголовно-процессуальные функции	188

§ 4. Обвинение	
§ 5. Возбуждение, ведение и окончание уголовного преследования	
§ 6. Защита как процессуальная функция	
§ 7. Разрешение дела	
§ 8. Процессуальные акты и процессуальные сроки	

Глава VII

<i>Субъекты уголовно-процессуальной деятельности</i>	
§ 1. Понятие о субъектах уголовно-процессуальной деятельности	
§ 2. Суд, его положение в системе уголовно-процессуальной деятельности	
§ 3. Прокурор	
§ 4. Следователь	
§ 5. Обвиняемый	
§ 6. Подозреваемый	
§ 7. Защитник	
§ 8. Потерпевший	
§ 9. Гражданский истец и гражданский ответчик	
§ 10. Общественный обвинитель и общественный защитник	

Глава VIII

<i>Подсудность.</i>	
§ 1. Понятие подсудности	
§ 2. Виды подсудности	
§ 3. Подсудность уголовных дел общим судам	
§ 4. Подсудность уголовных дел военным трибуналам	
§ 5. Правила определения территориальной подсудности	

Глава IX

<i>Меры пресечения</i>	
§ 1. Понятие мер пресечения и основания их применения	
§ 2. Подписка о невыезде, поручительство и залог	
§ 3. Заключение под стражу.	

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Теория доказательств в уголовном процессе

Глава X

<i>Основные положения теории доказательств.</i>	
§ 1. Понятие доказательств	
§ 2. Процесс доказывания	
§ 3. Следственные и судебные версии	
§ 4. Этапы процесса доказывания	
§ 5. Объективная, материальная истина	
§ 6. Внутреннее судебное убеждение при установлении истины	

§ 7. Презумпция невиновности	249
§ 8. Обязанность доказывания	253
§ 9. Толкование сомнения в пользу обвиняемого	258
Глава XI	
<i>Предмет доказывания.</i>	261
§ 1. Понятие предмета доказывания	261
§ 2. Доказывание отрицательных фактов	370
Глава XII	
<i>Классификация доказательств.</i>	372
§ 1. Обвинительные и оправдательные доказательства	372
§ 2. Первоначальные и производные доказательства	374
§ 3. Прямые и косвенные доказательства	376
Глава XIII	
<i>Отдельные виды доказательств.</i>	392
§ 1. Система доказательств как источников сведений о подлежащих установлению фактах	392
§ 2. Свидетельские показания	394
§ 3. Показания потерпевшего	412
§ 4. Показания обвиняемого	414
§ 5. Показания подозреваемого	431
§ 6. Заключение экспертов	433
§ 7. Вещественные доказательства	453
§ 8. Протоколы следственных и судебных действий и документы	458
Литература	460

Михаил Соломонович Строгович

КУРС СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Т о м I

•

Редактор издательства // *Г. Прудкова*

Художник *А. А. Куценко*

Технический редактор *Т. И. Аиурова*

•

Сдано в набор 14/VIII 1968 г. Подписано к печати 21/XI 1968 г. Формат 60X90¹/₁₆. Бумага № 1. Печ. л. 29,5. Усл. печ. л. 29,5. Уч.-изд. л. 30,4. Тираж 13 200 экз. Т-16248. Тип. зак. 1283.

Цена 2 р. 11 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21

1-я типография Издательства «Наука».

Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12